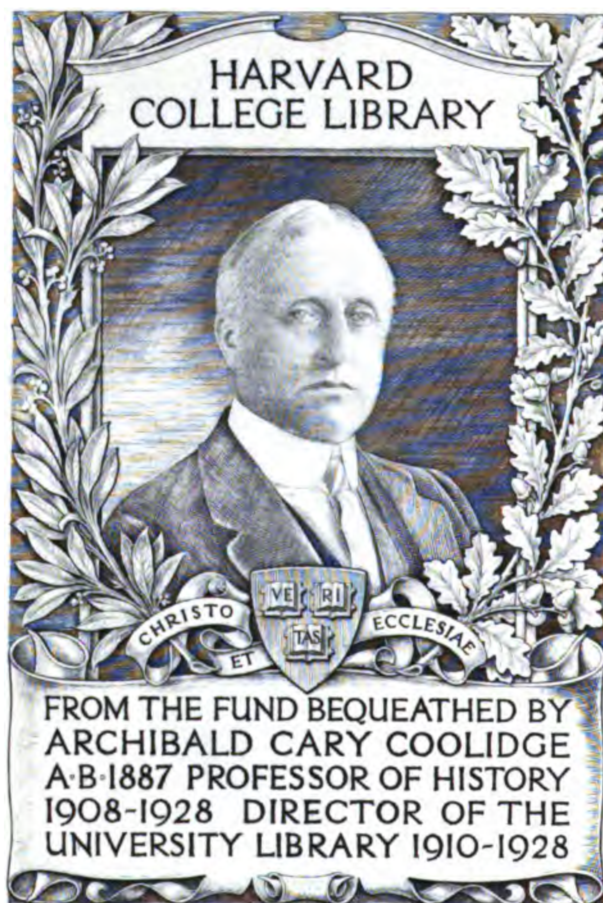

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE
RI
TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ИСТОРІЯ

РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ

по

ИСТОРИЧЕСКИМЪ ПАМЯТНИКАМЪ

и

НАУЧНЫМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ

сочиненіе

профессора С.-Петербургской духовной академіи

М. О. КОЯЛОВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ самаго начала моей профессорской дѣятельности я считалъ первѣйшею своею обязанностію вводить моихъ студентовъ прежде всего въ область литературы науки русской исторіи и давать имъ такія указанія, которыя помогали бы сразу опредѣлять нужныя имъ по тому или другому вопросу книги и узнавать при первомъ ознакомленіи съ новою книгой, чего ждать отъ нея, чего искать въ ней. Поэтому я обыкновенно начиналъ мой курсъ русской исторіи съ исторіи этой науки. Съ годами отдѣлъ этотъ увеличивался и требовалъ болѣе и болѣе времени для его изложенія, такъ что наконецъ я вынужденъ былъ употребить на это весь учебный 1880—1 годъ. Тогда же эти лекціи были мною написаны, а затѣмъ до послѣдняго времени я ихъ исправлялъ и дополнялъ, на сколько могъ, и далъ имъ вообще тотъ видъ, въ какомъ онѣ теперь являются въ печати.

Главнѣйшая задача, которую я старался выполнить и которая обозначается самымъ заглавіемъ книги, могла бы быть поставлена гораздо шире. Можно было бы прослѣдить русскія сочиненія по всѣмъ у насъ наукамъ, не исключая даже естествознанія и математики, и показать, какія русскія особенности онѣ отражаютъ въ себѣ [1]). Я, конечно, не могъ взять на себя такой

[1]) Такъ, напримѣръ, въ русскомъ естествознаніи любопытнымъ предметомъ изученія могло бы быть постоянное стремленіе его заходить въ область предметовъ, стоящихъ внѣ предѣловъ естествознанія. Въ этомъ сказывается и чисто русская несдержанность и въ тоже время чисто русская потребность цѣльнаго міросозерцанія. Точно также въ исторіи русской математики могли бы быть предметомъ лю-

широкой задачи. Она превосходитъ и мои знанія, и мои силы. Даже въ области предметовъ, подлежавшихъ моему изслѣдованію, я многаго не успѣлъ сдѣлать.

Въ такого рода трудахъ, какъ настоящій мой трудъ, равномѣрность изслѣдованія (разумѣю не внѣшнія ея качества, а внутреннія) дѣло крайне трудное. Одни литературныя явленія, т. е. сочиненія, ускользаютъ отъ вниманія иногда по самой пустой случайности, въ другихъ не легко поддаются изученію существенныя ихъ особенности [1]), третьи—новѣйшія сочиненія по тому уже самому, что недавно явились, труднѣе попадаютъ на принадлежащее имъ мѣсто. Я, конечно, не избѣгъ этихъ трудностей, да и не однѣ эти трудности приходилось преодолѣвать и передъ нѣкоторыми изъ нихъ даже прямо отступать.

Сводя въ одно разные труды по русской исторіи, установляя ихъ взаимное отношеніе, раздѣляя по группамъ и показывая въ каждой основныя начала, я привожу при этомъ нерѣдко мнѣнія однихъ историковъ о другихъ, но далеко не всѣ мнѣнія ихъ, а еще рѣже привожу мнѣнія не историковъ. Между тѣмъ, ту и другую работу, особенно послѣднюю, можно было бы вести очень далеко. Можно было бы прослѣдить по журналамъ и газетамъ всѣ мнѣнія объ историческихъ нашихъ трудахъ и историческихъ вопросахъ, мнѣнія и ученыя, и не ученыя. Тогда было бы видно, какъ наше русское общество относилось къ русской исторіи и къ важнѣйшимъ явленіямъ въ этой наукѣ, т. е. тогда видно было бы вообще русское самосознаніе по отношенію къ нашему прошедшему. Въ моемъ трудѣ я намѣтилъ нѣкоторые выдающіеся моменты въ этой особаго рода исторіи нашего русскаго самосознанія, но отъ полной разработки ея долженъ былъ удержаться. Хотя у насъ дѣло библіографіи двинуто уже далеко, благодаря

бопытнаго изслѣдованія четвертое и даже больше четвертаго измѣренія. Наконецъ, могло бы быть еще болѣе любопытнымъ изслѣдованіе теоріи нашего русскаго спиритизма, въ связи съ теоріями указанныхъ наукъ и съ разнаго рода явленіями нашей русской жизни. [1]) Такъ, напримѣръ, много лѣтъ находится у меня загадочная книга Иванова о хронографахъ, и много разъ я въ нее вчитывался; но только недавно уяснилъ себѣ, что главная особенность этой книги не только не хронографы, о которыхъ авторъ говоритъ весьма немного, и не споры, поднятые скептиками, о которыхъ онъ больше всего говоритъ, а разборъ научности Байера и Шлецера и программа тѣхъ вопросовъ по русской исторіи, которые у насъ запущены, благодаря этимъ ученымъ нѣмцамъ.

трудамъ лицъ, которыхъ я перечисляю въ началѣ моей книги; но кто перебиралъ наши русскія библіографическія указанія для строго научной цѣли, тотъ знаетъ, какъ все сдѣланное еще далеко отъ того, что̀ нужно было бы имѣть; а безъ этого собственный трудъ, по указанной выше задачѣ, могъ бы быть спеціальнымъ трудомъ всей жизни одного лица, а не частью его дѣятельности, какъ было со мною. Всѣмъ извѣстно, какъ не легки собственные поиски этого рода, особенно въ старыхъ журнальныхъ изданіяхъ. Съ великою благодарностію я вспоминаю при этомъ, какъ много облегчали мнѣ эту работу, даже въ маломъ ея видѣ, нѣкоторыя новѣйшія сочиненія, какъ напримѣръ, М. П. Погодина о Карамзинѣ, г. Незеленова о Новиковѣ, г. Иконникова о скептикахъ, г. Анненкова о первыхъ временахъ школъ,— славянофильской и западнической. Эти сочиненія и указали мнѣ нѣкоторые новые вопросы, и дали возможность съ меньшимъ трудомъ возстановить нѣкоторыя части моей собственной работы которую я не разъ производилъ въ области старыхъ журналовъ, но не всегда находилъ время записать все сдѣланное.

За всѣ такіе и имъ подобные недочеты я прошу у читателей снисхожденія, которое, вѣроятно, и дано мнѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ моихъ собратій по разработкѣ русской исторіи, хорошо знакомыхъ съ трудностію и сложностію такой работы. Но въ чемъ я ни у кого не буду просить никакого извиненія или снисхожденія, потому что дѣло касается сложившагося уже и окрѣпшаго въ теченіи многихъ годовъ убѣжденія, это въ слѣдующемъ.

Еще въ юные года моихъ изысканій по русской исторіи, когда приходилось вращаться въ необозримой массѣ фактовъ, какъ въ громадномъ, густомъ и темномъ лѣсу, я естественно искалъ въ этомъ лѣсу тропинокъ, дорогъ, проложенныхъ и прокладываемыхъ другими къ изученію этого лѣса и къ выходу на такую возвышенность, съ которой можно было бы обозрѣвать все его пространство и узнавать главнѣйшія его части, изученныя по этимъ тропинкамъ и дорогамъ. На этихъ путяхъ я часто видѣлъ какъ бы руководящія надписи: „объективность, научность“! Но историческое чутье и горькій опытъ слишкомъ часто показывали, что эти надписи невѣрны, что вмѣсто ихъ нужно бы надписать: „субъективность, извѣстный уголъ зрѣнія“! Я воз-

вращался назадъ съ этихъ путей, забирался въ новыя чащи лѣса фактовъ, искалъ новыхъ указаній, но опять находилъ туже невѣрность и на новыхъ путяхъ. Въ томительныхъ поискахъ надежныхъ путей къ истинѣ я сталъ обращаться къ ученымъ, извѣстнымъ во всемъ мірѣ своею объективностію,—къ нѣмецкимъ ученымъ, занимавшимся русскою исторіей; но къ величайшему изумленію увидѣлъ, что у нихъ еще большая невѣрность въ надписяхъ на путяхъ знанія: „объективность, научность", что у всѣхъ этихъ гг. Байеровъ, Миллеровъ, Шлецеровъ подъ внѣшнею оболочкой научности, объективности скрывается самый узкій, нѣмецкій субъективизмъ. Теперь это уже не какое либо открытіе, не новость въ нашей наукѣ. Какъ увидимъ, объ этомъ въ новѣйшее время уже не мало говорятъ наши русскіе ученые. Но въ тѣ мои года, о которыхъ я говорю, т. е. около тридцати лѣтъ тому назадъ, это открытіе для меня было ново и сильно меня поражало.

Въ настоящей моей книгѣ я собираю изъ трудовъ Байера, Миллера, Шлецера и старыя, и новыя данныя въ подтвержденіе этой мысли; прибавляю новыя изысканія по этому вопросу въ области научныхъ трудовъ по русской исторіи нашихъ балтійскихъ нѣмецкихъ ученыхъ; затрогиваю данныя для изученія другихъ инородческихъ у насъ изысканій по русской исторіи, и ставлю вопросъ: больше ли произошло пользы или вреда отъ вмѣшательства иноземцевъ въ разработку русской исторіи?

Читатели могутъ видѣть, что я пришелъ къ этому вопросу не только по указанію русскаго чувства, но и по научнымъ требованіямъ. Занимая столько лѣтъ каѳедру русской исторіи, я не могъ не полюбить исторической истины, и не менѣе другихъ могу уважать научные пріемы знанія, облегчающіе достиженіе ея. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше я приходилъ также и къ тому убѣжденію, что въ исторіи область объективныхъ истинъ весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбѣжно субъективно, нерѣдко даже въ области простѣйшихъ, голыхъ фактовъ[1]). И древ-

[1]) Въ концѣ XV в. у насъ былъ случай, что даже древнѣйшая хронологическая дата подверглась чисто субъективной критикѣ. Когда пришлось рѣшать, будетъ ли кончина міра съ окончаніемъ семи тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра, что падало на 1492 годъ, то даже Іосифъ Волоколамскій, какъ бы съ трудомъ разставаясь съ укоренившимся мнѣніемъ, обращалъ вниманіе на то, что есть разныя счисленія годовъ отъ сотворенія міра.

нѣйшій нашъ лѣтописецъ, писавшій безхитростно свою лѣтопись, и послѣдній подъячій московскихъ временъ, составлявшій простую бумагу, и ученѣйшій русскій историкъ новѣйшихъ временъ всѣ субъективны, всѣ высказывали и высказываютъ такъ или иначе свое пониманіе дѣлъ. Я не думаю, чтобы позволительно было скрывать это или слѣдовало стыдиться. Да и напрасно было бы скрывать и стыдиться. Раньше или позже это откроется.

Такое пониманіе дѣла и было причиною, что я всегда отдавалъ много времени изученію исторіи науки русской исторіи, и это же служитъ причиною, почему я далъ такое заглавіе настоящей моей книгѣ. Желая не менѣе другихъ, чтобы въ нашемъ знаніи по русской исторіи увеличивалась болѣе и болѣе сумма достижимыхъ объективныхъ истинъ, но въ тоже время устраняясь отъ безплодной погони за объективною истиной тамъ, гдѣ ея въ чистомъ видѣ быть не можетъ, я призналъ болѣе научнымъ и полезнымъ разобраться прежде всего въ разнаго рода субъективизмахъ по изученію русской исторіи.

При изслѣдованіи этихъ субъективизмовъ главнѣйшею моею задачею было опредѣлить, какой изъ нихъ обнимаетъ большее число фактовъ и лучше обнимаетъ, чѣмъ другіе. На этомъ пути изысканій мнѣ приходилось дѣлать любопытныя наблюденія.

Я встрѣчалъ больше всего такіе субъективизмы, которые обнимали только часть изложенныхъ фактовъ, а остальные факты привязывались къ субъективизму историка схоластическимъ способомъ, строгимъ или даже совсѣмъ нестрогимъ. Тутъ я видѣлъ, то невыработанность субъективизма и колебаніе автора забрать подъ свой субъективизмъ собранные имъ факты, то жестокую борьбу смѣлаго субъективизма историка съ его твердою честностію. Таковы субъективизмы, — первый въ исторіи митрополита Макарія, второй въ исторіи С. М. Соловьева.

Далѣе, я находилъ субъективизмы не только смѣлые, но и ничѣмъ уже не сдерживаемые, при которыхъ авторы, повидимому, все собирали и объединяли однимъ началомъ. Но при внимательномъ изученіи оказывалось, что факты не собираются, а выбираются, и не объединяются, а насильно подгоняются подъ начала, напередъ составленныя, взятыя готовыми у чужихъ людей, — у разнаго рода западноевропейскихъ ученыхъ. Такова большая часть сочиненій нашихъ западниковъ и тѣсно съ ними связан-

ныхъ реалистическихъ. Самое видное въ этомъ отношеніи мѣсто, по талантливости и знанію, занимаетъ въ числѣ западническихъ сочиненій сочиненіе г. Чичерина: Областныя учрежденія, а въ числѣ реалистическихъ сочиненіе Щапова: Соціально педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа.

Недавно, когда уже печатаніе моей книги приближалось къ концу, мнѣ представилось для наблюденія новое явленіе въ этомъ родѣ, въ высшей степени любопытное. Неутомимый г. Пыпинъ печатаетъ въ Вѣстникѣ Европы (сентябрь) новое изслѣдованіе о народности и доказываетъ въ немъ, что народность не представляетъ ничего устойчиваго, что устойчива только раса, т. е. то, что въ человѣкѣ могутъ изучать анатомія и физіологія. Изслѣдованіе густо пересыпано ссылками на авторитеты всей западной Европы и одушевлено указаніями на громаднѣйшія и широчайшія задачи науки въ области изысканій доисторическихъ временъ, на которыя, какъ извѣстно, направились въ послѣднее время и русскія ученыя силы. Кто не пожелалъ-бы, чтобы эти задачи хорошо выполнялись и вносили въ науку дѣйствительный вкладъ? Мы и указываемъ въ своемъ мѣстѣ на пользу отъ разрѣшенія этихъ задачъ. Но покамѣстъ вкладъ этотъ, если брать во вниманіе не количество поднимаемыхъ въ немъ вопросовъ и не внѣшній объемъ его, а внутреннія качества, очень невеликъ, а въ той постановкѣ, какую ему даетъ г. Пыпинъ, даже весьма сомнителенъ и въ настоящее время несомнѣнно охваченъ самымъ узкимъ и вреднымъ для успѣховъ науки русской исторіи субъективизмомъ чужой народности и чужого увлеченія модною теоріей. Въ числѣ авторитетовъ г. Пыпина самые важные — французскіе, которымъ, по чисто узкимъ народнымъ ихъ воззрѣніямъ, весьма желательно оправдать научно свое историческое вавилонское смѣшеніе расъ, племенъ, языковъ а можетъ быть и понятій и началъ жизни. Затѣмъ, естественно возникаетъ недоумѣніе: почему кости и даже физіологическіе процессы въ человѣкѣ такъ устойчивы,—пребываютъ неизмѣнными тысячелѣтія, а то, что въ человѣкѣ выше анатоміи и физіологіи, не имѣетъ ничего устойчиваго? А потому, что анатомія и физіологія человѣка, даже древняго, изучаются усердно и сравнительно легко, а то, что выше анатоміи и физіологіи не такъ легко поддается изученію и даже пренебрегается, потому что напередъ рѣшено модною теоріей, что человѣкъ тоже,

что животное, и если извѣстна его анатомія и физіологія, то уже и все остальное извѣстно, все остальное уже будетъ лишь совокупностію явленій, подлежащихъ всякимъ измѣненіямъ, что и составляетъ по этой теоріи прогрессъ, цивилизацію и т. под., т. е. напередъ закрывается или толкается на узкую дорогу изслѣдованіе въ человѣкѣ всего стоящаго внѣ анатоміи и физіологіи. Отъ такого субъективизма наука русской исторіи не много выиграетъ.

Наконецъ, я находилъ такой русскій субъективизмъ, который и больше всѣхъ другихъ обнимаетъ фактическую часть русской исторіи и лучше другихъ освѣщаетъ дѣйствительныя и существенныя ея стороны. Такой русскій субъективизмъ я находилъ и нахожу въ сочиненіяхъ такъ называемыхъ славянофиловъ. Онъ лучше другихъ, и въ народномъ, и въ научномъ смыслѣ, и даже въ смыслѣ возможно правильнаго пониманія и усвоенія общечеловѣческой цивилизаціи. Сказавъ это о субъективизмѣ такъ называемыхъ славянофиловъ, я этимъ самымъ обозначаю и свой собственный субъективизмъ. Читатели увидятъ, что и этотъ субъективизмъ я не считаю изъятымъ отъ погрѣшностей, неизбѣжныхъ во всякомъ, даже лучшемъ субъективизмѣ, и что я не задавался мыслію кого либо призывать къ нему. Но къ чему я считаю своею обязанностію располагать и призывать всѣхъ, такъ это къ тому, чтобы всѣ мы давали себѣ ясный отчетъ, какому субъективизму мы слѣдуемъ. Тогда всѣ мы и вѣрнѣе будемъ идти къ истинѣ, и скорѣе сойдемся на этомъ пути другъ съ другомъ при всѣхъ нашихъ русскихъ субъективизмахъ, конечно, научныхъ и честныхъ, а не какихъ либо иныхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Состояніе науки русской исторіи и ея литературы.

Самая большая работа по русской исторіи направлена у насъ на изданіе памятниковъ, т. е. сырого матеріала, заключающаго въ себѣ факты. Работа эта такъ велика, а наличныя ученыя силы у насъ такъ немногочисленны, что научная разработка сырого матеріала, выражающаяся въ критической оцѣнкѣ новыхъ фактовъ и въ изслѣдованіяхъ по тому или другому вопросу, сильно отстаетъ, запаздываетъ. Еще больше отстаетъ и запаздываетъ окончательный сводъ въ цѣльную, научную систему добытаго матеріала и его разработки. Поэтому, кто желаетъ изучить русскую исторію, тому нельзя ограничиться немногими книгами, а нужно читать много книгъ, и не только системы, но и изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ и даже самые первые источники. Изъ этого уже можно видѣть, какъ важна исторія этой науки или, какъ ее обыкновенно называютъ, литература русской исторіи. Съ другой стороны, литература русской исторіи—это исторія русскаго научнаго сознанія. Изъ нея мы можемъ увидѣть, какъ въ теченіе вѣковъ нашей исторической жизни понимались событія,—явленія этой жизни. Это существеннымъ образомъ облегчитъ намъ и наше фактическое знаніе, и наше пониманіе своего прошедшаго. Наконецъ, научное знаніе исторіи требуетъ, чтобы мы не только изучали событія, но и знали, изъ какихъ источниковъ почерпнуто наше знаніе и какими научными пріемами мы руководствуемся, когда добываемъ это знаніе, когда такъ или иначе понимаемъ факты и дѣлаемъ изъ нихъ тѣ или другіе выводы.

История науки русской истории, какъ нѣчто цѣлое, составляетъ весьма недавнее явленіе. Еще весьма недавно она читалась, какъ особый отдѣлъ русской исторіи, насколько намъ извѣстно, почти только въ однихъ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Даже покойный С. М. Соловьевъ, профессоръ русской исторіи въ московскомъ университетѣ, излагалъ литературу науки только по частямъ въ разныхъ мѣстахъ своего курса исторіи, и то почти исключительно только тѣ ея части, которыя обнимаютъ первоначальные источники. Что онъ иногда читалъ особо литературу своей науки, объ этомъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства бывшаго его студента К. Н. Бестужева-Рюмина [1]) и изъ того, что С. М. Соловьевъ напечаталъ по этому отдѣлу русской исторіи нѣкоторыя части, каковы его статьи о первыхъ, по его мнѣнію, опытахъ систематическаго изложенія русской исторіи, т. е. объ историкахъ конца XVII и XVIII вв. [2]). Подобные отрывочные опыты исторіи науки русской исторіи дѣлали и другіе, какъ напримѣръ, И. В. Лашнюковъ [3]) и Н. И. Костомаровъ [4]). Занимающимся русской исторіей приходилось такимъ образомъ самимъ уяснять себѣ этотъ предметъ, весьма трудный, особенно для молодыхъ ученыхъ. Пособіями имъ могли служить курсы исторіи русской словесности, въ которыхъ ведется рѣчь и о главнѣйшихъ явленіяхъ въ русской исторической литературѣ [5]). Но эта историческая литература обык-

[1]) Вотъ это свидѣтельство: „Общій курсъ (С. М. Соловьева) 1848—1849 г., говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, начинался понятіемъ объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи; затѣмъ, охарактеризовавъ разные виды лѣтописей краткими, но мѣткими чертами, профессоръ переходилъ къ изложенію исторіографіи, при чемъ останавливался и на запискахъ современниковъ. Изложеніе исторіографіи кончается на Полевомъ". Біографіи и характеристики. Спб. 1882 г., стр. 262. [2]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачева, кн. 2, 1-я полов., отд. 3, стр. 3—82; и Русскій Вѣстникъ за 1856 г., т. II, и за 1857 г., т. VIII. [3]) Пособіе къ изученію русской исторіи. Кіевъ. 1870 г. [4]) Лекціи по русской исторіи. Спб. 1862 г. Изд. П. Гайдебурова (Обзоръ лѣтописей). [5]) Болѣе богаты историческимъ содержаніемъ: 1) Исторія русской словесности—лекціи профессора Шевырева, 4 части (до начала XVI в.). М., изд. 1859—60 гг. Недавно изданы лекціи того же профессора Шевырева, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г., заключающія въ себѣ сокращеніе большого его труда и краткое изложеніе дальнѣйшей исторіи русской литературы. Оканчивается началомъ разбора историческихъ сочиненій Карамзина. 2) Лѣтописи русской литературы и древности, профессора Тихонравова, 5 том., изд. 1859—63 гг. 3) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго, 2 тома. Спб. 1862 г. (сочиненіе драгоцѣнное по богатству фактовъ, но, къ сожалѣнію, проникнуто западническими

новенно занимаетъ тамъ мало мѣста и притомъ, оказываясь передъ судомъ неспеціалистовъ и чаще всего западниковъ, рѣдко получаетъ справедливые приговоры. Напримѣръ, Карамзинъ-историкъ очень рѣдко тамъ можетъ быть узнаваемъ. Болѣе надежными пособіями могли служить разныя библіографическія указанія, которыя, по естественному порядку вещей, появлялись раньше литературныхъ изслѣдованій и тѣмъ больше умножались, чѣмъ больше чувствовалась потребность хотя въ какихъ нибудь указаніяхъ.

Въ этой области у насъ есть цѣлый рядъ необыкновенныхъ тружениковъ, имена которыхъ съ уваженіемъ встрѣчаются всякимъ серьезно занимающимся русской исторіей. Таковы имена: Сахарова[1]), Ундольскаго[2]), Строева[3]), Викторова, Каратаева[4]), къ которымъ нужно присоединить и старѣйшаго библіофила Сопикова[5]). Все это, однако, труды по древней церковно-славянской литературѣ. Для болѣе новой литературы служилъ долгое время одинъ каталогъ книгъ Смирдина[6]). Этотъ недочетъ указаній быстро сталъ восполняться съ началомъ прошедшаго царствованія. Съ 1861 г. стала выходить — Русская историческая библіографія, изд. академіи наукъ, — почтенный трудъ братьевъ Ламбиныхъ. Въ 1866 г. вышелъ каталогъ книгъ по русской исторіи[7]) новаго библіографа, В. И. Межова, который съ замѣчательнымъ постоянствомъ работаетъ до сихъ поръ. Труды г. Межова большею частію направляются къ болѣе широкой задачѣ: онъ составляетъ каталоги русскихъ книгъ и статей по всѣмъ отраслямъ знаній и въ числѣ ихъ по русской исторіи, но рядомъ съ тѣмъ онъ нерѣдко составляетъ и спеціальные каталоги, въ томъ числѣ и

воззрѣніями). 4) Историческія христоматіи и курсы исторіи словесности профессоровъ Буслаева и Галахова, особенно: Историческіе очерки русской словесности и искусства профессора Буслаева. 5) Исторія русской словесности профессора Порфирьева, 2 части (вторая часть 1 вып.), изд. 1879 и 1881 гг. Другія, важныя для насъ сочиненія этого рода, какъ напримѣръ профессора О. Ѳ. Миллера и А. Незеленова, увидимъ ниже. [1]) Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. 1849 г. Спб. [2]) Многочисленные его библіографическіе труды печатались въ Москвитянинѣ (1845 г.) и въ Чтен. моск. общ. истор. и древн. (1846 — 47 — 48 гг.). Его очеркъ славяно-русской библіографіи съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова, изд. въ 1871 г. [3]) Описаніе старо-печатныхъ книгъ библ. Царскаго, изд. 1836 г.; Описаніе старо-печатныхъ книгъ библ. графа О. Толстаго, 1841 года. [4]) Хронологич. роспись сл. книгъ, Спб. 1861 г. Недавно (1883 г.) стало выходить новое изданіе. [5]) Опытъ русск. библіографіи. Спб. 1813—21 г. [6]) Изд. 1828 г. Спб. [7]) Литература русской исторіи за 1859 — 64 гг. включит., т. I, Спб. 1866 г.

относящіеся къ русской исторіи, какъ вышеуказанная Литература русской исторіи и въ новѣйшее время вышедшіе три тома продолженія Русской исторической библіографіи (за 1865—76 гг.), которая составляетъ продолженіе указанной Русской исторической библіографіи, издаваемой академіей наукъ. Близкое отношеніе къ русской исторіи имѣютъ также нѣкоторые спеціальные каталоги г. Межова, какъ, напримѣръ, его каталоги по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, по русской этнографіи.

Въ 1865 г. появилось сочиненіе, отъ котораго можно было ожидать, что оно внесетъ новое освѣщеніе въ литературу русской исторіи. Это сочиненіе гг. Пыпина и Спасовича—Исторія славянскихъ литературъ. Къ сожалѣнію, авторы этой книги меньше всего думали о русской литературѣ и въ частности о литературѣ русской исторіи, которая въ этомъ сочиненіи занимаетъ и самое малое мѣсто и при самомъ блѣдномъ освѣщеніи. Авторы имѣли въ виду дать свѣдѣнія о славянскихъ литературахъ русскому обществу, которое, по ихъ словамъ, само можетъ находить указанія по своей литературѣ, а для славянъ подробности русской литературы, по мнѣнію авторовъ, не нужны. Недавно (1879—81 г.) вышло новое изданіе этого сочиненія, переработанное и настолько умноженное, что превратилось въ два объемистыхъ тома. Сначала имѣлось въ виду, по заявленію г. Пыпина, исправить недочетъ по русской литературѣ перваго изданія, но обстоятельства помѣшали г. Пыпину выполнить эту задачу, и въ новомъ изданіи, хотя есть глава: Русское племя, но русской литературы, какъ ее всѣ понимаютъ, нѣтъ. Есть только обзоръ литературъ слѣдующихъ вѣтвей русскаго языка: южно-русской и галицкой, и между ними клочки литературныхъ произведеній бѣлорусскаго племени.

Странно было бы осуждать за то, что по обстоятельствамъ не могло быть сдѣлано г. Пыпинымъ; но нельзя не жалѣть объ этомъ и даже очень жалѣть. Въ настоящемъ своемъ видѣ Исторія славянскихъ литературъ производитъ самое тяжелое впечатлѣніе и способна порождать чудовищныя понятія, которыя въ ней отчасти и прямо проповѣдуются. Русская литература вообще и литература русской исторіи въ особенности отсутствуютъ въ этомъ новомъ изданіи не только физически; онѣ отсутствуютъ здѣсь и нравственно, и въ послѣдствіи, когда обстоятельства позволятъ г. Пыпину представить ихъ вниманію читателей, онѣ уже необ-

ходимо явятся въ средѣ славянскихъ литературъ наполовину мертвыми и наполовину безжизненными созданіями.

Г. Пыпинъ стоитъ, повидимому, на прекрасномъ началѣ,— на равноправности всѣхъ славянскихъ литературъ. Въ дѣйствительности однако оказывается, что онъ стоитъ за всякое раздѣленіе славянъ и за самую эгоистическую ихъ обособленность. Онъ устраняется отъ указанія началъ, объединяющихъ эти литературы, даже въ области языка, и особенно самоотверженно дѣйствуетъ, когда касается славянскаго значенія родной, русской стихіи, при чемъ славянофилы представляются ему чуть ли не злѣйшими врагами славянъ. Статьи г. Пыпина по древней русской литературѣ и о славянофильствѣ, печатающіяся въ Вѣстникѣ Европы и имѣющія, очевидно, войти въ тотъ дополнительный томъ, котораго не могъ окончить во-время г. Пыпинъ, ясно показываютъ, что во имя славянства, какъ его понимаетъ авторъ, русская литература должна сильно поникнуть, да и теперь она уже сильно поникла въ первомъ томѣ Исторіи славянскихъ литературъ, потому что отъ нея отрывается и часть древней русской литературы и современныя литературныя силы западной Россіи и Галиціи, которымъ г. Пыпинъ сердечно желаетъ развивать эту оторванность.

Союзникъ г. Пыпина, г. Спасовичъ, составившій второй томъ этого сочиненія, пошелъ дальше и смѣлѣе. Онъ съ такою силою опирается на непрочныя основы древней славяно-русской литературы г. Пыпина, что онѣ, если такъ выразиться, совсѣмъ уходятъ въ землю, а за ними тѣмъ быстрѣе переходитъ въ небытіе и вся старая русская литература, отсутствующая въ трудѣ г. Пыпина. Г. Спасовичъ даетъ право на жизнь этой литературѣ только со временъ Петра; но немного нужно труда, чтобы видѣть, что и этой литературѣ г. Спасовичъ даетъ такую жизнь, которая больше похожа на смерть, а не на дѣйствительную жизнь. Онъ бьетъ и эту литературу обычнымъ у юристовъ оружіемъ—противоположеніями. Г. Спасовичъ заботливо рисуетъ намъ картину русскихъ притязаній на всеславянское значеніе; затѣмъ онъ рисуетъ намъ какъ будто возможный для русской литературы идеалъ міроваго и слѣдовательно всеславянскаго значенія. Но, обращаясь къ дѣйствительности, онъ заявляетъ, что для такого значенія нѣтъ существеннѣйшихъ основъ—свободы жизни, при которой могли бы

развиться до мірового значенія и русская наука и вообще русское слово. Но г. Спасовичъ какъ бы боится, чтобы и при этихъ условіяхъ русская литература не развилась какъ нибудь до всеславянскаго значенія, поэтому сейчасъ же охлаждаетъ русскія упованія тѣмъ предостереженіемъ, что даже въ случаѣ такого возрожденія русской литературы, она не легко достигнетъ общеславянскаго значенія, потому что въ это время будутъ тоже возрастать другія славянскія литературы.

Всѣ эти многосложныя комбинаціи г. Спасовича, изложенныя отчасти въ началѣ его труда, а въ особенной полнотѣ въ концѣ его, отличаются обычными, свойственными этому автору качествами,—красотою общихъ мыслей и фразъ и поражающею фальшью самаго дѣла, притомъ съ тою особенною окраской видимой гуманности и дѣйствительнаго фанатизма ко всему русскому, какіе возможны только въ ополячившемся русскомъ западной Россіи. Существенная фальшь всей аргументаціи г. Спасовича о русской литературѣ въ томъ состоитъ, что въ его трудѣ и въ союзномъ съ нимъ трудѣ г. Пыпина нѣтъ этой литературы. Читателю, желающему изучать по этому сочиненію славянскія литературы нѣтъ возможности провѣрить слова г. Спасовича. Передъ нимъ смѣло закрываются даже такія имена, какъ Ломоносовъ и Пушкинъ, а выставляются вездѣ только славянофилы, какъ проповѣдники варварства въ русскомъ прошедшемъ и варварства въ славянскомъ будущемъ. Г. Пыпинъ увѣряетъ, что онъ и г. Спасовичъ писали свои части этого союзнаго труда безъ соглашенія. Тѣмъ хуже для г. Пыпина. Г. Спасовичъ напередъ рѣшилъ за него многіе вопросы русской литературы и напередъ осудилъ его или на раболѣпіе, или на противорѣчія ему, гораздо болѣе существенныя, чѣмъ тѣ, какими теперь г. Пыпинъ въ своей части ограждаетъ свою независимость отъ г. Спасовича. О міровомъ, по крайней мѣрѣ, о всеславянскомъ значеніи Ломоносова и Пушкина г. Пыпину прійдется говорить, а г. Спасовичъ напередъ уже уничтожилъ это значеніе.

Еще печальнѣе положеніе г. Пыпина съ слѣдующей стороны. Что бы онъ ни писалъ хорошаго о русской литературѣ въ дополнительномъ своемъ томѣ къ изданной Исторіи славянскихъ литературъ, онъ напередъ осужденъ на преклоненіе передъ западно-славянской литературой, въ особенности передъ польской

Г. Спасовичъ надлежащимъ образомъ воспользовался тѣмъ уничиженіемъ нашей древней литературы въ малороссійскомъ племенномъ элементѣ и тѣмъ небытіемъ московской литературы, на какія осудилъ ихъ г. Пыпинъ. Онъ смѣло поставилъ на запустошенномъ юго-восточномъ славянскомъ пространствѣ западно-славянскія литературы, особенно польскую и, вопреки правилу г. Пыпина — все раздроблять и не знать объединяющихъ началъ, объединяетъ западно-славянскія литературы общимъ началомъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ напередъ приневоливаетъ г. Пыпина принять это начало. „Послѣ того, какъ южно-славянскія государства византійскаго типа: болгарское и сербское, потерпѣли, въ концѣ XIV вѣка, крушеніе, говоритъ г. Спасовичъ, раздавленныя исламомъ, и до появленія Россіи на поприщѣ европейской политики и ея дѣятельнаго участія въ европейскихъ дѣлахъ при Петрѣ Великомъ, дѣйствующими на этомъ поприщѣ изъ славянскихъ народовъ являются только два западные: чешскій и польскій, оба латинскіе по своей культурѣ“ [1]). Затѣмъ г. Спасовичъ показываетъ, что при выполненіи общей этимъ народамъ задачи — „противодѣйствовать прибою на востокѣ германской волны“, Польша была счастливѣе Чехіи, и даже выставляетъ на видъ народность и латинской іерархіи въ Польшѣ, и польскаго шляхетства, т. е. латинство и польская народность кладутся, какъ основы дальнѣйшаго развитія Польши какъ разъ въ противорѣчіе образу дѣйствій г. Пыпина, который для своего отечества не усматриваетъ такихъ основъ ни въ православіи, ни въ русской народности, какъ данномъ фактѣ не только новой, но и старой Россіи; но для г. Спасовича и Польши г. Пыпинъ обязанъ признать законными ихъ основы. Обязанъ онъ по слѣдующимъ причинамъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи польской литературы, г. Спасовичъ постоянно показываетъ, какъ латинская культура Польши пріобщала ее къ міровой цивилизаціи Европы и какъ при этомъ развивалась польская народность нерѣдко до всеславянскаго значенія. Для г. Пыпина одно уже слово — міровая цивилизація—имѣетъ значеніе догмата, поэтому ему невозможно не идти за г. Спасовичемъ, а идти приходится далеко. Г. Спасовичъ не поддался обстоятельсвамъ, мѣшавшимъ, безъ сомнѣнія, и

[1]) Истор. слав. литературъ, т. 2, стр. 449.

ему писать свою часть работы. Онъ широко раздвинулъ рамки польской литературы — и по времени и по объему литературныхъ явленій. Изложилъ онъ даже литературу польскихъ эмигрантовъ и литературу послѣдняго времени до новѣйшаго эмигранта Крашевскаго включительно. Тутъ, какъ очевидно, захвачено время и петровское и послѣпетровское, и какъ трудно будетъ г. Пыпину справляться съ воззрѣніями г. Спасовича, напередъ ему навязанными, можно судить по слѣдующему примѣру. Г. Спасовичъ осмысливаетъ и оправдываетъ самое антипатичное для г. Пыпина направленіе въ литературѣ — романтизмъ, закрѣпляющій, какъ извѣстно, и народное чувство и уваженіе къ родному прошедшему, да еще осмысливаетъ и оправдываетъ весьма обидно или весьма вызывающимъ образомъ для насъ, русскихъ. „Нельзя не отмѣтить, заключаетъ г. Спасовичъ свое обозрѣніе польской литературы [1]), что хотя существуетъ несомнѣнная наклонность въ новѣйшей польской литературѣ въ научномъ отношеніи къ позитивизму, въ области искусства — къ реализму, но движеніе совершается весьма не быстро, послѣ величайшихъ усилій и совсѣмъ непохоже на то, что дѣлается иногда въ другихъ литературахъ, напримѣръ въ русской, гдѣ волны новаго движенія заливаютъ иногда все, прежде того уже установившееся, которое какъ бы совсѣмъ исчезаетъ въ этихъ волнахъ. Корни романтизма въ польской литературѣ еще весьма крѣпки; каждое нападеніе на издавна установившееся мнѣніе, на имя поэта, увѣнчанное ореоломъ и имѣющее авторитетъ, вызываетъ цѣлую бурю споровъ, которые ведутся съ крайнимъ оживленіемъ и даже ожесточеніемъ. Иначе и быть не можетъ въ литературѣ, имѣющей свои традиціи, а эти традиціи въ польской письменности особенно цѣпки и крѣпки“... Этими сужденіями г. Пыпинъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Ему остается одно изъ двухъ: или обратиться тоже къ уваженію традицій своей русской народности и, слѣдовательно, къ ненавистнымъ ему славянофиламъ, или защищать и развивать позитивизмъ, реализмъ и, вопреки предостереженіямъ г. Спасовича, „заливать все, прежде установившееся“ въ нашей русской литературѣ и русской жизни.

Въ заключеніе своего труда, говоря объ отношеніяхъ между

---

[1]) Стр. 777.

русскими и поляками, г. Спасовичъ выражается: „Не примиримы (и, вѣроятно, долго еще не примирятся) старыя вражды; но можно отмѣтить хотя зачатки невиданнаго явленія: попытокъ примиренія, идущихъ съ обѣихъ сторонъ, между двумя братьями, двумя историческими врагами — русской и польской національностію, попытокъ, которыя нельзя не привѣтствовать съ лучшими пожеланіями и которыя должны бы умножаться по мѣрѣ того, какъ развивается беспристрастная, т. е. истинно-историческая критика" [1]).

Если примиреніе между двумя братьями-народами будетъ ставить одного изъ нихъ — русскаго въ такое некрасивое положеніе, въ какое поставилъ г. Спасовичъ литературнаго своего брата, г. Пыпина, то привѣтствовать это примиреніе не приходится и еще менѣе — желать его развитія въ такомъ направленіи, страшно далекомъ отъ всякой истинно исторической критики.

Мы потому такъ много занимались Исторіей Славянскихъ Литературъ, что въ ней рѣшается много вопросовъ литературы русской исторіи, а на затруднительномъ положеніи г. Пыпина потому останавливались, что это положеніе будетъ испытывать и еще въ большей степени всякій, кто по этой книгѣ пожелаетъ изучить хотя бы только соприкосновенные съ русской исторіей вопросы. Въ этомъ сочиненіи одно можетъ имѣть значеніе — указаніе книгъ и хронологическія данныя касательно событій и лицъ изъ литературы русской исторіи, т. е. немного болѣе того, что есть въ вышесказанныхъ каталогахъ, и то лишь по первому изданію Исторіи славянскихъ литературъ, или когда будетъ изданъ г. Пыпинымъ дополнительный томъ ко второму ея изданію. Для уразумѣнія же явленій литературы русской исторіи и при этомъ сочиненіи нужно обращаться къ другимъ пособіямъ. Такое пособіе явилось вскорѣ послѣ перваго изданія Исторіи славянскихъ литературъ и значительно раньше второго, сейчасъ разсмотрѣннаго нами изданія ея.

Въ 1872 г. вышла въ свѣтъ исторія Россіи — профессора петербургскаго университета К. Н. Бестужева-Рюмина, въ которой литература этой науки занимаетъ половину книги и заключаетъ въ себѣ полное обозрѣніе источниковъ и пособій по этому предмету [2]).

---

[1]) Стр. 1119—1120. [2]) Русская исторія К. Бестужева-Рюмина, 1 т., изданіе Д. Е. Кожанчикова. Петерб. 1872 г. Литература науки занимаетъ въ этомъ томѣ 246 стр.

По тѣсной связи этой литературы съ самымъ курсомъ русской исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина, мы разбираемъ ихъ вмѣстѣ въ концѣ настоящаго сочиненія и туда отсылаемъ тѣхъ читателей, которые теперь же пожелали бы узнать этотъ разборъ. Здѣсь же скажемъ лишь слѣдующее. Несмотря на то, что авторъ принялъ воззрѣніе нашихъ западниковъ на научность и ненаучность для оцѣнки нашей русской литературы, и потому рѣзко раздѣляетъ допетровское и послѣпетровское время, тѣмъ не менѣе научность самого автора заставила его не только выдвинуть большое общерусское значеніе нашей древней литературы, но и вызвать литературу московскихъ временъ изъ небытія, на которое ее осудили наши западники. Можно даже сказать, что вообще наша старая историческая литература, т. е. до Петра, больше имъ разработана, чѣмъ таже литература послѣ Петра. Но когда мы здѣсь говоримъ о разработкѣ, то разумѣемъ внутреннія, а не внѣшнія ея требованія. Съ внѣшней стороны, какъ читатели увидятъ, эта литература равно разработана въ исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина и въ старыя, и въ новыя времена, и представляетъ полныя, богатыя указанія. Недостаетъ въ ней собственно указаній на связь и преемственность явленій въ исторіи науки русской исторіи.

На эту связь, преемственность, мы обращаемъ преимущественное вниманіе въ нашемъ трудѣ, именно, мы будемъ заботиться главнѣйшимъ образомъ о томъ, чтобы читатель видѣлъ эту преемственную связь литературныхъ явленій въ наукѣ русской исторіи и вмѣстѣ съ нею постепенное развитіе русскаго научнаго сознанія по отношенію къ нашему историческому прошедшему, и такъ какъ матеріальная, фактическая сторона этого дѣла больше у насъ разработана въ старой литературѣ, чѣмъ въ новой и легче опираться на эту сторону при нашихъ выводахъ, чѣмъ въ новой литературѣ, то въ виду этого мы дѣлаемъ болѣе краткій обзоръ старой литературы, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ ея частей, особенно важныхъ съ нашей точки зрѣнія, и даемъ болѣе обширное изложеніе данныхъ по исторіи нашей науки въ новыя времена. Поэтому для стараго времени наша исторія науки будетъ заключать въ себѣ обычные отдѣлы: разнаго рода лѣтописи; акты, посланія, письма; сказанія иностранныхъ писателей; явственныя уже русскія проявленія научнаго изложенія дѣла. Но въ новомъ времени наше обозрѣніе исторіи русской исторіи

будетъ представлять значительныя особенности. Мы будемъ обозрѣвать труды научнаго изложенія русской исторіи съ разныхъ точекъ зрѣнія и будемъ распредѣлять ихъ на особыя группы.

ГЛАВА II.

Первоисточники.

Лѣтописи. Въ исторіи нашей науки на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены, какъ это всѣми и дѣлается, наши лѣтописи, какъ первый, надежный и содержательный источникъ.

Въ старину у насъ лучше знали наши лѣтописи и больше ими занимались, чѣмъ въ новыя времена. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ чрезвычайное множество лѣтописныхъ списковъ, сохранившихся до настоящаго времени, и весьма ограниченное обращеніе въ нашемъ послѣ-петровскомъ обществѣ издававшихся лѣтописей. Когда въ сороковыхъ годахъ археографическая коммиссія приступала къ изданію лѣтописей, то для изданія только начальной лѣтописи или временника Нестора она имѣла у себя подъ руками 150 лѣтописныхъ списковъ. Ей присылали ихъ изъ разныхъ мѣстъ цѣлыми десятками [1]). Почти въ каждомъ замѣчательномъ монастырѣ есть одинъ или даже нѣсколько лѣтописныхъ списковъ. Слѣдовательно, въ старину было не мало писателей, а еще больше списателей лѣтописей и была, значитъ, большая потребность въ лѣтописяхъ. Безспорно, что многочисленность нашихъ лѣтописей болѣе внѣшняя. Въ несравненно большей части изъ нихъ излагается одно и тоже. Но при внимательномъ изученіи списковъ даже одной и той же лѣтописной группы обнаруживается разнообразіе текста, нерѣдко съ ясными признаками научной обработки его по разнымъ спискамъ.

Наши лѣтописи еще въ древности имѣли важное значеніе, какъ частное, такъ и общественное и оффиціальное. Частное значеніе они имѣли для князей и дружинниковъ, какъ главныхъ участниковъ

---

[1]) См. предисловіе къ первому тому полнаго собранія лѣтописей, изданному въ 1846 г.

въ событіяхъ, описываемыхъ въ лѣтописяхъ. Въ послѣдствіи онѣ служили оправдательнымъ документомъ для генеалогіи знатныхъ людей, для родословій ихъ. Въ никоновской лѣтописи есть одно мѣсто, которое ясно показываетъ, что лѣтописи имѣли большое нравственное значеніе не только для частныхъ лицъ или родовъ, но для всего русскаго общества. Описавъ несчастныя событія, сопровождавшія нашествіе Эдигея (1408 г.), авторъ старается какъ бы извиниться, что онъ долженъ былъ говорить о вещахъ, которыя могутъ многимъ не нравиться. При этомъ онъ въ оправданіе себя дѣлаетъ ссылку на правдивость древняго лѣтописца. „И сія вся написанная, аще и нелѣпо кому видится, иже толико отъ случившихся въ нашей земли несладостная намъ и неуласканная изглаголавшимъ, но къ пользѣ обрѣтающаяся и возставляющая на благая и незабытная; мы бо не досаждающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ таковая вчинихомъ, якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтописца кіевскаго, иже вся времена бытства земская необинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержавцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образи явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономасѣ онаго великаго Селиверстра Выдобытскаго, неукрашая пишущю“ [1]). Въ 1289 г. Мстиславъ Даниловичъ наказываетъ крамолу берестьянъ, между прочимъ, тѣмъ, что приказываетъ записать ее въ лѣтописи [2]). Значитъ, сами правители признавали важное общественное значеніе лѣтописей. Оффиціальное значеніе лѣтописей ясно раскрывается изъ исторіи борьбы Василія Темнаго съ Юріемъ Дмитровичемъ, который свое право на престолъ доказывалъ, между прочимъ, лѣтописцами [3]), изъ исторіи борьбы съ Новгородомъ Іоанна III, обращавшагося къ лѣтописямъ для доказательства новгородской неправды [4]), и еще яснѣе изъ того, что во времена мѣстническихъ споровъ часто обращались за справками и къ лѣтописямъ.

При такомъ значеніи лѣтописей естественно было много составителей и списателей ихъ. Между этими лицами бывали и свѣтскіе люди, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ ипатіевской лѣтописи и изъ новгородскихъ лѣтописей; но большинство лѣто-

---

[1]) Ник. т. V, стр. 28, подъ 1409 г. [2]) П. с. л. т. II, стр. 225. [3]) Воскрес. Л. П. С. Л. т. VIII, стр. 96. [4]) Софійск. лѣт. П. с. л. т. VI, стр. 192.

писцевъ принадлежало къ духовному званію и особенно къ монашеству. Это видно не только изъ благочестиваго настроенія лѣтописцевъ и ихъ замѣчательнаго безпристрастія и спокойствія, но еще болѣе изъ того отчужденія отъ дѣлъ міра, которое ясно доказывается или проглядываетъ въ большинствѣ лѣтописей, въ особенности изъ ихъ отношеній къ бурнымъ вѣчамъ, въ которыхъ они видѣли проявленія силы ненавистника человѣческаго рода.

Авторская лѣтописная дѣятельность ослабѣваетъ и превращается болѣе и болѣе въ переписываніе существующихъ списковъ въ московскія времена. Мы увидимъ, что это былъ естественный ходъ дѣла, что въ тѣ времена болѣе и болѣе выступали другіе способы увѣковѣчивать въ письменности совершавшіяся дѣла. Нельзя однако не признать, что такія времена, какъ Іоанна IV и Бориса Годунова, дававшія широкій просторъ подозрительности и шпіонству, не мало имѣли вліянія на ослабленіе лѣтописной дѣятельности. Но самый большій ударъ лѣтописной дѣятельности, даже списыванію лѣтописей, нанесъ, безъ сомнѣнія, Петръ I, когда запретилъ въ духовномъ регламентѣ простымъ монахамъ держать въ келіи бумагу и чернила. Впрочемъ, и въ эти трудныя времена лѣтописи все-таки писались, и немалое число ихъ сохранилось до настоящаго времени.

За то время, когда наши лѣтописи свободно составлялись и служили главнѣйшимъ выраженіемъ книжнаго русскаго самосознанія, онѣ имѣли тѣснѣйшую связь съ нашею государственностію. Лѣтописи появляются, развиваются и ослабѣваютъ сообразно съ развитіемъ государственности въ данное время и въ данной мѣстности. При единой Руси лѣтописи являются общерусскими. При распаденіи Руси на части лѣтописи становятся областными и принимаютъ мѣстный характеръ. Съ развитіемъ московскаго единодержавія объединяются и лѣтописи,—является по преимуществу сборный, сводный характеръ лѣтописей. Наконецъ, по мѣрѣ сближенія московскаго государства съ другими государствами, и лѣтописи начинаютъ терять исключительно русскій характеръ и принимаютъ характеръ обще-историческій, превращаются въ такъ называемые хронографы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія не только о Россіи, но и о другихъ странахъ, греческихъ, славянскихъ, западноевропейскихъ.

Сообразно съ этимъ историческимъ развитіемъ лѣтописной дѣятельности и отчасти по времени появленія лѣтописей, ихъ можно раздѣлить такъ:

Древняя лѣтопись, или такъ называемая Повѣсть временныхъ лѣтъ или иначе Временникъ Нестора; затѣмъ областныя лѣтописи и наконецъ лѣтописи московскаго періода и хронографы.

Древняя лѣтопись. Повѣсть временныхъ лѣтъ существуетъ въ рукописяхъ не отдѣльно, а въ началѣ большей части лѣтописныхъ сборниковъ. По своему происхожденію большая часть списковъ, заключающихъ въ себѣ древнюю лѣтопись, поздняго времени, — XVI, XVII и даже XVIII вв. Самый древній списокъ, заключающій въ себѣ древнюю лѣтопись, относится къ XIII в. и то въ немъ недостаетъ начала лѣтописи. Это такъ называемая первая новгородская лѣтопись [1]). Затѣмъ слѣдуетъ лаврентіевскій списокъ XIV в. Это самый употребительный списокъ древней лѣтописи. За нимъ слѣдуетъ ипатіевскій списокъ XV — XVI в. Вотъ, съ этими то главнымъ образомъ списками XIII — XVI в. и имѣютъ дѣло ученые, когда разбираютъ древнюю нашу лѣтопись.

Взгляды ученыхъ на древнюю нашу лѣтопись весьма разнообразны. Недоумѣніе и споры идутъ о томъ: есть ли наша древняя лѣтопись что либо цѣлое, произведеніе одного лица, или это сводъ, сборникъ извѣстій, записанныхъ разными лицами? Въ прежнее время, особенно въ XVIII ст., обыкновенно думали, что древняя наша лѣтопись составлена кіевопечерскимъ инокомъ Несторомъ, такъ какъ она часто озаглавливается: Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля... черноризца Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, а въ нѣкоторыхъ спискахъ, напримѣръ, хлѣбниковскомъ, помѣщено и имя Нестора. Этого мнѣнія держался и извѣстный изслѣдователь этой лѣтописи, нѣмецъ Шлецеръ, и объяснялъ несогласіе списковъ и явныя вставки невѣжествомъ переписчиковъ, на которыхъ и изливалъ свое негодованіе. Онъ даже предпринялъ трудъ возстановить несторовъ текстъ лѣтописи посредствомъ сличенія и критическаго разбора разныхъ списковъ. Мнѣнія Шлецера касательно древней лѣтописи дер-

[1]) См. предисловіе къ свѣтописному изданію первой новгородской лѣтописи изд. 1875 г.

жался и Карамзинъ. Но въ послѣдующее время, когда стали внимательнѣе изучать содержаніе этой лѣтописи, стали приходить къ другому выводу, именно, что это далеко не такой цѣльный памятникъ, какъ думали Шлецеръ и Карамзинъ. Въ 20 г. настоящаго столѣтія, такъ называемые скептики, во главѣ которыхъ стоялъ профессоръ московскаго университета Каченовскій, заподозрили даже древнее происхожденіе Повѣсти временныхъ лѣтъ. Это же мнѣніе недавно возобновилъ Д. И. Иловайскій въ своихъ Розысканіяхъ о началѣ Руси. Болѣе научное изученіе дѣла отвергло такое подозрительное отношеніе къ древней лѣтописи; но и оно привело къ выводу, что древняя лѣтопись не есть цѣльное произведеніе, принадлежащее одному лицу, а есть сводъ извѣстій разнаго происхожденія. Нѣкоторые полагаютъ, что этотъ сводъ составленъ не Несторомъ, а выдубицкимъ игуменомъ Сильвестромъ, который даетъ о себѣ знать въ самой лѣтописи. Послѣ разсказа событій 1110 г. въ лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи говорится: „игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта (слѣд. записано это въ 1116 г.), а иже чтетъ книгы сия, то буди ми въ молитвахъ“ [1]). Но и этотъ взглядъ не выдерживаетъ критики. Писать книги въ нашемъ старомъ языкѣ значило обыкновенно переписывать, писать въ смыслѣ матеріальномъ. Сильвестру, впрочемъ, принадлежитъ не одна переписка. Съ большою вѣроятностію можно предположить, что ему принадлежитъ разстановка годовъ, о чемъ говорится въ началѣ этого списка. Но еслибы Сильвестръ былъ авторомъ хотя-бы то части этого списка, то онъ непремѣнно написалъ бы гораздо больше о Владимірѣ Мономахѣ, а также сказалъ бы и объ основаніи своего монастыря.

Вопросъ о составѣ лѣтописи поднятъ затѣмъ вновь и самымъ научнымъ образомъ профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, написавшимъ особое изслѣдованіе — О составѣ начальной лѣтописи [2]), вошедшее въ сокращеніи и въ его исторію [3]). По его

---

[1]) Взглядъ этотъ, между прочимъ, высказалъ Н. И. Костомаровъ въ своихъ лекціяхъ, вышеупомянутыхъ. [2]) Четвертый выпускъ Лѣтописей занятій археографич. коммисіи. [3]) Стр. 18 — 30.

мнѣнію, лѣтописныя извѣстія, находящіяся въ нашей начальной лѣтописи, записаны въ разныхъ мѣстахъ Россіи, на самыхъ именно мѣстахъ совершенія событій. Это, по словамъ автора, видно изъ того, что лѣтописецъ съ удивительною точностію отмѣчаетъ дни и даже часы событій, чего не могъ сдѣлать, хотя бы то и современникъ, но находившійся въ другомъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе повѣствователь давно минувшихъ событій. Во многихъ мѣстахъ видно, что записывалъ очевидецъ. Такъ, напримѣръ, говоря о несчастіяхъ, лѣтописецъ иногда замѣчаетъ: насъ помиловалъ Богъ, хотя говорится о мѣстности не близкой къ Кіеву. Самое сильное у Бестужева-Рюмина доказательство многосоставности древней лѣтописи то, что объ однихъ и тѣхъ же лицахъ высказываются различныя мнѣнія,—то слышится приверженецъ, то противникъ [1]). Слѣдовательно, содержаніе лѣтописи записано разными лицами, въ разныхъ мѣстахъ, а мы имѣемъ лишь сводъ ихъ, неизвѣстно, кѣмъ составленный въ XII вѣкѣ.

Мнѣніе Бестужева-Рюмина самое общепризнанное въ нашей наукѣ. Но, говоря строго научно, оно должно быть признано крайнимъ предѣломъ разложенія на составы нашей древней лѣтописи, послѣ чего должно начаться возстановленіе хотя нѣкоторой ея цѣльности. Есть много обстоятельствъ, вызывающихъ на новое изслѣдованіе этого вопроса. Точность въ записи событій, совершившихся въ разныхъ и даже отдаленныхъ мѣстностяхъ, не есть еще рѣшительное доказательство, что ихъ записывали разныя лица и въ разныхъ мѣстахъ. Если предположить, что въ древней Руси существовалъ какой либо центръ тогдашней умственной дѣятельности, куда князья и дружинники, которыхъ подвижность была необыкновенна, могли являться и сообщать свои свѣдѣнія о событіяхъ, происходившихъ въ ихъ городахъ или областяхъ, то у насъ будетъ и другое объясненіе точной записи событій. Такимъ центромъ былъ тогда Кіевъ и, въ особенности, кіево-печерскій монастырь. Сюда приходили иночествовать люди изъ разныхъ областей Россіи. Они могли имѣть живыя сношенія съ своими родичами и получать отъ нихъ точныя свѣдѣнія [2]).

---

[1]) Напримѣръ, въ отзывахъ объ Изяславѣ Мстиславичѣ, соперникѣ Юрія Долгорукова. [2]) Препод. Антоній изъ Любеча, препод. Өеодосій изъ Курска, Ареѳа— изъ Полоцка, Исаакій — изъ Торопца купецъ; Евстратій и Никонъ были въ плѣну у половцевъ; Моисей-угринъ — изъ угорской страны и былъ въ плѣну въ Польшѣ;

Князья и дружинники относились съ особеннымъ уваженіемъ къ этому монастырю и, при своихъ частыхъ посѣщеніяхъ его, могли давать подробныя и точныя свѣдѣнія о событіяхъ, совершавшихся на Руси[1]). Наконецъ, нужно помнить, что мимо Кіева по Днѣпру пролегалъ одинъ изъ главнѣйшихъ торговыхъ путей. Здѣсь, въ Кіевѣ, былъ главнѣйшій сборъ торговыхъ людей изъ разныхъ мѣстностей. Отъ нихъ въ Кіевѣ много можно было узнать и записать со всею точностію.

Что касается того, что въ лѣтописи нерѣдко обнаруживаются авторы разсказа, какъ лица несомнѣнно разныхъ взглядовъ, то и это, повидимому, самое большое затрудненіе можетъ быть объяснено для нѣкоторыхъ изъ такихъ случаевъ очень просто. При тогдашней дороговизнѣ письменнаго матеріала и труда переписки, лѣтописи можно было списывать или для монастырей, или для очень богатыхъ людей — князей, дружинниковъ, слѣдовательно, для лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, описываемыхъ или близкихъ къ нимъ по времени. Эти лица, естественно, легко могли поправлять и дополнять разсказъ объ извѣстныхъ имъ событіяхъ и дѣлать эти поправки на полѣ, а переписчики потомъ вносили ихъ въ самый текстъ. Въ рукописяхъ иногда сохраняются слѣды, по которымъ можно узнать эти вставки. Когда въ 1870 г. въ археографической коммиссіи предпринималось переизданіе древней лѣтописи, и отъ ученыхъ были спрашиваемы мнѣнія, до какой точности воспроизводить рукописи, причемъ разсылались образцы изданія, то случилось, что и покойный Горскій, и я обратили вниманіе на особые значки, которыми обставлялись иныя мѣста, и при сличеніи разныхъ лѣтописныхъ списковъ, мы открыли, что это вставки, бывшія на полѣ [2]). Этимъ-то путемъ можно объяснить и нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ обличаются лѣтописные авторы разныхъ направ-

---

Іеремія помнилъ крещеніе русской земли; Варлаамъ и Ефремъ были изъ придворныхъ; наконецъ, иноки, выходившіе на игуменскія и епископскія мѣста, сохраняли связь съ своимъ монастыремъ, какъ видно изъ примѣра Симона, епископа владимірскаго. [1]) Янъ Вышатичъ и его родъ были друзья и почитатели иноковъ печерскаго монастыря. Близость къ печерскому монастырю князя Изяслава, особенно Святослава — извѣстна. [2]) См. Лѣтопись занятій археографической коммиссіи вып. 5 (1871 г.), отд. IV, стр. 113. (Въ моей запискѣ, которая тамъ указана, глухо, показано, что мѣста, обставленныя особаго рода четырехточіемъ, несомнѣнно составляютъ вставки).

лений, а тѣмъ болѣе разныхъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, только самое тщательное изслѣдованіе рукописей можетъ рѣшить эти и подобные имъ вопросы, а у К. Н. Бестужева-Рюмина въ томъ-то и главная ошибка, что изслѣдованіе его произведено только на основаніи печатныхъ списковъ. Этого изслѣдованія древней лѣтописи, на основаніи рукописныхъ списковъ, а не однихъ печатныхъ, нужно еще ждать. Для этого дѣла уже подготовляется матеріалъ и дѣлаются опыты. Таковы, между прочимъ, предисловія, варіанты и примѣчанія къ тексту въ изданіи лѣтописей археографической коммиссіи, особенно во второмъ изданіи древней лѣтописи. Необыкновенно важное значеніе имѣетъ при этомъ свѣтописное изданіе древней лѣтописи по спискамъ: лаврентьевскому, ипатскому и новгородскому, сдѣланное тою же археографической коммиссіей, въ которомъ со всею возможною для фотографіи точностію воспроизведены рукописи лѣтописей [1]).

Но и на этомъ пути изслѣдованія древней лѣтописи, по рукописнымъ спискамъ, есть одно недоумѣненіе, которое, вѣроятно, еще долго будетъ мѣшать надлежащему успѣху. Изъ всѣхъ списковъ древней лѣтописи самымъ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ пользуются древнѣйшіе списки. Это совершенно естественно и справедливо по отношенію къ достовѣрности всего содержанія лѣтописи; но для рѣшенія вопроса, есть ли древняя лѣтопись что́-либо цѣльное, взглядъ на древніе и поздніе списки долженъ быть, по нашему мнѣнію, иной. Разсмотримъ, какіе списки древней лѣтописи легче могли сохраниться до нашего времени? Вѣроятнѣе всего тѣ изъ нихъ, которыхъ, напримѣръ, въ татарское нашествіе было больше, текстъ которыхъ почему либо особенно цѣнился и потому былъ воспроизведенъ въ большемъ числѣ списковъ. Какой же это текстъ древней лѣтописи могъ быть особенно цѣнимъ и воспроизведенъ въ большемъ числѣ экземпляровъ? Это тотъ текстъ, который чаще другихъ бывалъ въ рукахъ князей, дружинниковъ, вообще свѣ-

---

[1]) Говоримъ: съ возможною для фотографіи точностію, потому что свѣтъ не все воспроизводитъ при этомъ. По засаленнымъ мѣстамъ рукописи онъ какъ бы скользитъ, не воспроизводитъ ихъ. Приходится рукой поправлять ошибки свѣтописи. Это очень важно знать, потому что, гдѣ только прикасается рука человѣка, тамъ сейчасъ возникаетъ вопросъ, вѣрно ли она сдѣлала свое дѣло. Слѣдовательно, и свѣтописное изданіе лѣтописей не можетъ вполнѣ замѣнить подлинныхъ лѣтописныхъ списковъ при научномъ изученіи ихъ.

дущихъ людей, и больше всего подвергался исправленіямъ и дополненіямъ съ ихъ стороны. Между тѣмъ, редакція древней лѣтописи, хотя бы то самая близкая къ ея первоначальному виду, но не бывшая въ рукахъ свѣдущихъ людей, не исправленная, рѣже воспроизводилась въ спискахъ, число этихъ списковъ было меньше, и по естественному порядку вѣроятностей такая лѣтопись легче могла затеряться въ древнемъ спискѣ и могла сохраниться лишь въ какомъ либо изъ позднѣйшихъ списковъ. Давно уже обращено вниманіе на то, что такіе поздніе списки древней лѣтописи, какъ софійскій и особенно никоновскій, заключаютъ въ себѣ извѣстія, какихъ нѣтъ въ спискахъ древнѣйшихъ. Но для сравнительнаго изученія древнихъ и новѣйшихъ списковъ по занимающему насъ вопросу еще слишкомъ мало сдѣлано, и самый этотъ вопросъ еще не получилъ, если можно такъ выразиться, права гражданства въ литературѣ нашей науки. Будь рѣшенъ этотъ вопросъ, тогда можетъ быть уяснилось бы и то, какимъ образомъ въ данной редакціи текста древней лѣтописи измѣняется точка зрѣнія на одно и тоже событіе. Впрочемъ, последнее затрудненіе нѣсколько разъяснено въ нашей литературѣ. Замѣчено давно, что наши древніе и всѣми уважаемые списки лѣтописей — лаврентіевскій и ипатскій, которые въ разсказѣ о позднѣйшихъ событіяхъ болѣе областного характера, то же часто не выдерживаютъ свойственныхъ имъ точекъ зрѣнія. Лаврентьевскій — восточно-русскаго происхожденія занимается иногда больше и симпатичнѣе дѣлами южной Руси, а ипатскій южно-русскаго происхожденія—на оборотъ. Изслѣдованіе этого разнорѣчія приводитъ къ тому выводу, что составители этихъ редакцій имѣли подъ руками какія-то недошедшія до насъ редакціи и перемѣшали ихъ. Подобныхъ новыхъ редакцій кромѣ древнихъ общеизвѣстныхъ списковъ нужно искать и для объясненія другихъ частей древней нашей лѣтописи, а пока это сдѣлается, слѣдуетъ, при всемъ уваженіи къ труду К. Н. Бестужева-Рюмина, не забывать мнѣнія и другого, еще болѣе авторитетнаго нашего историка, С. М. Соловьева, что при всей многосоставности нашей начальной лѣтописи, она „сохраняетъ явственно одну общую основу“ [1]).

Эта общая основа нашей древней лѣтописи и въ настоящее

[1]) Ист. Росс. т. 3, стр. 118, по изд. 3-му.

время уже нѣсколько уясняется. Въ этой лѣтописи въ разсказѣ о дѣлахъ второй половины XI в. совершенно ясно видно, что дѣла эти записывалъ инокъ кіевопечерскаго монастыря, судьба котораго, какъ его основаніе, подвиги Ѳеодосія и другихъ иноковъ, нападенія на монастырь половцевъ, сильно его занимаетъ. Еще важнѣе то, что вообще въ авторѣ виденъ южанинъ-кіевлянинъ. Онъ и разселеніе племенъ ведетъ съ юга; онъ и даетъ особое предпочтеніе своему племени—полянамъ; онъ вообще лучше знаетъ топографію и этнографію южной Руси, чѣмъ сѣверо-восточной. Общая основа лѣтописи не простирается однако на весьма многія мѣста и части древней лѣтописи, составляющія несомнѣнныя вставки. Таковъ цѣлый трактатъ о разселеніи народовъ послѣ потопа, взятый изъ греческой хроники—Георгія Амартола, имя котораго упоминаетъ сама лѣтопись, и въ той же лѣтописи видно, какъ не искусно вставленъ этотъ разсказъ, какъ имъ очевидно разорванъ первоначальный текстъ лѣтописей [1]). Таковы договоры съ греками Олега, Игоря. Таково исповѣданіе вѣры Владиміра. Таковъ разсказъ объ ослѣпленіи Василька Ростиславича, гдѣ называется и авторъ его — Василь. Таково то же неискусно вставленное въ разсказъ о половцахъ поученіе Мономаха, разсказъ новгородца Гюряты о сѣверовосточныхъ странахъ и не малое число другихъ, отрывочныхъ извѣстій [2]).

И въ самой основѣ своей, а тѣмъ болѣе вмѣстѣ съ своими вставочными статьями и частями наша древняя или начальная лѣтопись носитъ на себѣ явно обще-русскій характеръ, выражаетъ то государственное единство, какое столь рѣшительно преобладало у насъ въ X, въ первой половинѣ и въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ. Сознаніе единства у автора или авторовъ нашей начальной лѣтописи идетъ дальше государственности и обнимаетъ болѣе внутреннія явленія нашей исторической жизни. Наша начальная лѣтопись хорошо знаетъ народное единство всѣхъ славянскихъ племенъ, населявшихъ Россію. Мало того, она хорошо знаетъ единство всѣхъ славянскихъ племенъ, хотя

[1]) Въ статьѣ Н. И. Ламбина — Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси (Журн. Мин. Народ. Просв. 1874, Іюнь и Іюль) — новѣйшій и весьма обстоятельный опытъ сличенія разныхъ текстовъ лѣтописи по вопросу о началѣ Руси.

[2]) Подробно онѣ перечислены у Соловьева 3 т. стр. 118 — 135. по 3 изд., а еще подробнѣе въ 1 и 3 частяхъ изслѣдованія К. Н. Бестужева-Рюмина—О составѣ русскихъ лѣт. Лѣт. занят. арх. ком. вып. 4.

они были и за предѣлами русскаго государства [1]). Нельзя также не отмѣтить ея глубокаго уваженія къ славянскому апостольству св. Кирилла и Меѳодія, къ славянской грамотѣ [2]) и вообще къ книжному ученію [3]). Наша начальная лѣтопись есть по истинѣ величественный памятникъ славянскаго и русскаго сознанія и въ то же время памятникъ несомнѣнно богатыхъ задатковъ европейской цивилизаціи русскаго народа.

Что же касается того, какимъ образомъ наши грамотные люди пришли къ мысли записывать событія своей страны и кто ихъ навелъ на эту мысль, то этотъ вопросъ удовлетворительно рѣшается самой лѣтописью. Сама она указываетъ свой образецъ. Это греческія лѣтописи, конечно, въ болгарскомъ переводѣ. Изъ самой же лѣтописи видно, что матеріалъ накоплялся двумя путями или способами. Существовали, очевидно, и погодныя замѣтки болѣе важныхъ событій въ видѣ приписокъ къ пасхаліямъ, и существовали отдѣльные разсказы безъ обозначенія годовъ. Тѣ и другіе въ древнѣйшемъ нашемъ лѣтописномъ сводѣ соединены въ одно. Особые разсказы разбиты по годамъ и соединены съ пасхальными замѣтками. Разбиты событія по годамъ иногда очень не искусно, а при иныхъ годахъ даже ничего не показано, и смущенные этой пустотой лѣтописцы иногда наполняли ее оригинальною замѣткой: „Въ лѣто (такое-то) ничтоже бысть“.

Областныя лѣтописи. Наша начальная лѣтопись, какъ мы уже говорили, сохранилась въ двухъ главнѣйшихъ редакціяхъ — лаврентіевской и ипатіевской. Въ этихъ же спискахъ, въ продолженіяхъ древней лѣтописи, заключаются двѣ главнѣйшія областныя лѣтописи. Въ началѣ XII вѣка обѣ лѣтописи, лав-

[1]) Разсказывая о разселеніи славянъ, лѣтопись постоянно упоминаетъ, что и такія-то племена — словени, и такія-то — тоже словени. Въ небольшомъ отрывкѣ объ этомъ слово „словени“ употребляется восемь разъ и, кромѣ того, въ началѣ разсказа употребляется выраженіе, что отъ Яфетова племени „бысть языкъ словенскъ“, и въ концѣ его говорится: „тако разыдеся словеньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася словеньская“. Лѣт. Лавр., стр. 5 — 6, изд. 1872 г. [2]) Тамъ же, стр. 25 — 28. [3]) ... и книгамъ (Ярославъ Мудрый) прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо, и списаша книги многы, и списка, имиже поучающеся вѣрни людье наслажаются ученья божественнаго... Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянію, мудрость бо обрѣтаемъ и вздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина... Тамъ же, стр. 148.

рентіевская и ипатіевская, еще довольно сходны и въ значительной степени удерживаютъ обще-русскій характеръ; но около половины этого столѣтія, особенно во второй половинѣ его и далѣе, онѣ болѣе и болѣе расходятся и дѣлаются областными. Лаврентіевская дѣлается областною восточно-русскою, суздальскою и, наконецъ, примыкаетъ къ дѣламъ московскимъ, ипатіевская — южно-русскою, сперва преимущественно кіевскою, затѣмъ волынскою и, наконецъ, волынско-галицкою. Это вполнѣ отвѣчаетъ нашей государственности, когда кіевскій столъ вызывалъ великій споръ между суздальскими и волынскими князьями и сильно падалъ, а сказанныя области сильно выдвигались; наконецъ, суздальская область передаетъ силу и значеніе московской, а Волынь подкрѣпляетъ себя Галиціей. Лѣтопись лаврентіевская оканчивается 1305 годомъ и дополняется такъ называемой суздальскою лѣтописью. Лѣтопись ипатская оканчивается 1292 г. Съ нею имѣетъ связь такъ называемая густынская лѣтопись, въ которой разсказъ о дѣлахъ кіевскихъ, волынскихъ и галицкихъ переходитъ въ разсказъ о дѣлахъ литовскихъ и польскихъ, сообразно дальнѣйшей исторіи этихъ областей.

Лаврентіевская и ипатіевская лѣтописи напечатаны въ двухъ изданіяхъ. Въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, въ первомъ томѣ, издана (1846 г.) лаврентіевская лѣтопись съ варіантами изъ ипатіевской и другихъ; во второмъ томѣ (1843 г.) — ипатіевская, т. е. собственно продолженіе древней лѣтописи. Тамъ же, во второмъ томѣ, издана густынская лѣтопись. Во второмъ изданіи обѣ лѣтописи изданы отдѣльно въ двухъ томахъ (ипат. 1871, лавр. 1872) и въ каждой напечатано и начало, т. е. древняя лѣтопись, и ея продолженіе.

Ипатіевская лѣтопись выдѣляется изъ ряда другихъ лѣтописей рѣзкими особенностями. Она писана во многихъ мѣстахъ въ видѣ цѣльныхъ статей. Года въ ней подставлены уже послѣ и потому не совпадаютъ съ годами тѣхъ же событій по лаврентіевской лѣтописи, отличающейся большою точностію. Далѣе, ипатіевская лѣтопись заключаетъ въ себѣ много живыхъ разсказовъ, писанныхъ, очевидно, дружинниками, непосредственными участниками въ излагаемыхъ ими событіяхъ. Въ разсказахъ этой лѣтописи очень хорошо обрисовывается древняя вѣчевая жизнь, что̀ обличаетъ тоже свѣтское ихъ происхожденіе. Наконецъ,

почти отъ всѣхъ другихъ лѣтописей ипатіевская лѣтопись отличается сильнымъ патріотизмомъ, особенно когда разсказъ ея доходитъ до татарскихъ временъ. Таково, напримѣръ, описаніе путешествія Даніила Галицкаго въ Орду [1]).

Лѣтописи новгородскія. Говоря о новгородскихъ лѣтописяхъ, нельзя не упомянуть о такъ называемой лѣтописи іоакимовской. Она найдена и издана Татищевымъ. Напечатана въ 4-й гл. 1-й части его исторіи Россіи. Эта лѣтопись по достоинству своего содержанія можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Въ первой говорится о древнѣйшихъ временахъ Новгорода, объ его самобытныхъ князьяхъ, и передаются совершенно своеобразныя извѣстія о призваніи князей. Часть эта носитъ на себѣ характеръ миѳическій и потому мало достовѣрна, хотя и эта миѳичность имѣетъ большое значеніе. Наши позднѣйшіе лѣтописцы несомнѣнно много вдумывались въ загадочный разсказъ начальной лѣтописи о призваніи князей и несомнѣнно много работали надъ уясненіемъ этого разсказа. Двумя главными вопросами они при этомъ занимались. Во-первыхъ, они старались разъяснить, что призваніе князей сопровождалось соглашеніемъ, договоромъ, какъ это можно видѣть изъ варіантовъ списковъ ипатіевской лѣтописи. Во-вторыхъ, они старались раздѣлить слитыхъ въ одно въ древней лѣтописи варяговъ-русь и, признавая русь туземцами, искали варяговъ у чужихъ народовъ, то подъ общимъ именемъ нѣмцевъ (чужихъ людей), то подъ именемъ чужихъ людей странъ прибалтійскихъ, принѣманскихъ. Въ іоакимовской лѣтописи эти попытки собраны во-едино и дается полный разсказъ объ естественности призванія новыхъ князей — родственниковъ старой новгородской княжеской династіи. Вторая часть іоакимовской лѣтописи чисто историческаго содержанія. Она оканчивается временемъ Ярополка, и особенно важна тѣмъ, что проливаетъ новый

[1]) Описавъ тягостное путешествіе Даніила къ Батыю на поклоненіе и пріемъ у него, сопровождавшійся угощеніемъ кумысомъ и затѣмъ присылкой Даніилу вина, лѣтописецъ продолжаетъ: „О злѣе зла честь Татарьская! Данилови Романовичу князю бившу велику, обладавшу рускою землею, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си, (и) инѣми странами: нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь татарьская!.. и пріиде в землю свою и срете его братъ и сынове его, и бысть плачь обидѣ его, и болшая бѣ радость о здравьи его. Ипатьевск. лѣт., стр. 536 — 7. изд. 1871 г.

свѣтъ на первоначальную исторію нашего христіанства. Многіе ученые не придаютъ этой лѣтописи никакого значенія, какъ, напримѣръ, Шлецеръ, Карамзинъ. Въ позднѣйшее время достовѣрность ея ниспровергаетъ профессоръ Голубинскій [1]). Всѣ другіе церковные наши писатели, какъ архіепископъ Филаретъ и митрополитъ Макарій, очень цѣнятъ, и справедливо, вторую часть этой лѣтописи.

Собственно новгородскія лѣтописи, которыхъ въ Полномъ собраніи лѣтописей издано четыре, начинаются краткимъ разсказомъ о древнихъ событіяхъ обще-русскаго характера до XII в. Разсказъ этотъ въ основѣ сходенъ съ начальной лѣтописью, разсмотрѣнной нами, и только обставленъ нѣкоторыми мѣстными извѣстіями. Но съ XII и особенно съ XIII в., когда государственная жизнь новгородская была особенно самостоятельною и богатою событіями, новгородскія лѣтописи дѣлаются подробными и, въ соотвѣтствіе съ значеніемъ Новгорода, нерѣдко получаютъ опять характеръ общерусскихъ лѣтописей. Двѣ первыя новгородскія лѣтописи очень сходны между собою въ предѣлахъ времени, какое обѣ обнимаютъ (первая до 1444, вторая до 1572 г.) и во многихъ мѣстахъ основаны на однихъ и тѣхъ же источникахъ. Первая новгородская лѣтопись драгоцѣнна отмѣтками о древнихъ временахъ, особенно о внутреннихъ дѣлахъ Новгорода, объ его войнахъ съ Чудью, шведами, литовцами, ливонскими рыцарями и объ отношеніяхъ къ князьямъ. Кромѣ того, она содержитъ отдѣльныя статьи, напримѣръ: о взятіи Царьграда крестоносцами, о дѣлахъ татарскихъ — битва на Калкѣ, нашествіе татаръ на Рязань и Владиміръ, Мамаево побоище. Вторая новгородская лѣтопись до 1444 г. есть собственно сокращеніе первой, а съ этого времени, хотя самостоятельна, но тоже очень кратка. Только исторію паденія Новгорода она разсказываетъ подробно. Къ ней приложенъ краткій лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ съ крещенія Руси до 1673 г. Обѣ новгородскія лѣтописи, хотя составлены въ такой рѣзко выдѣлившейся области и такъ страстно привязанной къ своей самобытности, проникнуты сильнымъ сознаніемъ единства русской земли и проповѣдуютъ обязательность тѣсной связи сперва съ кіевскимъ русскимъ средоточіемъ, а затѣмъ съ суздальскимъ и

[1]) Творен. св. отцовъ, 1881 г., кн. IV, стр. 602 — 649.

наконецъ съ московскимъ. Замѣчательно также, что онѣ строго относятся къ вѣчевымъ смутамъ и вездѣ живо рисуютъ великое объединяющее значеніе новгородскаго владыки. Прибавочныя статьи ихъ показываютъ раннюю русскую потребность и въ прагматической работѣ и въ справочныхъ вещахъ.

Первыя двѣ новгородскія лѣтописи изданы, кромѣ третьяго тома Полнаго собранія лѣтописей, вновь—первая свѣтописнымъ образомъ и вскорѣ выйдетъ въ обыкновенномъ изданіи; вторая напечатана вновь въ 1879 г. вмѣстѣ съ третьею новгор. лѣтописью.

Третья новгородская лѣтопись есть собственно церковная лѣтопись, (Лѣтописецъ церквамъ божіимъ, въ которое лѣто, которая церковь во имя строена, и при которомъ епископѣ или архіепископѣ или митрополитѣ, и въ которомъ годѣ который епископъ или архіепископъ или митрополитъ поставлены были и прилучаи въ которомъ годѣ какіе были въ Великомъ Новгородѣ и въ пригородѣхъ). Изъ самаго уже заглавія видно, что гражданскія событія въ ней помѣщены случайно. Впрочемъ, въ ней есть подробная повѣсть о казни Новгорода Іоанномъ IV и о взятіи Новгорода шведами въ смутныя времена. Въ старомъ изданіи лѣтопись эта обнимаетъ время съ 988 по 1716 г., а въ новомъ приложены къ ней два отрывка изъ лѣтописнаго сборника дворищенскаго собора,—первый съ 1583 по 1767 г., второй—съ 1571 по 1824 г.

Четвертая новгородская лѣтопись, продолжающаяся до 1496 г., не есть собственно новгородская лѣтопись, а лѣтописный сборникъ извѣстій о событіяхъ разныхъ русскихъ областей, въ томъ числѣ и новгородской. Въ ней есть тоже отдѣльныя статьи, каковы: путешествіе дьяка Александра въ Царьградъ (прилож. стр. 357); о побоищѣ на Дону (Мамаево побоище) (стр. 75); о плѣненіи и прихожденіи Тохтамыша царя и о Московскомъ взятіи (стр. 84); слово о житіи князя Димитрія Донскаго (прилож. стр. 349); повѣсть о преставленіи тверскаго князя Михаила Александровича (прилож. стр. 357). Издана эта лѣтопись въ 4 т. Полнаго собранія русскихъ лѣтописей.

Псковскія лѣтописи. Ихъ двѣ. Первая до 1609 г., вторая до 1486 г. Вторая—видоизмѣненіе первой. Обѣ эти лѣтописи подобно ипатьевской рѣзко выдѣляются изъ ряда областныхъ русскихъ лѣтописей. Общерусскій государственный интересъ не былъ здѣсь спорнымъ вопросомъ. Псковичи спорили за независимость отъ Нов-

города и, по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтали ее, болѣе и болѣе тянули къ русскому государственному средоточію, особенно къ Москвѣ. Это направленіе усиливали еще слѣдующія обстоятельства. Псковская территорія представляла длинную полосу съ сѣверо-востока на юго-западъ. Сѣверо-западною своею стороною она вся примыкала къ инородцамъ. Это вызывало тяжкую борьбу для псковичей за историческое ихъ существованіе, особенно борьбу съ ливонскими нѣмцами. Собственно и лѣтопись псковская дѣлается подробною съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ къ нимъ и сталъ сильно биться съ нѣмцами литовскій князь Довмонтъ, т. е. съ 1265 г.

Какъ русское племя, поставленное на краѣ русской земли, псковичи естественно развили въ себѣ патріотическое, народное направленіе. Дѣла внутренней псковской жизни, обычаи, народныя бѣдствія сами собою отмѣчались. Отъ того въ этихъ лѣтописяхъ мы имѣемъ лучшую картину областной жизни. Кромѣ того, въ нихъ много добавочныхъ статей. Въ первой — посланіе Симона митроп. о вдовыхъ попахъ; слово о житіи Димитрія Ивановича Донскаго; путешествіе въ Царьградъ дьяка Александра; о преставленіи князя тверскаго Михаила Александровича. Во второй — объ осадѣ Пскова шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ въ 1615 г.; затѣмъ, особенно цѣнное приложеніе, лучше всѣхъ другихъ памятниковъ освѣщающее послѣднія времена самозванческихъ смутъ — „о бѣдахъ и скорбяхъ и напастехъ, еже бысть въ великой Россіи Божіимъ наказаніемъ грѣхъ ради нашихъ на послѣдокъ дній осьмаго вѣка“; далѣе — о царскомъ избраніи на Московское государство; о смутахъ въ Псковѣ при самозванцахъ; о крещеніи чуди и лопарей (1534 г.). Особенно выдающуюся черту псковскихъ лѣтописей представляетъ поражающая выдержанность цѣлаго ряда картинъ (до смутнаго времени), изображающихъ вѣрность псковичей русскому княжескому роду. Таковы: клятва псковичей быть вѣрными роду Александра Невскаго и картина святого сохраненія этого обѣта при защитѣ Александра Михайловича тверскаго, отъ котораго всѣ требовали идти къ Узбеку на вѣрную смерть; картина гибели псковской самобытности при Василіи Іоанновичѣ и покорности передъ Іоанномъ Грознымъ.

Лѣтописи западнорусскія. Съ южнорусскими, новгородскими и псковскими лѣтописями имѣютъ тѣсную связь лѣтописи западнорусскія, такъ какъ, по близости мѣста и множеству сно-

шеній, всѣ онѣ естественно занимались не разъ одними и тѣми же дѣлами.

Съ XIII и особенно съ XIV вѣка русскую землю на западъ отъ Днѣпра стали разбирать Литва и Польша. Во время татарскаго разгрома народъ разбѣгался подальше отъ татаръ, въ мѣста менѣе имъ доступныя. Въ восточной Россіи этимъ путемъ сильно засѣлились сѣверныя области; изъ Руси кіевскій народъ бѣжалъ въ Галицію и особенно въ Литву, въ которой громадные лѣса и болота хорошо могли укрывать бѣглецовъ, да и воинственные литвины доставляли имъ не малую охрану. Наплывомъ этихъ бѣглецовъ объясняется и быстрое возвышеніе литовской государственности и столь же быстрое ея обрусѣніе. Естественно и даже необходимо предположить, что русскіе бѣглецы отъ татарскихъ насилій уносили съ собою въ Литву въ своемъ имуществѣ и книги, и въ томъ числѣ хотя небольшое число лѣтописей, и, во всякомъ случаѣ, приносили въ Литву умѣніе и привычку писать лѣтописи и читать ихъ. Поэтому естественно предположить, что въ Литвѣ были и старыя русскія лѣтописи и писались дальше. Но соединеніе Литвы съ Польшей, а тѣмъ болѣе покореніе Польшей Галиціи, не только ослабляли русскую лѣтописную дѣятельность, но повели къ сильному истребленію сохранявшихся старыхъ и написанныхъ вновь лѣтописей. Польскій и особенно латинскій фанатизмъ по отношенію ко всему русскому и православному былъ главнѣйшимъ двигателемъ этого по истинѣ варварскаго дѣла. Не смотря однако на это, кое-что сохранилось въ Литвѣ изъ старыхъ лѣтописей и кое-что изъ вновь написанныхъ западно-русскихъ лѣтописей. У литовско-польскаго хроникера XV в. Длугоша есть не мало русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, сходныхъ съ извѣстными нашими лѣтописями, или даже совершенно новыхъ. Выборка этихъ мѣстъ сдѣлана профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ и приложена къ его изслѣдованію о составѣ лѣтописей. У другого литовско-польскаго хроникера XVI ст. Стрыйковскаго есть многократныя указанія на русскія лѣтописи, бывшія у него подъ руками, и хотя этому писателю не во всемъ можно довѣрять, но содержаніе его хроники убѣждаетъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ у себя русскія лѣтописи. Сохранились въ цѣломъ видѣ и старинныя русскія лѣтописи, заключающія въ себѣ и древнюю нашу лѣтопись и продолженіе ея, составленныя въ

Литвѣ. Это 1, древняя лѣтопись по списку такъ называемому кенигсбергскому или радивиловскому,—болѣе близкая къ лаврентьевской. 2. Самая ипатьевская лѣтопись, хотя найдена въ костромскомъ ипатіевскомъ монастырѣ, но несомнѣнно писана въ западной Россіи. Тамъ же списана и такъ называемая тверская лѣтопись. 3. Сохранилась лѣтопись съ еще болѣе сильными признаками западно-русскаго происхожденія. Это западно-русская часть супрасльской лѣтописи. Супрасльская лѣтопись найдена въ супрасльскомъ монастырѣ (гродн. губ.) и издана въ Москвѣ въ 1836 г. Малиновскимъ и кн. Оболенскимъ. Она содержитъ въ себѣ краткую новгородскую лѣтопись до 1382 и затѣмъ кіевскую до 1514. Въ обѣихъ частяхъ она вводитъ извѣстія о литовскихъ дѣлахъ. Извѣстія эти особенно важны для XIV в.

Сохранились и двѣ лѣтописи собственно западнорусскія. Одна изъ нихъ, болѣе краткая, обнимаетъ время съ 1340 г. по 1446. Она издана (1823 г.) въ виленскомъ еженедѣльникѣ, издававшемся при виленскомъ университетѣ. Издатель ея, Даниловичъ, обставилъ ее прекрасными сличеніями съ другими русскими лѣтописями, но сдѣлалъ при этомъ варварское дѣло: и самую лѣтопись и сличенія ея съ другими русскими лѣтописями издалъ польскими буквами. Русскимъ алфавитомъ она издана Поповымъ въ запискахъ академіи наукъ. Въ 1866 г. въ Витебскѣ найдена такъ называемая лѣтопись Авраамка, въ которой кромѣ лѣтописнаго сборника, болѣе близкаго къ четвертой новгородской лѣтописи, находится и та самая лѣтопись, которую издали Даниловичъ и Поповъ. Изданіе этой лѣтописи печатается уже давно, но еще не окончено археографической коммиссіей.

Болѣе обширная западно-русская лѣтопись—это такъ называемая лѣтопись Быховца, изданная литовско-польскимъ историкомъ Нарбуттомъ тоже варварскимъ способомъ т. е. польскими буквами. Она дополняетъ вышеупомянутую лѣтопись въ началѣ извѣстіями о происхожденіи литовскихъ князей отъ римлянъ и въ концѣ—разсказомъ о дальнѣйшихъ событіяхъ Литвы до начала XVI столѣтія.

Со всѣми этими лѣтописями имѣетъ тѣсную связь густынская лѣтопись, о которой мы уже упоминали и которая представляетъ сводъ древнерусскихъ, западнорусскихъ лѣтописей и наконецъ выборку извѣстій изъ литовско-польскихъ хроникеровъ. Доводитъ она свой разсказъ до конца XVI столѣтія (до 1597 г.).

Лѣтописи переходнаго времени. Послѣ татарскаго разгрома въ восточной Россіи было значительное время колебанія, нерѣшительности, гдѣ устроится русскій государственный центръ. Значеніе государственнаго центра имѣли Владиміръ, Тверь, Рязань, и не мало времени прошло, пока Москва получила рѣшительное преобладаніе надъ всѣми другими княжествами. Эта нерѣшительность, это колебаніе отразились и на лѣтописной дѣятельности и дали начало нѣсколькимъ лѣтописямъ этого рода.

Давно, еще до татарскаго нашествія, усиленіе суздальской области естественно вызывало вниманіе лѣтописцевъ, и это вниманіе выразилось не въ томъ только, что въ лаврентьевской лѣтописи нашли себѣ мѣсто многія суздальскія извѣстія. Существовали и особыя суздальскія лѣтописи. Такъ извѣстный епископъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ: „аще хощеши увѣдати, почти лѣтописца стараго ростовскаго“. Въ тверской лѣтописи послѣ родословія князей тверскихъ говорится: „до здѣ пишущу, уставихомъ, ис перваго лѣтописца въображающе, якоже Володимірскій Полихронъ степенемъ приведе“ [1]).

Ни ростовскій лѣтописецъ, ни владимірскій полихронъ не сохранились. Сохранился для этого времени лѣтописецъ Переяслава суздальскаго, изданный кн. Оболенскимъ въ 1851 г. Лѣтопись эта начинается разселеніемъ племенъ и оканчивается 1214 г. И въ древней лѣтописи и въ продолженіи ея онъ представляетъ много своеобразностей, перечисленныхъ въ обширномъ предисловіи издателя. Лѣтописецъ этотъ составленъ въ началѣ XIII в., какъ на это есть указаніе въ немъ самомъ [2]). Но нельзя согласиться съ издателемъ, что изданная имъ рукопись—XIII в. Она гораздо позднѣе и сильно подновлена въ языкѣ и даже въ изложеніи дѣла.

Позднѣйшія событія суздальской земли въ болѣе выдѣлившемся видѣ, чѣмъ въ лаврентьевской, излагаются и продолжаются въ упомянутой лѣтописи суздальской, приложенной къ лаврентьевской лѣтописи въ старомъ изданіи лѣтописей подъ именемъ троицкой, а въ новомъ, подъ именемъ суздальской по академическому списку, т. е. по списку московской духовной академіи (тро-

---

[1]) Твер. л., стр. 465. [2]) Подъ 1175 г. гвоорится: Андрѣю, княже великый!

ицкой). Она обнимаетъ время съ 1205 по 1419 г. и входитъ въ московскія дѣла.

Лѣтопись тверская. Въ ней кромѣ краткихъ лѣтописныхъ сказаній о древнихъ временахъ, ведется подробный разсказъ о дѣлахъ тверскихъ съ начала XIV и до начала второй половины XV, что и отвѣчаетъ значенію Твери въ это время. Лѣтопись собственно писана съ главною цѣлію изложить событія при князѣ Михаилѣ Александровичѣ, соперникѣ Димитрія Донского и союзникѣ литовскаго князя Ольгерда; но такъ какъ она писана въ 1461 г., то событія этого времени, какъ разсказанныя современникомъ, еще важнѣе. Въ хронографѣ, помѣщенномъ въ началѣ тверской лѣтописи, высказано замѣчательно ясное сознаніе единства русскихъ племенъ и ихъ господства надъ инородческими племенами чудскими и литовскими (стр. 22). Издана эта лѣтопись въ XV томѣ Полнаго собранія лѣтописей.

Лѣтописи московскаго періода. Лѣтописи московскаго періода слѣдующія:

Софійская первая до 1509 г. и вторая до 1534 г. (въ 5, 6 и 7 т. П. с. л.).

Воскресенская—до 1541 г. (7 и 8 т. П. с. л,).

Никоновская—до 1630 г. (старое изд. 8 томовъ, новое—начало лѣтописи, именно до 1176 г. (9 т. П. с. л.).

Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, какъ Москва собирала во-едино русскую землю, и эти лѣтописи больше, чѣмъ всѣ другія, имѣютъ сборный характеръ, составляютъ сборники лѣтописныхъ извѣстій изъ многочисленныхъ редакцій древнихъ и не древнихъ лѣтописей, изъ которыхъ иныя дошли до насъ и въ отдѣльномъ видѣ.

Во всѣхъ этихъ сборныхъ лѣтописяхъ можно различать три отдѣла:

1) Начальную лѣтопись; 2) болѣе или менѣе полный сводъ областныхъ лѣтописей за время отъ XII до XIV в. и 3) общерусскую или московскую лѣтопись.

молися помиловати князя нашего и господина Ярослава своего же присна́го и благороднаго сыновца, и дай же ему на противныя и многа лѣта съ княгинею и прижитіе дѣтей благородныхъ (предисл. 1 стр.) Первый ли бракъ здѣсь разумѣется, заключенный въ 1206 г. и отъ котораго у Ярослава не было дѣтей, или второй 1214 г., послѣ котораго у Ярослава было много дѣтей, во всякомъ случаѣ лѣтопись писана между 1206 и 1215 г.

Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ начальная лѣтопись или повѣсть временныхъ лѣтъ имѣетъ особенности,—не малое число древнихъ извѣстій, не находящихся въ главныхъ редакціяхъ начальной лѣтописи. Такъ въ софійской лѣтописи есть извѣстіе, что варяги брали дань отъ мужа по бѣлѣ вѣверицѣ; въ никоновской — извѣстіе о возмущеніи Вадима; въ софійскомъ и никоновскомъ о новгородскомъ епископѣ Лукѣ Жидятѣ и др. Новыя извѣстія этихъ лѣтописей часто заподозриваются; но достовѣрность ихъ трудно ниспровергнуть и, они признаются лучшими нашими учеными.

За время областного развитія въ этихъ лѣтописяхъ преобладаютъ то тѣ, то другія мѣстныя извѣстія. Въ софійскихъ мы видимъ преобладаніе извѣстій новгородскихъ, суздальскихъ, псковскихъ и смоленскихъ; въ воскресенской — кіевскихъ и суздальскихъ. Только въ никоновской лѣтописи значительно равномѣрное совмѣщеніе областныхъ извѣстій, дополненныхъ даже извѣстіями славянскими.

Наконецъ, въ этихъ лѣтописяхъ излагается исторія московскаго единодержавія. Важнѣйшіе моменты этой исторіи, на которые разсматриваемые лѣтописцы обращали особенное вниманіе, были: Мамаево побоище, борьба Москвы съ Тверью и Литвою, смуты при Василіѣ Темномъ, паденіе Новгорода и Пскова, лучшія времена Іоанна IV, напримѣръ, казанскіе походы.

Въ софійской лѣтописи болѣе подробна исторія Іоанна III. Въ воскресенской подробное изложеніе продолжается до Іоанна Грознаго. Въ никоновской особенно полны исторія Василія Темнаго и Іоанна Грознаго, не говоря уже о позднѣйшихъ временахъ, напримѣръ, смутномъ времени. Нѣкоторыя изъ лѣтописей, вошедшихъ въ составъ никоновской лѣтописи за это позднѣйшее время, существуютъ отдѣльно, какъ напримѣръ: лѣтопись о мятежахъ, иное сказаніе о самозванцахъ, новый лѣтописецъ.

Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ кромѣ того есть весьма много вставочныхъ статей, особенно въ софійской, дѣлающихъ ее драгоцѣннѣйшимъ нашимъ сборникомъ.

Вотъ важнѣйшія изъ вставочныхъ статей по всѣмъ этимъ лѣтописямъ:

1) Договоръ Олега съ греками[1]).

---

[1]) 1 Соф. 5. 94.

2) Договоръ Игоря съ греками[2]).

3) Смерть Өеодора и Іоанна, варяговъ[3]).

4) Убіеніе Бориса и Глѣба и перенесеніе ихъ мощей[4]).

5) Житіе Александра Невскаго[5]).

6) Убіеніе Михаила князя черниговскаго[6]).

7) Убіеніе Михаила Ярославича тверскаго[7]).

8) Рукописаніе и завѣщаніе Магнуса, короля свейскаго (не нападать на Русь 1352 г.[8]).

9) Паденіе Новгорода[9]).

10) Паденіе Пскова[10]).

11) Русская правда[11]).

12) Судебникъ царя Константина[12]).

13) Уставъ Владиміра[13]).

14) Посланіе Новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому епископу Өеодору о земномъ раѣ[14]).

15) Мамаево побоище[15]).

16) О взятіи Москвы Тохтамышемъ[16]).

17) Житіе Димитрія Донскаго[17]).

18) Житіе преп. Сергія радонежскаго[18]).

19) О Стефанѣ пермскомъ[19]).

20) Житіе Варлаама хутынскаго[20]).

21) Житіе Никона, ученика Сергія[21]).

22) Завѣщаніе митрополита Фотія[22]).

23) Повѣсть объ осьмомъ соборѣ флорентинскомъ[23]).

24) Посланіе Вассіана Іоанну III на Угру[24]).

25) О взятіи Смоленска[25]).

26) О смерти Василія Іоанновича[26]).

27) О казанскихъ походахъ[27]).

---

[2]) 1 Соф. 5. 99. [3]) 1 Соф. 5. 113. [4]) 1 Соф. 5, 125, 128 и. 146. [5]) Соф. 5. 176. [6]) 1. Соф. 5. 182. Ник. 3. 19. [7]) 1 Соф. 5. 207. Воскр. 7. 188. Ник. 3. 116. 4. 285 [8]) 1 Соф. 5. 227. Воскр. 7. 216. Ник. 3. 198. [9]) 1. Соф. 6. 1. Воскр. 8. 159 (подробн.). Ник. 6. 15—36, 65—105. [10]) 1 Соф. 6. 25. [11]) 1 Соф. приб. 6. 57. [12]) 1 Соф. приб. 6. 69. [13]) 1 Соф. приб. 6. 82. [14]) 1 Соф. приб. 6. 87. Воскр. 7. 212. [15]) 1 Соф. приб. 6. 90. Воскр. 8. 34. Ник. 4. 86. [16]) 1 Соф. приб. 6. 98. Втор. Соф. 6. 42. [17]) 1 Соф. приб. 6. 104; Воскр. 8. 53; Ник. 4. 184. [18]) 2 Соф. 6. 119; Ник. 4. 203. [19]) 2 Соф. 6. 129. [20]) 2 Соф. 6. 135. 325. [21]) 2 Соф. 6, 135. [22]) 2 Соф. 6, 144; Ник. 5, 110. [23]) 2 Соф. 6, 151. Ник. 5, 128. Въ Ник. затѣмъ выписки изъ разн. соборныхъ постановленій противъ латинянъ 160—191. [24]) 2 Соф. 6, 225. Воскр. 8, 207. [25]) 2 Соф. 6, 255; Воскр. 8, 255; Ник. 196, 6. [26]) 2. Соф. 6, 267. Воскр. 8, 285. [27]) 2 Соф. прилож. 6, 306.

28) Хожденіе въ Индію Аѳанасія тверитина (около половины XV в. [1]).

29) Зачало Константина града [2]).

30) Взятіе Константина града турками [3]).

31) Начало литовскихъ государей [4]).

32) О молдовскихъ государяхъ [5]).

33) Царство сербское и болгарское [6]).

34) О смерти митрополита Алексія и о Митяѣ [7]).

35) О низложеніи и заточеніи митрополита Исидора [8]).

36) О приходѣ Ахмата [9]).

37) Объ иконѣ владимірской [10]).

38) Новгородскій литовскій соборъ 1415—16 г. [11]).

Мы видѣли, что въ нашихъ первоначальныхъ лѣтописяхъ видны два элемента лѣтописной дѣятельности,—потребность цѣльнаго изложенія событій и потребность справочныхъ свѣдѣній пасхальнаго характера. Обѣ эти потребности развивались, разнообразились, и выразились и въ нашихъ сводахъ лѣтописныхъ извѣстій, и въ сводахъ разнообразныхъ отдѣльныхъ статей, т. е. мы видимъ постепенное развитіе у насъ энциклопедичности знанія. Эта потребность выражалась въ весьма старыя времена и другими способами и отразилась затѣмъ на лѣтописной дѣятельности. Въ весьма старыя времена у насъ стали составлять, по примѣру Греціи, прологи, патерики, палеи (т. е. священныя исторіи), сборники статей историческаго и нравственнаго содержанія, въ которыхъ нерѣдко можно прослѣдить извѣстный подборъ статей, т. е. выполненіе извѣстнаго плана, извѣстной задачи при составленіи сборника [12]). Особенно сильно эта

[1]) 2 Соф. прилож. 6, 330. [2]) Воскр. 8, 125; Ник. 5, 222. [3]) Воскр. 8, 128; Ник. 5, 221. [4]) Воскрес. 7, 253. [5]) Воскр. 7, 256. [6]) Ник. 3, 141. [7]) Воскр. 8. 26; Ник. 4, 66. [8]) Воскр. 8, 100. [9]) Воскр. 8, 205. [10]) Ник. 4, 258. [11]) Ник. 5, 59,

[12]) Въ настоящее время уже въ значительной степени возможно изученіе этого богатѣйшаго рукописнаго матеріала. Есть уже не мало описаній рукописей и въ томъ числѣ необыкновенно тщательныя. Таковы, кромѣ стараго, извѣстнаго описанія Румянцевскаго музея, составленнаго Востоковымъ, и описанія рукописей московской синодальной библіотеки (Горскаго и Невоструева), къ сожалѣнію, далеко неоконченнаго, описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки, составленное Аѳ. Ѳ. Бычковымъ, три выпуска, 1878, 1880 и 1882 г.; многія части въ описаніяхъ рукописей, составленныхъ покойнымъ Викторовымъ; въ описаніяхъ рукописей казанской академіи, кіевской и описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, сост. Ѳ. Добрянскимъ, 1882 г.

энциклопедичность стала у насъ развиваться съ XV столѣтія. Отъ этого времени мы имѣемъ и первый кодексъ библіи и первые опыты такъ называемыхъ четьихъ миней. Въ XVI столѣтіи энциклопедичность достигла у насъ такого большого развитія, что составлена была даже такая громадная энциклопедія, какъ извѣстныя четьи минеи Макарія, въ которыхъ съ большимъ успѣхомъ выполнены задачи составителя ихъ, Макарія, собрать въ одно всѣ книги, чтомыя въ Россіи.

Хронографы. Естественно было и нашимъ лѣтописямъ развивать свою энциклопедичность. Это направленіе и выразилось въ такъ называемыхъ хронографахъ, которыхъ сохранилось до нашего времени цѣлыя сотни.

У грековъ къ палеямъ, т. е. священнымъ исторіямъ, присоединялись лѣтописныя извѣстія, и такіе сборники назывались хронографами. Хронографы эти въ славянскихъ переводахъ и съ славянскими прибавками стали переходить къ намъ, переписывались и дополнялись свѣдѣніями о нашихъ государственныхъ дѣлахъ и дѣлахъ западно-европейскихъ государствъ. Многочисленныя редакціи хронографовъ раздѣляются на три главныхъ вида:

Первая редакція. Хронографы этой редакціи доводятъ событія до 1453 г. т. е. до взятія Царьграда турками. Событія здѣсь, такъ сказать, строго православнаго и грекославянскаго міра, т. е. кромѣ священной исторіи излагаются событія греческія, югославянскія и русскія. Составлена эта редакція въ 1512 году, какъ это видно изъ исчисленія лѣтъ отъ времени Өеодора Студита до времени, когда писалъ составитель этого хронографа [1]).

Вторая редакція хронографа сдѣлана въ 1617 г. [2]). Въ этой редакціи кромѣ своеобразной переработки первой редакціи — сокращенія, видоизмѣненія и дополненія позднѣйшими русскими извѣстіями, внесенъ новый источникъ—всемірная хроника поль-

---

Нѣкоторые отдѣлы рукописныхъ сборниковъ с.-петер. духовной академіи были предметомъ научныхъ сочиненій, и часть одного изъ нихъ напечатана въ Лѣтописи занятій арх. коммиссіи вып. 3, 1865 г. [1]) Өеодоръ Студитъ былъ по седьмомъ соборѣ за седьмъ сотъ лѣтъ безъ два-десятыхъ до скончанія седьмыя тысячи (т. 6320 г.), а до сихъ временъ за седьмъ сотъ лѣтъ, какъ былъ Өеодоръ Студитъ (6320+700=7020—5508=1512). Хроногр. Попова, 1. 162; 2, 2. [2]) Это видно изъ перемѣнъ чиселъ вышеуказаннаго исчисленія. Өеодоръ Студитъ, показано, жилъ по седьмомъ соборѣ въ лѣто 6342, а до сихъ временъ за 783. Попова 2, 70.

скаго писателя Мартина Бѣльскаго, и изъ его труда на первый планъ выступаетъ его космографія.

Третья редакція, судя по русскимъ статьямъ, составлена около половины XVII в. Она заключаетъ въ себѣ и первую и вторую редакцію; но не довольствуется ихъ содержаніемъ, а щедро дополняетъ ихъ статьями изъ церковной литературы восточной, между прочимъ, и апокрифической, затѣмъ свѣдѣніями изъ западноевропейской литературы. Такъ авторы этой редакціи не довольствуются космографическими данными Мартина Бѣльскаго, а пользуются и извѣстнымъ Люцидаріемъ и космографіей Меркатора (XVI в.). Даже русскія извѣстія они дополняютъ изъ иностранныхъ сочиненій, какъ наприм. изъ Павла Іовія и Герберштейна. Редакція эта очень богата важными извѣстіями изъ смутнаго времени. Есть еще своеобразные хронографы, признаваемые за четвертую редакцію.

Хронографы у насъ прекрасно разработаны Андр. Поповымъ въ его сочиненіи—Обзоръ хронографовъ русской редакціи,—два тома изслѣдованій и третій—Изборникъ русскихъ и славянскихъ статей [1]).

Исторія изданія лѣтописей. Изданіе нашихъ лѣтописей предпринималось еще при Петрѣ I. Въ 1722 г. Петръ издалъ указъ доставлять въ Москву въ синодъ „изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ куріозные, т. е. древнихъ лѣтъ рукописанные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенные, хронографы и прочіе симъ подобные, что гдѣ таковыхъ обрѣтается, и для извѣстія оные списать и тѣ списки оставить въ библіотекѣ, а подлинные разослать въ тѣ же мѣста, откуда взяты будутъ, по прежнему“ [2]). Изданіе не сдѣлано, потому что послѣдовало возраженіе, что лѣтописями будутъ злоупотреблять раскольники. Татищевъ, впрочемъ, пользовался нѣкоторыми изъ собранныхъ списковъ.

Удачнѣе были заботы объ изданіи лѣтописей при Екатеринѣ II, которая сама занималась лѣтописями. Подъ вліяніемъ этого вниманія, усиленнаго такими знатоками лѣтописей, какъ Шлецеръ, Щербатовъ, академія наукъ издала въ 1767 г. лѣтопись Нестора

---

[1]) Первый вып. изданъ въ 1866 г., а въ 1869 г.,—второй вып. и Изборникъ статей. [2]) Собраніе законовъ № 3908.

по кенигсбергскому списку, въ 1769 г. Царственную книгу (лѣт. 1534—53 г.), въ 1772 г. Царственный лѣтописецъ (1114—1472 г.) и въ 1774 г. Древній лѣтописецъ (1254—1424), приготовленный Щербатовымъ. Въ 1778 году послѣдовалъ опять указъ доставлять лѣтописи въ синодъ. Съ тѣхъ поръ изданіе лѣтописей пошло успѣшнѣе даже въ смыслѣ болѣе разумнаго выбора ихъ. Въ двухъ главныхъ пунктахъ онѣ издавались: при академіи наукъ и при московской синодальной библіотекѣ. Такъ, въ 1781 изданъ лѣтописецъ архангелогородскій (852—1598 гг.) въ моск. типографіи; въ 1784 г. типографскій лѣтописецъ (1206—1534) въ моск. типографіи; въ 1793—94 гг. воскресенская лѣтопись въ акад. наукъ; въ 1795 г. софійская лѣтопись въ акад. наукъ; далѣе никоновская лѣтопись въ 8 томахъ, начатая еще въ 1769 г. и оконченная 1792 г. въ акад. наукъ. Собраніе въ синодѣ лѣтописей повело еще къ тому важному результату, что онѣ переданы были для пересмотра митрополиту Платону и послужили матеріаломъ для его исторіи русской церкви.

Правильно поставлено изданіе лѣтописей только съ 1834 г., когда учреждена была археографическая коммиссія, которая и до сихъ поръ считаетъ этотъ родъ своей дѣятельности однимъ изъ главнѣйшихъ. Мы указывали лѣтописи, изданныя археографическою коммиссіей.

Важнѣйшія изслѣдованія о лѣтописяхъ. По изслѣдованію лѣтописей есть не мало сочиненій. Таковы, кромѣ сочиненій: Несторъ Шлецера и О составѣ лѣтописей Бестужева-Рюмина, слѣдующія, о которыхъ у насъ отчасти уже была рѣчь и еще будетъ ниже:

Оборона Несторовой лѣтописи Буткова.

Изслѣдованія по русской исторіи Погодина.

Многочисленныя изслѣдованія покойнаго Срезневскаго, въ запискахъ академіи наукъ.

И. Д. Бѣляева въ Чтен. моск. общ. истор. и древн. и во Временникѣ.

Н. А. Лавровскаго — Объ іоакимовской лѣтописи.

М. И. Сухомлинова — О древней русской лѣтописи [1]).

[1]) Полнѣйшее указаніе изслѣдованій о лѣтописяхъ сдѣлано М. И. Сухомлиновымъ въ сейчасъ указанномъ сочиненіи его и К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его исторіи Россіи, стр. 18—19, въ примѣчаніи.

Предисловія къ каждой лѣтописи въ изданіи археографической коммиссіи.

Не маловажное значеніе при изученіи лѣтописей имѣютъ указатели, прилагаемые къ новому изданію лѣтописей и составляемые для прежнихъ 8 томовъ тоже въ археографической коммиссіи. Вышло три выпуска; третій оканчивается буквою і.

Лѣтописи, при всемъ богатствѣ ихъ содержанія, излагаютъ главнымъ образомъ внѣшнія событія, и притомъ самостоятельныя извѣстія постепенно въ нихъ уменьшаются во времена позднѣйшія. Въ дополненіе и какъ бы на смѣну лѣтописямъ стали являться и умножаться другого рода памятники, раскрывающіе болѣе внутреннія явленія русской жизни. Это — акты государственные, общественные и частные.

Акты, посланія, письма. Съ усиленіемъ и развитіемъ государственной власти въ Россіи, естественно стали умножаться акты, выражавшіе дѣятельность этой власти. Кромѣ того, развивавшаяся правительственная дѣятельность естественно вызывала и русское общество и частныя лица чаще и чаще облекать свои дѣйствія въ юридическія формы, чаще и чаще подкрѣплять силу обычнаго права и свои частныя дѣйствія формами внѣшняго права. Къ актамъ въ собственномъ смыслѣ близко подходятъ пастырскія посланія и письма оффиціальныхъ лицъ, часто имѣющія значеніе и дѣловыхъ сношеній и важныя и помимо этого, какъ отраженіе взаимныхъ отношеній членовъ русскаго общества и указаніе бытовыхъ его особенностей.

Историческая судьба актовъ, какъ памятниковъ, была гораздо счастливѣе, чѣмъ судьба лѣтописей. Многіе акты необходимо должны были остаться въ многочисленныхъ спискахъ, каковы: окружныя грамоты, указы, законы. Многіе акты затѣмъ имѣли большое значеніе для сословій, учрежденій, частныхъ лицъ, напримѣръ: жалованныя грамоты, взаимные договоры, завѣщанія. Этимъ объясняется множество до сихъ поръ сохранившихся актовъ разнообразнѣйшаго содержанія. Главный, центральный, такъ сказать, складъ актовъ—это Москва, бывшіе приказы которой наполнены были актами. До сихъ поръ ихъ сохранилось большое количество, не смотря на всѣ превратности судьбы, какимъ подвергались они. Раздѣляются акты, хранящіеся въ Москвѣ, на два главныхъ рода, — на акты бывшаго посольскаго приказа, въ числѣ

которыхъ находились и малороссійскія дѣла (теперь они хранятся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ) и на акты другихъ приказовъ по дѣламъ внутренняго управленія. Какъ велико это богатство, можно судить по тому, что сохранились цѣлыя сотни однѣхъ, такъ называемыхъ, писцовыхъ книгъ, объемъ которыхъ весьма значителенъ. Хранятся эти акты тоже въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи при московскомъ сенатѣ. Не мало актовъ также въ грановитой палатѣ, въ московскомъ синодальномъ архивѣ, въ румянцевскомъ музеѣ.

Но такъ какъ московскія архивныя богатства подвергались неоднократнымъ опустошеніямъ, особенно во время нашествія французовъ, то уже по этому одному явилась необходимость искать дополненій къ нимъ по другимъ архивамъ. Такія собранія актовыхъ богатствъ находятся въ провинціальныхъ архивахъ: при монастыряхъ, соборахъ, губернскихъ правленіяхъ и другихъ учрежденіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ. Не говоримъ уже о частныхъ собраніяхъ актовъ.

Заботы объ изданіи актовъ. Новиковъ. Вниманіе къ актамъ и заботы объ ихъ изданіи возбуждены были въ прошедшемъ столѣтіи, особенно во времена Екатерины II. Татищевъ, занимавшійся разработкою отечественныхъ памятниковъ для своей исторіи, имѣлъ въ своихъ рукахъ, кромѣ лѣтописей, не мало актовъ. Онъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе академіи наукъ на русскую Правду и приготовилъ ее къ изданію, обставивъ ея текстъ своими примѣчаніями. Въ своемъ громадномъ планѣ изученія Россіи, съ которымъ ознакомимся ниже, онъ также обращалъ вниманіе на важность изученія актовъ. Академикъ Миллеръ, ѣздившій въ Сибирь для собранія матеріаловъ для своей исторіи Сибири, списалъ такое множество актовъ, что составились цѣлые десятки фоліантовъ, которыхъ до сихъ поръ не успѣла издать до конца археографическая коммиссія. Этотъ же Миллеръ уже въ царствованіе Екатерины II, именно въ 1766 г., назначенъ былъ въ московскій архивъ, и въ 1779 г. ему поручено было составить сборникъ всѣхъ древнихъ и новыхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ дипломатическихъ актовъ. Миллеръ работалъ много; но изданіе актовъ двинуто не имъ, хотя и не безъ его содѣйствія. Еще князь Щербатовъ приложилъ къ своей исторіи Россіи много актовъ, особенно изъ исторіи смутнаго времени.

Еще больше сдѣлалъ для этого извѣстный мартинистъ Новиковъ. Еще въ 1771 г. при московскомъ университетѣ основано было Вольное россійское собраніе, главною задачей котораго было изданіе полезныхъ книгъ и особенно изученіе исторіи Россіи. Самымъ дѣятельнымъ членомъ этого общества былъ Новиковъ и, дѣйствительно, онъ много сдѣлалъ и по изданію актовъ. Онъ издалъ 20 томовъ сборника, подъ названіемъ Россійская Вивліоѳика. Потомъ онъ издалъ еще 11 томовъ прибавленій къ Вивліоѳикѣ. Большая часть Вивліоѳики занята актами (есть въ ней и лѣтописи). Новиковъ былъ воодушевленъ сильнымъ патріотическимъ чувствомъ и ясно высказалъ это въ предисловіи къ своей Вивліоѳикѣ. „Не всѣ у насъ, еще слава Богу, говоритъ онъ, заражены Франціей; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся; съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ, но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ предкахъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными“ [1]).

Относясь съ уваженіемъ и любовію ко всѣмъ вообще отечественнымъ памятникамъ, Новиковъ, какъ масонъ, обращалъ особенное вниманіе на символическія дѣйствія нашихъ предковъ, выражавшіяся въ актахъ, каковы: разнаго рода чины царскихъ, патріаршихъ поставленій, погребеній, особенные церковные обряды, напримѣръ, хожденіе вербное, пещное дѣйствіе. Это однако не мѣшало Новикову издавать много памятниковъ и не мистическаго характера, каковы: жалованныя, договорныя грамоты, соборныя дѣянія, посланія и проч.

Труды по русской исторіи Новикова и особенно Карамзина сильно оживили вниманіе къ нашимъ отечественнымъ памятникамъ, въ томъ числѣ и къ актамъ. Почти одновременно въ Москвѣ выступаютъ на этотъ путь два учрежденія. Въ 1815 году при московскомъ университетѣ учреждено новое общество—Общество

[1]) Предисловіе къ 1-му изданію Вивліоѳики.

исторіи и древностей, которое до сихъ поръ существуетъ; оно издало слишкомъ сто томовъ, въ которыхъ, кромѣ изслѣдованій и лѣтописей, очень много актовъ [1]).

Около того же времени оживилось и стало издавать акты другое учрежденіе — коммиссія при московскомъ главномъ архивѣ. Благодаря необыковенному вниманію канцлера Румянцева, мысль Екатерины объ изданіи дипломатическихъ актовъ стала осуществляться, и съ 1813 г. стало появляться—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, оконченное въ 1827 г. въ 4 т. Въ этомъ изданіи находятся памятники съ XII в. и до XVII включительно, между прочимъ, актъ избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича.

Вліяніе Карамзина и графа Румянцева на изысканіе и обнародованіе памятниковъ и въ томъ числѣ актовъ было необыкновенно. Карамзинъ возбуждалъ любовь къ изученію ихъ. Румянцевъ поддерживалъ эту любовь, находилъ и выдвигалъ тружениковъ и давалъ имъ средства работать.

П. М. Строевъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, выработался и развернулъ широко свою дѣятельность необыкновенный труженикъ по изданію актовъ — Пав. Мих. Строевъ. Еще будучи студентомъ, Строевъ много занимался русской исторіей, затѣмъ работалъ въ главномъ архивѣ и участвовалъ въ приготовленіи актовъ для первыхъ (2) томовъ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ 1817 г., благодаря покровительству графа Румянцева, онъ осматривалъ и описывалъ книгохранилища монастырей московской епархіи, открылъ множество драгоцѣнныхъ памятниковъ, въ томъ числѣ судебникъ Іоанна IV. Этотъ судебникъ, а также судебникъ Іоанна III онъ издалъ въ 1819 г. Какъ велика была его любовь къ отыскиванію и изданію нашихъ памятниковъ и какъ широко понималъ онъ это дѣло, это яснѣе всего видно изъ его рѣчи, которую онъ сказалъ въ

[1]) Изданія этого общества. 1) Русскія достопамятности, 3 части. 3) Труды и лѣтописи общества, 8 ч. 3) Русскій историч. сборн., 7 т. 4) Чтенія 1846 — 6 т.; 1847 — 9; 1848 — 9; 1849 — 1. 5) съ 1849 — 58 Временникъ 25 кн. 6) съ 1868 — Чтенія по 4 книги. Кромѣ того, общество это издало много отдѣльныхъ книгъ — лѣтописей, изслѣдованій, и въ томъ числѣ 2 т. книгъ посольской метрики великаго княжества литовскаго за время Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, т. е. второй половины XVI ст.

1823 г. въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей послѣ своего избранія въ члены этого общества. „Кругъ нашихъ дѣйствій — говорилъ, между прочимъ, Строевъ — будетъ слишкомъ тѣсенъ, если мы ограничимъ ихъ синодальной библіотекой или хотя всѣми московскими книгохранилищами и станемъ издавать только то, что найдемъ случайно или что отчасти уже извѣстно... Не довольно Москвы для поприща нашей дѣятельности: пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей мы должны ограничить свои занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ — въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ; въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ время и нерадивое невѣжество; въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ, кажется, снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество исторіи должно извлечь, привести въ извѣстность, и если не само обработать, то доставить другимъ средства обработывать памятники нашей исторіи и древней словесности, разсѣянные на обширномъ пространствѣ отъ бѣлаго моря до степей украинскихъ и отъ границъ Литвы до хребта уральскаго. Время, способы и дѣятельность могутъ раздвинуть сіи предѣлы, но для настоящаго и сего довольно. Вотъ наше поприще и труды намъ предстоящіе! Ихъ достойно оцѣнитъ признательное потомство, ибо сужденіе современниковъ не всегда основательно и чуждо пристрастія... Для сего необходимо образовать экспедицію, которая бы обозрѣла, разобрала и съ возможною точностію описала всѣ монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и прочія собранія рукописей“ [1]).

По проекту Строева экспедиція должна быть раздѣлена на три отдѣла, или обозрѣть Россію по тремъ археографическимъ областямъ: сѣверная область или сѣверный отдѣлъ экспедиціи. Центръ дѣятельности ея — библіотека новгородскаго софійскаго собора. Затѣмъ экспедиція этого отдѣла должна объѣхать губерніи: новгородскую, петербургскую, олонецкую, архангельскую, вологодскую, вятскую, часть пермской, и черезъ костромскую,

[1]) Барсукова — Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 67—8. Ивановъ о хронограф. стр. 255.

ярославскую и тверскую возвратиться въ Москву. „Сія первая или сѣверная поѣздка — говоритъ Строевъ — будетъ важнѣйшая и самая любопытная, ибо древнія рукописи нигдѣ не уцѣлѣли въ такомъ множествѣ, какъ въ сей части Россіи, богатой обителями и книгохранилищами, гдѣ мечъ, пожары и опустошенія иноплеменниковъ являлись рѣже, нежели въ южныхъ областяхъ, кои въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ представляли взору пустыни безплодныя. Съ другой стороны, и старообрядцы—сіи почитатели древности, занесли съ собою въ дальній сѣверъ великое число всякихъ рукописей и частымъ переписываніемъ упрочили ихъ тѣмъ странамъ".

Вторая поѣздка экспедиціи, или средняя, должна была обнимать губерніи: московскую, владимірскую, нижегородскую, часть казанской и симбирской, пензенскую, тамбовскую, рязанскую, тульскую, калужскую, смоленскую и черниговскую.

Третья, западная—губерніи: виленскую, могилевскую, минскую, волынскую, кіевскую, черниго-смоленскую и калужскую.

Московское общество исторіи и древностей несочувственно отнеслось къ проекту Строева, высказанному, дѣйствительно, въ обидныхъ для общества формахъ, да и не могло оно осуществить его. Онъ требовалъ такихъ большихъ средствъ и такого сильнаго авторитета, какими располагало лишь правительство. Строевъ и самъ это понялъ и обратился съ своимъ проектомъ въ Петербургъ въ академію наукъ. Академія сочувственно отнеслась къ нему, и при ея ходатайствѣ, въ 1829 г., снаряжена была эта экспедиція подъ начальствомъ самого Строева. Экспедиція эта, обозрѣвавшая собственно часть сѣвера Россіи, собрала 3,000 документовъ.

Основаніе археографической коммиссіи и акты ею изданные. Для изданія этого матеріала, въ 1834 г. учреждена была археографическая коммиссія въ Петербургѣ, которая занялась этимъ дѣломъ и, кромѣ того, при участіи того же Строева и его сотрудника Бередникова, продолжала розыски новыхъ актовъ, посылала своихъ членовъ описывать архивы въ Петербургѣ, въ провинціи, изъ которыхъ ей стали присылать старыя дѣла, посылала членовъ даже заграницу. Такимъ образомъ, въ археографической коммиссіи сосредоточивалось громадное количество памятниковъ, которые она и стала издавать.

Акты, изданные и издаваемые археографической коммиссіей, раздѣляются на серіи, съ особыми заглавіями. Эти серіи и ихъ заглавія очень важно знать.

I. 4 тома Актовъ археографической экспедиціи, — той самой, о которой мы говорили выше.

II. 5 томовъ Актовъ историческихъ, гдѣ, между прочимъ, судебникъ Іоанна III изданъ по 52 спискамъ.

III. 12 томовъ Дополненій къ этимъ пяти томамъ Историческихъ актовъ.

IV. 5 томовъ Актовъ западной Россіи. Основаніе этой серіи положено было давно. Извѣстный уже намъ графъ Румянцевъ обратилъ вниманіе на любовь къ изученію памятниковъ бывшаго студента с.-петербургской духовной академіи Іоанна Григоровича, поощрялъ его, и въ 1822 г. этотъ студентъ духовной академіи, бывшій тогда уже священникомъ въ Гомелѣ, издалъ на средства Румянцева Бѣлорусскій архивъ. Впослѣдствіи Григоровичъ переселился въ Петербургъ, былъ предсѣдателемъ археографической коммиссіи и издалъ пять томовъ Актовъ западной Россіи, въ которые вошелъ и его Бѣлорусскій архивъ.

V. Акты западной и южной Россіи, издаваемые Н. И. Костомаровымъ. Вышло ихъ 12 томовъ.

VI. 1 томъ Актовъ юридическихъ.

VII. 1 томъ Актовъ, относящихся до юридическаго быта.

VIII. 2 тома актовъ иностранныхъ, подъ заглавіемъ: „Monumenta historica Russiæ“, и

IX. 1 томъ дополненій къ нимъ подъ заглавіемъ: „Supplementum ad historica Russiæ monumenta“.

X. 3 тома писцовыхъ книгъ.

XI. Русская Историческая Библіотека 7 томовъ. Въ ней помѣщаются акты всѣхъ серій, почему либо опущенные или вновь найденные. Это, такъ сказать, смѣсь къ этимъ серіямъ. Въ этомъ же изданіи печатаются памятники западно-русской полемической литературы и, между прочимъ, напечатаны такія выдающіяся сочиненія, какъ Апокрисисъ и Палинодія.

XII. Наконецъ, археографическая коммиссія издаетъ лѣтопись своихъ занятій, гдѣ, кромѣ протоколовъ ея засѣданій и разныхъ отчетовъ, изслѣдованій, помѣщается не мало актовъ и, кромѣ того, не мало описаній ихъ. Вышло 6 выпусковъ.

Областныя археографическія коммиссіи. По примѣру петербургской археографической коммиссіи, въ сороковыхъ годахъ образовались провинціальныя археографическія коммиссіи на западѣ Россіи.

Кіевская. Самая важная изъ нихъ по богатству содержанія изданныхъ ею актовъ — это кіевская археографическая коммиссія, основанная въ 1846 г. и издавшая до сихъ поръ:

I. 4 тома такъ называемыхъ Памятниковъ.

II. Затѣмъ, она стала издавать такъ называемый Архивъ юго-западной Россіи, который имѣетъ своеобразное раздѣленіе. Онъ раздѣляется на части по роду содержанія актовъ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ и затѣмъ части — на томы. Такимъ образомъ изданы:

1-я часть — акты религіозные, 5 томовъ.

2-я часть — акты политическіе, изданъ 1 томъ.

3-я часть — о козакахъ, издано 3 тома.

4-я часть — о дворянахъ, изданъ 1 томъ.

5-я часть — о городахъ, изданъ 1 томъ.

6-я часть — о крестьянахъ, издано 3 тома, т. е. собственно 4, такъ какъ къ первому тому издано дополненіе, составляющее цѣлый томъ.

Кіевская археографическая коммиссія держится особаго способа при изданіи своихъ актовъ. Въ своемъ центральномъ архивѣ, откуда она издаетъ акты, она изучаетъ данную часть ихъ по содержанію; составляется затѣмъ цѣлое изслѣдованіе на основаніи этой части актовъ и къ этому изслѣдованію прилагаются болѣе замѣчательные акты.

Виленская. Въ 1842 году въ Вильнѣ учреждена была временная коммиссія, издавшая двѣ части актовъ, подъ заглавіемъ: Акты городовъ Вильны, Гродно, Ковно, и въ 1843 г. такая же временная коммиссія въ Минскѣ, издавшая 1 томъ актовъ г. Минска. Минская коммиссія на этомъ томѣ и покончила свое существованіе, а виленская, тоже было прекратившаяся, возстановлена послѣ послѣдней польской смуты и дѣйствуетъ до настоящаго времени. Она издала:

I. XII томовъ актовъ — судовъ гродскихъ, земскихъ, трибунальныхъ.

II. Ординацію королевскихъ пущъ.

III. Ревизію кобринской экономіи.

IV. Писцовыя книги пинскаго староства, 2 тома.

Послѣ той же польской смуты въ Вильнѣ, при виленскомъ учебномъ округѣ, образовалась особаго рода коммиссія. Лица учебнаго вѣдомства разъѣзжали лѣтомъ по областямъ, собирали акты, и это собраніе издавалось виленскимъ учебнымъ округомъ, подъ заглавіемъ: Археографическій сборникъ; издано 10 томовъ. При томъ же учебномъ округѣ издана такъ называемая Книга кагаловъ—чрезвычайно важное изданіе.

Всѣ эти изданія западно-русскихъ актовъ, не смотря на большое число помѣщенныхъ въ нихъ актовъ, выводятъ на свѣтъ весьма малую долю того богатства, которое скрывается въ тамошнихъ архивахъ. Архивы эти собраны изъ актовъ всѣхъ областей западной Россіи и составляютъ три центральныхъ собраній: центральный архивъ въ Кіевѣ, центральный архивъ въ Вильнѣ и центральный архивъ въ Витебскѣ (тоже издавшій нѣсколько выпусковъ актовъ). Въ архивахъ этихъ милліоны актовъ. Одно довольно общее, неудовлетворительное описаніе или оглавленіе актовыхъ книгъ виленскаго архива составляетъ объемистую книгу. Дѣлался опытъ обстоятельнаго описанія и кіевскаго архива, составляющій лишь нѣсколько тетрадей.

Въ изданіяхъ всѣхъ указанныхъ археографическихъ коммиссій и вообще въ изданіяхъ актовъ находится не мало и пастырскихъ посланій и разнаго рода писемъ. Послѣднія не разъ издавались и особо, какъ напримѣръ: письма русскихъ государей, собраніе писемъ Алексѣя Михайловича, письма Петра и др.[1]). Въ новѣйшее время журналы: Русскій Архивъ, Русская Старина, Записки историческаго общества переполнены множествомъ писемъ разныхъ лицъ, правительственныхъ и частныхъ.

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше сознавалась и сознается важность описанія архивовъ. Можно сказать, что по всѣмъ вѣдомствамъ составляются коммиссіи для описанія актовъ и нѣкоторыя изъ нихъ уже изданы. Такъ, комиссія при св. синодѣ издала 4 тома описанія дѣлъ этого учрежденія и 5 томовъ полнаго собранія постановленій св. синода. Составлено два

[1]) Письма русск. государей, изд. 1848 г.; Переписка Алексѣя Михайловича, изд. Бартенева 1856 г.; Бумаги Петра, 1873 г. Подробное указаніе этого рода изданій см. у К. Н. Бестужева-Рюмина, Исторія Россіи, стр. 76 — 86.

тома описанія дѣлъ общаго собранія государственнаго совѣта, два тома описанія дѣлъ сената, есть описаніе архива морского министерства, описаніе румянцевскаго музея, начато при географическомъ обществѣ описаніе или, точнѣе, извлеченіе важнѣйшихъ вещей изъ писцовыхъ книгъ. При всѣхъ нашихъ духовныхъ академіяхъ существуютъ коммиссіи для описанія библіотекъ рукописей, гдѣ тоже не мало актовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ описаніе рукописей казанской и кіевской академіи, печатаются въ ихъ изданіяхъ. Кромѣ всего этого, въ Петербургѣ еще существуетъ коммиссія, вырабатывающая проектъ устройства русскаго центральнаго архива актовъ. Дѣло это поднято въ 1872 г. на второмъ археологическомъ съѣздѣ, но еще не кончено. Наконецъ, въ Петербургѣ недавно открытъ археологическій институтъ, одною изъ главныхъ цѣлей котораго — приготовить свѣдущихъ архиваріусовъ.

Изъ этого легко можно видѣть, какое богатство матеріаловъ составляютъ акты и какое великое значеніе имъ придается. Не думая вовсе умалять дѣйствительнаго значенія актовъ, какъ памятниковъ, раскрывающихъ больше всего явленія внутренней нашей жизни и дающихъ исторіи большую точность, мы должны, однако, отмѣтить нѣкоторое преувеличеніе въ пониманіи актовъ, сравнительно съ лѣтописями. Нельзя упускать изъ виду, что самое вниманіе къ изученію актовъ вызвано, между прочимъ, такъ называемою скептическою школой, отвергавшей достовѣрность начальной лѣтописи, и что даже знаменитый Строевъ дѣйствовалъ отчасти подъ вліяніемъ этой школы. Въ нашей литературѣ есть даже изслѣдованіе, въ которомъ рѣшительно доказывается превосходство актовыхъ данныхъ передъ лѣтописными извѣстіями. Это сочиненіе Карпова — Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся (1870 г.). Мнѣніе это не единственное. Оно легло въ основу многихъ книгъ по русской исторіи. Главныя основанія этого мнѣнія тѣ, что лѣтописи, при всемъ ихъ вниманіи къ нашей государственности, все-таки выражаютъ болѣе частныя мнѣнія, а акты имѣютъ несравненно большее значеніе оффиціальныхъ взглядовъ, слѣдовательно, и достовѣрность, и правильность изложенія дѣла на сторонѣ актовъ. Но кто знаетъ, какъ важны въ исторіи частныя мнѣнія, хотя бы то и ошибочныя, и какъ много невѣрностей въ

актахъ, тотъ не станетъ держаться такого крайняго взгляда. Что было бы съ исторіей, напримѣръ, смутнаго времени, если бы мы при изученіи ея отдавали предпочтеніе актамъ, особенно актамъ правительствъ того времени?

ГЛАВА III.

Иностранные писатели.

Въ актахъ болѣе богатый матеріалъ для изученія внутренняго быта, чѣмъ въ лѣтописяхъ. Сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи дополняютъ данныя актовъ и нерѣдко освѣщаютъ явленія нашего внутренняго быта съ совершенно новой точки зрѣнія. И лѣтописи, и даже акты изображаютъ намъ большею частію явленія въ какомъ-либо родѣ особенныя, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Было время, когда и всякая исторія понималась, какъ собраніе фактовъ, замѣчательныхъ, любопытныхъ, т. е. выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, повседневныхъ. Теперь иной взглядъ на эти вещи. И въ исторіи, и въ отдѣльныхъ группахъ памятниковъ мы больше всего желаемъ найти то, что было постоянно, каково было состояніе общества, а не одно необычайное въ его исторической жизни. Въ этомъ отношеніи сочиненія иностранныхъ писателей имѣютъ весьма важное и часто ничѣмъ не замѣнимое значеніе. Въ нихъ мы находимъ подробныя описанія обыденнаго строя жизни, напримѣръ, какъ русскіе люди проводили время, какъ одѣвались, что ѣли и пили, въ какихъ домахъ жили и т. под. Все это трудно находить въ лѣтописяхъ и даже въ актахъ, по той простой причинѣ, что для русскихъ людей все это было обычно, извѣстно и мало имѣло интереса, какъ предметъ для описанія. Для иностранцевъ, напротивъ, эта-то обыденная сторона русской жизни была и интересна, какъ новость для нихъ, и болѣе доступна, какъ всюду бросающаяся въ глаза. Только въ новѣйшее время эта сторона иностранныхъ извѣстій замѣняется уже съ успѣхомъ нашими археологическими данными. Раскопки, памятники, остатки построекъ, одеждъ, домашней утвари, при оставшихся по этой части письменныхъ до-

кументахъ, даютъ намъ возможность и независимо отъ свидѣтельства иноземцевъ узнавать нашъ старый, обыденный строй жизни. Далѣе, иностранцы, писавшіе о Россіи, часто были болѣе образованные, чѣмъ наши домашніе историческіе свидѣтели, поэтому они бывали болѣе способны анализировать явленія нашей жизни.

Эти двѣ особенности сочиненій иностранцевъ о Россіи выдвигаютъ ихъ на видное мѣсто въ ряду пособій при изученіи нашей науки; но при этомъ не слѣдуетъ забывать и крупныхъ ихъ недостатковъ. Въ нихъ чаще всего поразительное незнаніе нашей жизни и отсюда — невольное искаженіе фактовъ, а нерѣдко видно и злонамѣренное искаженіе, чему такъ много способствовали не только просто чужестранство, но и то внутреннее отчужденіе между нами и нашими европейскими иноземцами, какое такъ давно существуетъ и такъ упорно держится.

Въ нашемъ обозрѣніи сочиненій иностранныхъ писателей мы держимся такой системы, которая намѣчала бы сразу качество историческаго матеріала этихъ писателей и ставила бы ихъ во взаимную, внутреннюю связь. Мы прежде всего будемъ показывать, когда и какое жизненное значеніе имѣла Россія для иноземцевъ и какъ это вызывало сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи?

Древніе греческіе и римскіе писатели. Многочисленность славянскихъ племенъ и разселенность ихъ на огромномъ пространствѣ не могли не обратить на себя вниманія такихъ любознательныхъ людей, каковы были греки и римляне. На распространеніе у нихъ извѣстій о славянахъ вліяли тоже ихъ космополитизмъ и разочарованность въ достоинствѣ своей цивилизаціи. Знать весь міръ и отыскивать, гдѣ люди живутъ счастливѣе, было потребностію и мечтательныхъ грековъ, и практическихъ римлянъ. Наконецъ, и греки, и римляне во времена весьма глубокой древности были связываемы съ славянскими странами и живыми интересами. Греки имѣли колоніи по сѣверному берегу чернаго моря; римляне имѣли близкими сосѣдями адріатическихъ славянъ, а затѣмъ во времена германскихъ войнъ узнавали и о балтійскихъ славянахъ. Кромѣ того, торговля янтаремъ доставляла тѣмъ и другимъ извѣстія о славянскихъ странахъ и восточныхъ и западныхъ. Такимъ образомъ, у грековъ могли собираться извѣстія преимущественно о южныхъ и восточныхъ славянахъ, у римлянъ — извѣстія преиму-

щественно о западныхъ славянахъ. Самымъ раннимъ и важнымъ свидѣтелемъ о славянахъ былъ извѣстный греческій писатель Геродотъ, жившій за четыре съ половиной вѣка до Рождества Христова и сообщившій въ своей исторіи поразительно полныя и достовѣрныя извѣстія о нашей странѣ. Изъ среды римлянъ самымъ важнымъ нужно признать Тацита (I в. по Рожд. Христ.), рѣшавшаго вопросъ, къ какимъ народамъ принадлежатъ славяне — къ кочевникамъ ли скифамъ или къ осѣдлымъ — германскимъ. Не маловажное значеніе имѣетъ также географія Страбона, жившаго въ послѣднемъ столѣтіи до Рож. Хр. (за 75 л.), въ которой есть извѣстія и о странахъ славянскихъ.

Греческіе писатели съ V и VI вѣка. Какъ ни важны всѣ эти извѣстія, но очевидно, что въ нихъ нельзя искать точности и обстоятельности. Дѣйствительной, большой потребности знать славянъ не было въ тѣ старыя времена ни у римлянъ, ни даже у грековъ. Потребность эта стала возникать и дѣлаться настойчивою только съ V и особенно съ VI в., когда славяне больше и больше надвигались въ предѣлы римской имперіи и когда нужно было считаться съ ними и у Дуная, и у адріатическаго моря. Съ этого времени и появляются писатели, которые заслуживаютъ полнаго вниманія по достовѣрности и обстоятельности своихъ свѣдѣній о славянахъ.

Изъ нихъ первое мѣсто по времени и достоинству матеріала занимаетъ Прокопій, другъ и совѣтникъ Велисарія, близко знавшій славянъ и имѣвшій возможность знать многія оффиціальныя бумаги. Въ его исторіи своего времени, въ послѣднихъ четырехъ главахъ, въ которыхъ излагается война съ готѳами, разсѣяно не мало извѣстій и о славянахъ, напримѣръ, о разбросанности жилищъ славянъ (очевидно южныхъ), о единобожіи въ основѣ славянской миѳологіи.

Маврикій императоръ (582—602). Въ его стратегикѣ говорится, между прочимъ, о способѣ веденія войны и съ славянами, примѣнительно къ ихъ нравамъ, которые и разсказываются, напримѣръ, говорится объ устройствѣ ихъ домовъ со многими выходами, объ ихъ искусствѣ прятаться въ водѣ (очевидно, разумѣются нижне-дунайскіе славяне).

Что Маврикій близко зналъ славянъ, это подтверждаетъ, между прочимъ, Ѳеофилактъ Симоката (VII в.), который въ

описаніи его царствованія разсказываетъ и объ его войнахъ съ славянами.

Императоръ Константинъ Багрянородный (905—959). Въ своемъ сочиненіи объ управленіи онъ, подобно Маврикію, указываетъ, какъ вести дѣла съ варварами, въ томъ числѣ и съ славянами, но ставитъ этотъ вопросъ шире,—говоритъ не объ однихъ военныхъ дѣлахъ, но и о мирныхъ, поэтому и извѣстія его обнимаютъ болѣе широко особенности славянъ, и, что особенно важно для насъ, онъ описываетъ нашихъ русскихъ славянъ, напримѣръ: онъ говоритъ о днѣпровскихъ порогахъ и торговлѣ по Днѣпру, о сборѣ дани русскими князьями. Въ другомъ своемъ сочиненіи, о церемоніяхъ византійскаго двора, онъ сообщаетъ свѣдѣнія о пріемѣ русской княгини, что относится къ нашей княгинѣ Ольгѣ.

Столь же близкое отношеніе къ нашимъ событіямъ имѣетъ исторія Льва діакона Калойскаго (пис. втор. полов. X в.)[1]. Онъ сопровождалъ Цимисхія во время его войны съ нашимъ Святославомъ и описываетъ эту войну. Упоминаетъ онъ и о завоеваніи Корсуня Владиміромъ.

Византійскіе историки особенно важны для насъ. Византійцы близко знали славянъ, болѣе другихъ родственныхъ намъ, именно южныхъ, и узнавали черезъ нихъ и непосредственно нашихъ русскихъ славянъ. Сочиненіе Д. И. Иловайскаго—Розысканія о началѣ Руси, изслѣдованія профессора Васильевскаго—о печенѣгахъ, о крещеніи Руси, и Забѣлина—исторія русской жизни, ясно показываютъ, какой богатый для насъ матеріалъ въ сочиненіяхъ византійскихъ писателей о дѣлахъ Россіи.

Писатели арабскіе. Съ византійскими писателями имѣютъ тѣсную связь писатели арабскіе. Византію тѣснили и славяне, и арабы съ турками. Славяне естественно вступали въ сношенія съ арабами, и цѣлыя толпы ихъ поступали на службу къ калифамъ еще около половины VII в. Кромѣ того, магометанская пропаганда въ весьма раннія времена стала перекидываться черезъ черное море, кавказскія горы и каспійское море въ прикаспійскія степи, на которыхъ кочевали разные народцы, особенно ха-

[1]) Его исторія обнимаетъ время отъ вступленія на престолъ Романа младшаго до Цимисхія (о войнѣ съ Святосл. глав. V, VIII и IX).

зары, болгары, изъ которыхъ образовалось хазарско-болгарское царство. Но и государственной и религіозной потребности знать славянъ предшествовала торговая потребность, которая едвали и не вызвала первыя двѣ потребности. Мы въ свое время увидимъ, что уже въ VII в. эта торговля между арабами и славянами существовала, а въ IX в. русская торговля въ Багдадѣ была уже обычнымъ, а не новымъ явленіемъ [1]). Такимъ образомъ, и государственный, и религіозный, и торговый интересы побуждали арабовъ знакомиться съ славянами. Изъ числа арабскихъ писателей болѣе замѣчательны слѣдующіе:

Ибнъ-Фодланъ или Фоцланъ (нач. X в.), путешествовавшій къ волжскимъ болгарамъ и видѣвшій русскихъ, которыхъ торговлю и языческое богослуженіе онъ описываетъ. Особенно подробно онъ описываетъ погребальные ихъ обычаи. Существуетъ, впрочемъ, сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ описываетъ нашихъ славянъ.

Ибнъ-Даста или Деста (тоже писатель X в.). Въ его топографіи свѣта есть описаніе русской земли, особенно южной и ея торговыхъ сношеній съ прикарпатскими странами.

Массуди (около половины X вѣка), объѣздившій половину Азіи и южную Европу, знакомый со многими арабскими и греческими писателями (соч. его — Золотые луга) и имѣвшій обычай вездѣ розыскивать мѣстные памятники и мѣстныхъ свѣдущихъ людей. У него есть извѣстіе о походѣ русскихъ къ каспійскому морю (въ концѣ IX и началѣ X вѣка) и описаніе ихъ.

Эль-Надимъ (конца X вѣка), который въ своемъ каталогѣ книгъ говоритъ о письменахъ разныхъ народовъ и въ томъ числѣ о письменахъ русскихъ.

Пользоваться арабскими писателями нужно съ величайшею осторожностію. Ихъ поразительная любознательность захватывала легко и басни и небылицы, а ихъ столь-же поразительная фантазія еще больше подкапываетъ достовѣрность ихъ сказаній. Далѣе, самый алфавитъ арабскій таковъ, что нерѣдко малѣйшее измѣненіе черточки даетъ другое слово. Наконецъ, еще одно затрудненіе: знающіе арабскую литературу рѣдко знаютъ русскую исторію и наоборотъ, спеціалисты по русской исторіи очень рѣдко знаютъ арабскій языкъ. Слѣдовательно, критика сказаній

[1]) Бытъ славянъ Макушева, стр. 47, 50.

арабскихъ писателей очень трудна и не можетъ давать надежныхъ результатовъ.

Писатели западные старыхъ временъ до XII в. Кругъ греческихъ и арабскихъ писателей, какъ мы видѣли, обнимаетъ по преимуществу южныхъ и восточныхъ славянъ. Западно-европейскіе писатели естественно больше занимались западными вѣтвями славянъ. Но когда совершился такой крупный переворотъ въ жизни восточныхъ славянъ, какъ образованіе русскаго государства, а затѣмъ и религіозный переворотъ—принятіе христіанства, то западные писатели естественно заговорили и о объ этихъ славянахъ, и чѣмъ больше выдвигалось русское государство и русская православная церковь, тѣмъ больше извѣстій и отдѣльныхъ сочиненій о Россіи появлялось и въ западной Европѣ.

Самымъ старымъ западно-европейскимъ писателемъ, сообщающимъ богатыя извѣстія о славянахъ вообще, и въ томъ числѣ о восточныхъ, нужно признать Іордана или Іорнанда, епископа равенскаго (VI в.), родомъ готѳа. Въ пятой книгѣ его исторіи восточныхъ готѳовъ излагается топографія славянскихъ земель и перечисляются нѣкоторыя племена славянъ, которыхъ Іорданъ раздѣляетъ на венетовъ (западныхъ славянъ) и антовъ (восточныхъ славянъ).

Дитмаръ или Титмаръ, епископъ мерзебургскій, саксонецъ, связанный родственными узами съ княжескими родами и домами нѣмецкихъ императоровъ, жившій въ концѣ X и началѣ XI в., въ своей хроникѣ говоритъ много о славянахъ. Ближайшее его вниманіе вызывали западные славяне, особенно польскія племена, составлявшія уже тогда государство. Борьба между ними и нѣмцами сильно его занимала; но кромѣ западныхъ славянъ онъ зналъ и русское государство, зналъ дѣла Владиміра и значеніе Кіева.

И Іорданъ и Титмаръ, можно сказать, съ одной точки зрѣнія смотрятъ на славянъ. Какъ Іорданъ прославлялъ готѳовъ и дурно относился ко всѣмъ народамъ, поражавшимъ ихъ (преувеличилъ мрачныя дѣла гунновъ и смѣшалъ съ ними славянъ), такъ и Титмаръ прославляетъ германцевъ и унижаетъ даже такихъ славянскихъ дѣятелей, какъ нашъ Владиміръ и польскій Болеславъ Храбрый [1]).

[1]) Дитмаръ, кн. 7, § 52. Въ нашей литературѣ есть изслѣдованіе о Дитмарѣ,— Титмаръ Мерзебургскій и его хроника. Ѳ. Я. Фортинскаго. Петерб. 1872 г.

Почти исключительно западными, и тоже съ предвзятыми мыслями, но съ весьма основательными свѣдѣніями занимались два писателя: Адамъ бременскій (XI в.) и особенно Гельмольдъ (XII в.). Оба они были распространителями христіанства среди балтійскихъ славянъ. Для нихъ знаніе этихъ славянъ составляло жизненный интересъ, и они дѣйствительно сообщаютъ драгоцѣнныя извѣстія объ этихъ славянахъ, особенно объ ихъ миѳологіи. Знаютъ они и о восточныхъ славянахъ, и сообщаютъ мелькомъ брошенныя извѣстія о торговлѣ съ ними балтійскихъ славянъ. Ихъ свѣдѣнія значительно дополняются Саксономъ грамматикомъ, писателемъ XII—XIII в.

Съ XII в. и до половины XIII в. иностранные писатели теряютъ для насъ значеніе. За это время мы имѣемъ богатство собственныхъ лѣтописныхъ извѣстій. Притомъ, западно-европейцы тогда заняты были крестовыми походами, которые отвлекали ихъ вниманіе къ востоку мусульманскому и греческому.

Только южные славяне должны были почувствовать на себѣ силу этого движенія запада къ греческому и мусульманскому востоку; но послѣдовавшія затѣмъ завоеванія турокъ уничтожили большую часть этого западнаго вліянія на южныхъ славянъ. Однако крестовые же походы выработали такія явленія, которыя гораздо больше отразились на жизни другихъ славянъ, именно западныхъ, а затѣмъ дали себя чувствовать и намъ русскимъ. Неудачныя усилія поразить отдаленныхъ невѣрующихъ вызвали на западѣ старанія обращать въ латинство ближайшихъ невѣрныхъ, какими были балтійскіе славяне, Литва, инородцы нашихъ балтійскихъ областей. Подъ эту категорію латиняне стали подводить Польшу и особенно нашу Русь, и тѣмъ энергичнѣе дѣйствовали, что съ латинскою пропагандою во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ соединялась германизація. Эти стремленія латинства и германизма вызывали и сочиненія. Ими проникнуты и сочиненія Адама бременскаго и Гельмольда. Они же вызвали съ разнаго рода оттѣнками и нѣсколько другихъ писателей. Для насъ имѣютъ значеніе писатели ближайшихъ къ намъ странъ, которымъ было естественно и иногда даже необходимо сообщать свѣдѣнія и о Россіи. Таковы прежде всего старые польскіе хроникеры:

Писатели польскіе, нѣмецкіе, прусскіе и Генрихъ латышъ. Галлъ — писатель XII вѣка. Въ его хроникѣ главное вниманіе

обращено на дѣла польскія, — на образованіе и развитіе польскаго государства, при чемъ онъ долженъ былъ говорить и о балтійскихъ славянахъ и о чехахъ, но особенно объ отношеніяхъ Польши къ германскому міру. Латинянинъ въ душѣ, иноземецъ по происхожденію[1]), Галлъ не могъ понять дѣйствительнаго смысла ни этихъ отношеній Польши къ западнымъ славянамъ, ни тѣмъ менѣе дѣйствительнаго смысла борьбы ея съ нѣмцами. Онъ подрывалъ даже величіе своихъ доблестныхъ людей, какъ Болеслава Храбраго. Понятно, что, заговаривая о Россіи, онъ тѣмъ менѣе могъ быть справедливымъ[2]).

Нѣсколько болѣе былъ способенъ понимать, по крайней мѣрѣ, дѣла польскія, другой ближайшій къ Галлу по времени польскій хроникеръ—краковскій епископъ, Викентій Кадлубекъ, (ум. 1223 г.). Его хроника начинается собственно IX вѣкомъ и оканчивается нач. XIII. Онъ очень былъ занятъ мыслію возвеличить свою родину, за что до позднѣйшаго времени и пользовался великою славою. Его даже считали первымъ польскимъ лѣтописцемъ, пока не открыли (въ концѣ XVIII в.) хроники Галла[3]). Желая больше возвеличить свою родину, Кадлубекъ обратился къ древнѣйшимъ временамъ славянства. Это естественно заставляло его обозрѣвать древнѣйшую исторію всѣхъ славянъ и уяснять ихъ единство. У него собрано чрезвычайно много баснословія (связываетъ славянъ съ Александромъ македонскимъ и т. д.); но среди басень есть у него и серьезныя вещи. Онъ ведетъ разселеніе славянъ отъ другого средоточія, чѣмъ нашъ Несторъ, — отъ сѣверныхъ склоновъ Карпатъ и истоковъ Вислы, что признается имѣющимъ силу[4]).

[1]) См. Бѣлевскаго Monumenta т. I, стр. 381. Галлъ принадлежалъ къ идскому ордену, члены котораго вызваны были Владиславомъ Германомъ съ тѣмъ, чтобы они испросили ему у Бога чадородіе. По ихъ будто бы молитвамъ у Владислава родился Владиславъ Кривоустый. Галлъ рѣшился описать дѣла этого Владислава, столь тѣсно связаннаго съ его орденомъ. Эта-то часть его хроники особенно важна. Все остальное разсказывается съ цѣлью дать нравоученіе этому Владиславу. [2]) По изд. Бѣлевск. т. I. кн. 1. § 8 и 10 о войнѣ между Болеславомъ Храбрымъ и Ярославомъ; кн. 1. § 23 о дѣлахъ въ Россіи другого Болеслава — Смѣлаго при нашемъ кн. Изяславѣ Ярославичѣ. [3]) Преданіе, что не Кадлубекъ, а другой писатель былъ первымъ хроникеромъ, существовало и прежде. См. Бѣл. пред. къ хроникѣ Галла. [4]) Недавно въ нашей литературѣ появилось сочиненіе, въ которомъ разсматриваются польскіе хроникеры до половины XIV ст. Это сочиненіе г. Линниченки, — Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія, ч. 1. Кіевъ.

Движеніе латино-германской пропаганды дальше на сѣверо-востокъ выдвинуло писателей, которые еще ближе подходили къ дѣламъ Россіи. Уже оба вышеупомянутые писателя занимаются не мало сосѣднею съ ихъ родиной Литвой. Но эта страна вызывала такое же, если не большее еще вниманіе нѣмцевъ-крестоносцевъ, надвигавшихся на нее. О ней много говоритъ нѣмецкій хроникеръ Дюсбургъ (XIII — XIV в.), котораго хроника ордена крестоносцевъ обнимаетъ время съ 1190 по 1326 г. Дюсбургъ говоритъ собственно о западной части Литвы, такъ называемой Пруссіи. Еще ближе къ намъ по мѣсту жительства и по содержанію разсказа ливонскій писатель Генрихъ латышъ, начала XIII в., въ хроникѣ котораго драгоцѣнныя извѣстія о первоначальныхъ дѣлахъ ливонскаго ордена и объ отношеніи къ нему мѣстнаго населенія, Литвы и особенно полоцкихъ князей [1]).

Писатели временъ татарскаго ига — итальянскіе, арабскіе. Величайшее бѣдствіе Россіи — татарскій разгромъ, повлекшее за собою татарское иго, вызвало злоумышленія противъ нея и ближайшихъ сосѣдей, и отдаленныхъ нашихъ зложелателей. Во главѣ ихъ, какъ естественно, стали папы и думали раздѣлить съ татарскими ханами власть надъ Россіей, наложить на нее духовное свое иго. Въ этихъ видахъ они и непосредственно сносились съ нашими князьями, какъ напримѣръ, съ Александромъ Невскимъ и Даніиломъ галицкимъ, и поднимали противъ насъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей, какъ напримѣръ, шведовъ, ливонскихъ рыцарей, Литву, и даже посылали къ татарамъ посольства въ тѣхъ же видахъ. Послѣднее обстоятельство дало начало ряду писателей о Россіи за это время. Таковы:

Плано-Карпини — папскій посолъ (половины XIII вѣка) къ татарамъ по дѣламъ религіознымъ. Онъ ѣхалъ черезъ Галицію, гдѣ велись сношенія съ папой по дѣламъ уніи, зналъ дѣла галицкаго князя Даніила, видѣлъ въ ордѣ Ярослава Всеволодовича.

Рубриквисъ — посолъ Людовика IX къ хану тоже по дѣ-

1884 г. Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ вниманія на тотъ важный вопросъ, какъ польскіе хроникеры понимали отношенія Польши къ нѣмцамъ. [1]) Нѣмецкіе хроники касательно Ливоніи и особенно хроника Генриха латыша обстоятельно изслѣдованы въ недавно появившемся сочиненіи г. Трусмана: Введеніе христіанства въ Лифляндіи. Петербургъ, 1884 г. Во введеніи этого сочиненія изложена литература предмета.

ламъ религіознымъ (половины XIII в.). За послами папы и Людовика пошли представители торговой Венеціи, сносившейся съ татарами черезъ черное и азовское моря.

Изъ среды ихъ самое важное значеніе имѣетъ Марко-Поло (писатель второй половины XIII в.), объѣздившій многія азіатскія владѣнія татаръ и сообщившій драгоцѣнныя географическія свѣдѣнія о странахъ нашихъ тогдашнихъ владыкъ и объ ихъ дѣлахъ (упоминаетъ и о Россіи).

Нѣкоторое значеніе имѣютъ Барбаро (около половины XV в.), описавшій свое путешествіе въ Азовъ, и Контарини, бывшій даже въ Москвѣ въ 1473 г. на возвратномъ пути изъ Персіи.

Время татарскаго ига вызвало вновь и вниманіе арабовъ къ нашей странѣ. Изъ многихъ писателей того времени особенною славою пользуется географъ Абульфеда (XIV в.), у котораго есть и древнія извѣстія, напримѣръ, о походѣ русскихъ къ каспійскому морю (IX—X вѣк.).

Писатели временъ усиленія московской государственности. Со второй половины XV в., когда Россія стала сильно объединяться и свергла татарское иго, она, какъ извѣстно, стала болѣе и болѣе обращать свое вниманіе и силы на западъ и вступать, чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ сношенія съ западно-европейскими государствами. Прямой путь ей въ этомъ направленіи пролегалъ черезъ Польшу, съ которою, кромѣ того, у Россіи были большіе счеты изъ-за западной Россіи. Такимъ образомъ, возрастаніе Россіи и направленіе русскихъ дѣлъ, составляли для Польши ближайшій интересъ. Польскіе писатели не могли не обращать на это вниманіе и, какъ ближайшіе свидѣтели, не могутъ не имѣть для насъ важнаго значенія. Кромѣ того, они тоже въ качествѣ ближайшихъ свидѣтелей записывали дѣла литовскаго княжества, особенно послѣ соединенія его съ Польшей, т. е. съ 1386 г., а литовское княжество состояло, главнымъ образомъ, изъ русскихъ областей. Наконецъ, имѣетъ важное значеніе и то, что Польша съ конца XIV в. быстро стала возрастать и получать большое значеніе для западнаго славянства. Такимъ образомъ, польскіе хроникеры послѣ татарскаго ига имѣютъ для насъ большое значеніе. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны:

Краковскій каноникъ и воспитатель дѣтей литовско-польскаго государя Казиміра, Іоаннъ Длугошь, или по-латыни Lon-

ginus, умершій въ 1480 г. Его польская исторія, доведенная до того же года, замѣчательна не только тѣмъ, что авторъ ея, вращаясь при дворѣ и имѣя доступъ къ королевскому архиву, много могъ сказать, но и тѣмъ, что, какъ человѣкъ не хитрый и не очень даровитый, онъ иногда гораздо правдивѣе излагаетъ дѣло, чѣмъ многіе изъ его соотечественниковъ. Такъ, онъ во многихъ мѣстахъ признаетъ силу и даже правду за русскимъ населеніемъ бывшаго литовскаго княжества. Этому направленію помогала, конечно, сильная любовь къ литовскому княжеству самого Казиміра.

Совсѣмъ другимъ направленіемъ отличается Мартинъ Кромеръ (ум. 1589 г.), тоже придворный каноникъ, а потомъ епископъ вармійскій. Его хроника о началѣ и дѣлахъ поляковъ (De origine et rebus polonorum), доведенная до начала XVI вѣка, мало самостоятельна и уже сильно проникнута латинскимъ и польскимъ фанатизмомъ. Достоинство ея въ томъ, что даровитый ея авторъ хорошо упорядочилъ и не безъ критики разобралъ древнія и позднѣйшія событія Польши и, какъ много занимавшійся дипломатіей, показалъ большое знаніе сношеній Польши съ другими государствами. Хроника Кромера имѣетъ большую славу въ литературѣ и нашей, и особенно въ западно-европейской. Слава эта заслужена главнѣйшимъ образомъ необыкновенно хорошей латынью, которою она писана.

Гораздо большее значеніе по замыслу и дѣльности исполненія, заслуживаетъ другое сочиненіе Кромера. Это — De statu et de moribus и проч. Poloniæ. Тутъ изложена внутренняя исторія Польши, хотя и схоластическимъ способомъ. Оно составляетъ подражаніе и поправку донесеній папскихъ нунціевъ, описывавшихъ тоже самое. Часть этихъ донесеній издана въ новѣйшее время въ Парижѣ подъ заглавіемъ: „Relacye nuncynszów Apostolskich“, 2 тома, изд. 1864 г.

Шестнадцатый вѣкъ, когда въ литовско-польскомъ государствѣ происходило величайшее броженіе разнородныхъ элементовъ и дѣлались попытки найти лучшій путь историческаго движенія, далъ намъ нѣсколькихъ писателей, выдѣляющихся новымъ направленіемъ. Таковы:

Мартинъ Бѣльскій (умеръ 1599 г.) — свѣтскій человѣкъ. Онъ написалъ, кромѣ всемірной хроники, перешедшей въ наши хро-

нографы, еще польскую хронику, въ которой такъ смѣло говорилъ о вредномъ вліяніи на Польшу латинскаго духовенства, что оно отказывалось похоронить его. Подъ вліяніемъ этой вражды духовенства, сынъ Мартина, Іоакимъ сгладилъ эти шероховатости въ хроникѣ своего отца, продолжилъ ее и въ такомъ видѣ переиздалъ. Первое изданіе ея, 1554 г., очень рѣдко. Въ новыхъ изданіяхъ хроника доведена до 1580 года.

Подобною оригинальностію, но въ другомъ родѣ, отличается хроника жмудскаго каноника, Матвѣя Стрыйковскаго, изданная подъ заглавіемъ: Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiey Rusi. Доведена до 1579 г. Стрыйковскій до поступленія въ духовное званіе былъ военнымъ человѣкомъ, много странствовалъ по Литвѣ и западной Руси, много видѣлъ и, какъ человѣкъ отзывчивый, откликался на нужды и права той и другой. Лѣтописи и вообще памятники литовскаго княжества увлекли его, и онъ не разъ проникался русскимъ духомъ. Но онъ такъ странно написалъ свою хронику, что подорвалъ довѣріе къ ней. Проза и стихи равно служили ему для изображенія событій. Онъ перечисляетъ много лѣтописей русскихъ и даже литовскихъ, но не даетъ ни описанія ихъ, ни точныхъ выписокъ изъ нихъ. Стрыйковскаго, впрочемъ, больше нужно обвинять въ легкомысліи, нежели въ намѣренной лжи.

Въ высшей степени замѣчательны еще отрывки изъ сочиненій Михалона литвина или, какъ его называетъ польскій писатель Лелевель, Михайлы литвина. Отрывки эти носятъ заглавіе: Michalonis Litvani de moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum fragmina decem. Писаны отрывки Михалона въ половинѣ XVI стол. для молодого тогда литовско-польскаго государя Сигизмунда Августа. Разочарованіе этого писателя-литвина въ благахъ польской цивилизаціи доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ усматриваетъ лучшіе порядки жизни не только у насъ, русскихъ, но даже у татаръ. Важнѣе всего, что онъ становится при этомъ на такую точку зрѣнія, съ которой яснѣе всего видны язвы польской жизни и здоровая русская основа,—именно, на точку зрѣнія блага простого народа. Вотъ классическое мѣсто, выражающее эту его главную мысль: „Татары превосходятъ насъ не только воздержаніемъ и благоразуміемъ, но и любовію къ ближнему. Они сохраняютъ между собою взаимное расположеніе и оказываютъ

другъ другу добро; справедливо обращаются и съ рабами, хотя имѣютъ ихъ только изъ чужихъ странъ. Не смотря на то, что этихъ рабовъ пріобрѣтаютъ они войною или куплею, они не держатъ ихъ въ рабствѣ долѣе, какъ до семи лѣтъ, по слову писанія (Исход. г. 21, ст. 2). А мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти черезъ бракъ съ рабынями; мы злоупотребляемъ нашею властію надъ ними, мучая ихъ, уродуя, убивая безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. Напротивъ того, у татаръ и москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка даже при очевидномъ преступленіи,—это право предоставлено только судьямъ въ столицахъ" [1])...

Любопытно еще мнѣніе Михалона объ евреяхъ. „Въ эту страну, говоритъ онъ, собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей; народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы; самое дурное поколѣніе племени халдейскаго, какъ свидѣтельствуетъ священное писаніе, поколѣніе развратное, грѣховное, вѣроломное, негодное" [2]).

Сочиненіе Михалона кромѣ стараго изданія 1610 г. издано въ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ въ Архивѣ историко-юридическомъ Н. В. Калачева, кн. 2, 2 половина.

Еще болѣе близкое отношеніе къ русскимъ дѣламъ имѣютъ слѣдующія сочиненія польскихъ писателей:

Во второй половинѣ XVI в. (съ 1576 г.) на польской землѣ сошлись и стали дѣйствовать за-одно два даровитѣйшихъ человѣка, повидимому, совершенно противоположныхъ направленій. Это, во-первыхъ, чужеземецъ для поляковъ, седмиградскій князь Стефанъ Баторій, избранный въ польскіе короли — крупный военный и государственный талантъ, невѣрующій въ душѣ, но для широкихъ политическихъ цѣлей ставшій на значительное время поборникомъ іезуитовъ, какъ лучшей, по его мнѣнію, объединяю-

[1]) Стр. 47, 49. [2]) Стр. 47.

щей силы; во-вторыхъ, выдающійся артиллеристъ своего времени и еще болѣе замѣчательный образованный человѣкъ и гуманистъ, гетманъ Янъ Замойскій, вѣровавшій въ благотворность чистой польской культуры и потому сторонившійся отъ іезуитовъ и основавшій свою академію не іезуитскаго характера. Оба они сошлись на замыслѣ сломать могущество Россіи, соединить ее съ Польшей и затѣмъ обратить собранныя во-едино эти славянскія силы противъ турокъ. Изъ кружка людей, вращавшихся около этихъ необыкновенныхъ лицъ, выдѣлились два писателя, сочиненія которыхъ имѣютъ для насъ особенное значеніе.

Это, во-первыхъ, Райнольдъ Гейденштейнъ, секретарь Баторія и Замойскаго. Онъ составилъ описаніе войны Баторія съ Іоанномъ IV (Commentarii de bello Moscovitico) и издалъ его еще при своей жизни, въ 1584 г. Затѣмъ онъ сталъ составлять исторію Польши, — описалъ время Сигизмунда Августа, приставилъ это начало къ своему описанію московской войны и продолжалъ описаніе событій послѣдующаго времени, до 1602 г. Этотъ трудъ, въ которомъ московская война составляетъ 3, 4, 5 и 6 главы[1]), изданъ уже спустя много времени послѣ смерти автора († 1620 г.), именно въ 1672 г. Въ новѣйшее время онъ изданъ на польскомъ языкѣ въ Петербургѣ, въ 1857 г., въ двухъ томахъ и готовится еще изданіе археографической коммиссіей въ подлинникѣ и съ переводомъ на русскій языкъ.

У этого то именно автора изложенъ планъ завоеванія Россіи Баторіемъ. У Гейденштейна планъ этотъ оказывается запоздавшимъ для времени Іоанна IV, съ которымъ воевалъ Баторій, и слишкомъ раннимъ для времени самозванческихъ смутъ, когда онъ несомнѣнно осуществлялся. Но, безъ всякаго сомнѣнія, начало этого замысла совпадаетъ съ началомъ войны Баторія, если только не предшествуетъ ей, какъ это оказывается изъ другихъ источниковъ, которые отчасти увидимъ ниже, — изъ инструкціи, данной Поссевину и изъ проекта, злостно приписываемаго Іоанну нѣмцами Элертомъ и Крузе.

Вотъ два мѣста касательно этого плана у Гейденштейна: „когда Іоаннъ IV умиралъ, то, говоритъ авторъ, силы Москвы были сильно истощены; представлялась весьма счастливая возможность воз-

---

[1]) Въ новомъ польскомъ изд. (1857 г.) съ 281 стр. 1 т. и до 131 стр. 2 т.

вратить назадъ Смоленскъ и другія области, забранныя силою или измѣною; не было ничего невѣроятнаго, что возможно будетъ присоединить къ Польшѣ или иначе переустроить, для блага всего христіанства, и все московское государство, столь громадное, столь могущественное и столь полезное для борьбы съ турками" [1]). Въ другомъ мѣстѣ Гейденштейнъ излагаетъ тотъ-же планъ яснѣе и подробнѣе. Сказавъ, что смерть Іоанна и начавшіеся послѣ нея раздоры между боярами представляли большія удобства для завоеванія Россіи и что польскій сеймъ, боясь усиленія королевской власти, этому противодѣйствовалъ, авторъ продолжаетъ: „Король, не желая такъ легко бросать столь важное дѣло, открылъ переговоры съ папою, съ князьями итальянскими, съ Венеціей и Флоренціей. Для этихъ сношеній онъ обратился къ посредству Поссевина, и съ этою цѣлію вновь послалъ въ Римъ своего племянника кардинала Баторія. Вездѣ онъ указывалъ на настоящее положеніе дѣлъ въ Москвѣ и доказывалъ, что теперь то именно пора основать на сѣверѣ сильное государство, соединивъ Москву съ Польшей, и что такимъ образомъ устроится сильная преграда для турокъ; христіанство не будетъ бояться этихъ поганскихъ ордъ, а вѣра римско-католическая распространится. Поэтому онъ просилъ, чтобы въ виду выгодъ, имѣющихъ произойти отъ сего для всего христіанства, христіанскія государства помогли ему денежною помощію... Смерть короля прервала эти переговоры" [2]).

Кромѣ этихъ извѣстій у Гейденштейна разсказанъ весь ходъ войны Баторія съ Іоанномъ IV и иногда весьма подробно, напримѣръ, о взятіи Полоцка, Великихъ Лукъ и особенно объ осадѣ Пскова. Здѣсь изложена и топографія Пскова и его исторія.

Объ осадѣ Пскова мы имѣемъ другое сочиненіе — дневникъ этой осады, веденный на мѣстѣ въ польскомъ лагерѣ неизвѣстнымъ лицомъ, тоже очень близкимъ къ Замойскому и королевской канцеляріи, и замѣчательный большою долею безпристрастія. Авторъ этого дневника отдаетъ полную справедливость мужеству псковитянъ и ихъ военному искусству. Есть у него драгоцѣнныя извѣстія о Іоаннѣ IV, объ его трусости. Есть извѣстіе, что въ одномъ козацкомъ русскомъ отрядѣ былъ Ермакъ

[1]) Т. 2, стр. 169. [2]) Т. 2, стр. 195.

Тимоѳеевичъ (для того времени извѣстіе ошибочное). Также важна приложенная къ этому дневнику обширная переписка по дѣламъ этой войны и заключенія мира. Есть, между прочимъ, одно въ высшей степени замѣчательное письмо, въ которомъ Іоанну IV приписывается намѣреніе пробиться къ балтійскому морю.

Борьба между Россіей и Польшей вызвала еще задолго до времени Іоанна IV и Баторія сношенія Россіи съ другою страною, съ Австріей, которая не могла равнодушно смотрѣть ни на усиленіе Польши, ни на усиленіе Россіи, и потому постоянно вмѣшивалась въ ихъ борьбу. Благодаря этому, изъ Австріи вышелъ цѣлый рядъ писателей, бывшихъ въ Россіи въ качествѣ членовъ посольской миссіи или собиравшихъ у себя свѣдѣнія о Россіи. Въ оффиціальной сферѣ своей дѣятельности они дѣйствовали, какъ австрійцы, т. е. во вредъ и Россіи и Польшѣ; но въ своихъ сочиненіяхъ о Россіи, они, сравнительно съ писателями изъ другихъ народностей, занимаютъ нерѣдко самое видное мѣсто. Зная славянъ въ своемъ отечествѣ, они справедливѣе и съ гораздо большимъ знаніемъ излагаютъ и дѣла русскія.

Рядъ этихъ писателей открываетъ собою важнѣйшій изъ иностранныхъ писателей, баронъ Герберштейнъ, посолъ австрійскаго императора, бывшій въ Россіи два раза, въ 1517 и 1525 годахъ, при Василіи Іоанновичѣ. Онъ зналъ славянскій языкъ, могъ понимать русскихъ и читать русскія лѣтописи и другіе письменные памятники, и дѣйствительно читалъ ихъ. Его сочиненіе—Rerum moscoviticarum commentarii—драгоцѣнное собраніе дѣльныхъ и обстоятельныхъ извѣстій о Россіи и древнихъ и позднѣйшихъ, до его времени. Онъ, напримѣръ, сильно вдумывался въ исторію происхожденія русской государственности и собиралъ русскія преданія и мнѣнія объ этомъ. Онъ даже записывалъ цѣлые памятники, какъ напримѣръ, судебникъ Іоанна III.

Кобенцель рыцарь нѣмецкаго ордена—посолъ отъ австрійскаго императора (Максимиліана II) къ Іоанну IV. Былъ въ Москвѣ въ 1576 г. Въ своемъ донесеніи объ этомъ посольствѣ онъ описывалъ необыкновенную власть царя, необыкновенное послушаніе ему со стороны подданныхъ, легкую для него возможность собрать громадное войско; описываетъ громадныя богатства страны и самого князя. Между прочимъ, указываетъ на проектъ царя вести торговлю солью по балтійскому побережью.

Какъ членъ нѣмецкаго ордена, авторъ весьма былъ заинтересованъ, чтобы представить императору опасность движенія Іоанна въ Ливонію.

Баронъ Мейербергъ или Августинъ фонъ Майернъ, австрійскій посланникъ во время малороссійской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ (1661—3). Въ его сочиненіи: Iter in Moscoviam находится, между прочимъ, обстоятельное описаніе двора Алексѣя Михайловича и личности этого государя. Онъ подобно Кобенцелю обратилъ вниманіе на своеобразныя отношенія въ Россіи между государемъ и подданными и раскрылъ передъ глазами западно-европейцевъ невиданную ими картину, какъ государь (Алексѣй Михайлов.) съ неограниченною властію представляетъ образецъ человѣка самыхъ высокихъ качествъ, не посягавшаго ни на чью честь, ни на чье достояніе. У Мейерберга есть карты Москвы, Украйны.

Георгъ Корбъ (1698—9). Сопровождалъ австрійскаго посла къ Петру по дѣламъ союзной войны противъ турокъ. Въ его сочиненіи: Diarium itineris in Moscoviam находится описаніе ужасной расправы Петра съ стрѣльцами, а также извѣстіе объ азовскихъ походахъ.

Спокойствіемъ и желаніемъ знать дѣйствительное положеніе дѣлъ отличаются и писатели самаго дружественнаго Россіи государства, Гольштиніи.

Самымъ важнымъ представителемъ въ литературѣ этого благорасположеннаго къ намъ государства былъ Олеарій, бывшій въ гольштинскомъ посольствѣ въ Россіи 1633 и 36, т. е. во времена Михаила Ѳеодоровича. Это одно изъ самыхъ полныхъ и подробныхъ описаній нравовъ и обычаевъ русскихъ и древняго и его времени, съ немалымъ числомъ географическихъ картъ, изображеній городовъ.

Изъ ряда этихъ писателей—австрійскихъ съ одной стороны и гольштинскихъ съ другой рѣзко выдѣляются писатели двухъ слѣдующихъ категорій.

До сихъ поръ двѣ главныя силы управляютъ судьбами западной Европы. Это — протестанство и іезуитское латинство. Передъ этими силами нерѣдко отступаютъ назадъ не только частные интересы того или другого государства, но даже интересы цѣлыхъ національныхъ группъ. Современный соціализмъ пытается

подорвать эти силы и занять ихъ мѣсто; но въ дѣйствительности и самъ соціализмъ развивается подъ вліяніемъ одной или другой изъ этихъ силъ. Протестантскій соціализмъ миролюбивѣе въ жизненной практикѣ и шире по идеѣ; латинскій соціализмъ наоборотъ одностороннѣе по задачѣ, легче привязывается къ чуждымъ ему интересамъ, но за то злѣе и неистовѣе въ жизненной практикѣ. Если теперь еще такъ велики эти двѣ силы—протестантская и латинская, то въ прежнія времена онѣ были еще больше, и яснѣе отражались на дѣлахъ людей и въ томъ числѣ на сочиненіяхъ иностранныхъ писателей о Россіи.

И свободолюбивое протестанство въ лицѣ англичанъ и мрачно деспотическое іезуитство сошлись на томъ, чтобы поработить Россію,—Англія своей торговлѣ, іезуиты своему папству. Само собою разумѣется, что при такой задачѣ тѣ и другіе должны были смотрѣть на Россію, какъ на матеріалъ, который необходимо пересоздать, потому что въ немъ все дурно.

Самые крупные представители этихъ двухъ направленій въ разсматриваемомъ отдѣлѣ литературы нашей науки сошлись между собою даже по времени. Одинъ изъ нихъ—іезуитъ Поссевинъ былъ въ Россіи въ 1581—2 г., другой—англичанинъ Флетчеръ въ 1588 г. и предметъ для обоихъ былъ тѣмъ богаче, что они были въ Россіи,—одинъ подъ конецъ жизни Іоанна IV, другой вскорѣ послѣ того, т. е. при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

Сочиненіе Поссевина носитъ заглавіе: Antonii Possevini ex societate Iesu Moscovia sive de rebus Moscoviticis et acta in conventu legatorum regis Poloniæ et magni ducis Moscoviæ, изд. 1586 г. Сочиненіе это много разъ потомъ издавалось и переводимо было на другіе языки. Необыкновенно талантливый іезуитъ, имѣвшій возможность присматриваться къ дѣламъ русскимъ еще прежде, во время своей нунціатуры въ Швеціи, получилъ теперь для этого громадныя средства, во время пребыванія въ Россіи въ 1581 и 2 гг., когда онъ находился то въ станѣ Баторія, то ѣздилъ къ Іоанну IV и велъ бесѣды съ нимъ. Его описаніе войны съ Баторіемъ, особенно описаніе городовъ: Новгорода, Пскова, Смоленска, его описаніе жизни Іоанна въ Старицѣ и потомъ въ Москвѣ поражаютъ большимъ знаніемъ дѣла. Онъ съумѣлъ даже вывѣдать отъ толмача подробности трагической смерти сына Іоаннова Іоанна-же, убитаго отцомъ. Зная близко дѣла русскихъ, сохраняя

въ свѣжей памяти пораженіи их отъ Баторія и бѣдствія отъ своего неистоваго царя—Іоанна IV, Поссевинъ разрушаетъ мнѣніе прежнихъ писателей о могуществѣ Россіи. Но онъ подобно другимъ признаетъ и богатство и силу царя московскаго, на изученіе котораго онъ употребляетъ большія старанія. Все это привело іезуита къ убѣжденію, что черезъ русское правительство много можно сдѣлать для подчиненія Россіи папѣ, но какъ проницательный человѣкъ онъ ясно видѣлъ, что скоро этого нельзя сдѣлать, и нужны особыя приготовленія, въ числѣ которыхъ самыя важныя — школы въ духѣ латинства и обращеніе въ унію православныхъ западной Россіи.

Дѣла Поссевина въ Россіи освѣщаются особенно сильно проектомъ Баторія сокрушить эту державу для интересовъ запада и латинства въ частности, а также данною Поссевину папскою инструкціей, напечатанной, между прочимъ, археограф. коммиссіею въ изд. ея: Historica Russiae monumenta, т. I, № CCXII.

Флетчеръ — посолъ англійской королевы Елизаветы къ Ѳеодору Іоанновичу. Если іезуитъ Поссевинъ могъ много знать о Россіи, вращаясь между поляками, нахлынувшими съ Баторіемъ на русскую землю, то подобное же удобство было и у Флетчера. Въ то время, когда онъ былъ въ Россіи, уже слишкомъ сорокъ лѣтъ англичане разъѣзжали по ней, овладѣвали ея торговлею, много узнавали изъ ея дѣлъ, давно вели записки о Россіи въ англійской торговой компаніи. Такъ членъ ея, принимавшій на себя иногда и званіе англійскаго посланника, Горсей составилъ очень обстоятельное сочиненіе о Россіи: у него, между прочимъ, есть весьма важное указаніе на перемѣну въ Іоаннѣ послѣ женитьбы на Маріи Черкасской, въ родныхъ которой онъ нашелъ ревностныхъ исполнителей своего тиранства. Среди этихъ то обстоятельствъ явился въ Россію Флетчеръ, да еще нѣкоторое время былъ задержанъ въ Вологдѣ — торговомъ городѣ. Такой писатель, конечно, могъ написать очень дѣльную книгу о Россіи, и, дѣйствительно, записки Флетчера — превосходный сборникъ свѣдѣній о русской природѣ, русской торговлѣ, финансахъ, управленіи. По мѣстамъ у него разсѣяны драгоцѣнныя извѣстія, иногда существенныя, какъ объ опритчинѣ, судебномъ поединкѣ, объ юродивомъ Николѣ. Не безъ основанія многіе сравниваютъ записки Флетчера, по дѣльности ихъ, съ записками Герберштейна. Но что касается его основного

взгляда на Россію, то никакой иноземецъ не высказывалъ его рѣзче Флетчера или, лучше сказать, онъ лучше всѣхъ выражаетъ основной взглядъ иноземцевъ на Россію. Россія пребываетъ безъ познанія Бога, безъ писаннаго закона и безъ правосудія — вотъ его основной взглядъ на Россію. И это писалось въ то время, когда Россія живо помнила и глубоко чтила такого необыкновеннаго мыслителя и психолога въ области религіозной и гуманиста въ жизни, какъ Нилъ Сорскій; когда недавно еще сошли со сцены — извѣстный намъ просвѣщенный собиратель четьихъ миней—митрополитъ Макарій, могущественные двигатели нравственнаго оживленія Россіи—Сильвестръ и Адашевъ; не говоримъ уже о Максимѣ грекѣ, о Курбскомъ; говорилось это тогда, когда Россія имѣла уже два судебника, въ которыхъ ясно, твердо проповѣдывался основной принципъ лучшихъ законодателей міра: судъ всѣмъ общій и равный. Иноземецъ не могъ выбраться изъ области тяжелыхъ впечатлѣній отъ внѣшнихъ, поражавшихъ его суровыхъ явленій русской жизни. Но удивительно, что его не поразили такія явленія, какъ то, что величайшій русскій тиранъ, Іоаннъ IV тщеславился тѣмъ, будто-бы онъ самъ не русскій, а иноземецъ римлянинъ, и что у этого тирана самымъ изобрѣтательнымъ палачемъ былъ англичанинъ Бомелій. Не обратилъ образованнѣйшій, свободолюбивый англичанинъ вниманія даже на то, что въ то время, когда онъ былъ въ Россіи, въ ней еще не было закрѣпощенія крестьянъ и что весьма недавно въ этой самой, незнавшей будто бы Бога, закона и правды Россіи, во имя христіанской любви раздавался протестъ противъ существованія въ ней рабовъ и не былъ пустымъ словомъ или единичнымъ голосомъ. Извѣстно, что упомянутый Сильвестръ отпустилъ на волю своихъ рабовъ и они по волѣ жили у него.

Писатели ливонскіе. Въ томъ же XVI столѣтіи стала возникать новая группа писателей, которая по направленію своему и знанію дѣла примыкаетъ къ Поссевину и особенно къ Флетчеру, но по своему особому положенію должна занять особое мѣсто въ литературѣ нашей науки. Это писатели ливонскіе и примыкающіе къ нимъ по дѣламъ Ливоніи.

Движеніе наше къ балтійскому морю повело къ столкновенію съ ливонскимъ орденомъ, особенно сильно выразившемуся въ такъ называемой ливонской войнѣ при Іоаннѣ IV. Множество плѣн-

ныхъ нѣмцевъ было уведено внутрь Россіи и размѣщено по разнымъ городамъ, особенно въ Москвѣ. Они-то составили зерна иноземныхъ у насъ колоній и опору при послѣдовавшихъ наплывахъ къ намъ всякаго рода иноземцевъ, пріобрѣтавшихъ нерѣдко вліяніе на наши дѣла. Изъ среды этихъ иноземцевъ тоже выходили писатели. Таковы, напримѣръ:

Крузе и Таубе, послы отъ ливонскаго ордена къ Іоанну IV въ 1557 г., потомъ плѣнные въ Москвѣ въ 1560 г., далѣе съ 1567 г., русскіе служилые люди, устроявшіе дѣло Магнуса, наконецъ, въ 1571 г., они передались польскому королю Сигизмунду Августу. Въ 1572 г., находясь на польской службѣ, оба они задумали оправдать свою измѣну передъ орденомъ и изложили это оправданіе въ видѣ письма къ магистру Готгарду Кетлеру. Оправданіе себѣ они нашли въ жестокостяхъ Іоанна IV, котораго и описываютъ. У нихъ подробно описывается исторія переселенія Іоанна въ александровскую слободу и жизнь въ ней. Вѣроятно, чтобы возбудить больше ненависти къ Іоанну, они приписываютъ ему намѣреніе устроить гибель всего христіанства Польши, Литвы и особенно Ливоніи. Но при всемъ своемъ пристрастіи, авторы, какъ очевидцы дѣлъ Іоанна, заслуживаютъ большого вниманія. Они, напримѣръ, разсказываютъ, что когда Іоаннъ уступилъ желанію народа — править имъ и пріѣхалъ въ Москву изъ александровской слободы, то его нельзя было узнать, — такъ онъ измѣнился.

Гоффъ, бывшій въ заключеніи въ Москвѣ 13 лѣтъ при Іоаннѣ IV и потомъ какимъ-то образомъ высвободившійся изъ Россіи. Онъ описалъ жестокости Іоанна, и описалъ такъ рѣзко, что сочиненіе его, изданное безъ означенія года и мѣста изданія, принадлежитъ къ числу самыхъ обличительныхъ. Само собою разумѣется, что сочиненія тѣхъ иноземцевъ, которые спокойно жили въ Москвѣ или даже занимали вліятельное положеніе, отличались большимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, хотя у всѣхъ ихъ основной взглядъ на Россію тотъ же, что и у вышеупомянутыхъ писателей. Но они входятъ уже въ новый періодъ иностранныхъ писателей о Россіи.

Разноплеменные писатели смутнаго времени. Смутное время въ Россіи было временемъ наплыва въ нее уже не отдѣльныхъ только лицъ и даже не отдѣльныхъ группъ, а цѣлыхъ массъ ино-

земцевъ. Имъ открыты были всѣ дѣла Россіи, и они забирались въ самыя отдаленныя и глухія мѣста. Многое поражало ихъ; многое изъ своихъ дѣлъ они считали достойнымъ исторической памяти и потому одни изъ нихъ сами записывали видѣнное и узнанное, другіе разносили вѣсти во всѣ концы европейской земли и вызывали любознательныхъ людей на сочиненіе статей и книгъ о Россіи. Почти всѣ національности Европы выставили писателей объ этомъ бѣдственномъ времени Россіи.

Первѣйшіе и главные участники въ этой смутѣ, поляки выставили слѣдующихъ писателей:

Въ редактированномъ мною 1 т. Русской исторической библіотеки археографической коммиссіи изданы:

1. Дневникъ похода въ Россію перваго самозванца, писанный лицомъ, сопровождавшимъ этого самозванца.

2. Дневникъ событій смутнаго времени съ 1603 по 1613 г., заключающій въ себѣ главнымъ образомъ свѣдѣнія о дѣлахъ втораго (Тушинскаго) самозванца.

3. Дневникъ похода польскаго короля Сигизмунда III къ Смоленску и осада имъ этого города.

Гетманъ Жолкевскій описалъ свой походъ изъ-подъ Смоленска къ Москвѣ и дѣло избранія въ русскіе цари королевича Владислава. Во второмъ (русскомъ) изданіи записокъ Жолкевскаго приложены многіе важные документы — грамоты, письма и, между прочимъ, записки іезуита Велевицкаго, разъясняющія самое появленіе перваго самозванца.

Участникъ въ походѣ перваго самозванца, Маскевичъ тоже составилъ очень дѣльныя записки.

Писали дневникъ послы, бывшіе на свадьбѣ перваго самозванца и одновременно съ нимъ подвергшіеся разгрому.

Написала свой дневникъ даже извѣстная авантюристка Марина. Во всѣхъ этихъ дневникахъ большое обиліе фактовъ. Есть между ними и довольно безпристрастные, какъ записки Жолкевскаго, Маскевича; но особенно важныя данныя извлекаются изъ сравнительнаго изученія ихъ.

Шведы выставили Петрея, который нѣсколько разъ былъ въ Россіи и обстоятельно описалъ и древнія русскія времена, и въ особенности время Годунова и 1 самозванца. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ сочиненіе Буссова, которымъ пользовался Пет-

рей и которое по недоразумѣнію долго извѣстно было подъ именемъ Бера. Авторъ долго жилъ въ Россіи, пишетъ спокойно и съ перваго взгляда весьма безпристрастно.

Голландцы выставили особенно замѣчательнаго писателя изъ евреевъ — Исаака Массу, который долго жилъ въ Москвѣ (1601—9), собралъ много свѣдѣній о смутномъ времени, о времени Годунова, котораго очень не любилъ. Имѣетъ значеніе также голландецъ Гаркманъ, писавшій тоже о смутномъ времени, хотя не вездѣ самостоятельно. Повидимому, онъ лучше зналъ дѣла при второмъ самозванцѣ. (Изданы оба археогр. коммиссіей).

Германскіе нѣмцы выставили Паерле, купца изъ Аренсбурга, который пріѣзжалъ въ Москву съ товарами къ свадьбѣ перваго самозванца и былъ задержанъ. У него подробное описаніе двора этого самозванца и разгрома его. Французы выставили Маржерета, который переходилъ отъ одного народа къ другому — служилъ русскимъ, шведамъ, полякамъ, самозванцамъ, но, несмотря на такую измѣнчивость въ дѣлахъ жизни, написалъ очень умное сочиненіе о смутномъ времени. Не упоминаемъ объ англичанахъ, австрійцахъ, италіанцахъ, писавшихъ о Россіи того времени.

Писатели иностранные смутнаго времени имѣютъ особенно важное значеніе. Россія тогда разлагалась по всѣмъ частямъ и раскрывалась передъ глазами многочисленнѣйшихъ иноземцевъ. Слѣдовательно, они больше, чѣмъ когда-либо, могли многое видѣть сами, быть очевидцами событій; между тѣмъ, наши русскіе свидѣтели того времени не легко могли записывать совершавшіяся событія. Наконецъ, иноземцы въ это время были часто главными двигателями нашихъ событій. Это подрываетъ достовѣрность ихъ сказаній, но часто даетъ возможность изучать ихъ цѣли, планы касательно Россіи.

Писатели послѣ возстановленія русской государственности. Послѣ возстановленія у насъ государственности, иноземцамъ нельзя было въ такомъ числѣ и съ такою волею изучать все въ Россіи, какъ въ смутныя времена; но зато само русское правительство болѣе и болѣе вступало въ сношенія съ Европой и держало у себя иноземцевъ на постоянной службѣ. Сочиненія о Россіи поэтому появлялись по прежнему.

Кромѣ извѣстныхъ уже намъ за это время, Олеарія, Мейерберга, Корба, можно еще упомянуть о слѣдующихъ: о шведѣ

Пальмѣ, бывшемъ посломъ при заключеніи столбовскаго мира и описавшемъ его, о врачѣ Алексѣя Михайловича, англичанинѣ Коллинсѣ, который описалъ время своего лѣкарства (1659—1667). (Моровая язва въ Россіи, отзывъ о прекрасныхъ качествахъ Алексѣя Михайловича). За это время мы имѣемъ и особаго рода историческихъ свидѣтелей: серба Крыжанича, бывшаго въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ и сосланнаго въ Сибирь. Крыжаничъ былъ великимъ славянскимъ патріотомъ, искалъ въ Россіи осуществленія своихъ славянскихъ идеаловъ и написалъ большой трактатъ, какимъ должно быть славянское, самобытное государство. Во-вторыхъ, имѣемъ Павла, архидіакона антіохійскаго патіарха, Макарія, бывшаго въ Москвѣ по дѣлу Никона. Павелъ описалъ свое путешествіе и пребываніе въ Москвѣ. Главный предметъ — придворныя и церковныя обрядности.

Малороссійская война вызвала много сочиненій и польскихъ, и русскихъ, каковы поляки: Коховскій, Рудавскій, и русскіе: Ерличь, Самуилъ Величка и много безъименныхъ писателей объ этомъ времени.

Во все время XVII ст. мы видимъ старые интересы Россіи и старыхъ, особенно живо заинтересованныхъ, историческихъ свидѣтелей. Россія стремилась больше всего прямо на западъ. Польша и Австрія должны были обращать на нее главнѣйшее вниманіе. Затѣмъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Москвы—государственный интересъ къ Россіи возбуждается въ Швеціи, а затѣмъ торговый въ Голландіи и Англіи. На юго-западъ отъ Москвы — старый интересъ существовалъ въ Италіи — торговый и религіозный, затѣмъ религіозный восточный и въ частности вслѣдствіе столкновенія съ турками поднимается, хотя и слабо, славянскій вопросъ

Писатели со времени Петра. Со времени Петра историческое движеніе Россіи направилось другими путями и вызывало иные интересы и иное вниманіе иноземцевъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, выразившагося въ выполненіи старыхъ задачъ, каковы походы азовскіе и турецкіе, Петръ далъ рѣшительное преобладаніе движенію русской жизни къ балтійскому морю. Этимъ вызванъ въ Швеціи величайшій интересъ къ Россіи, а при этомъ движеніи Россіи къ балтійскому морю, задача Петра преобразовать Россію по западно-европейскому образцу вызвала къ ней особенное вниманіе и германскаго міра. Наконецъ, эта же задача открывала

широко двери въ Россію всякимъ иноземцамъ, давала имъ здѣсь прочное и даже господственное положеніе. Понятно, что при такомъ оборотѣ дѣлъ вся Европа обращала на Россію напряженное вниманіе, особенно германскій міръ, и внутри Россіи могли составляться сочиненія иноземцевъ съ основательнымъ знаніемъ дѣла. Такія сочиненія и должны занять первое мѣсто въ литературѣ нашей науки по этому отдѣлу.

Сочиненія служилыхъ въ Россіи иноземцевъ. Таковъ дневникъ русскаго служилаго иноземца Патрика Гордона (съ 1655 по 1698 г.), особенно богатый подробностями за время азовскихъ походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Таковы письма извѣстнаго, ближайшаго къ Петру иноземца Лефорта, богатыя данными для характеристики лицъ, окружавшихъ Петра.

Таково сочиненіе о Россіи плѣннаго шведа Страленберга, долго остававшагося въ Россіи. У него важныя извѣстія о состояніи Сибири, въ которой онъ жилъ.

Такова полемика, вызванная враждебными Россіи статьями воспитателя царевича Алексѣя, нѣмца Нейгебауера, котораго опровергалъ по порученію Петра баронъ Гюйсенъ, новый воспитатель царевича, занявшійся затѣмъ сообщеніемъ вѣрныхъ извѣстій о Россіи въ иностранныхъ журналахъ.

Таковы записки фельдмаршала Миниха и болѣе важныя — адъютанта его Манштейна, доведенныя до 1744 г.

Сочиненія иноземныхъ пословъ. За служилыми русскими иноземцами слѣдуютъ сочиненія членовъ иностранныхъ посольствъ, которые должны были напрягать нерѣдко всѣ силы къ изученію Россіи, входившей болѣе и болѣе въ систему европейскихъ державъ.

Таковы, кромѣ записокъ извѣстнаго намъ Корба, записки тайнаго французскаго агента въ Москвѣ Навиля въ 1689 г., у котораго мы находимъ любопытныя извѣстія о правительствѣ времени царевны Софіи, и между прочимъ, о Василіи Голицынѣ, который, по свидѣтельству этого писателя, былъ необыкновенно образованъ и задумывалъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Брауншвейгскій резидентъ Веберъ (1714—20) даетъ намъ богатую картину внутреннихъ преобразованій Петра. Гольштин-

скій министръ Бассевичъ и особенно гольштинскій камергеръ Беркгольцъ, долго пребывавшій въ Россіи, оставили драгоцѣнныя записки о Россіи того времени. Дневникъ Беркгольца особенно дорогъ тѣмъ, что въ немъ описана обыденная русская жизнь того времени.

Записки испанскаго посла герцога Лиріи (врем. Петра II). донесенія англійскаго резидента Рондо и письма его жены; депеши французскаго посланника Шетарди, игравшаго немаловажную роль при Елисаветѣ; записки Фридриха II имѣютъ большое значеніе, какъ сочиненія такихъ современниковъ, которые старались не только много знать, но и понять смыслъ узнаннаго. Наконецъ, многочисленные иноземцы занялись изученіемъ русской исторіи и писали цѣлыя системы, какъ напримѣръ, исторія Россіи Рульера, Левека, Леклерка и множество изслѣдованій отдѣльныхъ эпохъ.

Съ сочиненіями иноземныхъ писателей о Россіи любопытно сопоставить однородныя съ ними описанія чужихъ земель русскими людьми, какъ напримѣръ: путешествіе игумена Даніила въ святую землю; путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ; указанное нами путешествіе Аѳанасія тверитина въ Индію; путешествіе свящ. Іоанна Лукьянова во святую землю[1]). Въ сочиненіяхъ этихъ русскихъ путешественниковъ всякій можетъ увидѣть поразительную прямоту взгляда на вещи и гуманное отношеніе къ чужимъ людямъ. Исключенія изъ этого рода сочиненій могутъ представлять Повѣсть объ осьмомъ соборѣ и Проскинитарій Арсенія Суханова, но и они не чужды вышеуказанныхъ качествъ[1]).

Изданія и изслѣдованія иностранныхъ писателей о Россіи. 1) Извлеченія изъ византійскихъ историковъ извѣстій, касающихся Россіи, сдѣланы еще въ прошедшемъ столѣтіи Штриттеромъ. 4 т. 1770—5 г.

---

[1]) Путешествіе Даніила издано археограф. ком. подъ редакціей А. С. Норова въ 1864 г. и въ новой обработкѣ издано палестинскимъ обществомъ въ 1883 г. Въ 1877 г. арх. ком. издала изслѣдованіе этого путешествія, составленное М. А. Веневитиновымъ. Путешествіе Антонія издано въ 1872 тою же археографич. ком. подъ редакціей П. И. Савваитова. Путешествіе Лукьянова изд. въ Русск. архивѣ за 1863 г. Хожденіе въ Индію Аѳ. тверитина — въ приложеніи ко 2-ой софійск. лѣт. [2]) Повѣсть о флор. соборѣ изд. въ соф. и ник. лѣтописяхъ. Проскинитарій Суханова изд. въ 1870 г. Казань.

2) Въ 1825 г. Языковъ издалъ собраніе путешествій къ татарамъ.

3) Въ 1841 г. Старчевскій издалъ въ Берлинѣ собраніе сочиненій иностранныхъ писателей XVI в. Historiae Ruthenicae Scriptores exteri..

4) Археографич. коммиссія тоже издала 2 т. писателей смутнаго времени (Петрей Буссовъ—въ подлинникѣ) и въ новѣйшее время 1 т. польскихъ дневниковъ и сочиненія Массы и Гаркмана.

5) Покойный Устряловъ сдѣлалъ собраніе важнѣйшихъ иностранныхъ писателей того же смутнаго времени подъ заглавіемъ: Сказанія современниковъ о самозванцахъ 2 т.

6) Нѣкоторые писатели иностранные изданы въ чтеніяхъ м. общ. ист. и древн. Такъ, напримѣръ, тамъ изданы Олеарій, Паерле, Пьерри и др.

7) Въ 1874 г. редакторъ (бывшій) Древней и новой Россіи, а теперь Историч. Вѣстника г. Шубинскій предпринялъ изданіе иностранныхъ писателей о Россіи XVIII в. и издалъ 2 т., въ которыхъ помѣщены депеши и письма супруговъ Рондо и записка Миниха.

8) Гдѣ и когда изданы иностранныя собранія этихъ писателей—и отдѣльно каждаго изъ нихъ,—это показано въ каталогѣ импер. публ. библіотеки Russica[1]).

Нужно при этомъ замѣтить, что въ нашей Императорской публичной библіотекѣ—богатѣйшее въ мірѣ собраніе сочиненій иностранныхъ писателей о Россіи. Особенно много потрудился въ дѣлѣ собранія этихъ сочиненій бывшій директоръ этой библіотеки баронъ М. А. Корфъ.

9) Библіограф. обозрѣніе иностранныхъ писателей о Россіи до XVIII в. съ изложеніемъ содержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлано Аделунгомъ. Трудъ его переведенъ на русскій языкъ и изданъ въ чтен. м. общ. истор. и древн. за 1862—3 г. и 1 кн. за 1864 г. Тамъ же приложены справочные указатели и, между прочимъ, указатель изданій иностр. писателей.

Иностранные писатели были предметомъ и ученыхъ изслѣдованій.

---

[1]) Catalogue de la section des Russica ou ecrits sur la Russie en langues étrangéres. 2 тома. Петерб. 1873 г.

Такъ писатели древніе до XII в. изслѣдованы Макушевымъ[1]). Писатели за время московскаго единодержавія изслѣдованы Ключевскимъ въ его сочиненіи: Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ[2]).

Въ этой же области изысканія сдѣланы профессоромъ Е. Е. Замысловскимъ, въ его изслѣдованіи о сочиненіяхъ барона Герберштейна[3]). Изслѣдованіе это составляетъ часть его обширнаго труда, по этому предмету, вышедшаго недавно, въ настоящемъ году. Трудъ этотъ входитъ въ область исторической географіи, и объ немъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Религіозныя воззрѣнія иностранцевъ на Россію XVI и XVII в. изслѣдованы въ магистерской диссертаціи бывшаго студента с.-петербургской духовной академіи, Рущинскаго. Издана она М. общ. ист. и древн. за 1871 г. и въ небольшомъ числѣ отдѣльной брошюрой.

Самое полное обозрѣніе иностранныхъ писателей и самое удобное для справокъ—это, отдѣлъ иностранныхъ писателей въ исторіи Россіи профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Иностранные писатели у него расположены въ хронологическомъ порядкѣ съ подраздѣленіемъ на группы, то по эпохамъ нашей исторіи, то по народностямъ писателей. По мѣстамъ указываются выдающіяся черты писателей, помогающія удержать ихъ въ памяти. Но навѣрное можно сказать, что только самая счастливая память можетъ удержать это множество именъ авторовъ и ихъ сочиненій, какое находится въ книгѣ К. Н. Бестужева-Рюмина. Этотъ его обзоръ иностранныхъ писателей драгоцѣненъ для справокъ, но не для изученія по нему сочиненій иностранныхъ писателей.

Сочиненія весьма многихъ иностранныхъ писателей о Россіи изложены въ видѣ научныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ періодовъ русской исторіи съ уясненіемъ предшествовавшихъ событій или составляютъ научное изложеніе всей исторіи Россіи до ихъ времени, при томъ исторіи по преимуществу внутренней.

Такимъ образомъ, въ этихъ сочиненіяхъ мы имѣемъ опыты научнаго изложенія нашей исторіи. Но въ литературѣ нашей науки, въ которой мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ прослѣдить уясненіе научнаго русскаго сознанія по отношенію къ

[1]) Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ. Петерб. 1861 г. [2]) Москва, 1866. [3]) Древняя и новая Россія за 1875 г.

своему прошедшему, иностранныя сочиненія о Россіи не могутъ имѣть значенія первыхъ опытовъ научной обработки нашей исторіи. На развитіе нашего русскаго научнаго сознанія до новѣйшихъ временъ они не имѣли никакого вліянія по той простой причинѣ, что не были въ Россіи извѣстны. Нѣкоторое, слабое исключеніе могутъ составлять греческіе и польскіе писатели, не мало извѣстные составителямъ нашихъ хронографовъ, особенно второй и третьей редакцій, а также составителю свода густынской лѣтописи, и какъ увидимъ, составителю Синопсиса. Знали еще составители хронографовъ Герберштейна и Павла Іовія. Наконецъ, вліяніе западно-европейскихъ писателей, именно шведскихъ, можно усматривать, и то лишь съ нѣкоторою вѣроятностію, въ сочиненіи Котошихина, о которомъ тоже рѣчь будетъ ниже.

Дѣйствительное историческое уясненіе нашего русскаго научнаго сознанія по отношенію къ своему прошедшему, дѣйствительное наше русское развитіе прагматическаго изложенія событій вырабатывалось своимъ, самобытнымъ путемъ.

ГЛАВА IV.

Первые опыты прагматическаго изложенія событій.

Прагматическое изложеніе событій, кромѣ указаннаго нами развитія лѣтописной дѣятельности, вырабатывалось еще слѣдующими путями: народная поэзія не разъ озаряла цѣльнымъ взглядомъ наше прошедшее, затѣмъ порывъ отдѣльнаго, личнаго таланта опереживалъ иногда медленное лѣтописное развитіе прагматическаго изложенія дѣла; наконецъ, государственныя нужды заставляли не разъ дѣлать такія работы, которыя составляли прочные шаги на пути научной обработки нашего предмета.

Поэтическія сказанія. У насъ, какъ и у другихъ народовъ, первѣйшее сознаніе своей исторической жизни выразилось въ народныхъ легендахъ. Легенды эти замѣтны на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи. Таковы—легенда о смерти Олега, о мести древлянамъ Ольги за смерть Игоря, о посольствахъ къ Вла-

диміру по дѣлу о перемѣнѣ вѣры, и много другихъ. Но подобныхъ легендъ было гораздо больше, чѣмъ ихъ сохранили наши лѣтописи. Множество ихъ сохранила народная память въ формѣ былинъ. Важнѣйшія изъ нихъ собирались и изданы Рыбниковымъ, братьями Кирѣевскими и въ послѣднее время покойнымъ Гильфердингомъ. Важнѣйшее изслѣдованіе о былинахъ—это сочиненіе профессора здѣшняго университета О. Ѳ. Миллера подъ заглавіемъ „Илья муромецъ", который, какъ извѣстно, составляетъ какъ бы средоточіе былиннаго міра. Кромѣ научной обработки текста главнѣйшихъ былинъ и разъясненія ихъ смысла, изслѣдованіе О. Ѳ. Миллера замѣчательно еще тѣмъ, что въ немъ сопоставлены наши былинные богатыри съ западно-европейскими легендарными героями, рыцарями чести. Изъ этого сравнительнаго изученія оказывается, что наши былинные богатыри поражаютъ не только громадностію грубыхъ физическихъ силъ, но и такими качествами, которыя нерѣдко ставятъ ихъ выше западноевропейскихъ и отчасти проливаютъ свѣтъ на древнѣйшія задачи и явленія нашей исторической жизни. Наши былинные богатыри почти неизмѣнно преклоняютъ свои физическія силы, свою богатырскую удаль передъ авторитетомъ матери. Затѣмъ, главнѣйшая задача былиннаго богатыря защищать вдовъ и сиротъ. Передъ этой задачей они подавляютъ въ себѣ даже чувство личнаго оскорбленія. Но нравственный кодексъ нашихъ былинныхъ богатырей еще богаче. Они несомнѣнно исполняютъ народный долгъ защищать русскихъ людей, русскую землю отъ кочевниковъ. Наконецъ, въ былинахъ есть слѣды народнаго протеста противъ непомѣрнаго развитія дружиннаго богатырства, противъ оторванности отъ земли. Въ былинѣ Вольга Святославичъ возводится на степень высшаго богатырства крестьянинъ-пахарь [1]).

Древнѣйшія наши былины, не смотря на то, что въ нихъ разсказываются дѣла кіевскія, сохранились на сѣверѣ Россіи, глав-

---

[1]) Вольга Святославичъ, ѣхавшій принимать въ свое управленіе города, пожалованные ему Владиміромъ, увидѣлъ по пути ратая, пахаря; насилу въ третій день доѣхалъ до него и увидѣлъ все необыкновеннымъ и ратая, и лошадь его, и соху, и работу. Богатыри сошлись и пахарь согласился ѣхать съ Вольгой Святославичемъ; но потомъ вспомнилъ, что оставилъ соху въ полѣ и что ее лучше бы спрятать въ ракитовъ кустъ. Но когда послали это сдѣлать, то никто изъ дружины Вольги не смогъ двинуть сохи, даже вся вмѣстѣ дружина; сдѣлалъ это только самъ пахарь. Дальше и конь пахаря оказался лучше коня Вольги. (Рыбн. т. 1. стр. 17—22).

нымъ образомъ, въ олонецкой губерніи. Покойный Гильфердингъ объясняетъ это тѣмъ, что на сѣверѣ Россіи русскій человѣкъ не зналъ крѣпостного состоянія и потому больше другихъ русскихъ жилъ старою русскою жизнію и вѣрно хранилъ древнѣйшіе ея завѣты.

Давно уже занимаетъ ученыхъ вопросъ, сохранились ли слѣды кіевскаго богатырства въ западной Россіи. Вопросъ этотъ поднятъ былъ и на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, но повелъ не къ уясненію дѣла, а къ однимъ лишь пререканіямъ. До сихъ поръ остаются неизслѣдованными слѣдующіе слабые признаки существованія и здѣсь былиннаго эпоса. Въ сороковыхъ годахъ былъ обычай,—печатать особыми выпусками лучшія сочиненія и стихи учениковъ гимназій. Въ минской гимназіи написано было и затѣмъ издано одно стихотвореніе, которое съ перваго разу поражаетъ и заставляетъ думать, что это не творчество ученика гимназіи, а народная былинная пѣсня [1]). По наведеннымъ справкамъ, разспросамъ эта былинная пѣсня будто бы существуетъ дѣйствительно въ устахъ народа въ минской губерніи около Несвижа и Слуцка.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ—Стасовъ, въ 1868 г. сталъ отвергать самобытность всѣхъ нашихъ былинъ, выводя ихъ изъ монгольскаго, татарскаго и индійскаго народнаго творчества [2]).

Это возбудило большую полемику, въ которой главное участіе принималъ О. Ѳ. Миллеръ. Въ этой полемикѣ уяснено было дѣйствительно шаткое основаніе г. Стасова. Его исходный пунктъ—сходство сказокъ у всѣхъ народовъ. Но отъ сказокъ до былинъ очень далеко.

---

[1]) Вотъ эта пѣсня былинная:

Бывъ на Руси Чорный Богъ,
Предъ нимъ стоявъ Туровъ рогъ;
Іонъ на Кіевъ поглядавъ
Гомонъ вѣдьмамъ подававъ.
А Владиміръ нашъ Святый,
Чорна Бога сколотывъ,
А мученица Варвара
Усѣ вѣдьмы разогнала,
Вѣдьмы что у ночну пору
Слетались на Лысу Гору...

(Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западн. краѣ, вып. 1, № CXVIII).

[2]) „Вѣстн. Евр." 1868 г., № 1—4, 6 и 7, а также въ газетахъ того времени, напр. „Спб. Вѣд." №№ 318 и 319.

Былинами въ исторіи можно пользоваться съ великою осторожностію. Онѣ важны, какъ выраженіе народнаго сознанія касательно нашего прошедшаго; многія изъ нихъ вѣрно изображаютъ направленіе, задачи того или другого времени; вѣрно иногда изображаютъ историческое значеніе лицъ, напримѣръ, значеніе Владиміра; но странно было бы искать въ былинахъ историческихъ фактовъ. Въ нашей наукѣ былинамъ, какъ и вообще народному творчеству, даютъ большое значеніе послѣдователи славянофиловъ и малороссійскіе ученые, а отвергаютъ ихъ значеніе западники.

Слово о полку Игоря Святославича. Къ былинамъ примыкаетъ извѣстное Слово о полку Игоревѣ, т. е. о походѣ на половцевъ и о плѣнѣ у нихъ черниговскаго князя Игоря Святославича въ 1185—6 гг. Оно было найдено въ одномъ бѣлорусскомъ сборникѣ или, точнѣе, въ концѣ одного хронографа, вскорѣ затерявшагося, и обнародовано при Екатеринѣ II (1780 г.) извѣстнымъ собирателемъ русскихъ памятниковъ Мусинымъ-Пушкинымъ (оберъ-прок. св. синода и затѣмъ през. акад. худож.). Потомъ найдена точная копія погибшей рукописи въ бумагахъ императрицы Екатерины II, и издана покойнымъ Пекарскимъ при академіи наукъ въ 1864 г. Лучшее научное изданіе Слова о полку Игоревѣ профессора Тихонравова, 1866 г.

Слово о полку Игоревѣ подвергалось много разъ изслѣдованіямъ[1]). Новѣйшія его изслѣдованія: большое изслѣдованіе князя Вяземскаго, сближающее этотъ памятникъ съ древностями греческими и римскими; изслѣдованіе Всев. Миллера, доказывающее книжность Слова, и доцента кіевск. унив. Жданова („Кіевск. унив. изв.", 1880 г.).

Для насъ важнѣе всего воззрѣнія автора Слова о полку Игоревѣ на русскія дѣла и историческіе факты въ немъ изложенные. Въ авторѣ этого памятника мы видимъ сильное сознаніе единства русской земли и ея бѣдствій отъ кочевниковъ. Авторъ знаетъ и главную причину, почему эти бѣдствія продолжаются и даже усиливаются. Это—раздоры князей и забвеніе своего долга. Но и при этомъ осужденіи князей онъ, подобно своимъ современникамъ, сознаетъ великую воспитательную силу доблестей лучшихъ русскихъ

---

[1]) Литература указана въ Журн. Мин. Нар. Прос. 1876 г., сентябрь и октябрь, а еще новѣе — въ Кіевск. универс. изв. 1880 г., № 7.

людей и поклоняется этой доблести съ глубокимъ и искреннимъ чувствомъ. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этого памятника, которыя могутъ служить подтвержденіемъ этого.

„Вступита господина (князья) въ злата стремена за обиду сего времени,—за землю русскую, за раны Игоревы буего Святославича. Галичскы Осмосмысле Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ! Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю врата... грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата... Стрѣляй господине Кончака, поганаго Кощея, за землю русскую, за раны Игоревы буего Святославича... А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ, умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти... Ярославе и вси внуци Всеславли! уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю русскую... О, стонати русской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей“ [1]).

Слово о полку Игоревѣ имѣло большое вліяніе на послѣдующую повѣствовательную литературу; было, вѣроятно, не мало другихъ подобныхъ словъ, вызванныхъ подвигами другихъ нашихъ героевъ. Слѣды этихъ героическихъ словъ и подражанія имъ сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, въ ипатіевской лѣтописи есть мѣсто, ясно указывающее на существованіе особыхъ словъ о подвигахъ Владиміра Мономаха и Романа. Въ этой лѣтописи подъ 1201 г. говорится, что умеръ Романъ и что насталъ большой мятежъ при его малолѣтнихъ дѣтяхъ. О Романѣ при этомъ сначала сказано было нѣсколько похвалъ, именно, что это приснопамятный самодержецъ всея Руси, что онъ одолѣвалъ всѣхъ поганскихъ языковъ и мудростію ума ходилъ по заповѣдямъ божіимъ. Списателю этого, вѣроятно, первоначальнаго лѣтописнаго текста показались, должно быть, недостаточными эти похвалы, и онъ вставилъ между словами лѣтописными о смерти Романа и между словами о мятежѣ при его малолѣтнихъ дѣтяхъ слѣдующую поэтическую характеристику Романа и дѣда его Мономаха, составлявшую, по всей вѣроятности, отдѣльное слово или даже

[1]) Изъ изд. Тихонравова.

два слова, можетъ быть, въ болѣе распространенной формѣ: „устремибося (Романъ) на поганыя, яко левъ, сердитъ же бысть яко и рысь и губяше яко и корводилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя половци, изгнавшю отрока во Обезы за Желѣзныя врата. Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживишю. Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ и пріемшю землю ихъ всю и загнавшю оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставьшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкия; оже ти не восхощетъ, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дастъ ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю рече: да лучше есть на своей еемлѣ костью лечи, нели на чуже славну быти. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву. (Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьникы. Велику мятежю возставшю въ земли русской, оставшима же ся двѣма сынома̀ его, единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ)“...

Эти поэтическія попытки обнять цѣльнымъ взглядомъ выдающіяся событія, очертить необыкновенныя личности съ теченіемъ времени повторялись и иногда выражались въ большой работѣ многихъ лицъ. На такую работу вызвало русскихъ людей знаменитѣйшее въ нашей исторіи событіе — битва съ татарами въ 1380 г. на Куликовомъ полѣ. На этомъ событіи сосредоточивалось вниманіе и спокойныхъ, безхитростныхъ нашихъ лѣтописцевъ, и восторженныхъ, поэтическихъ натуръ самобытныхъ, и подражателей слова о полку Игоревѣ, и неутомимыхъ компиляторовъ

Первоначальная лѣтописная запись объ этомъ событіи, по первымъ извѣстіямъ о немъ, сдѣланная на сѣверѣ Россіи, по всей вѣроятности, въ бѣлозерской области, помѣщена въ 4 новгородской лѣтописи. Въ этой записи заключается только описаніе начала битвы главныхъ силъ — перваго „съступа“ и перечисленіе главнѣйшихъ лицъ, убитыхъ при этой стычкѣ. Ни о приготовленіи къ этой битвѣ, ни о послѣдующихъ моментахъ битвы авторъ не знаетъ. Затѣмъ эта запись сокращалась и видоизмѣнялась, и эти сокраще-

нія и видоизмѣненія помѣщены въ 1 новгородской лѣтописи, въ софійской и воскресенской.

Кромѣ того въ первое же время послѣ Куликовской битвы составлено было описаніе ея современникомъ и участникомъ въ ней брянскимъ воеводой или дружинникомъ Софоніемъ. Произведеніе это не существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, но сохранилось двѣ серіи передѣлокъ этого произведенія,—одна поэтическая, извѣстная подъ именемъ Задонщины, составляющая явное подражаніе Слову о полку Игоревѣ [1]), другая въ болѣе исторической формѣ подъ именемъ: „Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго“, или, какъ въ никоновской лѣтописи (т. 4, стр. 86): „Повѣсть полезна бывшаго чюдеси, егда молитвою такихъ-то, князь великій Дмитрій Ивановичъ з братомъ своимъ... Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми князи русскими на Дону посрами и прогна Волжскія орды гордаго князя Мамая и всю орду его со всеею силою ихъ нечестивою изби“.

Повѣсть эта, какъ и Задонщина, изображаетъ уже весь ходъ войны Донского съ Мамаемъ отъ начала до конца и представляетъ эту битву движеніемъ всѣхъ русскихъ силъ на борьбу съ татарами. Можно даже замѣтить, что въ наслоеніяхъ этихъ двухъ памятниковъ выразилась забота разныхъ русскихъ областей пріурочить и себя къ этому великому русскому дѣлу. Мало того, у русскихъ людей, занимавшихся разработкой этого событія, было желаніе расширить, такъ сказать, и въ глубь куликовское дѣло, осмыслить его широкою историческою идеей. Во всѣхъ вышеуказанныхъ редакціяхъ сказанія о куликовской битвѣ упущено изъ виду разъясненіе, было ли у русскихъ людей того времени сознаніе, что они не просто отражаютъ татаръ, а свергаютъ татарское иго. Этотъ недочетъ восполняетъ одна западно-русская

[1]) Она носитъ и названіе, подобное ему, именно: Слово о великомъ князѣ Димитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего, царя Мамая. Выписки, подтверждающія подражаніе Слову о полку Игоревѣ: уже, братья, не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ: стучитъ рать великаго князя Дмитрія Ивановича.... На томъ полѣ сильныя тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молньи и загремѣли громы велицыи: то ступишася русскіе удальцы съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечми булатными о шеломы хиновскіе.

редакція сказанія о куликовской битвѣ (рукопись Императорской публичной библіотеки—сборникъ изъ древнехранилища Погодинскаго). Сказавъ кратко о завоеваніи Руси татарами и о томъ, что они своихъ „баскаковъ албо атамановъ то есть старостъ надъ Русью постановляли, которые, сидячи въ Руси, дань отъ нея выбирали, суды судили, какъ хотѣли розсказовали, отъ царей тежъ татарскихъ монастыри русскіи становлены бывали“, авторъ продолжаетъ: „ажъ року ЅѠПѲ (1381 г.), князи русскіе особливо Семіонъ Івановичъ и князь Тверскій и Дмитрей Івановичъ Семечинъ (?) великій князь владимірскій и московскій своимъ мужествомъ и храборствомъ татаровъ до конца побивши досконале зкинули з шиі свое ярмо татарское и въ першую пришли волность русскую панованья“. Эта богатая древняя работа по разъясненію борьбы русскихъ съ татарами давно уже разбирается научно, но еще ждетъ новыхъ научныхъ усилій, какъ это показало разнообразіе выводовъ, высказанныхъ въ 1880 г., когда вспоминалась трехсотлѣтняя годовщина этого событія.

Уже одно изученіе поэтическихъ особенностей этихъ сказаній и сличеніе ихъ съ поэтическими образами Слова о полку Игоревѣ даетъ много для пониманія чисто историческихъ вещей. Такъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ, герои, хотя дѣйствуютъ не безъ участія сверхъестественныхъ силъ, но строго говоря, предоставляются собственнымъ средствамъ, отъ того ихъ качества, ихъ могущество выростаютъ нерѣдко до былинныхъ размѣровъ. Въ сказаніяхъ о мамаевомъ побоищѣ всѣ герои, особенно Димитрій Ивановичъ, дѣйствуютъ прежде всего какъ христіане, какъ покорныя, смиренныя орудія промысла, къ которому они постоянно и обращаются за помощію. Такимъ образомъ, уже самая эта постановка дѣла должна была умалять личныя достоинства, личную доблесть Донского. Забвеніе этой постановки дѣла привело одного изъ нашихъ историковъ, Н. И. Костомарова къ грубой ошибкѣ при оцѣнкѣ личности Димитрія Донского, котораго онъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій призналъ трусомъ[1]), что вызвало великую бурю, особенно со стороны покойнаго Погодина, и заставило въ послѣдствіи самого Кастомарова значительно ослабить эту ошибку[2]).

---

[1]) Приложеніе къ календарю академіи наукъ за 1864 г. [2]) Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей, т. 1, стр. 207—8, 220—223, особенно примѣч. 2 къ стр. 223.

Подобныхъ попытокъ излагать событія прагматически было у насъ не мало. Таковы сказанія о нашествіи Тохтамыша, о завоеваніи Казани, о паденіи Новгорода, Пскова, о разгромѣ Новгорода Іоанномъ IV и друг.

Авраамій Палицынъ. Но самымъ выдающимся произведеніемъ въ этомъ родѣ нужно признать сказаніе Авраамія Палицына объ осадѣ Троицко-сергіевскаго монастыря. Здѣсь мы уже видимъ цѣльное изображеніе историческаго движенія русской жизни отъ начала и до конца смутнаго времени; видимъ въ авторѣ ясное народное сознаніе и сознаніе значенія для будущаго времени его труда; наконецъ, видимъ твердые пріемы изложенія, давно вырабатывавшіеся на Руси особенно въ житіяхъ XVI столѣтія[1]).

Но кромѣ этихъ, совершенно самобытныхъ русскихъ попытокъ прагматическаго изложенія событій мы имѣемъ еще рядъ такихъ произведеній за XVI — XVII, въ которыхъ уже совершенно ясно видны и научные пріемы и отчасти знакомство съ научными пріемами науки другихъ странъ.

Степенная книга. Митрополитъ Кипріанъ—родомъ сербъ, человѣкъ весьма образованный въ смыслѣ греческаго образованія, задумалъ внести научный пріемъ въ лѣтописное изложеніе событій. Занятый идеей государственнаго развитія Россіи онъ сталъ излагать наши лѣтописныя извѣстія по степенямъ, т. е. по поколѣніямъ великихъ князей, при чемъ боковыя линіи князей и ихъ дѣла отступали на задній планъ. Этотъ пріемъ настолько встрѣтилъ сочувствія, что степенную книгу Кипріана продолжали въ XVI ст. митрополитъ Макарій, при чемъ пріемъ Кипріана расширенъ,—внесены житія важнѣйшихъ лицъ. Послѣ Макарія степенную книгу по его пріемамъ продолжалъ митрополитъ Аѳанасій (1565—1568 г.)

---

[1]) Уже самое заглавіе сочиненія даетъ понять и воззрѣнія и пріемы автора Вотъ оно: „Исторія въ память предъидущимъ родомъ, да незабвена будутъ благодѣянія Божія, иже показа намъ Мати Слова Божія, отъ всей твари благословенная, приснодѣвая Марія, и како соверши обѣщаніе свое къ препод. Сергію, еже яко неотступна буду отъ обители твоея. Писано же бысть тояже великія обители живоначальныя Тройцы Сергіева монастыря келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ. И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ и всякъ да приложитъ ухо слышати, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Россіи, и како весь словенскій языкъ возмутися и вся мѣста по Россіи огнемъ и мечемъ поядены быша". Событія описаны отъ смерти Іоанна IV или собственно со смерти Ѳеодора, т. е. съ 1598 г. до 1613 г.

и другія, неизвѣстныя лица. Въ иныхъ спискахъ она доведена до 1650 г.[1]).

Сочиненіе А. Курбскаго. Большое русское образованіе, дополненцое вліяніемъ Максима грека, а затѣмъ знакомство съ западно-русскими людьми и наконецъ польскими, выработали новаго писателя о русскихъ дѣлахъ въ лицѣ князя Андрея Курбскаго, извѣстнаго бѣглеца въ литовско-польское государство отъ неистовствъ Іоанна IV (1563 г.).

Попавъ въ западную Россію въ разгаръ религіозной борьбы, когда православіе напрягало силы, чтобы охранить себя и отъ латинства и отъ протестанства, когда лучшіе западнорусскіе люди и во главѣ ихъ князь Конст. Конст. Острожскій поднимали въ этой борьбѣ знамя православной науки, Курбскій принялъ участіе въ этой борьбѣ, строго относясь даже къ ревнителямъ православія. Памятниками его участія въ этой борьбѣ остались его письма къ разнымъ лицамъ въ западной Россіи по дѣламъ вѣры, исторія флорентійскаго собора и переводъ нѣсколькихъ главъ изъ твореній Іоанна Златоустаго и Евсевія.

Но сильный духъ Курбскаго не удовлетворялся этою одною дѣятельностію. Онъ рвался къ своему родному востоку, которому измѣнилъ и противъ котораго позволилъ себѣ даже позорнѣйшее дѣло,—поднималъ оружіе вмѣстѣ съ поляками. Томимый тоскою и потребностію оправдаться, онъ вступилъ въ раздражительную переписку съ своимъ тиранномъ Іоанномъ IV. Но недовольствуясь и этимъ, онъ взялся за болѣе спокойное и важное дѣло,—написалъ исторію Іоанна IV. Личныя чувства автора къ описываемому лицу, конечно, не располагали его къ безпристрастію; но къ счастію, Курбскій сознавалъ и не могъ не сознавать, что пишетъ передъ глазами современниковъ, которымъ извѣстны всѣ важнѣйшія событія, имъ разсказываемыя. Кромѣ того Курбскій такъ расширилъ свою программу, что Іоаннъ въ ней занималъ только видное, но не существенное мѣсто. Онъ рѣшился изобразить ложную, по его мнѣнію, систему московскаго единодержавія, поэтому касается временъ предшествовавшихъ и сообщаетъ драгоцѣнныя извѣстія о дѣлахъ Василія Іоанновича.

[1]) Степенная книга изд. 1775 г.; указатель къ ней изд. Археогр. коммис. въ 1883 г.

Иные изслѣдователи и даже покойный Соловьевъ обвиняютъ Курбскаго въ томъ, что онъ отвергалъ самодержавіе и желалъ бы поворотить Россію къ удѣльному порядку; но это обвиненіе совершенно несправедливо. Курбскаго можно обвинять развѣ за тщеславіе своимъ княжескимъ происхожденіемъ и, можетъ быть, за нѣкоторое увлеченіе значеніемъ литовско-польской знати. Что же касается самодержавія, то напротивъ Курбскій его изображаетъ въ такомъ свѣтломъ видѣ, какъ немногіе изображаютъ его и теперь. По его мнѣнію, самодержецъ долженъ окружать себя лучшими людьми и пользоваться ихъ совѣтами. За удаленіе отъ этихъ людей и за приближеніе къ себѣ дурныхъ людей, „ласкателей" Курбскій осуждаетъ и Іоанна и его предшественниковъ. Извѣстно, что Курбскій принадлежалъ къ партіи Сильвестра и Адашева, которыхъ невозможно заподозрить въ подрывѣ самодержавія, если вѣрить дѣламъ ихъ, а не обвиненіямъ Іоанна. Курбскій остался вѣренъ этимъ своимъ вождямъ даже по самому щекотливому для него вопросу, — о земскомъ соборѣ. Постоянно говоря о лучшихъ, нравственныхъ людяхъ, о важности для царя привязывать ихъ къ себѣ и совѣщаться съ ними, онъ однако не рѣшался замкнуться въ этомъ, хотя и лучшемъ, но все-таки ограниченномъ кругу. Онъ допускалъ, что въ важныхъ случаяхъ нужно обращаться къ всенародному собранію, т. е. этотъ, повидимому гордый аристократъ признавалъ не только самодержавіе, но и значеніе земскихъ соборовъ или, что тоже, признавалъ живую связь царя съ народомъ.

Поэтому уже можно судить, какъ важно сочиненіе Курбскаго о Іоаннѣ IV, и какъ ненаучно изслѣдованіе С. Горскаго о князѣ Курбскомъ, въ которомъ отъ начала до конца обвиняется Курбскій и оправдывается Іоаннъ IV [1]).

Сочиненіе Курбскаго изложено съ замѣчательною логичностію, связностію. Онъ знакомъ былъ съ учеными книгами и даже на внѣшнемъ изложеніи его отразилось вліяніе книгъ, какія онъ въ своемъ вольномъ изгнаніи находилъ подъ руками, т. е. вліяніе книжнаго западно-русскаго языка и даже польскаго [2]).

---

[1]) Жизнь и значеніе князя Курбскаго, 1858 г. Каз. Тутъ и свѣдѣнія о жизни Курбскаго. [2]) Жизнь князя Курбскаго и окружавшія его вліянія въ западной Россіи (въ нынѣшней волынской губ. именно, въ Ковлѣ), исполненныя великихъ треволненій, изложены съ документами въ изд. кіевской археографической комиссіи подъ заглавіемъ: Жизнь князя Курбскаго, 2 части 1849. Сочиненія князя Курб-

Котошихинъ. Наконецъ, мы имѣемъ отъ XVII в. сочиненіе, которое еще больше находится въ связи съ иностранными сочиненіями. Это сочиненіе другаго бѣглеца изъ Россіи, подъячаго посольскаго приказа Кототишина, который, бѣжавъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Швецію, написалъ тамъ сочиненіе о Россіи [1]), найденное сперва въ 1837 году въ шведскомъ переводѣ въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ, а затѣмъ въ слѣдующемъ 1838 г. въ библіотекѣ упсальскаго университета въ русскомъ подлинникѣ. Издано оно уже въ двухъ изданіяхъ археографической коммиссіей [2]).

Въ этомъ сочиненіи высказалось явное подражаніе иностраннымъ писателямъ о Россіи, или, точнѣе сказать, изложено то, что прежде всего нужно было знать о Россіи иностранцамъ, т. е. обыденный складъ русской государственной жизни—учрежденія, сословія, порядокъ веденія дѣлъ [3]).

Сочиненіе Котошихина излагаетъ свѣдѣнія, напримѣръ, о царскомъ родѣ, царскихъ чиновныхъ людяхъ, о титлахъ, какъ царь пишетъ къ которому потентату, о послахъ, гонцахъ, о дворцахъ, приказахъ, о земляхъ, подчиненныхъ московскому государству, о воинскихъ сборахъ, о торговлѣ, о житіи бояръ.

Это описаніе установившагося строя русской жизни тѣмъ особенно важно, что, какъ мы уже говорили, русскіе историческіе свидѣтели этимъ дѣломъ мало занимались, а иностранцы многаго

скаго изданы Устряловымъ подъ заглавіемъ: Сказанія князя Курбскаго. Было три изданія, послѣднее 1865 г., первое 1833 г., второе 1843 г. [1]) Къ русскому подлиннику сдѣлана приписка: Григорія Карпова Кошихина посольскаго приказа подъячаго, а потомъ Александромъ Селицкимъ зовомаго, работы въ Стохолмѣ 1666 и 1667 г. (Пред. къ 2 изд. IV стр.). [2]) Археографическая коммиссія предпринимаетъ новое изданіе сочиненія Котошихина. [3]) Въ предисловіи къ шведскому переводу Котошихина есть свѣдѣнія о томъ, что заставило написать это сочиненіе. „Первая мысль и желаніе — говорится тамъ — описать нравы, обычаи, законы, управленіе и вообще настоящее состояніе своего отечества родилась у него тогда, какъ онъ во время бѣгства своего изъ Россіи, посѣщая разныя области и города (Польшу, Любекъ, Нарву), имѣлъ случай замѣчать въ нихъ отличное отъ Московіи устройство политическое, преимущественно же въ той странѣ (Швеціи), въ которой онъ остался на постоянное жительство. Важнѣйшею же побудительною причиною къ продолженію уже начатаго имъ труда служило ободреніе государственнаго канцлера, высокороднаго графа Магнуса Гавріила Деля-Гарди, который, узнавъ острый умъ Селицкаго и его особенную опытность въ политикѣ, далъ ему средства и возможность окончить начатый трудъ“. (Предисл. стр. XI — XII). Недавно въ Запискахъ академіи наукъ (за 1882 г.) появилось изслѣдованіе о Котошихинѣ Я. К. Грота, во многомъ измѣняющее мнѣніе объ этомъ бѣглецѣ изъ Россіи.

не знали и не понимали. Описаніе русскаго человѣка, да еще служилаго, дьяка, восполняетъ и поправляетъ недочеты вышеуказанныхъ писателей. Есть въ этомъ сочиненіи важныя вещи и изъ политической исторіи, какъ, напримѣръ, объ ограничительныхъ условіяхъ власти Михаила Ѳедоровича. Къ сожалѣнію, и этотъ писатель, даже еще болѣе Курбскаго настроенъ былъ дурно относиться къ своему отечеству. Онъ измѣнялъ ему еще въ то время, когда состоялъ на службѣ въ Москвѣ. Это весьма важно знать при оцѣнкѣ достовѣрности повѣствованія о Россіи Котошихина.

Домострой Сильвестра. Къ разряду русскихъ сочиненій, изображающихъ обыденный строй жизни, но еще съ болѣе внутренней стороны, принадлежитъ и другое, болѣе раннее сочиненіе. Это извѣстный домострой Сильвестра, первѣйшаго совѣтника Іоанна IV въ лучшія времена его царствованія и образованнѣйшаго человѣка своего времени, знакомившагося и съ иностранными сочиненіями. По глубоко въѣвшемуся въ наше общество отчужденію отъ нашей старой жизни и непониманію ея, Домострой Сильвестра позорится передъ каждымъ поколѣніемъ учащихся, какъ кодексъ жестокихъ, позорныхъ правилъ и порядковъ жизни, и, такимъ образомъ, еще болѣе закрѣпляется и это отчужденіе, и это непониманіе. Къ сожалѣнію, дурное мнѣніе о Домостроѣ Сильвестра находитъ себѣ подкрѣпленіе и въ наукѣ русской исторіи, между прочимъ, и въ исторіи Соловьева, по мнѣнію котораго, матеріальная польза, выгода лежатъ въ основѣ воззрѣній Домостроя.

Въ настоящее время даже это мнѣніе Соловьева не можетъ выдержать научной критики, а тѣмъ болѣе мнѣніе о жестокости правилъ Сильвестра. Теперь уже извѣстно, что Домострой вырабатывался у насъ вѣками и что Сильвестръ далъ ему только свою редакцію. Какъ въ жизни восточно-русскаго человѣка, такъ и въ Домостроѣ сказалась домовитость, практицизмъ. Сказалась въ немъ и суровость восточно-русской жизни, выразившаяся особенно въ отношеніяхъ отца къ сыну,—въ сокрушеніи отцомъ реберъ сына по слову Іисуса сына Сирахова. Но чтобы понять эту суровость, нужно знать смыслъ нашего стараго учрежденія—мѣстничества, нужно вспомнить, какое значеніе у насъ въ московскія времена имѣлъ родъ, какая была страшная отвѣтственность каждаго за честь рода,—отвѣтственность не только общественная, но и пе-

редъ государствомъ, которое за преступленіе одного члена казнило всю семью и даже весь родъ. При такомъ порядкѣ вещей власть старшаго, власть главы семейства должна была быть вооружена сильными средствами, и если Сильвестръ эти средства беретъ только у Іисуса сына Сирахова, то это скорѣе можетъ показывать его стараніе заслонить тяжелое дѣло сильнымъ авторитетомъ, а не его личное жестокосердіе. Что Сильвестръ дѣйствительно стоялъ на пути лучше устроить дѣла, что онъ сознавалъ это лучшее и нерѣдко поднимался высоко надъ воззрѣніями современнаго ему общества, это видно не только изъ его наставленія бить жену легонько, безвредно и не при людяхъ, что̀ при тогдашнемъ обычаѣ бить всѣхъ сверху до низу и при тогдашней наклонности особенно нещадно бить слабаго значило слишкомъ много[1]); но особенно ясно видно изъ того, что, по тому же Домострою, Сильвестръ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ и они у него жили по собственной волѣ, какъ свободные люди[2]).

Одна эта особенность Домостроя, несомнѣнно принадлежащая Сильвестру, достаточна для того, чтобы относиться къ этому памятнику съ великимъ вниманіемъ и судить о воззрѣніяхъ его автора или точнѣе редактора съ великою осторожностію[3]).

Справочный матеріалъ въ нашей старой литературѣ. По мѣрѣ того, какъ умножались частныя попытки прагматическаго изложенія событій нашего прошедшаго, въ нашей русской государственной средѣ болѣе и болѣе накоплялся богатый справочный матеріалъ, необходимый для научнаго изложенія историческихъ событій.

Мы видѣли, какъ уже въ нашихъ лѣтописяхъ чаще и чаще попадаются справочныя вещи въ видѣ каталоговъ іерархическихъ,

---

[1]) Рядомъ съ указаніемъ бить легко, наединѣ, говорится: а про всякую вину по уху и по лицу не бити, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоти, никакимъ желѣзнымъ, ни деревяннымъ не бити. Стр. 100. [2]) Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и иныхъ (от?) окупихъ изъ работы на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, яко видиши, молятъ за ны Бога и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, — Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободнѣ живутъ у насъ по воли. (Далѣе — описаніе, сколькихъ Сильвестръ вывелъ въ люди; изд. Яковлева, стр. 150). [3]) Литература о Домостроѣ — у Порфирьева 516 — 17. Свѣтское содержаніе въ Домостроѣ начинается съ 15 главы. Всѣхъ главъ 64 и прибавочныя статьи о яствахъ и брачн. праздкованіи. Новѣйшее изданіе — В. Яковлева. 1867 г. и въ чт. моск. общ. ист. и древн. 1881, кн. II и 1882, кн. I.

списковъ государей своихъ и чужихъ. Въ XVII вѣкѣ, когда въ Москвѣ сильно развились приказы и забирали въ свой кругъ болѣе и болѣе дѣла Россіи, потребность въ справочныхъ вещахъ еще болѣе усилилась. Естественно явившіяся при этомъ справки съ прежними дѣлами и описи дѣлъ составляли важное пособіе для будущихъ историческихъ трудовъ. Благодаря приказной помѣтѣ на оборотѣ грамоты митр. Кирилла въ Новгородъ по поводу распри новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1270 г. мы узнаемъ необыкновенной важности фактъ, что новгородцы уже тогда признавали участіе татаръ въ избраніи ихъ князя [1]). Или: благодаря одной приказной справкѣ мы узнаемъ, что уже при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ переводъ крѣпостныхъ крестьянъ съ ихъ земли [2]). Еще болѣе широкое значеніе имѣли извѣстныя уже намъ писцовыя книги, а также дѣла и записи помѣстнаго приказа, мѣстническія дѣла, разряды, выходы государей, родословныя книги [3]). Наша допетровская Русь имѣла и большой географическій трудъ,—такъ называемую Книгу большаго чертежа, при которой былъ и самый чертежъ, который въ 1627 г. былъ сдѣланъ вновь. Это былъ своего рода почтовый дорожникъ и почтовая карта при немъ,—весьма нужныя для государства справочныя изданія при посылкѣ чиновныхъ лицъ [4]). Чертежъ затерялся, а книга этого чертежа сохранилась и издана въ 1846 г. Спасскимъ. Въ географическомъ обществѣ былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи большаго чертежа по книгѣ его; назначена была даже премія; но первый опытъ, сдѣланный Куклинскимъ, показалъ, что это дѣло болѣе трудное и требуетъ большихъ предварительныхъ изслѣдованій. Изслѣдованіями этими и занялся членъ географическаго общества Огородниковъ и изслѣдовалъ уже большую часть сѣвера Россіи. Изслѣдованія его печатаются географическимъ обществомъ.

Подобныя описанія и чертежи къ нимъ составлялись въ XVII в. и касательно сибирской страны, возобновлявшіеся и

[1]) Разск. И. Д. Бѣляева, кн. 2, стр. 378. [2]) Крестьяне на Руси, соч. И. Д. Бѣляева, стр. 165—6 по изд. 1860 г. [3]) Самое лучшее и полное перечисленіе памятниковъ этого рода, а также подробное указаніе того, что изъ нихъ издано — у Бестужева-Рюмина, вторая половина отдѣла: акты, съ 102 по 108 стр. [4]) У Буткова Оборона Нестора, стр. 456, примѣч. 52, указываются акты изъ временъ Іоанна III (см. также ак. арх. экспед. т. 1, №№ 336 и 337), въ которыхъ упоминается о чертежахъ или географич. картахъ. См. также у Татищева, т. 1, стр. 506.

пополнявшіеся нѣсколько разъ. Замѣчательнѣйшую работу въ этомъ родѣ представляетъ Чертежная книга сибирской земли, составленная тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Ремезовымъ (окончена 1701 г.) и изданная археографической коммиссіей въ 1882 г. Къ сожалѣнію, въ предисловіи археографической коммиссіи опредѣляется значеніе этой книги словами академика Миддендорфа, въ которыхъ почтенный академикъ выставляетъ на видъ собственно несовершенства ея по математической географіи и недостаточно ясно видитъ достоинства ея, составляющія по истинѣ славу русскихъ колонизаторовъ и чиновныхъ людей, совокупными трудами которыхъ въ этой книгѣ и на самыхъ чертежахъ собраны богатѣйшія данныя для топографіи, флоры, особенно фауны, этнографіи и торговли, и не только въ сибирской странѣ, но и въ великой Перми и въ прикаспійской странѣ, такъ что въ трудѣ Ремезова мы имѣемъ, вѣроятно, и частицу утраченнаго Большаго чертежа. Указанія на эти опыты сдѣланы въ предисловіи къ Чертежной книгѣ Ремезова и изъ самой этой книги видно, что матеріалъ ея собирался много лѣтъ.

Московскій посольскій приказъ тоже увидѣлъ нужду для своихъ цѣлей сдѣлать сводъ нужныхъ свѣдѣній, и сводъ этотъ еще ближе примыкаетъ къ научной обработкѣ нашей науки. Извѣстный Матвѣевъ при содѣйствіи дьяковъ составилъ: „Государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей россійскихъ, откуду корень ихъ государей изыде и которые великіе князи и цари съ великимижъ государы окрестными съ христіанскими и мусульманскими были въ ссылкахъ и какъ великихъ государей именованія и титлы писаны къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей и вселенскихъ и московскихъ патріарховъ и римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы“. Хранится въ моск. арх. иностр. дѣлъ.

Кромѣ дѣлъ посольскаго приказа для этой книги давно подготовлялся матеріалъ въ нашей древней исторической литературѣ. Еще въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ мы находимъ списки окрестныхъ государей. Въ хронографахъ, особенно составленныхъ въ XVII в., сообщаются уже не списки, а историческіе отрывки о разныхъ государствахъ, особенно болгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ, польскомъ, литовскомъ.

Весь этотъ матеріалъ естественно вызывалъ желаніе составить

и свою, русскую исторію въ связномъ, научно обработанномъ видѣ. Изъ хронографовъ же видно, что такое желаніе дѣйствительно было. Оно выразилось и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ опытахъ.

Исторія Грибоѣдова. Во второй половинѣ XVII в., при томъ же Алексѣѣ Михайловичѣ, въ приказной средѣ явилась мысль написать и исторію Россіи. За это взялся дьякъ разряднаго приказа, Өеодоръ Грибоѣдовъ, и написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Исторія сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и свято поживщихъ боговѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князьяхъ, иже въ россійстѣй земли богоугодно державствующихъ, наченьши отъ святаго и равноапостольнаго князя Владиміра Святославича... Сочиненіе написано въ 1669 г. Разсказъ сначала доведенъ былъ до объявленія наслѣдникомъ Алексѣя Алексѣевича, а впослѣдствіи онъ продолженъ до вступленія на престолъ Өеодора Алексѣевича.

Сочиненіе Грибоѣдова удостоилось особаго вниманія. Книга его взята была на верхъ, т. е. къ царю (Алексѣю Михайловичу) и авторъ получилъ за нее награду: 40 соболей, да въ приказѣ 8 р. денегъ, атласъ, камку, да придачи къ помѣстному окладу 8 четей 10 рублей [1]). Вниманіе выразилось и со стороны русскаго общества тѣмъ, что книга Грибоѣдова переписывалась и сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ. Но отъ потомства Грибоѣдовъ не можетъ получить никакой похвалы. Его исторія одно напыщенное восхваленіе съ пропускомъ всего, что не подходитъ подъ эту задачу. С. М. Соловьевъ читалъ эту исторію [2]) и приводитъ нѣсколько образцовъ историческаго разсказа Грибоѣдова. Вотъ, одинъ изъ нихъ — характеристика Іоанна IV и его времени: „житіе благочестно имѣя и ревностію по Бозѣ присно препоясуясь и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестьня многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, а народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя хвалы Богу возсылаху“ [3]).

Впрочемъ, ниже мы увидимъ, что требованія и современниковъ этого труда были выше не только его, но и нижеслѣдующаго, несравненно болѣе научнаго труда.

---

[1]) Опис. Румянц. муз. № LXXXIII. [2]) Въ опис. Румянцевск. музея нѣтъ выписокъ изъ этой исторіи, а только предисловіе и послѣсловіе. [3]) Соловьевъ т. 13, стр. 183.

Весьма вѣроятно, что этотъ жалкій плодъ приказной среды, созрѣвшій среди неисчерпаемыхъ сокровищъ, историческаго знанія, пошелъ бы въ ходъ и явился бы въ печати, какъ первый русскій историческій опытъ; но онъ былъ задавленъ и отстраненъ другимъ трудомъ, вышедшимъ изъ совершенно другой среды—изъ ученой кіевской среды, спустя пять лѣтъ послѣ появленія исторіи Грибоѣдова. Это такъ называемый Синопсисъ, приписываемый Иннокентію Гизелю, кіевопечерскому архимандриту, изданный въ первый разъ въ 1674 г.

Любовь къ исторіи давно развивалась въ западной Руси или просто Руси, какъ ее въ старину звали. Въ древнемъ русскомъ государственномъ средоточіи довольно много совершено великихъ дѣлъ и явилось не мало великихъ людей, чтобы народная память могла не обращаться къ этимъ дѣламъ и людямъ. Мы видѣли, что достойная дань южнорусскому прошедшему воздана была еще въ ипатьевской лѣтописи, выдающейся изъ ряда другихъ лѣтописей особеннымъ вниманіемъ и сердечнымъ отношеніемъ къ проявленіямъ народнаго русскаго духа. Времена послѣ татарскаго нашествія,—времена оторванности отъ восточной Россіи, еще болѣе изощряли эту память, потому что все лучшее, чѣмъ могла жить западная Русь подъ властію Литвы, а затѣмъ Польши, было въ ея старомъ прошедшемъ.

Какъ велика была здѣсь любовь къ своему старому прошедшему, это яснѣе всего можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Когда Хмѣльницкій въ 1648 году призывалъ западнорусскій народъ возстать противъ поляковъ, то онъ въ своемъ универсалѣ счелъ нужнымъ вспомнить и о самыхъ древнихъ русскихъ временахъ,—о временахъ савроматовъ и руссовъ, славныхъ и въ Азіи, о томъ, какъ поляки, составлявшіе съ ними едино, отдѣлились, забрались за Вислу къ Одеру, надѣлали много разбойническихъ бѣдъ другимъ народамъ и какъ, повернувшись назадъ, захватили беззаконно русскія области. А если обратить вниманіе на то, что этотъ универсалъ имѣетъ не мало варіантовъ, то станетъ очевиднымъ, что не одинъ какой либо книжникъ прихотливо заговорилъ съ народомъ о русскихъ древностяхъ, а многіе книжники старались удовлетворить потребности народа перенестись къ своему родному прошедшему и воодушевиться доблестью его лучшихъ представителей.

Къ сожалѣнію, эта потребность знать свое прошедшее сильно затруднялась постепеннымъ оскудѣніемъ въ западной Россіи русскихъ историческихъ памятниковъ и наплывомъ польскихъ лѣтописныхъ извѣстій. Съ другой стороны, іезуитская система образованія, которой стали подражать въ кіевской академіи и за ней въ другихъ западнорусскихъ школахъ, пренебрегала историческимъ знаніемъ. Но, не смотря на всѣ эти препятствія, потребность въ западной Россіи знать свою исторію нашла себѣ выходъ.

Такія крупныя событія, какъ хитрое, насильственное соединеніе западной Россіи съ Польшей въ 1569 г. или такъ называемая унія Литвы съ Польшей, затѣмъ унія церковная 1596 г. и наконецъ народное движеніе противъ Польши, завершившееся присоединеніемъ Малороссіи къ восточной Россіи и малороссійскою войной, способны были преодолѣть всѣ преграды—оскудѣніе русскихъ историческихъ источниковъ, наплывъ польской исторической литературы и даже подавляющее вліяніе іезуитской школьной системы.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ западной Россіи многіе книжники занимались ипатіевской лѣтописью, видоизмѣняли ее, продолжали и обставляли извѣстіями изъ польскихъ хроникеровъ.

Въ 1670 году переработка ипатіевской лѣтописи завершилась составленіемъ лѣтописнаго свода, извѣстнаго подъ именемъ густынской лѣтописи, въ которой вездѣ показаны на поляхъ сличенія и дополненія текста ипатіевской лѣтописи съ польскими хроникерами — Длугошемъ, Бѣльскимъ, Стрыйковскимъ, Кромеромъ. Съ какими мыслями и чувствами обращались къ своему дѣлу эти книжники, это яснѣе всего можно видѣть изъ замѣчательнаго предисловія къ густынской лѣтописи, составленнаго списателемъ ея іеромонахомъ Михаиломъ Лосицкимъ. „Прирожона есть, говоритъ Лосицкій, якаясь хуть и милость (любовь) противко отчизнѣ своей жадному (каждому) человѣкови, которая кождого не иначей едно яко магнесъ (магнитъ) желѣзо такъ до себе потягаетъ, що оный поэта грецкій Гомерусъ ясне до ихъ въ своемъ текстѣ выразилъ, же ни о що недбаючи, кгды былъ отъ родства своего отдаленый презъ (чрезъ) поиманье и южъ (ужъ) ся вернути не моглъ, прагнулъ (желалъ) видѣти наветъ (даже, хотя бы) дымъ своей отчизны. Такъ и сіе (сіи) авторове кройники (хроники, лѣтописи) сей россійское любо (хотя) были

людми смертелными (смертными) и знали запевне (навѣрное), же смертію закрочити (закончить) мусятъ (должны), прирожоною милостію противко отчизны своей зняты будучи, прагнули того, абы и по ихъ зейстю (кончинѣ) послѣднему роду не были прошлые рѣчи (дѣла, событія), а мяновите народови россійскому скритые...“ [1]).

Этимъ же дѣломъ и, вѣроятно, въ связи съ нимъ сталъ тогда же заниматься учитель кіевской академіи и затѣмъ игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря, Ѳеодосій Сафоновичъ, который въ 1672 г. окончилъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Хроники зъ лѣтописцевъ стародавнихъ, зъ святаго Нестора печерскаго и иншихъ, также зъ хроникъ польскихъ о Русіи, отколь Русь почалася, и о первыхъ князехъ русскихъ и по нихъ дальшихъ наступуючихъ князехъ и о ихъ дѣлахъ.

Сафоновичъ тоже былъ проникнутъ великою любовію къ родинѣ. Въ предисловіи къ своему труду онъ говоритъ: „Съ Русіи уродившися въ вѣрѣ православной, за слушную рѣчь почиталемъ (считалъ), абы вѣдалъ самъ и иншимъ русскимъ сыномъ сказалъ, отколь Русь почалася и якъ панство (государство) русское за початку (сначала) ставши до сего часу идетъ. Кождому бовѣмъ (ибо) потребная есть рѣчь (вещь) о своей отчизнѣ знати и иншимъ пытающимъ сказати, бо своего роду не знаючихъ людей за глупыхъ почитаютъ. Що теды изъ розныхъ лѣтописцовъ русскихъ и хроникъ польскихъ вычиталъ, тое пишу“ [2]).

Сафоновичъ имѣлъ въ виду удовлетворить народной потребности знать свою исторію и потому изложилъ свой разсказъ на тогдашнемъ языкѣ западнорусскихъ книжныхъ людей. Въ основѣ его разсказа лежитъ, какъ и въ густынской лѣтописи, лѣтопись ипатіевская, но онъ не только обставляетъ ее польскими извѣстіями, а приводитъ все въ научную систему. Доводитъ онъ свой разсказъ до конца тринадцатаго вѣка, т. е. до того времени, какимъ оканчивается и ипатіевская лѣтопись.

Въ разныхъ спискахъ этой лѣтописи есть много прибавочныхъ статей. Съ большею вѣроятностію можно заключать, что автору хроники принадлежатъ тѣ прибавочныя статьи, которыя находятся въ спискѣ Толстовскомъ, какъ матеріалъ для даль-

---

[1]) Полн. собр. лѣт. т. 2, стр. 233. [2]) Словарь Евген. подъ словомъ Ѳеодосій Сафоновичъ.

нѣйшей работы, напримѣръ о мамаевомъ побоищѣ, о раздѣленіи митрополіи и о позднѣйшей судьбѣ Кіева.

Хроника Сафоновича и приложенные къ ней матеріалы подверглись въ первые же годы послѣ ея окончанія весьма важной переработкѣ въ Кіевѣ же. Неизвѣстно, однако, самъ ли бывшій тогда ректоръ кіевской академіи и затѣмъ кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель занялся этимъ дѣломъ или подъ его наблюденіемъ исполнили это другіе. Западнорусскій книжный языкъ хроники Сафоновича замѣненъ общерусскимъ, ближе подходящимъ къ церковно-славянскому. Такимъ образомъ, хроникѣ этой приданъ общерусскій характеръ. Затѣмъ въ хронику внесено не мало новыхъ научныхъ изслѣдованій и прибавленій и все это издано подъ новымъ названіемъ—Синопсисъ.

Синопсисъ заключаетъ въ себѣ обширнѣйшее изслѣдованіе о происхожденіи славянъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщена и басня о происхожденіи славянъ отъ библейскаго Мосоха, для болѣе удобнаго объясненія Москвы, москалей и, очевидно, для большей славы ихъ. Затѣмъ, главное вниманіе автора сосредоточивается на Кіевѣ, о происхожденіи котораго онъ тоже много распространяется. Собственно систематическая исторія въ Синопсисѣ заканчивается нашествіемъ татаръ или первымъ временемъ татарскаго ига, послѣ чего авторъ переходитъ къ описанію куликовской битвы и сообщаетъ списокъ князей сѣверныхъ и южныхъ. Далѣе, онъ обращается опять къ исторіи Кіева и описываетъ состояніе его подъ властію татаръ и Литвы. Такъ какъ съ этимъ временемъ совпадаетъ смута изъ-за раздѣленія русской митрополіи на восточно-русскую и западно-русскую, то авторъ излагаетъ исторію и церковныхъ дѣлъ того времени, именно, перенесеніе митрополіи на сѣверо-востокъ Россіи, раздѣленіе ея и учрежденіе патріаршества. Наконецъ, онъ опять излагаетъ исторію Кіева при Алексѣѣ Михайловичѣ т. е. возвращеніе Кіева подъ власть Россіи и начало войны съ турками изъ-за Малороссіи.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ продолжена исторія Кіева при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, т. е. собственно продолжена исторія турецкой войны, и прибавлены: краткое описаніе русскихъ княжествъ, каталогъ іерархическій, списки чиновныхъ малороссійскихъ людей, списки князей московскихъ, королей польскихъ,

татарскихъ владѣтелей. Синопсисъ въ первый разъ изданъ, какъ мы уже замѣтили, въ 1674 году, а затѣмъ, издавался много разъ,—до 30. Послѣднее изданіе сдѣлано въ 1836 г.

Въ матеріальной своей части Синопсисъ поражаетъ своею зависимостію отъ польскихъ хроникеровъ, которыхъ онъ и указываетъ подобно автору густынской лѣтописи; но по направленію это—тоже чисто русская, патріотическая книга. Въ ней нѣтъ такого искаженія фактовъ и такой напыщенности, какъ у Грибоѣдова, но слава и честь Россіи были очень дороги и для авторовъ Синопсиса, и они ихъ защищали съ такимъ же усердіемъ, какъ Грибоѣдовъ, но съ несравненно большимъ благоразуміемъ и научностію, чѣмъ и объясняется то, что Синопсисъ совсѣмъ заслонилъ исторію Грибоѣдова и сталъ надолго учебною книгой русской исторіи.

Есть основаніе думать, что еще до Петра требованія русскихъ имѣть исторію своей страны шли гораздо дальше и исторіи Грибоѣдова и Синопсиса. Въ одной рукописи императорской публичной библіотеки[1]) сохранились матеріалы для исторіи Россіи, весьма широко задуманной. Въ предисловіи къ этимъ матеріаламъ говорится, что составленіе этой исторіи предпринято по повелѣнію царя Θеодора Алексѣевича, высказывается сожалѣніе, что у насъ нѣтъ печатной исторіи, и излагаются весьма основательныя понятія объ исторіи, ея связности, правдивости и т. п.

Составитель этихъ матеріаловъ зналъ и исторію Грибоѣдова, изъ которой онъ приводитъ указанное заглавіе, и Синопсисъ, изъ котораго онъ приводитъ статью о Мосохѣ, называя Синопсисъ сокращеннымъ кіевскимъ лѣтописцемъ, т. е. переводя по русски это греческое названіе. Къ сожалѣнію, вмѣсто связной, стройной, хорошо имъ понимаемой исторіи, онъ составилъ сборникъ отрывочныхъ и чужихъ статей изъ польскихъ хроникъ—Стрыйковскаго и Кромера, изъ Синопсиса, Степенной книги, внесъ сказаніе о взятіи Царьграда, о флорентійскомъ соборѣ и древнія лѣтописныя извѣстія со времени плѣна у татаръ Василія Темнаго до смерти Θеодора Ивановича.

По этимъ отрывкамъ можно догадываться, что собирателя

---

[1]) IV, F, 159. По каталогу рук. графа Толстого. Отд. 1, № 237. Предисловіе къ этой исторіи напечатано въ приложеніи къ сочин. Е. Е. Замысловскаго — Царствованіе Θеодора Алексѣевича, прилож. IV, стр. XXXV.

этихъ матеріаловъ занимали двѣ задачи: во-первыхъ, побольше раскрыть древнѣйшія времена русской жизни до призванія князей и, во-вторыхъ, пополнить Синопсисъ событіями изъ исторіи восточной Россіи. Послѣдняя задача, какъ увидимъ, занимала и въ петровскія времена. Неизвѣстныя обстоятельства остановили работу автора предисловія на этихъ матеріалахъ, или кто либо другой подобралъ къ этому предисловію матеріалы, далеко не отвѣчающіе задачамъ, выставленнымъ въ немъ.

Такимъ образомъ, еще задолго до петровскихъ преобразованій у насъ выработывались самобытно пріемы научнаго изложенія исторіи и выразились даже въ такомъ талантливомъ сочиненіи, какъ исторія Іоанна IV Курбскаго, въ такомъ отвѣчающемъ потребностямъ времени систематическомъ изложеніи исторіи, какъ кіевскій Синопсисъ, и даже въ такомъ широкомъ замышленіи написать прагматическую исторію, какое высказано въ предисловіи къ исторіи по предначертанію царя Θеодора Алексѣевича.

ГЛАВА V.

Время Петровское.

Время Петровское, основное начало котораго былъ разрывъ съ прошедшимъ, провело это начало и въ область изученія исторіи Россіи. Повидимому, и въ этой области все старое должно было быть брошено и должно было начаться новое. Такъ и смотрятъ у насъ многіе и даже такой серьезный ученый, какъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ курсѣ исторіи ведетъ научную разработку русской исторіи только со времени Петра и даже отцомъ русской исторіи признаетъ иноземца ближайшихъ послѣ петровскихъ временъ, извѣстнаго уже намъ Миллера—академика и русскаго исторіографа.

Въ дѣйствительности было иначе. Съ петровскихъ временъ мы видимъ два направленія въ разработкѣ русской исторіи. Старое направленіе упорно и долго продолжается, и для него Синопсисъ служитъ руководящимъ трудомъ. Новое направленіе поражаетъ сначала совершенною безжизненностью, а затѣмъ неесте-

ственнымъ направленіемъ въ область отдаленныхъ, малоплодныхъ изслѣдованій о призваніи князей, изслѣдованій приносившухъ одну пользу,—ознакомленіе съ общими научными пріемами науки. Наконецъ, оба эти направленія иногда объединялись и сила русскаго чувства и русскаго таланта выражалась въ такихъ историческихъ трудахъ, въ которыхъ совмѣщались и русское пониманіе дѣла и западно-европейская научность.

Разрывъ Петра съ прошедшимъ былъ великимъ ударомъ и для изученія русской исторіи, и послѣдствій этого удара не могъ исправить даже геній нашего преобразователя.

Заботы Петра о составленіи русской исторіи. Дьякъ временъ Алексѣя Михайловича Грибоѣдовъ, какъ видно по всему, самъ взялся за посильное составленіе русской исторіи и самъ нашелъ для нея матеріалы. Дьякъ временъ Петра—синодальный справщикъ Поликарповъ получилъ въ 1708 г. приказъ взяться за такой же трудъ, получилъ громадныя средства для этого — собранныя тогда лѣтописи; получилъ даже указку—исправить и дополнить кіевскій Синопсисъ; но изъ всего этого не вышло русской исторіи, не смотря на несомнѣнную даровитость и трудолюбіе Поликарпова. Что-то составленное Поликарповымъ признано было неблагоугоднымъ [1]).

Петръ затѣмъ съузилъ задачу,—желалъ имѣть просто краткую сводную лѣтопись. Но и эта скромная задача плохо давалась. Въ 1719 г., въ канцеляріи Головкина составлено было извлеченіе изъ Степенной книги; но оставлено безъ вниманія [2]). Взялся поправить дѣло извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ и въ 1720 г. издалъ Родословную роспись князей и царей. Но вышла эта роспись не лучше вышеуказаннаго канцелярскаго труда. Объ ней мѣтко и совершенно справедливо замѣтилъ черниговскій архіепископъ Филаретъ: „Родословная роспись князей и царей, Спб. 1720 г., по отзыву сочинителя, стоившая ему многихъ трудовъ, сама по себѣ ничего не стоитъ“ [3]).

Въ 1722 г. Петръ поручилъ оберъ-прокурору Скорнякову-Писареву сочинить книгу лѣтописецъ, вѣроятно, тоже сводную лѣтопись; но и изъ этого порученія ничего не вышло [4]).

---

[1]) Истор. Россіи Соловьева т. 16, стр. 18 и 316; Науки и литература при Петрѣ, Пекарскаго, т. 1, стр. 317. [2]) Ист. Рос. Солов. т. 16, стр. 316. [3]) Обоз. духовн. лит. арх. Филарета, т. 2, стр. 22. [4]) Науки и литер. при Петрѣ. Пекарск. т. 1, стр. 319.

Манкіевъ. И тѣмъ печальнѣе была эта новая неудача, что въ то время уже существовалъ новый трудъ по русской исторіи, даже согласный съ тѣми требованіями, какія предъявлялъ Петръ Поликарпову,—трудъ даже посвященный Петру; но нѣтъ основанія думать, чтобы онъ стоялъ въ какой либо прямой связи съ заботами Петра о русской исторіи[1]). Напротивъ, есть основаніе думать, что онъ явился по частному, личному почину и несомнѣнно находился въ тѣсной связи съ старою русскою историческою работою, именно съ Синопсисомъ. Это—сочиненіе, подъ заглавіемъ: Ядро россійской исторіи. Оно приписывается русскому послу въ Швеціи, князю Хилкову, но въ дѣйствительности составлено его секретаремъ Манкіевымъ или Манкѣевымъ. Въ 1715 г. трудъ этотъ уже былъ оконченъ[2]).

Манкіевъ, какъ это и признано, несомнѣнно былъ малороссъ, и еще болѣе, чѣмъ авторы Синопсиса чувствовалъ потребность искать себѣ отрады въ прошедшихъ судьбахъ родины. Онъ вмѣстѣ съ Хилковымъ былъ въ плѣну въ Швеціи во время сѣверной войны. Въ этомъ томительномъ уединеніи онъ занялся исправленіемъ и дополненіемъ кіевскаго Синопсиса. Манкіевъ старался снять наслоеніе въ Синопсисѣ польскихъ извѣстій и замѣнить ихъ русскими лѣтописными. Но кромѣ того, онъ выдвинулъ исторію московскаго единодержавія, т. е. продолжилъ прагматическое изложеніе Синопсиса послѣ татарскаго нашествія, и довелъ свою исторію по однимъ спискамъ до 1670 г. по другимъ, и въ печатномъ изданіи, до 1712 г. Всѣ эти исправленія и дополненія авторъ выполнилъ съ замѣчательнымъ знаніемъ русскихъ лѣтописей, и, еслибы это сочиненіе сдѣлалось извѣстнымъ вовремя, то, безъ всякаго сомнѣнія, оно и вытѣснило бы Синопсисъ, и содѣйствовало бы болѣе быстрому развитію нашей науки. Но надъ нимъ, какъ и надъ другими русскими трудами, тяготѣло иноземное разумѣніе нуждъ Россіи. Сочиненіе Манкіева издано было только въ 1770 г.

Труды Байера. Русскою исторіей, какъ и всею русскою жизнію, овладѣвали болѣе и болѣе иноземцы. Въ начертанной Петромъ, но открытой послѣ его смерти, академіи наукъ двига-

---

[1]) Въ посвященіи говорится, что этотъ трудъ вызванъ величіемъ дѣлъ Петра.
[2]) Посвященіе Петру подписано этимъ годомъ. Архивъ Калачева. — 1 т. 2-я кн., стр. 4. Описаніе Румянц. музея, № CCLXX.

телемъ изслѣдованій минувшихъ судебъ Россіи поставленъ былъ нѣмецъ Байеръ—человѣкъ великой западно-европейской учености, но совершенный невѣжда въ области русской исторической письменности, не ознакомившійся даже съ русскимъ языкомъ.

При такихъ условіяхъ ученому исторіографу можно было работать только въ области глубочайшихъ русскихъ древностей или, точнѣе сказать, не русскихъ, а древностей сѣверныхъ народовъ. Тутъ только могла найти себѣ приложеніе громадная эрудиція ученаго нѣмца. Байеръ дѣйствительно и не мало сдѣлалъ въ этой области. Такъ, онъ написалъ изслѣдованіе о древней географіи Россіи и сосѣднихъ странъ изъ сочиненій сѣверныхъ писателей; о географіи Константина Багрянороднаго; о началкѣ и древнихъ пребывалищахъ скиѳовъ и, наконецъ, знаменитое сочиненіе о призваніи князей, т. е. о происхожденіи русской государственности и русской культуры изъ норманскаго, т. е. германскаго міра [1]).

Этотъ результатъ научныхъ изслѣдованій отвѣчалъ основному плану петровскихъ преобразованій; но онъ былъ еще болѣе результатомъ нѣмецкихъ національныхъ вожделеній касательно Россіи. Что же касается научности этого результата, то, какъ увидимъ ниже, ея здѣсь было меньше всего при всемъ богатствѣ ученыхъ пріемовъ Байера. Результатъ этотъ былъ даже крайне вреденъ наукѣ русской исторіи, потому что авторитетно отрѣзывалъ путь къ изученію того же предмета съ русской точки зрѣнія.

Труды Миллера. Преемникомъ Байера по изслѣдованію русскаго прошедшаго и послѣдователемъ его норманской теоріи былъ другой нѣмецъ—извѣстный намъ Миллеръ; но онъ былъ менѣе гордъ въ своемъ нѣмецкомъ сознаніи, болѣе податливъ на обрусѣніе, поэтому практичнѣе понималъ свою задачу и гораздо больше принесъ пользы русской наукѣ, не смотря на меньшую свою даровитость и гораздо меньшую ученость.

Миллеръ усердно изучалъ русскій языкъ (хотя это и далось ему не съ большимъ успѣхомъ), поэтому онъ могъ легче войти въ область русской письменности. Волею и неволею исполняя

---

[1]) Байеръ писалъ свои сочиненія на латинскомъ языкѣ, на которомъ печатались тогда комментаріи академіи наукъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій Байера переведены были на русскій языкъ. Списокъ тѣхъ и другихъ помѣщенъ въ исторіи академіи наукъ, сост. П. Пекарскимъ, т. 1, стр. 194—6.

свое назначеніе содѣйствовать распространенію знаній по русской исторіи, онъ сталъ писать статьи по русской исторіи сперва для нѣмцевъ и издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ сборникъ русской исторіи, а затѣмъ сталъ писать и для русскихъ и издавалъ русскій журналъ подъ заглавіемъ: Ежемѣсячныя сочиненія въ пользѣ и увеселенію служащія.

Занявшись исторіей Сибири Миллеръ, какъ мы уже знаемъ, вошелъ въ богатую область актовъ, въ которой оставался и до конца дней своихъ. Большая часть этихъ трудовъ требовала содѣйствія русскихъ силъ. Миллеръ пользовался ими и этимъ тоже исполнялъ свое назначеніе въ академіи наукъ и въ русскомъ обществѣ.

Ниже мы увидимъ, что заставило Миллера вступить рѣшительно на этотъ путь и какъ онъ еще ближе оказался русскимъ дѣятелемъ и издавалъ русскіе памятники и русскія историческія сочиненія.

Татищевъ. Миллеръ всегда у насъ будетъ вспоминаться съ уваженіемъ, какъ неутомимый труженикъ въ области русской исторіи, но это не былъ отецъ русской исторіи, какъ его назвалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Отцомъ русской исторіи, если его нужно отыскать непремѣнно, былъ другой человѣкъ съ несомнѣнными признаками богатырскихъ силъ и богатырскихъ замысловъ,—извѣстный Татищевъ. Въ немъ совмѣстились и старое и новое направленіе въ изученіи нашего прошедшаго, и онъ первый поставилъ такія широкія задачи для исторіи Россіи, до какихъ не додумывался ни одинъ нашъ ученый иноземецъ прошедшаго столѣтія, неисключая самого Шлецера.

Въ высшей степени замѣчателенъ тотъ путь, какимъ Татищевъ шелъ къ уразумѣнію научныхъ задачъ русской исторіи. Питомецъ и страстный послѣдователь Петра, гордый знаніемъ и воззрѣніями западно-европейскими, постепенно смирялся и проникался русскимъ духомъ, и по мѣрѣ этого все больше и больше изучалъ родное прошедшее.

О Татищевѣ написано много. Покойный Соловьевъ написалъ объ немъ изслѣдованіе, помѣщенное въ архивѣ Н. В. Калачева [1]). Въ 1861 г. Нилъ Поповъ издалъ объемистую книгу объ немъ

---

[1]) За 1855 г. т. 2, 1 пол. стр. 15 — 40.

подъ заглавіемъ: Татищевъ и его время [1]). Дополнительныя бумаги проектовъ Татищева изданы при академіи наукъ покойнымъ Пекарскимъ [2]). Въ 1875 г. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ напечаталъ въ Древней и новой Россіи большое изслѣдованіе о Татищевѣ [3]). Наконецъ, въ прошедшемъ (1883) г. академикъ А. А. Куникъ составилъ перечень сочиненій Татищева и матеріаловъ для его біографіи, изданный въ запискахъ академіи наукъ [4]).

В. Н. Татищевъ родился въ 1686 г., и въ 1704 г. поступилъ въ военную службу артиллеристомъ. Назначенный заниматься горнымъ дѣломъ, онъ нѣсколько разъ посылаемъ былъ заграницу, въ 1714 и 1717 г. въ Германію, а съ 1723 по 1726 въ Швецію и Голландію, главнымъ образомъ для отысканія и найма мастеровъ горнаго дѣла. Горное дѣло давало ему спеціальное знаніе монетнаго дѣла, и онъ въ 1727 г. былъ назначенъ управлять монетнымъ дѣломъ въ Москвѣ. Но тоже горное дѣло доставило ему спеціальныя знанія и по другой части. Занятія горнымъ дѣломъ на Уралѣ доставили ему средство къ изученію дѣлъ нашихъ восточныхъ инородцевъ, и онъ два раза былъ важнымъ административнымъ лицомъ на юго-восточной нашей окраинѣ,—съ 1734 по 1737 управлялъ башкирскими и калмыцкими дѣлами, а съ 1741 по 1744 былъ астраханскимъ губернаторомъ. Съ 1745 года и до мой смерти въ 1750 г. онъ жилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи с. Болдинѣ.

На всѣхъ мѣстахъ своего служенія Татищевъ неизмѣнно попадалъ подъ судъ. Подъ судомъ онъ прожилъ и послѣдніе годы своей жизни. Былъ оправданъ передъ самой смертію. Причинами такой превратности въ жизни Татищева были: его странный взглядъ, который онъ прямо высказалъ Петру, что дурно брать взятки, но не дурно принимать благодарность за особые, усиленные труды въ пользу праваго дѣла; его крайне неуживчивый характеръ, который постоянно затрогивалъ чужія самолюбія и производилъ тѣмъ больше раздраженія, что Татищевъ при всемъ томъ оберегалъ государственные интересы и преслѣдовалъ въ другихъ злоупотребленія. Мы сейчасъ увидимъ, что жестокія превратности преслѣдовали его и въ научной области.

---

[1]) Москва 1861 г. [2]) Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, 1864 г. прилож. къ IV т. записокъ академіи наукъ. [3]) № 1, 2, 3, 5, 8 и 12; перепечатано въ соч. К. Н. Бестужева-Рюмина — Біографіи и характеристики, изд. 1882. [4]) т. 47, кн. 1.

Занимаясь горнымъ дѣломъ, Татищевъ долженъ былъ собирать географическія свѣдѣнія о мѣстностяхъ, гдѣ бы находить руду и открывать заводы. Географическія данныя заняли его, и онъ отъ русской географіи естественно перешелъ къ русской исторіи и сталъ собирать и изучать русскіе историческіе памятники,—лѣтописи, акты, вещественные памятники. Богатство этого матеріала плѣнило его, и онъ задумалъ написать русскую исторію. Татищевъ читалъ много книгъ русскихъ и иностранныхъ и поручалъ дѣлать выписки и переводить изъ тѣхъ иностранныхъ книгъ, языковъ которыхъ не зналъ, какъ-то: греческихъ, латинскихъ книгъ. Задачи исторіи онъ понялъ весьма широко и весьма основательно. Онъ понялъ важность въ исторической жизни народа религіозной стороны, дѣла научнаго просвѣщенія, торговли и т. п. и все это, по мнѣнію Татищева, нужно было обнимать философскимъ взглядомъ. Приступая съ этими понятіями къ изложенію исторіи, Татищевъ естественно долженъ былъ обратить вниманіе на сдѣланные уже опыты русской исторіи. Какъ образцы передъ нимъ были: съ одной стороны Синопсисъ, съ другой изслѣдованія Байера. Татищевъ поддался тому и другому образцу въ томъ смыслѣ, что смѣло вошелъ въ широкую область отдаленныхъ русскихъ древностей, но затѣмъ дѣйствовалъ съ значительною самостоятельностью. Въ Синопсисѣ онъ призналъ совершенно неосновательною связь скиѳовъ, сарматовъ съ библейскими лицами. Онъ сразу понялъ, что авторитетами для древнихъ славянскихъ временъ могутъ быть Геродотъ и затѣмъ греческіе писатели VI в. Этимъ онъ, повидимому, поставилъ свои изслѣдованія въ зависимость отъ ученыхъ нѣмцевъ нашей академіи наукъ; но въ дѣйствительности онъ показалъ себя еще болѣе независимымъ отъ нихъ, чѣмъ отъ Синопсиса. Онъ отвергаетъ норманско-германское происхожденіе нашей государственности и культуры, находитъ самобытные зачатки ихъ въ новгородской государственности и новгородскихъ дорюриковскихъ князьяхъ, а первыхъ нашихъ князей выводитъ изъ Финляндіи, притомъ черезъ родство ихъ съ самобытными новгородскими князьями. Въ этомъ главномъ пунктѣ русскихъ древностей Татищевъ частью послѣдовалъ Синопсису, который согласно съ позднѣйшими лѣтописями старается придать естественность призванію князей; но Татищевъ не пошелъ за Синопсисомъ отыскивать въ Пруссіи родину призван-

ныхъ князей, а направился за Байеромъ, но не дошелъ до Скандинавіи, а остановился въ Финляндіи. Этими научными трактатами занятъ первый томъ исторіи Татищева. Исключеніе составляетъ только 4-ая его глава, въ которой напечатана извѣстная намъ Іоакимовская лѣтопись, служившая для Татищева главнѣйшею опорою его теоріи призванія князей и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ его изслѣдованій о письменныхъ источникахъ исторіи, что заняло еще слѣдующія три главы V, VI, VII, въ которымъ нужно причислить и четвертую, VIII, гдѣ разбирается вопросъ о лѣтосчисленіи [1]).

Научными трактатами перваго тома и закончилось прагматическое изложеніе русской исторіи Татищева. Дальше, со времени призванія князей, Татищевъ въ изложеніи историческихъ событій пошелъ совсѣмъ другимъ путемъ. Вмѣсто прагматическаго изложенія онъ рѣшился сдѣлать то, что давно дѣлали наши лѣтописцы, и о чемъ хлопоталъ Петръ I, — онъ рѣшился составить полный сводъ лѣтописный и обставлялъ его лишь своими подстрочными примѣчаніями. Такой сводъ онъ и сдѣлалъ въ четырехъ послѣдующихъ книгахъ, въ которыхъ лѣтописный разсказъ доведенъ до 1577 г. и приложено еще житіе Θеодора Іоанновича.

Кромѣ этого труда Татищевъ еще обдумалъ широкій планъ изученія русской исторіи и географіи или, точнѣе, планъ собиранія матеріаловъ и составленія подготовительныхъ работъ для всесторонняго изученія Россіи всѣми наличными силами русской администраціи. Исторія, географія, этнографія, статистика,—все то, чѣмъ теперь занимаются многочисленныя наши ученыя общества, — все это входило въ планъ Татищева. И это не было дѣломъ фантазіи. Татищевъ самъ, по мѣрѣ силъ, осуществлялъ этотъ планъ и даже составилъ словарь Россіи, доведенный до буквы Л., т. е. оканчивающійся буквой К, въ которомъ совмѣщались эти разнообразныя свѣдѣнія. Въ 1738 г. онъ представилъ этотъ обширный планъ въ академію наукъ, и повидимому, тѣмъ болѣе могъ разсчитывать на благосклонный пріемъ, что въ правительство Анны Іоанновны его должны были цѣнить, какъ че-

---

[1]) Содержаніе главъ 1 книги Татищева изложено у Соловьева, Арх. Калач. т. 2, 1 пол.

ловѣка, много содѣйствовавшаго возстановленію самодержавія этой государыни. Но все это ни къ чему не привело. Проектъ Татищева оставленъ безъ вниманія. Мало того, Татищева ждали новыя неудачи.

Въ 1739 г. онъ привезъ въ Петербургъ свою исторію и давалъ многимъ читать. Самъ Татищевъ передаетъ, что одни его осуждали за недостатокъ философскаго взгляда, краснорѣчія, другіе за посягательство на текстъ лѣтописный. Исторія его надолго осталась неизданною.

Передъ смертію Татищева, въ 1748 году, академикъ Миллеръ, хорошо понимавшій цѣнность татищевскихъ бумагъ и, между прочимъ, важность ихъ для его сибирской исторіи, хлопоталъ, чтобы академія приняла мѣры къ охранѣ для потомства бумагъ и рукописей Татищева, увѣрялъ, что Татищевъ согласится на эти мѣры, и самъ вызывался ѣхать къ нему за этимъ. Академія оставила безъ вниманія и это предложеніе. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ смерти Татищева въ Болдинѣ случился пожаръ, и все книжное и рукописное богатство Татищева сгорѣло. Уцѣлѣло лишь то, что было въ чужихъ рукахъ. Сейчасъ мы увидимъ, что и за это несчастіе Татищеву пришлось отвѣчать. Только уже при Екатеринѣ, по настойчивости того же Миллера, сочиненія Татищева стали появляться на свѣтъ. Въ 1769—74 при московскомъ университетѣ изданы три книги: одинъ томъ ученыхъ трактатовъ и два тома лѣтописнаго свода, а въ 1784 г. изданъ въ Петербургѣ четвертый томъ исторіи или 3-й лѣтописнаго свода,— до Іоанна III. Изданіе сдѣлано по дурному списку и издано плохо. Но и на этомъ не конецъ злосчастіямъ Татищева. Изъ плана татищевской исторіи, помѣщеннаго во введеніи къ его исторіи, извѣстно было, что онъ предполагалъ изложить исторію дальше Іоанна III, что должна была быть еще часть его лѣтописнаго свода. Этой части нигдѣ не оказывалось. Только, въ 1843 году, Погодинъ нашелъ эту часть въ своихъ рукописяхъ, и она издана въ 1848 г. московскимъ обществомъ исторіи и древностей.

Печальная судьба долго тяготѣла надъ сочиненіями Татищева и въ области научной критики. И нѣмецкіе ученые и многіе русскіе съ ожесточеніемъ относились къ исторіи Татищева.

Ожесточеніе это вызывала не одна Іоакимовская лѣтопись,

подрывавшая нѣмецкую теорію призванія князей, и въ этой части дѣйствительно миѳическая, но и лѣтописный его сводъ, въ которомъ есть не мало фактовъ, не находящихся въ извѣстныхъ намъ лѣтописныхъ спискахъ, и такъ какъ татищевское собраніе лѣтописей сгорѣло, провѣрить его свода нельзя, то и была полная свобода заподозривать его достовѣрность. Шлецеръ напалъ на Татищева со всею силою своего ученаго авторитета. Ему послѣдовалъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Карамзинъ. Даже въ новѣйшее время, К. Н. Бестужевъ—Рюминъ въ одномъ примѣчаніи своего изслѣдованія о лѣтописяхъ выразился, что на Татищева нельзя ссылаться [1]).

Подобная судьба, даже еще болѣе печальная, постигла и современника Татищева, Посошкова, старавшагося подобно Татищеву найти примиреніе стараго и новаго въ своихъ идеалахъ касательно внутренняго строя русской жизни въ самой низменной средѣ,—въ крестьянствѣ и также, какъ Татищевъ, вынужденнаго стать въ концѣ концовъ на русскую точку зрѣнія и едвали не за это поплатившагося. Посошковъ въ своемъ сочиненіи—О скудости и богатствѣ, старается быть поборникомъ петровскихъ преобразованій, но невольно рисуетъ зло этихъ преобразованій—господство иноземцевъ. Въ сочиненіи—Обличеніе раскольниковъ, онъ врагъ ихъ и, повидимому, поборникъ петровскихъ просвѣтительныхъ началъ, но въ дѣйствительности онъ защитникъ русской вѣры отъ иноземнаго вліянія и обличитель вольнодумства временъ петровскихъ. Надъ сочиненіями Посошкова тяготѣла еще болѣе печальная судьба. Они, только благодаря М. П. Погодину, вышли на свѣтъ божій [2]).

Но правда, хотя и медленно, давно уже стала пробиваться и возстановлять значеніе и Татищева и Посошкова. Еще въ прошедшемъ столѣтіи одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ изслѣдователей по русской исторіи — Болтинъ отозвался о Татищевѣ съ великимъ уваженіемъ. Покойный Соловьевъ и во многихъ мѣстахъ своей исторіи и въ особой, упомянутой статьѣ о Татищевѣ со всею силою научности ниспровергъ подозрѣнія касательно добросовѣстности Татищева и выставилъ въ надлежащемъ свѣтѣ его

---

[1]) Лѣт. занятій археографич. коммиссіи, вып. 4, стр. 71. [2]) Первый т. соч. Посошкова изд. въ 1842, второй въ 1863 г. М.

значеніе. „Заслуга Татищева, говоритъ Соловьевъ въ своей статьѣ объ немъ, состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіей. Кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великія заслуги Татищева, какъ перваго указателя; не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны...“ Въ заключеніе этой статьи Соловьевъ выражается еще сильнѣе. „Татищеву, говоритъ онъ, на ряду съ Ломоносовымъ принадлежитъ самое почетное мѣсто въ исторіи русской науки, какъ науки въ эпоху начальныхъ трудовъ“ [1]).

Наконецъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ счелъ себя обязаннымъ исправить свою ошибку. Въ обширномъ своемъ изслѣдованіи о Татищевѣ, упомянутомъ уже нами, онъ воздаетъ Татищеву должное и ставитъ его въ положеніе первоначальника русской исторіи. Въ основѣ это тотъ-же взглядъ Соловьева. „Даже для историка нашего времени почти удовлетворителенъ, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія, кругъ явленій, который Татищевъ считалъ подлежащимъ вѣдѣнію исторической науки. Исторія Татищева, памятникъ многолѣтнихъ и добросовѣстныхъ трудовъ, воздвигнутыхъ при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, долго оставалась непонятою и неоцѣненною... Теперь уже никто изъ ученыхъ не сомнѣвается въ добросовѣстности Татищева“... Въ концѣ статьи Бестужевъ-Рюминъ, подобно Соловьеву, сравниваетъ Татищева съ Ломоносовымъ. Наконецъ указавъ на то, что труды Татищева даютъ ему право на вѣчную

---

[1]) Арх. Калач. т. 2, 1 пол. стр. 35—6.

благодарную память, говорить объ его исторіи: „онъ поставилъ науку русской исторіи на правильную дорогу собиранія фактовъ; онъ обозрѣлъ, насколько могъ, сокровища лѣтописныя и указалъ дорогу къ другимъ источникамъ, онъ тѣсно связалъ исторію съ другими, сродными ей знаніями“ [1]).

Изъ протоколовъ засѣданій академіи наукъ видно, что и это учрежденіе готовится воздать должное Татищеву. Къ предстоящему столѣтнему юбилею Татищева (въ 1886 г.) академія наукъ предполагаетъ издать сочиненія его [2]). Возстановляется также и значеніе Посошкова. Кромѣ усиленныхъ заботъ объ этомъ Погодина, на Посошкова обратили вниманіе и другіе. Его сравниваетъ съ Татищевымъ и разбираетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ указанномъ изслѣдованіи о Татищевѣ. Есть и спеціальное изслѣдованіе о Посошковѣ — г. Царевскаго (1883 г. Казань).

Въ отзывахъ, возстановляющихъ значеніе Татищева, не достаетъ надлежащаго указанія на то, какое великое зло сдѣлано историческому развитію науки русской исторіи тѣмъ, что трудъ Татищева не явился въ свое время, а сталъ дѣлаться доступнымъ изученію только черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ былъ привезенъ въ Петербургъ, а послѣдняя часть его даже слишкомъ черезъ сто лѣтъ. Говорить ли еще о томъ, какъ сильно двинуто было бы наше научное дѣло, еслибы, хотя отчасти, сталъ исполняться во-время планъ Татищева всесторонняго изученія Россіи. Приходится съ грустію признать, что нѣмецкая научность затормозила русскую научную разработку нашей исторіи. Впрочемъ, тутъ намъ нужно повторить оговорку, которую мы уже дѣлали, говоря о Байерѣ. Тутъ виновата была собственно не научность, а тотъ иноземный, національный элементъ, который направилъ ее на ложный путь, именно, нѣмецкій элементъ, составлявшій выдающуюся силу, образовавшуюся при Петрѣ. Принципъ—брать все иноземное, учиться всему у иноземцевъ, и

[1]) Древн. и новая Россія 1875 № 12. Новый поворотъ къ осужденію Татищева мы уже указывали. Это — рѣчь профессора Голубинскаго о Іоакимовой лѣтописи. Творенія св. отцовъ. 1882 г. № IV, стр. 602—642. Однако, въ настоящемъ 1884 г. обнаружены новыя данныя, возстановляющія значеніе Татищева. Въ указанномъ уже нами сочиненіи г. Линниченки — Взаимныя отношенія Руси и Польши во многихъ мѣстахъ показывается, что только сводная лѣтопись Татищева даетъ возможность возстановить смыслъ тѣхъ или другихъ событій, разсказанныхъ невѣрно польскими хроникерами. [2]) Записки академіи наукъ, т. 48, кн. 1.

для этого призывать въ Россію побольше иноземцевъ, неизбѣжно повелъ къ тому, что набралось къ намъ больше всего нѣмцевъ, и какъ только безжизненно опустилась могучая рука Петра, заставлявшая всѣхъ быть слугами Россіи, такъ нѣмцы естественно стали заправителями русскихъ дѣлъ, господами. Время Анны Іоанновны и Бирона было естественнымъ послѣдствіемъ и жестокою критикой направленія петровскихъ преобразованій. Эту злую русскую судьбу должна была испытать на себѣ и наука русской исторіи.

Ораторы славили сверженіе иноземнаго ига со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны. Русскіе люди оживали и заявляли русскіе замыслы и дѣла. Впереди ихъ стояла женщина, выросшая въ русскомъ горѣ и среди самыхъ простыхъ людей, но какъ дочь Петра она питала любовь къ нему и къ его преобразовательнымъ планамъ, т. е. способна была примирять петровскія преобразованія съ потребностями русской жизни. Между тѣмъ, исторія Татищева, совмѣщавшая въ себѣ и петровскую научность и русское направленіе, оставалась въ пренебреженіи. Это одно изъ тысячныхъ доказательствъ, что науку легко придавить, загубить, но поднять, воскресить очень и очень не легко.

Во время Елисаветы,—время, счастливое для научныхъ русскихъ трудовъ, наука русской исторіи заявила себя прежде всего борьбою между нѣмецкими и русскими воззрѣніями, борьбою, которую, по всей справедливости, можно назвать позорною.

Споры о призваніи князей. Миллеръ, Тредьяковскій и Ломоносовъ. Тотъ самый Миллеръ, который въ 1748 г. такъ усердно и безнадежно хлопоталъ о спасеніи для потомства сокровищъ татищевскаго собранія рукописей и книгъ, въ слѣдующемъ 1749 г. поднялъ самымъ неожиданнымъ образомъ бурю своими нѣмецкими воззрѣніями въ такое русское патріотическое время. Въ день тезоименитства Елисаветы Петровны, 6 сент. 1749 г., академія наукъ постановила имѣть торжественное засѣданіе, на которомъ предположено сказать рѣчь, и эту рѣчь поручили составить русскому исторіографу Миллеру. Миллеръ написалъ рѣчь о происхожденіи народа и имени россійскаго, въ которой развивалъ слѣдующія положенія:

1. Отвергалъ, подобно Татищеву, связь русской исторіи съ библейскою, что, какъ намъ извѣстно, проводилось въ Синопсисѣ.

2. Русскіе—пришельцы на своей землѣ, на которой до нихъ жили финны.

3. Славяне выгнаны съ береговъ Дуная и разселились въ предѣлахъ финновъ.

4. Скандинавы и варяги—одинъ и тотъ-же народъ: отъ нихъ русскіе получили свое названіе и царей.

5. Опровергалось мнѣніе Синопсиса о славянскомъ происхожденіи варяговъ и доказывалось тожество Руси и варяговъ, т. е. скандинавовъ.

Въ средѣ академиковъ, недавно съ пренебреженіемъ отстранившихъ хлопоты Миллера о сочиненіяхъ Татищева, роли перемѣнились, и рѣчь Миллера вызвала такое мнѣніе большинства ихъ: „Миллеръ во всей рѣчи ни одного случая не показалъ, писали академики, къ славѣ россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ, а именно: какъ ихъ (т. е. русскихъ) многократно разбивали въ сраженіяхъ, гдѣ грабежемъ, огнемъ и мечемъ пустошили, и у царей ихъ сокровища грабили. А напослѣдокъ удивленія достойно, съ какою неосторожностію употребилъ экспрессію, что скандинавы побѣдоносным своимъ оружіемъ благополучно себѣ всю Россію покорили“ [1]).

Миллеръ пожаловался на этотъ отзывъ. Назначено было новое разсмотрѣніе его рѣчи, продолжавшееся слишкомъ четыре мѣсяца, съ октября 1749 г. до 8 марта 1750 г. Въ этомъ разсмотрѣніи принялъ живое участіе извѣстный профессоръ элоквенціи Тредьяковскій, и написалъ довольно пространную диссертацію, въ которой излагалъ слѣдующія главныя положенія.

Онъ перебираетъ свидѣтельства, откуда произошли россы и въ какомъ они отношеніи къ славянамъ, т. е. что такое мы—россы и славяне; какъ эти два названія явились и какъ они могутъ совмѣщаться? Онъ перебираетъ свидѣтельства ученыхъ о россахъ,—ищетъ россовъ въ Шотландіи, въ Туркестанѣ, въ военномъ крикѣ: рази! рази! въ словѣ: разсѣяніе по толкованію Прокопія названія славянъ — споры, при чемъ Тредьяковскій имѣетъ въ виду часто Синопсисъ, объ авторѣ котораго отзывается съ уваженіемъ; но все это признаетъ неосновательнымъ

[1]) Ист. ак. наукъ. Пекарск. т. 1, стр. 360.

и даже выражаетъ отчаяніе, что все это завело его въ клюковатѣйшій лабиринтъ и оставило еще въ темнѣйшемъ тупикѣ. Наконецъ, найдя въ несторовой лѣтописи по разнымъ спискамъ (кенигсбергскому и никоновскому) то, съ чего слѣдовало бы начать, именно, что сперва жили славяне, а потомъ призвали варяговъ-руссовъ, восклицаетъ: „прочь ты Араксовъ росъ, ты Страбоновъ роксоланъ, вы русые волосы, ты громкій на войнѣ крикъ, напослѣдокъ и ты самое разсѣяніе! Ибо хотя всѣ вы въ своемъ родѣ изрядны, но не настолько, сколько сіе непоколебимое—отъ тѣхъ варяговъ находниковъ прозвашась Русь... прежде бо Новгородстіи люди нарицахуся словене“. Въ заключеніе Тредьяковскій, какъ и Миллеръ, видитъ варяговъ въ скандинавахъ. Для предосторожности однако онъ говоритъ, что положенія диссертаціи Миллера вѣроятны, а не то, что непреложны, и предложилъ исправить и смягчить рѣзкія мѣста въ рѣчи Миллера, но не потому что, какъ самъ выразился, положенія Миллера только вѣроятны, а совсѣмъ по другой причинѣ, которая ясно показывала, что онъ стоитъ на сторонѣ Миллера. „Благопристойность и осторожность, говоритъ онъ, требуютъ, чтобъ правда была предлагаема нѣкоторымъ пріятнѣйшимъ образомъ: давно уже вѣдомо изъ Теренція, Римскаго комика, что нагая истина (что-жъ дѣлать? сіе есть одно изъ состояній оплакуемыя человѣческія слабости) ненависть раждаетъ, а гибкая на всѣ стороны поступка, только-жъ бы беспорочная, ибо чаще такая услуга бываетъ противнымъ образомъ, а особливо въ надеждѣ полученія, гибкая, говорю я, и удобообращающаяся поступка пріобрѣтаетъ множество друговъ и благодѣтелей“ [1]).

Не такъ посмотрѣлъ на это дѣло знаменитый Ломоносовъ. Онъ не думалъ ни прикрывать нагой истины, ни пріобрѣтать друговъ и благодѣтелей удобообращательной поступкой, а накинулся на Миллера и съ громадною силою своего таланта и съ необузданностію своего права. Онъ сталъ громить Миллера за предпочтеніе иностранныхъ свидѣтельствъ отечественнымъ, за неуваженіе къ Нестору. Онъ становится на почву Синопсиса, защищаетъ связь россовъ съ библейскимъ россомъ, единство роксоланъ и россовъ; громитъ, зачѣмъ Миллеръ устранилъ предковъ славянъ скиѳовъ,

---

¹) Тамъ же, стр. 247.

совершившихъ столько славныхъ дѣлъ; находитъ униженіе въ томъ, что Миллеръ заставляетъ чуховъ давать намъ имя, а шведовъ — царей. Варяговъ Ломоносовъ, подобно Синопсису, выводитъ изъ Пруссіи — славянской страны. Для большаго пораженія Миллера, Ломоносовъ прибѣгъ даже къ орудіямъ своей спеціальности — химіи. По тому поводу, что Миллеръ, хотя и осторожнѣе Байера, заподозриваетъ сказаніе лѣтописей о проповѣди у насъ апостола Андрея, Ломоносовъ говоритъ, что это оскорбленіе Петру, учредившему орденъ Андрея Первозваннаго, и прибавляетъ: „жаль, что въ то время, (когда Байеръ писалъ трактатъ о русскихъ древностяхъ) не было такого человѣка, который бы поднесъ ему (Байеру) къ носу такой химическій проницательный составъ, отъ чего бы онъ могъ очнуться" [1]). Порошокъ этотъ и почувствовалъ Миллеръ.

Диссертація его была запрещена и печатные ея экземпляры почти всѣ уничтожены. Самъ Миллеръ въ значительной степени дѣйствительно очнулся. Въ этой борьбѣ онъ какъ бы получилъ русское крещеніе, — занялъ вскорѣ болѣе скромное положеніе, именно, положеніе издателя русскаго историческаго журнала, издателя русскихъ историческихъ памятниковъ и сочиненій и собирателя русскихъ актовъ.

При малѣйшемъ самозабвеніи, Ломоносовъ опять подносилъ ему свой химическій порошокъ. „Злой рокъ хочетъ, писалъ Миллеръ президенту академіи въ 1757 г., чтобы г. Ломоносовъ какъ будто сотворенъ для причиненія огорченій многимъ изъ насъ и въ особенности мнѣ, хотя я не даю ему ни малѣйшаго повода... Онъ присвоилъ себѣ рѣшительный судъ надъ тѣмъ, что печатается въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ" [2]).

Очнулся отъ этихъ громовыхъ ударовъ и Тредьяковскій, впрочемъ, опять странно. Въ послѣднихъ пятидесятыхъ годахъ онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе отъ неудачъ въ области словесности, отъ насмѣшекъ со стороны враговъ, главнымъ образомъ, отъ Ломоносова, и пересталъ ходить въ академію. Вотъ какъ онъ описываетъ свое состояніе: „Ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый

---

[1]) Тамъ же, т. 2. стр. 901. [2]) Пек. ист. ак. наукъ т. 2, стр. 611.

чудовищемъ и проч., всеконечно, уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію, чего ради и настала мнѣ нужда уединиться" [1]). Въ этомъ уединеніи онъ и занялся главнымъ образомъ русскою исторіей, и въ слѣдующемъ, 1758 г., окончилъ [2]) три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ, а именно:

1. О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ.

2. О первоначаліи россовъ и

3. О варягахъ руссахъ словенскаго званія, рода и языка.

Въ этихъ разсужденіяхъ Тредьяковскій и славянъ и россовъ связываетъ съ библіей и распространяетъ по всей Европѣ. Эрудицію онъ показалъ громадную,—приводитъ множество писателей. Но главныя его основанія древности, первенства и господства славяно-россовъ взяты изъ филологіи. Въ ней онъ находитъ самое простое и удобное средство все объяснить. Названіе древнѣйшихъ обитателей восточной Европы скиѳовъ происходитъ, по его мнѣнію, отъ — скитанія, сарматовъ — отъ замаратовъ или царьметовъ; кельты это — желты, варяги — предварители. Мало того, даже Испанія — значитъ Выспанія (отъ польск. Wyspa — островъ) и Каледонія — Хладонія [3]).

Все это кажется намъ чудовищнымъ и, вѣроятно, вызывало великое презрѣніе въ Ломоносовѣ; но не одинъ Тредьяковскій творилъ эти грѣхи. Знаменитый ученый Байеръ дѣлалъ вещи не лучше, когда слово — Москва производилъ отъ — мужского монастыря, а Псковъ отъ псовъ [4]).

Исторія Россіи Ломоносова. Живой, общественный интересъ, какой возбудила рѣчь Миллера, и долговременныя пререканія изъ-за нея естественно заставляли многихъ призадумываться надъ состояніемъ науки русской исторіи и вызывали желаніе найти человѣка, который могъ бы написать эту исторію въ духѣ русскомъ, достойномъ времени Елисаветы Петровны. Человѣкъ этотъ самъ собою обозначился. Это было время силы и славы великаго русскаго человѣка — Ломоносова, необыкновеннаго ученаго въ обла-

[1]) Ист. акад. наукъ Пек., т. 2, стр. 208. [2]) Ист. акад., т. 2, стр. 230 примѣч. [3]) Изданы эти три разсужденія въ 1773 г. С. Прб. Объ этихъ разсужд. упом. въ ист. акад. наукъ Пекарск. т. 2, стр. 209 и 230. [4]) Впрочемъ, есть извѣстіе, что этого ученаго нѣмца подвелъ тутъ тогдашній его менторъ по русскому языкознанію, сейчасъ указываемый Тредьяковскій, осмѣивавшій затѣмъ Байера за эту самую филологію. Ист. акад. наукъ Пекарск. т. 1, стр. 190, примѣч. 1.

сти естествознанія, словесности и даже русскаго поэта. Онъ принималъ участіе въ спорѣ съ Миллеромъ, или, вѣрнѣе сказать, былъ главнымъ обличителемъ его нѣмецкихъ тенденцій, которыя подстерегалъ и обличалъ до конца дней своихъ: къ нему и обратились съ предложеніемъ написать русскую исторію. Тогдашній покровитель русскаго просвѣщенія и въ частности Ломоносова, Ив. Ив. Шуваловъ, кажется, былъ главнымъ виновникомъ этого предложенія.

С. М. Соловьеву, написавшему статью о Ломоносовѣ, извѣстны были документы о занятіяхъ Ломоносова русской исторіей съ 1751 г. по 1753 г., когда Ломоносовъ давалъ въ нихъ отчетъ, показывалъ, что читалъ и сколько листовъ выписокъ сдѣлалъ въ то или другое время. Новѣйшее изслѣдованіе матеріаловъ для исторіи Ломоносова открываетъ не мало новыхъ подробностей, какъ велъ дѣло и что сдѣлалъ для русской исторіи Ломоносовъ.

Еще въ 1749 г., т. е. сейчасъ же послѣ того, какъ Миллеръ хлопоталъ о спасеніи научныхъ сокровищъ Татищева, Ломоносовъ былъ уже въ сношеніяхъ съ Татищевымъ и даже сочинилъ для исторіи Татищева дедикацію, т. е. посвященіе будущему преемнику Елисаветы, наслѣднику Петру Θеодоровичу. Въ 1751 г. у него уже былъ готовъ планъ своей исторіи, а въ 1753 г. онъ доносилъ, что исторію свою предполагаетъ кончить къ концу этого года. Въ дѣйствительности исторія была кончена только въ 1763 г., а издана уже послѣ смерти Ломоносова (ум. 1763 г.) въ 1766 г., и то только 1-й томъ, до смерти Ярослава, съ одними цитатами безъ примѣчаній, которыя Ломоносовъ предполагалъ издать послѣ.

Существовали еще двѣ части его исторіи: 1, до Батыева нашествія, 2, до освобожденія отъ татаръ при Іоаннѣ III., но онѣ не были изданы и существують ли гдѣ, неизвѣстно. Написалъ еще Ломоносовъ и въ сент. 1757 г. посылалъ Ив. Ив. Шувалову—Сокращенное описаніе самозванцевъ и стрѣлецкихъ бунтовъ, и извѣщалъ тогда же о своемъ стараніи привести къ окончанію Сокращеніе о жизни царей Михаила, Алексѣя и Θеодора; но дальше ничего неизвѣстно ни объ оконченныхъ сочиненіяхъ, ни объ оканчивавшихся [1]).

[1]) Ломоносовъ, какъ писатель, соч. Ак. С. Будиловича, изд. 1871 г. стр. 53—4. Судьба бумагъ въ академіи наукъ Татищева и Ломоносова могла бы быть предметомъ

Изъ описи книгъ, оставшихся послѣ смерти Ломоносова, можно видѣть тотъ объемъ матеріаловъ и пособій, какіе Ломоносовъ изучалъ для своей исторіи Россіи. Великій естественникъ и словесникъ погрузился въ изученіе греческихъ, римскихъ и западноевропейскихъ писателей о древнихъ временахъ славянскаго міра, т. е. Ломоносовъ, очевидно, рѣшился взвѣсить силою своего таланта и своей европейской образованности грузъ нѣмецкой учености Байера, Миллера и другихъ. Провѣрка эта открыла широкое поле для самостоятельныхъ соображеній и выводовъ великаго русскаго человѣка. Еще авторы Синопсиса и за ними Татищевъ сознавали единство славянскихъ племенъ и собирали древнѣйшія извѣстія о славянахъ вообще. Ломоносовъ пошелъ по ихъ слѣдамъ, но открылъ болѣе глубокое начало, связывающее всѣхъ славянъ, начало, удерживаемое нашею наукою до сихъ поръ,—единство миѳологическихъ явленій славянскаго міра. Точно также, перебирая разныя теоріи своихъ предшественниковъ о началѣ нашей государственности, о призваніи князей, Ломоносовъ понялъ силою своего русскаго ума, что правда на сторонѣ тѣхъ его предшественниковъ, какъ авторы Синопсиса, которые ищутъ нашихъ призванныхъ князей въ поморской странѣ,—въ Пруссіи. Наши позднѣйшіе лѣтописцы, останавливающіеся на этой же окраинѣ славянскаго міра, а также Адамъ-Бременскій и Гельмольдъ, несомнѣнно знакомые Ломоносову, давали ему достаточное разъясненіе этого дѣла. Въ свое время мы увидимъ, что новѣйшія изысканія въ нашей наукѣ приводятъ къ тому же выводу,—къ призванію князей изъ поморской страны не прусской, а славянской. Словомъ, вся область русско-славянскихъ древностей давала Ломоносову богатыя средства установить свой, русскій взглядъ на вещи, и онъ здѣсь воздвигъ себѣ довольно прочный памятникъ.

Совсѣмъ другое положеніе было для Ломоносова въ области чисто-исторической, въ области русской лѣтописной письменности, въ которой даже неутомимый Татищевъ ограничился сво-

---

любопытныхъ изысканій. Къ сожалѣнію, она совсѣмъ не разъяснена въ исторіи академіи наукъ, составленной П. Пекарскимъ. Значительные матеріалы для этихъ изысканій, кромѣ указаннаго сочиненія А. С. Будиловича, собраны въ изысканіяхъ о трудахъ Ломоносова Билярскаго и В. И. Ламанскаго. Но остается сдѣлать еще много, напримѣръ, прослѣдить, что брали у Татищева и Ломоносова Миллеръ и Шлецеръ.

домъ разныхъ редакцій лѣтописей. Ломоносовъ зналъ, почему Татищевъ такъ съузилъ свою задачу. Сочиненіе Татищева — и первый томъ, и лѣтописный сводъ, были ему извѣстны. Зналъ онъ и то, какъ другіе превращали лѣтописный разсказъ въ прагматическое изложеніе. Ему были извѣстны не только Синопсисъ, но и Манкіевъ (въ рукописи) и даже Грибоѣдовъ. Онъ отдался было изученію сырого матеріала. Но громада неразработаннаго матеріала подавляла даже его силы. Онъ рѣшился бросить эту мозольную работу и надѣялся проникнуться сразу духомъ лѣтописнаго изложенія событій. Въ одномъ своемъ донесеніи 1753 г. онъ пишетъ, что читалъ лѣтописи, не дѣлая выписокъ, „чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ россійскихъ" [1]). Понятіе это сложилось ближе къ русскимъ образцамъ: Манкіеву, Синопсису и Грибоѣдову. Страдальцу отъ иноземцевъ, пѣвцу русской славы сроднѣе было направленіе этихъ авторовъ. Онъ подобно имъ пошелъ путемъ возвеличенія Россіи, но привнесъ и тутъ свою самобытную особенность. Онъ сталъ искать въ древнихъ временахъ Россіи осуществленія хорошо знакомыхъ ему доблестей греческаго и римскаго міра. Даже въ самомъ ходѣ русской исторіи онъ видѣлъ сходство съ историческимъ развитіемъ Рима. „Владѣніе первыхъ (римскихъ) королей соотвѣтствуетъ самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы; потомъ единоначальство кесарей представляетъ(ся) согласнымъ самодержавству государей московскихъ". С. М. Соловьеву [2]) кажется страннымъ такое сопоставленіе нашей исторіи съ римскою и греческою; однако въ нашей литературѣ послѣдняго времени существуетъ и общее сопоставленіе нашей государственности съ римскою, и, какъ увидимъ, обстоятельное, спеціальное изслѣдованіе, въ которомъ нѣкоторыя формы быта Новгорода и Пскова сближаются съ формами греческими и римскими.

Неизвѣстно, какія воззрѣнія высказывалъ Ломоносовъ въ своихъ сочиненіяхъ по русской исторіи о временахъ удѣльныхъ и о временахъ татарскаго ига, а также въ очеркахъ временъ самозванческихъ и жизни царей Михаила, Алексѣя и Өеодора. Объ утратѣ

---

[1]) Арх. Калач. т. 2, 1 пол., стр. 42. [2]) Тамъ же стр. 43.

или безвѣстности этихъ сочиненій нельзя достаточно высказать сожалѣнія. Мы не разъ еще увидимъ, что наши русскіе историки постоянно стремились къ уясненію временъ московскихъ, какъ къ центру тяжести русской исторіи. Тяга эта, очевидно, сказывалась и въ Ломоносовѣ, при всей широтѣ его образованія, естественно увлекавшаго въ область древностей, и при всей трудности для него занятій по русской исторіи.

Не подлежитъ дѣйствительно сомнѣнію, что занятіе исторіей было слишкомъ далеко отъ спеціальныхъ знаній Ломоносова, было начато имъ слишкомъ поздно и не могло дать удовлетворительнаго результата. Сознаніе немощи въ этомъ дѣлѣ сказалось въ донесеніяхъ Ломоносова о своихъ работахъ по русской исторіи, донесеніяхъ, носящихъ характеръ извиненій, оправданій въ запаздываніи этихъ работъ. Отразилось это сознаніе и на современникахъ Ломоносова, именно въ томъ, что трудъ его изданъ былъ, да и то не весь, только послѣ его смерти. Впрочемъ, тутъ дѣйствовали и другія причины. Въ академіи наукъ тогда уже былъ новый представитель нѣмецкихъ воззрѣній на русское историческое развитіе, извѣстный Шлецеръ, отравлявшій послѣдніе годы жизни Ломоносова и вызывавшій и съ его стороны самые желчные отзывы.

ГЛАВА VI.

Шлецеръ.

Еще въ то время, когда происходила страстная борьба разнородныхъ взглядовъ на русскую историческую жизнь, когда сознана была крайняя нужда имѣть систематическую русскую исторію и въ выполненіи этой задачи изнемогалъ неподготовленный къ ней великій Ломоносовъ, въ историческомъ развитіи нашей науки обозначилась новая струя, или, лучше сказать, ворвалась новая стремительная струя, произвела великую смуту въ тогдашней нашей академіи наукъ, быстро затѣмъ исчезла, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія, опять ворвалась, заволновала всѣхъ ученыхъ,

занимавшихся русскою исторіей, и многими надолго была признана самою лучшею, самою чистой струей въ нашемъ стремленіи къ научности отечественной исторіи. Это—струя научности Шлецеровой.

Теперь настали времена болѣе спокойнаго и болѣе научнаго отношенія къ Шлецеровой работѣ. Теперь болѣе и болѣе обнаруживается, что она и шуму надѣлала больше, чѣмъ слѣдовало, и новизны имѣетъ меньше, чѣмъ это могло прежде казаться, даже не совсѣмъ самобытна по отношенію къ предшествовавшимъ русскимъ трудамъ. Время теперь даже поднять вопросъ о томъ, больше ли пользы или вреда произошло отъ нея въ наукѣ русской исторіи.

Начало иноземства, заложенное въ Россіи мощною рукою Петра I, логически развивалось въ своихъ послѣдствіяхъ и прорывало даже такія преграды, какъ національное возбужденіе при Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II. Россія втягивалась въ западную Европу; западная Европа врывалась въ Россію.

Славное съ народной русской точки зрѣнія участіе Елисаветы въ семилѣтней войнѣ, показавшее всѣмъ, что Россія находитъ себѣ вреднымъ усиленіе ближайшей нѣмецкой державы—Пруссіи, и поворотъ Россіи къ полуславянской Австріи и къ плѣнявшей тогда всѣхъ своей цивилизаціей Франціи вызывали въ Европѣ новое вниманіе къ Россіи. Вниманіе это еще болѣе закрѣплялось торжественнымъ заявленіемъ русскаго патріотизма Екатериной II, вышедшей изъ этой самой, разбитой Россіей Пруссіи. Россія оказывалась достойной чести даже со стороны чванившихся высшими будто бы началами жизни ученыхъ подготовителей французской революціи. И нельзя имъ было не считать Россію достойною этой чести. Въ русскомъ обществѣ даже при Елисаветѣ съ неудержимою силою развивалось западно-европейское раздѣленіе между государствомъ и церковію, между свѣтскою и духовною жизнію, выражавшееся въ сильномъ невѣріи и безнравственности. Еще при Елисаветѣ, а тѣмъ болѣе при Екатеринѣ, то и другое послѣдствіе разъединенія государства и церкви стало осмысливаться, возводиться въ научную теорію. Французскіе энциклопедисты находили себѣ въ Россіи многочисленныхъ послѣдователей. Россія сильно выдвигалась въ ихъ глазахъ. Россіи предлагали свои научныя услуги даже такія знаменитости, какъ Вольтеръ, добившійся еще

при Елисаветѣ порученія написать исторію Петра I[1]) и при Екатеринѣ славившій русское самодержавіе.

Не могли же тянуться въ Россіи и старые ея просвѣтители—нѣмцы по дорогѣ еще болѣе проложенной ими и даже просто изъ-за соревнованія съ новыми завоевателями Россіи.

Миллеръ своимъ изданіемъ Sammlung russischer Geschichte и черезъ своего родственника, гетингенскаго профессора Бюшинга, тоже издававшаго заграницей статьи и памятники о Россіи, усиливалъ и въ ученой нѣмецкой средѣ интересъ къ нашему отечеству и въ частности къ русской исторіи. Этотъ же Миллеръ устроилъ у себя въ Петербургѣ какъ бы этапный пунктъ для молодыхъ нѣмцевъ, прибывавшихъ въ Россію искать себѣ счастія. Миллера озабочивала притомъ мысль найти въ средѣ этихъ молодыхъ нѣмцевъ помощника себѣ по разработкѣ русской исторіи и кстати вмѣстѣ и воспитателя для своихъ дѣтей[2]). Миллеръ забылъ основную мысль Петра и въ частности назначеніе нашей академіи наукъ, чтобы у насъ иноземцы-спеціалисты приготовляли себѣ русскихъ преемниковъ. Забвеніе это, какъ видимъ, дошло до того, что даже для русской исторіи старый нѣмецъ смѣло могъ выдвигать молодого нѣмца, даже при Ломоносовѣ. Забвеніе это, впрочемъ, не было дѣломъ памяти, а имѣло характеръ болѣе глубокаго недуга. Миллеръ сознавалъ смѣлость своего плана и однако проводилъ его. Самъ Шлецеръ раскрываетъ намъ намѣренія Миллера и значеніе его этапнаго пункта. „Они (т. е. прибывавшіе молодые нѣмцы), говоритъ онъ, обыкновенно обращались къ извѣстному своимъ великодушіемъ земляку ихъ Миллеру. Онъ принималъ ихъ къ себѣ въ домъ, давалъ имъ столъ и, чтобы лучше узнать ихъ, поручалъ разныя занятія, уроки, переписку—все въ надеждѣ найти наконецъ человѣка, котораго бы можно было склонить къ своимъ ученымъ работамъ“[3]). Но такого лица не оказывалось на этапномъ пунктѣ Миллера, и Миллеръ черезъ своего родственника Бюшинга обратился, въ 1760 г., къ гетингенскому ученому, профессору восточныхъ древ-

[1]) Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par Voltaire, 1775 an. avec portrait. Свѣдѣнія о составленіи этой исторіи — у С. М. Соловьева, т. 24, стр. 223 — 7. Хлопоты Вольтера начались еще въ 1745 г. Согласіе дано въ 1757 г. [2]) Истор. академіи наукъ Пекарскаго, т. 1, стр. 388. [3]) Ист. акад. наукъ Пек., т. 1, стр. 378.

ностей Михаелису за указаніемъ такого лица. Михаелисъ указалъ на даровитаго своего студента Августа Шлецера, который у него изучалъ эти древности, воспылалъ желаніемъ отправиться на востокъ, въ Египетъ, Палестину, и для этого зарабатывалъ деньги уроками въ Швеціи и сочиненіями тамъ же, а также въ Гамбургѣ и Любекѣ. Шлецеръ, по предложенію Михаелиса, и рѣшился ѣхать въ Россію съ мыслію всетаки потомъ поѣхать на востокъ. Но, ознакомившись у Миллера съ русскимъ языкомъ и русскими рукописными сокровищами, воспылалъ ревностію облагодѣтельствовать пока Россію разработкой ея исторіи. Миллеръ, еще призывая Шлецера въ Россію, рисовалъ ему въ яркихъ красках будущее его назначеніе. „Повидимому Россія есть поле, надъ которымъ работать предопредѣлено вамъ провидѣніемъ“, писалъ онъ къ Шлецеру еще до прибытія его въ Россію[1]), а когда Шлецеръ прибылъ къ нему (1761 г.) и показалъ въ первые же мѣсяцы усердіе и успѣхи въ изученіи русскаго языка, Миллеръ сталъ втягивать его въ историческую работу. По поводу какого либо разговора о Бухарѣ или Амурѣ, говоритъ Шлецеръ, Миллеръ велъ его въ свой кабинетъ, вытаскивалъ рукописи одну за другою, то русскія, то нѣмецкія, и приговаривалъ: „здѣсь работа и для васъ и для меня и для десятерыхъ другихъ на цѣлую жизнь“; но при этомъ отказывалъ Шлецеру въ просьбѣ дать какую либо рукопись, говоря: „будетъ еще время; не должно тoропиться“. Тутъ Шлецеръ видѣлъ и русскія лѣтописи, и воображеніе его сильно работало. Онъ убѣдилъ себя, что изученіе русскихъ лѣтописей—вторая завѣтная мечта его жизни послѣ путешествія на востокъ[2]).

Замѣчательные успѣхи и дарованія Шлецера побудили Миллера уже въ 1762 г. хлопотать о томъ, чтобы пристроить Шлецера къ академіи наукъ въ званіи адъюнкта. Миллеръ при этомъ обнаружилъ во всей ясности, чего онъ ждетъ отъ Шлецера. Онъ писалъ къ Михаелису, между прочимъ, слѣдующее: „Для публики было бы неоцѣненною потерею, когда бы значительное количество рукописей и рѣдкихъ книгъ, собранныхъ мною въ продолженіи тридцатилѣтняго моего пребыванія здѣсь, а также множе-

---

[1]) Тамъ же, Ист. ак. н. т. 1, стр. 374—5. [2]) С. М. Соловьевъ о Шлецерѣ, Русск. Вѣст., стр. 500.

ство моихъ, еще ненапечатанныхъ работъ, послѣ моей смерти которую представляю себѣ очень близкою, не были употреблены въ пользу способнымъ лицомъ“ [1]).

Въ одномъ изъ писемъ Миллера есть драгоцѣнное мѣсто, объясняющее взглядъ его на обязанности историка и въ настоящемъ случаѣ объясняющее его выборъ преемника: „Обязанности историка трудно выполнить, писалъ Миллеръ. Онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя. Я не требую, чтобы историкъ разсказывалъ все, что онъ знаетъ, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которыхъ нельзя разсказывать и которыя, можетъ быть, мало любопытны, чтобы раскрывать ихъ передъ публикою; но все, что говоритъ историкъ, должно быть истинно и никогда онъ не долженъ давать поводъ къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія въ лести“ [2]). Кто же, кромѣ нѣмца, могъ быть такимъ историкомъ и преемникомъ Миллера, т. е. безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя?

Москва неодолимая, куда Миллеръ былъ передвинутъ въ 1765 г., не безъ участія Шлецера, заставила его возложить эти упованія на русскихъ; но теперь, въ Петербургѣ Миллеръ не могъ совершить такого быстраго скачка, хотя самъ же Шлецеръ разочаровывалъ его въ его нѣмецкихъ упованіяхъ.

Шлецеръ обидѣлся скромнымъ положеніемъ адъюнкта, бросилъ Миллера, поступилъ въ число учителей дѣтей президента академіи Разумовскаго и пріобрѣлъ себѣ благоволеніе и другихъ сильныхъ людей, дѣти которыхъ учились у него вмѣстѣ съ дѣтьми Разумовскаго.

И практическій разсчетъ и необузданное самопоклоненіе побудили Шлецера искать этого благоволенія. Онъ съ первыхъ шаговъ на русской землѣ сталъ обнаруживать невыносимое самохвальство и глумленіе надъ другими. Находя для себя унизительною и скудною по средствамъ должность адъюнкта, Шлецеръ пишетъ: „Что были за люди, которые славились тогда своими познаніями въ русской исторіи? Люди безъ всякаго ученаго образованія, люди, которые читали только свои лѣтописи, не зная что внѣ Россіи существовала исторія, люди, которые не знали другаго языка кромѣ своего отечественнаго: Татищевъ зналъ

---

[1]) Ист. ак. н., т. 1, стр. 379. [2]) Ист. Ак. наукъ, т. 1, стр. 381.

только по-нѣмецки, князь Щербатовъ только по-французски... Я былъ, говоритъ Шлецеръ въ своей автобіографіи, ученый критикъ... Я былъ въ этомъ отношеніи единственный человѣкъ въ Россіи“ [1]).

Даже Миллеръ, по суду Шлецера, какъ исторіографъ, сдѣлалъ очень мало (хотя отчасти и не по своей винѣ, снисходительно прибавляетъ Шлецеръ). Впослѣдствіи, въ своемъ Несторѣ Шлецеръ увеличилъ списокъ дурныхъ русскихъ историковъ именемъ Ломоносова, о которомъ, какъ и о Татищевѣ и Щербатовѣ, выражается, что онъ не могъ издать ничего полезнаго (по русской исторіи, разумѣется) [2]). Только Болтина онъ признаетъ знатокомъ русской исторіи, но и его осуждаетъ за мнѣнія о призваніи князей. Вообще Шлецеръ признавалъ, что русская исторія не только не существовала, но и не могла быть изучаема [3]), не только по неразработанности первѣйшихъ источниковъ, но и потому что нѣтъ научной обработки языка, нѣтъ хорошей грамматики. Въ одномъ мѣстѣ своего Нестора Шлецеръ еще хуже отзывается о наукѣ русской исторіи.

„Все, до сихъ поръ въ Россіи напечатанное, ощутительно дурно, недостаточно и невѣрно“ [4]). Тутъ уже и Болтинъ забытъ. „Но исторія Россіи, говоритъ Шлецеръ, должна быть создана и прежде должны быть приготовлены средства къ этому“. Шлецеръ и счелъ себя призваннымъ все это сдѣлать. Онъ составилъ свою грамматику, въ которой приложилъ къ русскому языку высшія филологическія начала, достойныя всякаго уваженія (родство всѣхъ европейскихъ языковъ); но рядомъ съ тѣмъ выходили и такія, напримѣръ, странности, что слово бояринъ происходитъ отъ словъ: баранъ или дуракъ; дѣва—отъ нѣмецкаго Dieb (воръ), или нижне-саксонскаго Tiffe (сука) и т. п. [5]). Несравненно удачнѣе планъ Шлецера касательно разработки русскихъ лѣтописей. Онъ требовалъ 1. критической обработки лѣтописей,—сличенія редакцій и очищенія текста; 2. грамматической, т. е. объясненія текста при помощи сравнительной грамматики, и 3. исторической обработки, т. е. сличенія лѣтописей и другихъ памятниковъ по содержанію [6]).

Никто не станетъ отнимать чести у Шлецера за научную по-

---

[1]) Соловьевъ о Шлецерѣ. стр. 501. [2]) Тамъ же, стр. 533. [3]) Тамъ же, стр. 518. ([4] Несторъ Шлецера, т. 1, стр. 325. [5]) Пекар. Ист. ак. наукъ, т. 2, стр. 835. [6]) Соловьевъ о Шлец. Р. Вѣст. 1856, стр. 518.

становку вопроса о разработкѣ нашихъ лѣтописей; но вопіющею неправдою было бы закрывать глаза передъ тѣмъ, что Шлецеръ взялъ въ основу этой постановки чужую работу, именно Татищева. Несправедливо также было бы забывать о томъ, что этимъ же дѣломъ занимался уже тогда Болтинъ, не говоря уже о Ломоносовѣ. Наконецъ нельзя забывать, что Шлецеръ, по необузданной своей гордости и самомнѣнію, задался фантастическою цѣлью воспроизвесть подлинный текстъ Нестора. Словомъ, во всемъ этомъ дѣлѣ сказалось: большое знакомство Шлецера съ научными пріемами (честь принадлежащая прежде всего тогдашнимъ профессорамъ гетингенскаго университета), но еще большая его гордость и наконецъ еще большее тогдашнее его невѣжество въ русской письменности. Но Шлецеръ пошелъ еще дальше. Онъ не только задумалъ создать русскую исторію, но задумалъ облагодѣтельствовать Россію сообщеніемъ ей исторіи другихъ народовъ и не въ многотомныхъ изданіяхъ, какъ это дѣлала академія наукъ, а въ популярныхъ изданіяхъ, доступныхъ возможно большему числу русскихъ читателей,—мысль прекрасная и составлявшая назначеніе академіи наукъ, но самозванная со стороны Шлецера. Лучше всего самъ Шлецеръ освѣщаетъ это свое самозванство. „Я дѣлалъ, говоритъ онъ въ своемъ Несторѣ, обширныя начертанія соразмѣрныя величію государства и богатству исторіи онаго,—начертанія, долженствовавшія объять все, и для исполненія которыхъ нужно было всемогущество Екатерины II-й; и дѣйствительно, въ самое то время, въ царствованіи сея великія жены заблисталъ новый свѣтъ и въ русской словесности. Но всѣ мои патріотическія и космополитическія (т. е. нѣмецкія) желанія подавлялись густымъ туманомъ, окружавшимъ тогда академію“ [1]).

Въ дѣйствительности было далеко не такъ. Планъ этотъ подавлялся собственною его громадностію и несостоятельностію самаго Шлецера. Но кромѣ того онъ подавлялся невѣроятною напыщенностію Шлецера, возмущавшаго всѣхъ. Чувства эти вѣрно выразилъ, хотя и въ весьма грубой формѣ, Ломоносовъ. Разбирая проектъ Шлецера касательно разработки русской исторіи и стараясь очевиднѣе доказать несостоятельность автора его, Ломоносовъ прибѣгъ опять къ своей спеціальности, но не по химіи, а по

[1]) Нест. Шлец., т. I, предисл. 33—4.

словесности. Указавъ вышеприведенныя нелѣпыя, обидныя для русскихъ филологическія открытія Шлецера, Ломоносовъ говоритъ: „Изъ сего заключить можно, какихъ гнусныхъ пакостей не наволобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная къ нимъ скотина“ [1]).

Какія именно пакости можетъ учинить Шлецеръ, тогда т. е. 1762—4 г. было весьма ясно не только Ломоносову, но даже и Миллеру. Оба они навѣрное знали, что одна корысть руководитъ Шлецеромъ, что онъ не намѣренъ служить Россіи, а вредить ей очень способенъ,—онъ соберетъ ея памятники, увезетъ заграницу и тамъ будетъ наживать деньги и славу. Подозрѣнія эти были основательны. Шлецеръ уже доказалъ свое предательство. Онъ тайно послалъ заграницу напечатать рѣчь Миллера, позорящую Россію [2]). Въ 1764 г., передъ отпускомъ заграницу Шлецера, у него было много рукописей и когда, вслѣдствіе доноса Ломоносова, Таубертъ, спасая Шлецера, забралъ у него до обыска бывшія у него рукописи, то Шлецеръ, по собственному его признанію, успѣлъ припрятать въ пергаменный переплетъ арабскаго лексикона таблицы о народонаселеніи Россіи, о привозныхъ и вывозныхъ товарахъ, о рекрутскомъ наборѣ и т. п. [3]).

Такимъ образомъ, возникалъ вопросъ не только о научной несостоятельности Шлецера, но и объ его крайней политической неблагонадежности. Шлецеръ ясно видѣлъ, что обычнымъ путемъ ему ничего не добиться. Онъ вступилъ на необычный путь. При посредствѣ сильныхъ людей — генералъ рекетмейстера Козлова и секретаря императрицы Теплова, дѣти которыхъ учились у Шлецера вмѣстѣ съ дѣтьми Разумовскаго, онъ вызвалъ особенное вниманіе къ себѣ Екатерины, которая и создала ему необычайное положеніе. Онъ просилъ всемилостивѣйшаго соизволенія продолжать начатые труды „подъ собственнымъ ея величества покровительствомъ, въ безопасности отъ притѣсненій и всякаго рода препятствій обработать прагматически древнюю русскую исторію отъ начала монархіи до пресѣченія Рюрикова дома, по образцу

[1]) Истор. акад. наукъ т. 2, стр. 835 — 6. Тамъ указаны первон. сочин. Ломоносова, Соловьевъ. Ист. Россіи, т. 26, стр. 307. [2]) Ист. ак. наукъ, т. I, стр. 405. [3]) Ист. ак. н. т. 2, стр. 829 — 30. Самъ Шлецеръ сознается и въ томъ, что въ 1764 г. онъ задумалъ оставить Россію и въ Германіи издать свои Rossica, т. е. пріобрѣтенные матеріалы по русской исторіи и статистикѣ. Соловьевъ Истор. Россія, т. 26, стр. 305.

всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, согласно съ вѣчными законами исторической истины, и добросовѣстно, какъ слѣдуетъ вѣрнѣйшему (!) ея величества подданному“ [1]).

Въ началѣ 1765 г. Шлецеръ по повелѣнію Екатерины сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ академіи наукъ съ условіемъ пробыть въ Россіи пять лѣтъ и поставленъ подъ особое покровительство людей, довѣренныхъ государыни [2]).

Изъ этихъ условленныхъ контрактомъ пяти лѣтъ Шлецеръ пробылъ въ Россіи только три и въ это время ознаменовалъ свою дѣятельность весьма скромными дѣлами. При содѣйствіи неутомимаго труженика Башилова, Шлецеръ на русскомъ языкѣ только переиздалъ русскую Правду и началъ издавать никоновскую лѣтопись. Самостоятельныя его работы удостоились изданія только на иностранныхъ языкахъ. Онъ издалъ опытъ русскихъ лѣтописей (Probe russischer Annalen) и статью на латинскомъ языкѣ: Memoriae slavicae. Къ 1767 г. его взяло глубокое раздуміе. Онъ сталъ соображать, что въ Россіи выгоды не отвѣчаютъ его трудамъ и заслугамъ, тогда какъ заграницей ему будетъ гораздо выгоднѣе,—и профессорствовать лучше и книги издавать удобнѣе. Предметомъ этихъ выгодъ, конечно, были не восточныя древности а Россія, которую онъ достаточно изучилъ для этихъ выгодъ. Поэтому онъ даже до срока контракта, именно въ 1767 г., уѣхалъ изъ Россіи и болѣе не возвращался. Жилъ онъ въ Гетингенѣ сначала по отпуску, затѣмъ къ концу контракта много торговался съ академіей, требовалъ большихъ денегъ за службу Россіи и когда получилъ предложеніе служить на прежнихъ условіяхъ, то совсѣмъ остался въ Гетингенѣ и занялъ профессорское мѣсто въ тамошнемъ университетѣ. Впрочемъ, во исполненіе контракта, онъ продолжалъ трудиться для Россіи въ прежнемъ скромномъ направленіи. Черезъ того же Башилова издалъ Судебникъ Іоанна III и, наконецъ, какъ доказательство, что онъ не даромъ связалъ себя контрактомъ съ академіей, въ 1769 г. издалъ на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ первую часть весьма

---

[1]) Сол. о Шлец. Р. В. стр. 524. Чтобы судить объ искренности вѣрноподданническихъ чувствъ Шлецера нужно вспомнить, что тогда академія наукъ предлагала ему навсегда остаться въ Россіи, а онъ никакъ на это не соглашался. [2]) Ист. ак. наукъ, т. 2, стр. 840—1.

краткой и давно имъ составленной исторіи Россіи до основанія Москвы т. е. до 1147 г., переизданную потомъ и по-русски подъ заглавіемъ: Изображеніе россійской исторіи.

Самъ Шлецеръ говоритъ, что эта книжка составлена для дѣтей, что за нее онъ не стоитъ и даже заявляетъ, что для серьезныхъ читателей, а тѣмъ болѣе для ученыхъ историковъ-критиковъ онъ не способенъ написать связной русской исторіи. Неизвѣстно, что это значитъ: неразработанность ли русской исторіи или безсиліе самаго Шлецера; но несомнѣнно, что онъ забылъ при этомъ собственныя обѣщанія 1764 г. Впослѣдствіи Шлецеръ самъ признаетъ прямо свою несостоятельность исполнить эти обѣщанія. Въ предисловіи къ своему Нестору, изданному по нѣмецки въ 1802 г., Шлецеръ, послѣ изложенія вышеприведеннаго широкаго своего плана, говоритъ: „Теперь я сдѣлался хладнокровнѣе и воздержнѣе въ моихъ предположеніяхъ. Отказываюсь отъ всеобъемлющаго начертанія или отдаю на произволъ судьбы, управляющей мощною и благодѣтельною десницею Александра I-го, а ограничиваюсь только Несторомъ и его ближайшимъ продолжателемъ съ небольшимъ до 1200 г.

Этотъ то Несторъ, явившійся въ печати спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ того, какъ Шлецеръ надѣлалъ у насъ столько шуму, и составляетъ единственный серьезный трудъ Шлецера. На русскій языкъ онъ переведенъ Языковымъ и изданъ въ трехъ частяхъ на пространствѣ времени отъ 1809 до 1819 г.

Въ сочиненіи этомъ лѣтопись Нестора, т. е. начальная лѣтопись обработана по 12 печатнымъ и 9 рукописнымъ спискамъ.

Всѣ эти списки Шлецеръ и описываетъ; но въ заключеніи говоритъ, что изъ этихъ 21 списка онъ пользовался собственно 15, потому что прочіе или начинаются позже, или въ нихъ недостаетъ начала (предисловіе стр. VII—VIII), а въ другомъ мѣстѣ этого же предисловія признается, что здѣсь (въ Несторѣ), онъ употребилъ собственно только 13 рукописныхъ и печатныхъ списковъ (стр. XI — XII). Въ дѣйствительности онъ обрабатываетъ текстъ лѣтописи по четыремъ, пяти спискамъ. Обработка сдѣлана по вышеприведенному плану Шлецера. Сличивъ списки, Шлецеръ отбрасываетъ то, что ему кажется позднѣйшимъ прибавленіемъ, искаженіемъ, и возстановляетъ воображаемый имъ подлинный текстъ Нестора. Пріемъ его таковъ: сначала онъ

печатаетъ данную часть текста по имѣющимся у него спискамъ, обозначая варіанты ихъ. Затѣмъ сводитъ въ одно, что ему кажется подлиннымъ, и даетъ очищенный текстъ Нестора, Всю эту работу онъ сопровождаетъ многочисленными примѣчаніями, въ которыхъ кромѣ разбора варіантовъ текста лѣтописи, приводитъ въ объясненіе текста свидѣтельства изъ греческихъ, восточныхъ и западныхъ писателей. Эта работа обыкновенно располагается въ видѣ примѣчаній къ лѣтописному тексту. Это въ свою очередь повело Шлецера къ изслѣдованію древностей славянскихъ или такихъ-же древностей сѣверныхъ странъ т. е. повело его въ ту же область, въ которой вращался Байеръ. Результаты оказались тѣже, что и у Байера. Даже послѣдователи такъ называемой норманской школы соглашаются, что къ изслѣдованіямъ Байера Шлецеръ не прибавилъ ничего существеннаго. Но это не совсѣмъ справедливо. Шлецеръ прибавилъ весьма смѣлую опору главнѣйшему положенію Байера, именно тому, что до призванія князей русскіе не знали цивилизаціи и ею обязаны германскому элементу. Онъ даже значительно видоизмѣняетъ постановку самаго дѣла.

Байеръ свое положеніе основываетъ главнымъ образомъ на иноземныхъ свидѣтеляхъ о состояніи страны, сдѣлавшейся извѣстною подъ именемъ Россіи. Шлецеръ подрываетъ значеніе большей части иноземныхъ писателей, но зато подкрѣпляетъ положеніе Байера научнымъ изслѣдованіемъ первѣйшаго русскаго источника—начальной лѣтописи и, сличая ее съ иноземными свидѣтелями, приходитъ къ выводу, что иноземные свидѣтели не имѣютъ въ сравненіи съ лѣтописью большею частью никакого значенія для русской исторіи [1]), но сама эта лѣтопись говоритъ будто бы о дикомъ состояніи славянскихъ племенъ и о томъ, какъ они

---

[1]) „Несторъ есть первый и единственный отечественный источникъ русской исторіи до 1154 г. Несторъ есть первый, древнѣйшій, единственный, по крайней мѣрѣ, главный источникъ для всей славянской, летской и скандинавской исторіи сего періода". Признавая нѣкоторое значеніе только за Іорданомъ и Прокопіемъ, Шлецеръ о другихъ писателяхъ говоритъ слѣдующее: „Писанное Дитмаромъ и даже современникомъ Несторовымъ Адамомъ (Бременскимъ) есть не иное что, какъ отрывки и не значитъ ничего. Византійцы узнали Русь только со времени Игоря. Польскія хроники всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла; истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выкрадена изъ Нестора, а безсмыслеинница принадлежитъ имъ собственно". Нест. Шлец. ч. 1, стр. 423 и далѣе.

изъ него вышли. „Да не прогнѣваются патріоты, говоритъ Шлецеръ, что исторія ихъ не простирается до столпотворенія, что она не такъ древня, какъ исторія эллинская и римская, даже моложе нѣмецкой и шведской. Предъ сею эпохой (т. е. призваніемъ князей) все покрыто мракомъ, какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ, съ которыхъ поръ и откуда сюда зашли, но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, люди неотличившіеся ничѣмъ, не имѣвшіе никакого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ европейцемъ. Княвья новгородскіе и государи кіевскіе до Рюрика принадлежатъ къ бреднямъ исландскихъ старухъ, а не къ настоящей русской исторіи; на всемъ сѣверѣ русскомъ до половины IX вѣка не было ни одного настоящаго города. Дикіе, грубые, разсѣянные славяне начали дѣлаться общественными людьми только благодаря посредству германцевъ, которымъ назначено было судьбою разсѣять въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ мірахъ первыя сѣмена цивилизаціи“ [1]).

Вотъ, это то основное положеніе, высказанное еще Байеромъ и было главною причиною, почему Шлецеръ придавалъ такое значеніе нашей начальной лѣтописи и такъ много положилъ труда на ея разработку съ этой стороны. Но трудъ, вызванный такой предвзятой мыслію и веденный съ такою односторонностію, не могъ долго удержать своего значенія въ наукѣ.

Кромѣ фантастическаго возстановленія подлиннаго текста Нестора, о чемъ мы уже говорили, изъ труда Шлецера пали въ нашей наукѣ: и дикое состояніе русскихъ до призванія князей, и невозможность будто бы найти что либо вѣрное въ древнихъ иноземныхъ свидѣтельствахъ; пали большею частью даже его объясненія текста начальной лѣтописи, а тѣмъ болѣе его предубѣжденія противъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ. Удержалъ значеніе его научный пріемъ, т. е. строгость, выдержанность изученія дѣла [2]). Но, очевидно, это формальное качество труда Шле-

---

[1]) Т. 1, стр. 418, 419; т. 2, стр. 178—80. [2]) Въ недавно появившемся второмъ выпускѣ исторіи русскаго права Д. Я. Самоквасова собраны богатыя данныя, ниспровергающія прославленную научность Шлецера. Не мало ихъ есть и въ первомъ томѣ исторіи русской жизни И. Е. Забѣлина.

цера. Оно, конечно, можетъ имѣть нѣкоторое воспитательное значеніе. Самъ Шлецеръ во второмъ томѣ указываетъ на это именно значеніе его труда, къ которому приглашаетъ и русскихъ молодыхъ людей (стр. 126) и нѣмецкихъ (131—132). Съ этой стороны сочиненіе Шлецера, повторяемъ, имѣетъ значеніе и съ нимъ слѣдуетъ ознакомиться всякому молодому специалисту, но, слѣдуя совѣту самаго Шлецера, ни въ чемъ ему не вѣрить на слово и — нужно прибавить еще одну предосторожность — никогда не разбирать памятниковъ такъ тенденціозно. Фактическое значеніе удержали лишь нѣкоторыя его объясненія текста лѣтописи иностранными источниками. По этому вопросу и самъ Шлецеръ работалъ и добылъ Россіи усерднаго работника въ лицѣ извѣстнаго намъ Стриттера. Этимъ вопросомъ и до сихъ поръ много занимаются, но, конечно, не въ той узкой рамкѣ позднѣйшихъ писателей, какую назначилъ Шлецеръ.

Безъ сомнѣнія, было бы весьма рѣзко и несправедливо сказано, если бы выразиться, что Шлецеръ былъ въ нашей наукѣ тоже, что Биронъ въ русской государственности,—рѣзко и несправедливо уже потому одному, что Шлецеръ былъ неизмѣримо даровитѣе и образованнѣе Бирона; но въ этомъ сравненіи найдется кое что вѣрнаго, если всмотрѣться въ него внимательно и спокойно. Оба они—и Биронъ и Шлецеръ вносили въ нашу жизнь нѣкоторый порядокъ (вѣдь и Бирона хвалили за это и ближайшія свидѣтели, какъ Щербатовъ, и новѣйшіе ученые, какъ Соловьевъ). Оба — они, и Биронъ, и Шлецеръ совершенно одинаково относились къ русскимъ людямъ съ величайшимъ презрѣніемъ и къ Россіи почти съ одинаковымъ корыстолюбіемъ. Наконецъ, оба почти одинаково утверждали свой авторитетъ съ истинно нѣмецкою наглостію. Русскіе современники, видѣвшіе предъ собою вполнѣ созрѣвшаго въ этихъ качествахъ Шлецера, но еще не созрѣвшаго въ научности, вѣрнѣе его поняли, и или отворачивались отъ него или проходили мимо, продолжая свое дѣло, какъ будто и не было Шлецера между ними. Но когда Шлецеръ удалился изъ Россіи, окрѣпъ въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ въ наукѣ и выступилъ со своимъ Несторомъ, то русская мягкость, совѣстливость и искреннее уваженіе къ научности, чья бы она ни была, и какъ бы горька ни была для родного чувства, долго заставляли насъ платить непомѣрно высокую дань нѣмецкому

патріотизму Шлецера и его заблужденіямъ и долго мѣшали дать ему подобающее въ нашей наукѣ мѣсто. Ниже мы увидимъ, кто платилъ Шлецеру эту дань и кто сталъ назначать ему подобающее мѣсто.

ГЛАВА VII.

Разработка науки русской исторіи во второй половинѣ XVIII ст. независимо отъ Шлецера.

Разработка русской исторіи въ Петербургѣ. Мы говорили, что современники ближе къ истинѣ понимали Шлецера и что и въ то время, когда онъ жилъ въ Россіи, и послѣ его отъѣзда заграницу до появленія его Нестора, т. е. въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ наша наука развивалась своимъ путемъ. Замѣтить на этомъ пути какіе либо слѣды Шлецерова вліянія очень трудно.

Двѣ главныя задачи въ нашей наукѣ занимали русскихъ людей того времени, интересовавшихся русскою исторіей: одни сильно желали имѣть хорошую, прагматическую исторію, другіе, предоставляя это дѣло будущему, сильно выдвигали требованіе документальности, и направляли свои силы на разработку источниковъ русской исторіи. Тѣхъ и другихъ объединяло глубокое сознаніе, что русское прошедшее достойно изученія и обязательно для русскаго человѣка.

Сознаніе это было очень распространено во времена Елисаветы и Екатерины. Послѣ страшнаго разгрома русской интеллигенціи, систематически продолжавшагося почти 60 лѣтъ (со смерти царя Θеодора и до Елисаветы Петровны—1682—1740) время Елисаветы и Екатерины II, было по преимуществу интеллигентное. Такое богатство свободно выроставшихъ и свободно устроявшихся образованныхъ русскихъ силъ не могло не направиться и на изученіе своего прошедшаго. Настроеніе это отразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ тѣ времена многіе воскрешали въ своей памяти свое личное и общественное прошедшее и составляли записки, въ которыхъ нерѣдко касались и историческихъ фактовъ. Таковы записки: Наталіи Долгоруко-

вой, Нащокина, Болотова, Шаховскаго и друг.[1]). Но у другихъ возникали и болѣе настойчивые вызовы знать не только семейное прошедшее, но и вообще прошедшее своей родины. Уже одни государственныя преобразованія въ тѣ времена, какъ, напримѣръ, подготовленная Елисаветой и двинутая Екатериной коммиссія для составленія уложенія, заставляли русскихъ людей обращать взоры на свое прошедшее и въ немъ искать указаній для правильнаго рѣшенія современныхъ дѣлъ, а великій Ломоносовъ и за нимъ Державинъ, выдвигавшіе такъ смѣло и могущественно самобытное величіе русскаго слова, какъ бы воскресшаго со всѣми его многовѣковыми сокровищами, закрѣпляли еще болѣе это направленіе.

Въ самомъ началѣ этого направленія, еше въ царствованіе Елисаветы Петровны выростали физически и научно два замѣчательныхъ человѣка, которые вдали отъ нѣмецкаго шума о русскихъ древностяхъ продолжали старую разработку исторіи своего отечества. Мы разумѣемъ князя Щербатова и генерала Болтина. Оба они родились почти одновренно,—Щербатовъ въ 1733 г. Болтинъ въ 1735 г. Оба увидѣли свѣтъ на окраинахъ этнографической Россіи,—Щербатовъ въ Архангельскѣ, Болтинъ въ Казани. Оба они умерли почти одновременно,—Щербатовъ въ 1790 г. Болтинъ въ 1792 г. Сходство идетъ дальше и глубже. Оба съ великою любовію занимались исторіей Россіи; оба глубоко вдумывались въ самобытныя ея особенности и съ сочувствіемъ останавливались на этихъ своеобразностяхъ въ допетровскія времена. Но гораздо рѣзче и глубже, чѣмъ это сходство, было различіе между ними во взглядахъ на наше прошедшее, въ пріемахъ изученія его, и наконецъ ихъ разъединяла открытая, останавливавшая на себѣ всеобщее вниманіе литературная борьба.

Кн. М. М. Щербатовъ. Щербатовъ былъ замѣчательно образованный по своему времени человѣкъ въ смыслѣ свѣтскаго образованія и отличался большею начитанностію. Послѣ него осталась громадная библіотека въ 50 тысячъ томовъ. Съ этимъ образованіемъ соединялъ онъ поразительную гуманность и въ то же время неподкупное правдолюбіе. Екатерина поручала ему раз-

[1]) Записки Долгоруковой изданы въ Русск. Арх. за 1867 г.; записки Нащокина и Шаховскаго въ Соврем. за 1855 г. въ 52 т.; записки Болотова въ Русск. Старинѣ и особымъ изданіемъ.

слѣдованіе злоупотребленій; ярославское дворянство избрало его своимъ депутатомъ въ коммиссію по составленію уложенія. Высокая нравственность заставила его взглянуть съ этой точки зрѣнія и на русское историческое развитіе, и онъ сталъ поборникомъ старыхъ русскихъ, болѣе чистыхъ нравовъ, старой русской корпоративности. Эти взгляды онъ высказалъ въ замѣчательномъ своемъ трактатѣ — О поврежденіи нравовъ въ Россіи[1]), въ которомъ нарисовалъ мрачную картину вредныхъ послѣдствій петровскихъ преобразованій,—картину разрушенія старой русской чести и русской службы[2]).

Этотъ то замѣчательный человѣкъ взялся написать русскую исторію. Екатерина, узнавшая о его занятіяхъ русской исторіей, открыла ему кабинетъ Петра и потомъ всѣ государственные архивы. Онъ былъ въ особенно близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ Миллеромъ, которому не совсѣмъ вѣрно приписывалъ большое вліяніе на свой трудъ[3]). Кромѣ многочисленныхъ лѣтописей и актовъ, Щербатову были извѣстны: Синопсисъ, Манкіевъ, Татищевъ и Ломоносовъ. Въ этой массѣ источниковъ и пособій онъ разобрался слѣдующимъ образомъ. Щербатовъ понялъ, что русскія древности излишне загромождены нѣмецкою научностію и что новый разборъ ихъ превосходитъ его силы. Поэтому онъ, хотя не мало ими занимается, но излагаетъ ихъ, такъ сказать, для свѣдѣнія читателя, какъ чужія вещи, сопоставляя лишь чужія мнѣнія, мало прибавляя своего и прямо заявляя, что точности, опредѣленности тутъ нѣтъ. „Въ семъ состоитъ, заключаетъ онъ свой трактатъ о древностяхъ, все то, что я могъ собрать касающееся до сихъ древнихъ народовъ, населяющихъ сіи пространныя сѣверныя страны, знаемыя подъ именами Сарматіи и Скиѳіи европейскихъ. Но все столь смутно и безпорядочно, что изъ сего никакого слѣдствія исторіи сочинить невозможно"[4]).

Въ главнѣйшемъ вопросѣ этихъ древностей,—о призваніи князей,—вопросѣ, который непремѣнно требовалъ дать какое либо рѣшеніе, Щербатовъ послѣдовалъ главнымъ русскимъ авто-

---

[1]) Издано по подлинной рукописи въ Русской Старинѣ за 1870—1 г. [2]) Это—жестокая критика, можно сказать, всей нашей жизни въ прошедшемъ столѣтіи съ Петра до 1788—9 г. когда Щербатовъ писалъ это изслѣдованіе. Лица царскія и всѣ главнѣйшія правительственныя очерчены весьма откровенно и весьма рѣзко. [3]) См. т. 1, предисловіе, стр. XIV. [4]) Т. 1, стр. 87.

ритетамъ—Синопсису и Ломоносову, и выводитъ нашихъ князей изъ Пруссіи; но онъ не остался и безъ вліянія Татищева и Миллера. Онъ допускаетъ, что князья могли быть призваны и не изъ Пруссіи, а изъ Финляндіи или Лифляндіи, и наконецъ склоняется къ тому выводу, что князья во всякомъ случаѣ были нѣмцы, какъ и называютъ ихъ, говоритъ онъ, нѣмцами многіе наши лѣтописи, т. е. позднѣйшія.

Гораздо болѣе самостоятельнымъ былъ Щербатовъ въ изложеніи достовѣрной русской исторіи, которую онъ довелъ до начала XVII вѣка, именно до 1610 г. Онъ прямо заявляетъ, что отдаетъ рѣшительное предпочтеніе своимъ отечественнымъ памятникамъ, и дѣйствительно онъ много надъ ними работалъ, изучалъ хронологію, генеалогію и сильно вдумывался въ явленія нашей жизни. Нѣкоторыя изъ его соображеній и выводовъ не лишены значенія. Такъ, преемство русскихъ князей удѣльнаго періода не по прямой линіи онъ объясняетъ воинственностію того времени, требовавшею, чтобы на престолѣ былъ взрослый человѣкъ; отмѣчаетъ зарожденіе самодержавія въ дѣлахъ суздальскихъ князей; объясняетъ перемѣну въ Іоаннѣ IV главнымъ образомъ вліяніемъ дурныхъ людей, и хотя дурно думаетъ о Курбскомъ, но считаетъ непозволительнымъ заподозрить его разсказъ о мучительствахъ Іоанна IV; успѣхъ самозванцевъ объясняетъ, между прочимъ, интригами бояръ, надѣявшихся справиться съ самозванцами и самимъ добиться престола[1]).

Главнѣйшій для него образецъ въ изложеніи—Синопсисъ, но онъ его дополняетъ и его же главнѣйшимъ источникомъ—Стрыйковскимъ и позднѣйшими лѣтописями.

Трудолюбіе, желаніе найти истину поразительны въ трудѣ Щербатова; но небольшая даровитость и недостатокъ зрѣлой подготовленности были причинами многочисленныхъ его ошибокъ, а необыкновенно тяжелый слогъ давалъ еще больше чувствовать недостатки его громаднаго труда[2]) и заслонялъ его дѣйствительныя достоинства.

И. Никит. Болтинъ. Къ несчастію Щербатова, при немъ и послѣ него въ ближайшее время, обработка нашей науки пошла такъ быстро, что достоинства труда Щербатова были заслонены

---

[1]) Т. VII, кн. XV, стр. 205. [2]) 5 частей въ 15 томахъ. Изданы въ 1770—92 гг.

еще больше, а недостатки его стали еще яснѣе и оказывались для многихъ даже единственными его особенностями. Это несчастіе прежде всѣхъ создалъ Щербатову его сверстникъ Болтинъ, даровитѣйшій и ученѣйшій изъ изслѣдователей того времени въ области нашей науки. И мѣсто рожденія, и служба подлѣ Кіева (въ васильковской таможнѣ) въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ въ канцеляріи Потемкина, и особенно дружба съ извѣстнымъ собирателемъ русскихъ древностей Мусинымъ-Пушкинымъ, безъ сомнѣнія, не мало располагали Болтина къ изученію русскаго прошедшаго. Но Болтинъ накоплялъ это богатство знаній чисто какъ любитель и только случайное обстоятельство открыло тогдашнему русскому обществу, что въ средѣ его выросъ и окрѣпъ талантливый знатокъ русской исторіи.

Въ 1874 г. вышла въ Парижѣ исторія Россіи бывшаго у насъ докторомъ и почетнымъ членомъ академіи наукъ Клерка или Ле-Клерка подъ заглавіемъ: Histoire de la Russie, naturelle et morale, politique... ancienne et moderne, въ 6 томахъ. Въ исторіи этой, въ которой авторъ самъ рекомендуетъ себя человѣкомъ, долго жившимъ въ Россіи и много знающимъ, собрано съ истинно французскимъ легкомысліемъ все, что только могли выдумать злостные и насмѣшливые иноземцы на Россію.

Такъ, Ле-Клеркъ, воспроизводя мнѣніе нашихъ ученыхъ нѣмцевъ, что русскій народъ до призванія князей былъ въ дикомъ состояніи, распространяетъ это мнѣніе и на послѣдующія времена. По его мнѣнію, русскій народъ и теперь полуязыческій; духовенство его имѣло право жизни и смерти; Никонъ отмѣнилъ всѣ церковные законы; до Петра Россія не имѣла гражданскихъ законовъ. „Ложь и клевета, съ коими сочинитель злословитъ вообще Россію, говоритъ Болтинъ, пристрастіе, съ коимъ переиначиваетъ онъ дѣла, наиболѣе извѣстныя, наглость, съ которою рѣшительно говоритъ о вещахъ, совершенно ему неизвѣстныхъ, нелѣпость разсужденій, пустота доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки“... заставили Болтина измѣнить благопріятное мнѣніе объ авторѣ, какое онъ имѣлъ, приступая къ изученію его книги, и побудили взяться за разборъ ея. Разборъ этотъ Болтинъ ведетъ шагъ за шагомъ по самой книгѣ при ея чтеніи. Этотъ способъ разбора сочиненій, который Болтинъ потомъ приложилъ и къ труду Щербатова, вынуждалъ критика

все разбирать, слѣдовательно все знать самому, о чемъ говорилось въ разбираемыхъ книгахъ. Знаніе критика сказались во всей силѣ; но этотъ пріемъ крайне затрудняетъ работу изученія основныхъ взглядовъ и пріемовъ самаго критика. Впрочемъ, облегчается она значительно хорошо составленными указателями, которые Болтинъ помѣстилъ въ началѣ своихъ критическихъ разборовъ—Ле-Клерка и Щербатова.

Подобно авторамъ Синопсиса, Ядра россійской исторіи и подобно Ломоносову, Болтинъ самою задачею своего труда вызванъ былъ возстановлять честь и достоинство Россіи. Но онъ этого достигалъ не выборомъ выдающихся фактовъ и силою родного чувства, а указаніемъ на самобытныя особенности русской жизни, достойныя вниманія всякаго образованнаго человѣка. Онъ побѣдоносно доказываетъ культурность древняго русскаго человѣка такими неопровержимыми данными, какъ договоры Олега и Игоря, доказывающіе и существованіе организованныхъ у насъ сословій, и правосудіе, и торговую международную регламентацію [1]). При этомъ взглядѣ призваніе князей, хотя бы то чужихъ (изъ Финляндіи, согласно Татищеву) [2]), не имѣло уже для Болтина рѣшающаго значенія. Онъ ихъ сближаетъ съ русскими внутренними общими особенностями, сходствомъ культуры, какъ сосѣдей [3]). На всѣ вопросы, выдвигаемые Ле-Клеркомъ въ доказательство того, что русская культура плоха, развивалась дурно, и что Россія должна разрушиться, Болтинъ отвѣчаетъ съ одинаковою силою знанія и русскаго убѣжденія. Онъ открываетъ доблести князей удѣльнаго періода, силу и разумность областнаго при нихъ самоуправленія. Онъ показываетъ, какъ Русь спаслась отъ погибели при татарахъ превосходствомъ своей культуры и тѣмъ, что съумѣла побороть областные раздоры, собраться воедино и, собравшись, свергнуть татарское иго. Въ этомъ онъ усматриваетъ естественность и заслуги единодержавія. Но онъ еще глубже понимаетъ единодержавіе. Въ одномъ мѣстѣ, сказавъ, что до татарскаго ига наши „князья имѣли власть недеспо-

---

[1]) Указатель подъ словомъ: Россія. [2]) „Варяги и варяго-руссы. Первые — финны а послѣдніе — финны-жь съ русскими помѣшанные. До Рюрика финскіе короли руссами владѣли, и Гостомыслова отца Боривая (Іоак. лѣт.) побѣдя, на славянъ дань наложили“. Т. I, стр. 43. [3]) „Варяги не просвѣщеннѣе были русскихъ, они живучи въ сосѣдствѣ съ ними, общія и одинакія имѣли съ ними познанія“. Т. II, стр. 110.

тическую, что народъ имѣлъ соучастіе съ вельможами въ правленіи, и что опредѣленія народа были важны и сильны"... Болтинъ продолжаетъ: „Русскіе (когда соединились области и сошлись разнородные элементы) опытомъ познали, что власть единаго несравненно есть лучшая, выгоднѣйшая и полезнѣйшая какъ для общества, такъ и для каждаго особенно, нежели власть многихъ. Они удостовѣрены были, что монархія въ обширномъ государствѣ предпочтительнѣе аристократіи, которая обыкновенно теряетъ время въ спорахъ и не можетъ имѣть видовъ смѣлыхъ" [1]). Въ одномъ изъ примѣчаній къ этому разсужденію Болтинъ приводитъ такое оправданіе самодержавія, которое почти буквально приводилось въ наши недавніе дни въ газетѣ „Русь" и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. „Опытъ доказалъ, говоритъ Болтинъ, что безъ единоначальства всякое политическое тѣло не имѣетъ надлежащія соразмѣрности. Ежели при нерадивомъ, при неспособномъ государѣ ослабѣваетъ правленіе, при другомъ паки поправится, паки придетъ въ прежнюю силу; республика-жъ ослабѣвшая никогда не поправится, никогда не оживотворится. Болѣзни монархическія суть мимоходящія, легкія; а болѣзни республиканскія—тяжкія и неисцѣлимыя" [2]).

Историческое оправданіе и историческую живучесть громадной, единодержавной Россіи Болтинъ доказываетъ русскими климатическими особенностями, требующими много земли, великимъ удобствомъ имѣть много свободной земли и легко колонизироваться въ своей собственной странѣ и превосходствомъ большого, сильнаго русскаго народа надъ большинствомъ русскихъ инородцевъ.

Наконецъ, Болтинъ переноситъ то и дѣло рѣшеніе этихъ вопросовъ въ область всемірной исторіи, и сравнительнымъ путемъ разрушаетъ мрачный взглядъ Ле-Клерка на русскую цивилизацію и русскую будущность. Онъ показываетъ, насколько проще и прочнѣе русская колонизація казаками, торговцами, крестьянами, колонизаціи римской при посредствѣ легіоновъ. Онъ показываетъ, какими жестокостями и истребленіемъ ознаменована западно-европейская исторія сравнительно съ русскою, имѣющею собственно одного тирана—Іоанна IV. Особенно сильно онъ

[1]) Томъ II, стр. 474—5. [2]) Томъ II, стр. 478.

поражаетъ съ этой стороны Ле-Клерка за его восхваленія успѣховъ иноземцевъ во времена самозванцевъ. Болтинъ указываетъ, какъ эти прославляемые Ле-Клеркомъ иноземцы сознательно нарушили миръ Россіи безъ всякаго повода съ ея стороны, какъ они ввели въ нее завѣдомаго обманщика и сколько беззаконій совершили на русской землѣ.

Болтинъ даже рѣшился спуститься въ самую глубь русской исторической жизни, въ глубь народа, т. е. въ такую область гдѣ дѣйствительно нѣтъ мѣста превосходству западной Европы передъ Россіей. Въ одномъ мѣстѣ, показывая силу и прочность расширенія русской державы, онъ указываетъ на то, что въ прежде присоединенной Малороссіи и недавно тогда присоединенной Бѣлоруссіи—этихъ старыхъ русскихъ областяхъ—народъ русскій самъ стремится къ Россіи и самъ постоитъ за себя въ борьбѣ съ врагами.

Въ другомъ мѣстѣ онъ идетъ еще дальше. Разбирая разсужденія Ле-Клерка о русскихъ крестьянахъ, отпускаемыхъ на волю и о недавней тогда преміи, объявленной въ Вольномъ экономическомъ обществѣ за сочиненіе о лучшемъ устройствѣ крестьянъ [1]), Болтинъ смѣется надъ западно-европейской личной волей простыхъ людей безъ хозяйства, безъ земли. Но тутъ и былъ пробный камень для Болтина, пробы котораго онъ не выдержалъ. Онъ боится сильныхъ, рѣзкихъ преобразованій и въ виду опасностей совѣтуетъ не трогать существующаго порядка. „Поражая злоупотребленія и отъемля слабости пороковъ, беречься надобно, говоритъ онъ, чтобъ не уменьшить силу добродѣтелей: неумѣренное исправленіе причиною было разрушенія многихъ царствъ. Исправляя обычаи и нравы, должно быть весьма осторожну; надобно имѣть великое познаніе человѣческаго сердца... Составъ человѣческій есть изъ пороковъ и добродѣтелей; есть смѣшеніе качествъ добрыхъ и злыхъ; надобно на добрыхъ вѣскахъ вѣсить неудобности обычая съ пользою чаемою отъ уничтоженія его; и,

---

[1]) Премія въ 100 червонцевъ деньгами и медаль въ 25 червонцевъ была назначена въ 1766 г. за рѣшеніе такой задачи: что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны? (Премія предложена Екатериной подъ именемъ неизвѣстной особы). Истор. вольн. экономич. общества, стр. 367—368. Отвѣтъ Полѣнова на этотъ вопросъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г.

когда вѣсъ будетъ равенъ, то лучше оставить вещи такъ, какъ онѣ были" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается гораздо подробнѣе и яснѣе. „Между вольности и вольности, и между рабства и рабства есть разность, да и разность великая и многообразная... Бываетъ вольность хуже, несноснѣе рабства, а рабство выгоднѣе, удовольственнѣе свободы... Если всѣ степени вольностей, коими пользуются разные народы, разсмотрѣть и различить, обрящется ихъ великое количество, одна другой больше или меньше съ названіемъ своимъ несходствующія. Изъ сихъ многообразныхъ вольностей надобно намъ избрать такую, которая бы сообразна была нашему настоящему физическому и нравственному состоянію, а за всякую безъ выбора хвататься отнюдь не должно; понеже та-жъ самая вольность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другаго будетъ руководствомъ къ нещастію, къ погибели. ...Земледѣльцы наши прусской вольности (личной, обремененной налогами) не снесутъ, германская не сдѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голода, а англинская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели"... Далѣе Болтинъ даже разсуждаетъ о томъ, что не всякому народу вольность можетъ быть полезна и не всякій умѣетъ ее снести... и заключаетъ: „Не будучи апостоломъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ не нужно было дать имъ облегченіе, пособіе къ выгоднѣйшей жизни, но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичей надъ ними власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ, о коихъ предложу я въ другомъ мѣстѣ" [2]). Средства эти, по мнѣнію Болтина, должны состоять въ огражденіи собственности всѣхъ крестьянъ и опредѣленіи ихъ повинностей [3]). Идеаломъ для этого Болтинъ беретъ государственныхъ крестьянъ и говоритъ, что, „говоря вообще, наши крестьяне, а особенно государственные, не почитаютъ своего состоянія несчастнымъ, въ разсужденіи рабства, а особливо тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ изобиліи, въ довольствѣ и въ покоѣ. Они о лучшемъ состояніи и воображенія себѣ здѣлать не могутъ, а чего не понимаютъ, того и желать не могутъ: щастіе человѣческое зависитъ отъ воображенія" [4]).

---

[1]) Томъ II, стр. 355. [2]) Томъ II, стр. 235—6. [3]) Стр. 240. [4]) Стр. 383.

Замѣтимъ, что это писалось спустя не мало времени послѣ назначенія упомянутой преміи о крестьянахъ, послѣ составленія наказа объ уложеніи и коммиссіи для этого, гдѣ много было разсужденій объ этомъ же вопросѣ, наконецъ, это писано спустя немного больше десяти лѣтъ послѣ пугачевскаго бунта и въ такое время, когда въ Бѣлоруссіи раздавались вопли народа по поводу раздачи государственныхъ крестьянъ въ частную собственность, а въ Малороссіи еще не высохли слезы и не утихли горькія чувства отъ усмиренія въ пользу польскихъ пановъ такъ называемой гайдамацкой смуты. Очевидно, Болтинъ не додумался до истиннаго пониманія простого русскаго народа и его упованій. И на это есть еще другое неопровержимое доказательство. Онъ не понималъ достоинства русскаго народнаго творчества и по поводу отзыва Ле-Клерка о русскихъ старинныхъ пѣсняхъ, объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ Владиміра, т. е. о былинахъ, что въ нихъ есть искры поэтическаго духа, кратность мыслей и сила выраженій, говоритъ: „Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и, можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милости, подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а иначе слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого-жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами, слѣдовательно вкуса и нравовъ народа изображать не могутъ. Изображаютъ вкусъ и нравы народа тогдашняго вѣка лѣтописи: Нестерова, Іоакимова, законы Ярославовы и Изяславовы, договоры мирные, грамоты, изложенія духовныя и политическія и подобныя симъ, уцѣлѣвшія отъ древности остатки“ [1]).

По странной игрѣ случая князь Щербатовъ,— человѣкъ несомнѣнно аристократическаго склада мыслей, въ пониманіи этого самаго дѣла ушелъ дальше Болтина. „Скиѳы и славяне, говоритъ онъ, первые обладатели Россіи, есть ли не письменами, ибо они ихъ не имѣли, то, по крайней мѣрѣ пѣснями, изустными преложеніями и другими подобными способами память знатныхъ дѣлъ сохраняли, какъ въ знакъ благодарности къ преж-

[1]) Томъ II, стр. 60.

нимъ своимъ благодѣтелямъ, такъ и для побужденія къ добродѣтели народа" [1]).

Борьба Болтина съ Ле-Клеркомъ повела его неизбѣжно и къ борьбѣ съ княземъ Щербатовымъ. Ле-Клеркъ, знавшій, безъ сомнѣнія, первые томы князя Щербатова, высказалъ нѣсколько положеній сходныхъ съ его мнѣніями. Такъ, кромѣ вопроса о значеніи народныхъ древнихъ пѣсенъ, оба они роднили русскихъ съ гуннами черезъ родство сихъ послѣднихъ со скиѳами и оба одинаково признавали самую обидную для Болтина мысль о низкой степени нашей культуры до призванія князей и въ первыя времена нашей государственности, низводя нашихъ предковъ до кочевого состоянія.

Нападая на Ле-Клерка, Болтинъ косвенно задѣвалъ и князя Щербатова, а въ одномъ мѣстѣ даже весьма прозрачно указалъ на него, сказавъ, что „весьма ошибаются тѣ, кои думають, что всякой тотъ, кто, по случаю могъ достать нѣсколько древнихъ лѣтописей и собрать довольное количество историческихъ припасовъ, можетъ сдѣлаться историкомъ; многого еще ему недостаетъ, если кромѣ сихъ ничего больше не имѣетъ. Припасы необходимы; но необходимо и умѣнье располагать оными, которое вкупѣ съ ними не пріобрѣтается" [2]).

Щербатовъ не выдержалъ и въ 1789 г. напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: Письмо князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи къ одному его пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охужденія, учиненныя его исторіи отъ ген. м. Болтина. Въ этомъ отвѣтѣ Щербатовъ простодушно развиваетъ мысль, высказанную имъ не разъ въ его изслѣдованіи о русскихъ древностяхъ, что свѣдѣнія писателей объ этихъ дѣлахъ неточны, сбивчивы, и дополняетъ, что ему тѣмъ легче можно было ошибиться, что онъ не знаетъ древнихъ языковъ. На бѣду еще Щербатовъ затронулъ подлинность іоакимовской лѣтописи и слѣдовательно авторитетъ Татищева. Это была искра, брошенная въ горючій матеріалъ. Въ томъ же 1789 г. Болтинъ написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ безпощадно громилъ автора не только за незнаніе древностей, но и за незнаніе лѣтописей и неуваженіе къ Татищеву. Въ подтвержденіе этого Болтинъ привелъ множество

---

[1]) Щербат. т. 1, стр. 2. [2]) Т. 1, стр. 268.

погрѣшностей Щербатова и все это подвелъ подъ самый обидный запросъ: если авторъ такъ мало знаетъ дѣло, то зачѣмъ брался за него?

Щербатовъ, издавая въ томъ же 1789 г. четвертый томъ пятой части своей исторіи, предпослалъ ему увѣдомленіе, въ которомъ объясняетъ свои ошибки и благодушно предлагаетъ ихъ исправить, указывая мѣста своей книги и то, какъ нужно исправить.

Болтинъ еще больше вскипѣлъ, снова взялся за пересмотръ исторіи Щербатова и, провѣряя ее тѣмъ же способомъ, какимъ провѣрялъ исторію Ле-Клерка, написалъ опять два тома критическихъ примѣчаній, которыя были изданы уже послѣ смерти и самаго автора и Щербатова, именно въ 1793 г.

Чтобы дать понятіе о силѣ и желчности этихъ примѣчаній, приведу нѣсколько выписокъ. „Всякую исторію ѣновь здѣлать, а особливо здѣлать хорошо, очень трудно, и едва ли возможно одному человѣку, сколь бы вѣкъ его ни былъ долгъ, достичь до исполненія намѣренія таковаго, при всѣхъ дарованіяхъ и способностяхъ къ тому потребныхъ. Ибо прежде нежели начато будетъ зданіе исторіи, надлежитъ потребныя къ тому припасы пріискать, разобрать, очистить, образовать, а для сего требуется несравненно болѣе трудовъ и времени, нежели на совершеніе цѣлаго зданія“. Сказавъ затѣмъ, что при этомъ прежде всего нужно разработывать отечественные источники, а затѣмъ взяться за новый, не менѣе важный трудъ, состоящій въ собираніи извѣстій изъ чужестранныхъ историковъ и лѣтописцевъ, не только сосѣднихъ намъ государствъ, но и самыхъ отдаленныхъ, Болтинъ продолжаетъ: „Обмысливши все сіе, должно будетъ согласиться, что пріуготовленіе къ исторіи не меньше есть важно и трудно, сколь и самое ея сочиненіе. Сіи самые способы употребляли всѣ историки къ достиженію цѣли своего намѣренія. Достопамятный нашъ Татищевъ тѣмъ же путемъ шествіе свое началъ; не принялся онъ писать исторіи прежде нежели лѣтописи исправить и объяснить и для географіи нужныя свѣдѣнія собереть; но занять будучи многими государственными дѣлами не успѣлъ великаго сего предпріятія окончить“.

„К. Щербатовъ, устранясь сего труднаго пути, избралъ для себя другій, несравненно легчайшій, т. е. началъ писать исто-

рію, не заботясь нимало о предварительномъ снабдѣніи себя сказанными способами; разныхъ списковъ съ лѣтописей между собою не согласилъ, разбора между ними не учинилъ, къ пониманію разума, сказуемаго ими, себя не приуготовилъ, а о географіи ниже малѣйшаго вниманія употребить не хотѣлъ и тѣмъ самымъ отверзъ свободный входъ въ свою исторію не токмо всѣмъ заблужденіямъ историковъ иностранныхъ и всѣмъ ошибкамъ, вкрадшимся въ наши лѣтописи отъ переписокъ, но и безчисленному множеству новымъ, произшедшимъ отъ собственныхъ недостатковъ и нерадѣнія [1]) .... многія дѣянія и приключенія въ вящшій привелъ безпорядокъ; на мѣсто истиннаго или вѣроподобнаго поставилъ или сомнительное или невѣроятное и вмѣсто открытія тайныхъ причинъ дѣяній, и самыя ясныя прибавленіемъ изъ головы странныхъ и несогласныхъ съ обстоятельствами мнѣній и разсужденій помрачилъ и запуталъ. На все сіе сочинитель найдетъ въ послѣдствіи примѣчаній моихъ ясныя доказательства“ [2]).

Дѣйствительно, доказательствъ много [3]), и не трудно было ихъ набрать въ такомъ большомъ трудѣ о предметѣ малоразработанномъ, въ трудѣ, состоявшемъ изъ 15 томовъ въ четвертую долю листа. Но рядомъ съ ошибками у Щербатова есть и большія достоинства, которыхъ страстный критикъ не хотѣлъ видѣть.

Несмотря однако на эту страстность и крайность мнѣній, Болтина нужно признать самымъ дѣльнымъ изслѣдователемъ нашей исторіи въ прошедшемъ столѣтіи. Никто изъ тогдашнихъ писателей не зналъ лучше его русской исторіи и никто глубже его не понималъ, кромѣ, конечно, Ломоносова. Не безъ основанія его можно назвать предтечею такъ называемыхъ славянофиловъ.

Печальная судьба постигла и библіотеку Болтина. Послѣ его смерти она перешла къ его пріятелю и тоже знатоку русской исторіи, Мусину-Пушкину, и въ 1812 г. сгорѣла въ Москвѣ вмѣстѣ съ рукописными и печатными драгоцѣнностями самаго Мусина-Пушкина.

Сочиненія Щербатова и особенно Болтина яснѣе всего дока-

---

[1]) Т. 1, стр. 16—19. [2]) Стр. 29—30. [3]) Олегъ вѣщій—значитъ привезъ много вещей. Ходили до Юрьева т. е. дня,—значитъ будто бы до города Юрьева и т. под.

зываютъ уже высказанную нами мысль, что русское прошедшее, даже самобытныя его особенности возбуждали тогда большой интересъ въ русскомъ обществѣ. Даже академія наукъ должна была, при всемъ шумѣ, произведенномъ Шлецеромъ, поддаться этому направленію и удѣлять не мало своихъ средствъ и людей на изданіе русскихъ историческихъ памятниковъ и русскихъ историческихъ сочиненій. Самъ Миллеръ настолько покорился этому направленію, что не только усердствовалъ въ дѣлѣ этого изданія, но даже измѣнилъ свое мнѣніе по капитальнѣйшему вопросу русской исторіи, волновавшему русскіе умы XVIII в.,— по вопросу о призваніи князей, и склонился къ мнѣнію Ломоносова [1]).

Сама Екатерина II, чѣмъ дальше, тѣмъ больше занималась русскою исторіей, и нельзя не замѣтить, что, какъ въ другихъ дѣлахъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ она подражала Елисаветѣ Петровнѣ, или, лучше сказать, брала начала, намѣченныя при Елисаветѣ, и развивала ихъ или видоизмѣняла съ свойственною ей гибкостію ума. При Елисаветѣ русскую исторію по такому важному и трудному вопросу, какъ время Петра, поручено было писать иноземцу Вольтеру. Екатерина съ замѣчательною опрометчивостію, ясно показывавшею тогдашнее ея непониманіе дѣла, высказывала Вольтеру сожалѣніе, что не при ней онъ исполнялъ это порученіе, что она дала бы ему всѣ необходимые матеріалы для составленія обстоятельной исторіи Петра, т. е. вѣрнѣе всего, она передала бы ему необходимыя матеріалы на ихъ погибель. Очень естественно, что при такомъ легкомысленномъ взглядѣ на писаніе исторіи, Екатерина даже долго спустя послѣ того поддалась на дикое предложеніе одного французскаго эмигранта—Сенака, поселившагося въ Венеціи, который въ 1790 г. предложилъ написать русскую исторію и для этого просился въ Россію и получилъ и деньги и доступъ къ русскимъ источникамъ, но сейчасъ же привелъ Екатерину къ полнѣйшему разочарованію [2]). Но эта жалкая дань иноземчеству очень щедро воз-

[1]) Перемѣна эта произошла въ Миллерѣ еще въ 1760 г., по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ историческ. изысканій Ломоносова. Онъ высказалъ это мнѣніе въ Sammlung Geschichte за 1760 г. т. V, стр. 385. Затѣмъ онъ его повторилъ въ 1772 г. въ своемъ русскомъ сочиненіи—О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ, сочин. переизд. и въ 1778 г. (Шлец. Нест. 1, стр. 373). [2]) Русскій Архивъ за 1866 г., Заря, 1870 г. № 3, стр. 20; статья П. К. Щебальскаго.

награждена другими дѣлами Екатерины. Другой примѣръ Елисаветы—покровительство русскому человѣку Ломоносову вызвалъ самыя плодотворныя подражанія. Отъ легкомысленныхъ надеждъ, что труды знаменитаго Вольтера или пустого Сенака могутъ быть полезны для русской исторіи, Екатерина переходила къ покровительству простому усердію крестьянина Голикова—привести въ извѣстность и прославить дѣла Петра, и къ покровительству столь же скромному и столь же трудолюбивому князю Щербатову. Но больше всего дѣлаетъ честь Екатеринѣ то, что она приблизила къ себѣ и приняла руководство такихъ любителей и знатоковъ дѣлъ русскаго прошедшаго, какъ Мусинъ-Пушкинъ и особенно Болтинъ. Она подобно многимъ русскимъ была возмущена исторіей Ле-Клерка и когда черезъ Мусина-Пушкина узнала, что Болтинъ разобралъ это сочиненіе, то съ радостію побудила и дала средства издать его знаменитыя критическія замѣчанія на исторію Ле-Клерка. Болтинъ и былъ главнѣйшимъ руководителемъ и помощникомъ при ея занятіяхъ русской исторіей.

Извѣстно, что Екатерина тоже, по подражанію Елисаветѣ, сильно развивала придворное театральное дѣло, и такъ какъ сама она бралась сочинять піесы, то рядомъ съ другими предметами пожелала брать темы для театральныхъ представленій въ эрмитажѣ и изъ русской исторіи, какъ напримѣръ: историческое представленіе изъ жизни Рюрика, гдѣ выступаетъ разсказъ іоакимовской лѣтописи о призваніи князей (начинается совѣтомъ новгородцамъ умирающаго Гостомысла и согласно Татищеву—князя выводитъ изъ Финляндіи), или: начальное управленіе Олега, гдѣ ведется рѣчь и о походѣ его на Царьградъ. Обѣ эти пьесы шли въ разрѣзъ съ мнѣніями Шлецера, Миллера, Байера. Екатерина даже возсоздавала въ драмѣ былинные образы русской старины, какъ напримѣръ, въ пьесѣ—Новгородскій богатырь Боеслаевичъ, т. е. Василій Буслаевичъ [1]). Тутъ, по всей вѣроятности, Болтинъ искупалъ свой грѣхъ по отношенію къ памятникамъ народной поэзіи.

Всѣ эти драматическіе труды требовали внимательнаго изученія русской исторіи, и изъ дневника секретаря Екатерины Храповицкаго мы узнаемъ, какъ часто и много она занималась па-

[1]) Полное собраніе сочин. Екатер. т. 1, стр. 297; 339; 395.

мятниками по русской исторіи [1]), а Пекарскій, разбиравшій бумаги ея, раскрываетъ намъ въ своей брошюрѣ — Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины [2]), и ясные слѣды участія Болтина въ этихъ трудахъ. Екатерина даже взялась за систематическое изложеніе русской исторіи и написала — Записки касательно русской исторіи, въ которыхъ разсказъ доведенъ до куликовской битвы [3]). Въ этомъ трудѣ мы видимъ и слѣды Синопсиса (соединеніе славянъ и руссовъ — родоначальниковъ русскихъ или правильнѣе москалей) и еще яснѣе слѣды Татищева (призваніе князей) и особенно Болтина (цивилизація русскихъ до призванія князей [4]).

Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ занятіяхъ Екатерины по русской исторіи былъ, между прочимъ, Елагинъ, завѣдывавшій театральнымъ дѣломъ. Великій грѣховодникъ въ дѣлахъ жизни, Елагинъ былъ въ тоже время поклонникомъ русской чистоты Ломоносовскаго языка и самобытной славы Россіи. На старости лѣтъ онъ взялся за составленіе Опыта повѣствованія о Россіи (1790 г.). Любитель театральности Елагинъ не иначе представлялъ себѣ и историческое движеніе Россіи, какъ театрально и осуждаетъ сухое повѣствованіе и лѣтописей и нашихъ историковъ. Онъ жаждалъ видѣть въ исторіи картины, живые образы, поэтому естественно расположенъ былъ вносить въ нее вѣроятное, какъ несомнѣнное, и дѣлать произвольныя сравненія съ жизнію другихъ народовъ. Новгородскую жизнь онъ сравниваетъ съ римскою, нашу миѳологію съ египетскою. Но если эти вещи странны въ той формѣ, какую имъ далъ Елагинъ, то вовсе не странны въ своей сущности. Мы уже говорили, что срав-

[1]) 1786 г. Екатерина много занималась драмами — Рюрикъ и Олегъ. (Храп. подъ этимъ годомъ, стр. 8 — 19). Подъ 1788 г. 31 августа — занятія р. исторіей. 1788 г. 18 авг. „Предъ обѣдомъ поднесъ реестръ собраннымъ мною изъ библіотеки и сундуковъ историческимъ книгамъ и манускриптамъ. Почти все читала". 1791 г. подъ 22 іюня: „Принялись за россійскую исторію; говорили со мной о Несторѣ". 1791 г. подъ 23 — 4 того же мѣсяца: „Упражняются въ продолженіи исторіи россійской; поднесъ книги и выписки къ тому принадлежащія". 1791 г. сент. 21 — 2. „Во время разговоровъ объ исторіи россійской сказано мнѣ, что Александръ Невскій былъ герой; нашли то, чего никто здѣсь не написалъ, т. е. что папа, отправя народнаго легата, поощрялъ въ Норвегіи, Даніи и Швеціи составить кроасаду (крестовый походъ) противъ Александра Невскаго, но намѣреніе сіе осталось бездѣйственнымъ". [2]) Спб. 1863. [3]) Полн. собр. соч. Екатер. т. 3; Заря 1870 г. № 3, стр. 23 — 29. [4]) Спб. 1793 — 1801 гг.

неніе новгородскихъ учрежденій съ римскими далеко не дикое мнѣніе, а что касается сравненія нашей миѳологіи съ египетскою, то этотъ грѣхъ совершенъ еще составителями ипатіевской лѣтописи [1]).

Для насъ Опытъ повѣствованія о Россіи Елагина имѣетъ слѣдующее значеніе. Исторія русской словесности имѣетъ тѣснѣйшую связь съ научнымъ развитіемъ науки русской исторіи. Оторванная Петромъ отъ родной почвы русская словесность постоянно стремится возстановить эту связь и ставитъ свои запросы русской исторіи. Ломоносовъ ставитъ неразрывно эти два знанія и потому самъ пишетъ исторію своей родины. Елагинъ, словесникъ и театралъ, чувствуетъ тоже единство и тоже пишетъ русскую исторію. Мы увидимъ и на примѣрѣ Карамзина, что область русскаго изящнаго вызываетъ писателя обратиться къ исторіи своей родины. Это — русская борьба съ оторванностію русской мысли отъ ея родника—русской жизни, во всемъ ея объемѣ. Она то и заставляла лучшія русскія натуры кидаться отъ западно-европейской теоріи и образцовъ въ область своего прошедшаго и тамъ искать себѣ освѣженія и умиротворенія. Замѣчательно, что даже Шлецеръ, къ которому мы еще не разъ должны будемъ возвратиться, какъ будто поддался этому направленію. Онъ,—врагъ Ломоносова, то и дѣло смотритъ на наше прошедшее глазами Ломоносова — и какъ на русское дѣло, и вмѣстѣ какъ на русское слово. Въ немъ филологъ, повидимому, преодолѣвалъ ненавистника русскихъ людей.

Но это только повидимому. Въ дѣйствительности, Шлецеръ глубоко ненавидѣлъ русское направленіе въ изученіи русской исторіи и объединеніе съ ней словесности. Онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Россіи и какъ будто хвалилъ развитіе исторической дѣятельности, но черезъ эти похвалы сквозитъ и затѣмъ ясно обнаруживается злая насмѣшка, презрѣніе.

Въ одномъ мѣстѣ своего Нестора Шлецеръ говоритъ, что послѣ его удаленія изъ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, въ русской словесности начался такой періодъ.... „какого еще никогда не бывало въ свѣтѣ. Въ эти двадцать лѣтъ (съ 1774 г., когда Шлецеръ отказался отъ разсмотрѣнія русскихъ книгъ)

[1]) Ипатьев. лѣт. по стар. изд. т. 2, стр. 5; по новому—стр. 200.

напечатано на русскомъ языкѣ гораздо болѣе подлинниковъ (между которыми есть очень важныя), нежели во всѣ прежнія царствованія. И точно съ сего времени всѣ иностранныя вѣдомости замолкли о произведеніяхъ русской словесности" (т. е. Шлецеръ не давалъ объ нихъ знать, а другіе не желали взяться за это[1]). Въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ яснѣе выражается, хотя тоже загадочно. Перечисливъ многочисленныя изданія по русской исторіи, сдѣланныя при Екатеринѣ, онъ говоритъ: „Какой новый свѣтъ открылся теперь въ Россіи для словесности. Кто бы до царствованія Екатерины II осмѣлился печатать такія вещи? Пріятно было смотрѣть, какъ большая часть людей (д. б. издававшихъ свои произведенія) веселились и не могли найтиться въ въ этомъ новомъ свѣтѣ. Нѣмецкому читателю казалось, какъ будто онъ перенесся въ XVI вѣкъ своей словесности. Издатели въ своихъ предисловіяхъ безпрестанно повторяли давно извѣстное мнѣніе, что исторія, а особливо отечественная, есть нѣчто очень полезное. Немногіе объявили себя: такъ были совѣстны! Многіе ползали съ своими изданіями у престола и всеподданнѣйше благодарили императрицу за всемилостивѣйшее позволеніе печатать. Но великая жена не только что позволяла, она того желала, повелѣвала" [2])! Наконецъ уже со всею ясностію и безцеремонностію Шлецеръ высказался въ слѣдующихъ мѣстахъ своего Нестора. Сказавъ, что собственно съ 1770 г. прекратилось его упражненіе въ русской исторіи и что онъ ничего почти не писалъ по этой части, Шлецеръ продолжаетъ: „со мною заснула русская исторія и при академіи наукъ" [3]). Еще въ другомъ мѣстѣ: „Странная участь исторической словесности въ Россіи! единственная въ своемъ родѣ во всемъ ученомъ мірѣ. Сами государи ободряютъ, приглашаютъ, приказываютъ, и ничего не дѣлается".... Русская исторія по мнѣнію Шлецера даже пошла тогда назадъ: „Русская исторія, по его словамъ, начала терять ту истину, до которой довели ее было Байеръ и его послѣдователи (т. е. теорію норманск. призванія князей) и до 1800 г. паденіе это дѣлалось часъ отъ часу примѣтнѣе" [4]).

Для болѣе ощутительнаго доказательства этой истины, Шле-

---

[1]) Т. 1, стр. 156, счетъ слав. букв. [2]) Стр. 169, счетъ слав. букв. [3]) Стр. 157, счетъ слав. букв. [4]) Стр. 173, счетъ слав. букв.

церъ остановилъ свое вниманіе на томъ пріемѣ писать исторію, который вводили писатели изящной словесности, и при томъ Шлецеръ вспомнилъ старый грѣхъ этого рода — Русскую исторію Емина, изданную еще въ 1767 г. „Невѣжество и безстыдство сочинителя, говоритъ онъ, превосходитъ всякое вѣроятіе и дѣлаетъ стыдъ, какъ своему времени, такъ и русской словесности. Онъ ссылается на множество книгъ, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ, напримѣръ, сочиненіе Полибія о славянахъ, Ксенофонтова исторія о скиѳахъ; что руссы не были нѣмцами, то доказывается многими древними греческими и польсками авторами, что Новгородъ былъ силенъ до Рюрика, что Оскольдъ былъ сильнымъ въ южной части Россіи задолго до Рюрикова пришествія и т. п.“ [1]). Удивительно, почему при этомъ Шлецеръ оставилъ безъ критики однородное съ этимъ сочиненіе Елагина, которое онъ зналъ и на которое въ многихъ мѣстахъ ссылается [2]).

Шлецеръ призналъ себя опять единственнымъ спасителемъ русской исторіи и рѣшился издать своего Нестора: „тутъ экспрофессоръ русской исторіи, говоритъ о себѣ Шлецеръ, потерялъ все терпѣніе, съ которымъ онъ лѣтъ 10 смотрѣлъ издали на этотъ плачевный упадокъ, и написалъ эту книгу (Несторъ)“ [3]). Въ дѣйствительности тутъ, какъ и въ многочисленныхъ другихъ случаяхъ, Шлецеръ говорилъ неправду. Въ дѣйствительности онъ увидѣлъ своимъ воззрѣніямъ дѣйствительную опасность, — увидѣлъ, что русскіе дѣлаютъ твердые шаги въ развитіи своей науки не по его указкѣ, что даже нѣмцы помогаютъ имъ въ ниспроверженіи нѣмецкой теоріи. Вотъ, почему онъ встрепенулся и взялся за изданіе своего Нестора.

Разработка русской исторіи въ Москвѣ. Еще до назначенія въ Москву Миллера, т. е. до 1765 г., тамъ выступилъ на великую, слишкомъ полувѣковую (1762—1814 гг.) работу по русской исторіи необыкновенный труженикъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Въ Москву привело этого малоросса и утвердило въ ней родство съ московскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, который былъ ему дядя. Амвросій записалъ (1755 г.) его ученикомъ въ московскую академію, гдѣ онъ, между прочимъ, сблизился съ Платономъ, будущимъ московскимъ митрополитомъ, что̀, по всей вѣ-

---

[1]) Нест. 1, 373—5. [2]) Т. 2, стр. 613, 660, 710, 721, 726 и 728. [3]) Т. 1, стр. 175.

роятности, имѣло не малое вліяніе на расположеніе Бантыша-Каменскаго къ историческимъ занятіямъ, которыя очень любилъ Платонъ [1]). Затѣмъ Бантышъ-Каменскій былъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ не могъ не узнать Новикова. Москва съ ея историческими сокровищами приковала его къ себѣ. Въ 1762 г. онъ попросился на службу въ московскій архивъ, гдѣ и прослужилъ до конца дней своихъ. Миллеръ, перейдя въ Москву, конечно, сразу увидѣлъ, какого неоцѣненнаго помощника нашелъ онъ въ Бантышѣ-Каменскомъ, который съ того времени и расширилъ кругъ своихъ занятій, но зато и выносилъ на своихъ плечахъ всю тяжелую работу по приведенію архива въ порядокъ и по разнымъ оффиціальнымъ запросамъ. Лучшіе русскіе люди скоро замѣтили Бантыша-Каменскаго и сблизились съ нимъ, какъ Щербатовъ, Мусинъ-Пушкинъ и потомъ Румянцевъ.

Бантышъ-Каменскій сильно передвинулъ центръ тяжести въ нашей наукѣ,—передвинулъ отъ вопроса о русскихъ древностяхъ въ область достовѣрныхъ, богатыхъ русскихъ источниковъ — актовъ. Онъ измѣнилъ и направленіе Миллера, давно склоннаго къ этому переходу, но по примѣру другихъ русскихъ иноземцевъ, больше интересовавшагося дѣлами Сибири, а не внутренней Россіей. Бантышъ-Каменскій своими занятіями вдвинулъ Миллера въ самую середину русской исторической жизни — въ документальныя богатства московскаго единодержавія. Въ высшей степени замѣчательно, что Бантышъ-Каменскій въ исторіи московскаго единодержавія понялъ самый свѣтлый моментъ—лучшее время Іоанна IV, когда имъ руководилъ Адашевъ, отъ котораго по ученымъ ли изслѣдованіямъ Бантыша-Каменскаго или по семейному преданію происходила жена этого почтеннаго архиваріуса, родомъ Купреянова [2]). Съ пониманіемъ этого величественнаго въ русской жизни времени естественно соединялось уясненіе другихъ важнѣйшихъ сторонъ московскаго единодержавія, какъ исторія борьбы между школой Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Этимъ мы объясняемъ себѣ изобиліе памятниковъ по

---

[1]) „Сознавая пользу историч. наукъ (Платонъ, въ мірѣ) Петръ Егоровичъ самъ собою научился географіи и исторіи, которую любилъ во всю свою жизнь“, говоритъ его жизнеописатель, близко его знавшій Снегиревъ. Жизнь митр. Платона ч. 1, стр. 7, по изд. 1856 г. [2]) Словарь достоп. люд.—подъ слов. Бант.-Кам.

этой части въ Вивліоѳикѣ Новикова, какъ и вообще богатство тамъ памятниковъ изъ исторіи московскаго единодержавія.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка это изученіе русской исторіи по богатымъ архивнымъ документамъ выразилось въ двухъ замѣчательныхъ трудахъ, до сихъ поръ не потерявшихъ своего научнаго значенія. Самъ Бантышъ-Каменскій по вызову Екатерины написалъ исторію западно-русской уніи, а близкій ему еще по студенчеству въ московской академіи митрополитъ Платонъ написалъ исторію русской церкви, богатую и разъясненіемъ гражданскихъ дѣлъ, каково, напримѣръ, его объясненіе происхожденія самозванческихъ смутъ. Въ этой исторіи есть довольно ясные слѣды вліянія Бантыша-Каменскаго на документальную часть исторіи, такъ какъ въ ней встрѣчается не мало грамотъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ. Оба эти писателя сошлись кромѣ того еще въ одномъ дѣлѣ, едва ли еще не болѣе важномъ, чѣмъ ихъ сочиненія. Митрополиту Платону наша наука обязана тѣмъ, что онъ ввелъ въ московской академіи (1785 г.) преподаваніе церковной исторіи [1]), а около Бантыша-Каменскаго въ главномъ архивѣ группировались многочисленные молодые люди, изъ которыхъ нѣкоторые оказались потомъ замѣчательными изслѣдователями по нашей наукѣ. Достаточно указать на Малиновскаго. Такимъ образомъ, оба они заняты были успѣхами нашей науки въ будущемъ и возбуждали любовь къ ней въ молодомъ поколѣніи [2]). Въ этомъ они сошлись съ упомянутымъ нами замѣчательнымъ дѣятелемъ—Новиковымъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Москвѣ отвлечено было вниманіе изыскателей прошедшихъ судебъ Россіи отъ древностей къ положительной исторіи Россіи, тамъ же въ Москвѣ стало развиваться еще другое направленіе, которое съ необыкновеннымъ успѣхомъ установляло трезвые взгляды на весь ходъ русскаго историческаго развитія и давало надежныя путеводныя нити всякому новому изыскателю. Мы разумѣемъ Новиковскую школу, съ которой необходимо ближе ознакомиться, чтобы понимать главнѣйшія направленія въ нашей наукѣ въ послѣдующія времена.

---

[1]) Снегир. ч. 1, стр. 52—3. [2]) Бантышъ-Каменскій, между прочимъ, имѣлъ вліяніе и на Евгенія, впослѣдствіи митрополита кіевскаго. Святитель воронежскій Тихонъ поручалъ его вниманію Бантыша-Каменскаго, когда отправлялъ Евгенія въ московскую академію. Воронежскіе Еп. Вѣд. 1868 г. № 2.

Н. И. Новиковъ и его школа. Мы не разъ говорили о страшномъ разложеніи русскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Исторически живучій народъ всегда находитъ и выдвигаетъ средства выйти изъ опасности и стать на новый путь. Выдвигалъ такія средства и русскій народъ въ XVIII в. Здѣсь мы, впрочемъ, укажемъ лишь на то, что придумывала та самая интеллигенція, въ которой происходило это разложеніе. Всѣмъ извѣстно, какимъ богатствомъ сатиры отличается исторія словесности прошедшаго столѣтія. Сатиры Кантемира, Фонъ-Визина служатъ выраженіемъ недовольства русскаго общества своимъ состояніемъ и его желанія выйти изъ этого положенія. Тоже самое выражалось въ многочисленныхъ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ, быстро возникавшихъ и исчезавшихъ одно за другимъ. Злая насмѣшка казнила развратъ, слѣпую подражательность всему иноземному. Но обличеніе зла есть только половина дѣла. Нужно указать еще положительное дѣло, которое должно замѣнить дурной порядокъ. Этимъ тоже занимались журналы и часто вели рѣчь о любви къ родинѣ, объ уваженіи ея обычаевъ, нравовъ. Но на этотъ запросъ могли удовлетворительно отвѣчать уже не журналисты, а историки. Вотъ, гдѣ глубокій смыслъ такого цѣннаго труда, какъ трактатъ Щербатова о поврежденіи нравовъ, въ которомъ обращается вниманіе на лучшія стороны допетровскаго русскаго прошедшаго, или такихъ необыкновенныхъ произведеній, какъ критическія замѣчанія Болтина, въ которыхъ это старое русское прошедшее оправдывается и съ научной стороны. Этотъ же самый запросъ заставилъ и Новикова дополнить дѣйствіе сатиры своихъ журналовъ такимъ богатымъ историческимъ изданіемъ, какъ его Вивліоѳика. Отъ Новиковскаго кружка, который захватывалъ и многочисленныя молодыя силы московскаго университета, естественно было ожидать, что послѣ изданія этихъ памятниковъ или даже вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ появляться изслѣдованія по русской исторіи или даже цѣлые курсы исторіи, въ которыхъ будетъ научное оправданіе того, что сознаніе нашего прошедшаго дѣйствительно можетъ принести врачеваніе современному злу. Къ сожалѣнію, этого не случилось и не только по трудности самаго дѣла, но и по другой причинѣ, которая явилась какъ врачевство, хотя въ дѣйствительности врачевство было тою же болѣзнію.

Россія XVIII вѣка такъ втянулась въ западно-европейскую жизнь, такъ глубоко ввела въ себя западно-европейскія начала, что и сознавъ свое развращеніе, стала искать западно-европейскаго врачевства. Въ тѣ времена такимъ врачевствомъ считалось масонство, которое, какъ мы знаемъ, старалось соединить воедино всѣхъ людей, помимо ихъ національныхъ и религіозныхъ различій, чтобы созидать внутреннее самоусовершеніе человѣка и распространять его въ каждой мѣстности, въ каждомъ слоѣ общества. Мы видимъ нѣчто подобное у насъ и теперь — въ сборищахъ свѣтскихъ людей, гдѣ развиваются теоріи Редстока, Пашкова, и въ обращеніи къ тому же масонству съ примѣсью къ нему новыхъ космополитическихъ и реалистическихъ воззрѣній.

Къ подобному же иноземному врачевству обращались русскіе люди и въ прошедшемъ столѣтіи, и замѣчательно, что самая умѣренная и самая серьезная постановка этого дѣла развилась въ Москвѣ. Лучшимъ выразителемъ этого направленія и былъ Новиковъ, всю жизнь свою до самаго ареста въ 1792 г. посвятившій изданію кромѣ журналовъ, нравоучительныхъ книгъ, заведенію училищъ, дальнѣйшему усовершенію молодого поколѣнія. Просвѣщеніе онъ полагалъ въ основаніе всякаго усовершенствованія, а въ просвѣщеніи онъ неразрывно соединялъ начало религіозное и философское. Къ этимъ двумъ началамъ онъ присоединилъ и третье — историческое образованіе, больше всего въ смыслѣ уразумѣнія исторіи всѣхъ народовъ; но чѣмъ болѣе, тѣмъ чаще и сильнѣе Новиковъ заговаривалъ о русской исторической жизни, и установлялъ такіе взгляды, которые и въ настоящее время имѣютъ значеніе.

Поборникъ высшаго развитія человѣка, кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, естественно сталъ защитникомъ русскаго крестьянина и проповѣдывалъ объ его свободѣ съ такою возрастающею настойчивостью, что этому нельзя не удивляться. Въ журналѣ Трутень (1769 г.) Новиковъ, въ статьѣ Безразсудъ, говоритъ: „Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ“ [1]). Въ журналѣ Но-

---

[1]) Новиковъ, соч. А. Незеленова, (1875 г.), стр. 153. И другія выдержки изъ журналовъ новиковскаго времени мы указываемъ по тому же прекрасному изслѣдова-

викова Вечерняя Заря (1782 г.), въ письмѣ Сенеки къ Луцилію говорится: „рабы — не рабы, а сожители, покорные друзья, сослужители наши. Нужно обращаться съ ними дружески, позволять имъ говорить, садить ихъ за столъ съ собою. Наши предки почти уничтожили рабство, слугъ называли они домашними, а господина — хозяиномъ, — домъ былъ какъ бы маленькою республикою. Думаешь ли ты о томъ (спрашиваетъ Сенека), что называемый у тебя слугою человѣкъ рожденъ отъ такого же сѣмени, какъ и ты, что онъ питается однимъ съ тобою воздухомъ, и что также дышетъ, также живетъ и одинаково умираетъ. Тотъ глупъ, кто судитъ о человѣкѣ по платью или по состоянію, которое мы носимъ на подобіе одѣянія. Рабъ ли кто? но можетъ быть онъ вольный духомъ. Рабъ ли кто и сіе поставляется ему въ вину? Такъ покажи же мнѣ, кто бы былъ чуждъ рабства. Иной служитъ похоти, иной скупости, иной славолюбію, а страху всѣ. Между тѣмъ нѣтъ гнуснѣе рабства, какъ самопроизвольное".

Въ другой статьѣ того же журнала показывается важное значеніе для государства крестьянскаго сословія. „Престолъ цѣлаго свѣта не принудилъ бы меня забыть людей, оный укрѣпляющихъ. Тогда бы его занялъ, когда бы сходилъ и облобызалъ плугъ, пилу и серпъ, твердость его (т. е. престола) составляющіе" [1]). Въ интересахъ того же крестьянина Новиковъ коснулся и вопроса о налогахъ. Въ статьѣ Аристидъ, говорится: „Налогъ долженъ распространяться на всѣхъ. Я не знаю, говоритъ Аристидъ, ничего такъ нелѣпаго, какъ исключить отъ тягостей сына за отцовскія заслуги или жреца, потому что его должность состоитъ въ призываніи боговъ на помощь отечеству. Налогъ долженъ быть основанъ на ежегодномъ доходѣ, а такъ какъ такой доходъ даетъ земля, то, слѣдовательно, налогъ долженъ быть на землю" [2]). Новиковъ пошелъ еще дальше. Въ необыкновенно рѣзкихъ чертахъ, дѣлающихъ его мысли неудобными для печати даже въ настоящее время, онъ осуждаетъ войну, требуетъ законности, обличаетъ злоупотребленія сильныхъ людей, особенно временщиковъ и смѣло рисуетъ идеалъ правителей, государей.

Онъ рѣшился даже на такое дѣло, которое, полагаютъ, больше всего ускорило его осужденіе, — онъ осудилъ покровительство

нію г. Незеленова, какъ болѣе доступному читателямъ для провѣрки и дальнѣйшихъ разъясненій, могущихъ понадобиться. [1]) Тамъ же, стр. 308. [2]) Тамъ же, стр. 310.

іезуитамъ и напечаталъ историческую статью объ іезуитахъ. Не отвергая нѣкоторыхъ заслугъ іезуитовъ, какъ распространеніе христіанской культуры въ новомъ свѣтѣ, распространеніе знанія древней литературы и т. п., Новиковъ жестоко обличаетъ пагубныя начала іезуитства. „Къ несчастію рода человѣческаго, іезуиты часто пользовались своимъ вліяніемъ для достиженія самыхъ дурныхъ цѣлей... они проповѣдывали, чтобы привлечь къ себѣ знатныхъ особъ, уступчивое нравоученіе, потворствующее страстямъ, извиняющее пороки... они проповѣдывали возмущенія, заговоры съ ужаснѣйшими преступленіями; они сопротивлялись всякому кроткому учрежденію, отличающемуся вѣротерпимостію... Кто вспомнитъ о происшествіяхъ послѣднихъ двухъ столѣтій, тотъ найдетъ, что отъ іезуитовъ по справедливости можно требовать отчета во вредныхъ дѣйствіяхъ, происшедшихъ отъ испорченной опасной казуистики, отъ безпредѣльныхъ правилъ церковной власти и отъ ненависти къ терпѣнію, бывшихъ во все оное время поношеніемъ для римской церкви и навлекшихъ столько зла гражданскому обществу“ [1]).

Понятно, почему іезуиты вызвали такія сужденія Новикова. Они прежде всего занимались воспитаніемъ юношества, а мы знаемъ, что Новиковъ всѣ силы направлялъ именно къ правильному развитію молодыхъ силъ Россіи. Въ интересахъ этого-то развитія Новиковъ, между прочимъ, старался установить взглядъ на отечество и чужія страны, т. е. выяснить вопросъ о національности и человѣчности. Эти взгляды его изложены въ его разсужденіяхъ о путешествіяхъ въ чужія страны.

Разсуждая о пользѣ путешествій въ чужіе края, онъ говоритъ въ журналѣ: Покоящійся трудолюбецъ (1784—5): „Надо прежде узнать свое отечество; россіянинъ долженъ вникнуть въ древній вкусъ многихъ старинныхъ кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсматривать станетъ луврскую колоннаду, или прежде долженъ удивляться монументу великаго не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ мужа (т. е. Петра), нежели будетъ столбенѣть при воззрѣніи на тюильерійскія статуи. Не должно спрашивать у иностранцевъ о ихъ достопамятностяхъ, если не можемъ разсказать имъ о своей землѣ [2])... При отъѣздѣ въ чужія земли

---

[1]) Незел., стр. 359. [2]) Тамъ же, стр. 396.

въ насъ невольно является безпокойство: на родинѣ я былъ гражданинъ, всякій былъ мнѣ защитникъ и братъ... здѣсь... (на чужбинѣ) меня отдѣляетъ отъ окружающихъ меня людей различіе въ языкѣ, обычаяхъ, нравахъ, въ самой религіи. Я встрѣчаю недовѣріе, я долженъ таиться, притворяться, лгать... Если тамъ (заграницей) найдется сердце, соединенное нѣжнѣйшею симпатіей съ его сердцемъ... то онъ долженъ тамъ опасаться, чтобы не видѣть всего того, что онъ желалъ бы встрѣтить. Да будутъ тамъ дражайшія человѣческія желанія предметомъ первыхъ его ужасовъ! такъ людямъ угодно! Вотъ законы! се ли, о Боже, сіе священнѣйшее братство! О, любезное отечество! не ты ли вся вселенная? О друзья мои, не вы ли всѣ честные люди? Смертные! Полагайте предѣлы своимъ владѣніямъ, да раздѣлитъ воздвигнутый камень ваши народы, да перемѣнятъ васъ разные ваши обычаи по внѣшности на сто различныхъ поколѣній, да учинятъ васъ тысячи различныхъ свойствъ языка чужестранцами и непріятелями... обычай да перемѣнитъ и обезобразитъ и самую природу... Но напрасно вы будете трудиться: вы всегда останетесь подобны по сущности, всегда будете слабы, боязливы даже и въ варваровскомъ состояніи, расположены къ взаимной любви даже и при самыхъ убійствахъ; будете всегда братья, несмотря на различныя свои наименованія" [1]).

Приведенныя слова, надѣюсь, ясно показываютъ, что у Новикова идея общечеловѣчности опредѣленнѣе и тверже, чѣмъ идея національности, и что между ними очевидно противорѣчіе, слишкомъ несостоятельно прикрытое. Масонство въ Новиковѣ было тогда гораздо сильнѣе, чѣмъ его знаніе національныхъ русскихъ задачъ. Не сознаніе ли слабости этого послѣдняго знанія и заставило Новикова взяться съ новымъ усердіемъ за изданіе русской Вивліоѳики, которую онъ сталъ переиздавать въ 1788 г. и продолжалъ изданіе новыхъ матеріаловъ до самаго того времени, какъ надъ нимъ разразилась катастрофа [2]).

Новиковъ развертывалъ свою обширную дѣятельность и выработывалъ свои взгляды не одинъ или въ малочисленной группѣ, а въ кругу многочисленныхъ послѣдователей, особенно въ средѣ университетской московской молодежи, которая и принимала уча-

[1]) Тамъ же, стр. 397—8. [2]) Послѣдній XX т. Вивліоѳики, изд. въ 1791 г.

стіе въ его изданіяхъ. Изъ этой-то среды университетской и въ то же время новиковской и вышелъ знаменитѣйшій изъ нашихъ историковъ Н. М. Карамзинъ, на которомъ неоспоримо отразились эти новиковскія воззрѣнія, но который, въ свою очередь, и пошелъ дальше своего учителя въ знаніи своего родного прошедшаго и во многомъ очистилъ это знаніе отъ иноземнаго вліянія.

ГЛАВА VIII.

Н. М. Карамзинъ.

Черезъ годъ послѣ того, какъ званіе русскаго исторіографа получилъ Шлецеръ,—не только иноземецъ, но даже не обязанный постоянно жить въ Россіи и въ дѣйствительности порѣшившій совсѣмъ ее оставить, т. е. въ 1766 г. родился будущій русскій исторіографъ Н. М. Карамзинъ. Воспитаніе въ московскомъ университетѣ и связи съ кружкомъ Новикова весьма рано, еще около 20-ти-лѣтняго возраста, вызвали въ Карамзинѣ отзывчивость на всѣ живые вопросы русской словесности и русской жизни. Личныя качества Карамзина ускорили его развитіе. Это былъ необыкновенно блестящій литераторъ, т. е. человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, съ живымъ умомъ, сильнымъ воображеніемъ, большою памятью и способностію писать ясно, увлекательно. Кромѣ того, необыкновенно мягкая, кроткая его натура сближала его съ лучшими людьми его времени, каковы: Дмитріевъ, Румянцевъ, Муравьевъ, Батюшковъ, Блудовъ, Жуковскій, Пушкинъ.

Какъ бы выполняя программу Новикова, что молодымъ людямъ для довершенія своего образованія нужно ѣздить въ чужіе края, Карамзинъ около полутора года путешествовалъ по западной Европѣ (съ мая 1789 и по сентябрь 1790 г.). Впечатлѣнія его во время этого путешествія вылились въ знаменитыхъ письмахъ Русскаго Путешественника. Область изящнаго по преимуществу его занимала; занимала и философія, но заняло и третье новиковское основное начало въ развитіи человѣка—исторія и притомъ не одна чужая, а и родная, причемъ обнаружилось, что онъ уже и тогда

вдумывался въ главнѣйшія явленія нашей исторической жизни и, безъ сомнѣнія, многое уже читалъ и зналъ. Карамзинъ въ этомъ отношеніи прошелъ цѣлую школу. Пораженный величіемъ западноевропейской культуры, онъ далъ волю своему увлеченію новиковской теоріей и сдѣлался страстнымъ поклонникомъ общечеловѣческаго развитія. „Все народное ничто предъ человѣческимъ, писалъ онъ въ 1790 г. изъ Парижа. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ“ [1]). Но отъ этого космополитизма спасала Карамзина тогдаже тоска по родинѣ и знаніе ея прошедшаго. Тоска и обида за Россію заставили его напрягать силы, чтобы найти и въ Россіи, въ ея прошедшемъ что либо хорошее. Онъ ухватился за Петра и преклонялся передъ его преобразованіями; но этого было мало, или, лучше сказать, это было первою ступенью отъ общечеловѣческихъ воззрѣній къ національнымъ. Рядомъ съ Петромъ встали предъ Карамзинымъ и другіе образы нашего прошедшаго. Онъ ихъ тоже связывалъ съ западной Европой, но еще больше съ своею русскою жизнію. Въ томъже письмѣ изъ Парижа Карамзинъ писалъ: „больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей россійской исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы. Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить (?); и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ великій—Владиміръ, свой Людовикъ XI—царь Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не

[1]) Н. М. Карамзинъ, соч. М. П. Погодина, т. I, стр. 148; по нов. изд. А. С. Суворина, т. II, стр. 150.

было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества; - его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анжело“ [1]).

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что передъ Карамзинымъ стоялъ также запросъ касательно русской исторіи, запросъ, такъ сказать, словесный, который возникъ при Ломоносовѣ и во время Карамзина вызывалъ на писаніе исторіи Елагина. Но изъ этихъ же словъ видно, что изъ подъ слоя словесныхъ литературныхъ запросовъ на исторію уже проглядываетъ серьезное отношеніе и серьезное знаніе нашей исторіи. Это серьезное отношеніе, это серьезное знаніе росло въ будущемъ исторіографѣ и сказывалось даже въ его повѣстяхъ. Такъ въ повѣсти „Наталья, боярская дочь“ говорится во вступленіи: „Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, т. е. говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ, я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнью давно истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа русскаго“ [2]) и проч.

Здѣсь мы видимъ уже и опредѣлившееся направленіе будущаго историка. Онъ здѣсь ясно обрисовываетъ очеркъ русской національности, блѣдно набросанный Новиковымъ и опредѣляетъ ея общечеловѣческое значеніе, а этого можно было достигнуть не полетомъ на крыльяхъ воображенія, а усидчивымъ изученіемъ памятниковъ своего прошедшаго, область которыхъ болѣе и болѣе расширялась передъ Карамзинымъ. Въ 1793 г. онъ даже публично заявилъ, что берется за историческое дѣло. „Буду

[1]) Погод. т. I, стр. 1—2; но изд. Суворина, т. II, стр. 146—7. Выдержки изъ сочиненій Карамзина за это подготовительное время мы указываемъ по Погодину, а для желающихъ читать ихъ въ самыхъ сочиненіяхъ Карамзина указываемъ номера по хронолог. списку сочиненій Карамзина, составленному С. Пономаревымъ (Записки акад. наукъ, т. XLV). Тамъ указаны разныя изданія этихъ сочиненій.
[2]) Погод. т. 1, стр. 3; списокъ С. Пономарева № 76.

учиться, писалъ Карамзинъ въ послѣдней книжкѣ своего Московскаго журнала, прекращаемаго имъ, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства, (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей" [1]).

Это писано было вскорѣ послѣ того, какъ Новиковъ засаженъ былъ въ шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ, — печальное событіе, которое чуть было не отразилось и на Карамзинѣ, такъ какъ подозрѣвали, что и онъ далеко зашелъ въ масонство и на средства кружка Новикова ѣздилъ заграницу, что было совершенно невѣрно и было разъяснено. Вскорѣ (1795 г.) стали даже ходить слухи, что Карамзинъ удаленъ изъ Москвы въ деревню (жилъ въ симб. губ.), что опять было невѣрно. Наконецъ Карамзинъ еще больше поразилъ московское общество тѣмъ, что, возвратившись въ Москву, сталъ вести самую свѣтскую жизнь, завелъ четверку лошадей, часто выѣзжалъ и жилъ, повидимому, ничѣмъ не занимаясь. Онъ даже какъ будто извѣрился и въ русскомъ обществѣ, — въ возможности основать хотя бы то слабыя надежды безбѣднаго существованія на сочувствіи общества къ литературѣ. Въ 1798 году онъ писалъ слѣдующее своему задушевному другу—Дмитріеву: „Я разсмѣялся твоей мысли жить переводами! Русская литература ходитъ по міру съ сумою и съ клюкою: худая нажива съ нею" [2]), Но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Въ 1797 году онъ углублялся въ русскую исторію и собирался изучать, между прочимъ, исторію Голикова о Петрѣ, такъ какъ въ это время задумалъ написать похвальное слово Петру и Ломоносову. Въ 1800 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: „я по уши влѣзъ въ русскую исторію; сплю и вижу Никона съ Несторомъ" [3]). Наконецъ въ 1802 г. онъ предпринимаетъ новый журналъ Вѣстникъ Европы, чтобы обезпечить себѣ безбѣдное существованіе и потомъ совершенно отдаться русской исторіи [4]). „Будучи весьма не богатъ, писалъ потомъ Карамзинъ (въ сент. слѣд. 1803 г.), я издавалъ журналъ (Вѣстникъ Европы) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ

---

[1]) Погод. т. 1, стр. 3—4, списокъ С. Пономарева № 86. [2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 95. [3]) Письма К. стр. 116. [4]) Письма, 122 и 052.

купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы, однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою"[1]). Статьи по русской исторіи, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы показываютъ, что Карамзинъ совершенно вѣрно сказалъ, что русская исторія занимаетъ всю его душу; но невѣрно сказалъ, что эта исторія занимаетъ его съ нѣкотораго времени. Въ статьяхъ Вѣстника Европы есть вещи, доказывающія и давнее изученіе русской исторіи, и глубокое пониманіе ея, и даже широкое примѣненіе ея въ дѣлѣ искусствъ и общественнаго воспитанія.

Въ статьѣ—Историч. воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ, Карамзинъ даетъ намъ художественную картину царствованія Годунова,—его благодѣяній и злодѣяній, и пораженный этимъ противорѣчіемъ, робко бросаетъ тѣнь сомнѣнія на достовѣрность злодѣяній Годунова, при чемъ даетъ понятіе о высокомъ значеніи правдивой исторической критики: „Вотъ любопытная эпоха нашей исторіи, говоритъ онъ о времени Годунова, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе не только для Россіи, но и для Европы, рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя историкъ судитъ безъ свидѣтелей, хотя и не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожъ истина всегда зарaниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскивать ихъ въ пеплѣ—и тогда произшествіе объяснится"[2]).

Въ статьѣ о тайной канцеляріи сдѣлана такая характеристика цѣлыхъ царствованій, которую могъ написать только знатокъ русской исторіи. „Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Карамзинъ не казнилъ и не душилъ бояръ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя"[3]). Разгадывая тайну этого могущества Алексѣя Михайловича, Карамзинъ, въ другой статьѣ—О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, даетъ намъ необыкновенно художественную картину величайшей крѣпости единенія царя съ народомъ, когда этотъ царь на кремлевской площади говорилъ съ взбунто-

[1]) Пог. т. II, стр. 17. [2]) Погод. т. II, стр. 7; списокъ С. Понамарева, № 237. [3]) Погод. т. II, стр. 9—10; списокъ С. Пономарева, № 266.

вавшимся народомъ и силою своей кроткой, любящей души покорилъ сердца бунтовщиковъ [1]). Карамзинъ сопоставляетъ при этомъ необыкновенныя качества русскаго народа. „Исторія нашего отечества, подобно другимъ, описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ властей законныхъ, что служитъ къ великой чести народа русскаго. Онъ кажется всегда чувствовалъ необходимость повиновенія, и ту истину, что своевольная управа граждань есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы временъ царя Ивана Васильевича, всѣ неистовства его опричниковъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ, какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолствовали и только въ храмахъ царя царей молили небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна“[2]).

Понявъ самъ достоинство родного прошедшаго, Карамзинъ предъявлялъ и русскому обществу требованіе изучить его. „Я не вѣрю, говоритъ онъ въ статьѣ — О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ, я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими; надобно знать, чтобы любить, а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ“ [3]).

Мысль Карамзина, какъ и Новикова, Платона и Бантыша-Каменскаго обращалась при этомъ на будущія силы Россіи и на воспитаніе ихъ въ любви къ родинѣ. Указавъ на нѣкоторыя личности нашей исторіи, достойныя художественнаго воспроизведенія, какъ Святославъ, Ольга и другіе и, замѣтивъ при этомъ, что не однѣ столицы должны быть „сферою благословенныхъ дѣйствій художества, но во всѣхъ обширныхъ странахъ россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству“, Карамзинъ продолжаетъ: „Во Владимірѣ и Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ XIII в. Въ Нижнемъ-Новгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на московскую

---

[1]) Погод. т. II, стр. 12 — 14; списокъ С. Пономарева, № 277. [2]) Тамъ же. [3]) Погод. т. II, стр. 8; списокъ С. Пономарева, № 243.

дорогу. Мысль, что въ русскомъ, отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и говорить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями... А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію изящнаго на образованіе душъ и смѣются, какъ говорятъ они, надъ романическимъ патріотизмомъ, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя русское еще любезнѣе и дороже" [1]).

Если мы вспомнимъ, какъ понимались значеніе родины, національность въ кружкѣ Новикова, то должны будемъ согласиться, что Карамзинъ далеко ушелъ отъ своего учителя и далъ новое, яркое освѣщеніе этому предмету. Здѣсь совершенно ясно даже для холодныхъ людей, почему важно и достойно быть русскимъ. Здѣсь можно видѣть даже осужденіе Карамзинымъ того космополитизма, который такъ ярко выставленъ въ журналахъ Новикова и у самаго Карамзина въ письмахъ Русскаго Путешественника. Но неужели Карамзинъ дѣйствительно такъ далеко отошелъ отъ Новикова и такъ скоро забылъ собственное положеніе, высказанное въ письмахъ Русскаго Путешественника, что прежде нужно быть человѣкомъ, а потомъ уже русскимъ [2])? Отвѣтъ на это даетъ похвальное слово Карамзина Екатеринѣ II, написанное имъ въ концѣ 1801 г. Въ этомъ словѣ Карамзинъ прежде всего старается отыскать главное благодѣяніе для Россіи Екатерины, которое „изъясняетъ всѣ другія и которое всѣми другими изъясняется"; найти, такъ сказать, по словамъ Карамзина, „священный корень нашего блаженства во дни ея (Екатерины), сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ". Это основаніе, этотъ корень, по мнѣнію Карамзина, въ слѣдующемъ. „Она уважала въ подданномъ санъ человѣка, моральнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни... Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ цар-

---

[1]) Погод., II стр. 8 — 9. [2]) Погод. т. 1, стр. 148; спис. С. Пономарева, №№ 192, 208, 362.

ствованіемъ утверждала сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона, ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель“ [1]).

Вѣрно или нѣтъ это изображеніе царствованія Екатерины — это другой вопросъ. Для насъ важнѣе въ настоящемъ случаѣ то, что Карамзинъ здѣсь почти дословно повторяетъ воззрѣнія Новикова на общечеловѣческія права русскаго человѣка. Съ Новиковымъ Карамзинъ согласенъ и въ вопросѣ о просвѣщеніи, заботами о которомъ славилось время Екатерины. „Дайте способъ человѣку, говоритъ Карамзинъ, въ каждомъ гражданскомъ отношеніи (т. е. положеніи) находить то счастіе, для котораго Всевышній сотворилъ людей: ибо главнымъ корнемъ злодѣяній бываетъ несчастіе. Но чтобы люди умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества, то просвѣщайте ихъ“ [2]). Карамзинъ даже подобно Новикову понялъ важность низшихъ, народныхъ школъ [3]). Но тутъ-то обнаружился корень разногласія его съ Новиковымъ. Онъ тутъ съуживаетъ общечеловѣческое значеніе благъ жизни, больше и больше, если можно такъ выразиться, отливаетъ эти блага въ формы національныя, и дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ то подъ вліяніемъ историческаго изученія Россіи, то подъ вліяніемъ интеллигентныхъ воззрѣній западноевропейскихъ, закравшихся къ намъ. Представляемъ нѣсколько выписокъ, подтверждающихъ неоспоримо, что Карамзинъ, переходя отъ новиковскаго космополитизма въ область національности, проводитъ то русскія, то западноевропейскія воззрѣнія, какъ бы въ назиданіе потомству, что то, что называется космополитизмомъ, является въ дѣйствительности непремѣнно въ національныхъ формахъ, родныхъ или чужихъ для того, кто за нимъ гоняется. Какъ бы повинуясь силѣ того историческаго факта, что въ Россіи простая народная масса своею численностію неизмѣримо превосходитъ интеллигенцію, Карамзинъ ставитъ низшія народныя училища выше всѣхъ другихъ заведеній и дѣло простого учителя выше дѣла всѣхъ возможныхъ ученыхъ. „Онѣ (училища въ малыхъ городахъ) могутъ и должны быть, говоритъ онъ, полезнѣе всѣхъ академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, ко-

[1]) Пог. 1, стр. 328; списокъ С. Пономарева, № 216. [2]) Пог. т. 1, стр. 330—1. [3]) Тамъ же, стр. 331 — ниже.

торый дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи исторіи или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ философа почтенъ не менѣе метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ ученымъ едва вразумительно; или мудраго натуралиста, физіолога, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей" [1]). Это уже было косвеннымъ осужденіемъ масонства. Еще дальше отошелъ отъ Новикова Карамзинъ въ пониманіи формъ русской политической жизни и опять потому, что несравненно больше его изучалъ и зналъ русскую исторію. Онъ подобно Новикову охраняетъ святость закона, свободу слова,—славитъ Екатерину за собраніе коммиссіи для составленія уложенія [2]), за вольныя типографіи, умѣренную цензуру и благодушное отношеніе къ политическимъ грѣхамъ слова. Но совершенно въ разрѣзъ съ Новиковымъ и въ противорѣчіи съ собственнымъ взглядомъ на значеніе низшихъ училищъ, на депутатовъ, не видитъ грѣха екатерининской законодательной коммиссіи по отношенію къ русскому крестьянину, за чтò Новиковъ такъ жегъ сатирами русское общество. По этому вопросу Карамзинъ, какъ видно изъ другихъ его сочиненій, принялъ и даже съузилъ взглядъ Болтина. Взглядъ же Болтина лежитъ въ основѣ его разсужденій о самодержавіи. „Мое сердце, говоритъ Карамзинъ, не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелью великихъ республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство, и великодушныхъ друзей ея заключало въъ узы?.. Или людямъ надлежитъ быть ангелами, или всякое многосложное правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ воль, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ

---

[1]) Пог. т. 1, стр. 331. [2]) Замѣчательная у него картина. „Воображеніе мое, говоритъ онъ, не можетъ представить ничего величественнѣй сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы (полушарія) земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки славянъ побѣдителей, нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ, мирные пастыри южной Россіи, лапландскіе ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные камчадалы. Москва казалася тогда столицею вселенныя и собраніе россійскихъ депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю монархини (чтобы составили законы Россія),—и самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ (анекдотъ въ коммиссіи). Погод. т. 1, стр. 334.

несчастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей" [1]).

Но когда Карамзину приходилось высказать свой взглядъ на самодержавіе, то онъ былъ менѣе Болтина рѣшителенъ и ясенъ и, очевидно, смѣшивалъ русскія и западноевропейскія воззрѣнія на власть, въ томъ и другомъ случаѣ замѣтно уклоняясь отъ прямого слова. Въ памятной его книжкѣ записано въ одномъ мѣстѣ: „если государство при извѣстномъ образѣ правленія созрѣло, укрѣпилось, обогатилось, распространилось и благоденствуетъ, не троньте этого правленія, видно оно сродно, прилично государству и введеніе въ немъ другаго было бы ему гибелью" [2]). Въ другомъ мѣстѣ записано: „Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы, но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощію божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердце миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію" [3]). Въ своемъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ Карамзинъ менѣе уклончивъ, но какъ и прежде собираетъ по преимуществу отрицательныя качества для уясненія предмета и притомъ старается высказывать не свои, а чужія мысли. Занятый подобно Новикову вопросомъ о злоупотребленіи власти, но держась уже принципа русскаго самодержавія, онъ съ замѣтною уклончивостію, но еще съ большею находчивостію пользуется мнѣніями самой Екатерины, которая поставляла задачей самодержцу болѣе уважать законы, чѣмъ собственныя мечты, и давать свободу подданнымъ объявлять свои мнѣнія [4]). Только уже впослѣдствіи, когда Карамзинъ писалъ исторію московскаго единодержавія и особенно когда писалъ свою записку о старой и новой Россіи (1811 г.) онъ, какъ увидимъ, ясно и опредѣленно проповѣдывалъ принципъ самодержавія.

Такимъ образомъ, Карамзинъ далеко отошелъ отъ новиковскихъ общечеловѣческихъ началъ жизни и гораздо больше его приблизился къ пониманію русскихъ національныхъ началъ. Ниже мы увидимъ, что были писатели (такъ называемые славянофилы), которые и несравненно глубже Новикова поняли общечеловѣческія начала и несравненно глубже Карамзина поняли и лучше выяснили русскія національныя начала. Но нельзя не цѣ-

[1]) Пог. т. 1, стр. 328—9. [2]) Погод. т. II, стр. 207. [3]) Тамъ же. [4]) Погод. т. II, стр. 329.

нить и тѣхъ шаговъ впередъ, какіе сдѣлалъ Карамзинъ въ разъясненіи этихъ вопросовъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности на поприщѣ исторіи. Въ этомъ случаѣ не мало принесло пользы даже его литературное направленіе—такъ называемый сентиментализмъ, который въ Карамзинѣ былъ и весьма искренній, и весьма нравственный. Въ событіяхъ нашего прошедшаго есть не мало ума, но еще больше сердца. Наше прошедшее есть по преимуществу самоотверженный трудъ, подвигъ, и понять все это больше всего можно хорошимъ русскимъ сердцемъ, какое и было у Карамзина, и тѣмъ больше ему чести, что онъ свой сентиментализмъ соединялъ еще съ строгою и честною научностію.

Вотъ писатель, который задумалъ написать русскую исторію и для этого обращался къ содѣйствію русскаго общества, чтобы оно дало ему возможность устроить матеріальное его положеніе и чтобы онъ могъ потомъ свободно отдаться своему любимому дѣлу. Русское общество не оставалось глухимъ къ этому призыву.

Вѣстникъ Европы давалъ Карамзину ежегодно шесть тысячъ рублей. Но этимъ трудно было обезпечить свою жизнь въ будущемъ, а между тѣмъ друзьямъ Карамзина было ясно, что онъ тратитъ свои силы на дѣло постороннее, когда можетъ съ такимъ успѣхомъ вести свое главное и любимое дѣло—русскую исторію. Притомъ силы Карамзина стали измѣнять ему,—стали изнемогать глаза, да и самъ онъ томился этою помѣхой главной его работѣ.

Ближайшій изъ друзей его Дмитріевъ убѣдилъ его бросить эту помѣху, взяться за любимое дѣло и для этого просить правительство дать обезпеченіе. Карамзинъ колебался, но наконецъ въ сентябрѣ 1803 г. рѣшился на это, и съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, именно 31 окт. 1803 г. послѣдовалъ указъ, которымъ Карамзинъ возведенъ въ званіе русскаго исторіографа съ пенсіей въ 2000 рублей въ годъ [1]).

Ниспровергнутъ былъ обидный приговоръ Шлецера, что русскіе государи ободряютъ, вызываютъ на работу по русской исторіи, и ничего не выходитъ. Работникъ самъ выросъ и самъ вызвался на эту работу, которую, какъ увидимъ и выполнилъ съ такимъ успѣхомъ, что привелъ въ изумленіе даже западную Европу.

---

[1]) Погод. II, 17—19.

Шлецеръ былъ тогда въ весьма раздраженномъ состоянiи, не смотря на щедрую внимательность къ нему правительства императора Александра. Еще въ то время, когда онъ писалъ 1 часть своего Нестора, ему пришлось считаться съ нѣмцемъ же нашей академiи Шторхомъ, который въ 1800 г. въ своемъ Историческомъ и статистическомъ изображенiи Россiи доказывалъ, что Россiя еще съ VIII в. была торговымъ путемъ изъ восточныхъ странъ въ сѣверозападную Европу и что когда Рюрикъ пришелъ въ эту страну, то нашелъ уже здѣсь выгодный торгъ. Шлецеръ обозвалъ эту совершенно вѣрную мысль неученою и уродливой [1]). Но такiя уродливости являлись одна за другою. Другой нѣмецъ Кругъ выступилъ съ хронологiей, въ которой устанавливалъ время крещенiя Ольги — нашей русской княгини, и съ изслѣдованiемъ о деньгахъ, въ которомъ поддерживалась мысль Шторха [2]). Наконецъ сталъ выступать и Эверсъ съ своей теорiей родоваго быта, тоже далеко не согласною съ ученiемъ Шлецера. Появленiе Карамзина въ положенiи историка должно было еще болѣе злить его. Шлецеръ почувствовалъ, что выступаетъ и изъ среды русскихъ опасный ему соперникъ и, какъ выражается Погодинъ, проворчалъ про себя въ Гетингенѣ съ иронiей: „слышу я, что въ Москвѣ заводится историческое общество; слышу, что есть уже и исторiографъ“ [3]).

Мы видимъ, что званiе это не было по отношенiю къ Карамзину даже въ это время однимъ титуломъ или возведенiемъ лишь въ новую должность, въ которой еще неизвѣстно, какимъ окажется получившiй ее. Карамзинъ много зналъ, несравненно больше, чѣмъ Шлецеръ въ то время, когда получилъ тотъ же титулъ, и въ ближайшее время сталъ ближе и ближе доказывать дѣлами, что трудно было найти болѣе знающаго, болѣе честнаго исторiографа россiйскаго и наконецъ болѣе внимательнаго къ трудамъ самого Шлецера.

Въ письмахъ Карамзина къ Дмитрiеву и въ дополненiяхъ къ нимъ, изложенныхъ въ бiографiи Карамзина, составленной Погодинымъ, есть драгоцѣнныя извѣстiя о ходѣ ученыхъ работъ Карамзина въ знаменитомъ Остафьевѣ (въ 30 верст. отъ Москвы подлѣ Подольска), имѣнiи князя Вяземскаго, на дочери котораго

[1]) Ч. 1, стр. 388 — 9. [2]) О трудахъ Круга см. Журналъ м. нар. просвѣщ. ч. LXIV, критика А. А. Куника. [3]) Погод. II, стр. 21.

былъ женатъ Карамзинъ, а также въ Москвѣ и наконецъ въ Петербургѣ. Министръ народн. просвѣщ. Муравьевъ, Новосильцовъ, Дмитріевъ и особенно А. Н. Тургеневъ были главными лицами, доставлявшими ему рукописи и книги изъ казенныхъ хранилищъ. Двѣнадцать лѣтъ проработалъ Карамзинъ надъ первыми осьмью томами своей исторіи, въ которыхъ разсказъ доведенъ до смерти Анастасіи, жены Іоанна IV, т. е. до 1562 г. Въ эти двѣнадцать лѣтъ работа Карамзина не разъ прерывалась поѣздками въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая принимала живѣйшее участіе въ трудахъ Карамзина, слушала отъ него чтеніе его исторіи, устроила близкое знакомство съ Карамзинымъ императора Александра I и даже вызвала Карамзина въ 1811 г. на составленіе знаменитой его записки о древней и новой Россіи, гдѣ Карамзинъ подобно Щербатову осудилъ новое и отдалъ предпочтеніе старому. Затѣмъ прерывалась эта работа несчастнымъ и славнымъ 1812 г., въ который сгорѣла въ Москвѣ библіотека и Карамзина (уцѣлѣли рукописи и книги въ Остафьевѣ). Прерывалась еще эта работа неоднократною болѣзнію Карамзина и болѣзнями и потерями въ его семьѣ, и наконецъ, тяжелыми для него мытарствами въ Петербургѣ въ 1816 г. по изданію этихъ 8 томовъ. Такимъ образомъ, на составленіе каждаго изъ этихъ осьми томовъ Исторіи россійскаго государства приходилось едвали больше года.

Можно уже по этому судить, какой страшный трудъ вынесъ Карамзинъ при составленіи своей исторіи. Но этотъ трудъ представится намъ еще больше и цѣннѣе, если мы посмотримъ, съ какимъ научнымъ достоинствомъ онъ выполненъ. Вотъ сужденіе объ его работѣ покойнаго Погодина, котораго въ этомъ случаѣ, по всей справедливости, можно назвать присяжнымъ нашей науки [1]. „Онъ разсмотрѣлъ, говоритъ Погодинъ, всѣ извѣстные до него историческіе источники и множество новыхъ, имъ самимъ открытыхъ. Ни одного списка лѣтописи не осталось не прочитаннаго, не пересмотрѣннаго, и на всѣхъ сіяютъ слѣды руки его. Этого мало, онъ перечелъ столь же добросовѣстно историковъ, которые прежде его пользовались ими, и показалъ гдѣ и какъ они уклонялись, часто даже почему. Вообразите же себѣ это

[1]) Выбираемъ болѣе выдающіяся мѣста изъ довольно обширной характеристики трудовъ Карамзина, сдѣланной Погодинымъ.

множество списковъ лѣтописей, это множество грамотъ и различныхъ сказаній, это множество изслѣдованій и иностранныхъ свидѣтельствъ, кои должно было обдумать и имѣть въ виду! Взгляните на примѣчанія къ каждому тому. Отовсюду извлекалъ Карамзинъ сущность и употреблялъ въ дѣло ..... такъ что еслибы мы имѣли несчастіе потерять ихъ всѣ (т. е. источники), наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочиненія. Въ его примѣчаніяхъ заключается почти другая исторія, столь же драгоцѣнная, изъ подлинныхъ словъ составленная" [1])... „Весь языкъ со всѣми своими словарями, весь запасъ будущихъ словарей, разсѣянный въ памятникахъ, находился въ его распоряженіи, и послушныя слова и обороты, на повелительный зовъ его, стекались изъ лѣтописей, грамотъ, прологовъ, миней, сказаній и совокуплялись въ какую то волшебную гармонію, которою можно наслаждаться даже независимо отъ ея содержанія" [2])..... „Всѣ событія, имѣвшія вліяніе на судьбу государства, оцѣнены болѣе или менѣе, и наука если не вполнѣ удовлетворяется его исторіей въ настоящемъ видѣ, то по крайней мѣрѣ имѣетъ въ ней всѣ данныя, на коихъ должна основываться система" [3]).

Войдемъ въ разъясненіе этихъ общихъ сужденій, въ основѣ совершенно вѣрныхъ. Основной, научный пріемъ Карамзина тотъ, что онъ все читалъ, что до него сдѣлано, все провѣрялъ, что говорили до него и изъ всего сказаннаго до него выбиралъ лучшее, а когда имѣлъ новые источники, то высказывалъ свое новое. Поэтому онъ естественно менѣе самостоятеленъ въ древней русской исторіи, а чѣмъ дальше отъ древности, чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ онъ смѣлѣе, самобытнѣе.

Такъ, въ древностяхъ славянскихъ онъ явно слѣдуетъ пріему Щербатова,—больше сводитъ чужія изысканія, чѣмъ выдвигаетъ свои. Шлецеръ напрасно встрѣчалъ его зложелательно. Норманскую теорію призванія князей Карамзинъ принялъ, какъ теорію, казавшуюся болѣе научною въ его время. Но онъ вставилъ ее въ свои рамки и, благодаря русскимъ трудамъ, не мало подорвалъ въ ней нѣмецкія патріотическія увлеченія.

Такъ, онъ отодвигаетъ русскую культурную исторію назадъ, въ древность, ближе къ временамъ скиѳовъ. Изслѣдованіе визан-

---

[1]) Погод. II, 185 — 6. [2]) Погод. II, 188. [3]) Погод. II, 194 — 5.

тійскихъ писателей объ южныхъ и восточныхъ славянахъ и западныхъ писателей о западныхъ славянахъ дало Карамзину возможность отстранить въ значительной степени нѣмецкую теорію о варварствѣ славянъ до призванія князей. Тщательный сводъ извѣстій обо всѣхъ славянахъ, особенно въ области миѳологической, намѣченной еще Ломоносовымъ, далъ Карамзину возможность открыть у славянъ еще задолго до призванія князей и своихъ самобытныхъ правителей, и города, и совѣщанія, и законы, и правильное времясчисленіе, и даже письменность. Ударъ Шлецеровской научности нанесенъ Карамзинымъ, конечно, безъ всякаго умысла, даже въ самой научной части его сочиненія,— въ разработкѣ Нестора. Карамзинъ открылъ древнѣйшіе списки нашей начальной лѣтописи — лаврентіевскій, ипатьевскій и сгорѣвшій потомъ въ 1812 г. троицкій списокъ—неизвѣстные Шлецеру и сдѣлавшіе ненужными многія соображенія и усилія Шлецера касательно подлиннаго текста Нестора. Эти открытія, а также открытіе древнѣйшихъ списковъ русской правды, кормчихъ, миней и прологовъ выдвинули въ глазахъ Карамзина значеніе нашихъ отечественныхъ памятниковъ еще больше, чѣмъ это выставлялъ Шлецеръ. Какой переворотъ производили въ немъ эти открытія, можно судить потому одному, что Карамзинъ сталъ даже ослаблять заимствованное имъ у Шлецера предубѣжденіе противъ Татищева, такъ какъ съ открытіемъ ипатіевской лѣтописи обнаружилось, что многія изъ извѣстій Татищева, казавшихся странными, находятся въ этой лѣтописи.

Норманская теорія, принятая Карамзинымъ даже въ смыслѣ большого вліянія норманскихъ учрежденій на Россію, повела его, при этомъ его глубокомъ уваженіи къ отечественнымъ памятникамъ, къ тѣмъ болѣе тщательному изученію русской и особенно христіанской культуры при первыхъ нашихъ князьяхъ, какъ Олегъ, Ольга, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ, Мономахъ, давно уже, какъ мы знаемъ, плѣнявшіе Карамзина своимъ величіемъ. Величіе, самобытность русской государственности выступали у Карамзина сами собою. Отъ того, между прочимъ, онъ мало понялъ времена удѣловъ и явно скучалъ при изученіи ихъ. Единство, могущество Россіи послѣдующихъ временъ влекли его къ себѣ и заставляли проходить скорѣе черезъ смуты удѣльнаго времени, татарскихъ бѣдствій. Московское единодержавіе тянуло

его къ себѣ больше и больше. Онъ подобно Бантышу-Каменскому сюда передвигалъ главнѣйшій центръ тяжести русской исторіи. „Послѣ трехъ путешествій въ Тверь, писалъ Карамзинъ къ Тургеневу 21 апрѣля 1811 г., отдыхаю за историей и спѣшу окончить Василія Темнаго: тутъ и начинается дѣйствительная исторія россійской монархіи; впереди много прекраснаго“ [1]). „Работаю усердно, писалъ Карамзинъ къ тому же Тургеневу 9 августа того же 1811 г., и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича! Вотъ прямо историческій предметъ! Доселѣ я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. Вижу за собою песчаную степь африканскую, а передъ собою величественныя дубравы, богатыя поля“ и проч. [2]).

Но эти величественныя дубравы, богатыя поля застланы были вскорѣ передъ Карамзинымъ дымомъ отъ наполеоновскихъ пушекъ и дымомъ отъ спаленной Москвы. Уже послѣ 12 года Карамзинъ дописывалъ время Василія Іоанновича и затѣмъ лучшее время Грознаго, о которомъ писалъ къ Тургеневу въ 1814 г. „Какой характеръ для исторической живописи! Жаль, если выдамъ исторію безъ сего любопытнаго характера. Тогда она будетъ какъ павлинъ безъ хвоста“. Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ отъ 9 сент. 1815 г., онъ пишетъ: „Управляюсь мало по малу съ царемъ Иваномъ. Казань уже взята, Астрахань наша, Густавъ Ваза побитъ и орденъ меченосцевъ издыхаетъ; но еще остается много дѣла, и тяжелаго: надобно говорить о злодѣйствахъ, почти неслыханныхъ. Калигула и Неронъ были младенцы въ сравненіи съ Иваномъ“ [4]).

Но среди этой кипучей работы силы Карамзина болѣе и болѣе слабѣли. Онъ то и дѣло представлялъ себя въ положеніи Моисея, которому не суждено войти въ обѣтованную землю [5]), представлялъ, что въ величественныя дубравы и богатыя поля войдутъ уже другіе [6]). Вопросъ объ изданіи написаннаго возникалъ съ большею и большею настойчивостью. Карамзинъ имѣлъ великую осторожность и великое терпѣніе не торопиться съ изданіемъ, не издавать по томамъ. Это дало ему возможность исправлять написанное и давать всему единство, цѣльность. Самъ Карам-

---

[1]) Погод. II, 68. [2]) Погод. II, 85. [3]) Пог. II, 119. [4]) Стр. 128. [5]) Стр. 87. [6]) Карамзинъ хотѣлъ довести р. исторію до Романовыхъ, т. е. до Михаила Θеодоровича.

зинъ много разъ говоритъ въ своихъ письмахъ, что то или другое открытіе или полученная новая книга заставляли его дѣлать поправки въ прежде написанномъ. „Посмотрите, говоритъ Погодинъ, на его черновые листы, вы почти не найдете тамъ строкъ, оставшихся въ первоначальномъ видѣ: все перемарано, измѣнено нѣсколько разъ, пока получено настоящее выраженіе: мнимая легкость представляется плодомъ многотрудной работы и размышленія“[1]). Другою причиною замедленія изданія исторіи было то, что Карамзинъ не хотѣлъ издавать своего труда, не представивъ его государю. Для этого онъ и прибылъ въ Петербургъ, въ 1816 г., вынесъ, какъ мы уже замѣчали, много мытарствъ и, между прочимъ, вынесъ даже невѣжественный пріемъ Аракчеева. Но наконецъ все уладилось, и его исторія въ 8 томахъ вышла изъ печати въ началѣ 1818 г.[2]). Изданіе сдѣлано въ 3 тысячи экземпляровъ и цѣна имъ назначена 55 р. „Моя исторія, писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву 11 марта 1818 г. въ 25 дней скончалась; не осталось у меня ни одного экземпляра. Сверхъ трехъ тысячъ проданныхъ требовали у меня еще шестьсотъ... Пусть мои пріятели успокоятся: наша публика почтила меня выше моего достоинства“[3]).

Этотъ необыкновенный даже для нашего времени успѣхъ научнаго, объемистаго и дорогого по цѣнѣ сочиненія въ средѣ столь не большаго числа русскихъ образованныхъ людей объясняется необыкновенными качествами сочиненія.

Исторія Карамзина далеко оставила за собою все, что до тѣхъ поръ писано было по этой части и надолго сдѣлала даже невозможнымъ появленіе новаго, лучшаго труда. Никто до Карамзина не представлялъ такого полнаго, связнаго, изящнаго свода внѣшнихъ фактовъ. Никто до него и долго послѣ него не давалъ русской исторіи такой полной, тщательной и добросовѣстной ученой аргументаціи. Никто до него и послѣ него не умѣлъ придавать исторіи такого могущественнаго популярнаго значенія.

„Карамзинъ сдѣлалъ ее (исторію), говоритъ Погодинъ, извѣстнѣе не только для многихъ, даже и строгихъ судей своихъ,

---

[1]) Пог. II, 188—9. [2]) Къ началу 1820 г. кончено было 2-ое изданіе этихъ 8-ми томовъ. 9-тый т. вышелъ въ 1821 г. 10 и 11 въ 1824. 12 (до 1611 г.) писанъ въ 1825 г., а изданъ уже послѣ смерти Карамзина въ 1826 г. [3]) Пог. II, стр. 197.

какъ съ смиреніемъ надѣялся, но и для всѣхъ вообще соотечественниковъ. Русскіе узнали и, смѣло сказать можно, полюбили болѣе отечество, чѣмъ прежде, ибо то можемъ мы любить, что знаемъ и чѣмъ болѣе знаемъ, тѣмъ болѣе любимъ, — полюбили тѣмъ болѣе, что Карамзинъ передавалъ свое знаніе съ сердечнымъ участіемъ, какъ самъ прекрасно выразился въ предисловіи: „чувство мы, наше оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души“ [1]). „Эту исторію (т. е. Карамзина), говоритъ Жуковскій, можно назвать воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа. По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями и всѣ исторіи русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь всѣ онѣ оживятся, подымутся, получатъ величественный, привлекательный образъ. Счастливы дарованія, теперь созрѣвающія. Онѣ начнутъ свое поприще, вооруженные съ ногъ до головы“ [2]). Дѣйствительно, нѣтъ и теперь въ нашей исторической литературѣ такого сочиненія, которое можно было бы рекомендовать молодымъ людямъ, желающимъ изучать свое прошедшее, рекомендовать съ такою твердою увѣренностію въ полнотѣ научнаго и общественнаго вліянія.

Но, конечно, не слѣдуетъ ослѣпляться и хорошимъ. Возможны и другія сужденія объ исторіи Карамзина и они были высказаны тогда же, послѣ появленія ея въ свѣтъ. Не будемъ говорить о нападкахъ на Карамзина масоновъ, мстившихъ ему за мнимое отступничество и даже доносившихъ на него задолго до изданія исторіи, какъ на человѣка невѣрующаго и революціонера, который грозитъ Россіи великими бѣдствіями. Важнѣе сужденіе о Карамзинѣ противоположной партіи, дѣйствительно революціонной.

Самое рѣзкое и крайнее мнѣніе объ исторіи Карамзина составилось и было записано въ кружкѣ молодежи того времени, въ средѣ которой подготовлялось извѣстное дѣло декабристовъ. Одинъ изъ весьма умныхъ членовъ этого кружка — Никита Муравьевъ, сынъ Муравьева министра, сердечно содѣйствовавшаго успѣху ра-

---

[1]) Погод. II, 295. [2]) Погод. II, 141—2.

ботъ Караизина, написалъ критику на его исторію и показалъ ее прежде всего самому исторіографу. Карамзинъ далъ автору полную свободу пускать ее въ ходъ. Она и пошла въ ходъ въ рукописи. Погодинъ приводитъ важнѣйшія мѣста изъ неѣ. О характерѣ нападокъ Никиты Муравьева можно составить понятіе по слѣдующему отрывку, составляющему разборъ одного мѣста изъ предисловія въ исторіи Карамзина.

Въ предисловіи Карамзина говорится: „правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей... Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы утвердить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе" [1]). Разборъ этого мѣста у Никиты Муравьева:

„Исторія представляетъ намъ иногда, какъ благотворная власть обуздывала бурное стремленіе мятежныхъ страстей. Но согласимся, что сіи примѣры рѣдки. Обыкновенно страстямъ противятся другія страсти: борьба начинается, способности душевныя и умственныя съ обѣихъ сторонъ пріобрѣтаютъ наибольшую силу. Наконецъ, противники утомляются, познаютъ общую выгоду, и примиреніе заключается благоразумною опытностію. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка, и удерживать стремленія цѣлыхъ обществъ. Слабы соображенія наши противъ естественнаго хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаемъ, что дѣйствуемъ по собственному произволу, — и тогда мы повинуемся прошедшему, — дополняемъ то, что сдѣлано, то, чего требуетъ отъ насъ общее мнѣніе, послѣдствіе необходимое прежнихъ дѣйствій. Идемъ, куда влекутъ насъ происшествія, куда порывались предки наши" [2]).

Со всею ясностію опредѣлилъ эти требованія отъ Карамзина тогдашнихъ кружковъ молодежи Пушкинъ, который тогда только что кончилъ курсъ въ лицеѣ и который, по словамъ Погодина, „при всемъ своемъ благоговѣніи къ Карамзину, которое у него

[1]) Пред. къ исторіи, стр. 1. [2]) Погод. т. II, стр. 199 — 200.

возрастало всю жизнь, не могъ преодолѣть искушенія сказать острое слово", и выразилъ общее настроеніе окружавшей его передовой молодежи въ слѣдующей, между прочимъ, эпиграммѣ, отъ которой потомъ отрекался:

Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастія,
Необходимость самовластія
И прелести кнута [1]).

Чтобы уяснить себѣ дѣйствительное значеніе подобныхъ сужденій о Карамзинѣ, нужно хотя немного войти въ кругъ тогдашнихъ направленій въ нашемъ образованномъ обществѣ. Извѣстно, что Александръ I съ первыхъ годовъ своего царствованія сталъ преобразовывать Россію по западноевропейскимъ образцамъ и сильно мечталъ о конституціи. Бывшій студентъ петербургской духовной академіи—Сперанскій съ неумолимою логичностію человѣка, получившаго сильное теоретическое образованіе, передѣлывалъ государственныя учрежденія съ симметріей французскаго чиновничества; но въ тоже время, должно быть, по чувству русскаго человѣка, вышедшаго изъ среды, самой близкой къ народу, начертывалъ также смѣло русское самоуправленіе до устройства волостнаго представительства. Еще болѣе близкій къ Александру I коварный полякъ Чарторыйскій направлялъ дѣла въ другую сторону.

Съ шайкой еще болѣе коварныхъ поляковъ, какъ Чацкій, Лелевель, онъ подготовлялъ ближе подходящую къ западноевропейскимъ образцамъ конституцію на своей родинѣ — въ Польшѣ и, такъ какъ подъ Польшей онъ разумѣлъ всю западную Россію, то при содѣйствіи русской власти раскинулъ по всей этой странѣ самую пагубную въ русскомъ смыслѣ систему польскаго образованія, испортившую цѣлыя поколѣнія. Двѣнадцатый годъ показалъ, что Россія можетъ стать грудью противъ всей Европы и безъ конституціи, и что поляки способны только были тогда на измѣну Россіи. Палъ Сперанскій; потерялъ не мало значенія и Чарторыйскій, но западноевропейскія увлеченія не потеряли обаянія. Русскія силы, до изнуренія защищавшія свое отечество, двинуты были на западъ для благоустройства западноевропейскихъ государствъ и, между прочимъ, коварной Польши. Русскіе люди, по естественному порядку вещей, обращали взоры

[1]) Пог. II, 204.

на забываемую родину и придумывали средства къ возстановленію ея значенія. Особенно яркую окраску эти заботы получали въ средѣ молодыхъ людей высшаго петербургскаго круга. Иные изъ нихъ додумывались до исправленія дѣйствительнаго русскаго зла — крѣпостнаго состоянія нашихъ крестьянъ; но только лучшій декабристъ Рылѣевъ смотрѣлъ на это серьезно и додумался даже до освобожденія крестьянъ съ землею. Подавляющее же большинство пошло по старому пути — обсуждало и усвояло западноевропейскія средства къ спасенію родины — конституціонныя, и если заговаривало объ освобожденіи крестьянъ, то одни брали за образецъ Пруссію, освободившую крестьянъ безъ земли, другіе смотрѣли на освобожденіе крестьянъ только какъ на средство привлечь на свою сторону простой народъ. Наконецъ нѣкоторые, какъ Пестель, готовы были раздробить всю Россію на федеративныя области, при чемъ не скупились прибавлять къ инородческимъ областямъ — русскія, какъ новгородскую и тверскую къ балтійскимъ губерніямъ [1]), а въ пользу конституціонной Польши поступались русскимъ народомъ западной Россіи [2]). Но, что еще важнѣе, попробовавъ законными путями воспитывать себя и русское общество въ этихъ идеяхъ, молодые двигатели русскаго обновленія по образцамъ западноевропейскимъ, вскорѣ стали переходить къ чисто революціоннымъ дѣламъ. Въ средѣ декабристовъ образовались фракціи и въ числѣ ихъ самая крайняя и самая невѣжественная въ дѣлахъ Россіи составила по мысли Пестеля „Союзъ спасенія",—чисто-революціонное тайное общество.

Порядки западноевропейскаго либерализма, конечно, въ менѣе рѣзкихъ формахъ, захватывали тогда не одну передовую молодежъ. Значительная часть тогдашняго чиновнаго міра раздѣляла эти бредни [3]). Само правительство, какъ мы уже замѣчали, держалось подобныхъ взглядовъ и даже осуществляло ихъ на дѣлѣ самымъ тяжелымъ для русскаго чувства образомъ. Установилось такое воззрѣніе, что въ русскомъ государствѣ больше всего под-

---

[1]) М. Н. Муравьевъ, соч. Д. Кропотова, стр. 123—4. [2]) Тамъ-же, стр. 169—70.
[3]) Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей хлопоталъ о дозволеніи іезуитамъ распространять христіанство между магометанами и язычниками восточной окраины Россіи. Кроп. стр. 173. Многіе государственные люди того времени плохо знали порусски и даже оффиціальныя бумаги въ иныхъ вѣдомствахъ нерѣдко писались на французскомъ языкѣ. Кроп. 174—175.

готовлены къ конституціонной жизни сѣверозападныя окраины Россіи, которымъ и давалось конституціонное устройство, чтобы современемъ распространить его и на внутреннія области Россіи, когда онѣ будутъ къ этому подготовлены. Странная самобытность Финляндіи (1809—11 г.), завоеванной русскимъ оружіемъ [1]), странное обособленіе балтійскихъ губерній [2]) даже съ освобожденіемъ тамъ крестьянъ по западноевропейскому образцу, т. е. безъ земли (1816—1819 г.) [3]), еще болѣе странное возстановленіе предательской Польши (1815 г.) и подготовительныя мѣры къ соединенію съ ней западной Россіи,—все это неизбѣжно раздражало русское чувство, и однихъ русскихъ, какъ будущіе декабристы, увлекало къ крайностямъ тѣхъ-же западноевропейскихъ воззрѣній, другихъ заставляло становиться въ упоръ противъ всей этой пагубы для Россіи. Карамзинъ, не смотря на всѣ прежнія свои увлеченія западноевропейскими воззрѣніями, не могъ откликнуться на эти западноевропейскія теоріи, какъ не могъ стать и въ ряды Аракчеевцевъ.

Чтобы яснѣе видѣть положеніе, какое занялъ Карамзинъ между этими двумя крайностями, нужно взять во вниманіе еще одно направленіе, выдвинутое русскою жизнію того времени въ противодѣйствіе имъ. Болѣе русскіе и дѣльные люди изъ среды такъ-называемыхъ декабристовъ были возмущены крайностями Пестеля, и въ противодѣйствіе ему стали вырабатывать новое общество подъ названіемъ Союза благоденствія, основная мысль котораго и даже уставъ составляютъ копію прусскаго общества Тугендбунда, основаннаго при извѣстномъ Штейнѣ для воскрешенія забитой Наполеономъ Пруссіи. Союзъ благоденствія задавался цѣлію произвесть внутреннее пересозданіе Россіи,—поставить хорошо воспитаніе, правосудіе, администрацію усиліями членовъ общества, кто бы они ни были и гдѣ бы ни были. Это было тоже масонство, переведенное въ чисто гражданскую область, и какъ масонство не трогало вѣроисповѣданій, такъ и Союзъ благоденствія оставлялъ нетронутыми формы русскаго строя жизни. Это послѣднее отступленіе сдѣлано лучшими декабристами, какъ М. Н. Муравьевъ, благодаря вліянію опытнаго русскаго человѣка, А. М. Бакунина, проживавшаго въ тверской губ. въ

[1]) Богдановъ. Ист. Алек. т. II, стр. 408—414 (на стр. 410 напечатана рѣчь импер. Александра). [2]) Оно устроено еще при Павлѣ Петровичѣ. (Богданов. т. 1, стр. 42). [3]) Богдан. т. VI, стр. 80 — 82.

своемъ имѣніи, къ которому Муравьевъ обратился за совѣтомъ. Бакунинъ въ прахъ разбилъ конституціонныя мечты декабристовъ и замѣчательно умно доказывалъ необходимость для Россіи самодержавія [1]). Онъ, между прочимъ, объяснялъ Муравьеву, что необходимость въ измѣненіи образа правленія существуетъ только въ воображеніи весьма небольшаго кружка молодежи, не давшей себѣ труда взвѣсить всѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, которыя неминуемо произойдутъ отъ малѣйшаго ослабленія верховной власти въ странѣ, раскинутой на необъятное пространство и, по его мнѣнію, не имѣющей кромѣ самодержавія никакой органической связи между своими частями [2]). Бакунинъ былъ очень близокъ къ Екатеринѣ Павловнѣ, и это обстоятельство весьма важно знать для уясненія взглядовъ на этотъ предметъ Карамзина, который, впрочемъ, шелъ къ нимъ и независимо отъ всякихъ вліяній.

Мы видѣли, что чѣмъ больше онъ изучалъ русскую исторію, тѣмъ больше проникался духомъ русской исторической жизни и тѣмъ больше становился поборникомъ цѣлости и достоинства русской государственности и русскаго самодержавія. Его воззрѣнія, легшія въ основу его исторіи, яснѣе всего высказаны въ двухъ его запискахъ: въ упомянутой уже нами,— писанной въ 1811 г., по поводу внутреннихъ преобразованій и вмѣшательства въ западноевропейскія дѣла, и въ запискѣ 1819 г., по поводу польскихъ дѣлъ. „Россія основалась побѣдами и единовластіемъ (при Рюрикѣ послѣ смерти братьевъ, при Олегѣ, Игорѣ, Владимірѣ, Ярославѣ), гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ“ — вотъ его главное воззрѣніе, которое проходитъ черезъ всю его записку о древней и новой Россіи [3]) и легло въ основу его исторіи. Карамзинъ не отступилъ отъ этого положенія даже передъ ужаснымъ самовластіемъ Іоанна IV, а напротивъ озарилъ его необыкновеннымъ, ослѣпительнымъ для его современниковъ свѣтомъ. „Никогда и нигдѣ, говоритъ Карамзинъ о времени Іоанна IV, грозное самовластіе не предлагало столько жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усомни-

---

[1]) Кроп. стр. 207 — 211. [2]) Кроп. стр. 208 — 9. [3]) Записка 1811 г. по изд. Русск. арх. 1870 г., стр. 2238.

лась въ выборѣ между гибелью (казнимыхъ Іоанномъ) и сопротивленіемъ" [1]). Въ исторіи Карамзина, чтò онъ писалъ уже гораздо позже, именно въ 1814—15 г., говорится о томъ-же слѣдующее. Описавъ неистовства Іоанна и самоотверженіе казнимыхъ, онъ говоритъ: «Таковъ былъ царь, таковы были подданные! Ему-ли, имъ-ли должны мы наиболѣе удивляться! Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть государеву властію божественною и всякое сопротивленіе беззаконіемъ: приписывали тиранство Іоанново гнѣву небесному и каялись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою и надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели и что земное служитъ ей только искушеніемъ; гибли, но спасли для насъ могущество Россіи: ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная" [2]).

Не менѣе поразительна у Карамзина постановка вопроса объ обязательности для послѣдующихъ временъ народной русской воли, выразившейся въ избраніи Михаила Ѳеодоровича. „Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе, говоритъ Карамзинъ въ запискѣ 1811 г.,—никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного: цѣлости, блага Россіи... Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно и единодушно наименовали Михаила самодержцемъ, монархомъ неограниченнымъ... Написали хартію и положили оную на престолъ; сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ [3]). Самодержавіе есть палладіумъ Россіи. Цѣлость его необходима для ея счастія" [4]).

Но Карамзинъ понималъ самодержавіе не въ смыслѣ азіатскаго или папскаго абсолютизма, а въ той своеобразной формѣ, въ какой оно развивалось и развивается только въ Россіи. Онъ признавалъ его совмѣстимымъ и съ строгою законностію, и съ широкою гражданскою свободой и въ особенности съ свободой мнѣнія, слова. Оканчивая царствованіе Іоанна IV и стараясь

[1]) Записка, 2241. [2]) Ист. т. IX, стр. 98. [3]) Записка, стр. 2246—7. [4]) Записка, стр. 2343.

разгадать эту ужасную личность и послѣдствія ея дѣйствій, Карамзинъ въ своей исторіи говоритъ: „Несмотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, — героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, — есть для ума загадка, и мы усумнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ, если бы Калигула, образецъ государей и чудовище, если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, предметъ любви, предметъ омерзенія не царствовали въ Римѣ. Они были язычники; но Людовикъ XI былъ христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости, ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія: оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно азіатскимъ и римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка, сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ, озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана — есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна для государей и народовъ: вселять омерзеніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною дѣеписатель можетъ въ правленіи самодержавномъ выставить на позоръ такого властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны; но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія [1]), веля уму безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія“ [2]).

Карамзинъ доказалъ своею запискою 1811 г., что онъ широко понимаетъ права дѣеписателя, вооруженнаго истиною. Но еще убѣдительнѣе онъ доказалъ это своею запискою 1819 г. Въ этомъ году, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ это время Карамзинъ съ семействомъ жилъ лѣтомъ, императоръ Александръ I, возвратившись изъ Варшавы, куда ѣздилъ открывать польскій сеймъ, въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ съ Карамзинымъ сообщилъ ему,

---

[1]) Ссылка на французскую революцію. [2]) Ист. т. IX, стр. 259.

говоритъ Погодинъ, что хочетъ возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ, т. е. присоединить къ ней западную Россію. Карамзинъ воспламенился и рѣшился выполнить трудный и опасный долгъ русскаго гражданина. Онъ написалъ и подалъ государю записку, въ которой смѣло возсталъ противъ вредной для Россіи самостоятельности Польши и особенно противъ проекта оторвать отъ Россіи западныя губерніи и присоединить ихъ къ Польшѣ. Эта записка, важнѣйшія части которой приведены у Погодина [1]), лучше всего показываетъ основной взглядъ Карамзина на власть и на свободу мнѣнія. „Вы думаете, писалъ Карамзинъ, возстановить древнее королевство польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли были уже Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра, Екатерины, которую вы сами назвали великою... Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу! Наполеонъ могъ завоевать Россію, но Вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности... Я слышу русскихъ и знаю ихъ. Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ, Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу“.

По странной случайности это писано было почти въ то самое время, когда Пушкинъ пустилъ въ ходъ вышеприведенную шаловливую эпиграмму на Карамзина, у котораго потомъ просиживалъ

[1]) Погод. т. II, стр. 236—8.

вечера и успѣшно былъ укрощаемъ въ другихъ своихъ шалостяхъ женою Карамзина.

Поклонникъ самодержавія, Карамзинъ и въ своей исторіи, и въ своихъ запискахъ всегда предносилъ передъ государями, какъ и передъ всѣми, ихъ идеалы, нравственныя требованія, равно для всѣхъ обязательныя. Въ этомъ отношеніи онъ былъ смѣлѣе не только многихъ своихъ современниковъ, но и многихъ послѣдующихъ писателей. Онъ въ этихъ случаяхъ очень приближается къ славянофиламъ, т. е. ратуетъ смѣло, прямо за свободу мнѣнія и живое общественное участіе въ дѣлахъ. Это направленіе его особенно ощутительно въ его исторіи, когда онъ изображаетъ великіе моменты русской жизни, какъ куликовская битва, русскія завоеванія въ татарскомъ мірѣ и т. п. Вотъ, напримѣръ, картина сбора войскъ передъ куликовскою битвой: „Казалось, что Россія пробудилась отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ отъ имени татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ (русскихъ воиновъ) сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую: исчисляли всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцовъ. Князья, бояре-граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство хановъ равно всѣхъ угнетало отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ государь, обнажая мечь по движенію, столь добродѣтельному и столь единодушному. Народъ до временъ Калиты и Симеона, оглушаемый непрестанными ударами моголовъ, въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ князей московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость россіянъ, и менѣе страдая отъ ига иноплеменнаго, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оное“ [1]).

Есть, впрочемъ, у Карамзина нѣсколько дисгармоній съ этимъ высокимъ уровнемъ знанія дѣла и обязанностей историка. Самымъ ощутительнымъ образомъ эта дисгармонія сказалась у Карамзина въ болѣзненомъ вопросѣ его времени, — о московскомъ едино-

[1]) Т. V, стр. 35—6.

державіи. Вотъ самое выдающееся мѣсто, освѣщающее его пониманіе всей почти исторіи этого единодержавія, причемъ высшія нравственныя начала остаются въ тѣни, едва видна любовь къ Россіи и надъ всѣмъ возвышаются: практическая мудрость, польза, есть даже чисто публицистическіе намеки на тогдашнія современныя событія. „Россія, говоритъ Карамзинъ, характеризуя время Іоанна III, самаго любимаго имъ государя древней Руси, Россія около трехъ вѣковъ (съ начала татарскаго ига до Іоанна III) находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго (Василій Дмитріевичъ), дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ (Василій Темный) не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ горизонтомъ Россіи слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрахъ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшимъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководимый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость

Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европой и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя: принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ" [1]).

Это очевидное отступленіе Карамзина отъ обычныхъ его пріемовъ при оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій не есть только дань его слабости по отношенію къ Іоанну III. Оно скрывалось въ его основномъ взглядѣ на русскую исторію и надобно удивляться, какимъ образомъ оно составляетъ отступленіе отъ его нравственныхъ воззрѣній, а не эти нравственныя воззрѣнія составляютъ у него исключеніе. Пораженный въ русскомъ историческомъ движеніи преобладающимъ развитіемъ государственности, Карамзинъ и отдалъ ей преимущественное вниманіе и занимается въ своей исторіи больше внѣшними дѣлами, чѣмъ внутренними. Внутреннія явленія русской жизни, какъ русская община, вѣче, земскіе соборы, боярская дума, слабо имъ освѣщены. Въ послѣднія времена, говорятъ, Карамзинъ плохо вѣрилъ вообще въ русскія общественныя силы и тѣмъ исключительнѣе сосредоточивалъ свои упованія на русскомъ самодержавіи. „Одинъ изъ передовыхъ современниковъ и знакомыхъ Карамзина такъ объяснялъ мнѣ, говоритъ Погодинъ, приверженность его къ самодержавію: Карамзинъ не надѣялся на полити-

---

[1]) Т. VI, стр. 212—213.

ческія способности русскаго народа и въ особенности современнаго дворянства, и видя Россію великою, прославленною ея самодержцами, онъ боялся, чтобы это величіе не утратилось безсильными стремленіями къ лучшему, со стороны людей слабыхъ и ненадежныхъ и вмѣстѣ неопытныхъ, неприготовленныхъ" [1]). Въ этомъ свидѣтельствѣ одно не ясно. Если разочарованіе Карамзина дѣйствительно простиралось и на современное ему дворянство, то это однако не значило, чтобы онъ отвергалъ значеніе дворянства, какъ сословія. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ слишкомъ вѣрилъ въ историческое значеніе этого сословія и слишкомъ его преувеличивалъ. Вотъ слова въ запискѣ о древней и новой Россіи. „Монтескье сказалъ, пишетъ Карамзинъ: Point de monarque—point de noblesse,—point de noblesse—point de monarque! Дворянство есть наслѣдственное. Порядокъ требуетъ, чтобы нѣкоторые люди воспитывались для отправленія нѣкоторыхъ должностей и чтобы монархъ зналъ, гдѣ ему искать дѣятельныхъ слугъ отечественной пользы. Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждамые отличіемъ и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ. Личные подвижные чины не могутъ замѣнить дворянства родоваго, постояннаго, и хотя необходимы для означенія степеней государственной службы, однакожъ въ благополучной монархіи не должны ослаблять коренныхъ правъ, не должны имѣть выгодъ онаго... Не должно для превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи, заграждать пути къ высшимъ степенямъ; но пусть государь даетъ дворянство прежде чина и съ нѣкоторыми торжественными обрядами, вообще рѣдко и съ выборомъ строгимъ"... [2]) и т. д. Карамзинъ почти дословно соглашается и въ этомъ пунктѣ съ княземъ Щербатовымъ. При такомъ пониманіи значенія дворянства уже неизбѣжно было не только держаться Болтиновскихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ, но даже усиливать ихъ. Въ той же запискѣ Карамзинъ излагаетъ и свои мысли касательно освобожденія крестьянъ. Разобравъ историческіе элементы, изъ которыхъ составилось наше крѣпостное крестьянство, т. е. холопы и вольные люди, прикрѣпленные Годуновымъ, и сказавъ, что теперь нельзя разобрать, кто изъ нихъ изъ какого вышелъ слоя [3]),

---

[1]) Період. т. II, стр., 198—9. [2]) Записка 1811 г., стр. 2344. [3]) Стр. 2300—2.

Карамзинъ спрашиваетъ: „Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства? Хорошо: но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская“ [1]). Перебравъ затѣмъ неизбѣжныя послѣдствія такого освобожденія крестьянъ—эксплоататорскія отношенія къ нимъ землевладѣльцевъ, наживу кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, упадокъ земледѣлія, государственной безопасности, и высказавъ даже опасеніе, что правительство, отнявъ отъ помѣщиковъ блюстительную власть надъ крестьянами, возьметъ на свои рамена Россію и... „удержитъ ли, спрашиваетъ Карамзинъ? Паденіе страшно“! Онъ формулируетъ свое окончательное мнѣніе такимъ образомъ: „Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ“ [2]).

Къ чести Карамзина нужно сказать, что въ своей исторіи онъ не показалъ себя ни поборникомъ боярства, ни хвалителемъ Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ обоихъ этихъ вопросахъ онъ держится довольно близко къ дѣйствительному смыслу фактовъ. Закрѣпощеніе онъ понимаетъ, правда, какъ мѣру для благоустройства дѣлъ; но не скрываетъ, что она направлена была къ выгодѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, произвела раздраженіе въ боярахъ, негодованіе въ народѣ и безконечные ссоры и вражду даже между мелкими землевладѣль-

---

[1]) Записка. стр. 2302. [2]) Тамъ же, стр. 2304.

цами. „Что было слѣдствіемъ (закрѣпощенія), спрашиваетъ Карамзинъ? Негодованіе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ, безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ не прочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лишались выгодъ населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ. Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ"[1]).

Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ говоритъ: „Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, имѣлъ, однакожъ, и для нихъ вредное слѣдствіе частыми побѣгами крестьянъ... владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись"[2]).

Извѣстно, что даже не важныя болѣзни отзываются впослѣдствіи, нерѣдко совсѣмъ неожиданно. Такъ и въ Карамзинѣ отзывалось иногда его старое увлеченіе западноевропейскими воззрѣніями. Мы видѣли, какъ много онъ излечился отъ этой болѣзни, по мѣрѣ того, какъ углублялся въ область нашего прошедшаго и оживалъ русскою душою; но когда онъ выходилъ изъ этой глубины нашего прошедшаго на поверхность своей современности, гдѣ преобладающимъ направленіемъ было увлеченіе западноевропейскими воззрѣніями, онъ, самъ того не сознавая, воскрешалъ въ себѣ эти воззрѣнія, даже въ борьбѣ съ ними. Остатки старой болѣзни, повидимому, изгнанной изъ его существа, оживали отъ міазмовъ окружавшей его современности, когда онъ входилъ въ нее. Въ этихъ случаяхъ, Карамзинъ, столь близкій, какъ мы видѣли, къ воззрѣніямъ славянофиловъ, жестоко удалялся отъ этихъ воззрѣній. Никакой сознающій себя послѣдовательный славянофилъ не могъ разсуждать такъ ни о дворянствѣ, ни о крестьянствѣ... Но нужно сказать въ извиненіе Карамзина: нѣтъ основаній думать, чтобы онъ сознательно дѣлалъ подобныя отступленія отъ старыхъ русскихъ воззрѣній. Никогда

[1]) Т. X, стр. 120 — 1. [2]) Т. XI, стр. 51.

не нужно забывать слѣдующей дорогой особенности Карамзина,— онъ, даже падая, падалъ честно, никогда не измѣнялъ любви къ Россіи и никогда не задумывался смирить и уничтожить свое я, когда приходилось сопоставлять его съ благомъ Россіи. „Любя отечество, заканчиваетъ Карамзинъ свою записку 1811 г., любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподаннаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: да блюдетъ царя и царство россійское“ [1]). „Государь! Въ волненіи души моей, начинаетъ Карамзинъ свою записку 1819 г., любящей отечество и васъ, спѣшу послѣ нашего разговора излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ вами“ [2])... „Господь сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину“, высказывался Карамзинъ въ другомъ мѣстѣ той же записки [3]). Силу искренности этихъ словъ можно ясно видѣть изъ слѣдующей приписки на этой же запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ Карамзина: „Читано государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ, обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душою разстались, кажется, на вѣки... Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина россійскаго? Любилъ ли отечество? вѣрилъ ли добродѣтели? вѣрилъ ли Богу“? [4]). Да, потомство въ лучшихъ его представителяхъ вѣритъ этому объясненію и простило Карамзину проявленія его старой западноевропейской болѣзни, тѣмъ болѣе, что эти проявленія были мимолетны и кратковременны, а болѣе и болѣе постояннымъ и возрастающимъ направленіемъ его было русское, даже до забвенія всего чужаго. Въ 1825 г. Карамзинъ писалъ Тургеневу за границу: „для насъ русскихъ съ душою одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ. Все прочее есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Думать, мечтать можемъ мы во Франціи, Англіи, Германіи; но дѣло дѣлать единственно въ Россіи; или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуножное животное“ [5]).

[1]) Записка, стр. 2350. [2]) Погод. т. II, стр. 236. [3]) Тамъ же, стр. 238. [4]) Тамъ же, стр. 239—40. [5]) У Погодина. Торж. собр. акад. наукъ, стр. 44, и въ рѣчи Петровскаго. Каз. унив. извѣст. 1867 г. III, стр. 107.

Самымъ полнымъ, торжественнымъ образомъ мнѣніе потомства о Карамзинѣ выразилось въ 1866 г. 1-го декабря въ день празднованія столѣтія со времени его рожденія. Празднованіе это совершалось по всей Россіи. О Карамзинѣ высказывались и скромные труженики и сильные авторитеты, не мѣняющіе своихъ мнѣній. Мы уже знакомы съ отзывомъ Погодина. Погодинъ же еще прежде изданія біографіи Карамзина въ своей рѣчи въ академіи наукъ изобразилъ нравственный характеръ Карамзина [1]). Не будемъ приводить отзывовъ нашихъ словесниковъ, изъ среды которыхъ воздавали дань славы Карамзину такіе авторитеты, какъ профессоръ Буслаевъ, академикъ Гротъ, А. Д. Галаховъ. Укажемъ на то, что̀ ближе къ нашему предмету. Вотъ нѣкоторыя изъ сужденій о Карамзинѣ первѣйшаго нашего историка, покойнаго С. М. Соловьева, поставившаго, какъ увидимъ, дѣло нашей науки значительно иначе, чѣмъ Карамзинъ. Съ обычною своею даровитостію Соловьевъ даетъ твердую постановку объясненію, почему Карамзинъ занятъ былъ по преимуществу государственнымъ развитіемъ Россіи. Соловьевъ обозначаетъ два пути, которые одинаково вели Карамзина къ этому взгляду — русско-славянское чувство и изученіе нашего прошедшаго. „Мысль русскаго человѣка, мысль славянина, говоритъ Соловьевъ, должна была остановиться прежде всего на томъ явленіи, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ народъ русскій одинъ образовалъ государство, не только не утратившее своей самостоятельности, какъ другія, но громадное, могущественное, съ рѣшительнымъ вліяніемъ на историческія судьбы міра... Это сознаніе единственнаго славянскаго государства, полноправнаго, пользующагося главными благами историческаго существованія, самостоятельностію и великимъ значеніемъ среди другихъ государствъ, это сознаніе вполнѣ отразилось въ исторіи государства Россійскаго, которую можно назвать величественною поэмой, воспѣвающей государство“ [2]). Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, Соловьевъ объясняетъ, какъ къ тому же выводу Карамзинъ пришелъ и научнымъ путемъ. „Когда вскрылись (передъ Карамзинымъ), говоритъ онъ, памятники древности, то глазамъ историка предстала эта медленная и великая работа вѣковъ надъ государственнымъ зданіемъ,

---

[1]) Торж. собр. ак. н. 1866 г. [2]) Моск. университ. извѣстія 1866 — 7 г. № 3, стр. 179.

и почувствовалъ онъ благоговѣйное уваженіе къ этой работѣ и ея слѣдствіямъ; поспѣшность движенія явилась для него столь же беззаконною, какъ и отсутствіе движенія: хотѣть лишняго и не хотѣть нужнаго равно предосудительно, говорилъ онъ. И во имя исторіи заявилъ онъ протестъ противъ движеній перваго десятилѣтія XIX вѣка, бывшихъ въ его глазахъ слишкомъ быстрыми, не истекавшими изъ существенныхъ потребностей страны". „Къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно, говорилъ онъ; Россія существуетъ около тысячи лѣтъ, и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ американскихъ. Воспитанникъ Екатерининскаго вѣка твердилъ людямъ, наклоннымъ къ внѣшнимъ преобразованіямъ, что не формы, а люди нужны".

„Чѣмъ болѣе историкъ вглядывался въ постепенное образованіе великаго государственнаго тѣла Россіи, чѣмъ болѣе вникалъ онъ, какъ присоединялись кость къ кости и суставъ къ суставу, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ величіе дѣла собиранія русской земли, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ единство русскаго народа: вотъ почему такъ сильно заволновался историкъ и заявилъ горячій протестъ во имя русской исторіи и во имя Екатерины II, когда явилась мысль о возможности урѣзать живое тѣло Россіи; подобно древнимъ русскимъ дѣятелямъ, не потерпѣлъ историкъ, чтобы разносили розно русскую землю и въ народномъ русскомъ поминаньи о Карамзинѣ напишется тоже, что писалось въ лѣтописяхъ о людяхъ знаменитыхъ обороной родной страны: Онъ постоялъ на сторожѣ русской земли".

„Народы живые, не утратившіе уваженія къ самимъ себѣ, не забываютъ такихъ людей", говоритъ Соловьевъ въ заключеніе своей рѣчи [1]).

Замѣчательно, что на Карамзинскомъ торжествѣ въ Москвѣ и въ Казани подняты были вопросы, весьма трудные для автора исторіи россійскаго государства. Такъ, въ московскомъ и въ казанскомъ университетѣ взялись разъяснять значеніе Карамзина юристы. Въ Москвѣ самый видный знатокъ русскихъ историческихъ законодательныхъ памятниковъ, Н. В. Калачевъ, въ своей

---

[1]) Моск. унив. изв. 1686—7 г. № 3, стр. 183 — 4.

рѣчи прошелъ черезъ всю исторію Карамзина и раскрылъ великую его работу по этой части. Такъ, онъ, между прочимъ, указываетъ, что только изъ Карамзина мы знаемъ объ устройствѣ опричнины, о земскомъ постановленіи 1611 г. при Ляпуновѣ, о дѣйствіи у насъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и въ гражданской области греческаго номоканона, и кромѣ того Н. В. Калачевъ указалъ на новые памятники, доказывающіе мужественное ратованіе Карамзина за русское право во времена Александра I, когда Сперанскій такъ безцеремонно пересаживалъ на нашу русскую почву кодексъ Наполеона. Н. В. Калачевъ говоритъ, между прочимъ: „Для стараго народа, писалъ Карамзинъ, не надобно новыхъ законовъ. Карамзинъ требуетъ, чтобы прежде всего сдѣланъ былъ сводъ нашихъ русскихъ указовъ и постановленій. Тогда откроются пробѣлы, требующіе пополненія, и откроются русскія правовыя начала. Русское право, говорилъ онъ, также имѣетъ свои начала, какъ и римское; опредѣлите ихъ и вы дадите намъ систему законовъ“ [1]). Въ Казани профессоръ Шпилевскій произвелъ подобный же пересмотръ исторіи Карамзина, даже сопоставилъ его съ послѣдующими дѣятелями-спеціалистами въ области права, каковы: Эверсъ, Рейцъ, К. Д. Кавелинъ и признаетъ, что если многія мнѣнія Карамзина оказались невѣрными, то всѣ юристы ему много обязаны фактическими указаніями. „Болѣе или менѣе обязанные ему, говоритъ онъ, знаніемъ судебъ нашего прошедшаго и успѣхами въ собственныхъ историческихъ трудахъ, мы, побуждаемые обязанностію благодарности, нынѣ торжественно и всенародно заявляемъ объ его великихъ заслугахъ. Къ этому насъ побуждаетъ и народная гордость, потому что Карамзинъ—наша народная слава“ [2]).

Въ Казани же, гдѣ инородческій вопросъ имѣетъ особенное значеніе и гдѣ даже историческое наше движеніе низведено было Щаповымъ до физіологическаго процесса разнородныхъ этнографическихъ элементовъ Россіи, большой знатокъ исторіи нашихъ восточныхъ инородцевъ, профессоръ Фирсовъ предъявилъ исторіографу самый трудный вопросъ, насколько онъ—Карамзинъ, уроженецъ восточной окраины, симбирской губерніи, и отдавшій

---

[1]) Моск. ун. изв. 1866—7, № 3, стр. 220—1. [2]) Уч. записк. каз. унив. 1867 г., т. III, стр. 99.

такъ много вниманія образованію русскаго государственнаго центра въ восточной, инородческой Россіи, насколько онъ выяснилъ вопросъ о восточныхъ инородцахъ?

Запросъ этотъ былъ тѣмъ щекотливѣе, что и теперь еще въ немъ много неяснаго, неизслѣдованнаго, а тѣмъ болѣе это было при Карамзинѣ. Кромѣ того, щекотливость увеличивалась еще тѣмъ, что Карамзинъ даетъ много значенія татарскому вліянію на русскую жизнь. Сличеніе исторіи Карамзина съ другими изслѣдованіями, конечно, давало большею частью неудовлетворительные отвѣты, но и при такой неудобной постановкѣ дѣла, профессоръ Фирсовъ не разъ признаетъ заслуги Карамзина, между прочимъ, въ томъ, что онъ указалъ на мирную русскую колонизацію на востокѣ Россіи, на превосходство русской цивилизаціи и на великое въ этомъ отношеніи значеніе православныхъ просвѣтителей нашего востока [1]).

Юбилейное торжество въ честь Карамзина не тѣмъ только важно, что тогда въ пользу Карамзина высказалось большое число русскихъ людей, и между ними лучшіе наши авторитеты, такъ что во всемъ этомъ можно видѣть дѣйствительно русское народное сознаніе того, что сдѣлалъ Карамзинъ. Но карамзинское торжество важно еще тѣмъ, что къ этому торжеству и послѣ него издано много документальныхъ вещей о немъ,—переписка, неизданныя его бумаги, свидѣтельства его современниковъ. Рѣдкій изъ нашихъ писателей выступалъ когда либо съ такимъ богатымъ, блестящимъ вооруженіемъ. Въ прибавленіи къ росписи книгъ г. Межова за 1871 г. на стр. VII—XV помѣщено 173 № сочиненій и изданій о Карамзинѣ, а въ матеріалахъ для библіографіи литературы о Карамзинѣ, собранныхъ С. Пономаревымъ, статей и сочиненій о Карамзинѣ, когда либо изданныхъ, показано 453 [2]). Недочетъ былъ въ одномъ. Кое-гдѣ указывалось на оружіе его противниковъ, кое-гдѣ собиралось и это оружіе; но работа эта не была тогда сдѣлана,—не было показано, какимъ образомъ наша наука дошла до такого признанія Карамзина.

Мы теперь имѣемъ передъ собою собственно только два крайнія по времени явленія одного рода—всеобщій восторгъ при по-

---

[1]) Уч. зап. каз. унив. 1867 г., т. III, 28—51. [2]) Записки ак. наукъ за прошедшій годъ (1883), т. XLV, стр. 85—130.

явленіи труда Карамзина и почти всеобщее прославленіе его черезъ сто лѣтъ послѣ его рожденія или черезъ 50 почти лѣтъ послѣ появленія первыхъ 8 томовъ его исторіи. Въ эти промежуточныя почти пятьдесятъ лѣтъ наша наука шла дальше, открывала себѣ новые пути, новыя направленія. Въ числѣ этихъ направленій первое по времени было такъ называемое скептическое, послѣдователи котораго всѣ были противниками Карамзина и старались ставить вопросы нашей науки совсѣмъ не такъ, какъ ставилъ ихъ Карамзинъ.

ГЛАВА IX.

Скептическая школа[1]).

Мы показывали, какъ Карамзинъ, по мѣрѣ изученія нашего прошедшаго, освобождался отъ космополитическихъ воззрѣній, и указывали случаи, въ которыхъ онъ возвращался къ этимъ воззрѣніямъ и неправильно рѣшалъ вопросы русской жизни. Между тѣмъ изъ среды его современниковъ вышла цѣлая группа писателей, составившая особую школу, которая осудила Карамзина именно за то, что онъ въ своей исторіи былъ слишкомъ русскимъ и сталъ будто бы въ разладъ съ европейскою наукою. Карамзинъ платилъ дань западноевропейскимъ воззрѣніямъ главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда принимался за рѣшеніе практическихъ, современныхъ ему вопросовъ русской жизни. Противники его, о которыхъ теперь у насъ рѣчь, напротивъ, давали мѣсто всему русскому въ современной жизни, а западноевропеизмъ переносили въ нашу прошедшую жизнь и по нему возсоздавали ее научно. Слѣдовательно, западноевропеизмъ проходилъ у нихъ

[1]) Мнѣнія скептич. школы изложены: въ Вѣстникѣ Европы съ 1818 г. и до первыхъ тридцатыхъ; въ Учен. запискахъ московскаго университета; въ Телеграфѣ Полевого и во многихъ другихъ журналахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ; въ Оборонѣ Нестора Буткова; въ сочин. Иванова о русскихъ хронографахъ и въ лекціяхъ Погодина, особенно спеціально въ 1 т. его лекцій, въ статьѣ о скептическомъ повѣтріи, стр. 325—469; въ новѣйшее время въ Кіевск. унив. извѣстіяхъ за 1871 г. №№ 9, 10 и 11, въ статьѣ профессора Иконникова — Скептич. школа въ русской исторіографіи и ея противники.

глубже, и рѣчи ихъ о русскомъ направленіи современной русской жизни могли быть только пустыми рѣчами. Это была школа такъ называемыхъ скептиковъ, во главѣ которой стоялъ профессоръ русской исторіи московскаго университета, М. Т. Каченовскій съ 1805 по 1842 г., издававшій, кромѣ того, Вѣстникъ Европы послѣ Карамзина, именно съ 1805 г. и Ученыя записки московскаго университета.

М. Т. Каченовскій. Мы знаемъ, что въ Москвѣ еще въ концѣ прошедшаго столѣтія началась сильная разработка московскаго главнаго архива, и что она, между прочимъ, передвинула центръ тяжести въ русской исторіи отъ древностей къ московскому единодержавію, и что Карамзинъ послѣдовалъ этому направленію. Намъ тоже извѣстно, что кромѣ главнаго въ этомъ направленіи дѣятеля Бантыша-Каменскаго, много помогалъ усиленію того же направленія старый дѣлецъ Миллеръ; но намъ тоже извѣстно, что, какъ иноземецъ, онъ направлялъ это изученіе московскаго единодержавія на окраины московскаго государства, на иноземныя его сношенія.

Въ московскомъ университетѣ такъ и осталось до позднѣйшихъ временъ это особенное вниманіе къ историческому развитію московскаго единодержавія. Осталось и миллеровское вниманіе къ иноземщинѣ и старыхъ, и новыхъ временъ, но приняло совсѣмъ иное направленіе.

Извѣстно, какъ много было тогда иноземцевъ въ московскомъ университетѣ, и, по естественному порядку вещей, европейская наука утверждалась въ этомъ новомъ разсадникѣ высшаго просвѣщенія въ своей, такъ сказать, природной иноземной окраскѣ и вмѣстѣ съ нею утверждалась авторитетность всего западноевропейскаго. Не только университетскія лекціи, но даже публичныя читались на иностранныхъ языкахъ—французскомъ, нѣмецкомъ. Такъ, особенно усердно читалъ въ Москвѣ на нѣмецкомъ, а иногда и на французскомъ языкѣ лекціи по всеобщей исторіи сынъ Шлецера. Такія счастливыя явленія, какъ усердіе извѣстнаго описателя московскихъ рукописныхъ сокровищъ профессора Маттея, какъ необыкновенная западноевропейская образованность перваго покровителя Карамзина, попечителя московскаго университета Муравьева, подобная же образованность тоже извѣстнаго намъ собирателя русскихъ древностей, графа Румянцева, содѣйствовали тому, что европейская

наука дѣлалась и русскою наукою; но это обрусѣніе европейской науки, странно сказать, особенно счастливо осуществлялось въ средѣ математиковъ московскаго университета, отчасти въ средѣ классиковъ и философовъ, а въ области русской исторіи оно произвело величайшую путаницу, изъ которой съ трудомъ потомъ выпутывались сами виновники ея. Но и путаница и выпутываніе изъ нея приносили не малую пользу нашей наукѣ. Тутъ многіе работали съ искреннимъ усердіемъ, нѣкоторые обладали и большими дарованіями и большимъ знаніемъ, поэтому нерѣдко приходили къ выводамъ, которые были случайными въ ихъ глазахъ, но принятые и разработанные другими, стали достояніемъ нашей науки. Но, что всего важнѣе, сильное, систематическое увлеченіе западной Европой большаго числа русскихъ людей, въ томъ числѣ и ученыхъ, чаще и чаще приводило къ сознанію чуждыхъ намъ національныхъ формъ, являвшихся у насъ подъ видомъ научности, заставляло очищать науку отъ этихъ чужихъ національныхъ формъ, выдѣлять изъ нихъ чистыя научныя формы и расширять дѣйствительно научныя требованія въ области нашей исторіи.

Извѣстный намъ Никита Муравьевъ въ своей критикѣ на исторію Карамзина, гдѣ, какъ мы знаемъ, онъ требовалъ пониманія въ исторіи внутренней борьбы и соглашенія понятій, желаній народа, въ одномъ мѣстѣ этой критики какъ бы выражаетъ вопль русскаго западноевропейца, что это требованіе его не будетъ уважено его современниками, ослѣпленными исторіей Карамзина. „Горе странѣ, говоритъ онъ, гдѣ всѣ согласны! Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спятъ силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая, подобно славѣ, пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей! Сомнѣнія, изложенныя съ приличіемъ, могутъ ли быть оскорбительными?“ [1]).

Услышали или нѣтъ въ Москвѣ этотъ вопль, мы не знаемъ; но тамъ сейчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ исторіи Карамзина стали выполнять програму Муравьева и прежде всего позаботились устранить не вопросъ о самолюбіи автора, а другія, болѣе важныя затрудненія. Каченовскій въ своемъ Вѣстникѣ Европы прежде всего

[1]) Н. М. Карамзинъ, соч. Погодина, т. II, стр. 199.

напалъ на патріотическое отношеніе въ наукѣ къ своему прошедшему и потребовалъ холоднаго, безъучастнаго отношенія къ фактамъ, каковы бы они ни были, лишь бы возстановлялась истина. „Любовь къ отечеству, писалъ Каченовскій въ Вѣстникѣ Европы въ 1819 г., въ статьяхъ, подъ заглавіемъ: Письма къ другу отъ кіевскаго жителя, любовь къ отечеству есть долгъ гражданина, долгъ священнѣйшій и столько же пріятный для души благородной; безпристрастіе же есть первый, важнѣйшій, непремѣнный долгъ бытописателя. Я хочу знать о происшествіяхъ, объ историческихъ лицахъ описываемой страны, а вовсе не о томъ, гдѣ родился историкъ и до какой степени любитъ онъ свое отечество". За этимъ нужно было одолѣть затрудненіе еще болѣе важнаго свойства—достоинство русскаго историческаго развитія, такъ какъ съ западноевропейской точки зрѣнія оно представлялось невозможнымъ, и всякое сближеніе его съ явленіями греческими и римскими должно было казаться дерзостію. Разбирая въ своемъ Вѣстникѣ Европы (1818—1819 г.) предисловіе Карамзина, Каченовскій съ великою ироніей относится къ попыткѣ Карамзина подвергнуть критикѣ разсказы о классическомъ мірѣ Ѳукидида, Тацита сравнительно съ памятниками нашей русской древности. Иронически повторяя выраженія Карамзина, что и въ классическомъ мірѣ, если отбросить прикрасы писателей, выйдетъ, что толпы злодѣйствовали, рѣзались, Каченовскій прибавляетъ: „но сіи толпы принадлежали тогда къ просвѣщеннѣйшей части рода человѣческаго, имѣвшей тогда же великихъ полководцевъ, правителей, ораторовъ, поэтовъ, художниковъ и оставившей намъ безсмертные памятники бытія своего въ мірѣ,—преимущества, которыхъ, надобно говорить правду, не видимъ въ современникахъ Владиміровичей и Ольговичей (рабство у грековъ и римлянъ и варварское отношеніе къ другимъ народамъ забыты).

Въ отрицаніи патріотизма и достоинства древней русской исторической жизни, намъ слышится Шлецеръ, который своимъ Несторомъ дѣйствительно далъ московскимъ скептикамъ первый толчекъ въ эту сторону и тѣмъ сильнѣе опять повернулъ русскіе умы къ древнѣйшимъ временамъ русской исторіи, что развивать скептическія положенія въ приложеніи къ позднѣйшимъ русскимъ событіямъ было крайне неудобно по цензурнымъ причинамъ. Но и Шле-

церъ оказался для нашихъ скептиковъ неудовлетворительнымъ. Они взяли у него положеніе, что въ старину русскій народъ былъ въ дикомъ состояніи; взяли у него и то положеніе, что въ нашихъ лѣтописяхъ есть не мало баснословія; но въ разъясненіи этихъ положеній пошли гораздо дальше его. „Не оскорбляя памяти величайшаго знатока исторической критики, говоритъ Каченовскій о Шлецерѣ, осмѣлимся замѣтить, что онъ съ излишнею довѣренностію, и хотя похвальнымъ, но не всегда благопріятнымъ для изслѣдованій энтузіазмомъ, смотрѣлъ на наши лѣтописи“.

Прилагая шлецеровскій же пріемъ изслѣдованія къ нашей начальной лѣтописи, скептики остановились на томъ фактѣ, что списки нашихъ лѣтописей не восходятъ раньше XIII — XIV в., и стали утверждать, что это и есть произведеніе XIV или XIII в., и для болѣе древнихъ временъ имѣетъ мало значенія. То, что мы называемъ лѣтописью Нестора, по мнѣнію скептиковъ, имѣетъ въ своей основѣ монастырскія записки, которыя сводилъ въ XII в. Несторъ, а позднѣйшія списатели его разукрасили баснями. Такимъ образомъ, Шлецеръ превращалъ въ tabula rasa нашу историческую жизнь до призванія князей и видѣлъ на этой tabula rasa однѣ лишь черты нашего варварства. Наши скептики превращали въ tabula rasa съ тѣми же чертами варварства и первые времена нашей княжеской Руси, уничтожая этимъ самымъ и призваніе князей и всю ту культурную работу норманновъ, которая такъ занимала нашихъ ученыхъ нѣмцевъ и въ томъ числѣ Шлецера.

Но когда же и откуда взялись на русской землѣ сѣмена цивилизаціи и на чемъ основать извѣстія объ этихъ сѣменахъ? Вліяла, хотя очень слабо, говорили скептики, Византія, но главное вліяніе на Россію, и только съ XII в., принадлежитъ западной Европѣ, когда послѣдовали торговыя связи ея съ нашими сѣверозападными областями — Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ. То, что даютъ намъ извѣстія объ этихъ сношеніяхъ, и что можно признать подлиннымъ въ Русской Правдѣ, то только и можетъ служить достовѣрнымъ указаніемъ на наше русское состояніе за это, самое древнее для насъ время.

Каченовскій такое большое значеніе придавалъ этой именно постановкѣ дѣла, что въ 1828 г. самъ напечаталъ въ своемъ журналѣ Вѣстникъ Европы изслѣдованіе о Русской Правдѣ. Въ

этомъ изслѣдованіи онъ прилагаетъ и къ Русской Правдѣ тотъ же пріемъ, посредствомъ котораго онъ низвелъ нашу начальную лѣтопись къ XIII, XIV в. „Списки Русской Правды, говоритъ онъ, не восходятъ ранѣе XIII вѣка; притомъ мы не имѣемъ и за это время оффиціальнаго экземпляра этого памятника: слѣдовательно по этимъ уже причинамъ мы не можемъ давать этому памятнику болѣе древняго значенія. Но это положеніе подкрѣпляется еще внутренними признаками этого памятника. Въ немъ есть такія правовыя особенности, которыя Европа узнала не раньше XII вѣка, и которыя отъ нея могли перейти въ Россію посредствомъ тѣхъ же торговыхъ сношеній ея съ нашими сѣверозападными областями въ XII—XIII столѣтіи. Головничество нашей Русской Правды, вира, счетъ на гривны,—все это западноевропейскія юридическія особенности, перешедшія къ намъ въ XII—XIII ст. чрезъ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ. Мы увидимъ, что эти положенія нашихъ скептиковъ, при всей видимой ихъ самостоятельности, въ дѣйствительности были воспроизведеніемъ чужихъ мнѣній, въ которыхъ подъ наружною оболочкою научности скрывались, какъ и у Шлецера, весьма ненаучныя вещи. Скептики тутъ воспроизводили теорію нашихъ балтійскихъ ученыхъ нѣмцевъ. Но подражательность ихъ простиралась еще дальше.

Появленіе изслѣдованій Нибура о римскихъ древностяхъ [1]), которыя этотъ писатель разоблачалъ отъ баснословій съ великою ученостію и смѣлостію, возбудили въ нашихъ скептикахъ новую бодрость и рѣшительность въ очищеніи нашихъ древнихъ памятниковъ. „Мы стоимъ на краю неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на сѣверѣ въ давно минувшіе вѣки, писалъ Каченовскій въ 1828 г. Наступитъ время, когда мы удивляться будемъ тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ. Утѣшимся-же, если мысль сія можетъ показаться непріятною для самолюбія нашего. Примѣръ передъ глазами: таковы-ли нынѣ первые вѣки Рима, какими они представлялись взорамъ ученыхъ до Нибура [2])“? Нашимъ скептикамъ непремѣнно хотѣлось произвесть такія-же разоблаченія отъ баснословія и въ памятникахъ

[1]) Началъ издавать свои изслѣдованія съ 1811 и до 1832 г. [2]) Вѣст. Евр. 1828 г. № 13—16.

нашей древности, сдѣлать съ нашимъ Несторомъ тоже, что дѣлалъ Нибуръ съ Титомъ-Ливіемъ и открыть въ нашей исторіи тоже баснословный періодъ. „Каждое царство и каждый народъ, говорится въ Вѣстникѣ Европы за 1830 г., имѣютъ свой вѣкъ баснословный. Смотрите на первое появленіе всѣхъ государствъ, не говорю уже древнихъ, но окружающихъ рожденіе нашего отечества: увидите дѣтскую колыбель ихъ, лелѣемую разсказами о такихъ же басняхъ и невѣроятностяхъ, какъ и въ миѳахъ грековъ и римлянъ. Это естественно... Мы еще доселѣ не имѣемъ отдѣльнаго миѳологическаго вѣка"...

Такимъ миѳологическимъ вѣкомъ наши скептики признавали все время до Владиміра, на томъ основаніи, что достовѣрная исторія является на сѣверѣ вездѣ со времени принятія христіанства. Въ подтвержденіе этого разбирался опять нашъ Несторъ и доказывалась и скудость и сомнительность его извѣстій до XII вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Несторъ низведенъ до положенія собирателя монастырскихъ записокъ, да и то лишь составителя вѣроятнаго. При этомъ анатомированіи нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ сильно доставалось Карамзину. Кромѣ Каченовскаго, разбиравшаго собственно предисловіе Карамзина и нападавшаго на него за тѣ измѣненія, какія дѣлались въ его исторіи при переводѣ ея на французскій языкъ, разборомъ исторіи Карамзина занялся одинъ изъ весьма логическихъ послѣдователей Каченовскаго, Арцыбашевъ. Онъ разобралъ два тома исторіи Карамзина и нападалъ на него за разныя неточности и еще болѣе за прославленіе Олега, Ольги и т. под. Доставалось далѣе и Болтину за его вниманіе къ договорамъ Олега и Игоря и къ іоакимовской лѣтописи. Наконецъ, доставалось сильно даже Шлецеру за его уваженіе къ нашей начальной лѣтописи. Онъ осуждался за то, что мало нашелъ въ этихъ памятникахъ баснословнаго, когда по мнѣнію скептиковъ, слѣдовало найти ихъ больше. Мало того, даже научный пріемъ Шлецера низведенъ на низшую степень. „Шлецеръ оказалъ намъ, говоритъ Каченовскій, великую услугу, обративъ ученое вниманіе на наши временники; но высшая критика сихъ временниковъ начинается только въ наше время" [1]). Эта высшая критика, требовалъ Арцыбашевъ, должна состоять въ строгомъ сличеніи нашихъ домаш-

[1]) Уч. Записк. моск. унив., кн. 1 стр. 278—298.

нихъ извѣстій съ иностранными, что дѣлалъ и Шлецеръ, и кромѣ того въ строгомъ соображеніи нашихъ событій съ ходомъ ихъ въ западной Европѣ. Сравнительный методъ изученія нашей исторіи и исторіи другихъ народовъ сталъ догматомъ школы скептиковъ. Самъ Каченовскій былъ страстнымъ поклонникомъ этого метода, т. е. собственно поклонникомъ западноевропейской культуры, невѣрное сравненіе съ которой нашей исторіи и было причиной всѣхъ его увлеченій и ошибокъ.

Но эти увлеченія и ошибки не должны закрывать передъ нами дѣйствительныхъ заслугъ скептиковъ. Байеръ, Шлецеръ направляли сравненіе нашей исторіи съ исторіями другихъ народовъ къ выясненію великаго будто-бы вліянія на насъ германской культуры. Русскіе люди,—Каченовскій и его послѣдователи не могли остановиться на такой узкой, нѣмецко-патріотической задачѣ Байера, Шлецера; они смѣло пошли дальше и стали усердно обходить всѣ страны міра, чтобы найти сближенія съ нашими событіями.

Для нашихъ скептиковъ вся европейская культура одинаково была важна, если они находили сходство ея явленій съ явленіями нашей русской жизни. Такимъ образомъ, наши скептики гораздо выше ставили знамя научности, чѣмъ наши первые ученые нѣмцы, болѣе успѣшно добирались до общечеловѣческихъ законовъ въ развитіи человѣчества, и при этомъ даже пришли совершенно неожиданно къ догадкамъ, совсѣмъ противоположнымъ и нѣмецкимъ патріотическимъ увлеченіямъ, и какимъ-либо другимъ національнымъ западноевропейскимъ увлеченіямъ. Ища во всеобщей исторіи объясненія явленіямъ нашей древней исторической жизни, они естественно обращались и къ исторіи другихъ славянскихъ народовъ. Это привело ихъ къ предположенію, что въ древнѣйшемъ нашемъ развитіи на сѣверозападѣ должны были принимать участіе больше всего балтійскіе славяне. Каченовскій и нѣкоторые его послѣдователи рѣшительно утверждали, что нашъ Новгородъ колонизованъ балтійскими славянами, что этимъ именно путемъ переходила къ намъ западноевропейская культура[1]).

---

[1]) Сводъ этихъ мнѣній можно читать въ Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ за 1871 г. № 9, стр. 37 и № 10, стр. 6 и 7, въ изслѣдованіи о скептикахъ профессора Иконникова.

Постоянные толки о строго научномъ отношеніи къ лѣтописямъ, объ очищеніи ихъ отъ наростовъ, о разработкѣ ихъ текста вызывали на изученіе лѣтописей, и вышеупомянутый послѣдователь Каченовскаго, Арцыбашевъ предпринялъ огромный трудъ сличенія всѣхъ лѣтописныхъ списковъ, какіе только онъ могъ найти. Онъ написалъ три тома сочиненія подъ заглавіемъ: Повѣствованіе о Россіи, въ которомъ сличеніе лѣтописей по годамъ доведено до 1700 г. (изд. въ 1738—41 г.). Трудъ этотъ былъ предпринятъ съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ разнообразны, несогласны лѣтописныя извѣстія и какъ необходимо наши лѣтописныя данныя сопоставлять съ иностранными извѣстіями и архивными памятниками, т. е. актами, что Арцыбашевъ и дѣлалъ по мѣрѣ силъ своихъ.

Тенденція, скрывавшаяся въ основѣ этого труда, принадлежавшая всѣмъ скептикамъ, выразилась яснѣе въ другомъ трудѣ Арцыбашева, и гораздо болѣе серьезно въ трудахъ другихъ скептиковъ.

Каченовскій не разъ высказывалъ, какъ важна у насъ дипломатика, т. е. обработка оффиціальныхъ актовъ. Это-же повторяли и его послѣдователи и заявляли, что оффиціальные документы (въ томъ числѣ и оффиціальныя извѣстія лѣтописи) должны занимать первое мѣсто въ ряду источниковъ; а такъ какъ оффиціальные документы увеличиваются по мѣрѣ развитія государственности, то по этому уже одному московская государственность неизбѣжно должна была выступить и у скептиковъ на первый планъ. Арцыбашевъ еще въ 1821 году [1]) написалъ нѣсколько статей для объясненія самаго загадочнаго времени въ исторіи московскаго единодержавія, именно, времени Іоанна IV, которое съ такимъ поразительнымъ тактомъ и художественностію описалъ Карамзинъ. Арцыбашевъ въ своихъ статьяхъ ниспровергаетъ главнѣйшее основаніе Карамзинскаго взгляда—сочиненіе Курбскаго. Для него это тоже, что дурная лѣтопись, не заслуживающая довѣрія. Арцыбашевъ даже подрываетъ значеніе иностранныхъ свидѣтельствъ объ Іоаннѣ IV. Вмѣсто всего этого выдвигаются акты за время Іоанна, въ которыхъ, конечно, мало могло быть указаній на его жестокости.

---

[1]) Вѣстн. Европы ч. CXVIII, стр. 278, ч. CXX, стр. 126 и 184.

Въ средѣ скептиковъ явились даже попытки объяснить собраніе Руси въ Москвѣ, т. е. развитіе централизаціи въ Россіи по примѣру западноевропейскихъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ написалъ въ Моск. уч. извѣстіяхъ [1]) Станкевичъ статью о причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы, гдѣ это возвышеніе выяснено изъ географическихъ условій Москвы, вліянія монголовъ и сосредоточенія духовной власти,—послѣднее въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, какъ Гизо видѣлъ въ папствѣ объединеніе Европы.

Несравненно шире поняли значеніе актовъ и успѣшно повели это дѣло извѣстный Строевъ и его сотрудникъ и затѣмъ преемникъ Бередниковъ, изъ которыхъ послѣдній былъ ученикомъ и послѣдователемъ Каченовскаго, а первый, хотя не былъ ученикомъ Каченовскаго и бывалъ въ разногласіи и разладѣ съ съ нимъ, но во многихъ вопросахъ (о древ. деньгахъ) сходился съ нимъ, особенно въ позднѣйшее время жизни Каченовскаго. Съ нимъ его связывала и горячая преданность Каченовскому роднаго его брата Сер. Строева. Близокъ былъ къ идеямъ Каченовскаго и знаменитый Румянцевъ. Но всѣ они гораздо шире понимали дѣло о нашихъ памятникахъ. Придавая все значеніе актамъ, они дорожили и лѣтописями, много ими занимались и принимали участіе въ ихъ изданіи. Постепенно скептики возвращались и къ Карамзину. Румянцевъ былъ другомъ Карамзина; Строевъ составлялъ указатели къ его исторіи.

На скептикахъ и помимо сознанія ихъ отражалось вліяніе Карамзина. Такъ, они рѣшительно такъ-же, какъ Карамзинъ, понимали общественное значеніе русской исторіи и, какъ Карамзинъ въ первые годы своей дѣятельности разработывалъ свою исторію въ журналахъ, такъ этому пріему послѣдовали и скептики, даже въ гораздо болѣе сильной степени. Они какъ-бы возобновили время Новикова. Новиковъ собиралъ и взрослыхъ и особенно молодыхъ людей, чтобы направить ихъ къ высшему, главнымъ образомъ, нравственному общечеловѣческому развитію. Вождь скептиковъ Каченовскій тоже собиралъ около себя русскихъ людей, особенно молодыхъ, и тоже направлялъ ихъ къ высшему общечеловѣческому развитію, но не къ нравственному, а къ

[1]) Книга V.

умственному западноевропейскому развитію и въ эту область переносилъ русскую науку, русскую исторію. Онъ излагалъ на каѳедрѣ свои воззрѣнія,—слушатели его переводили эти воззрѣнія въ его изданія—Вѣстникъ Европы, Уч. записки моск. университета, то въ цѣломъ видѣ, то въ болѣе или менѣе самостоятельной разработкѣ. Это дѣйствительно была цѣлая школа съ профессоромъ во главѣ. Но эта школа и самъ ея вождь въ дѣйствительности находились подъ ближайшимъ вліяніемъ Карамзина и въ другомъ отношеніи, еще болѣе важномъ. Своей исторіей Карамзинъ далъ неисчерпаемый матеріалъ для ихъ работъ, а тѣмъ, что его исторія пріобрѣла неслыханное популярное значеніе, читалась многими тысячами, онъ возбуждалъ и усиливалъ въ русскомъ обществѣ интересъ къ вопросамъ русской исторіи, т. е. онъ, какъ выражался нашъ лѣтописецъ, взоралъ, обработалъ поле русской исторіи, на которомъ они сѣяли свои ученія. Скептики могли подорвать значеніе Карамзина только тогда, когда-бы дали русскому обществу русскую исторію лучше исторіи Карамзина. Скептиковъ давно и озабочивала эта мысль,—мысль составить по ихъ началамъ и издать русскую исторію. Мысль эта озабочивала самого Каченовскаго; но потомъ онъ отказался отъ нея изъ уваженія къ тѣмъ высшимъ задачамъ науки, которой онъ служилъ ошибочно, но съ нелицемѣрною искренностію и честностію.

Н. Полевой. За осуществленіе этой мысли взялся человѣкъ, страстно преданный скептикамъ по многимъ вопросамъ, хотя и стоявшій внѣ ихъ круга по своему образованію и положенію и часто разрушавшій нѣкоторыя ихъ положенія. Это самоучка, словесникъ и популярный въ средѣ молодыхъ людей журналистъ, извѣстный Н. Полевой. Въ своемъ журналѣ—Московскій телеграфъ онъ давно проводилъ и защищалъ теорію скептиковъ, наконецъ рѣшился написать всю исторію Россіи отъ начала до конца, т. е. до царствованія императора Николая. Въ дѣйствительности онъ далеко не дописалъ до этого предѣла. Онъ довелъ свою исторію до начала казней Іоанна IV. Изложилъ онъ эту исторію въ шести томахъ, изъ которыхъ первый явился въ 1828 г., а послѣдній въ 1833 г. Исторія Полевого носитъ заглавіе: Исторія русскаго народа, и посвящена Нибуру. По этимъ уже двумъ особенностямъ можно заключать, что тутъ дѣло будетъ идти въ разрѣзъ съ исторіей Карамзина и будетъ смѣлымъ вы-

раженіемъ теоріи скептиковъ. Русскій самоучка взялся совмѣстить въ своемъ трудѣ значеніе русской народной стихіи, какъ главной исторической силы, и высшую западноевропейскую научность. Замѣчательная талантливость, большая начитанность въ разнаго рода книгахъ и своеобразность и смѣлость человѣка, проложившаго себѣ дорогу къ высшему знанію сквозь всѣ преграды, придали труду Полевого не мало выдающихся особенностей, на которыя наука обратила вниманіе. Но въ этомъ трудѣ есть еще больше такихъ особенностей, которыя всегда будутъ служить поучительнымъ примѣромъ, какъ далеко можетъ зайти русскій человѣкъ, освободившійся отъ своихъ родныхъ авторитетовъ.

Собственно въ литературѣ нашей науки, исторія Полевого имѣетъ то главное и почти незамѣнимое достоинство, что она лучше всего показываетъ, какое чудовищное искаженіе всего нашего прошедшаго строя можно произвесть, примѣривая къ нему западноевропейскій строй, хотя бы то по самымъ научнымъ западноевропейскимъ книгамъ.

Полевой какъ и скептики выходитъ прежде всего изъ того положенія, что исторія должна быть правдива, научна, совершенно независима отъ личнаго отношенія писателя къ излагаемому имъ прошедшему. Поэтому онъ отвергаетъ карамзинское патріотическое отношеніе къ нашему прошедшему и раскрываетъ вредныя послѣдствія такого отношенія—преувеличеніе достоинствъ этого прошедшаго, перенесеніе на него нашихъ понятій, нравоучительный тонъ въ изложеніи исторіи, а тѣмъ болѣе желаніе дать занимательное чтеніе. Полевой признаетъ такой пріемъ старымъ, заброшеннымъ и Карамзина писателемъ совершенно отсталымъ, который, занявшись исторіей Россіи, пересталъ слѣдить за тѣмъ, какъ измѣнились взгляды на все въ западноевропейскомъ мірѣ, а въ этомъ мірѣ господствуетъ философское воззрѣніе на исторію, какъ на жизнь человѣчества, выражающуюся въ отдѣльныхъ, государственныхъ и народныхъ формахъ, но выражающихъ міровые законы человѣческой жизни [1]). „Новѣйшіе мыслители объяснили намъ вполнѣ, писалъ Полевой еще въ своемъ

---

[1]) Предисловіе, стр. XXXV—XXXVII. Тамъ же, на стр. XXXV указана критическая статья Полевого, напечатанная въ Моск. телеграфѣ въ 1829 г.

журналѣ Телеграфъ [1]), значеніе слова: Исторія. Исторія въ высшемъ значеніи не есть складно написанная лѣтопись временъ минувшихъ, не есть простое средство удовлетворить любопытство наше, нѣтъ; она практическая повѣрка философскихъ понятій о мірѣ и человѣчествѣ, анализъ философскаго синтеза. (Просимъ замѣтить, какъ здѣсь подъ видомъ научности, объективности возводится на первое мѣсто субъективность новѣйшихъ писателей и, слѣдовательно, неразрывно связанная съ нею національность). Здѣсь мы разумѣемъ, продолжаетъ Полевой, только всеобщую исторію и въ ней мы видимъ истинное откровеніе прошедшаго, объясненіе настоящаго и пророчество будущаго". Это вѣрно, но вѣрно и то, что и это откровеніе, и это объясненіе, и это пророчество могутъ быть близки къ истинѣ и понятны только при одинаковомъ знаніи всѣхъ частныхъ, народныхъ исторій, изъ которыхъ слагается всемірная исторія, какъ наука; а при малѣйшемъ, и тѣмъ болѣе при крупномъ нарушеніи равновѣсія въ знаніи, могутъ терять смыслъ всякое откровеніе, всякое объясненіе, всякое пророчество всемірной исторіи въ приложеніи къ данной народной исторіи. Полевой, конечно, не думалъ объ этой опасности. Смотря на дѣло съ теоретической точки зрѣнія, онъ простодушно всѣмъ частнымъ исторіямъ даетъ равное значеніе,—равно принижаетъ ихъ передъ всеобщей. „Историкъ смотритъ, говоритъ онъ, на царства и народы, эти планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ изображаетъ ходъ человѣчества, общественность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ цѣпь причинъ, производившихъ и производящихъ событія... Всеобщая исторія есть тотъ огромный кругъ, въ которомъ вращаются другіе, безчисленные круги, исторіи частныя народовъ, государствъ, земель, вѣрованій, знаній... Человѣчество живетъ въ народахъ, народы въ представителяхъ, двигающихъ грубый матеріалъ и образующихъ изъ него отдѣльные, нравственные міры". Здѣсь мы уже ясно видимъ, какъ въ этихъ словахъ Полевого сквозитъ чисто западноевропейскій взглядъ на государство, на историческія личности и на народъ. Тутъ у Полевого—вышедшаго почти изъ народа (сынъ купца) и рѣшившагося написать исторію русскаго народа—рѣ-

[1]) Это мѣсто и нижеслѣдующія напечатаны въ Телеграфѣ за 1829 г., т. XXVII.

шительное ниспровержение народной силы. Она—грубый матеріалъ для народнаго государственнаго строенія и для міроваго движенія человѣчества. Совершенно естественно вышло дальнѣйшее послѣдствіе, что и всю русскую исторію нужно принизить передъ западноевропейскою подъ видомъ всемірной. Дѣйствительно, всѣ симпатіи Полевого лежатъ въ области всеобщей, т. е. западноевропейской исторіи, и онъ дѣлаетъ весьма опасное приниженіе частнымъ исторіямъ, т. е. собственно русской. „Съ идеей человѣчества, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей исторіи, исчезъ для насъ односторонній эгоизмъ народовъ... Лѣстница безчисленныхъ переходовъ человѣчества и голосъ вѣковъ научили насъ тому, что уроки исторіи заключаются не въ частныхъ событіяхъ, которыя можемъ толковать и преображать по своему, но въ сущности, цѣлости исторіи, въ созерцаніи народовъ и государствъ, какъ необходимыхъ явленій каждаго періода, каждаго вѣка. Здѣсь только раскрываются для насъ тайны судьбы и могутъ быть извлечены понятія о томъ, что̀ въ состояніи, что̀ должны дѣлать человѣческая мудрость и воля, при законахъ высшаго, Божественнаго Промысла, неизбѣжныхъ и отъ насъ независящихъ“. Самоотреченіе Полевого отъ своей національности идетъ далѣе. „Историкъ, по его мнѣнію, долженъ отдѣлиться отъ своего вѣка, своего народа, самого себя“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Полевой тоже самое высказываетъ яснѣе. „Въ настоящей жизни, въ дѣйствіяхъ своихъ мы должны быть сынами отечества, гражданами Россіи, ибо космополитъ будетъ въ семъ отношеніи безумецъ, самоубійца въ гражданскомъ обществѣ. Такъ въ настоящемъ и совсѣмъ иначе въ прошедшемъ“. Какъ же иначе? Полевой мало разъясняетъ. Онъ только говоритъ, что для нашего прошедшаго мы должны быть безстрастными наблюдателями, безпристрастными повѣствователями [2]).

Изъ всѣхъ этихъ словъ Полевого видно, что онъ нашу русскую исторію будетъ излагать въ тѣснѣйшей связи съ явленіями всеобщей исторіи. „Необходимость разсматривать событія русскія, говоритъ онъ, въ связи съ событіями другихъ государствъ заставила меня вносить въ исторію русскаго народа подробности, не прямо къ Россіи относящіяся... Разсказывая ихъ, историкъ какъ

[1]) Предислов., стр. XI, X—XXI. [2]) Предисл. XXIX.

будто поднимаетъ завѣсы, которыми отдѣляется позорище дѣйствій въ Россіи, и читатель видитъ передъ собою перспективы всеобщей исторіи народовъ, видитъ, какъ дѣйствія на Руси, повидимому, отдѣльныя, были слѣдствіями или причинами событій, въ другихъ странахъ совершившихся"[1]).

Такимъ образомъ, Полевой взялъ положеніе скептиковъ — изучать русскую исторію сравнительно съ исторіей другихъ народовъ и приступилъ къ этому сравненію тоже, подобно скептикамъ, съ полнѣйшимъ національнымъ самоотреченіемъ, предполагая, конечно, что и въ тѣхъ народныхъ исторіяхъ, изъ которыхъ онъ будетъ брать сравненія, выражается тоже полное національное самоотреченіе, царствуетъ объективная истина, наконецъ, что онъ самъ также объективно и вѣрно будетъ дѣлать свои сближенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Полевой искренно такъ думалъ и искренно желалъ такъ дѣлать. Во имя этихъ завѣтныхъ убѣжденій онъ даже во многомъ отступилъ отъ своихъ учителей-скептиковъ. Но осуществились ли его намѣренія на дѣлѣ — это другой вопросъ.

Едва Полевой спустился съ высотъ своихъ умозрительныхъ взглядовъ въ реальную область русской исторіи, какъ сейчасъ же, даже вопреки указаніямъ своихъ учителей скептиковъ, погрузился въ національный нѣмецкій патріотизмъ и согласно съ Байеромъ и Шлецеромъ признаетъ норманское призваніе Рюрика, Синеуса и Трувора. Мало того, онъ выводитъ князей еще изъ болѣе національной среды — скандинавской, и соглашается, что именно изъ Рослангена — упландскаго берега Скандинавіи — вышли призванные князья. „Безполезно было бы, говоритъ онъ, опровергать здѣсь мнѣнія тѣхъ, кои не хотятъ признать въ варягахъ скандинавовъ"...[2]) (ссылка на диссерт. Погодина 1825 г.). „Они (варяги скандинавскіе) назвали себя Русь, именемъ, не означавшимъ ни страны, ни народа. При каждомъ сборѣ на войну, въ Скандинавіи, когда набѣги скандинавовъ были уже правильною системой тамошнихъ князей и вождей, на живущихъ внутри земли налагалась обязанность поставлять пѣшихъ воиновъ, а на живущихъ по берегамъ моря — гребцовъ и воиновъ въ лодкахъ: послѣдніе именовались руси и роси. Отъ того весь упландскій

[1]) Предисл. XLV. [2]) Томъ I, стр. 57.

берегъ, гдѣ было одно изъ главныхъ морскихъ становищъ, получилъ названіе Рослангена (мѣста сборища руссовъ). Вездѣ, куда приходили и гдѣ селились скандинавы, до нынѣ сохранились имена россовъ и руссовъ" [1]). Такой неожиданный скачекъ былъ необходимъ Полевому, чтобы выполнить основное его требованіе — связать русскую исторію съ всемірною. Скачекъ этотъ, впрочемъ, сейчасъ же заставилъ Полевого одуматься. Онъ вспомнилъ ученіе скептиковъ и потому дѣлаетъ призваніе князей только вѣроятнымъ, даже сомнительнымъ, т. е. касательно достовѣрности того, что князья были призваны, и что такими были Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. „Не отвергаемъ существованія Рюрика и двухъ братьевъ его, хотя оно весьма подозрительно" [2]). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту говорится: „Мы приняли уже пришествіе Рюрика и его братьевъ, какъ историческій фактъ. Но можемъ ли отвергнуть сомнѣнія критики, которая, основавшись на доказательствахъ о невѣрности лѣтописцевъ въ описаніи пришествія варяговъ, будетъ утверждать, что Рюрикъ никогда не существовалъ? Гдѣ дѣла его? Чѣмъ ознаменовано его бытіе? Если вспомнить, что слово Rik имѣло символическое значеніе — богатый, знатный (тоже, что германское reich: см. А. Тьерри — Lettres sur l'Histoire de France, стр. 178); что Бѣлоозеро и Изборскъ, упомянутые при началѣ, какъ владѣнія Рюрика, потомъ теряются въ лѣтописяхъ; что Олегъ впослѣдствіи беретъ землю кривичей, а Рогволодъ владѣетъ въ Полоцкѣ, отдѣльно завладѣвши имъ, то гдѣ тогда будутъ владѣнія Рюрика и самъ Рюрикъ? Тройство братьевъ варяжскихъ явно походитъ на миѳъ... Сличите тройство Кія, Щека и Хорева, трехъ сестеръ богемскихъ, трехъ ирландскихъ завоевателей" и т. д. Впрочемъ, сомнѣніе въ призваніи князей Полевому нужно было и по другимъ соображеніямъ. Ему болѣе нравилась первая половина текста несторовой лѣтописи о началѣ нашей государственности, т. е. та, гдѣ говорится сначала о завоеваніи Новгорода варягами. Это давало Полевому болѣе прочную связь нашей древней Россіи съ западной Европой. Путемъ норманскихъ завоеваній образовались государства западной Европы: почему же не думать, что норманны завоевали и Россію? Полевой и полагаетъ, что и Новгородъ завоеванъ варягами, и что по-

[1]) Томъ I, стр. 59—60. [2]) Тамъ же, стр. 53.

тому Олегъ повелъ завоевательную политику дальше,— завоевалъ югъ Россіи, и такимъ образомъ Россія объединена силою оружія[1]). Это заставило опять отступить отъ скептиковъ — признать хотя нѣкоторую вѣроятность начальной лѣтописи. Полевой даже вѣритъ и разсказамъ лѣтописи о походѣ Аскольда и Дира и затѣмъ Олега на Царьградъ, признаетъ и договоры русскихъ съ греками [2]); но эти отступленія отъ теоріи скептиковъ дали Полевому возможность тѣмъ тѣснѣе связать русскую исторію съ западноевропейскою. Въ договорахъ говорится о русскихъ князьяхъ, подвластныхъ главному князю. Это напоминало Полевому феодальное устройство. Онъ смѣло и переноситъ въ Россію феодальное устройство западной Европы и находитъ въ Россіи вассальныя области. Это представило ему еще ту выгоду, что онъ затѣмъ нашелъ возможность сойтись и съ нѣмецкими учеными, и съ скептиками. Завоеванный, угнетенный норманнами народъ не могъ быть, по словамъ Полевого, на значительной степени цивилизаціи. Жизнь и смерть его была въ рукахъ князей. По призыву князей онъ шелъ на войну, по требованію ихъ давалъ имъ дани. Но и князья съ варяжскими дружинниками, какъ и западноевропейскіе норманны, не были высокой культуры,— воевали разбойнически, грабили свой народъ[3]). Но тутъ Полевой расходится опять съ своими единомышленниками. Онъ, вопреки имъ, признаетъ достовѣрность Русской Правды; потому что въ ней, какъ и въ договорахъ, онъ находитъ подтвержденіе своей мысли о низкой культурѣ русскихъ: кровь за кровь, собственность за собственность, уста-

---

[1]) Томъ I, стр. 52 — 56; 69 и далѣе. [2]) Описавъ походъ Олега на Царьградъ, Полевой говоритъ: „какъ ярко отражается здѣсь X вѣкъ, нравы, обычаи руссовъ и политика грековъ! Разсмотрите договоръ Олега, и вы поймете тогдашнее состояніе Кіева и Царьграда... Сей достопамятный договоръ, первый драгоцѣнный письменный памятникъ русской исторіи, сохранился для потомства и вполнѣ вписанъ въ наши лѣтописи. Онъ составленъ былъ на славянскомъ языкѣ, извѣстномъ грекамъ, имѣвшемъ письмена для выраженія словъ и вѣроятно входившемъ уже въ общее употребленіе между варягами“ (т. I, стр. 127—8). Это должно было приводить въ ужасъ скептиковъ. [3]) „Туземцы, покорные варягамъ, были рабы. Право жизни и смерти принадлежало князьямъ, равно какъ имѣніе туземца, самъ онъ и семейство его. По приказу князя туземцы принимались за оружіе и шли въ походъ, предводимые варягами“ (т. I, стр. 73). Въ другомъ мѣстѣ: „варяги должны были налагать иго тяжелаго военнаго деспотизма на покорившіеся власти ихъ народы. Каждый варягъ долженствовалъ быть полновластнымъ повелителемъ туземца и видѣть въ немъ безоружнаго раба“ (т. I, стр. 70).

новившееся рабство. При этомъ Полевой, какъ иногда и скептики, нападаетъ на свѣтлую мысль. Русскую Правду онъ причисляетъ къ однороднымъ западноевропейскимъ памятникамъ, такъ называемымъ сборникамъ варварскихъ законовъ, но не видитъ необходимости связывать ее съ ними внутреннимъ родствомъ. Онъ утверждаетъ, что разные народы и помимо заимствованій могли составлять сходные законы и, что еще важнѣе, въ Русской Правдѣ онъ видитъ собраніе древнѣйшихъ русскихъ народныхъ обычаевъ[1]).

Сблизивъ такимъ образомъ Россію и западную Европу, Полевой оттѣняетъ затѣмъ ихъ различіе. Ходъ его мыслей слѣдующій. Одинаковое съ русскимъ, западноевропейское варварство тѣхъ старыхъ временъ ослаблялось и разрушалось тамъ наслѣдіемъ древней культуры[2]). Въ Россіи этого не было. Она, правда, приняла христіанство, но отъ разлагавшейся Византіи, которая не передала намъ этой древней классической культуры. Страсть сближать Россію съ западной Европой побудила Полевого умалить и значеніе у насъ христіанства, принятаго отъ грековъ. Оно, по мнѣнію Полевого, введено насильно, духовенство наше было ужасомъ для народа[3]). Наше христіанство выражалось, по его мнѣнію, или въ лицемѣрномъ благочестіи, или въ монашескомъ экстазѣ[4]). Однимъ словомъ, у насъ были тѣ же темные вѣка, что и на латинскомъ западѣ. Но Византія передала намъ другое важное на-

---

[1]) Томъ I, стр. 270, особенно примѣч. 209. Полевой говоритъ, что Русская Правда есть собраніе замѣтокъ о законахъ русскихъ, составленное въ Новгородѣ разными посадниками, въ разное время, чѣмъ руководствовались новгородцы при судопроизводствѣ, т. е. что Русская Правда есть сборникъ того, что прежде сохранялось въ преданіяхъ словесныхъ, что сборникъ сей дополнялся и измѣнялся, но что основаніе его древнее. Во второмъ томѣ при спеціальномъ разсмотрѣніи Русской Правды (т. II, стр. 151—3, примѣч. 150) онъ сближаетъ ее съ законами другихъ странъ Европы. Тутъ онъ даже нападаетъ на отвергающихъ древность этого памятника. „Есть еще люди, говоритъ онъ, вовсе отвергающіе древность Русской Правды. Они видятъ въ ней уложеніе, въ позднѣйшія времена, послѣ Ярослава, составленное. Такимъ людямъ надобно забыть прежде всего слово уложеніе и замѣнить его словомъ сборникъ. Тогда они увидятъ всю нелѣпость предположенія своего. Пусть сообразятъ они простоту, грубость, малосложность Русской Правды и идутъ отъ нея постепенно до Судебника и Уложенія. Они поймутъ постепенность переходовъ, которой не знали наши лѣтописцы, но мы знаемъ и должны знать". [2]) Томъ II, стр. 277. [3]) Т. I, 224 — 227; т. II, стр. 195 — 196. „Принявъ вѣру христіанскую по повелѣнію, видя въ сановникахъ духовныхъ особаго рода властителей, не понимая таинствъ религіи, ужасаемые въ будущемъ страшными карами за малѣйшее помышленіе, руссы не могли найти въ религіи крѣпкой утѣшительницы и спасительницы своей". Т. II, стр. 195. [4]) Т. II, стр. 200—1. „Нравственныя предписанія вѣры терялись для на-

слѣдіе, почему съ принятія христіанства Полевой и начинаетъ новый періодъ нашей исторіи. Византія передавала намъ понятіе объ единой монархіи, объ единой власти. Къ этому присоединились и азіатскія понятія о томъ же. Владиміръ, Ярославъ и были проводниками этихъ понятій [1]).

Но феодальныя понятія, полагаетъ Полевой, все таки жили у насъ, поэтому мы видимъ въ такъ называемое удѣльное время нашей исторіи борьбу феодальной и единодержавной власти. Борьба эта усиливается тѣмъ, что области развиваются, становятся особо, и тѣмъ, что сами князья заражаются этой системой и сосредоточиваютъ свои интересы въ своихъ семействахъ. Поэтому и величайшій человѣкъ нашей до-татарской Руси, Владиміръ Мономахъ, оказывается у Полевого поборникомъ этой семейной пользы, виновникомъ многихъ смутъ и вообще человѣкомъ корыстнымъ и неправдивымъ [2]).

Для подкрѣпленія объясненія, почему смуты были сильны и продолжительны, указывается остроумная и немаловажная причина,— различіе областей, даже этнографическое. Для большаго сходства нашей феодальной системы съ западноевропейскою нужны были города, стремившіеся къ самобытности и выдѣлившіе изъ себя группу вольныхъ городовъ. Такими и оказались у Полевого нѣкоторые наши города, особенно вольный Новгородъ.

Все это должно было объяснить татарскій разгромъ Россіи и татарское иго, которое, по естественному порядку вещей, Полевой признаетъ полезнымъ для Россіи, какъ облегчавшее объединеніе ея, образованіе въ ней единодержавной монархіи. Поэтому Полевой, подобно Карамзину, съ которымъ старался во всемъ расходиться, признаетъ великимъ человѣкомъ Іоанна III и не жалѣетъ о паденіи Новгорода и другихъ областей. Логичность требовала, чтобы Полевой, согласно съ Арцыбашевымъ, очистилъ и Іоанна IV отъ ужасовъ тиранства. Но этого не случилось, трудно судить, почему,—потому ли, что и въ исторіи развитія за-

---

рода въ обрядахъ, соблюденіи формъ, внѣшнемъ уваженіи къ церкви и священникамъ. И въ духовныхъ требахъ и вѣрованіяхъ, не въ одномъ судѣ церковномъ, повиновались священнику, какъ тіуну въ дѣлахъ гражданскихъ. Отъ сего долженствовало произойти двумъ крайностямъ: лицемѣрному безбожію и неограниченному религіозному восторгу" (о монашествѣ ниже). [1]) Т. II, стр. 31—40. [2]) Томъ II, стр. 365, 374.

падноевропейскаго единодержавія были тоже жестокіе государи, или потому, что разъ сойдясь съ Карамзинымъ, онъ не могъ уже освободиться отъ его вліянія. Вліяніе Карамзина, впрочемъ, лежитъ и на всей исторіи Полевого. Враждуя, полемизируя постоянно съ Карамзинымъ, онъ по нему и изучалъ русскую исторію и даже по нему излагалъ ее въ частныхъ случаяхъ. Самостоятельнаго, хорошаго изученія русской исторіи у него не было. Самостоятельнымъ оказывается только его система — забота провести одну мысль черезъ всю русскую исторію и еще болѣе важная забота доискиваться внутреннихъ причинъ историческихъ явленій. Въ этомъ послѣднемъ только смыслѣ исторія Полевого можетъ быть названа исторіей русскаго народа. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ она не имѣла и не имѣетъ значенія и, къ истинному злосчастію скептиковъ, служила лишь и служитъ очевиднѣйшимъ примѣромъ неудачнаго приложенія западноевропейскихъ явленій жизни къ нашимъ русскимъ, и печальнымъ доказательствомъ, какъ во имя самыхъ высокихъ общечеловѣческихъ и научныхъ принциповъ можетъ быть искажаема русская исторія[1]).

ГЛАВА X.

Противники скептиковъ.

М. П. Погодинъ. Шумныя дѣла такъ называемой скептической школы, приводившей, во имя высшихъ началъ науки, къ такимъ чудовищнымъ извращеніямъ смысла нашей исторіи, какъ исто-

[1]) Исторія Полеваго вызвала много и сочувствія въ несвѣдущихъ людяхъ, и злыхъ насмѣшекъ въ понимающихъ дѣло. Мнѣнія сведены у Иконникова, Кіевск. унив. изв., 1871 г., № 11, стр. 14 и примѣч. на 15 стр. „Полевой, говоритъ Погодинъ, прочелъ кое-какъ Гизо, Тьери, Биранта, и напуталъ исторію русскаго народа, уже забытую авторомъ еще болѣе, чѣмъ читателями (писано около 1846 г.), приставляя къ прежнимъ формулярнымъ спискамъ, на телеграфскій языкъ переведеннымъ, по нѣскольку словъ о развитіи, проявленіи, требованіяхъ вѣка, и вотъ, говорятъ, философское направленіе! Изслѣдователи о частныхъ предметахъ никогда съ нимъ не соглашаются (ибо его путанье обнаруживается не только при подробныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ простомъ чтеніи), и однакожь считаютъ долгомъ сказать: Карамзинъ полагаетъ вотъ какъ... Полевой — вотъ какъ... Перестаньте стыдить себя, господа!“ Лекціи, изслѣд., т. I, стр. 332, примѣч.

рія Полевого, убѣждали многихъ въ настойчивой необходимости новаго, основательнаго изученія и обработки нашихъ памятниковъ. Нужда эта стала осуществляться въ томъ же московскомъ университетѣ. За это взялся извѣстный М. П. Погодинъ. Еще въ дѣтствѣ онъ съ восторгомъ читалъ исторію Карамзина. Въ московскомъ университетѣ онъ, какъ самъ сознается, сталъ было поддаваться теоріи Каченовскаго [1]). Но въ 1825 г. въ своей диссертаціи о призваніи князей, онъ явился уже послѣдователемъ Шлецера, какимъ и остался по вопросу о призваніи князей до конца дней своихъ. Съ 1825 г. онъ вмѣстѣ съ всеобщею исторіей читалъ въ томъ же университетѣ и русскую рядомъ съ Каченовскимъ, но въ разрѣзъ съ его воззрѣніями. Старыя симпатіи къ русскому направленію Карамзина и сочувствіе къ пытливымъ сомнѣніямъ Каченовскаго, совмѣщались однако въ Погодинѣ и въ это время. Изъ этого двойственнаго положенія онъ вышелъ слѣдующимъ образомъ. Какъ бы въ утомленіи отъ разныхъ высшихъ жизненныхъ принциповъ науки, волновавшихъ тогда не только ученыхъ, но и общество, и однако не приводившихъ къ твердымъ рѣшеніямъ, Погодинъ сталъ заявлять и выполнять требованіе самаго тщательнаго и обстоятельнаго изученія фактовъ и такихъ строгихъ выводовъ изъ нихъ, которые бы походили на математическіе выводы. Математическій методъ изученія нашего прошедшаго и сталъ его методомъ въ его трудахъ по русской исторіи [2]).

---

[1]) Лекціи, т. I, стр. 329. „Онѣ (разсужденія Каченовскаго о русскихъ древностяхъ) подѣйствовали и на меня, хотя я съ 1820-хъ годовъ ратовалъ противъ Эверса и Каченовскаго и въ магистерской своей диссертаціи (1825 г.) разобралъ подробно сочиненіе перваго. Связь этнографическая Новагорода съ балтійскимъ поморьемъ мнѣ нравилась, а таинственные намеки о происхожденіи Русской Правды, тогда не слишкомъ еще для меня знакомой, возбуждали мое любопытство“. [2]) Несторъ, стр. 11 — 12; 13 — 14. „Представимъ себѣ, что кто нибудь хочетъ начинать ее (русскую исторію) съ XII столѣтія. Очень хорошо. Слушайте. Въ XII столѣтіи являются на сценѣ слѣдующія дѣйствующія лица: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Всеволодовичъ, Олегъ Святославичъ, Давидъ Игоревичъ, Володарь Ростиславичъ, Василько Ростиславичъ, Рюрикъ Ростиславичъ, Мстиславъ Святополковичъ и проч. Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами. Слѣдовательно, разсуждаю я далѣе (по образцу геометрической пропорціи, въ коей тремя извѣстными членами отыскивается четвертый неизвѣстный), страна наша искони принадлежала одному роду“ (стр. 11 — 12). ... „Иностранныя свидѣтельства, математическія заключенія отъ извѣстнаго безспорнаго о неизвѣстномъ и наши лѣтописи говорятъ одно. Какую историко-критическую силу имѣетъ это согласіе!“ (стр. 13).

По такому способу написано его сочиненіе — Несторъ, историко-критическое разсужденіе о началѣ русскихъ лѣтописей, которое онъ въ видѣ статей печаталъ сначала въ Журналѣ м. нар. просвѣщенія, въ 1834 г., а въ 1839 г. издалъ отдѣльною книгой. Вотъ оглавленіе статей этого сочиненія:

1. О достовѣрности древней русской лѣтописи вообще.
2. О времени и мѣстѣ сочиненія первой русской лѣтописи.
3. Лѣтописецъ Несторъ.
4. Несторова лѣтопись.
5. Источники несторовой лѣтописи.
6. О договорахъ русскихъ князей: Олега, Игоря и Святослава съ греками.
7. Обозрѣніе несторовой лѣтописи по источникамъ.
8. Сказки въ несторовой лѣтописи.
9. Достовѣрность извѣстій несторовыхъ.
10. Заключеніе лекцій о Несторѣ.

Подобно Карамзину, Погодинъ несамостоятеленъ въ области русскихъ древностей. Онъ, какъ мы уже говорили, принимаетъ за несомнѣнное положеніе ученыхъ нѣмцевъ о норманскомъ происхожденіи нашей государственности. Онъ даже усиливаетъ это положеніе на основаніи нижеслѣдующихъ изслѣдованій Эверса и Рейца, и идетъ дальше Карамзина въ признаніи культурнаго вліянія на нашу жизнь призванныхъ варяговъ. Онъ выдѣляетъ въ русской исторіи особый, нормальный періодъ — до Владиміра, о чемъ впослѣдствіи написалъ особую книгу. Но подобно Карамзину и даже гораздо смѣлѣе его, онъ освобождается отъ мнѣній нѣмцевъ по вопросу о культурномъ состояніи Россіи до призванія князей и въ первыя времена призванныхъ князей [1]). Достовѣрность русскихъ договоровъ съ греками и Русской Правды, о которой, впрочемъ, онъ въ этомъ своемъ сочиненіи только упоминаетъ, являлась у Погодина сама собою [2]). Далѣе, допустивъ норманскій періодъ русской исторіи, Погодинъ тѣмъ естественнѣе долженъ быть придать особенное значеніе просвѣтительному вліянію на насъ Византіи. Восточное христіанство и славянская книжность выступаютъ у него, какъ могущественные двигатели русской исторической жизни [3]).

---

[1]) Глава 1. О достов. древней русской исторіи, стр. 1—4. [2]) Глава VI. О договорахъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ греками, стр. 113. [3]) Стр. 91—102, особ. 96—7 и 101. „Вспомнимъ, говоритъ Погодинъ, что хри-

Отсюда еще далѣе уже неизбѣжно выступалъ Несторъ съ своею лѣтописью и не какъ одинокое явленіе, а какъ продолжатель просвѣщеннаго движенія, охватившаго Россію со времени принятія ею христіанства. Монастырскія записки, отдѣльныя сказанія, устныя преданія, пѣсни, греч. лѣтописи въ болгарскомъ переводѣ легли въ основу нашей лѣтописи [1]).

Погодинъ не отвергаетъ, что въ нашей лѣтописи есть баснословныя прибавки, какъ о смерти Олега, о мщеніи древлянамъ Ольги, о послахъ къ Владиміру съ предложеніемъ вѣры [2]), но сравнительное изученіе несторовой лѣтописи и иностранныхъ свидѣтельствъ о Россіи и вообще лѣтописей другихъ народовъ приводитъ его къ заключенію, что наша лѣтопись имѣетъ необыкновенную достовѣрность, и составитель ея Несторъ заслуживаетъ величайшаго уваженія [3]). Математическій методъ, — указаніе на богатство у Нестора точныхъ извѣстій, особенно указаніе на поражающее множество географическихъ данныхъ, которыхъ никто не можетъ опровергнуть, дали Погодину возможность освѣтить значеніе нашей начальной лѣтописи яркимъ свѣтомъ.

Но проповѣдникъ математическаго метода не удовольствовался этимъ. Заплативъ съ необыкновеннымъ усердіемъ дань этому

стіанство въ Кіевѣ начинается со временъ Аскольда и Дира, а христіанство безъ грамоты быть не можетъ (грамота же именно и была тогда изобрѣтена для сосѣдей — болгаръ); вспомнимъ, что при Игорѣ была соборная церковь, что при Ольгѣ былъ священникъ и переводчики, засвидѣтельствованные императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ (91). Грамота началась за 300 лѣтъ до Нестора: мудрено ли, что между ними задолго до него явились лѣтописатели, переводчики, которые перевели на свое болгарское, т. е. наше церковное нарѣчіе разныя греческіе историч. и богословскія книги? Мудрено ли, что болгарскіе духовные приходили къ намъ въ Кіевъ, имѣвшій частое и безпрерывное сообщеніе съ Константинополемъ и самою Болгаріей, даже съ цѣлію распространить у насъ христіанскую вѣру точно такъ, какъ за сто лѣтъ пришли къ нимъ безсмертные Кириллъ и Меѳодій? Мудрено ли, что болгаре принесли съ собою книги, которыми Несторъ воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ свои выписки въ свою лѣтопись"... и т. далѣе (стр. 96). Затѣмъ Погодинъ показываетъ, что Несторъ могъ получать свѣдѣнія и отъ самихъ грековъ (101 стр.)

[1]) Тамъ-же. [2]) 173 — 297. [3]) Все это тѣмъ большую получало силу, что такіе выводы по русской исторіи дѣлалъ профессоръ, читавшій и всеобщую исторію; но тутъ дѣло было не въ одной профессорской авторитетности. Погодинъ и на дѣлѣ обставлялъ свои изслѣдованія по русской исторіи данными изъ исторіи всеобщей. Онъ и начиналъ свое изслѣдованіе съ иностранныхъ свидѣтельствъ (стр. 1 — 8). Особенно побѣдоносно сдѣлано это сопоставленіе, главнымъ образомъ на основаніи Эверса, при разборѣ договоровъ съ греками, гдѣ каждая статья договоровъ сопоставляется съ дипломатическими данными тѣхъ временъ другихъ народовъ. (115 — 154).

методу, Погодинъ стремительно вырывается изъ его рамокъ къ Карамзину, въ просторъ сильнаго русскаго чувства къ родинѣ. Вотъ его заключительныя слова къ Нестору, составлявшія, какъ и все сочиненіе, его профессорскія лекціи... „Такъ, милостивые государи, по всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ, по всѣмъ самымъ мелкимъ наблюденіямъ, по всѣмъ усиленнымъ соображеніямъ, подвергая строжайшей критикѣ всѣ показанія лѣтописи и всѣ свидѣтельства постороннія, хладнокровно, безпристрастно, добросовѣстно, въ томъ положеніи, въ какомъ нынѣ находится наша исторія и ея критика, сколько до сихъ поръ извѣстно источниковъ и документовъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что первою нашею лѣтописью мы обязаны Нестору, кіево-печерскому монаху 11 столѣтія. Чѣмъ разнообразнѣйшему допросу подвергается онъ, тѣмъ чище, достовѣрнѣе, почтеннѣе является предъ глазами всякаго неумытнаго судьи, какъ старый Иродотъ (т. е. Геродотъ), на котораго также возводимо было много несправедливыхъ подозрѣній, впродолженіи вѣковъ. Всѣ клеветы и напраслины сбѣгаютъ чужою чешуею съ нетлѣнныхъ его останковъ. Да, м. г., мы обладаемъ въ несторовой лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ латинская Европа, какому завидуютъ наши старшіе братья славяне. Несторъ, во маракѣ 11 вѣка, въ эпоху междоусобныхъ войнъ, возъимѣлъ первый мысль предать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе государства, бурное его дѣтство, Несторъ проложилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новѣгородѣ и Волыни, Владимірѣ и Псковѣ, Кіевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали-бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ примѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностію, правдивостію и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ отечеству. Любовь къ отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ эпоху, когда господствовала личность, выраженіе о русской землѣ, когда всякій думалъ только о кіевскомъ, черниговскомъ или дорогобужскомъ княжествѣ, выраженіе о русской землѣ въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго заживо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душею къ Богу и удѣляющаго между тѣмъ по нѣсколько минутъ на размышленіе о земной своей отчизнѣ — явленія умилительныя.

Такъ, м. г., Несторъ есть прекрасный характеръ русской исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякой русскій, любящій свое отечество, ревнующій литературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ по всѣмъ правамъ долженъ занимать почетное мѣсто въ пантеонѣ русской литературы, русскаго просвѣщенія,—тамъ, гдѣ блистаютъ имена безсмертныхъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей славянской грамоты, которые научили нашихъ предковъ молиться Богу на своемъ языкѣ, между тѣмъ, какъ вся Европа въ священныхъ храмахъ лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ, гдѣ блистаетъ имя Добровскаго, законодателя славянскаго языка, обрѣтшаго непреложные законы въ движеніяхъ его коренныхъ элементовъ, сообщившаго филологіи ея высокое достоинство; тамъ, гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ нашего холмогорскаго рыбака, Ломоносова, давшаго намъ услышать новую, чудную гармонію въ отечественной рѣчи; гдѣ возвышается памятникъ Карамзина, котораго должны мы почитать Несторомъ нашего времени, идеаломъ русскаго гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гробъ нашего Пушкина, который опустился далѣе всѣхъ въ глубину русской души и извлекъ изъ нея самые славные звуки. Туда, туда постановимъ мы... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописателя, знаменитаго инока кіевопечерскаго, Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память и будемъ молиться ему, чтобъ онъ послалъ намъ духа русской исторіи, ибо духъ только, друзья мои, животворитъ, а буква, буква одна умерщвляетъ, по слову святаго писанія; мы будемъ молиться ему, чтобы онъ соприсутствовалъ намъ въ нашихъ разысканіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованія, въ коемъ таится все наше настоящее и будущее, объ отечественной исторіи"[1]).

Ниже мы увидимъ, откуда взялись намѣченные здѣсь новые элементы у этого проповѣдника математическаго метода и какъ они развернулись у него и у другихъ русскихъ ученыхъ.

П. Гр. Бутковъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ Погодинъ въ своихъ лекціяхъ освѣщалъ наше прошедшее другимъ свѣтомъ, чѣмъ скептики и, ниспровергая ихъ ученіе, возстановлялъ значеніе Карамзина, въ средѣ русскаго общества подготовлялся новый Болтинъ. Это упомянутый уже нами Бутковъ. Онъ усердно

¹) Несторъ, Погод., стр. 226—9.

вчитывался во все, что писалось по русской исторіи, изучалъ Карамзина и его предшественниковъ, изучалъ всѣ важнѣйшія изслѣдованія скептиковъ,—и все провѣрялъ по источникамъ, нашимъ и иноземнымъ. Результатомъ этого изученія было убѣжденіе, что наши скептеки страшно несправедливы по отношенію къ нашимъ древнимъ памятникамъ и къ культурному достоинству нашего древняго прошедшаго. Бутковъ увидѣлъ, что Шлецеръ справедливо высоко ставитъ эти памятники и что Карамзинъ справедливо видитъ культурность въ нашей дорюриковской и довладиміровой Руси. Но въ той и другой области онъ подобно Погодину пошелъ дальше и Шлецера и Карамзина. Въ особенности Бутковъ широко раздвинулъ область изысканій для уясненія культурнаго состоянія Россіи въ XI вѣкѣ, когда появилась наша первая лѣтопись, выяснилъ значеніе книжнаго, просвѣтительнаго вліянія на насъ Византіи и просвѣтительное значеніе кіевопечерскаго монастыря. Бутковъ пришелъ даже къ предположенію, что нашъ Несторъ зналъ греческій языкъ, и у Буткова-то и раскрыто, какъ въ кіевопечерскомъ монастырѣ сосредоточивались извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, на что мы обращали вниманіе въ свое время. Все это утверждало Буткова въ убѣжденіи, что въ Кіевѣ дѣйствительно написана та лѣтопись, которая у насъ извѣстна подъ именемъ Нестора и что для объясненія происхожденія этого памятника нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію, что предварительно существовали такъ называемыя монастырскія записки. Но Бутковъ не думалъ, конечно, усматривать въ тогдашней Россіи книжную пустыню, кромѣ Кіева и несторовой лѣтописи. Онъ признавалъ и крѣпко защищалъ и договоры съ греками и другіе памятники, какъ отдѣльныя произведенія того-же Нестора въ родѣ житія Ѳеодосія, такъ и отдѣльныя сказанія областныя въ родѣ сказанія Василія объ ослѣпленіи Василька.

Вотъ эти-то основныя положенія и высказаны П. Бутковымъ въ его замѣчательномъ сочиненіи — Оборона русской лѣтописи несторовой отъ навѣта скептиковъ, изданномъ въ Петербургѣ въ 1840 г., слѣдовательно, послѣ Погодинскаго Нестора, но составленномъ совершенно независимо отъ изслѣдованія Погодина, что призналъ самъ Погодинъ [1]).

---

[1]) Лекціи т. I, стр. 470: „Хотя она (Оборона русск. лѣт. Буткова) вышла черезъ пять лѣтъ послѣ моихъ изслѣдованій о Несторѣ, говоритъ Погодинъ, и черезъ

Перечисливъ въ своемъ предисловіи главнѣйшія изъ статей и сочиненій скептиковъ, Бутковъ говоритъ тамъ же: „Всѣ эти взгляды, всѣ эти разсужденія, разысканія, лекціи, мысли, мнѣнія, привязки, подъ завѣсою высшей критики и подъ предлогомъ уясненія перваго періода исторіи россійской направлены прямо къ уничтоженію достоинства древняго нашего лѣтописца. Дѣлая намъ упреки, что по слѣпой довѣренности къ Нестору, мы держимъ себя во мглѣ непростительныхъ предубѣжденій, скептики изъявляютъ готовность свою вывесть насъ изъ сего тумана, какъ скоро станемъ смотрѣть на Временникъ Несторовъ ихъ глазами и согласимся, что сіе твореніе есть пестрая смѣсь былей съ небылицами... Короче, скептики хотятъ, чтобы мы Рюрика, Аскольда, Дира и Олега принимали за миѳы; объ Игорѣ же, Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ и Ярославѣ знали бы не болѣе того, сколько эти государи наши были извѣстны иностранцамъ; а эпоху поселенія славянъ на сѣверѣ нашемъ и начало Новагорода не возводили бы выше первой половины XII вѣка“ [1]).

Изъ этой уже постановки дѣла можно замѣтить, что Бутковъ будетъ прежде всего и больше всего бить скептиковъ ихъ же оружіемъ, т. е. станетъ разбирать съ большимъ знаніемъ и большею научностію иностранныя извѣстія о Россіи для уясненія ея состоянія и объясненія достоинствъ и древней русской культуры и древней русской лѣтописи. Такъ онъ и дѣлаетъ, и этому посвящаетъ преимущественно первую часть своего сочиненія. Въ этой первой части рѣшаются Бутковымъ слѣдующіе вопросы:

I. На такой ли степени образованія стояла Россія въ XI вѣкѣ, чтобъ могла имѣть тогда собственнаго лѣтописца?

II. Источники лѣтописи русской.

III. Руссы Аскольдовы и договоры Олега и Игоря.

IV. Руссы Шлецеровы и Эверсовы.

V. Кто были руссы и варяги по понятію скептиковъ?

VI. Основаніе Новгорода и его торговля.

Разчистивъ такимъ образомъ поле нашихъ древностей, Бутковъ приступаетъ къ главному своему вопросу — о Несторѣ и

два послѣ полнаго изслѣдованія, но долгъ справедливости требуетъ сказать, что авторъ шелъ совершенно своимъ путемъ, дѣлалъ изслѣдованія съ своей точки зрѣнія и представилъ доказательства своимъ собственнымъ, ему принадлежащимъ образомъ“.

[1]) Предисл. II—III.

его лѣтописи. Этимъ занята вторая часть его сочиненія, въ которой слѣдующіе предметы:

. I. Явленіе Нестора; образованіе сего инока; начало и конецъ его временника.

II. Разборъ мнѣнія скептиковъ о древнихъ монастырскихъ запискахъ.

III. Связь съ лѣтописью несторовыхъ отдѣльныхъ повѣстей—о Борисѣ и Глѣбѣ, о началѣ печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосіевомъ.

IV. Средства Несторовы къ собранію для лѣтописи матеріаловъ.

V. О Василіи, Сильвестрѣ и Татищевѣ и

VI. Съ какихъ поръ Несторъ извѣстенъ въ званіи лѣтописца.

Въ этихъ всѣхъ главахъ своего сочиненія Бутковъ подобно Болтину преслѣдуетъ по пятамъ своихъ противниковъ, но, какъ можно видѣть и по оглавленію его сочиненія, онъ даетъ въ своемъ сочиненіи стройную систему и прежде всего формулируетъ главные вопросы, чего нѣтъ у Болтина. Въ самомъ сочиненіи они распадаются на множество частныхъ вопросовъ, которые Бутковъ сначала излагаетъ, а потомъ возражаетъ на нихъ.

Сравнительно съ Погодинымъ за то время, когда Погодинъ писалъ свое сочиненіе—Несторъ, Бутковъ не обладаетъ тою широтою взгляда на всемірное и русское историческое движеніе и тою смѣлостію выводовъ, какою отличался и тогда уже Погодинъ; но научная аргументація у Буткова гораздо полнѣе и тщательнѣе. Половина сочиненія его состоитъ изъ примѣчаній, въ которыхъ, какъ и въ самомъ текстѣ, Бутковъ подвергаетъ критикѣ не только скептиковъ, но и другихъ писателей, неисключая и Карамзина, которому однако, какъ и Погодинъ, воздаетъ должную дань великаго уваженія.

Сочиненіе Н. Иванова о хронографахъ. Сочиненія Погодина, Буткова, а также розысканія извѣстнаго намъ П. Строева вызвали довольно оригинальное сочиненіе профессора русской исторіи въ казанскомъ университетѣ Николая Иванова подъ заглавіемъ: Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ. Сочиненіе это издано въ Казани, въ 1843 г.

Постоянные толки о связи извѣстій нашей начальной лѣтописи съ иностранными извѣстіями и о византійскихъ источникахъ многихъ мѣстъ самой начальной лѣтописи, вызвали у насъ

вниманіе къ хронографамъ, которые Строевъ совершенно справедливо назвалъ курсомъ всемірной исторіи нашихъ предковъ [1]). Но Строевъ имѣлъ въ виду отыскать въ хронографахъ одну особенность чисто скептическаго свойства. Онъ полагалъ, что въ хронографахъ можно найти первичную основу начальной лѣтописи въ родѣ монастырскихъ записокъ [2]).

Иванову понравилась мысль разработывать хронографы, но по совершенно другимъ побужденіямъ, которыя должны были отодвинуть на задній планъ и самые хронографы. Ивановъ говоритъ, что въ хронографахъ важно для насъ русское ихъ содержаніе, которое можетъ быть дастъ намъ правильное понятіе о началѣ отечественнаго бытописанія, но не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ и всемірныхъ въ нихъ повѣствованій, потому что предки наши изъ нихъ единственно почерпали свои свѣдѣнія о дѣяніяхъ рода человѣческаго и переписчики порою присовокупляли собственныя сужденія о происшествіяхъ [3]).

Повидимому, нужно было ожидать, что Ивановъ дастъ намъ изслѣдованіе объ этихъ важныхъ предметахъ; но и этого у него нѣтъ. Есть лишь краткое описаніе нѣсколькихъ знакомыхъ ему списковъ хронографовъ, а затѣмъ почти до послѣдней страницы идетъ разсказъ о борьбѣ литературныхъ мнѣній касательно нашихъ древностей и объ изданіи и разработкѣ лѣтописей, актовъ. Главнѣйшая часть труда Иванова посвящена изложенію мнѣній скептиковъ и изложенію опроверженій, какія на нихъ дѣлали Погодинъ и Бутковъ.

Такая странная постановка дѣла объясняется, насколько можно судить по сочиненію, слѣдующимъ образомъ. Авторъ, такъ сказать, платитъ и съ своей стороны усердную дань требованіямъ времени, занимается современными вопросами; но занятъ онъ собственно другимъ. Онъ съ великою горечью относится къ непомѣрной тратѣ времени и силъ на изысканія нашихъ древностей, большею частью безплодныя, и хотя вездѣ относится съ уваженіемъ къ трудамъ Погодина, Буткова, какъ бы вынужденныхъ на это дѣло безразсудствами скептиковъ, но за то гнѣвъ его и за этихъ ученыхъ и даже за скептиковъ со всею силою обруши-

[1]) Мнѣніе это приведено Ивановымъ, стр. 3. [2]) Тамъ-же, стр. 4—6. [3]) Стр. 7, текстъ и примѣч. къ нему.

вается на первыхъ виновниковъ такаго направленія нашей науки,— Байера, Шлецера. „То правда, говоритъ Ивановъ, что онъ (Байеръ) совершилъ первый шагъ на поприщѣ критическихъ разысканій относительно нашей древности; однакожъ надобно рѣшить: вѣрный-ли, прямой-ли путь къ цѣли избралъ Байеръ? Не слишкомъ-ли далеко уклонился знаменитый академикъ, безспорно einer der grössten Humanisten und Historiker seines Iahrhunderts (Schlözer's Nestor 1, 90), занявшись второстепенными задачами? Не увлекъ-ли надолго и насъ своимъ громкимъ авторитетомъ? Не съ его-ли легкаго пріема мы поднесь, устраняя существенные вопросы, ограничиваемся побочными? Затрудняюсь, какъ иначе назвать наши давніе и пристрастные толки о руссахъ“ [1]). Шлецеру достается еще сильнѣе. „Знаменитый издатель Нестора, при весьма обширной начитанности, изумительной проницательности и безпримѣрномъ терпѣніи, тяжко хизнулъ (болѣлъ) [2]) закоренѣлымъ недугомъ пристрастія, не всегда помнилъ о своей задушевной Kleine Kritik, довольно часто порицалъ наугадъ, порою умышленно приводилъ ложныя цитаты. Это давно уже доказано, и только безотчетное предубѣжденіе доселѣ упорно отвергаетъ явныя улики“ [3]).

Ивановъ въ другихъ мѣстахъ еще яснѣе и серьезнѣе высказываетъ свое предубѣжденіе противъ этихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Онъ предлагаетъ, очевидно, академіи наукъ доказать, между прочимъ, что то направленіе, предназначенное имъ (Байеромъ) критическимъ занятіямъ русскою исторіею, „не отклонило насъ отъ главной цѣли, не повлекло къ отчужденію отъ національныхъ интересовъ, еще болѣе отъ духовнаго общенія съ соплеменниками, не поселило въ нашихъ умахъ робкаго недовѣрія къ собственнымъ силамъ и убѣжденія въ неизбѣжности посторонняго руководительства, а чрезъ это не замедлило ли развитія въ насъ самостоятельныхъ идей о нашемъ прошедшемъ, объ элементахъ народной жизни, о нашей долѣ въ ряду прочихъ дѣятелей,—идей, которыхъ нельзя пріобрѣсть заимствованіями и которыя даются,

---

[1]) Стр. 23—4. [2]) Въ словарѣ областныхъ нарѣчій показано: хизнуть—убывать, увядать въ здоровьѣ. Каз. Нижегор. Пермской губерніи. [3]) Приводятся ложныя его показанія о Татищевѣ и ссылка дѣлается на сочиненіе — Извѣстія о древнѣйшихъ историкахъ польскихъ и въ особенности о Кадлубкѣ въ опроверженіе Шлецера, стр. 28. Яснѣе на стр. 41 — 2: „разбивая Кадлубка, утаилъ, что разбиралъ не Кадлубка, а его комментатора“.

лишь несомнѣннымъ упованіемъ на свою мысль, на свое нравственное призваніе“ [1]).

Ивановъ не ограничивается этими общими сужденіями, справедливости которыхъ нельзя отвергать. Онъ вступаетъ на дѣйствительную почву, указываетъ на дѣйствительное, осязательное зло и сильно вступается за обиду русскую, при чемъ опять у него достается Шлецеру. „Я не могу умолчать объ его (Шлецера) приговорѣ Татищеву, заслуживающемъ строгое осужденіе. Не легко вообразить себѣ, говоритъ Ивановъ, съ какою опрометчивостію геттингенскій профессоръ упрекаетъ просвѣщеннаго патріота, въ теченіи тридцати лѣтъ трудившагося для отечественной исторіи безкорыстно и съ ревностію неохлаждавшею (ся?) даже отъ неодолимыхъ преградъ въ собираніи матеріаловъ, отъ гнусной клеветы относительно его благонамѣренности и отъ мелочныхъ гоненій, внушенныхъ завистію“ [2])... Отстранивъ нападки Шлецера на Татищева за незнаніе и недобросовѣстность, Ивановъ такъ опредѣляетъ значеніе Татищева: „Я твердо убѣжденъ, говоритъ онъ, что направленіе, коему слѣдовалъ Татищевъ, существеннѣе и важнѣе, нежели разрывчатыя, побочныя изысканія Байера. Не будучи ни великимъ ученымъ, ни всеобъемлющимъ критикомъ, руководясь только здравымъ русскимъ смысломъ, прислушиваясь лишь къ внушеніямъ патріотическаго чувства и признавая отечественную исторію любезнѣйшимъ занятіемъ, Татищевъ первый правильно угадалъ настойчивыя потребности народа и удовлетворилъ имъ по средствамъ, находившимся въ его распоряженіи“ [3]). Направленіе это Ивановъ въ одномъ мѣстѣ особенно ясно и точно опредѣляетъ. Онъ проходитъ всѣ существенные вопросы русской исторіи до позднѣйшихъ временъ, запущенные у насъ, благодаря нашимъ ученымъ нѣмцамъ. Это очень дѣльный, но и очень обширный перечень главнѣйшихъ событій нашей исторіи. Приведемъ два, три мѣста. „Чѣмъ соблюлось чудное внутреннее единство Руси въ ту пору, когда подъ вліяніемъ удѣльныхъ усобицъ совершилось ея внѣшнее раздробленіе, какое значеніе въ исторіи нашего отечества имѣетъ сей смутный періодъ и въ какомъ отно-

[1]) Стр. 25—26. [2]) Стр. 28. Ивановъ во многихъ мѣстахъ говоритъ о Татищевѣ и, между прочимъ, на страницѣ 41 даетъ любопытныя извѣстія и догадки объ искаженіи текста Татищева при его изданіи и объ искаженіи рукописи его исторіи. [3]) Стр. 43.

шеніи является не только важнымъ, но даже необходимымъ для его преуспѣянія на поприщѣ гражданственности, для повсемѣстнаго развитія частной самостоятельности племенъ, чтобы послѣ перейти къ самостоятельности народной, къ стройной цѣлости государственной; какъ отпечатлѣлось на характерѣ предковъ нашихъ роковое татарское иго, что сохранило коренныя ихъ свойства неприкосновенными и тогда, когда легло на нихъ тяжкое насиліе завоевателей, гдѣ началось возрожденіе гибнувшей Россіи, откуда ей, коснѣвшей во мглѣ рабства, возсіялъ отрадный лучъ освобожденія; какимъ образомъ Москва собрала разъединенную Русь, прекратила слабое существованіе разрозненныхъ княжествъ, окрылила подавленную національность, вызволила восточную Россію и отъ постыднаго ярма ордынскаго и отъ грозныхъ посягательствъ воинственной Литвы и т. д. о всемъ этомъ, заключаетъ Ивановъ, столь близкомъ вашему сердцу, такъ благотворномъ для уясненія народнаго самосознанія, столь поразительномъ и для сторонняго мыслящаго наблюдателя, не спрашивайте ученаго Байера: у него нѣтъ отвѣта на ваши докучливые вопросы: созерцательный его духъ абсолютно погрузился въ таинственную Скиѳію" [1]). Ивановъ, очевидно, какъ и многіе другіе, чувствовалъ потребность поскорѣе направиться къ главному центру тяжести русской исторіи — московскому единодержавію и потому такъ жалѣетъ, что наши ученые нѣмцы остановили на этомъ пути нашу русскую работу и прежде всего работу Татищева. Замѣчательно, что и Погодинъ и Бутковъ тоже вспоминаютъ Татищева и стараются очистить его отъ нареканій и возстановить его честь. Но эта общая тяга нашихъ ученыхъ къ Москвѣ не скоро еще могла получить волю.

Нельзя не замѣтить одной странности, общей и Болтину, и Погодину, и Буткову, и даже Иванову,—странности той, что полемика съ противниками заводила иногда полемистовъ къ опроверженію и того, что должно бы быть дорого имъ и они опровергали только потому, что высказано противникомъ. Такъ Болтинъ, какъ мы знаемъ, отвергалъ достоинство народной русской поэзіи, признаваемое Ле-Клеркомъ; такъ Погодинъ [2]), Бутковъ [3]) и Ивановъ

---

[1]) Стр. 36. [2]) Погод. 1, 325, 394, 402—407. Въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій (т. I, стр. 325) Погодинъ даже выразился, что быстро исчезнувшая скептич. школа уступила мѣсто другой и, надо признаться, говорилъ онъ, еще болѣе нелѣпой, школѣ славянской. [3]) Оборона лѣт. стр. 132—147.

не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, изслѣдованій скептиковъ о связи Новгорода съ балтійскимъ славянствомъ. Впрочемъ, у первыхъ двухъ какъ будто заговаривало чутье, что эта сторона дѣла важная. Погодинъ говоритъ, что въ юные его годы въ теоріи Каченовскаго увлекало его, между прочимъ, указаніе на родство съ нами балтійскихъ славянъ [1]). Бутковъ не говоритъ ничего о своихъ симпатіяхъ и увлеченіяхъ, но, отвергая, какъ и Погодинъ, славянское происхожденіе нашей государственности, онъ однако останавливаетъ свое вниманіе на балтійскомъ славянствѣ и признаетъ важными его сношенія съ Новгородомъ [2]). Чутье это заговаривало не даромъ. Не даромъ также и Карамзинъ, и Погодинъ и Бутковъ крѣпко держались сказанія Нестора о добровольномъ призваніи князей и отвергали завоевательное начало нашей государственности [3]), а Погодинъ со всею ясностію уже въ своемъ Несторѣ, какъ мы видѣли, противопоставлялъ Россію западной Европѣ, выдѣлялъ самобытныя особенности русской исторіи. Тогда эта особенность, самобытность озарены были новымъ свѣтомъ науки, который поразилъ всѣхъ и обнаружилъ многія, глубоко укоренившіяся заблужденія и многія истины, до тѣхъ поръ неизвѣстныя. Мы разумѣемъ научное озареніе, вышедшее изъ среды такъ называемыхъ славистовъ и выразившееся у насъ въ такъ называемомъ славянофильствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ появилось и новое нѣмецкое озареніе, попреимуществу изъ среды нашихъ дерптскихъ ученыхъ, сильно вліявшее и на скептиковъ и на ихъ преемниковъ—западниковъ. Мы и займемся сначала этимъ послѣднимъ новымъ нѣмецкимъ озареніемъ, такъ какъ оно у насъ начало дѣйствовать нѣсколько раньше.

---

[1]) „Связь этнографическая Новагорода съ балтійскимъ поморьемъ (указываемая Каченовскимъ) мнѣ нравилась“, говоритъ Погодинъ въ I т. своихъ изслѣдованій (стр. 329). Въ одномъ примѣч. II т. изслѣдованій Погодинъ гораздо больше говоритъ объ этомъ своемъ увлеченіи. „Я самъ былъ, говоритъ онъ, нѣсколько времени эпизодически, среди моихъ двадцати-лѣтнихъ разысканій объ этомъ предметѣ (призваніи князей), подъ вліяніемъ этого мнѣнія (о славянскомъ происхожденіи нашихъ князей) вмѣстѣ съ Вагирствомъ Каченовскаго“ (т. II, стр. 184, примѣч. 288).
[2]) Стр. 146 — 7; 150 — 2. Даже о нѣмецкой цивилизаціи Бутковъ однажды выразился ѣдко по поводу мартовскаго календаря: „имъ (скептикамъ) угодно вестьруссовъ нашихъ отъ турковъ, а всѣ постановленія наши брать отъ нѣмцевъ“, (стр. 242).
[3]) Бутковъ, стр. 3—внизу.

ГЛАВА XI.

Новый поворотъ къ изученію русскихъ древностей.

Мы не разъ уже упоминали постоянныхъ у насъ представителей нѣмецкой науки,—нашихъ балтійскихъ нѣмцевъ, особенно дерптскихъ ученыхъ. Они открыли новыя стороны въ русскихъ древностяхъ, которыя опять повернули къ нимъ вниманіе русскихъ ученыхъ; но, кромѣ того, балтійскіе ученые выработали и такія воззрѣнія, которыя еще сильнѣе, чѣмъ шлецеровскія должны были вліять на своеобразное изученіе историческаго движенія русской жизни.

Байеръ, Шлецеръ проводили ту основную и, повидимому, чисто научную мысль, что Россія своею государственностію и скрывавшеюся въ ней культурною силою обязана германскому элементу, въ томъ его древнемъ и какъ бы абстрактномъ видѣ, какой выражался въ норманнахъ. Послѣдующіе наши ученые иноземцы, выходя изъ этого видимо научнаго начала—древне-германскаго элемента, стали, такъ сказать, разбирать его по своимъ реальнымъ народностямъ и въ этихъ послѣднихъ искать дѣйствительнаго и болѣе жизненнаго, чѣмъ норманскій, источника русской цивилизаціи. Еще современникъ Шлецера, шведъ Туннанъ, выходя изъ того соображенія, что у нашего Нестора варяги—общее, родовое названіе, а русь—видовое, какъ бы племенное ихъ названіе, рѣшительно объявлялъ призванныхъ князей шведами и въ шведской культурѣ указывалъ струи для русской культуры. Между прочимъ, Тунманъ говорилъ, въ доказательство, что руссы, руотси, какъ называютъ финны шведовъ, были называемы и новгородцами такимъ же именемъ: „Новгородскіе и полотскіе словене пришли изъ Дакіи, гдѣ они, можетъ быть, также мало слыхали о шведахъ, какъ о готентотахъ или камчадалахъ. По ту сторону Двины (Тунманъ смотритъ изъ Германіи) были они не токмо въ сосѣдствѣ съ финнами, но и окружены ими были почти со всѣхъ сторонъ и, вѣроятно, во многихъ мѣстахъ жили съ ними вмѣстѣ. Сіи финны давно уже знали шведовъ по мор-

скимъ ихъ разбоямъ, по грабительствамъ и по другимъ сношеніямъ, которыя возможны по положенію и смежности обоихъ народовъ. Слѣдственно, сіи словене почти по необходимости должны были называть шведовъ по-фински" [1])...

Послѣ этого уже неизбѣжно должно было случиться, что и нѣмцы непремѣнно привяжутъ призванныхъ князей къ нѣмецкой національности, давно извѣстной своею способностію культивировать славянъ, давшей начало двумъ знаменитымъ рыцарскимъ орденамъ—ливонскому и прусскому и выработавшей изъ послѣдняго могущественное прусское государство.

Нѣмецкіе ученые Гольманъ и Крузе, выходя изъ того же соображенія, изъ какого выходилъ Тунманъ, искали призванныхъ князей въ странахъ южнаго балтійскаго побережья, но не въ славянскихъ, а въ германскихъ странахъ, поближе къ Ейдеру, въ Рустрингіи, гдѣ послѣ оказался Ольденбургъ. Тамъ, по ихъ мнѣнію, еще задолго до появленія шведскихъ норманновъ, были варяги—нѣмецкіе [2]). Теорія Гольмана и Крузе, какъ очевидно, близко подходила къ теоріи Ломоносова, скептиковъ, и подвергалась большой опасности истаять передъ теоріей славянскаго происхожденія нашей государственности и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ могла привести и къ признанію славянской самобытности нашей культуры.

Густ. Эверсъ. Предохранить науку русской исторіи отъ такого направленія и связать русскую культуру съ нѣмецкой временъ ливонскаго ордена взялся даровитѣйшій и ученѣйшій представитель новаго, нѣмецкаго университета въ Россіи, дерптскаго,—профессоръ русскаго права, не разъ упомянутый нами Эверсъ. Онъ призналъ необходимымъ раздѣлить варяговъ и русь, какъ совершенно различные предметы, и оба эти предмета отдать чужимъ людямъ, до которыхъ нѣмцамъ нѣтъ дѣла. По его взгляду варяги — норманны, и изъ числа норманновъ непремѣнно шведы; но русь совершенно особая статья. На основаніи того, что у Нестора русь, какъ южный элементъ, упоминается задолго до призванія князей, что и по Нестору, и по арабскимъ, и, наконецъ, гре-

---

[1]) Несторъ, Шлецера, т. I, стр. 327—8. Тунманъ писалъ Древности сѣверныя и восточныя — Untersuchungen über die alte Geschichte der nordischer Völker. Berlin 1772.— Östlicher Leipzig 1774. [2]) Мнѣнія этихъ нѣмцевъ приведены Погодинымъ. Лекціи т. II. Крузе — стр. 157—162; Гольманъ — 162 — 165.

ческимъ извѣстіямъ русь хорошо знакома была съ мореходнымъ дѣломъ на черномъ морѣ, которое даже называлось русскимъ, совершенно также, какъ балтійское варяжскимъ, что русь знала также каспійское море и ея много было въ столицѣ Хозаріи, Ателѣ или Итихѣ (Астрахань), и по арабскимъ писателямъ она господствовала на сѣверо-востокѣ отъ каспійскаго моря, — Эверсъ ищетъ руси въ южной и восточной Россіи и находитъ ее въ хозарахъ и болгарахъ. Вообще онъ какъ бы воспроизводитъ тутъ нашу древнюю лѣтопись, которая первый моментъ нашей государственности представляетъ такъ, что въ то время, какъ на сѣверозападѣ съ Новгородомъ въ центрѣ господствовали варяги, на югѣ—въ Кіевѣ господствовали хозары, и какъ въ Новгородѣ послѣ того являются князья—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, такъ на югѣ оказываются Аскольдъ и Диръ. Видимая близость къ лѣтописи у Эверса шла далѣе. На сѣверо-западѣ русскіе славяне смѣшаны съ финнами, на югѣ они были смѣшаны съ хозарами.

Для развитія тѣхъ и другихъ, подъ покровомъ образовавшейся единой государственности, служили по Эверсу двѣ культуры, — въ гражданскихъ дѣлахъ — культура нѣмецкая, въ дѣлахъ духовныхъ — культура грековосточной церкви [1]).

Эта постановка дѣла Эверсомъ повела къ многочисленнымъ и весьма важнымъ изслѣдованіямъ. Русская Правда и исторія связей съ сѣверо-западомъ Россіи торговыхъ нѣмецкихъ городовъ, завершившаяся такимъ твердымъ господствомъ нѣмцевъ въ Россіи, какъ ливонскій орденъ, должны были сдѣлаться предметомъ особеннаго вниманія нашихъ балтійскихъ нѣмцевъ. Самъ Эверсъ написалъ свой знаменитый разборъ Русской Правды, въ которомъ обнаруживалось сходство нашихъ правовыхъ обычаевъ съ нѣмецкими, и Эверсъ, повидимому, такъ научно смотрѣлъ на дѣло, что даже допускалъ нѣкоторую самостоятельную работу русскихъ, при переводѣ нѣмецкихъ законовъ въ ихъ жизнь, — работу, выразившуюся, между прочимъ, въ томъ, что нѣмецкія узаконенія касательно женщинъ, опущены въ Русской Правдѣ по той причинѣ, что русская женщина, какъ и семья вообще, была въ Россіи передана во власть

---

[1]) Сочиненія Эверса стали появляться съ 1814 г. и продолжали появляться до послѣднихъ двадцатыхъ годовъ. Главнѣйшія изъ нихъ переведены и на русскій языкъ. Это: Предварительныя критическія изслѣдованія для россійской исторіи М. 1826 г. и Древнѣйшее русское право, пер. М. 1835.

церкви. Эверсъ также разработывалъ и правовыя сношенія нѣмцевъ съ Новгородомъ, которыя началъ изслѣдывать его современникъ, германскій нѣмецъ Сарторій, а затѣмъ тоже современникъ Эверса и сожитель его по балтійской области—Напьерскій, директоръ училищъ въ Ригѣ [1]).

Ф. Рейцъ. По слѣдамъ Эверса пошелъ тоже профессоръ дерптскаго университета Рейцъ, который шелъ еще болѣе гуманнымъ путемъ. Онъ даетъ равное значеніе и Русской Правдѣ и церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава. По его мнѣнію, оба рода этихъ памятниковъ взаимно себя подтверждаютъ и объясняютъ, т. е. Рейцъ признаетъ равную силу въ Россіи гражданской культуры (нѣмецкой) и церковной (византійской) и даже объединяетъ ихъ. Эта гуманность привела затѣмъ Рейца какъ разъ къ тому опасному пункту, къ которому подходили Гольманъ и Крузе и отъ котораго устранялся Эверсъ. Рейцъ утверждаетъ, что первоначальное смѣшеніе нѣмецкихъ и славянскихъ правовыхъ обычаевъ произошло у прибалтійскихъ славянъ и что, можетъ быть, вмѣстѣ съ Рюрикомъ оно перешло и въ Россію [2]). „Почти всѣ варварскіе законы Европы, говоритъ Рейцъ, и въ числѣ ихъ Русская Правда, по своему содержанію имѣютъ отечествомъ одно урочище: Салу, Эльбу и Одеръ, гдѣ славянскія племена, поминутно сталкиваясь съ германскими, другъ другу передавали варварскій духъ правосудія и даже языкъ законодательства, какъ то свидѣтельствуетъ смѣшеніе коренныхъ юридическихъ терминовъ славянскихъ съ германскими... Можетъ быть и она (Русская Правда) прибыла къ намъ вмѣстѣ съ руссами въ какомъ либо письменномъ видѣ“. Ниже мы увидимъ, что Рейцъ и въ другихъ случаяхъ смягчаетъ и вообще ставитъ воззрѣнія Эверса ближе къ русскимъ воззрѣніямъ.

Баронъ Розенкампфъ. Другое просвѣтительное начало въ Россіи—византійское, тоже было предметомъ усердныхъ изысканій балтійскихъ ученыхъ нѣмцевъ. И Эверсъ и тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, Рейцъ изучали его и въ нашихъ древнихъ церковныхъ уставахъ, грамотахъ и даже въ нашихъ кормчихъ. На этомъ послѣднемъ пути оказалъ особенно важныя услуги нашей наукѣ

[1]) О Сарторіи у Бережкова въ предисловіи; о Напьерскомъ тамъ-же и въ предисловіи къ русско-ливонскимъ актамъ. [2]) Опытъ исторіи росс. закон., переводъ 1836 г., сдѣланный Морошкинымъ, стр. 342.

баронъ Розенкампфъ, котораго Обозрѣніе кормчей книги издано въ 1829 г. московскимъ обществомъ исторіи и древностей, и которое до сихъ поръ не потеряло своей цѣны. Цѣль автора, кромѣ критическаго обозрѣнія рукописей и редакціи кормчей, выдѣлить въ древне-русскомъ каноническомъ правѣ элементы русскіе и греческіе. У Розенкампфа есть сужденія и касательно Русской Правды въ духѣ Эверса [1]).

Такимъ образомъ, наши ученые балтійскіе нѣмцы, собственно говоря, развили основныя мысли Шлецера о культурномъ значеніи у насъ чужихъ началъ—нѣмецкаго и византійскаго, давъ имъ гораздо болѣе глубокій и устойчивый смыслъ, особенно тѣмъ, что подорвали чистоту и силу славянскаго элемента въ Россіи,—на сѣверо-западѣ Россіи отъ смѣшенія съ финнами, на югѣ отъ смѣшенія съ хозарами. Этотъ славянскій элементъ оказался у нихъ даже весьма недавнимъ въ предѣлахъ Россіи. Несторово разселеніе племенъ происходило будто бы въ VI или даже въ VII в. Русскіе славяне, какъ высказывалъ къ величайшему негодованію Ломоносова еще Миллеръ, были изгнаны изъ нижняго Дуная волхами, подъ которыми по Эверсу и Рейцу нужно разумѣть болгаръ, основателей болгарскаго царства. Такимъ образомъ, русская народность оказывалась какъ бы безцвѣтной водой, окрашенной иноземнымъ виномъ. Балтійскіе ученые, конечно, этого прямо не сказали; но они несомнѣнно дали все нужное для такого вывода. Онъ и выразился въ изысканіяхъ скептиковъ. Его прямо и высказалъ, какъ увидимъ, даже Погодинъ, поддавшійся было Эверсу. Но этого мало. Русская народная вода, нуждающаяся въ иноземной окраскѣ, протекла еще дальше, можно сказать, по всему пространству русскаго историческаго движенія;

[1]) Стр. 100—104. Розенкампфъ считаетъ Русскую Правду сборникомъ однороднымъ съ законами сѣверныхъ народовъ. Вопросъ о византійскомъ вліяніи на Россію имѣетъ уже значительную литературу. Въ исторіи русской церкви м. Макарія, особенно въ I т., вліяніе это представляется самымъ свѣтлымъ и благотворнымъ. Въ сочиненіи профессора Иконникова—Византійское вліяніе на Россію—Византія временъ принятія нами отъ нея христіанства представляется лишенною всякаго творчества, занимавшеюся только компилятивною работою, слѣдовательно, вліяніе ея на Россію могло быть дурнымъ, искажающимъ русскую первобытную природу. Подобный взглядъ проходитъ и черезъ болѣе серьезное сочиненіе профессора Терновскаго — О тенденціозномъ усвоеніи нами византійскихъ воззрѣній. Въ сочиненіи Забѣлина—Жизнь русскихъ царицъ, дѣлается различіе между чистымъ христіанствомъ и византійскими особенностями, приходившими къ намъ изъ Византіи.

просочилась она въ изысканія С. М. Соловьева, а за нимъ въ изысканія другихъ нашихъ ученыхъ. Просачивается она и въ настоящее время, обнаруживая уже совершенно ясно свой нѣмецкій родникъ, въ сочиненіяхъ дерптскаго же профессора нашихъ дней, г. Брикнера, наводняющаго ею и нѣмецкую, и нашу русскую литературу.

Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, въ новѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ окраска русской народной струи чужими началами производится по преимуществу съ другого ея конца, если такъ можно выразиться. Струя эта окрашивается въ новѣйшемъ ея теченіи — петровскомъ. Такимъ образомъ, русская народная, безцвѣтная струя окрашивается иноземствомъ и у истока, и у устья, а середина ея — московскія времена, не поддающаяся этой окраскѣ, или оставляется безъ вниманія, или окрашивается татарско-византійскими красками. Впрочемъ, старые балтійскіе ученые дѣйствовали въ этомъ случаѣ осторожнѣе. Они только бросали эти штрихи и даже искали подъ ними русской самобытности.

И господство иноземныхъ вліяній на нашу историческую жизнь — нѣмецкаго и византійскаго, и даже смѣшеніе славяно-русскаго элемента на сѣверо-западѣ съ финскимъ, на югѣ — съ хозарскимъ, не устраняли изслѣдованія о томъ, что же такое это смѣшиваемое съ иноземствомъ русское начало само въ себѣ? Нельзя было довольствоваться шлецеровскимъ положеніемъ, что Россія была тогда варварская пустыня, или погодинскимъ положеніемъ, что русская народность — это была вода и даже очень тихая, спокойная. Эверсъ и нашелъ въ этой водѣ свой природный вкусъ и свою окраску, которые притомъ объясняли не только древнюю, но и послѣдующую исторію Россіи.

Эверсъ, въ своемъ изслѣдованіи о древнемъ русскомъ правѣ, говоритъ, что всѣ народы проходятъ разныя степени развитія. Начальная форма — семья вырабатываетъ родовое устройство, въ которомъ во главѣ народныхъ группъ стоятъ родоначальники и которое наконецъ преобразуется въ государство. Русскій народъ находился въ состояніи родоваго быта и прежде, и во время, и послѣ призванія князей. По взгляду Эверса этотъ внутренній строй такъ важенъ, что даже призваніе князей онъ считалъ маловажнымъ дѣломъ. Важнѣе представлялось время Олега и Игоря, когда Россія объединялась и у ней начинались правовыя отно-

шенія, а еще важнѣе время Владиміра и особенно Ярослава, когда начинались культурныя вліянія германское и византійское. Но родовыя начала, по мнѣнію Эверса, не могли вдругъ исчезнуть и продолжали сказываться въ смутахъ удѣльнаго періода.

Послѣдователь Эверса, Рейцъ, смягчилъ и въ этомъ пунктѣ ученіе своего руководителя и устранилъ возбуждаемыя имъ крайнія недоразумѣнія. Родъ въ строгой, азіатской формѣ, какъ извѣстно, поглощаетъ семью и переходитъ по естественному порядку вещей въ деспотическую форму государственности. Первое—поглощеніе родомъ семьи ясно и твердо высказывалось Эверсомъ, второе—деспотизмъ русской государственности—само собою опредѣлялось родствомъ русскихъ съ хозарами и подчиненіемъ византійскимъ началамъ. Рейцъ мягче представляетъ то и другое. Онъ 1, сильнѣе налегаетъ на семейную связь въ родѣ и 2, яснѣе говоритъ о томъ, что представители родовъ соединялись для обсужденія дѣлъ племени. Это уже было самымъ зарожденіемъ государственности и само собою предполагало совѣщательное начало въ этой государственности. „Послѣ перваго населенія, говоритъ Рейцъ, каждое племя распространялось отдѣльно подъ властію своихъ начальниковъ, и нигдѣ не видно другой связи кромѣ семейственной между потомками общаго родоначальника. Итакъ, отношенія сего времени суть чисто отношенія права семейственнаго. Но съ размноженіемъ родовъ, особенно въ общихъ населеніяхъ, изъ патріархальной власти начальника племени образовалась совокупная власть начальниковъ различныхъ родовъ, и это есть естественный переходъ къ общественному устройству“ [1]). Въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту Рейцъ подробнѣе объясняетъ процессъ выдѣленія старшинъ изъ главъ кровнаго рода и богатыхъ членовъ, указываетъ на необходимость соглашенія и даже выбора начальниковъ племени [2]). Все это неизбѣжно заставляло предполагать у русскихъ славянъ какія либо правила, обычаи. Рейцъ охотно допускаетъ это. „Вѣроятно въ это время, говоритъ онъ въ текстѣ, славяне признавали извѣстныя нормы права, освященныя обычаемъ, соглашеніемъ и религіозными понятіями, и по онымъ опредѣляли свои взаимныя отношенія“ [3]). Но затѣмъ Рейцъ поворачиваетъ назадъ и дѣлаетъ выводы, о какихъ умалчивалъ Эверсъ.

[1]) Предисл., стр. 2. [2]) Стр. 6 — 8. [3]) Стр. 2.

„Нѣтъ никакого слѣда, говоритъ онъ, ограниченія княжеской власти. Народъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ правленіи. Но князь считаетъ важнымъ совѣщаніе съ его боярами и старѣйшинами не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно для исполненія княжеской воли, но обычай требовалъ, чтобы князь въ важныхъ дѣлахъ выслушивалъ совѣты своихъ приближенныхъ“ [1]). Это совѣщательное начало Рейцъ расширяетъ въ удѣльныя времена до того, что указываетъ даже на участіе подданныхъ въ избраніи князя, хотя признаетъ это участіе незаконнымъ. „Съ развитіемъ единовластія въ Москвѣ въ линіи князей, продолжаетъ онъ, съ постепеннымъ упадкомъ удѣловъ, бояре и слуги лишились сильной опоры своей значительности. Къ сему присоединилось и еще обстоятельство: татарское владычество пріучило умы къ неограниченному повиновенію, къ утвержденію коего способствовали жестокія уголовныя наказанія“ [2]). Такимъ образомъ, кромѣ нѣмецкаго и византійскаго начала выступало третье культурное, въ смыслѣ государственномъ, начало — татарское, азіатское, подразумѣвавшееся и у Эверса.

Вмѣшательство литератора Сенковскаго. Всѣ эти нѣмецкіе толки о важности въ нашей исторической жизни чужихъ культурныхъ началъ и блѣдное изображеніе самобытныхъ особенностей русской народности произвели въ литературѣ нашей науки, между прочимъ, одно до такой степени странное явленіе, что оно приводило въ смущеніе даже тѣхъ, которые въ своихъ трудахъ дали начала для его развитія.

Норманская теорія призванія князей выдвинула вопросъ объ исландскихъ сагахъ, въ которыхъ воспѣвались походы и дѣла сѣверныхъ скандинавскихъ князей и дружинниковъ подобно тому, какъ въ нашихъ былинахъ воспѣвается нашъ князь Владиміръ и наши богатыри. Въ сагахъ этихъ, между прочимъ, воспѣваются скандинавскіе богатыри, бывавшіе въ Россіи, особенно при Владимірѣ и Ярославѣ, какъ Олавъ, Гаральдъ и друг., говорится въ сагахъ и вообще о варягахъ (верингахъ) и объ ихъ странствіяхъ изъ странъ балтійскаго моря до странъ у черпаго моря.

Собираніе сагъ началось очень давно. Еще въ концѣ XII ст. или началѣ XIII ихъ собиралъ жившій въ это время Снорри или

[1]) Стр. 28 — 9. [2]) Стр. 95 — 6.

Снорронъ Стурлезонъ. Дополненіемъ и разработкой ихъ много занималось въ первой половинѣ настоящаго столѣтія копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ. Послѣдователи норманской теоріи находили въ сагахъ хотя нѣкоторый отвѣтъ на мучительный вопросъ, заданный имъ еще Ломоносовымъ, почему о скандинавскомъ началѣ такой большой державы, какъ Россія, ничего не говорятъ скандинавскіе древніе письменные памятники? Шлецеръ не любилъ сагъ, потому что они открывали культурность Россіи древняго времени; но тѣ его послѣдователи, которые искали этой культурности, сильно налегали на саги. На саги ссылаются и Эверсъ, и Рейцъ, не говоря уже о Тунманѣ.

Сагами-то и воспользовался одинъ нашъ писатель, отличавшійся замѣчательными способностями, познаніями, особенно языкознаніемъ и еще болѣе необузданною, чисто польскою наклонностію поглумиться надъ Россіей, даже принадлежа къ числу ея писателей. Это извѣстный полякъ Сеньковскій, являвшійся въ беллетристической литературѣ подъ именемъ барона Брамбеуса и дѣлавшій много шуму въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Онъ воспользовался сагами для величайшаго униженія нѣмецкой критики по русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для оскорбленія русской народности [1]). Въ Библіотекѣ для чтенія въ 1834 г. онъ перевелъ на русскій языкъ Эймундову сагу и по поводу ея помѣстилъ изслѣдованіе. Въ этомъ изслѣдованіи Сеньковскій объявилъ рѣшительную войну противъ нѣмецкой и русской ученой критики, требующей достовѣрности факта, истины, и превознесъ саги, былины, басни, въ которыхъ, по его мнѣнію, лучше, полнѣе изображается древній человѣкъ. Онъ, подобно Шлецеру и балтійскимъ ученымъ нѣмцамъ, осуждаетъ Нестора за предпочтеніе внѣшнихъ, сухихъ фактовъ; но выводитъ отсюда заключеніе, которое способно было привесть ихъ въ ужасъ,—онъ требовалъ составленія вновь исторіи на основаніи былинъ, басенъ.

„Нравственный и политическій бытъ норманскаго сѣвера, говорилъ Сеньковскій, есть первая картина, первая страница нашего бытописанія. Саги принадлежатъ намъ, какъ и прочимъ на-

---

[1]) Нѣкоторые, впрочемъ, какъ Забѣлинъ, недоумѣваютъ, серьезно ли это дѣлалъ Сеньковскій или шутилъ. „Искренно ли онъ вѣрилъ своимъ заключеніямъ, или это было одно только его журнальное остроуміе — неизвѣстно“, говоритъ Забѣлинъ. Ист. русск. жизни, т. I, стр. 100.

родамъ, происшедшимъ отъ скандинавовъ или ими созданныхъ“ [1]). Сеньковскій поясняетъ, почему норманскій сѣверъ, изображенный въ сагахъ, имѣетъ для насъ такое важное значеніе. „Не трудно видѣть, говоритъ онъ, что не горстка солдатъ вторглась (съ призванными князьями) въ политическій бытъ и нравы славянъ, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавія, со всѣми своими учрежденіями, нравами и преданіями поселилась въ нашей землѣ; что эпоха варяговъ есть настоящій періодъ славянской Скандинавіи; ибо хотя они скоро забыли свой языкъ, подобно манджурамъ, завоевавшимъ Китай, но очевидно оставались норманнами почти до временъ монгольскихъ“ [2]). Это уже гораздо смѣлѣе и Погодина, и балтійскихъ ученыхъ нѣмцевъ. Тутъ норманствомъ заслоняется уже и византійское вліяніе, да еще на такое большое пространство нашего историческаго времени. Но Сеньковскій не остановился и на этомъ. Его пародія ученыхъ мнѣній пошла дальше, до послѣднихъ предѣловъ нелѣпостей, крайне обидныхъ и для ученыхъ, и вообще для русскихъ. Сеньковскій говоритъ, что Россія варяжскихъ временъ представляла смѣшеніе славянскихъ и финскихъ племенъ, дополненное сильною примѣсью германскою, и что, поэтому, безпристрастный историкъ (русскій) не долженъ исключительно объявлять себя славяниномъ, ибо тогдашнее ея (Россіи) народонаселеніе состояло въ равномъ почти количествѣ изъ славянъ и финновъ, подъ управленіемъ третьяго—германскаго поколѣнія... „Изъ сліянія этихъ трехъ племенъ возсталъ россійскій народъ, и ежели россійскимъ языкомъ сдѣлалось вновь образовавшееся славянское нарѣчіе, это весьма пріятное для насъ событіе, быть можетъ, должны мы приписать случаю: если бы русскіе князья избрали себѣ столицу въ финскомъ городѣ, посреди финскаго племени, русскимъ языкомъ вѣроятно назывался бы теперь какой нибудь чухонскій діалектъ, который также, на большомъ пространствѣ земель, поглотилъ бы языкъ славянскаго корня, какъ послѣдній языкъ поглотилъ многія финскія нарѣчія даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ Москва и Владиміръ... Итакъ, сочинителю россійской исторіи слѣдуетъ оставить корнесловный патріотизмъ и быть прямымъ русскимъ, изъясняющимся только, и то по собственной волѣ, на славянскомъ

[1]) Привед. у Погод. Изслѣд., т. I, стр. 288. [2]) Привед. у Забѣлина, т. I, стр. 100.

нарѣчіи, которое онъ самъ для себя создалъ и усовершилъ; изобрѣтеніемъ котораго по справедливости можетъ гордиться; которое, наконецъ, есть его собственность, а не онъ собственность славянскаго слова и племени“ [1]).

Эта чудовищная, оскорбительная пародія потому имѣетъ значеніе, что вся она построена на ученыхъ, серьезныхъ для того времени данныхъ, и потому вызывала къ себѣ большое вниманіе. Погодинъ счелъ нужнымъ заговорить о ней въ своихъ лекціяхъ. Ему нравилось признаніе Сеньковскимъ силы норманскаго у насъ элемента и онъ часто хвалилъ его за это, но выводы Сеньковскаго ставили его въ величайшее затрудненіе. „Несчастная, нелѣпая крайность, вопіетъ Погодинъ о послѣднихъ выпискахъ изъ Сеньковскаго, которая погубила всю прекрасную статью Сеньковскаго. Россія славянская есть государство случайное! Чуть-чуть не заняла ея мѣста Чухляндія съ своимъ языкомъ и народомъ, а вмѣсто имени русскаго гремѣло бы теперь въ Европѣ финское, и сорокъ милліоновъ русскихъ славянъ, какъ не бывало, и языкъ ихъ погибъ! Какъ? Польское, чешское, сербское, болгарское племя сохранили свою народность между нѣмцами, турками, греками, итальянцами, а самое многочисленное, русское потеряло бы ее между финнами, которые слабѣе всѣхъ западныхъ враговъ славянскихъ?“ [2]). Погодинъ входитъ въ дальнѣйшія соображенія и доказываетъ, что ничего подобнаго не было и не могло быть, и наконецъ, по поводу послѣдней выписки изъ Сеньковскаго о новоизобрѣтенномъ русскомъ языкѣ, восклицаетъ: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Русскій языкъ, какъ польскій, сербскій, чешскій, не изобрѣтенъ, не выдуманъ, не сочиненъ, не составленъ!“ [3])... „Мнѣніе поверхностное и неосновательное, ложное!“ присуждаетъ въ другомъ мѣстѣ Погодинъ [4]).

Поворотъ къ изученію нашихъ древностей подкрѣпляется Грановскимъ. Такимъ образомъ опять, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, иноземцы стали судьями нашего историческаго прошедшаго, вносили въ него свои національныя воззрѣнія и поворачивали опять изысканія по русской исторіи въ область нашихъ древностей, болѣе удобныхъ для проведенія произвольныхъ идей.

---

[1]) Приведено Погод. Лекціи, т. I, ст. 291, 293. [2]) Погод. Лекціи, т. I, стр. 292. [3]) Стр. 292. [4]) Стр. 297.

Вліяніе это быстро и сильно отражалось въ московскомъ ученомъ мірѣ. Мы видѣли, какъ разбирался въ этомъ новомъ нагроможденіи иноземной работы Погодинъ, и какъ ему при его тогдашнихъ воззрѣніяхъ трудно было справляться съ этимъ и выводить изученіе русской исторіи на прямую дорогу. Положеніе его было тѣмъ труднѣе, что черезъ годъ съ небольшимъ послѣ того, какъ онъ въ московскомъ университетѣ могъ сосредоточиться на одной русской исторіи, оставивъ всеобщую исторію, что было въ 1835 г., на каѳедрѣ этой послѣдней раздался свѣжій голосъ даровитѣйшаго профессора, извѣстнаго Грановскаго, но раздался опять, какъ во времена молодыхъ силъ Каченовскаго, въ духѣ чистѣйшаго западничества. Высота западноевропейской культуры, широта ея свободы, высшее развитіе личности, раскрываемыя столь даровитымъ профессоромъ и въ средѣ, столь подготовленной для воспріятія ихъ, тѣмъ сильнѣе заслоняли хорошій смыслъ нашего русскаго историческаго движенія, что тогдашнія времена далеко не походили на свободу русской общественности временъ Екатерины и Александра I [1]). На бѣду еще германскіе нѣмцы, разработывая тогда свою старую исторію, развили дальше теорію родового быта и показали, что и у нихъ въ старыя времена, — на первой ступени исторической жизни, было родовое устройство даже въ формѣ однородной съ азіатскимъ родомъ, въ

[1]) Грановскій въ своихъ лекціяхъ, особенно публичныхъ, искусно дѣлалъ указанія на современныя явленія, не выходя, повидимому, изъ рамокъ научности. Вотъ, какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ въ тогдашнихъ нравахъ людей, Анненковъ, по поводу публичной лекціи Грановскаго о Карлѣ Великомъ: „Лекціи профессора особенно отличались тѣмъ, что давали чувствовать умный распорядокъ въ сбереженіи мѣстъ, еще недоступныхъ свободному изслѣдованію. На этомъ-то замиренномъ нейтральномъ клочкѣ твердой земли подъ собою, имъ же и созданномъ и обработанномъ, Грановскій чувствовалъ себя хозяиномъ; онъ говорилъ все, что нужно и можно было сказать отъ имени науки и рисовалъ все, чего еще нельзя было сказать въ простой формѣ мысли. Большинство слушателей понимало его хорошо. Такъ поняло оно и лекцію о Карлѣ Великомъ. Образъ возстановителя цивилизаціи въ Европѣ былъ въ одно время и художественнымъ произведеніемъ мастерской кисти, подкрѣпленной громадною, переработанною начитанностію, и указаніемъ на настоящую роль всякаго могущества и величества на землѣ". Затѣмъ Анненковъ говоритъ, что въ заключеніи лекціи Грановскій обратился къ публикѣ, напоминая ей, какой необъятный долгъ благодарности лежитъ на насъ по отношенію къ Европѣ, отъ которой мы даромъ получили блага цивилизаціи и человѣческаго существованія, доставшіяся ей путемъ кровавыхъ трудовъ и горькихъ опытовъ. Воспомин. Анненк., т. III, стр. 74—5.

которомъ находятся не одни члены, связанные кровнымъ родствомъ, но и потерявшіе уже память объ этомъ родствѣ, и связываемые во-едино лишь повиновеніемъ общему родоначальнику. Грановскій излагалъ и эту теорію и тѣмъ болѣе еще закрѣплялъ ученіе Эверса и Рейца [1])

Поверхностные, воспріимчивые умы, какихъ всегда бываетъ большинство, немного слѣдили за научностію Грановскаго, а больше увлекались тѣмъ, что въ его лекціяхъ ближе касалось общественности. Еще меньше они давали себѣ отчета въ томъ, что въ дѣйствительности, въ то суровое время, наука русской исторіи дѣлаетъ великія открытія въ области источниковъ и поднимается

---

[1]) Старыя нѣмецкія воззрѣнія на земельную у германцевъ общину и подвижную военную дружину, подвергъ критикѣ Зибель, и въ 1844 г. издалъ объ этомъ сочиненіе, въ которомъ доказывалъ существованіе у германцевъ уже въ историческія времена родоваго устройства въ смыслѣ искусственнаго соединенія людей и связанныхъ и несвязанныхъ родствомъ подъ главенствомъ родоначальника. Грановскій разобралъ всѣ эти теоріи, давая конечно предпочтеніе Зибелю, и напечаталъ объ этомъ статью въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній,—сборникѣ послѣдователя Эверса — Н. В. Калачова (1 полов. II т.), и, кромѣ того, посвятилъ ее тоже последователямъ этой теоріи — Соловьеву и Кавелину. Въ статьѣ этой Грановскій, между прочимъ, говоритъ: „Едва ли найдемъ у кого другаго (кромѣ Зибеля) болѣе вѣрное и отчетливое опредѣленіе родоваго государства. Зибель находитъ совершенно безплоднымъ споръ, когда-то поднятый о различіи рода естественнаго отъ искусственнаго, ибо эти формы равно часто встрѣчаются намъ въ исторіи и основаны на одномъ и томъ же началѣ. Главное здѣсь состоитъ въ правильномъ пониманіи рода вообще и въ умѣніи отличить значеніе родоваго старшины отъ власти отца семейства. Въ такомъ смѣшеніи заключается основной недостатокъ книги, впрочемъ превосходной, въ которой впервые и притомъ непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены, для взаимнаго уясненія, древности славянскаго и германскаго права. Эверсъ начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго родятся сыновья и внуки, и такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ; но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя является вполнѣ только въ государствѣ, отъ котораго она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовію, но и гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это ни мало не слабѣютъ" (стр. 163 — 4). Статья эта тѣмъ сильнѣе могла дѣйствовать въ смыслѣ западничества, что въ ней осуждаются патріотическіе предразсудки нѣмцевъ, недопускавшихъ до времени Зибеля родоваго у нихъ устройства въ историческія времена и отдѣлявшихъ отъ него земельную общину.

на большую высоту критической разработки и этихъ новыхъ памятниковъ и разныхъ вопросовъ, что для этого дѣла сходятся русскіе люди разныхъ направленій,—патріоты, какъ Погодинъ, Шевыревъ, скептики въ нѣкоторой степени, какъ Строевъ, Румянцевъ, и строгіе представители нашей церкви, какъ митрополитъ Евгеній, протоіерей Григоровичъ, что наконецъ выдвигаются совсѣмъ новые люди—русскіе слависты, какъ Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій. Это новое возбужденіе русскимъ ученымъ силамъ давно подготовлялось. Оно вырабатывалось въ борьбѣ съ скептиками и балтійскими учеными; но больше и прежде всего вызвано западнославянскими учеными.

ГЛАВА XII.

Западнославянскіе ученые и ихъ вліяніе на нашу науку.

Мы видѣли, какъ подъ видомъ научности широко разлилось въ нашей наукѣ зло нѣмецкихъ національныхъ воззрѣній на наше прошедшее, и съ какимъ трудомъ русскіе ученые боролись съ этимъ зломъ и направляли нашу науку на ея настоящіе пути. Но зло это не ограничилось вліяніемъ на нашу русскую ученую и общественную среду, и усилія для исправленія его понадобились не только съ нашей русской стороны. Зло національныхъ нѣмецкихъ воззрѣній на славянство разлилось съ необыкновенною силою и по западной Европѣ, и подняло и вновь закрѣпило старыя западноевропейскія предубѣжденія противъ всего славянства [1]). Мракомъ невѣжества, дикости покрывались не одни славянорусскія, а всѣ славянскія древности, и если озарялись какимъ либо свѣтомъ, то непремѣнно азіатскимъ. Славяне оказывались родичами гунновъ, аваръ и пришельцами въ Европу вмѣстѣ съ этими азіатцами. Дѣло тутъ касалось уже не одних нас

[1]) У Шафарика писатели этого рода часто указываются. Между ними особенно видное мѣсто занимаетъ знакомый и нашему Карамзину — Гебгарди, писавшій о вендахъ и объ униграхъ 1790 г. (Шафар., т. I, стр. 39). Западно-европейскія мнѣнія, особенно новѣйшія о славянахъ, собраны въ соч. В. И. Ламанскаго — Грекославянскій міръ.

русскихъ и вызывало на работу не однихъ нашихъ ученыхъ. Вышли на эту работу и ученые славянскіе изъ той колыбели нашего просвѣщенія, гдѣ впервые наши славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій облекли на глазахъ у всѣхъ славянское слово въ письменныя формы, — вышли изъ древней Моравіи, Чехіи и Славоніи.

Іосифъ Добровскій. Въ эту мрачную даль славянской жизни взглянулъ моравскій аббатъ Іосифъ Добровскій, современникъ Шлецера, но вооруженный неизмѣримо больше его научностію. Добровскій увидѣлъ и въ мрачномъ аварскомъ и гуннскомъ мірѣ славянъ, какъ совершенно особый отъ нихъ народъ и, что̀ еще важнѣе, съ неотразимою убѣдительностію доказалъ индоевропейское родство славянъ со всѣми старыми европейскими народами. Его славянская грамматика не оставляла въ этомъ никакого сомнѣнія, и тѣмъ могущественнѣе дѣйствовала, что составляла великій шагъ впередъ въ области филологіи, сводя къ одному корню всѣ европейскіе языки. Грамматика Добровскаго произвела переворотъ въ филологіи. Онъ названъ отцомъ славянской филологіи[1]). Но переворотъ, произведенный имъ, поколебалъ и основы историческихъ нѣмецкихъ воззрѣній, и не только въ западной Европѣ, но и у насъ, въ Россіи.

Карамзинъ зналъ Добровскаго, во многихъ мѣстахъ ссылается на него, и хотя по увлеченію Шлецеромъ, смотритъ на него съ предубѣжденіемъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, Добровскому онъ обязанъ больше всего тѣмъ счастливымъ разладомъ съ Шлецеромъ, какой у него есть въ первомъ томѣ, въ обозрѣніи жизни древнихъ славянъ.

Добровскій однако не смогъ одолѣть всѣхъ западноевропейскихъ предубѣжденій касательно славянскихъ древностей и самъ платилъ дань нѣкоторымъ изъ нихъ. Онъ даетъ слишкомъ большое пространство земли для древнихъ германцевъ и слишкомъ далеко на востокъ выдвигаетъ ихъ племенныя границы. Затѣмъ,

---

[1]) Добровскій написалъ не одни свои знаменитыя Institutiones linguae slavicae. (изд. 1822 г.) Онъ писалъ много изслѣдованій о древностяхъ славянскихъ. Перечислены у Шафарика, т. I, стр. 40. О Добровскомъ недавно написано у насъ особое изслѣдованіе—Іосифъ Добровскій, его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяновѣдѣнія, соч. Снегирева. Уч. записки казанск. унив. за 1882—3 г. Есть и отдѣльное изданіе этого сочиненія. Казань. 1884 г.

онъ слишкомъ преувеличиваетъ подавляющее на славянъ дѣйствіе великаго переселенія народовъ. Германцамъ онъ отдаетъ древнѣйшія поселенія даже у восточныхъ склоновъ Карпатъ, а гунны, по нему, оттѣснили одну часть славянъ—восточную къ сѣверу, а другую—западную надвинули на нѣмецкія земли у Одера и Эльбы.

Бѣдствія западныхъ славянъ, такъ страдавшихъ и гибнувшихъ отъ нѣмцевъ, какъ бы въ наказаніе за обладаніе чужою будто бы землею, раздражали славянское чувство и тѣмъ яснѣе озаряли благо и величіе жизни нашихъ восточно-русскихъ славянъ. Самъ Добровскій пріѣзжалъ (1793 г.) взглянуть на великую русскую державу и великій русскій народъ.

Венелинъ. Въ первыхъ двадцатыхъ годахъ устремился въ Россію другой австрійскій славянинъ — угорскій русскій, Георгій Гуца, извѣстный подъ именемъ Юрія Венелина[1]). Онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ изучалъ прошедшія судьбы и современное состояніе славянъ, странствовалъ по разнымъ славянскимъ областямъ Австріи; но жажда знать славянство еще больше и ближе увлекла его въ Польшу и наконецъ въ Россію, въ Москву, гдѣ онъ поступилъ въ московскій университетъ, хотя на родинѣ уже прошелъ высшее образованіе. Господствовавшій тогда у насъ скептицизмъ и налегшая на Венелина страшная нужда были тяжкими испытаніями для его славянской любви. Онъ кидался всюду съ своею теоріею величія и силы древняго славянства. Онъ отвергалъ силу и значеніе для славянства переселенія народовъ. Онъ въ этомъ историческомъ водоворотѣ не только видѣлъ присутствіе, но и господство славянъ. Славяне по его убѣжденію съ древнѣйшихъ временъ покрывали большую часть Европы.

Весьма немногіе слушали этого воодушевленнаго славянина съ вниманіемъ. Даже Погодинъ находилъ его рѣчи странными, когда Венелинъ выступилъ съ своими статьями по вопросамъ о славянскихъ древностяхъ, которыя разсматривалъ въ разрѣзъ съ мнѣніями ученыхъ нѣмцевъ. Венелинъ доходилъ до отчаянія и отъ нравственной и отъ матеріальной нужды. Нѣкоторый выходъ онъ нашелъ въ слѣдующемъ. Источникъ славянской грамотности — церковнославянскій языкъ уже Добровскимъ признанъ былъ по

[1]) Свѣдѣнія о Венелинѣ біографическія и библіографическія помѣщены въ началѣ II т. его историко-критическихъ изысканій.

преимуществу болгарскимъ. Венелинъ занялся обработкой своихъ изысканій о Болгаріи и издалъ ихъ въ 1829 г. подъ заглавіемъ: Древніе и нынѣшніе болгары. Въ сочиненіи этомъ онъ доказываетъ два положенія: что болгары — основатели болгарскаго царства, были такіе же славяне, какъ и туземцы основаннаго ими царства и что первымъ мѣстомъ просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія была не Моравія, а Болгарія. Все это неизбѣжно вело къ изысканіямъ общеславянскихъ древностей, взглядъ на которыя Венелинъ развилъ во второмъ томѣ своихъ изысканій, изданныхъ въ 1841 (уже послѣ его смерти,—ум. 1839 г.) подъ заглавіемъ: Историко-критическія изысканія, т. II. Словенѣ. Въ этихъ изысканіяхъ слѣдующая постановка вопроса о древностяхъ славянскихъ. Венелинъ доказываетъ, что древнѣйшая исторія славянъ распадается на два періода—на римскій періодъ славянства, когда оно—собственно южное и западное славянство, понималось подъ названіями чужими, даже германскими, и на періодъ русскій, когда восточные славяне, подъ именемъ гунновъ, а въ дѣйствительности Русь, громили западную Европу и возстановляли славянскую силу. Изъ такой постановки уже само собою вытекали культурная древность и самобытность Руси. Венелинъ ее объединялъ кромѣ гунновъ съ хозарами и отвергалъ рѣшительно норманское происхожденіе нашей государственности. Взглядъ этотъ онъ высказалъ еще прежде въ своемъ изслѣдованіи—Скандиноманія, изданномъ въ 1829 г., гдѣ доказывалъ славянское происхожденіе (изъ балтійскаго побережья) нашихъ призванныхъ князей.

У Венелина много страннаго. У него чуть не всѣ древніе народы Европы, славяне—и кельты, и гунны, не говоря уже о дунайскихъ болгарахъ. Но мы увидимъ, что въ новѣйшія времена разработываются нѣкоторые изъ этихъ самыхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о народности гунновъ и болгаръ, а тѣмъ болѣе имѣютъ значеніе настойчивыя изысканія Венелина о древности и самобытности славянъ и о значеніи въ нашей древней исторіи балтійскихъ славянъ.

Шафарикъ. Западнославянскій міръ не замедлилъ выдвинуть человѣка для болѣе научнаго разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ. Въ это самое время, какъ у насъ раздавались странныя для большинства, пламенныя рѣчи самоотверженнаго славянскаго ратоборца, Венелина, въ западной Европѣ, какъ оглушительный

громъ, сталъ раздаваться даже въ нѣмецкихъ звукахъ, голосъ знаменитѣйшаго слависта Шафарика. Съ научностію, превосходившею все, что до того времени писано было о славянствѣ, Шафарикъ смѣло приподнялъ завѣсу, скрывавшую славянскія древности, и ученый міръ съ изумленіемъ увидѣлъ славянъ сильными, самобытными и культурными не только во времена аваръ, гунновъ, готѳовъ, но и во времена скифовъ,—во времена Геродота, увидѣлъ, что они всегда, на исторической памяти были и многочисленны и осѣдлы, такъ что оставалось одно неуяснимымъ, когда же въ глубочайшую древность они пришли въ Европу, и приходилось остановиться на томъ предположеніи, что они такіе же старожилы здѣсь, какъ и другіе старые народы Европы. Такимъ образомъ, и языкъ славянъ и ихъ исторія оказывались одинаково близкими и равнодостойными въ сравненіи съ языками и исторіей другихъ европейскихъ народовъ.

Этотъ знаменитый трудъ Шафарика подъ заглавіемъ—Славянскія древности, вышелъ въ 1837 г., но ему предшествовали многочисленныя изслѣдованія и статьи по частнымъ вопросамъ, появлявшіяся еще въ послѣдніе двадцатые года. „Полное описаніе славянскихъ древностей, говоритъ Шафарикъ о своихъ Древностяхъ, будетъ содержать въ себѣ, кромѣ изслѣдованія о происхожденіи народа, древнѣйшую внутреннюю и внѣшнюю исторію его съ самаго отдаленнѣйшаго времени, въ какое только можно открыть существованіе славянъ, до той поры, гдѣ начинается настоящая исторія каждаго отдѣльнаго племени ихъ. Все это огромное пространство времени слѣдуетъ раздѣлить на двѣ меньшія половины, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ древнѣйшую, такъ сказать, первобытную историческую эпоху славянскаго народа, простирающуюся, съ одной стороны въ глубокую древность, именно до вѣка Геродотова (456 до Р. Х.), а съ другой, до второй половины V-го столѣтія т. е. до конечнаго паденія гунской и римской державъ (469 и 476 г. по Р. Хр.); вторая содержитъ дѣянія и произшествія славянъ съ конца V по конецъ X стол., или до преобладанія христіанства у главныхъ славянскихъ народовъ“ [1]). Цѣль своего сочиненія Шафарикъ, немного выше такъ опредѣляетъ: „Цѣль его—представить въ сжатомъ и стройномъ видѣ плоды новѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ

[1]) Т. I, стр. 4.

другими и нами самими въ источникахъ, признанныхъ основательною и благоразумной критикой достовѣрными, т. е. о началѣ, первобытныхъ жилищахъ, развѣтвленіи, дѣяніяхъ, свойствахъ, образѣ жизни, исповѣданіи, правленіи, языкѣ, письменности и образованіи древнихъ славянъ, и тѣмъ, буде можно, избавить древности наши отъ забвенія и неуваженія, обратить на нихъ вниманіе, какъ вообще всѣхъ любителей исторіи, такъ въ особенности защитниковъ нашего народа" [1]). „Врожденная любовь къ своему народу, говоритъ Шафарикъ еще выше, стремленіе къ отечественной исторіи и вообще языкоизслѣдованію, побудила насъ заняться многостороннимъ изысканіемъ и отчетливымъ изложеніемъ древностей нашихъ, и тѣмъ избавить отъ незаслуженнаго пренебреженія происхожденіе и распространеніе нашего народа" [2]).

Изъ этихъ уже словъ видно не только то, какъ широко понималъ Шафарикъ славянскія древности, но и то, какъ крѣпко онъ объединялъ всѣхъ славянъ. Это одинъ народъ, нашъ народъ для каждаго славянина. Понятно, что русскій народъ и для Шафарика, какъ для Венелина и Добровскаго, былъ великимъ носителемъ славянскихъ судебъ и культуры. Вотъ сужденіе его о славянскомъ и общеевропейскомъ значеніи принятія нашимъ Владиміромъ христіанства. „Что зататранскіе (закарпатскіе, т. е. наши русскіе) славяне не сдѣлались послѣдователями отвратительной магометанской вѣры, умерщвляющей вмѣстѣ душу и тѣло, напротивъ (сдѣлались послѣдователями) божественнаго ученія, ведущаго человѣка къ нравственной дѣятельности, честь этого, по усмотрѣнію божію, принадлежитъ князю русскому и умнымъ боярамъ его, за что не только славяне, но и всѣ европейскіе христіане должны славить и благодарить ихъ" [3]).

Событіе это Шафарикъ признаетъ „самоважнѣйшимъ событіемъ въ исторіи древнихъ славянъ" [4]); съ него начинаетъ исторію раздѣленія славянъ на разныя племена [5]) и объясняетъ, почему онъ вообще даетъ выдающееся значеніе русскому народу. „Никто изъ благоразумныхъ изслѣдователей исторіи не станетъ, говоритъ онъ, искать рѣшенія судьбы многовѣтвистаго племени у разбросанныхъ тамъ и сямъ его вѣтвей, которыя слишкомъ легко могутъ засохнуть и потеряться; напротивъ тамъ, гдѣ стволъ глу-

[1]) Стр. 3. [2]) Стр. 2—3. [3]) Т. III, стр. 5. [4]) Тамъ-же, стр. 5. [5]) Тамъ-же.

боко пустилъ корни свои въ землю и гордо возноситъ чело свое въ облака и, не взирая на бурю времени, безпрестанно пускаетъ новыя отрасли, обильно замѣняя ими увядшія и засохшія" [1]).

Послѣ этого само собою понятно, какъ долженъ былъ относиться Шафарикъ къ мнѣніямъ о грубости и дикости славянъ, въ томъ числѣ и русскихъ, до принятія ими христіанства. „Мы съ презрѣніемъ отвергаемъ тотъ легкомысленный и ложный способъ, коему до сихъ поръ слѣдовали писатели, особенно иностранные, разсуждая о нравахъ нашихъ предковъ, т. е. что славяне до самаго принятія христіанской вѣры и нѣмецкихъ нравовъ, ничѣмъ, кромѣ лишь одного языка, не отличались отъ американскихъ и африканскихъ дикарей, или лучше отъ безсмысленныхъ животныхъ". Шафарикъ называетъ такой взглядъ безобразіемъ, моровой язвой, заразившей даже писателей, оказавшихъ намъ (славянамъ) величайшія услуги. „Это ученіе, замѣчаетъ Шафарикъ, сдѣлалось лозунгомъ новѣйшихъ русскихъ писателей, прожужжавшихъ намъ и себѣ уши о древнемъ нашемъ варварствѣ. Имъ, какъ основой своего вѣрованія, хотятъ они воспламенить въ народѣ своемъ любовь къ славянскимъ древностямъ, языку и словесности, возбудить къ себѣ довѣріе и утвердить въ немъ чувство самобытности! На этомъ ученіи (потому что въ области наукъ всё связано узами тѣснѣйшаго родства) хотятъ они основать народное просвѣщеніе и славу" [2]). Шафарикъ сильно осуждаетъ и Карамзина, что онъ во многомъ поддался этому взгляду, хотя вообще онъ высказываетъ о Карамзинѣ восторженное мнѣніе [3]).

Можно было ожидать, что Шафарикъ, побивая сильно нѣмецкое ученіе о варварствѣ славянъ, разрушитъ и норманское призваніе князей. Но этого не случилось. Онъ и то съузилъ до минимума германское вліяніе на Россію. Послѣ этого ему казалось не важнымъ признать норманскою малую, скоро ославянившуюся дружину, въ челѣ которой стояли Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Онъ и признаетъ это норманское призваніе; но прямо заявляетъ, что самъ

[1]) Т. III, стр. 4. [2]) Т. II, стр. 416 — 17. [3]) „Карамзинъ въ древней исторіи славянъ — неопытный и сбивчивый руководитель, вышедши изъ нея на чисто русскую почву, сталъ дѣеписателемъ, которому до сихъ поръ нѣтъ ровнаго между русами и не скоро найдется, судя по произведеніямъ непризнательныхъ его соотечественниковъ, которые, опираясь на его рамена и черпая изъ его сокровищницы, вовсе не стараясь о распространеніи и новомъ позднѣйшемъ изслѣдованіи источниковъ, безразсудно силятся унизить заслуги великаго мужа". (Т. III, стр. 123 — 4).

уклоняется отъ обширнаго разсужденія о разсказѣ лѣтописи касательно призванія князей и при этомъ ссылается на Шлецера, Карамзина и Погодина, какъ на писателей, которые основательно объ этомъ говорили [1]). Западный славянинъ, ученый и современный свидѣтель всеобщаго паденія славянскихъ государствъ на западѣ и югѣ подъ иго иноземное, расположенъ былъ признавать иноземное происхожденіе и русской государственности. Онъ могъ въ этомъ видѣть даже славянское торжество, потому что народная сила русскихъ такъ скоро пересоздала въ свою народность призванныхъ князей. Но при всемъ томъ славянское чувство вѣрно указало Шафарику, что въ сказаніи начальной нашей лѣтописи о призваніи князей есть дорогая славянская особенность. Это — добровольное призваніе князей. Онъ крѣпко и стоитъ за это добровольное призваніе согласно съ Карамзинымъ и Погодинымъ и въ разрѣзъ съ Шлецеромъ и всѣми нашими и чужими учеными нѣмцами [2]).

М. П. Погодинъ. Громовой, славянскій голосъ Шафарика скоро былъ услышанъ въ Россіи. Скептики быстро утихали и стадо ихъ разсѣивалось. Уже въ 1835 году Погодинъ во время своей заграничной поѣздки былъ у Шафарика. Онъ и Бутковъ узнали во-время древности Шафарика и оба въ своихъ сочиненіяхъ ссылаются на него. Въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей рѣшили издать порусски это сочиненіе, и переводомъ его занялся извѣстный Бодянскій. Вотъ, какъ высказывается Погодинъ о значеніи славянскихъ древностей Шафарика. Уже въ своемъ Несторѣ Погодинъ сознается, что до Шафарика онъ мало зналъ славянскія древности. Сказавъ, что онъ считалъ сказаніе Нестора о разселеніи русскихъ племенъ откуда-то взятымъ изъ чужого, неизвѣстнаго источника, по всей вѣроятности, болгарскаго, и потому мало достовѣрнымъ, онъ продолжаетъ: „Такъ разсуждалъ я объ этомъ мѣстѣ сначала, бывъ невѣждою въ первоначальной славянской исторіи, вмѣстѣ со всѣми нашими изслѣдователями, старыми и новыми,—сказать съ ихъ позволенія. Но Шафарикъ, который озарилъ яркимъ свѣтомъ мракъ, цѣнитъ въ своихъ древностяхъ извѣстіе Нестора весьма высоко, представляетъ его согласіе съ исторіей, и источникомъ почитаетъ древнія народныя пѣсни и ска-

---

[1]) Т. III, стр. 111. [2]) Т. III, стр. 119.

занія“ [1]). (Выходя изъ этого мѣста нашей начальной лѣтописи Шафарикъ идетъ въ глубь древности и доходитъ до III вѣка до Р. Хр.). Въ первомъ томѣ своихъ лекцій Погодинъ высказываетъ свой восторгъ отъ богатства лингвистическихъ и географическихъ данныхъ Шафарика, доказывающихъ древнее единство славянъ, — данныхъ, которыя теперь, какъ увидимъ, составляютъ могущественныя орудія нашей науки къ уясненію древнихъ временъ нашей исторической жизни, и которыя Шафарикъ первый приложилъ къ дѣлу въ такой широтѣ и съ такою научностію. „Читайте Шафарика, говоритъ Погодинъ, и вы увидите, что по всей Европѣ разсыпаны одинакія имена славянскихъ племенъ: однѣ и тѣже имена есть въ Россіи, на берегахъ балтійскаго моря, въ Помераніи, Польшѣ, въ Сербіи, Македоніи,—имена, употребительныя между племенами; заключать, что лѣтописатель списывалъ ихъ одинъ у другого, есть верхъ этнографич. невѣжества“ [2]). Но самое полное и рѣшительное мнѣніе о Шафарикѣ Погодинъ высказываетъ во II-мъ томѣ своихъ лекцій. Онъ рѣшился сказать нѣсколько лекцій о славянахъ по Шафарику, и въ началѣ этихъ лекцій говоритъ, что до сихъ поръ онъ обыкновенно начиналъ свой курсъ русской исторіи съ 862 г. т. е. съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ, а о туземныхъ жителяхъ довольствовался изложеніемъ словъ Нестора. „Я думалъ, говоритъ онъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и ненужно. Такъ разсуждали и всѣ наши историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія, Шлецеромъ“.

„Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ—Славянскія Древности—производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Книга его—плодъ трудовъ многолѣтнихъ, дѣлаетъ эпоху въ наукѣ, какую въ свое время сдѣлалъ у насъ Шлецеръ изданіемъ толковаго Нестора или Карамзинъ сочиненіемъ исторіи государства россійскаго. Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности. Нельзя сказать, чтобъ основная его мысль была совершенно но-

[1]) Несторъ, Погод., стр. 160. [2]) Т. I, стр. 375—6.

вая. Нѣтъ—и прежде имѣли ее многіе изслѣдователи, русскіе и иностранные; но они или представляли ее только въ видѣ чаянія и догадки, или соединяли ее съ другими неосновательными предположеніями, или не извлекали изъ нея никакихъ существенныхъ и полезныхъ для изученія слѣдствій, не приписывали ей такой важности и многоплодности. Шафарикъ съ необъятной своей ученостію и начитанностію, остроуміемъ и проницательностію, воспользовавшись всѣми, извѣстными до него и имъ открытыми источниками, возвелъ эту мысль на степень осязательной истины, и вмѣстѣ заставилъ думать, что исторія всякаго славянскаго племени и государства тѣсно и необходимо связана съ первоначальной исторіей всего славянскаго народа, точно какъ всѣ отрасли дерева бываютъ тѣсно связаны съ корнемъ. Познаніе корня необходимо для познанія отраслей, кои безъ него во многихъ отношеніяхъ остались бы непонятными“ [1]).

Въ заключеніе своего обозрѣнія Славянскихъ Древностей Шафарика Погодинъ говоритъ своимъ студентамъ: „Наука живетъ, она безконечна—въ томъ-то и заключается ея прелесть. Наши поколѣнія пошли далѣе того, на чемъ остановились Шлецеръ и Карамзинъ. Вы оставите насъ позади. Горизонтъ расширяется съ каждымъ шагомъ. Шафарику принадлежитъ преимущественно слава двинуть славянскую исторію“ [2]).

Изученіе Шафарика поколебало нѣсколько въ Погодинѣ даже его увѣренность въ норманской теоріи. Перечисливъ разныя отрасли знанія, необходимыя для уясненія нашихъ русскихъ древностей, какъ: языкъ, нарѣчія, разныя собственныя имена, т. е. географическія и этнографическія данныя, народныя повѣрья, примѣты, преданія, обычаи и народныя пѣсни, и приглашая своихъ слушателей заняться, кто чѣмъ можетъ, изъ этихъ „матеріаловъ для славянскихъ сѣней въ русскую исторію“ [3]), Погодинъ, между прочимъ, говоритъ: „До сихъ поръ пусть это будутъ pia desideria. Я съ своей стороны долженъ сказать вамъ, что слишкомъ поздно могъ смотрѣть на предметъ съ этой стороны. Все свое вниманіе я обратилъ на норманновъ, и имъ до сихъ поръ посвящалъ преимущественно свои труды, стараясь описать элементъ, внесенный этими бранными пришельцами въ го-

[1]) Пог. лекціи, т. II, стр. 321—322. [2]) Тамъ же, стр. 395—6. [3]) Стр. 399.

сударство, вновь созданное ими изъ мирныхъ славянскихъ племенъ. Славянъ предоставляю будущимъ профессорамъ славянскихъ исторій и нарѣчій, которыхъ ожидаютъ теперь всѣ русскіе университеты" [1]).

Но Погодинъ даетъ здѣсь невѣрное (конечно, ненамѣренно) понятіе о себѣ, будто онъ только ограничивается изложеніемъ содержанія древностей Шафарика, а затѣмъ уже освобождаетъ себя отъ изученія области его изслѣдованій. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Погодинъ почувствовалъ на себѣ вліяніе Шафарика въ болѣе широкомъ и положительномъ смыслѣ. Погодинъ не даромъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Шафарикъ для уясненія русскихъ древностей не довольно сдѣлалъ, не напитавшись вопросомъ о сѣняхъ въ русскую исторію [2]). Погодинъ и сталъ перестраивать свою постройку этихъ сѣней и строить далѣе передовыя части русскаго историческаго зданія до татарскаго ига.

Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ (1846—1856 г.) издавалъ онъ эту свою работу подъ заглавіемъ: Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о русской исторіи. Изслѣдованій этихъ VII томовъ.

Погодинъ переиздалъ своего Нестора, но съ большимъ дополненіемъ, именно: о Русской Правдѣ, церковныхъ уставахъ, сѣверныхъ сагахъ, о скептическихъ мнѣніяхъ (весьма подробная статья). Это первый томъ.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ тоже старое изслѣдованіе Погодина о призваніи варяговъ—руси, бывшее его магистерской диссертаціей; но теперь Погодинъ почти заново его передѣлалъ и, что особенно важно, далъ въ немъ по разнымъ мѣстамъ обзоръ всѣхъ мнѣній по этому вопросу, какія были высказаны до того времени, и наконецъ здѣсь, какъ мы знаемъ, изложено содержаніе и оцѣнка древностей Шафарика.

Третій томъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе такъ называемаго у Погодина варяжскаго періода русской исторіи, т. е. отъ призванія князей до смерти Ярослава. Тутъ изложено самое призваніе князей, затѣмъ внѣшняя исторія до смерти Ярослава; далѣе особенно подробно внутренняя исторія за это время, какъ:

---

[1]) Стр. 400. [2]) Т. II, стр. 396.

жизнь князей, военное дѣло, торговля, религія, грамотность, языкъ, образованіе, право, частная жизнь, народный характеръ, наконецъ формація государства и параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала ихъ, т. е. о завоевательномъ началѣ западноевропейскихъ государствъ и о мирномъ призваніи князей у насъ.

Съ четвертаго тома начинаются изслѣдованія такъ называемаго удѣльнаго періода. По примѣру первой серіи изслѣдованій, Погодинъ прежде всего разбираетъ источники для этого періода.

Этому разбору источниковъ посвящено начало четвертаго тома изслѣдованій, затѣмъ рѣшаются соприкосновенные вопросы, какъ о хронологіи событій, генеалогіи князей, о предѣлахъ княжествъ, о городахъ и объ отношеніяхъ между князьями.

Пятый томъ представляетъ кропотливую работу о княжескихъ смутахъ и ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ сношеніяхъ.

Въ шестомъ томѣ Погодинъ сначала предполагалъ изложить обозрѣніе внутренней русской жизни въ періодъ удѣльный по программѣ, какой онъ слѣдовалъ въ III-мъ томѣ при обозрѣніи внутренней жизни до удѣльнаго времени; но въ дѣйствительности изложилъ другое,—составилъ и помѣстилъ біографическій словарь князей въ родѣ степенной книги.

Внутреннее обозрѣніе удѣльнаго періода изложено въ VII томѣ. Содержаніе его таково: князь, дружина, города, волости и затѣмъ вышеуказанныя рубрики.

Въ нашей литературѣ до настоящаго времени нѣтъ такого полнаго и обстоятельнаго изслѣдованія лѣтописей до нашествія татаръ, какъ изслѣдованіе Погодина. Въ отвѣтъ на каждый вопросъ, въ подтвержденіе каждой мысли, Погодинъ приводитъ всѣ лѣтописныя извѣстія. Здѣсь-то во всей силѣ выступаетъ такъ называемый у Погодина математическій методъ изслѣдованія памятниковъ. Кромѣ того въ первомъ и особенно во второмъ томѣ, т. е. въ области русскихъ древностей, Погодинъ даетъ полный обзоръ не только иностранныхъ извѣстей, но и ученыхъ мнѣній по всѣмъ спорнымъ вопросамъ. Эти части составляютъ дѣйствительно прекрасное подражаніе и дополненіе по русской части изслѣдованій Шафарика.

Какіе взгляды проведены Погодинымъ въ его изслѣдованіяхъ особенно послѣдующихъ временъ, т. е. послѣ призванія князей

и въ удѣльный періодъ, это мы увидимъ при разборѣ его исторіи Россіи, которая, хотя явилась позднѣе многихъ трудовъ другихъ нашихъ историковъ, но находится въ гораздо большей связи съ этими изслѣдованіями, чѣмъ съ позднѣйшими трудами другихъ историковъ. Можно даже сказать, что она составляетъ едино съ этими изслѣдованіями и совсѣмъ отдѣляется отъ трудовъ, изданныхъ уже въ то время, когда она составлялась.

Погодинъ предполагалъ обработать подобнымъ же образомъ, какъ обработывалъ наше до-татарское время, наши письменные памятники и послѣдующаго времени — до Петра; но это намѣреніе его не исполнилось. Вмѣсто того онъ рѣшился изложить систематическую русскую исторію, и въ 1872 г. издалъ ее въ трехъ томахъ, изъ которыхъ въ двухъ первыхъ томахъ изложена исторія Россіи до нашествія татаръ, или точнѣе до начала ига татарскаго,—въ первомъ, внѣшняя исторія, во второмъ—внутренняя, а въ третьемъ собраны историческія карты и снимки съ письменныхъ и вещественныхъ нашихъ памятниковъ за это время и къ нимъ приложено и описаніе ихъ. Снимковъ этихъ числомъ 198 №№ и между ними—образцы древнихъ рукописей, такъ называемыхъ паннонскихъ житій св. Кирилла и Мееодія, образцы письма нашихъ лѣтописей, Остромирова и другихъ евангелій, Мстиславовой грамоты, снимки древностей церковныхъ, какъ кіевскій софійскій, новгородскій софійскій соборы, предметы, добытые изъ раскопокъ, какъ гривны денежныя и для украшенія и другіе предметы, карты раскопокъ, городищъ, племенъ и областей. Погодина строго осуждали за недостатокъ строгаго подбора и художественности въ его атласѣ, что большею частью и справедливо.

Въ своей исторіи, какъ и въ изслѣдованіяхъ, Погодинъ приложилъ къ дѣлу математическій методъ. Фактовъ приведено необычайное количество. Нѣкоторые памятники, какъ Русская Правда, поученіе Мономаха, приведены вполнѣ. Для характеристики воззрѣній современниковъ приведены даже народныя преданія, лѣтописныя и былинныя. Особенно богато собраніе фактовъ при обозрѣніи явленій внутренняго быта. Такъ, напримѣръ, при обозрѣніи промышленности и земледѣлія, говорится о скотоводствѣ, звѣроловствѣ, птицеводствѣ, пчеловодствѣ, рыболовствѣ, солевареніи, ремеслахъ; или въ отдѣлѣ о частной жизни, говорится о пищѣ,

питіи, одеждѣ, обуви, жилищахъ,—и на всѣ статьи приведены полныя или сокращенныя извѣстія памятниковъ.

Что же касается воззрѣній Погодина, то въ началѣ его исторіи преобладаютъ взгляды Шафарика, которые онъ иногда беретъ у него почти буквально. „Преданіе, донесшееся изъ глубины вѣковъ до нашихъ лѣтописей, такъ начинаетъ онъ свою исторію, указываетъ племенамъ славянскимъ первоначальное жилище на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ... Отсюда, вслѣдствіе естественнаго размноженія и другихъ побудительныхъ обстоятельствъ, выселялись они по временамъ—задолго до Рождества Христова—и заняли наконецъ почти всю среднюю Европу. Наша страна получила себѣ обитателей по случаю нашествія съ запада кельтовъ или валаховъ... которые заставили многихъ (изъ нихъ) искать новыхъ себѣ жилищъ. Они,—наши славяне тогда стояли уже на извѣстной степени образованія, знакомые съ земледѣліемъ и первоначальными искусствами, говорили языкомъ богатымъ и значительно развитымъ, имѣли понятія и вѣрованія о Богѣ и жизни посмертной, принесенныя еще изъ прародины своей Индіи, съ коей до сихъ поръ обнаруживаютъ свойство“[1]).

Повидимому, нужно было ожидать, что, послѣ такого приступа къ дѣлу, послѣдуетъ изложеніе первѣйшихъ задатковъ государственности у столь развитыхъ для исторической жизни славянъ. Но этого у Погодина нѣтъ. У него затѣмъ болѣе и болѣе выступаетъ старый его грѣхъ—норманство Шлецера, даже усиленное позднѣйшими нѣмецкими и нашими русскими скептическими изысканіями о вліяніи на нашу древнюю внутреннюю жизнь иноземныхъ началъ,—слѣдуетъ такъ называемый норманскій періодъ, отъ призванія князей до смерти Ярослава, обозначившійся у насъ внѣшнимъ единствомъ Россіи и внѣшними, шумными дѣлами. Погодинъ и обращаетъ преимущественное вниманіе на это внѣшнее величіе Россіи и такъ увлекается съ этой точки зрѣнія силою норманскою, что въ одномъ мѣстѣ своей исторіи наше русское славянство называетъ водою, а норманство каплею вина, давшею этой водѣ окраску. Окраску эту онъ усматриваетъ даже въ дѣлѣ принятія нами христіанства. Варяги, по его мнѣнію, первые стали переводить къ намъ изъ Византіи и христіанство, силу котораго,

---

[1]) Томъ I, стр. 1.

какъ и норманство, онъ раскрываетъ съ такою же тщательностію, какъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Понятно послѣ этого, что такъ называемый періодъ удѣльный, представляющій такое рѣзкое разрушеніе и норманскаго единства русскаго государства и, повидимому, всеобщее разрушеніе началъ христіанской жизни, кажется Погодину, какъ и Карамзину, временемъ упадка русской жизни,—временемъ, неминуемо подготовлявшимъ разгромъ Россіи первыми сильными инородцами, какими и оказались татары.

Погодинъ и занимается главнѣйшимъ образомъ исторіей этихъ проявленій нашего упадка, и прежде всего дѣлами нашихъ князей удѣльнаго періода. Въ туманѣ усобицъ передъ Погодинымъ скрываются или блѣдно представляются жизненныя явленія тогдашней Руси, какъ вѣча, главную силу которыхъ онъ связываетъ съ городскою военною силою. Внѣшняя разбросанность, шатость въ Россіи того времени приводятъ Погодина даже къ теоріи явно противорѣчащей началамъ его математическаго метода,—къ теоріи неопредѣленности, случайности въ нашей удѣльной Руси, что̀ составляетъ обоюдоострое оружіе и можетъ означать или шлецеровское же варварство этой Руси, или шлецеровское же непониманіе ея.

Такимъ образомъ, шлецеровскій взглядъ на нашу исторію поставилъ Погодина въ противорѣчіе съ началами древней славянской жизни, взятыми у Шафарика и закрылъ передъ нимъ, какъ и передъ Карамзинымъ и многими другими, дѣйствительный смыслъ нашей двухвѣковой исторической жизни—отъ смерти Ярослава до татарскаго ига,—жизни, полной не только великой борьбы, но и великой внутренней строительной работы,—работы образованія единой государственности на самобытныхъ славянскихъ началахъ соглашенія власти и земли, работы, выразившейся въ разнообразныхъ типахъ государственнаго устройства,—то съ преобладаніемъ земельнаго аристократизма, какъ въ Галичѣ, то торговаго демократизма, какъ въ Новгородѣ, то подвижного княжескаго дружиннаго начала, какъ въ Кіевѣ и во многихъ областяхъ, слабыхъ своими силами, но сильныхъ по временамъ даровитыми своими князьями, то съ преобладаніемъ низшей земской силы, какъ въ суздальской области. Закрытымъ оказалось передъ Погодинымъ и то, какъ наша старая Русь, раздѣлившись на множество обла-

стей, т. е. выдвинувшись для дѣятельности на всѣхъ своихъ болѣе твердыхъ пунктахъ, вглядывалась и соразмѣряла, гдѣ, въ какой у нея части, какія складываютъ силы для государственнаго центра,— въ Кіевѣ ли, куда благодатный климатъ, черноземъ и почти наслѣдственная способность къ доблестямъ манили русскихъ, но гдѣ такъ называемая интеллигенція болѣе и болѣе развивалась въ ущербъ сельской общинѣ, или въ Суздалѣ, Владимірѣ, гдѣ рядомъ съ суровостями климата развивался до черствости практицизмъ и падала доблесть, но гдѣ было больше порядка и вѣрнѣе обезпечивалось благо сельской общины. Погодинъ уже не могъ видѣть, какъ колебалась наша дотатарская Русь отдаться одной изъ этихъ односторонностей, какъ пробовала она совмѣстить и практицизмъ и доблесть, и какъ почти съ геніальною прозорливостію раньше всѣхъ понялъ это высшее стремленіе нашей до татарской Руси нашъ Владиміръ Мономахъ, сталъ строить русскую государственность по началамъ этой гармоніи доблести и практичности, — сильной власти и сильнаго, даже общерусскаго вѣча, но съ совмѣщеніемъ блага и свободы самыхъ малыхъ русскихъ людей—наймитивъ, закунней. Этотъ великій человѣкъ русской земли XII вѣка, выдвигающійся по своимъ идеямъ и замысламъ выше всѣхъ современныхъ ему великихъ дѣятелей Европы, даже Погодинымъ мало понятъ, блѣдно освѣщенъ, мало у него раскрыто даже многовѣковое благоговѣніе къ этому необыкновенному человѣку нашей старой Руси, чтò тоже очень важно, потому что доказываетъ способность этой Руси цѣнить лучшіе идеалы жизни.

Два вѣка, по изображенію Погодина, какъ и многихъ другихъ писателей, мы блуждали во мракѣ случайностей, падали, и приготовляли себѣ татарское иго. Если такъ, то наша народная стихія дѣйствительно вода, для окраски и вкуса которой нужна хотя капля чужой примѣси, чужого вина. Мы видимъ, какъ это несправедливо и, такъ сказать, научно обидно для нашего національнаго чувства, такъ что эту обиду, какъ увидимъ, даже позаботился снять съ нашей древней Руси лучшій въ новѣйшее время иноземецъ, изучающій Россію, Леруа-Болье. Погодинъ тѣмъ болѣе не могъ не чувствовать этой обиды и онъ дѣлаетъ усилія ослабить ее, осмыслить эту, по его взгляду неправду русской жизни. Онъ говоритъ, что при всемъ томъ дотатарская наша

Русь путемъ смутъ объединялась, что особенно ясно выступало ея единство по языку, вѣрѣ и наконецъ, что и въ эти мрачныя времена были у насъ прекрасныя, высоко развитыя личности, которыя спасали достоинство Россіи. Погодинъ, конечно, самъ видѣлъ, что все это слишкомъ слабо, не можетъ оправдывать двухвѣковаго паденія.

Дѣйствительное хотя въ нѣкоторой степени оправданіе у него или, лучше сказать, освѣщеніе этого печальнаго времени—другое, при чемъ обнаруживается его коренной взглядъ на русское историческое движеніе, объясняющій и противорѣчивое совмѣщеніе началъ Шафарика и Шлецера и непризнаніе строительной работы нашего удѣльнаго періода.

Погодинъ подобно Карамзину обращалъ преимущественное вниманіе на развитіе у насъ государственности. Это для него, какъ и для Карамзина, было главною побудительною причиною принять норманскую теорію призванія князей, которая давала такое легкое средство сразу объяснить цѣлый, начальный періодъ нашей исторіи. Шафарикъ съ своимъ славянскимъ взглядомъ на значеніе Россіи не могъ мѣшать этой теоріи, а напротивъ закрѣплялъ ее. При такой теоріи нашъ удѣльный періодъ является дѣйствительно чудовищной помѣхой видѣть дальнѣйшее развитіе государственности, основанной и такъ хорошо двинутой норманнами, и долженъ былъ возмущать этихъ нашихъ историковъ своими явленіями, никакъ не подходящими подъ ихъ теорію. Такимъ образомъ, наши ученые нѣмцы не только затруднили намъ разъясненіе нашихъ древностей, но и заслонили правильное пониманіе нашего удѣльнаго періода. Тутъ, впрочемъ, ихъ вина ослабляется другими, посторонними для нихъ обстоятельствами.

Мы не разъ показывали, какъ наши историки старались поскорѣе прорваться сквозь нѣмецкій туманъ нашихъ древностей къ тому центру тяжести нашей исторіи,—московскому единодержавію, въ которомъ ясно уже видна цѣльность и полезность развитія нашей жизни. Погодинъ не менѣе другихъ, если не болѣе, стремился къ тому же центру. Онъ имъ жилъ, питался его идеями и явно переносилъ эти идеи на нашу древнюю жизнь, на которую отъ ея начала смотрѣлъ, какъ на подготовку или помѣху къ развитію этого центра,—московскаго единодержавія. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Погодинъ особенно ясно обнару-

живаетъ этотъ именно взглядъ. По поводу упоминанія въ лѣтописи въ первый разъ Москвы, гдѣ въ 1147 г. съѣзжался съ своими союзниками Юрій Долгорукій, во время борьбы его съ кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, Погодинъ въ восторженныхъ словахъ изображаетъ историческое значеніе Москвы, какъ дѣйствительнаго историческаго средоточія Россіи. „Что за имя (Москва)? Какое странное! Въ первый разъ только оно (слово—Москва), здѣсь послышалось, говоритъ Погодинъ. Не ошибка ли это? Нѣтъ—не ошибка. Такъ значится во всѣхъ спискахъ лѣтописи. Что же это такое: деревня, село, или городъ? Гдѣ находится Москва? На краю волостей суздальскихъ, черниговскихъ, рязанскихъ и смоленскихъ... гдѣ протекаетъ мелкая рѣчка Москва... разсыпано по горамъ и долинамъ нѣсколько селеній и въ срединѣ ихъ, на крутомъ берегу, мелькаетъ деревянный городокъ, окруженный дремучимъ боромъ. Это будущій кремль, его окружность—это славная Москва [1])... Думалъ ли кто нибудь на Руси, что здѣсь, на этомъ берегу, на этой горѣ и въ этомъ лѣсу, средоточіе русскаго могущества, что здѣсь скрыто то таинственное ядро, къ которому прильнетъ, которое притянетъ, соберетъ около себя всю землю русскую и многія иныя... Но когда же это будетъ? скоро ли? Нѣтъ не скоро! Долго еще силѣ русской носиться по вѣянію вѣтровъ, долго еще сила эта будетъ искать себѣ мѣста, и найдя его здѣсь, не скоро она остановится, осядется, водворится!.. А потомъ начнутся испытанія... но она восторжествуетъ наконецъ съ русскимъ началомъ въ сердцѣ, возметъ все свое, ей предопредѣленное, возвысится, возвеличится, спасетъ отечество, подастъ руку помощи меньшей братіи, единоплеменной и единовѣрной... Когда же это будетъ? Не скоро, не скоро! Пройдутъ вѣка, смѣнится много поколѣній, перетерпится много горя, уяснятся чувствованія, очистятся понятія. Теперь (въ 1147 г.) Москва бѣднѣйшій городокъ, но здѣсь начинается ея исторія“ [2]).

Съ этой точки зрѣнія Погодинъ оцѣниваетъ явленіе всего удѣльнаго періода. Суздальская область и ея порядки и люди естественно должны были привлечь вниманіе историка, какъ явленія, выдающіяся надъ всѣми другими и болѣе близкія къ явле-

---

[1]) Т. 1, стр. 339. [2]) Т. I, стр. 339—340.

ніямъ московскимъ. Вотъ, какъ описываетъ Погодинъ значеніе суздальской области и лучшаго съ его точки зрѣнія князя ея Всеволода: „Это была область (Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Переяславль, Москва, Тверь, Поволжье, Бѣлоозеро,—полученные Всеволодомъ въ наслѣдство) обширная, сильная, богатая, что касается до естественныхъ произведеній, нужныхъ для жизни, неслыхавшая никогда почти объ усобицахъ, невидавшая давно никакого врага, ни своего, ни чужого. Сѣверная Русь со стольнымъ городомъ Владиміромъ находилась теперь точно въ томъ положеніи, въ какомъ была южная—Кіевъ при первыхъ князьяхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ по одиночкѣ до Ярослава включительно, и потому имѣвшихъ время и возможность распространить и усилить свое княжество—государство. Всеволодъ, подобно имъ, заступилъ теперь послѣ кратковременной усобицы одинъ мѣсто Юрія и Андрея—и на сорокъ лѣтъ оставался одинъ же на сѣверѣ, между тѣмъ, какъ на югѣ народилось уже князей до ста, которые всѣ хотѣли ѣсть и искали себѣ хлѣба, вырывая куски другъ у друга вмѣстѣ съ половцами. (Замѣтимъ, что въ числѣ этихъ вырывавшихъ другъ у друга куски хлѣба южныхъ князей были тогда: знаменитый Мстиславъ храбрый, Мстиславъ удалой, Романъ галицкій). Вотъ въ чемъ состояла, продолжаетъ Погодинъ, простая тайна владимірскаго преимущества предъ кіевской Русью, дробившеюся все мелче и мелче. Здѣсь случилось быть одному князю, а тамъ число безпрестанно умножалось“. Затѣмъ Погодинъ говоритъ, что пока продолжался такой порядокъ, суздальскій князь, даже не очень даровитый, могъ имѣть, если пожелалъ, рѣшительное вліяніе на дѣла юга, „а властолюбивый, высокомѣрный, дѣятельный, даровитый, какъ Андрей, кольми паче. Всеволодъ же, продолжаетъ Погодинъ, не уступалъ старшему брату въ доблестяхъ (какихъ, сейчасъ увидимъ). При самомъ вступленіи на поприще, несмотря на молодость, онъ показалъ много смѣлости и твердости (разгонялъ родственниковъ), равно какъ и разсчетливости, осторожности. Такъ во все продолженіе своего княженія, умѣя пользоваться обстоятельствами, не пропуская ни одного случая къ какимъ бы то ни было пріобрѣтеніямъ, Всеволодъ, безъ слишкомъ особенныхъ усилій съ своей стороны, безъ вызова происшествій, становился могущественнѣе и значительнѣе съ каждымъ

годомъ[1])... Всеволодъ достигъ наконецъ нечувствительно цѣли Андреевой и Мономаховой, то есть, господства, господства въ предѣлахъ еще обширнѣйшихъ, чѣмъ какое было у этихъ могущественныхъ князей,—казалось, что удѣльное разстройство прекращается, княжество его готово сдѣлаться вполнѣ государствомъ и онъ самъ становится самодержцемъ“ [2])...

Изъ этихъ выписокъ мы видимъ, что, по взгляду Погодина, время между первыми русскими князьями и князьями суздальскими было какъ бы пустымъ временемъ въ смыслѣ прогресса, и получало значеніе только отрицательное. Какъ сильно было убѣжденіе въ этомъ Погодина и какъ оно закрывало передъ нимъ лучшія явленія южной Руси, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста во второмъ томѣ его исторіи, гдѣ при обозрѣніи внутренней жизни можно, повидимому, было спокойнѣе и вѣрнѣе оцѣнивать сравнительное значеніе явленій нашей дотатарской жизни. Показывая значеніе великаго князя, Погодинъ, сначала описываетъ, какое положеніе занималъ въ Россіи Кіевъ и его князья. Онъ припоминаетъ силу славныхъ преданій въ Кіевѣ объ Олегѣ, Святославѣ, Владимірѣ и Ярославѣ, указываетъ на нравственное значеніе печерскаго монастыря и кіевскаго митрополита и затѣмъ говоритъ: „Всѣ эти воспоминанія жили между князьями, какъ и въ народѣ, передавались отъ отцовъ къ дѣтямъ, и Кіевъ былъ въ тоже время тожественъ со всею землею русскою... Святополкъ и Мономахъ, призывая Святославичей (въ 1096 г.), говорятъ имъ: придѣта Кіеву, на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшій градъ въ землѣ во всей Кыевъ; ту достойно смятися и порядъ положити. Такъ передавалось и ихъ дѣтямъ: Кіевъ—стольный городъ, кіевскій князь—первое лицо въ русской землѣ“ [3]). Казалось бы, такого явленія никакъ нельзя было признать пустымъ мѣстомъ въ нашей дотатарской исторіи и слѣдовало-бы сильно призадуматься, отъ чего такая старая сила Кіева пала и уступила мѣсто другимъ, новымъ. Погодинъ не много задумывается надъ этимъ. Онъ говоритъ лишь, что такое значеніе Кіева привлекало къ нему честолюбіе всѣхъ князей, что суздальскій князь, какъ самый сильный, взялъ верхъ надъ Кіевомъ и что областные князья слушались его больше, чѣмъ когда либо слушались кня-

[1]) Стр. 361—2. [2]) Стр. 362, 1, внизу. [3]) Стр. 408 — 9.

зей кіевскихъ, потому что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ [1]). Слѣдовательно проявленіе силы, личной власти князей Погодинъ считалъ самою важною стороною исторической жизни древней Руси. Это со всею ясностію онъ высказываетъ въ самомъ началѣ обозрѣнія явленій внутренняго быта дотатарской Руси, т. е. въ началѣ втораго тома. „Впродолженіи норманскаго періода, къ счастію молодаго государства, бывало большею частію по одному князю"... Въ другомъ мѣстѣ: „Какъ укрѣпленію, усиленію молодаго государства содѣйствовало малочисліе князей, такъ умножавшееся безпрестанно ихъ количество постепенно ослабляло его, и наконецъ привело на край погибели" [2]). Этотъ взглядъ поставилъ Погодина даже въ очень странное положеніе.

Въ норманскомъ его періодѣ онъ трепещетъ за судьбу Россіи, когда у нея одинъ только князь, какъ напримѣръ, малолѣтній Игорь, а въ удѣльномъ періодѣ трепещетъ за нее отъ непомѣрнаго множества князей. Теорія случайностей возведена здѣсь на высшую степень силы въ исторіи Россіи.

Съ особенною ясностію Погодинъ высказываетъ эту теорію въ томъ же второмъ томѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, изложивъ отношенія князей, показавъ положеніе дружины, состояніе городовъ и сельскаго населенія, онъ говоритъ: „Такъ неопредѣленны или, лучше сказать, такъ измѣнчивы были отношенія между князьями и высшими сословіями государственными, потомствомъ пришлаго норманскаго племени, дружиною и ея членами, боярами и отроками, городами и воями. Вслѣдствіе этой зыбкости, мы видимъ впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, отъ кончины Ярослава до нашествія монголовъ, безпрерывное движеніе князей... За князьями слѣдовали ихъ дружины, неотлучные ихъ спутники, дѣлившіе съ ними счастіе и несчастіе, выгоды и потери... Кромѣ перехода съ князьями бояре еще имѣли свое собственное право перехода... Въ этихъ переселеніяхъ принимали иногда участіе и низшіе вои, люди, жители городовъ, по любви къ князю, въ надеждѣ большихъ выгодъ... А глядя на нихъ, пріучались переходить съ мѣста на мѣсто и самые поселяне, ища себѣ больше льготы и покоя"... [3]). Еще дальше: „князья переходили, бояре переходили, вои переходили, смерды переходили, города въ

---

[1]) Стр. 409. [2]) Стр. 393. [3]) Стр. 432 — 3.

смыслѣ гарнизоновъ (засадъ) переходили. Города переходили въ смыслѣ столицъ пребываній княжескихъ"...[1]). Выводъ Погодина изъ этихъ явленій еще страннѣе и печальнѣе: „Въ этомъ движеніи, заключаетъ Погодинъ, представляющемъ какъ бы переходъ отъ кочевой жизни азіатской къ осѣдлой европейской, въ этомъ броженіи, вслѣдъ за основаніемъ государства и распространеніемъ его предѣловъ, представляется одно изъ главныхъ отличій русской исторіи отъ исторіи западныхъ европейскихъ государствъ и вмѣстѣ основаніе, условіе многихъ послѣдующихъ событій" [2]).

Тутъ мы уже видимъ, что Погодинъ въ этихъ явленіяхъ удѣльнаго періода усматриваетъ коренной русскій принципъ—неустойчивость, случайность, т. е. какой-то роковой произволъ, которымъ должна строиться русская жизнь. Немного выше Погодинъ дѣйствительно осмысливаетъ эти явленія, какъ выражающія коренныя особенности русскія, но въ числѣ этихъ особенностей указываетъ и такія, которыя разрушаютъ всю его теорію случайности, хотя и высказаны мелькомъ, вскользь. „Въ нашей исторіи, говоритъ онъ, все происходило, смотря по обстоятельствамъ, и рѣшалось по усмотрѣнію дѣйствующихъ лицъ, по требованіямъ минуты или соглашенію, по полюбовнымъ сдѣлкамъ въ извѣстное время; господствовали не правила, а обстоятельства, свободная воля, здравый смыслъ". Это уже совершенная пустыня внутреннихъ твердыхъ началъ жизни. Погодинъ, повидимому, еще усиливаетъ безжизненность этой пустыни, когда тутъ же выражается: „Никакой народъ не представляетъ такого отвращенія отъ обряда (формы), какъ русскій"; или: „о писанномъ правѣ никогда и помину нѣтъ, вездѣ имѣется въ виду только живое право, какъ оно дѣйствующими лицами въ данную минуту себѣ представляется". Однако самъ же Погодинъ и тутъ же проговаривается объ основаніи этого живого права. „Мы усматриваемъ, говоритъ онъ, въ явленіяхъ удѣльной исторіи лишь нѣсколько, очень мало, коренныхъ обычаевъ"... и перечисляетъ ихъ: старшинство для князей, отчинность, право перехода для бояръ, вѣчевыя собранія для городовъ и странныя для насъ, но не странныя у Погодина въ смыслѣ права, обязанность смердовъ платить подати, послѣ исполненія которой они были, по его мнѣнію, свободны отъ другихъ обязанностей, какъ напримѣръ военной [3]).

[1]) Стр. 433. [2]) Стр. 433, 2. [3]) Стр. 421.

Стоитъ только представить дѣйствительное положеніе дѣлъ по фактамъ самого же Погодина,—повсемѣстное, исконное существованіе въ городахъ вѣчей, а въ сельскихъ обществахъ сходокъ, какъ живыхъ хранителей и толкователей обычаевъ, дѣлавшихъ чаще всего не нужнымъ записываніе этихъ обычаевъ; стоитъ представить себѣ, что множество и сильное передвиженіе князей давали особенное значеніе вѣчамъ, а право перехода крѣпко поддерживало личную свободу и дружины и смердовъ; стоитъ все это представить, повторяемъ, по фактамъ, изложеннымъ самимъ Погодинымъ, какъ вся картина хаоса, имъ нарисованная, получитъ совершенно иной, ясный, опредѣленный смыслъ, и наша древняя Русь будетъ дѣйствительно отличаться отъ западной Европы, но не азіатскимъ кочевничествомъ, а своими самобытными особенностями, общими во многомъ и другомъ славянскимъ народамъ. Иначе сказать, у самого Погодина очистится тогда шелуха шлецеровская и окажется, воззрѣніе такъ называемое славянофильское. Погодинъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, дѣйствительно и обнаруживаетъ начатки славянофильскіе. Сюда относится, какъ мы уже знаемъ, мирное основаніе нашей государственности. Далѣе,—крѣпко и преимущественно держась государственности, Погодинъ тѣмъ не менѣе часто разсматриваетъ состояніе русской земли, земской силы, какъ особой. Онъ считаетъ нужнымъ разсматривать княжескія смуты не по родамъ, поколѣніямъ князей, а по областямъ, раздѣленіе которыхъ связываетъ съ особенностями страны, и въ древнія времена допускаетъ даже различіе между ними и племенное.

Изъ его многочисленныхъ статей о временахъ московской жизни, какъ полемика его съ Костомаровымъ о Димитріи Донскомъ или о временахъ смутныхъ, совершенно ясно видно, что онъ понималъ и признавалъ силу земства.

Великія ожиданія сопровождали составленіе Погодинымъ его исторіи, о чемъ знали всѣ, такъ какъ Погодинъ получилъ на это средства отъ государя и какъ бы занялъ положеніе Карамзина. Но великое разочарованіе послѣдовало, когда появились эти три тома исторіи Погодина, а петербургская стихія довела это разочарованіе до того, что Погодинъ совсѣмъ вышелъ изъ положенія Карамзина и не продолжалъ своей исторіи. Мы видѣли, что еще въ

первыхъ своихъ трудахъ Погодинъ вырывался изъ строгихъ предѣловъ своего математическаго метода на просторъ патріотическаго одушевленія. По самой противоположности этихъ двухъ пріемовъ гармонія была дѣломъ, очень трудно достижимымъ. Она часто и тогда уже нарушалась, а въ исторіи разстройство этой гармоніи дошло до того,что и математическій методъ не соблюденъ (почти нѣтъ цитатъ, даже въ весьма важныхъ мѣстахъ), и патріотическое отношеніе къ дѣлу приняло крайне одностороннее направленіе. Мы въ этой исторіи видимъ старца, вѣщающаго дѣтямъ о старыхъ дѣлахъ съ авторитетностію, чисто отеческою. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что подъ этой старческою авторитетностію скрываются и громадная научность въ области первѣйшихъ нашихъ памятниковъ и неизмѣнная, глубокая любовь къ Россіи. Карамзина своей исторіей Погодинъ замѣнить не можетъ; но подлѣ исторіи Карамзина его исторія можетъ стоять для справокъ, для воспитательныхъ цѣлей и, вѣроятно, будетъ стоять вмѣстѣ съ нею еще очень долго.

Кромѣ разобранныхъ нами сочиненій и сейчасъ упомянутыхъ статей, которыхъ списокъ очень великъ и обнимаетъ не одни старыя русскія дѣла, но захватываетъ и многіе современные вопросы и дѣла другихъ славянъ, Погодинъ издалъ въ 1875 г. еще одно, очень цѣнное сочиненіе,—Первые 17 лѣтъ царствованія Петра, т. е. до полтавской битвы. Погодинъ былъ великимъ поклонникомъ Петра. Это тоже вытекало изъ его воззрѣній на историческое движеніе русской жизни. Норманны, по Погодину, чужіе люди и съ чужими для насъ началами создали нашу государственность. Удѣльные князья испортили ихъ строеніе и чуть не загубили его. Московскіе князья при содѣйствіи татаръ возобновили и утвердили глубоко въ народной жизни это государственное строеніе. Но и въ московскомъ средоточіи оно слабѣло и разшатывалось. Петръ I, при содѣйствіи иноземцевъ, опять укрѣпилъ, усилилъ это здание,—но не переставая быть русскимъ. Поклоненіе Петру съ этой именно точки зрѣнія имѣло для Погодина даже идиллическую привлекательность. Погодинъ велъ свой родъ, какъ самъ говоритъ въ посвященіи своей исторіи покойному государю, изъ крѣпостного крестьянства. Поклоненіе Петру онъ встрѣтилъ въ извѣстномъ крестьянинѣ Посошковѣ, сочиненія котораго о скудости и богатствѣ Погодинъ розыскалъ и

издалъ. Но особенную цѣну книгѣ Погодина даетъ не восхваленіе Петра. Петръ I еще больше прославленъ и дѣла его, при всей односторонности взгляда, гораздо документальнѣе обставлены въ пятитомномъ сочиненіи покойнаго Устрялова (четыре тома до полтавской битвы и пятый, обозначенный въ виду сдѣланнаго пропуска одного тома по порядку — счетомъ — шестой — о дѣлѣ царевича Алексѣя), изд. 1858—9 и 1863 гг. Сочиненіе Погодина важнѣе всего по двумъ начальнымъ изслѣдованіямъ.

Первое изслѣдованіе — о дѣтствѣ Петра, гдѣ показаны образовательныя средства, обычныя тогда въ жизни русскихъ царскихъ дѣтей, такъ что этимъ подрывается ложное мнѣніе, будто бы Петръ въ своемъ русскомъ кругу ничего не узналъ. Тутъ, напротивъ, онъ связывается съ старою Русью даже по вопросу объ ознакомленіи съ западной Европой уже по однимъ игрушкамъ и картинкамъ, бывшимъ у него въ дѣтствѣ. Къ несчастію, гибель многихъ людей, которые могли бы повести правильно воспитаніе Петра, какъ Матвѣевъ, удаленіе Петра отъ двора и ужасы борьбы между нимъ и Софіей не дали ему правильно и спокойно развиваться въ русскомъ духѣ и направили искусственно къ иноземцамъ.

Второе изслѣдованіе еще важнѣе. Въ немъ доказывается документально, что роковая борьба Петра съ царевной Софіей создана искусственно, что никакого покушенія на жизнь Петра въ 1689 г. не было и что все это сочинено было злобной придворной интригой, имѣвшей роковыя послѣдствія, именно: разрывъ Петра со многими хорошими людьми правительства Софіи, какъ напримѣръ, съ необыкновенно образованнымъ, думавшимъ даже объ уничтоженіи крѣпостнаго права — Василіемъ Голицынымъ.

Итоги научныхъ трудовъ. Разныя точки зрѣнія на наше прошедшее и разные споры между учеными имѣли болѣе важное и продолжительное значеніе, чѣмъ думали иные изъ этихъ ученыхъ. Споры эти выяснили значеніе предшествовавшихъ трудовъ по русской исторіи, при чемъ, часто даже помимо воли споровшихъ и различно думавшихъ, выступали въ новомъ, яркомъ освѣщеніи прежніе наши русскіе труженики въ области нашей науки, особеннно Татищевъ, Болтинъ, и надъ всѣми прежними и современными тружениками возвышался съ своимъ громаднымъ трудомъ Карамзинъ, а видимо величественное но внѣшней научности, но

дряблое по жизненнымъ началамъ строеніе русской исторіи нѣмецкими учеными колебалось отъ критики и нашихъ ученыхъ, взглянувшихъ на него съ той же европейской точки зрѣнія, а затѣмъ задрожало и многое въ немъ рухнуло отъ прикосновенія къ нему Добровскаго и Шафарика, вооруженныхъ и западноевропейскою наукою и пониманіемъ дѣла съ общеславянской точки зрѣнія, такъ что нетолько скептикъ Каченовскій смутился и умолкъ, но и его противникъ Погодинъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи, — и радовался и скорбѣлъ, и спасалъ Шлецера, и признавалъ свое безсиліе и уклонялся отъ дѣла, въ виду новой зари общеславянскихъ идей, открывавшей новое величіе и всего славянства и столь любимой имъ Россіи.

Наука и національныя воззрѣнія запада, наука и воззрѣнія славянскія, русскія становились уже такими ясными вещами, что работникамъ по русской исторіи невозможно уже было затѣмъ выступать съ неопредѣленнымъ знаменемъ. Окраска его яснѣе и яснѣе обозначалась, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше раздѣляла и ученыхъ по русской исторіи и вообще членовъ русскаго общества на такъ называемыхъ славянофиловъ и западниковъ, историческое главенство надъ которыми принадлежитъ съ одной стороны Погодину, съ другой Каченовскому, хотя въ дѣйствительности послѣдователи того и другого уходили отъ своихъ вождей очень далеко, и нерѣдко забывали ихъ и даже чуждались. Въ трудахъ тѣхъ и другихъ сказалась съ новою силою и старая въ нашей наукѣ тяга отъ русскихъ древностей къ жизненнымъ центрамъ тяжести русской исторіи, — къ московскому единодержавію и затѣмъ къ петровскому преобразовательному времени.

ГЛАВА XIII.

Западники.

Въ той самой московской средѣ, гдѣ надѣлали столько шуму скептики и ихъ противники и гдѣ раздавались сильныя рѣчи Погодина и Грановскаго, одного за русское направленіе, другаго за европейское, и въ московскомъ университетѣ, и въ московскомъ

обществѣ болѣе и болѣе развивалось и обнаруживалось глубокое, систематическое раздѣленіе русскихъ людей на славянофиловъ и западниковъ. Такіе люди, какъ Чаадаевъ, Мартыновъ, Герценъ приходили къ совершенному отрицанію русской культуры, и для пересозданія ея обращались къ западной Европѣ, даже совсѣмъ уходили въ нее, какъ Мартыновъ въ іезуитство, Герценъ въ среду революціонеровъ. Это—крайности, отъ которыхъ громадное большинство западниковъ отшатывалось, но единство принциповъ производило и на нихъ свое дѣйствіе. Изъ среды ихъ выходило не мало дѣятелей въ области другихъ наукъ, болѣе отдаленныхъ отъ русскихъ жизненныхъ научныхъ вопросовъ; еще большее число ихъ сдѣлалось извѣстными въ области журналистики и еще большее на поприщѣ служебномъ. Но отрицаніе русской культуры подрывало въ корнѣ способность взяться за разработку положительной стороны русской жизни, поэтому такъ называемые у насъ западники меньше всего сдѣлали для русской исторіи, повидимому, совершенно вопреки примѣру, поданному скептиками, но въ дѣйствительности по той неизбѣжной логичности, какая развилась изъ этого примѣра. Отрицаніе можетъ создавать критику, полемику, но не ведетъ къ положительной, созидательной дѣятельности.

Одинъ изъ самыхъ свѣдущихъ цѣнителей дѣлъ и стремленій западниковъ, мнѣніе котораго о Грановскомъ мы уже приводили, именно Анненковъ, говоритъ объ этомъ слѣдующія, роковыя для западниковъ слова: „у нихъ не было никакой цѣльной и обработанной политической теоремы, они занимались изслѣдованіями текущихъ вопросовъ, критикой и разборомъ современныхъ явленій, и не отваживались на составленіе чего либо похожаго на идеалъ гражданскаго существованія, при тѣхъ матеріалахъ, какіе имъ давали и русская и европейская жизнь. Добросовѣстность западниковъ оставляла ихъ съ пустыми руками, и понятно, что положительный образъ народной политической мудрости, найденный славянофилами, начиналъ поэтому играть въ обществѣ нашемъ весьма важную роль“... [1]). Тотъ-же Анненковъ приводитъ слова Герцена, въ которыхъ тотъ внушалъ западникамъ смѣлость взяться за эту положительную работу. „Наша европейская, западническая партія, гово-

[1]) Воспоминанія и крит. очерки П. В. Анненкова, т. III, стр. 147.

рилъ Герценъ, тогда только получитъ мѣсто и значеніе общественной силы, когда овладѣетъ темами и вопросами, пущенными въ оборотъ славянофилами“ [1]). Наши русскіе соціалисты пробовали овладѣть нѣкоторыми изъ этихъ вопросовъ, но такъ овладѣли, что отъ нихъ отшатнулся самъ Герценъ. Даже Бѣлинскій, извѣстный систематическій западникъ и столь-же систематическій врагъ славянофиловъ, выразился однажды во вкусѣ Полевого, но съ выводомъ далеко не во вкусѣ Полевого: „что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я, говорилъ Бѣлинскій, скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитиковъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ какое-то изданіе такой-то логики“ [2]).

Нужно однако сказать, что всѣ эти, весьма компетентные свидѣтели дѣлъ своей партіи, но мало свѣдущіе въ литературѣ русской исторіи, не совсѣмъ справедливы къ трудамъ этой партіи по русской исторіи. Безсильная создать что либо цѣльное, положительное, партія эта не мало сдѣлала и дѣлаетъ въ области критики, полемики по нашей наукѣ. Ненормальныя явленія русской исторической жизни, изнанка лучшихъ нашихъ историческихъ дѣлъ и людей сдѣлались спеціальнымъ предметомъ изслѣдованій членовъ этой партіи, бравшихся за русскую исторію.

Пыпинъ. Самымъ дѣятельнымъ представителемъ этой группы людей служитъ въ настоящее время извѣстный авторъ многочисленныхъ изслѣдованій, помѣщаемыхъ въ Вѣстникѣ Европы, г. Пыпинъ. Болѣе видное изъ его изслѣдованій это — Общественное движеніе при Александрѣ I (1871 г.). Здѣсь, съ точки зрѣнія безпредметной свободы, оцѣниваются преобразованія первыхъ годовъ царствованія Александра I и отдается имъ полное сочувствіе. По этой же причинѣ осуждаются дѣла второй половины этого царствованія, причемъ Карамзинъ причисляется къ ретроградамъ, и г. Пыпинъ особенно усердно ударяетъ на слабую сто-

[1]) Тамъ же, стр. 148. [2]) Тамъ же, стр. 148—9.

рону Карамзина по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Для опытнаго читателя изслѣдованіе это имѣетъ значеніе, какъ сборникъ свѣдѣній о малоразработанномъ времени и сборникъ данныхъ для изученія политическаго развитія нашихъ русскихъ людей того времени [1]).

Такое же значеніе, какъ вышеприведенное, имѣютъ изслѣдованія Пыпина — Характеристика литературныхъ мнѣній (1873 г.), гдѣ осуждается славянофильство, и изслѣдованіе — Панславизмъ (1877—8 г.), гдѣ та же тенденція и, кромѣ того, сообщается не мало свѣдѣній о развитіи у насъ панславистскихъ идей, какъ, напримѣръ, о панславистскихъ идеяхъ начала нынѣшняго столѣтія (записка Броневскаго), о кіевскомъ братствѣ Кирилло-Мееод. 1848 г. и объ идеяхъ Товіанскаго и Мицкевича (мессіализмъ). Какъ истый западникъ, авторъ здѣсь отрѣшается отъ всякихъ патріотическихъ чувствъ, и у него выходитъ, что Россія одна изъ самыхъ несостоятельныхъ для славянскаго объединенія силъ, а Польша высоко выдвигается по своей культурности.

Болѣе цѣнное по достоинству матеріаловъ изслѣдованіе г. Пыпина о масонахъ, служащее дополненіемъ и поправкой изслѣдованія Лонгинова — Новиковъ и Мартинисты (изд. 1867 г.) [2]).

Наконецъ, еще большаго вниманія заслуживаетъ старый соединенный трудъ Н. И. Костомарова и г. Пыпина — Отреченныя книги, изданныя Кушелевымъ-Безбородкой подъ заглавіемъ: Памятники старинной русской литературы, 1860—4 г., 4 выпуска. Сюда же нужно отнести имѣющее съ этимъ изданіемъ связь и тоже давнее изслѣдованіе г. Пыпина — Объ отреченныхъ книгахъ, помѣщенное въ 1 выпускѣ Лѣтоп. занятій археографич. коммиссіи. Перечисляя эти старые труды г. Пыпина, нельзя не указать на гораздо болѣе научное собраніе памятниковъ этого рода — Памятники отреченной литературы профессора Тихонравова, изд. 1863 г., 2 тома.

---

[1]) Для провѣрки взглядовъ г. Пыпина на время Александра I полезно читать соч. полковника Кропотова — Жизнь графа М. Н. Муравьева въ связи съ событіями его времени (1874 г.) и статьи покойнаго А. Н. Попова въ Русскомъ Архивѣ и Русской Старинѣ за 1876 и 77 гг.: Россія передъ 1812 и въ 1812 году. Наконецъ, фактическая сторона всего времени Александра I изложена безъ всякихъ притязаній на теорію въ сочиненіи генерала Богдановича — Исторія царствованія Александра I, 6 томовъ (1869 — 71 г.). [2]) Вѣстн. Европы за тотъ же 1867 г.

Недавно, въ Вѣстникѣ Европы за настоящій, 1884 г., въ книгахъ 5, 6 и 7, напечатано новое изслѣдованіе г. Пыпина — Русская наука въ XVIII в. На это изслѣдованіе можно смотрѣть, какъ на крайнее усиліе г. Пыпина доказать благотворность западноевропейскаго вліянія на Россію. Авторъ выбралъ самый благодарный предметъ, — просвѣтительное движеніе въ петровскія времена, въ которомъ найдетъ не мало хорошаго и самый послѣдовательный славянофилъ. Но только неопытные читатели могутъ не замѣтить многочисленныхъ несообразностей этого изслѣдованія.

Г. Пыпинъ начинаетъ съ практическихъ дѣлъ, которыми такъ славится время Петра, и изображаетъ намъ богатство трудовъ по землеописанію Россіи, особенно богатство путешествій по Россіи и описанія ея. Но это было рѣшительно преобладающее иноземное странствованіе по Россіи и иноземное описаніе ея. Все это составляло прежде всего развитіе давней литературы иностранныхъ писателей о Россіи, тѣмъ болѣе естественное, что въ Россію впущено было столько иноземцевъ и они снабжались русскими деньгами. Польза отъ всего этого у автора громадна, потому что онъ беретъ все XVIII ст. и даже прихватываетъ XIX; но на дѣлѣ было иное. Одно долговременное пренебреженіе татищевскаго проекта изученія Россіи слишкомъ много говоритъ противъ основного взгляда г. Пыпина. До какой степени авторъ ослѣпленъ вліяніемъ иноземныхъ трудовъ на Россію, видно изъ того, что онъ совсѣмъ не цѣнитъ значенія Большого чертежа и проглядѣлъ знаменитый трудъ Ремезова — Чертежъ сибирской земли.

Еще болѣе странна попытка автора выставить западноевропейцами такихъ писателей, какъ Татищевъ и Болтинъ. Г. Пыпина поражаетъ, что эти писатели знали многія западноевропейскія сочиненія и даже пользовались ими. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что тутъ-то они и почерпали свое высшее разумѣніе дѣлъ Россіи. Г. Пыпинъ, очевидно, не подозрѣваетъ, что оба эти историка дѣлали рѣзкое отступленіе отъ своего западноевропеизма и что это повело къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Благодаря этому именно отступленію, мы имѣемъ и такой цѣнный лѣтописный сводъ Татищева и такую дѣльную картину русской самобытности Болтина, а то, что оба эти историка написали по западноевропейской указкѣ, весьма слабо, какъ пер-

ный томъ исторіи Татищева и Болтиновское разумѣніе крестьянскаго вопроса. Не входимъ въ разборъ всегдашнихъ больныхъ мѣстъ г. Пыпина,—осужденій славянофиловъ. Въ изслѣдованіи г. Пыпина XVIII в., представляющемъ спѣшную и даже несамостоятельную работу, имѣетъ нѣсколько научное значеніе собственно указаніе писателей, которыхъ знали Татищевъ и Болтинъ.

Главное направленіе трудовъ г. Пыпина—изображать изнанку русской жизни, особенно до-петровскаго времени, обнаруживается въ трудахъ многочисленныхъ писателей, по преимуществу того же западническаго направленія. Такъ, оно отражается въ сочиненіяхъ необыкновенно трудолюбиваго работника въ области нашей науки, профессора кіевскаго университета Иконникова. Рѣдкая книга выходитъ, которая не вызвала бы рецензіи профессора Иконникова. Въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ нерѣдко печатаются даже библіографическія обозрѣнія цѣлой группы книгъ по русской исторіи за то или другое время, составляемыя г. Иконниковымъ. Подобныя обозрѣнія авторъ дѣлалъ и въ области давнопрошедшаго нашей науки. Таково указанное нами его обозрѣніе литературы скептической школы. Есть у него и обозрѣнія дѣятельности выдающихся историческихъ лицъ. Таково его изслѣдованіе—Графъ Мордвиновъ (1873 г.). Мы уже упоминали другой научный трудъ г. Иконникова—О вліяніи Византіи на Россію. Не можемъ не указать и на самый ранній трудъ и самый большой грѣхъ автора—О первомъ самозванцѣ [1]), котораго онъ признаетъ дѣйствительнымъ царевичемъ Димитріемъ.

Далѣе, тоже направленіе высказывается въ большинствѣ трудовъ нашихъ русскихъ юристовъ. Образецъ такого отношенія къ своему прошедшему мы увидимъ ниже, въ трудахъ г. Чичерина.

Есть, впрочемъ, въ юридической литературѣ счастливыя и даже немалочисленныя исключенія. Укажемъ на болѣе выдающіяся изъ нихъ. Изъ тѣхъ юристовъ, которые по самому свойству своихъ занятій должны обращаться къ изученію русской исторіи, какъ напримѣръ профессора исторіи русскаго права, нѣкоторые доходятъ до глубокаго пониманія самыхъ основъ русской жизни и поднимаютъ ихъ на большую высоту культурности. Это мы увидимъ ниже въ трудахъ И. Д. Бѣляева, Лешкова. По этому пути

[1]) Кіевск. унив. изв. за 1864 г.

пошли даже нѣкоторые юристы, не чуждые западничества. По этому пути шелъ и старѣйшій изъ нашихъ юристовъ, Неволинъ, котораго изысканія о Русской Правдѣ и новгородскихъ пятинахъ и теперь еще не потеряли своего значенія. По этому пути пошли и болѣе видные изъ его преемниковъ. Такъ, это мы увидимъ въ трудахъ К. Д. Кавелина. Этимъ же направленіемъ вызываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, и давно уже, старѣйшій теперь изъ профессоровъ-юристовъ и неутомимѣйшій изслѣдователь и цѣнитель историческихъ памятниковъ, академикъ Н. В. Калачевъ. Трудно въ краткомъ обзорѣ перечислить многочисленные и разнообразные труды этого ученаго. Всѣмъ извѣстны его старыя, но до сихъ поръ имѣющія большую цѣну изслѣдованіе и изданіе Русской Правды [1]), журналы — Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, Архивъ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній и нынѣ издаваемый подъ главною его редакціей Археологическій сборникъ.

Двѣ особенности бросаются въ глаза въ трудахъ Н. В. Калачева. Это, во первыхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше сказывается въ нихъ его уваженіе къ памятникамъ нашей исторіи, особенно временъ московскихъ, и, во вторыхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ большая видна группировка около Н. В. Калачева молодыхъ силъ. Обѣ эти особенности теперь выражаются самымъ нагляднымъ и счастливымъ образомъ въ основанномъ Николаемъ Васильевичемъ Археологическомъ институтѣ, во главѣ котораго онъ стоитъ и понынѣ.

Въ исторіи нашей науки мы имѣемъ еще болѣе поражающій примѣръ, какъ юристъ всецѣло перешелъ въ область изысканій по русской исторіи и, можно сказать, вліяетъ на самый ходъ занятій по этому предмету. Мы разумѣемъ А. Ѳ. Бычкова, академика и директора императорской публичной библіотеки. У насъ въ Россіи едва ли есть хотя одинъ изъ ученыхъ, занимающихся русской исторіей, въ возрастѣ отъ пятидесяти лѣтъ и моложе, который бы выросталъ въ научномъ смыслѣ безъ указаній и воодушевляющихъ вліяній А. Ѳ. Бычкова. Точно также можно сказать, что едвали у насъ есть какое-либо ученое общество, болѣе или менѣе занимающееся русской исторіей, въ трудахъ котораго

[1]) Изслѣдованіе, изд. 1846 г., М. Текстъ Русской Правды,—послѣднее, 3-е изд. 1881 г. Спб.

не было бы указаній, работъ и вообще участія А. Ѳ. Бычкова. Мы уже не говоримъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, требующихъ историческихъ справокъ.

Главнѣйшіе ученые труды А. Ѳ. Бычкова, кромѣ академіи наукъ, сосредоточиваются въ археографической коммиссіи по изданію лѣтописей, въ публичной библіотекѣ по изданію описанія рукописей и въ архивѣ св. синода по описанію дѣлъ этого учрежденія. Въ послѣднее время всеобщее вниманіе ученаго міра вызвали необычайныя достоинства новаго изданія лаврентьевской лѣтописи и три выпуска описанія рукописей императорской публичной библіотеки.

Оба эти ученые — Н. В. Калачевъ и А. Ѳ. Бычковъ — своимъ служеніемъ наукѣ русской исторіи представляютъ несомнѣнное доказательство, что въ ней скрывается великая русская притягательная сила. Мы не разъ еще будемъ усматривать ее. Укажемъ еще и теперь на нѣкоторыя проявленія ея, различнаго, впрочемъ, свойства.

Замѣчательно, что и К. Д. Кавелинъ и Н. В. Калачевъ — оба не чуждые западничества и оба послѣдователи родовыхъ началъ — останавливали свое вниманіе на однородныхъ, выдающихся русскихъ особенностяхъ и воздали имъ такую дань уваженія, какую могли воздавать, повидимому, только славянофилы. Мы разумѣемъ изслѣдованіе К. Д. Кавелина о русской общинѣ [1]) (объ немъ у насъ еще будетъ рѣчь) и изслѣдованіе Н. В. Калачева о русскихъ артеляхъ [2]).

Притягательная сила русскихъ особенностей жизни обнаружилась не на однихъ этихъ юристахъ. Она сказалась также со всею ясностію и въ богатыхъ результатахъ на трудахъ профессора здѣшняго университета, В. И. Сергѣевича. Его вниманіе сперва сосредоточилось на русскихъ вѣчахъ и это повело къ замѣчательному изслѣдованію этой формы нашей древней жизни и параллельной ей силы—власти княжеской [3]). Затѣмъ профессоръ Сергѣевичъ обратилъ вниманіе на другую, болѣе позднюю форму — земскіе

[1]) Журналъ Атеней 1859 г., ч. I, стр. 165 — 197. [2]) Въ Русск. Арх. за 1884 г., № 4, помѣщена статья Хомякова о сельской общинѣ. Въ статьѣ этой, между прочимъ, показывается связь общины и артели, стр. 268. [3]) Вѣче и князь изд. 1867 г. Сочиненіе это вошло въ курсъ исторіи русскаго права.

соборы [1]). Наконецъ, особенное его вниманіе вызвала екатерининская коммиссія для составленія уложенія [2]).

Въ сочиненіяхъ профессора Сергѣевича можно видѣть какъ бы середину между славянофильствомъ и западничествомъ. Такъ, въ сочиненіи — Вѣче и князь — мы видимъ и раздѣльность, и соглашеніе, договоръ между князьями и вѣчами; въ изслѣдованіи о земскихъ соборахъ — сходство ихъ съ первоначальными западноевропейскими проявленіями парламентарной жизни, но также и признаніе своеобразностей нашихъ земскихъ соборовъ; въ изслѣдованіи объ екатерининской коммиссіи показывается сильное вліяніе западноевропейскихъ воззрѣній на составленіе екатерининскаго наказа и русскія особенности въ пониманіи дѣла членами коммиссіи для составленія уложенія. Особенную важность имѣютъ новыя изысканія автора вопроса объ освобожденіи крестьянъ, обсуждавшагося въ этой коммиссіи. Передъ нами смѣняются и чисто западническіе взгляды членовъ коммиссіи на дворянство и крестьянъ и какъ бы пробужденіе старыхъ русскихъ преданій о свободѣ народа. Еще важнѣе тотъ чисто научно сдѣланный выводъ, что большинство членовъ екатерининской коммиссіи склонялось на сторону улучшенія положенія крестьянъ, и что въ этомъ сходились и дворяне, и однодворцы, и крестьяне. Вышеуказанная середина воззрѣній автора между славянофильствомъ и западничествомъ особенно ощутительна въ его опредѣленіи народности. „Историческая народность, говоритъ профессоръ Сергѣевичъ въ своемъ курсѣ исторіи русскаго права, не есть постоянная и всегда сама себѣ равная величина. Наука до сихъ поръ не можетъ сказать, въ чемъ состоятъ признаки народности“. Это — западническое пониманіе народности, и ниже мы увидимъ, что наука наша напротивъ не мало уже сдѣлала для опредѣленія признаковъ русской народности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ признаетъ великое значеніе народности. „Насильственное введеніе чужихъ порядковъ, говоритъ онъ вслѣдъ затѣмъ, соединенное съ презрѣніемъ къ своему народному наноситъ ей величайшій вредъ... Оскорбляя народный духъ неумѣлымъ заимствованіемъ, какъ бы ни было

[1]) Изслѣдованіе это напечатано во II т. Сборника государственныхъ знаній. Изслѣдованіе это тоже вошло въ сокращеніи въ курсъ профессора Сергѣевича.
[2]) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, Спб. 1883 г., стр. 764 — 819.

хорошо это заимствованіе само по себѣ, подавляютъ ту силу, которая одна способна творить все великое въ исторіи" [1]). Приложеніе такого взгляда мы видимъ во многихъ мѣстахъ самаго курса. Какъ особенно выдающееся мѣсто, можно привести оцѣнку авторомъ законодательной дѣятельности Петра I. „Относясь съ недовѣріемъ ко всему русскому, великій преобразователь Россіи и не подозрѣвалъ, говоритъ авторъ, что московскій процессъ XVII в. стоялъ далеко не во всемъ ниже современнаго ему нѣмецкаго. Вмѣсто того, чтобы выяснить основныя начала нашего стараго порядка, развить то, что въ немъ было хорошаго, и положить конецъ дурному, онъ началъ съ того, что смѣшалъ почти всѣ выработанныя практикой различія формъ судопроизводства, а затѣмъ обратился къ переводамъ съ нѣмецкаго. Но переносъ нѣмецкихъ порядковъ на русскую почву, кажется, и его самаго удовлетворилъ не надолго. Изданная имъ форма суда представляетъ несомнѣнное возвращеніе къ старому порядку, хотя въ очень несовершенномъ видѣ" [2]).

Тяга русскихъ особенностей сказывается въ трудахъ профессора казанскаго университета Загоскина и направляетъ его, какъ и Н. В. Калачева, главнымъ образомъ на дѣла московскія [3]). Сказывается она въ трудахъ профессора демидовскаго лицея, Владимірскаго-Буданова, раскрывавшаго, между прочимъ, любопытное смѣшеніе западноевропейскихъ и русскихъ началъ жизни въ западной Россіи [4]). Еще яснѣе сказалась она въ трудахъ профессора новороссійскаго университета Леонтовича, который освѣтилъ древнее русское право и древнее устройство русскихъ общинъ явленіями общеславянской жизни [5]). Далѣе еще яснѣе, какъ увидимъ, сказывается она въ трудахъ профессора варшавскаго университета Самоквасова, расчищающаго вновь пути къ уразумѣнію древнѣйшей русской жизни и критическимъ разборомъ научныхъ трудовъ по русской исторіи, и сопоставленіемъ археологическихъ данныхъ, изученію которыхъ авторъ давно и упорно отдаетъ свои силы. Это же направленіе видно и во многихъ юри-

---

[1]) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 26 и 28. [2]) Стр. 988. [3]) Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси. 1876 г. Исторія права московскаго государства. 1877 и 1879 гг. [4]) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. 1868 г. [5]) Русская правда и литовскій статутъ — кіевск. ун. извѣст. за 1863 г.; Задруга — Журн. министр. народн. просвѣщ. за 1874 г.

дическихъ сочиненіяхъ, разъясняющихъ явленія русской жизни въ области гражданскаго права, какъ, напримѣръ, въ сочиненіяхъ профессора Е. И. Андреевскаго и К. П. Побѣдоносцева; но мы не можемъ входить въ разборъ этого рода сочиненій, потому что откровенно заявляемъ, мало знакомы съ этой литературой.

Такимъ образомъ мы видимъ, что значительная часть нашихъ юристовъ, и притомъ занимающихъ такое видное и вліятельное положеніе, удаляется отъ западничества и отрицательнаго отношенія къ нашему прошедшему и весьма настойчиво и успѣшно ищетъ въ немъ положительныхъ сторонъ.

Эти положительныя стороны русской жизни, отсутствіе которыхъ такъ рѣзко сказалось въ трудахъ по русской исторіи нашихъ западниковъ и на что они сами жаловались, разработывались больше всего такъ называемыми славянофилами.

ГЛАВА XIV.

Такъ называемые славянофилы.

Въ то время, какъ въ Москвѣ, а тѣмъ болѣе въ Петербургѣ раздавались рѣчи, что въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ ничего своего культурнаго, что всѣмъ лучшимъ мы обязаны западной Европѣ и должны быть ей за это безконечно благодарны, въ московской средѣ университетской и общественной вырабатывались еще въ тридцатыхъ годахъ совершенно противоположные взгляды на наше прошедшее и на благодѣянія намъ западной Европы. Группу людей, вырабатывавшихъ эти взгляды, составляли кромѣ Погодина, профессора московскаго унисерситета: Шевыревъ, Лешковъ, Ив. Бѣляевъ; но особенную силу далъ ей кружокъ, выдѣлившійся изъ самого московскаго общества. Во главѣ его стояли въ сороковыхъ и первыхъ пятидесятыхъ годахъ: Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, семейство Елагиныхъ, Аксаковыхъ. Всѣ они стали извѣстны подъ именами, данными имъ западниками, славянъ, славянофиловъ, впослѣдствіи панславистовъ.

Сравнительно съ западниками такъ называемые славянофилы занимали противоположное положеніе не по однимъ взглядамъ. Они,

за исключеніемъ нашихъ необычайныхъ дѣлъ, какъ освобожденіе крестьянъ, борьба съ польскою смутою, восточная война, не занимали виднаго мѣста въ нашей служебной средѣ, мало имѣли или даже вовсе не имѣли органовъ печати для выраженія своихъ мнѣній, но всегда производили сильное впечатлѣніе на наше общество и очень много сдѣлали для науки русской исторіи.

Подобно западникамъ, славянофилы выходили тоже изъ отрицанія, но обращали его на западную Европу и на тѣ явленія русской жизни, въ которыхъ особенно сильно сказалось вліяніе Европы. Еще Погодинъ раскрывалъ завоевательное начало западноевропейскихъ государствъ, внесшее разладъ и борьбу между властію и народомъ. Славянофилы сороковыхъ годовъ, особенно К. С. Аксаковъ, много занимавшійся русскою исторіей, развивали далѣе это положеніе, доказывая отсутствіе довѣрія и правды между государствомъ и обществомъ западной Европы и указывая на западноевропейскій пролетаріатъ, какъ на неопровержимое доказательство разложенія, производимаго этимъ разладомъ, борьбою и неправдою въ складѣ западноевропейской жизни [1]. — Но славянофилы не довольствовались однимъ отрицаніемъ. Съ необыкновенною смѣлостію, гораздо большею, чѣмъ новиковская, славянофилы выставили поклонникамъ запада высшій идеалъ человѣческихъ обществъ. „Нравственный подвигъ жизни, говоритъ К. С. Аксаковъ въ своей статьѣ объ основныхъ началахъ русской исторіи, предлежитъ не только каждому человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ и каждый народъ рѣшаетъ его по своему, выбирая для совершенія его тотъ или другой путь... Всякая умственная, всякая

[1]) Вотъ нѣкоторыя мысли объ этомъ К. Аксакова: „На западѣ... дѣло начинается съ темнаго насилія, гдѣ одинъ порабощенъ другимъ; при этой неравной борьбѣ, самое естественное чувство — есть столкнуть побѣдителя и сѣсть на его мѣсто. Внѣшнее начало, законъ, сперва жестокій, почти непремѣнно дѣйствующій при завоеваніи и порабощеніи, долженъ былъ усилиться, развиться и одинъ стать высоко въ глазахъ человѣка. Такъ и случилось. Вопросъ жизни и исторіи былъ рѣшенъ для западныхъ народовъ: государство, учрежденіе (институтъ), централизація стали ихъ идеаломъ; народъ (земля) отказался отъ внутренняго, свободнаго, нравственнаго общественнаго начала и вкусилъ плоды начала внѣшняго, государственнаго; народъ (земля) захотѣлъ государственной власти. Отсюда революціи, смуты и перевороты-отсюда насильственный, внѣшній путь къ насильственному внѣшнему порядку вещей. Народъ на западѣ плѣняется идеаломъ государства. Республика есть попытка народа быть самому государемъ, перейти ему всему въ государство, слѣдовательно попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды и стать на путь внѣшній, государственный“. Сочин. К. Аксакова, т. I, стр. 57.

духовная дѣятельность вся тѣсно соединена съ нравственнымъ вопросомъ" [1]). К. С. Аксаковъ вообще всякое дѣло связывалъ съ нравственностію. Вся жизнь человѣка и народа, по его убѣжденію, есть выраженіе нравственности. „Для него (К. Аксакова) говоритъ Анненковъ, славянизмъ и народный русскій строй жизни составляли болѣе, чѣмъ доктрину или ученіе, защищать которыя обязываетъ честь: славянизмъ и народный русскій строй жизни сдѣлались жизненными основами его существованія и кровію его самаго" [2]). Предносся этотъ высшій нравственный идеалъ жизни и частнаго человѣка и человѣческихъ обществъ, какъ единой жизни, Аксаковъ смѣло отрицалъ культурность для насъ западной Европы и низводилъ эту культурность въ низшую область матеріальныхъ удобствъ жизни. Но вѣдь это голосъ аскета, противъ котораго могли заговорить не только люди знанія, науки, но даже и аскеты запада. На помощь Аксакову выступилъ Хомяковъ, человѣкъ и сильнаго ума, и сильнаго знанія, и сталъ наносить такіе удары культурности Европы, что передъ нимъ смущались и задумывались даже такіе люди, какъ Грановскій и Герценъ. Въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ о латинствѣ и протестантствѣ онъ разоблачилъ эти вѣроисповѣданія и показалъ, какъ человѣческая гордость исказила вселенскую истину въ латинствѣ и какъ вся сила протестантства—въ отрицательномъ его отношеніи къ латинству [3]). Хомяковъ подорвалъ даже эпоху возрожденія наукъ, понималъ ее, какъ „отчаянный призывъ со стороны народовъ западной Европы языческаго міра на помощь для созданія чего либо похожаго на науку, искусство и цивилизацію" [4]). „Европа объявлялась (Хомяковымъ), говоритъ Анненковъ, несостоятельной для здороваго искусства, для удовлетворенія высшихъ требованій человѣческой природы, для успокоенія религіозной жажды народовъ и водворенія справедливости, правомѣрности и любви между ними. Ей предназначались естественныя, финансовыя, техническія науки, великія промышленныя изобрѣтенія и проч. словомъ, баснословные успѣхи по всѣмъ отдѣламъ вѣдѣнія, способствующимъ матеріальной сторонѣ существованія. Она осуждалась, продолжаетъ Анненковъ, на развитіе комфорта. Благосостояніе Европы, безпримѣрное въ исторіи, продолжаетъ еще рости, въ ущербъ все болѣе и болѣе

[1]) Тамъ же, стр. 1. [2]) Анненк., т. III, стр. 86. [3]) Собр. соч. т. II. [4]) Анненк., т. III, стр. 88.

грубѣющему нравственному смыслу ея. Она даже закрываетъ глаза отъ возстающей предъ ней смерти въ образѣ пролетаріата, который расплодился подъ ея крыломъ и грозитъ возобновленіемъ временъ варварства“ [1]).

Взгляды эти, впрочемъ, впослѣдствіи были нѣсколько смягчены. Не только въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, но и въ высшей сферѣ знанія отдавалась справедливость Европѣ и допускалось заимствованіе отъ нея всего лучшаго, но не иначе, какъ подвергая все это собственной переработкѣ и соглашенію съ своими началами. Идеи эти проводились тѣмъ же Хомяковымъ и Кирѣевскими въ журналѣ Москвитянинъ въ 1845 г., когда онъ былъ подъ ихъ редакціей, и проводятся всѣми представителями славянофильства въ настоящее время. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ были и есть ученѣйшими людьми, какъ Хомяковъ, Самаринъ, Гильфердингъ и нѣкоторые изъ современныхъ славянофиловъ. Но чего рѣшительно не допускали славянофилы — это усвоенія нравственныхъ идеаловъ запада и тѣмъ болѣе воспріятія цѣликомъ какой либо западноевропейской народности. Поэтому наше общество, выросшее на почвѣ петровскихъ преобразованій и самыя эти преобразованія осуждались и осуждаются всѣми послѣдовательными славянофилами.

При такихъ воззрѣніяхъ на западную Европу, хотя бы то и въ смягченномъ ихъ видѣ, неизбѣжно было имѣть много противоположныхъ идеаловъ и воззрѣній, взятыхъ изъ русской прошедшей жизни. Сейчасъ мы увидимъ, съ какимъ глубокимъ знаніемъ и широтой взгляда славянофилы развертывали свои идеалы. Идеалы эти обыкновенно связываютъ съ западноевропейскими философскими теоріями Гегеля и Шеллинга. Мы ихъ будемъ связывать съ прежде добытыми результатами въ научной разработкѣ русской исторіи, что̀ и вѣрнѣе, и полезнѣе.

Подобно Карамзину и всѣмъ лучшимъ нашимъ русскимъ историкамъ прежняго времени, славянофилы сосредоточивали свое вниманіе на временахъ московскаго единодержавія, какъ такихъ временахъ, въ которыя русская жизнь вылилась во всѣхъ существенныхъ формахъ, которыя составляли и развитіе прошедшаго и начало дальнѣйшаго развитія. Но они не ограничились временами

---

[1]) Анненк., т. III, стр. 90—1.

Іоанна III и IV, въ которыхъ Карамзинъ находилъ болѣе полное выраженіе русской жизни, а прибавили къ нимъ еще времена послѣ самозванческихъ смутъ и, можно даже сказать, что они передвинули карамзинскій центръ тяжести русской исторіи отъ временъ Іоанновъ ко временамъ Михаила Өеодоровича и Алексѣя Михаиловича, т. е. въ XVII вѣкъ. Здѣсь-то главнымъ образомъ они и стали искать существенныхъ особенностей и явленій русской исторической жизни.

Татищевская, болтинская и особенно карамзинская теорія о русскомъ самодержавіи и о томъ, что русскій народъ находитъ ее лучшею государственною формою нашли себѣ у славянофиловъ дальнѣйшую разработку, въ основѣ которой особенно глубоко закладывалась мысль Карамзина, что высшее благо человѣку дается не государствомъ, а собственнымъ, нравственнымъ его развитіемъ. Это-то нравственное развитіе, какъ мы уже показывали, славянофилы стали связывать съ историческою жизнію русскаго народа. Давая полную свободу государственной власти, они отвергли западноевропейское пониманіе государства, какъ источника всѣхъ благъ человѣка, дали ему значеніе внѣшней правды, внѣшняго наряда, а всю силу внутренней, нравственной правды сосредоточили въ русскомъ земствѣ, которое, не стѣсняя государственной власти, живетъ полною внутреннею свободой. Связью этихъ двухъ силъ государственной и земской служитъ слѣдующее. Для государства, какъ выраженія внѣшней правды, часто нужна, особенно въ важныхъ случаяхъ, внутренняя правда и тѣмъ естественнѣе, что государственная власть сосредочивается въ живомъ лицѣ самодержца, живущаго, какъ и всѣ, внутреннею правдой. Съ другой стороны, самое земство постоянно чувствуетъ нужду во внѣшней правдѣ. Отсюда взаимное довѣріе этихъ двухъ силъ и взаимная нужда въ общеніи, выражавшемся въ вѣчахъ, земскихъ соборахъ, въ которыхъ высказывалось мнѣніе земли, и такъ какъ это мнѣніе носитъ характеръ нравственной силы, то не должно быть рѣчи ни объ его стѣсненіи, ни объ его внѣшней обязательности.

Изъ этой теоріи вытекало само собою погодинское положеніе о добровольномъ призваніи Рюрика и, вопреки Погодину, подрывалось въ корнѣ значеніе норманской теоріи призванія князей, какъ иноземнаго культурнаго начала. Далѣе, отсюда вытекало и

особенно дорогое славянофиламъ народное возстановленіе самодержавія послѣ смутныхъ временъ и получали особенное значеніе земскіе соборы.

Само собою разумѣется, что славянофилы должны были обратить особенное вниманіе на вторую, строительную силу въ русской исторіи, на земство, въ которомъ, хотя въ единеніи съ государствомъ и подъ его покровомъ, но независимо живетъ и развивается внутренняя правда. Они стали доискиваться основной ячейки, въ которой скрывается эта внутренняя правда и доискались такой новой русской силы, которая дѣйствительно держала судьбы Россіи.

Славянофилы, какъ мы уже замѣчали, находили несостоятельнымъ русское общество новѣйшихъ, послѣ петровскихъ временъ потому главнымъ образомъ, что оно стало жить жизнію, чужою для своего простого народа. Больше значенія въ этомъ отношеніи должно было получать у нихъ русское общество до петровскихъ временъ, какъ жившее одною съ народомъ жизнію, но и оно, какъ служилое сословіе, жило больше государственною жизнію. Основную силу внутренней правды славянофилы нашли глубже,—въ русской земельной общинѣ, какъ она отъ древнѣйшихъ временъ развивалась до формъ, бывшихъ въ московскія времена и въ остаткахъ сохранившихся до настоящаго времени. Земельная община, въ которой всѣ связаны узами взаимной поддержки, гдѣ дарованіе, счастіе, личные интересы добровольно подчиняются общему благу, т. е. гдѣ царствуетъ внутренняя правда, выражающаяся внѣшнимъ образомъ въ народныхъ обычаяхъ и сходкахъ, и есть та ячейка, изъ которой развилась и наша государственность и вся наша историческая жизнь.

Личность человѣка въ этой общинѣ съ нравственной стороны уважалась до того, что послѣдній сирота считался участникомъ въ правахъ и выгодахъ общины; но полнаго простора, а тѣмъ болѣе съ эгоистической точки зрѣнія не могло быть. Такая личность могла свободно выходить изъ общины. Выходомъ этимъ пользовались и необыкновенно даровитые люди, съ особымъ призваніемъ, какъ богатыри, подвижники, или люди съ узкими эгоистическими понятіями, какъ изгои [1]). Тѣ и другія могли составлять добровольныя временныя или постоянныя корпораціи, какъ

[1]) Объ изгояхъ въ смыслѣ людей, выброшенныхъ изъ рода — въ архивѣ Кала-

дружины богатырей, торговые, ремесленные союзы, союзы для особыхъ предпріятій,—братчины, артели, скитскіе и общежительные монастыри. Самыя общины тоже соединялись и группировались около городовъ, гдѣ образовалось вѣче, а московское единодержавіе собрало во-едино всѣ вѣча въ земскіе соборы.

Устройство и внутренняя жизнь русской земельной общины раскрыты Ив. Дм. Бѣляевымъ и К. С. Аксаковымъ въ полемикѣ ихъ съ послѣдователями родового быта. Бѣляевъ въ своемъ изслѣдованіи—Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика [1]) устрояетъ какъ бы мостъ для перехода отъ теоріи родового быта къ теоріи общиннаго быта. Онъ доказываетъ, что славяно-русскія племена въ разныя времена селились на пространствѣ Россіи, и въ то время, какъ одни выработали несомнѣнно общинное земельное устройство (наприм. новгородцы, кривичи), другіе были еще въ родовомъ бытѣ (какъ сѣверяне); у третьихъ, наконецъ, было и родовое устройство и общинное, т. е. одно отживающее, другое замѣняющее его (какъ у древлянъ и, отчасти, у полянъ). Тутъ очевидна связь съ нѣмецкими теоріями о родѣ и земельной общинѣ и отсюда колебаніе. Колебанія этого не зналъ К. Аксаковъ и рѣшительно отвергалъ родовое устройство и доказывалъ общинное. Исторія нашего крестьянства должна была вызвать еще большее вниманіе славянофиловъ, какъ осязательное подтвержденіе ихъ теоріи. К. Аксаковъ несомнѣнно занимался спеціально и изученіемъ крестьянства, какъ видно изъ черновыхъ его работъ по этому предмету, изданныхъ въ 1 т. собранія его сочиненій [2]). Но самое полное и, можно сказать, классическое сочиненіе, гдѣ изложена вся историческая жизнь русской общины,—это знаменитое сочиненіе Ив. Дм. Бѣляева—Крестьяне на Руси (1860 г., есть и второе изданіе 1863 г.). Достоинства его признаны и академіей наукъ. Дополненіемъ къ нему могутъ служить: статьи покойнаго князя Черкасскаго въ Русскомъ Архивѣ (1880 г.), и весьма странное по общимъ взглядамъ, но довольно богатое свѣдѣніями изъ XVIII вѣка, сочиненіе В. И. Семевскаго [3]). Замѣчательно, что самое большее прославленіе русской общины сдѣлано, какъ мы

чева въ 1 кн. и въ 1 половинѣ второй. К. Аксаковъ написалъ статью (Собр. соч., т. I, стр. 25), въ которой доказывалъ, что изгои выходили изъ общины. [1]) Напеч. во Временникѣ м. общ. ист. и древн. за 1850 г., кн. VIII. [2]) Стр. 415 — 528. [3]) Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I. Спб. 1881 г.

уже указывали, послѣдователемъ теоріи родового быта, К. Д. Кавелинымъ, который представляетъ такія человѣколюбивыя особенности ея, что наша простая русская земельная община должна стать выше западноевропейскихъ филантропическихъ учрежденій.

Обычная сторона русскихъ земельныхъ общинъ, которая получала такое важное значеніе у славянофиловъ, повела къ изученію народныхъ пѣсенъ, былинъ, поговорокъ и пословицъ, вообще къ изученію народной поэзіи. Этимъ дѣломъ занимались братья Кирѣевскіе, составившіе большое собраніе памятниковъ народнаго творчества, изданіе которыхъ начато при ихъ жизни и кончено послѣ ихъ смерти Безсоновымъ. Примѣръ Кирѣевскихъ вызвалъ на собираніе этого матеріала извѣстнаго намъ Рыбникова, а также Шеина и еще прежде собирателя пословицъ и поговорокъ Снегирева. Въ послѣднее время, какъ намъ уже извѣстно, собиранію и изученію былинъ посвящалъ себя покойный Гильфердингъ. Научной разработкой матеріаловъ по народному творчеству занимался К. Аксаковъ[1]) и въ новѣйшіе времена О. Ѳ. Миллеръ.

Изученіе бытовой стороны русскаго народа естественно вызывало этнографическіе вопросы. Славянофилы, при всемъ ихъ вниманіи и предпочтеніи склада русской жизни во времена московскаго единодержавія, не могли не уважать самобытныхъ мѣстныхъ и племенныхъ особенностей русскаго народа. Въ славянофильской теоріи находили себѣ уютное мѣсто особенности малороссійской, бѣлорусской жизни и даже стали къ нимъ тянуть инородцы, какъ напримѣръ, лучшіе выразители народностей — польской, литовской, латышской, эстской, финской и другихъ. Великаго вниманія и глубокаго изученія заслуживаетъ со стороны русскихъ людей, какъ ученыхъ, такъ и общественныхъ дѣятелей, то, что положительная сторона, положительное содержаніе русской народности, какъ ихъ выясняютъ славянофилы, производили не разъ обаятельное вліяніе на нашихъ западныхъ окраинахъ и притягивали ихъ къ русскому народному цѣлому прочнѣе всѣхъ другихъ мѣръ. Это доказали дѣла Н. Милютина и князя Черкасскаго въ Польшѣ, дѣла и сочиненія касательно западныхъ окраинъ и балтійскихъ областей Самарина, Гильфердинга и дру-

[1]) Написалъ нѣсколько статей (въ собр. его сочиненій).

гихъ. Этимъ же путемъ и по другимъ причинамъ,—по кровному родству и для научнаго сравнительнаго изученія русскихъ дѣлъ славянофиламъ неизбѣжно приходилось переходить въ область вообще славянскую. Славянофилы уясняли родство и единство общеславянской жизни и стремленій. Къ нимъ примыкали болѣе и болѣе слависты, и въ этимъ новомъ союзѣ вырабатывался и научно и жизненнымъ путемъ такъ называемый панславизмъ. Въ этой области можно указать нѣсколько оттѣнковъ славянофильскихъ воззрѣній. Одни изъ нихъ, какъ напримѣръ Погодинъ, излишне примѣшивали къ вопросу объ единствѣ славянъ русскую государственную власть, и потому многимъ казалось, что славянофилы желаютъ государственнаго сліянія въ одно всѣхъ славянъ. Но другіе славянофилы, и въ гораздо большемъ числѣ, устраняютъ такую постановку дѣла. Не отвергая государственнаго русскаго содѣйствія нуждамъ славянства, они хлопочутъ собственно о внутреннемъ единствѣ славянъ и только указываютъ на русскій языкъ, какъ на болѣе пригодное средство для успѣха этого единенія. Но нѣкоторые и по этому вопросу становятся на самую безобидную, гуманную точку зрѣнія. Они утверждаютъ, что внутреннее единство полезно всѣмъ славянамъ, что можетъ происходить при этомъ обобщеніе всѣхъ лучшихъ основъ славянства и въ бытѣ, и въ языкѣ, не исключая и русскаго быта и языка. Такія воззрѣнія проповѣдывалъ, напримѣръ, Гильфердингъ. И старые славянофилы и новые, вышедшіе изъ среды славистовъ, образовали болѣе и болѣе сильную числомъ и знаніемъ группу ученыхъ людей, произведенія которыхъ составляютъ уже цѣлую литературу, и нѣкоторыя получили общеевропейскую извѣстность. Таковы, напримѣръ, сочиненія Гильфердинга, особенно его исторія балтійскихъ славянъ, и сочиненія В. И. Ламанскаго, издавшаго послѣднее свое большое сочиненіе о славянскихъ архивныхъ сокровищахъ венеціанскаго архива прямо на французскомъ языкѣ, очевидно, для удобства западноевропейскихъ читателей [1]). Въ согласіи и единствѣ съ русскими славистами стали чаще и чаще работать слависты западные, какъ польскіе, чешскіе, словацкіе. Явилась даже попытка прослѣдить, по примѣру Шафарика, славянское единство дальше, позднѣе въ историческія времена. Такая мысль лежитъ въ основѣ сочиненія г. Первольфа —

[1]) Secrets d'éfat de Venise... Спб. 1884 г.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка (1874 г.).

Вся эта теорія не только получала то высокое научное значеніе, что давала возможность понять и объединить всѣ главнѣйшія явленія русской исторической жизни, но и то еще значеніе, что она выдѣляла русскій народъ, какъ своеобразный и самобытный. Завѣтныя желанія Болтина, Карамзина блистательнымъ образомъ осуществлялись. Погодинъ почувствовалъ новый вызовъ забывать о норманнахъ и больше и больше углублялся во внутренній русскій и славянскій міръ. Обрисовывалась русская національность и связывалась съ общечеловѣческимъ историческимъ движеніемъ и черезъ славянскій міръ и тою своею стороной, которая въ исторической жизни русскаго народа показывала своеобразное развитіе внутренней правды и господство ея надъ правдою внѣшней. Русско-славянскій міръ открывалъ въ себѣ идеалы жизни, которыхъ не могъ игнорировать ни одинъ народъ. Но этотъ идеалъ славянофилы подняли еще выше и сдѣлали его еще болѣе обязывающимъ другіе народы къ вниманію и уваженію его. Славянофилы хорошо знаютъ, что національность, какъ бы хороша ни была, есть всетаки внѣшняя оболочка человѣка и его жизни. Отъ того они и налегаютъ такъ сильно на выражающуюся въ русской жизни внутреннюю правду, служеніе нравственному началу, чтобы показать, что русская національность этимъ началомъ облагорожена, возвышена и упрочена на поприщѣ всемірной человѣческой жизни. Но природное нравственное начало въ человѣкѣ должно быть просвѣщено и возвышено христіанствомъ. Поэтому славянофилы, сливъ неразрывно нравственное начало съ историческою русскою жизнію, естественно также крѣпко слили съ нею христіанство восточнаго вѣроисповѣданія. Православіе въ Россіи приросло къ русской народности, оно слилось съ нею нерасторжимо, оно сущность русской народности. Вотъ, почему Хомяковъ громилъ религіозную ложь запада и доказывалъ превосходство грековосточнаго вѣроисповѣданія. Въ этомъ разгадка всѣхъ его богословскихъ сочиненій. Въ этомъ разгадка и того, почему коренные славянофилы всегда больше занимались южными, православными славянами и почему они смѣло будятъ православныя воспоминанія у западныхъ славянъ.

Въ научной области этотъ вопросъ кромѣ Хомякова разработывался и послѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны статьи покойнаго Гильфердинга, по поводу тысячелѣтія славянской грамоты, въ которыхъ показывается совпаденіе соборности православной церкви съ началами жизни русской общины. Замѣчательно также изслѣдованіе профессора Ламанскаго,—Греко-славянскій міръ, въ которомъ обличается неправильное пониманіе западною Европой этого міра и указывается достоинство не только религіозныхъ, но и государственныхъ началъ греко-славянской жизни.

К. С. Аксаковъ. Со всею прямотою и типичностію поставленъ на этой высотѣ идеалъ русской исторической жизни К. С. Аксаковымъ, въ началѣ второй его статьи (помѣщенной въ I т. полнаго собранія его сочиненій),—Объ основныхъ началахъ русской исторіи. „Россія, говоритъ Аксаковъ,—земля совершенно самобытная, вовсе непохожая на европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней... Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути русскій и западноевропейскій до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крюкъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ къ западной. Всѣ европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ. Власть явилась тамъ непріязненною и вооруженною и насильственно утвердилась у покоренныхъ народовъ... Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласія народнаго. На западѣ власть явилась, какъ грубая сила, одолѣла и утвердилась безъ воли и убѣжденія покореннаго народа. Въ Россіи народъ созналъ и понялъ необходимость государственной власти на землѣ, и власть явилась, какъ званный гость по волѣ и убѣжденію народа“.

„Такимъ образомъ рабское чувство покореннаго легло въ основаніе западнаго государства; свободное чувство разумно и добровольно призвавшаго власть легло въ основаніе государства рус-

скаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ непонимаемой, безъ воли его на него наложенной и его непонимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной"...

„Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойдтись между собою, и народы, идущіе ими никогда не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя призванную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны, который также унижается передъ новымъ идоломъ бунта, какъ передъ старымъ идоломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ. Но пути стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь вѣры,— первый Руси, второй Западу... Понявъ съ принятіемъ христіанской вѣры, что свобода только въ духѣ, Россія постоянно стояла за свою душу, за свою вѣру. Съ другой стороны, зная, что совершенство на землѣ невозможно, она не искала земного совершенства и поэтому, выбравъ лучшую изъ правительственныхъ формъ, она держалась ея постоянно, не считая ее совершенною".

Въ другой статьѣ — О русской исторіи,—изобразивъ подробно гордость и ложь запада и смиреніе и правду русскаго народа, К. С. Аксаковъ говоритъ: „Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ, исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни" [1]). Сейчасъ же затѣмъ Аксаковъ устраняетъ вопросъ о самохвальствѣ и показываетъ, что различіе тутъ въ томъ, что въ Россіи не было такихъ звѣрствъ, какъ на западѣ, и что въ ней грѣхъ не возводится въ добродѣтель. Еще въ болѣе сжатомъ видѣ К. С. Аксаковъ высказываетъ основы русской жизни въ извѣстной своей запискѣ, помѣщенной въ газетѣ Русь [2]).

[1]) Стр. 19. [2]) за 1881 г., №№ 26 и 27.

„Еще до принятія христіанства, готовый къ его воспріятію, предчувствуя его великія истины,—народъ нашъ образовалъ въ себѣ жизнь общины, освященную потомъ принятіемъ христіанства. Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, народъ русскій оставилъ себѣ общественную жизнь и поручилъ государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнію. Не желая править, народъ нашъ желаетъ жить, разумѣется, не въ одномъ животномъ смыслѣ, а въ смыслѣ человѣческомъ. Не ища свободы политической, онъ ищетъ свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной,—народной жизни внутри себя. Какъ единый, можетъ быть, на землѣ народъ христіанскій (въ истинномъ смыслѣ слова), онъ помнитъ слова Христа: воздайте кесарева... и другія слова Христа: царство мое нѣсть отъ міра сего;—и потому, предоставивъ государству царство отъ міра сего, онъ, какъ народъ христіанскій, избираетъ для себя иной путь, путь къ внутренней свободѣ и духу, къ царству Христову: царство Божіе внутрь васъ есть“ [1]).

Въ теоріи К. С. Аксакова, принимаемой и нѣкоторыми другими славянофилами, при несомнѣнныхъ ея достоинствахъ, которыя никогда не потеряютъ значенія, есть нѣкоторыя трудности, повидимому, неодолимаго характера. Это прежде всего взглядъ на отношеніе государственности и земства, какъ двухъ совершенно свободныхъ и независимыхъ силъ. Взглядъ этотъ легко прилагается къ древнимъ временамъ русской жизни, когда государственная власть была проста, обладала небольшимъ числомъ своихъ орудій и кругъ ея дѣйствій былъ неизбѣжно малъ. Тогда общины, земство дѣйствительно жили самобытною внутреннею жизнію. Но совсѣмъ иное дѣло, когда мы переходимъ къ позднѣйшимъ временамъ, въ которыя государственная власть болѣе и болѣе входила въ область внутренней жизни. Мы видимъ, что эта внутренняя жизнь земства съуживается и внѣшнія выраженія ея слабѣютъ. Боярская дума не то, что дружина, и земскіе соборы не то, что вѣча. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно указать на право отъѣзда дружинниковъ и на то, что древнія вѣча имѣли въ возможности и нерѣдко на дѣлѣ принудительную силу не только для своихъ земствъ, но и для князей. Исторія мѣстничества и исторія партіи Сильвестра и Адашева ясно по-

[1]) Русь, 1881 г. № 26, стр. 12, 2.

казываютъ стремленіе русскаго общества восполнить чѣмъ либо ослабѣвшую силу земства. Такое же затрудненіе представляетъ тѣсно связанное съ вышесказаннымъ положеніемъ ученіе о томъ, что русскій народъ—не политическій народъ. Изъ этого положенія легко выводить заключеніе, будто бы русскій народъ былъ равнодушенъ къ своей государственности и легко поддавался иноземному игу. Борьба съ татарами, смутныя времена, двѣнадцатый годъ, послѣдняя польская смута и послѣдняя восточная война слишкомъ ясно доказываютъ противное. Наконецъ идеалы русской жизни во времена московскаго единодержавія, особенно послѣ самозванческихъ смутъ требуютъ, по нашему мнѣнію, критики и новыхъ поясненій. Идеалы эти должны быть сопоставляемы съ идеалами не только болѣе старой московской Руси, но и съ идеалами до татарской Руси, а при изученіи воззрѣній и порядковъ послѣ смутныхъ временъ необходимо имѣть въ виду двѣ несомнѣнныя односторонности тѣхъ временъ,—значительную уже и тогда оторванность служебной и даже торговой среды отъ закрѣпощеннаго народа и крайнее отчужденіе отъ иноземцевъ всего русскаго народа, выработанное иноземными злодѣяніями смутнаго времени. Впрочемъ, односторонности эти намѣчаются уже теперь въ средѣ самихъ славянофиловъ.

Само собою разумѣется, что написать русскую исторію по началамъ славянофильскимъ необыкновенно трудно. Начала эти такъ глубоко захватываютъ русскую жизнь и такъ широко раздвигаютъ область знаній, необходимыхъ для пониманія этой жизни, что справиться съ этимъ весьма не легко, и возможно весьма не скоро. Самъ К. С. Аксаковъ, хотя пробовалъ писать исторію Россіи, но пробовалъ писать ее только для дѣтей и то только началъ. Что-же касается ученой исторіи, то онъ прямо и рѣшительно заявлялъ, что такое сочиненіе можетъ появляться лишь въ особыя эпохи и въ его время невозможно, а возможны лишь изслѣдованія и развѣ монографіи.

Ив. Дм. Бѣляевъ. Нѣсколько иначе понялъ дѣло Ив. Дм. Бѣляевъ. Онъ призналъ возможнымъ написать русскую исторію не только для дѣтей, но и вообще для образованныхъ людей въ формѣ популярнаго изложенія. Выполняя такой взглядъ, онъ сталъ писать разсказы по русской исторіи, первый томъ которыхъ — исторія Россіи до нашествія татаръ (изд. 1861 г.)—составляетъ пер-

вый опытъ изложенія исторіи по славянофильской теоріи (за не многими исключеніями). Въ этихъ разсказахъ отъ начала до конца проводится строгое раздѣленіе между государственностію и земствомъ, и каждая изъ этихъ сторонъ русской жизни излагается особо [1]).

Сочиненіе это началомъ своимъ, какъ и вышеупомянутое изслѣдованіе Бѣляева о древнемъ русскомъ бытѣ, примыкаетъ нѣсколько къ теоріи родового быта и по распорядку событій внѣшней государственной исторіи Россіи имѣетъ связь съ исторіей С. М. Соловьева. По вопросу о призваніи князей разсказы Бѣляева стоятъ въ связи съ изслѣдованіями М. П. Погодина. Но по воззрѣніямъ и выводамъ своимъ Бѣляевъ независитъ не только отъ ученыхъ нѣмцевъ и отъ Соловьёва, но даже и отъ Погодина, норманскій періодъ котораго онъ почти уничтожаетъ, а Русскую правду не только считаетъ народнымъ памятникомъ, но и выраженіемъ народнаго протеста противъ введенія въ Россію при Владимірѣ греческихъ гражданскихъ законовъ, — такъ называемаго Суднаго устава царя Константина. Князей удѣльнаго періода Бѣляевъ оцѣниваетъ потому, насколько они сближались съ земствомъ и дѣйствовали съ нимъ за-одно. „... Живой опытъ, говоритъ Бѣляевъ, ясно свидѣтельствовалъ, что тотъ князь оказывался всегда сильнѣе въ борьбѣ съ другими князьями, которому усердно помогала земщина... Это... заставило ихъ (князей) обратиться къ старому порядку, въ важныхъ случаяхъ совѣтоваться съ земщиной, какъ это дѣлали Владиміръ и Ярославъ и чѣмъ пренебрегали ихъ сыновья. Первый изъ Ярославовыхъ внуковъ обратился къ этому старому порядку, любимецъ народа Владиміръ Мономахъ“ [2])...

---

[1]) Томъ этотъ состоитъ изъ одиннадцати разсказовъ:
1. Русская земля, (т. е. до призванія князей).
2. Первые князья изъ племени Варяговъ Руси.
3. Русская земля при первыхъ князьяхъ варяжск.
4. Владиміръ и Ярославъ.
5. Русская земля при Владимірѣ и Ярославѣ.
6. Сыновья Ярослава.
7. Русская земля при Ярославичахъ.
8. Внуки и правнуки Ярослава.
9. Русская земля при внукахъ и правнукахъ Ярослава.
10. Суздальщина.
11. Русская земля во время Суздальщины.

[2]) Стр. 183—4.

Бѣляевъ не договорился до значенія общерусскаго вѣча, которое задумывалъ Мономахъ и которое, безъ сомнѣнія, еще больше закрѣпило бы положеніе этого князя, какъ перваго, господствовавшаго надъ всѣми князьями. Но Бѣляевъ понялъ другое великое значеніе Мономаха,—заботу о низшихъ слояхъ русскаго народа и объ огражденіи ихъ отъ рабства денежнаго и личнаго[1]).

Наконецъ, Бѣляевъ обратилъ вниманіе еще на одну въ высшей степени важную особенность. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ разсказовъ онъ обращаетъ вниманіе на этнографическій трудъ русскаго народа—гдѣ онъ дѣлалъ завоеванія, гдѣ останавливался въ этомъ великомъ трудѣ или даже подавался назадъ. Такъ, онъ говоритъ, что не много уже оставалось времени, чтобы обрусѣли половцы[2]), слѣдитъ за сближеніемъ Литвы съ Русью[3]) и объясняетъ успѣхи ливонскихъ нѣмцевъ раздорами новгородцевъ и псковичей[4]).

Подобно тому, какъ славянофилы, вообще занявшись временами московскаго единодержавія, главное вниманіе свое сосредоточили на земской силѣ, яснѣе всего выражающейся въ крестьянствѣ, такъ и Бѣляевъ въ своей исторіи дотатарскаго времени не ограничился общими обозрѣніями земской силы въ этотъ періодъ, а занялся еще особымъ изслѣдованіемъ болѣе крупныхъ проявленій въ тѣ времена земской силы,—изслѣдованіемъ сильныхъ вѣчевыхъ центровъ—въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ. Къ этому, впрочемъ, у Бѣляева были и особенныя побужденія. Еще въ своемъ изслѣдованіи о русской землѣ до Рюрика онъ доказывалъ, что новгородскіе славяне и кривичи были самыми старыми поселенцами русской земли и потому раньше другихъ развили въ себѣ общинную жизнь. Понятно, что и болѣе крупное выраженіе общинной жизни — вѣче должно было у нихъ развиться и раньше и полнѣе. Вотъ, почему эти вѣчевые пункты вызывали особенное вниманіе Бѣляева. Изслѣдованіе каждаго изъ нихъ,—въ Новгородѣ Псковѣ, Полоцкѣ—составляетъ особый томъ разсказовъ, и дѣло въ этихъ разсказахъ ведется гораздо дальше татарскаго ига. Исторія

[1]) Стр. 195—6 и 209—210. Послѣднее величіе Мономаха, въ глазахъ Бѣляева, дало особенное значеніе Суздальщинѣ. Необходимость опираться на земщину заставляла князей осѣдать въ областяхъ и крѣпче единиться съ земствомъ. Въ суздальской области, по Бѣляеву, и князья и дружинники болѣе сближались съ земствомъ и отъ того становились болѣе и болѣе сильными. (Стр. 310 — 315). [2]) Стр. 384. [3]) Стр. 385. [4]) Стр. 394.

Новгорода доводится въ нихъ до его паденія, т. е. до конца XV ст.; исторія Пскова—(особый томъ) тоже до его паденія т. е. до начала XVI стол.; исторія Полоцка (тоже отдѣльный томъ) до подрыва въ немъ русской жизни силою польско-латинской, т. е. до сліянія Литвы съ Польшей въ 1569 г.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ главное вниманіе автора обращено на внутренній строй жизни въ этихъ вѣчевыхъ областяхъ. Особенно подробно описаны владѣнія новгородскія, псковскія, полоцкія и показана различная степень ихъ самостоятельности и связь съ своими центрами. Самыя подробныя свѣдѣнія авторъ даетъ о новгородскихъ владѣніяхъ, изъ которыхъ болѣе отдаленныя составляли частную собственность. Вездѣ также авторъ показываетъ главнѣйшую причину паденія самобытности этихъ областей,—внутреннее разложеніе, развитіе самолюбиваго аристократизма, пренебрегавшаго интересами низшихъ слоевъ общества.

Такъ, о Новгородѣ онъ говоритъ, что въ немъ „быстро увеличивалось измѣненіе прежнихъ отношеній между большими и меньшими людьми, между богатыми и бѣдными; мало по малу бояре перестали быть защитниками своихъ уличанъ, совершенно отдѣлились отъ черныхъ людей и составили одну сплошную массу богачей, угнетающихъ бѣдный, черный народъ, и такимъ образомъ мѣстныя, прежде крѣпкія общины очутились безъ руководителей и сдѣлались безгласными“ [1]).

Во Псковѣ та же основная причина дѣйствовала значительно иначе. Въ Новгородѣ партія богатыхъ людей давила общину при содѣйствіи наемныхъ дурныхъ людей изъ черни. Во Псковѣ, гдѣ была очень сильна демократія, придумано было другое средство. Псковская демократія сама заняла аристократическое положеніе и господствовала надъ простыми людьми волостей—смердами, обременяя ихъ данями и нарядами въ пользу вѣчевого города Пскова. Богатые люди и воспользовались этимъ, выдвинули смердовъ и дали этимъ Москвѣ роковое оружіе противъ всего строя вѣчевого Пскова. Паденіе его совершилось безъ шума, особенно потому, что Псковъ, поставленный на краю русской земли, въ борьбѣ съ нѣмцами, Литвой и Новгородомъ, тянулъ къ Москвѣ [2]).

Внутреннее разложеніе въ Полоцкѣ Бѣляевъ разсматриваетъ

---

[1]) Т. II, стр. 517. [2]) Т. III, стр. 344—350.

сравнительно съ Псковомъ и выдѣляетъ новые элементы разложенія, вошедшіе въ полоцкую жизнь. Подобно Пскову, въ Полоцкѣ долгое время черные люди имѣли силу даже въ XV в.; но мирное положеніе Полоцка быстро развило сильную аристократію... Притомъ „по мѣрѣ того, говоритъ Бѣляевъ, какъ съ перемѣною династіи древнихъ полоцкихъ князей... край сталъ постепенно входить въ тѣсныя связи съ Польшей, вслѣдствіе принятія великимъ княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ польской короны, постепенно падало и значеніе черныхъ людей. Полоцкіе и литовскіе бояре, увлеченные польскими панами, продавая независимость своего отечества и даже измѣняя вѣрѣ и національности, подъ руководствомъ своихъ новыхъ союзниковъ и наставниковъ, мало по малу стали стѣснять и уменьшать прежнее значеніе черныхъ или меньшихъ людей. Подражая своимъ наставникамъ — польскимъ панамъ и шляхтѣ, заслужившимъ въ исторіи печальную извѣстность міроѣдовъ и безсовѣстныхъ угнетателей народа или меньшихъ людей, здѣшніе бояре, окрестивши черныхъ людей въ польское посполитство, постепенно ко времени полнаго соединенія Литвы съ Польшей достигли того, что окончательно сравняли здѣшнихъ меньшихъ людей съ польскимъ посполитствомъ, и, лишивши ихъ почти всѣхъ правъ и всякаго значенія, выдали на разореніе своимъ пособникамъ жидамъ“ [1]).

Съ разсказами Бѣляева объ исторической жизни Новгорода, Пскова и Полоцка имѣетъ тѣсную связь его изслѣдованіе — Очеркъ исторіи сѣверозападнаго края Россіи, изд. въ 1867 г. Въ этомъ очеркѣ излагается исторія страны до перваго соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ при Ягайлѣ въ 1386 г. и исторія первыхъ смутъ изъ-за этого до утвержденія власти въ Литвѣ Витовта, т. е. до 1392 г. Но особенно важное значеніе въ этомъ очеркѣ имѣетъ изслѣдованіе древнѣйшихъ временъ Литвы. Въ немъ объясняется историческое происхожденіе русскаго населенія этой страны — изъ Новгорода, Пскова и Смоленска, и объясняется посредствомъ новаго научнаго пріема, — посредствомъ сличенія топографическихъ именъ рѣкъ,

---

[1]) Т. IV, стр. 162 — 165. Въ настоящее время есть сборникъ какъ бы оправдательныхъ документовъ для сочиненія Бѣляева. Это — Витебская Старина, соч. А. П. Сапунова, изд. 1883 г. Витебскъ.

городовъ. „Слѣды сихъ древнихъ славянскихъ колоній полочанъ (изъ Новгорода) и кривичей (изъ Смоленска) дошли до насъ, говоритъ Бѣляевъ, изъ глубокой древности въ названіяхъ рѣкамъ и разнымъ урочищамъ,—названіяхъ, чисто славянскихъ и частію одинаковыхъ съ названіями, сохранившимися въ новгородской землѣ и приднѣпровьѣ. ...Таковы (между прочимъ): западная Двина, которой есть соименница сѣверная Двина въ новгородской землѣ, и Дисна, которой одноименница Десна течетъ въ сѣверской землѣ... Наревъ или Наровъ въ ятвяжской землѣ имѣетъ одноименную себѣ Нарову въ новгородской землѣ... Свирь въ минской губерніи и Свирь въ новгородской и т. под.“ [1]).

Еще болѣе чистое выраженіе славянофильской теоріи находится въ левціяхъ Бѣляева по исторіи русскаго законодательства, изданныхъ въ 1879 г. Двѣ существенныя особенности въ этихъ лекціяхъ дѣлаютъ ихъ очень важными въ литературѣ нашей науки:

1. Авторъ ставитъ законы въ тѣснѣйшую связь съ историческою жизнію народа. „Правильное и полное изученіе законодательства, говоритъ онъ, возможно только при изученіи исторіи законодательства, а исторія законодательства должна идти параллельно съ исторіей внутренней жизни общества“ [2]).

Бѣляевъ такъ и дѣлаетъ. Онъ вездѣ прежде всего излагаетъ эту внутреннюю исторію, т. е. составъ общества и взаимное отношеніе членовъ его. Въ этомъ сочиненіи теорія славянофиловъ чище и тверже. Бѣляевъ здѣсь уже прямо отвергаетъ родовой бытъ и начинаетъ прямо съ общины, судьбы которой и изучаетъ во всю исторію.

2. По той же славянофильской теоріи Бѣляевъ слѣдитъ вездѣ за иноземнымъ вліяніемъ на нашу историческую жизнь и въ частности на наше законодательство. Такъ, онъ выдѣляетъ норманское вліяніе (крайне слабое), византійское, монгольское, литовское и западноевропейское. Что особенно замѣчательно, Бѣляевъ вездѣ старается опредѣлить, какъ глубоко проникало иноземное вліяніе—въ одну ли государственность и отражалась ли только на тѣхъ точкахъ, гдѣ земство соприкасалось съ государственностію, какъ уголовное право, или вліяніе шло глубже и отражалось и на гражданскихъ законахъ. Къ сожалѣнію, эти лекціи изданы

---

[1]) Стр. 7—12. [2]) Стр. 2.

уже послѣ смерти профессора, по запискамъ студентовъ, безъ указаній источниковъ и вообще безъ ученой аргументаціи въ примѣчаніяхъ, цитатахъ, почему мы на нихъ не много и останавливаемся. Тѣ же вещи намъ придется видѣть съ научной аргументаціи у Лешкова.

Иванъ Дм. Бѣляевъ былъ самымъ плодовитымъ писателемъ изъ среды славянофиловъ. Въ разныхъ изданіяхъ славянофильскихъ или чисто ученыхъ, особенно въ изданіяхъ Московскаго общества исторіи и древностей онъ помѣстилъ множество изслѣдованій, критическихъ статей и памятниковъ по разнообразнымъ вопросамъ древней русской жизни. Такъ, онъ писалъ изслѣдованія о лѣтописяхъ. Особенно важны его изслѣдованія — Русскія лѣтописи по лаврентьевскому списку (Врем., т. II) и о разныхъ видахъ русской лѣтописи (Врем., т. V), въ которыхъ разъясненъ вопросъ о какомъ-то особомъ сводѣ лѣтописи, лежащемъ въ основѣ и лаврентьевской и ипатьевской за время XII в. Писалъ Бѣляевъ о русской хронологіи (Чт., 1847 и 1848 г.); о дружинѣ и земщинѣ въ московскомъ государствѣ (Врем., т. 1); о служилыхъ людяхъ въ московскомъ государствѣ (Врем., т. III); о русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Өеодоровича и до Петра (Чт., 1858 г.); о сторожевой, станичной и полевой службѣ въ польской украинѣ (Чт., 1846 г.); о поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ (Врем., т. XI), и о земледѣліи въ древней Руси (Врем., т. XXII).

В. Н. Лешковъ. Далеко не столько написалъ, но съ большею еще твердостію и съ сильнымъ философскимъ складомъ ума проводилъ славянофильскія начала другой юристъ, профессоръ московскаго университета—Лешковъ, читавшій въ этомъ университетѣ общественное право, по которому и издалъ, въ 1858 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: Русскій народъ и государство—исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка.

Это сочиненіе, какъ и исторія русскаго права Бѣляева, имѣетъ то важное для нашей науки значеніе, что Лешковъ, какъ и Бѣляевъ, ищетъ основъ и объясненій русскихъ законовъ въ историческомъ складѣ русской жизни и потому много занимается внутреннею исторіей Россіи. Лешковъ держится общаго славянофильскаго положенія касательно различія у другихъ народовъ и у насъ отношеній между государственностію и земствомъ. „Въ

древности, говоритъ онъ, народъ является на сцену исторіи, какъ на поле битвы, раздѣленный, по крайней мѣрѣ, на два враждебныхъ стана—богатыхъ и бѣдныхъ, кредиторовъ и должниковъ, патриціевъ и плебеевъ, и требуетъ отъ законодателя замиренія своихъ противоположностей или посредствомъ одновременнаго акта—наприм., уничтоженія права кредиторовъ и вообще исковъ, или посредствомъ постояннаго и постепеннаго уравненія старѣйшихъ классовъ до младшихъ. Въ средніе вѣка, варвары выходятъ на сцену исторіи также во всеоружіи, съ битвою и враждою, отнимая и порабощая и завладѣвая, и опять вынуждаютъ законодателя на принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ къ соединенію въ одинъ народъ покоренныхъ, порабощенныхъ и побѣдителей. Русскій народъ не зналъ такой внутренней борьбы, которая составляла бы задачу его исторіи; русскій народъ мирно и самъ собою вырабатывалъ свое единство. Это единство русскаго народа, вызванное и условленное однородностію его происхожденія, одинаковостію его языка, сходствомъ обычаевъ, вѣрованій, образа жизни служитъ основою всей его исторіи. Оно объясняетъ для насъ и скорость образованія изъ Руси одного политическаго цѣлаго, съ акта призванія перваго князя, и быстроту обращенія въ христіанство всего народа, со дня его крещенія въ водахъ днѣпровскихъ, въ виду Кіева, и сознательное единство всей русской земли, именуемой уже при Ярославѣ отчиной и дѣдиной княжескаго дома, и сохраненіе Руси въ періодъ удѣловъ, равно какъ въ тяжкую годину татарскаго ига, и успѣшность собирательной системы московскихъ князей, послужившей основою нынѣшнему русскому царству“ [1]).

Эту-то теорію Лешковъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи съ своеобразными особенностями, въ которыхъ онъ разъясняетъ прежде всего ходъ всей исторіи европейскихъ народовъ и изъ которыхъ мы приведемъ только то, что относится къ новой европейской исторіи. „Государство новой исторіи не есть только форма жизни, сосудъ жизни, а сама жизнь и духъ, сила и дѣятельность. Есть въ народѣ извѣстная система религіозныхъ вѣрованій, государство объявляетъ эту систему объективною догмой, видимою церковію, исповѣданіемъ народа, съ политическими правами свободы,

---

[1]) Стр. 93.

терпимости и неприкосновенности. Есть въ народѣ извѣстная сумма нравственныхъ убѣжденій и теоретическихъ понятій или воззрѣній, государство приводитъ ихъ въ свое общее сознаніе и на этомъ основаніи установляетъ свои положительные законы о добрѣ и злѣ, или правѣ, и свои учрежденія относительно постепеннаго образованія различныхъ поколѣній.... Мы отвергаемъ, заключаетъ Лешковъ, какъ нелѣпость, положеніе, будто бы государство не имѣетъ никакой вѣры, никакого чувства, никакой системы нравственности" [1]).

Лешковъ выясняетъ съ этой точки зрѣнія различіе между западноевропейскими государствами и русскимъ. Онъ показываетъ, что западноевропейскія государства съ необыкновеннымъ трудомъ пересоздавали идеи древняго міра, и тѣмъ труднѣе, что самымъ своимъ возникновеніемъ они вызывались давать предпочтеніе отдѣльнымъ интересамъ и вести борьбу съ другими интересами общинъ, корпорацій. Борьба сопровождала ихъ развитіе и ко времени нашего Петра. Она выразилась въ чрезмѣрномъ вліяніи на жизнь и бытъ народа, вызвавшемъ противодѣйствіе, сначала въ сферѣ экономическаго быта, почему европейскія заимствованія должны были отозваться у насъ вредными послѣдствіями [2]). Отсюда ясно, что Лешковъ даетъ совершенно особое значеніе государственности, смотритъ на нее, какъ на выраженіе жизни народной и выраженіе чистое, нравственное, ненасилующее самой жизни народа. Затѣмъ здѣсь предполагается народное живое единство и потому понятно, почему Лешковъ такъ сильно ударяетъ на историческое единство русскаго народа. Понятно также, что это единство Лешковъ долженъ былъ представить въ особенно ясныхъ и осязательныхъ признакахъ. Онъ его находитъ въ русской земельной общинѣ, историческое значеніе которой и освѣщаетъ особенно яркимъ свѣтомъ.

Лешковъ даетъ такую постановку этому вопросу. „Народамъ, говоритъ онъ, доступны всѣ идеи (онъ ихъ признаетъ какъ бы врожденными народамъ), но каждый народъ находится подъ вліяніемъ своей особой идеи, подобно тому, какъ отдѣльныя лица состоятъ подъ водительствомъ своихъ особыхъ личныхъ воззрѣній, убѣжденій, страстей" [3]).

---

[1]) Стр. 5 — 6. [2]) Стр. 84 — 88. [3]) Стр. 89.

..."Эти врожденныя идеи въ быту народовъ составляютъ зерно для будущаго развитія народа, задачу для его существованія, красную нитку въ его исторіи"... Это какъ бы постоянное существо въ историческомъ движеніи... "Обращаясь съ вопросомъ объ этомъ существѣ, объ его свойствѣ, направленіи и дѣятельности, въ исторіи нашего отечества, послѣ долгихъ и разностороннихъ изысканій, мы приходимъ къ заключенію, говоритъ Лешковъ, что отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его исторіи, состоитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины и постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все, при посредствѣ общины" [1])... Исторію русской общины, русской общинности Лешковъ и изучаетъ главнымъ образомъ на всемъ пространствѣ времени отъ начала нашей исторіи до Петра.

Лешковъ сразу отстраняетъ всѣ иноземныя теоріи для объясненія русской исторической жизни тѣмъ, что "живое, истинно русское вполнѣ понятно только русскому, какъ французское французу и нѣмецкое нѣмцу. Вымретъ народъ, какъ древніе греки и римляне, образуется трупъ для сѣченія и мертвый предметъ для изслѣдованія, тогда онъ сдѣлается доступнымъ для всякаго отвлеченнаго пониманія. Наши лѣтописи и акты для русскаго, связаннаго жизнію съ живымъ народомъ, составляютъ единственный источникъ познанія Россіи" [2]).

Затѣмъ, подобно Аксакову и Бѣляеву, Лешковъ связываетъ во-едино и сельскія сходки, и вѣча, и земскіе соборы, какъ выраженія одной и той же общинности. "Вѣча, встрѣчаемыя въ Новгородѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ и въ другихъ городахъ, ясно показываютъ, говоритъ онъ, присутствіе земскаго начала въ созданіи древняго русскаго общественнаго наряда. Вѣча въ городахъ, какъ мірскія сходки въ селахъ и какъ земскіе соборы въ столицѣ, суть явленія общинности. Были явленія, была причина.

[1]) Стр. 89. [2]) Стр. 91. Лѣтописи и акты потому важны для русскаго, способнаго понимать ихъ, что лѣтописи признаютъ, говоритъ Лешковъ, "дѣятелями исторіи не отдѣльныя лица, не частныя личности съ ихъ плотію и кровію, а цѣлый народъ, а акты самою своею неопредѣленностію говорятъ въ пользу общиннаго устройства, которое, не воплощаясь въ отдѣльные личные органы, не требуетъ буквальной обязательности, не терпитъ формальныхъ актовъ, и поддерживается живымъ участіемъ народа и всегдашнимъ его присутствіемъ предъ судьбами государства и предъ дѣятельностію всякой личности" (стр. 91—2).

Что же мы знаемъ объ этой общинности съ древнѣйшихъ временъ“ [1])? Лешковъ и слѣдитъ за историческимъ развитіемъ русской общины съ напряженнымъ вниманіемъ.

Въ исторіи русской земской общины Лешковъ останавливается на общинѣ до призванія князей, далѣе на общинѣ временъ Русской Правды, временъ удѣльныхъ, причемъ обнимаетъ и татарское иго, и времена московскаго единодержавія.

Разселеніе русскихъ племенъ на пространствѣ Россіи Лешковъ представляетъ, какъ мирное, колонизаціонное движеніе славянъ отъ Дуная къ Днѣпру и далѣе,—движеніе, не ознаменованное никакою борьбою съ туземнымъ финскимъ населеніемъ и происходившее, очевидно, или какъ занятіе пустыхъ мѣстъ, или какъ постепенная ассимиляція туземцевъ съ славянами. „Славяне, наши предки, говоритъ Лешковъ, перешедшіе въ предѣлы Россіи, конечно, еще на Дунаѣ, на первоначальномъ мѣстѣ своего поселенія, составляли единство этнографическое, по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ, равно какъ единство географическое, земское, по способу владѣнія, по образу жизни; въ Россіи они только возобновили старинный порядокъ и возстановляли свое исконное существо. Оттѣсненный отъ Дуная словенскій языкъ Нестора—наши предки—направляется къ сѣверу отъ родной рѣки съ тѣмъ, чтобы разойтись по обширнымъ пространствамъ восточной Европы и занять собою всю теперешнюю Россію. Это расширеніе сулило ему разобщеніе, а это занятіе требовало постоянно счастливыхъ побѣдъ или грозило ему совершеннымъ разореніемъ. Славяне русскіе избѣжали того и другого. Занятіе происходило общимъ движеніемъ, постепенно, шагъ за шагомъ, а не одновременнымъ дѣйствіемъ завоеванія, какъ на западѣ. Несторъ не говоритъ о войнахъ славянъ съ туземцами: и мы должны принять, что занятіе земли совершилось безъ бою. Нельзя однакожъ предполагать, чтобы туземцы охотно уступали имъ свои лѣса и рѣки, уже получившія отъ нихъ названія, или дарили имъ свои земли, уже частію воздѣланныя и заселенныя. А безъ дара и войны можно было занять Русь только заселеніемъ, колонизаціей, только отвердѣніемъ населенія на дѣвственныхъ земляхъ, которыя до занятія славянами никому не принадлежали“.

---

[1]) Стр. 92.

„Такимъ путемъ русскій народъ только въ теченіи вѣковъ могъ занять Россію; но за то онъ занялъ ее безъ войны и боя, усиліемъ труда и ума, съ возможнымъ сохраненіемъ права, безъ раздраженія туземцевъ, постоянно сохраняя надъ ними свое моральное превосходство, легко претворяя ихъ въ свою народность и на вѣки спасая собственное народное, общее единство, которое, съ своей стороны, въ соприкосновеніи съ мѣстомъ поселенія, съ землею имѣло особыя послѣдствія для судьбы народа. Чувство и сознаніе о единствѣ народа необходимо рождали мысль и убѣжденіе объ единствѣ его земли и не могли не имѣть вліянія на самое поземельное право“ [1]).

Особенность этого права заключалась въ томъ, по мнѣнію Лешкова, что такъ какъ приходилось занимать дѣвственныя поля, т. е. лѣса и болота, то ихъ нужно было приготовлять для населенія общими усиліями, что̀ естественно должно было ограничивать права отдѣльныхъ группъ — семей и частныхъ лицъ. Земля естественно дѣлалась общинною. Такое заселеніе Руси происходило въ незапамятныя времена, потому что по Нестору мы знаемъ русскія племена, какъ уже занимавшія опредѣленныя, постоянныя мѣста [2]).

Для этихъ общихъ положеній, которыхъ сила заключается не столько въ прямыхъ свидѣтельствахъ историческихъ памятниковъ, сколько въ ихъ умолчаніяхъ, Лешковъ ищетъ подтвержденій и разъясненій въ Русской Правдѣ. Въ Русской Правдѣ онъ прежде всего и больше всего обращаетъ вниманіе на такъ называемую вервь, подъ которою онъ разумѣетъ не случайный союзъ людей, а постоянный, земельный союзъ, обнимавшій и большое число людей, и большое пространство земли [3]). Въ ней были средоточія жизни, власти, какъ погосты, станы, потуги. Вервь отвѣчала за убійство, если въ ея предѣлахъ находили трупъ извѣстнаго лица и она не могла указать убійцы. Она отвѣчала и за кражу, если въ ней оказывался слѣдъ бѣжавшаго вора. Эти обязанности неизбѣжно вели къ правамъ верви надъ ея членами,—вервь знала ихъ и опредѣляла, кого выдать на разграбленіе за преступленіе и кого можно откупить. Впрочемъ, насильнаго удерживанія въ

---

[1]) Стр. 93—4. [2]) Стр. 94—5. [3]) Стр. 115. „Верстъ 20 въ длину и ширину, судя по пространству погоста въ новгородской области“.

верви не было. Нежелавшій, напримѣръ, участвовать въ дикой вирѣ, могъ это дѣлать и все-таки оставаться въ верви. Но въ случаѣ несчастія съ нимъ, оставался безъ помощи верви. То, что правительство обращалось къ участію верви въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ уголовныя, служитъ для Лешкова, и совершенно справедливо, сильнымъ доказательствомъ значенія и полноправности верви. Это же видно изъ самаго процесса дознанія и слѣдствія. Продажа—на торгу, при свидѣтеляхъ, изводъ, т. е. отыскиваніе продавшаго чужую собственность—то же при содѣйствіи общины. Даже не преслѣдовалось нечаянное убійство, въ ссорѣ и дракѣ, т. е. при людяхъ, на глазахъ членовъ общины.

Въ Русской же Правдѣ и лѣтописи Лешковъ находитъ сильное ниспроверженіе теоріи родового быта. Дань съ дыму, или съ орудія обработки—рала въ древности была тоже, что въ послѣдствіи дань съ двора или предмета владѣнія—обжи, и послужила основаніемъ для дани съ сохи, съ тягла и т. под... Каждая вервь состояла изъ извѣстной суммы такихъ равныхъ единицъ, какъ участки, жеребьи, дымы и дворы, и по равенству этихъ частей съ лицами сама вервь обозначалась словомъ—людіе. Суммы (участковъ) рознились по различію вервей, но единицы были равны по всей Россіи, которая, такимъ образомъ, состояла изъ народа, распавшагося на верви, и изъ вервей, состоявшихъ изъ равныхъ, основныхъ единицъ—дворовъ. Дымъ былъ выраженіемъ для этой единицы на югѣ Россіи до XVI в., дворъ означалъ тоже на сѣверѣ, сначала въ областяхъ Пскова и Новгорода, замѣняясь въ московской области вытью[1]). Изъ этой-то общины вышли еще до призванія князей и бояре, какъ вожди, и земцы или на югѣ земяне, далѣе воины и разные чины, какъ посадникъ, тысячскій, сотскій, дѣтскій, отрокъ, мечникъ. Самое слово князь есть столь же старинное, туземное[2]).

Другой вопросъ, который также сильно долженъ былъ занимать Лешкова, это вопросъ о рабствѣ, такъ какъ по этому дѣлу тоже ясно можно было судить о силѣ или слабости земщины. Авторъ ссылается на общеизвѣстное свидѣтельство Маврикія, что рабство у славянъ было легкое и даже рабы иноплеменники имѣли право выкупиться или заработать свободу извѣстнымъ числомъ

---

[1]) Стр. 118. [2]) Стр. 129—130.

лѣтъ труда. Община не могла создавать рабства. Для нея слишкомъ дороги были ея члены. Русская Правда знаетъ собственно три источника полнаго рабства: купля раба, бракъ на рабѣ и принятіе рабской должности—тіунства. Еще былъ одинъ источникъ рабства — это по суду. Но авторъ обращаетъ при этомъ вниманіе на то, что даже продажа раба должна была происходить при немъ и что только безъ ряда женившійся на рабѣ дѣлается рабомъ. Затѣмъ Лешковъ, какъ и Бѣляевъ и всѣ лучшіе изслѣдователи Русской Правды, видитъ въ этомъ памятникѣ какъ бы противодѣйствіе рабству. Это особенно ясно выражается въ платѣ 12 гривенъ князю за убійство раба безъ вины, въ свободѣ дѣтей, прижитыхъ господиномъ съ рабою и особенно въ постановленіяхъ, охранявшихъ закупней [1]).

Лешковъ обращаетъ вниманіе и на то, что самыя названія рабовъ въ нашей древности имѣютъ смягчающее и частное, а не государственное значеніе, каковы — челядь, холопъ, рабъ—созвучныя съ названіемъ для малолѣтнихъ членовъ семьи,—чадо, хлопецъ, ребенокъ; отсюда произошло, и то, что и впослѣдствіи рабы являются у насъ только внѣ общины, вдали отъ дѣйствія общины, по домамъ и дворамъ, гдѣ они составляютъ дворовыхъ, но все таки людей [2]).

У Лешкова своебразно ставится вопросъ о смердахъ, которыхъ онъ хотя не признаетъ рабами князей, но поселяетъ на княжескихъ земляхъ и считаетъ ихъ полусвободными. Этотъ вопросъ до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно; но изъ позднѣйшихъ временъ, особенно въ псковской области, видно, что смерды были тоже, что черные крестьяне, т. е. свободные члены общины.

Самыя обширныя и подробныя изслѣдованія русской общины у Лешкова во времена удѣльныя. Намъ извѣстно, что Бѣляевъ самое развитіе областной жизни и затѣмъ объединеніе Руси объясняетъ силою общинъ, съ которыми сближались князья, и болѣе сильный князь легко объединялъ русскія области. Лешковъ нѣсколько иначе объясняетъ и силу русскихъ общинъ, и объединеніе Россіи. Россія въ удѣльныя времена, повидимому, представляется страною раздробленною, разъединенною. Множество князей, множество областей. Лешковъ съ замѣчательнымъ знаніемъ и послѣдовательностію приподнимаетъ эти внѣшнія пере-

[1]) Стр. 153—4. [2]) Стр. 281—2.

городки тогдашней Россіи и показываетъ скрывающееся подъ ними единство. Онъ начинаетъ съ Новгорода, который не зналъ своихъ, такъ сказать, приросшихъ къ землѣ князей, а бралъ ихъ, гдѣ находилъ лучше. Дружинники уже не въ одномъ Новгородѣ, а вездѣ могли передвигаться и считать Россію общимъ своимъ отечествомъ. Тоже могли дѣлать купцы. Тоже право, какъ извѣстно, принадлежало народу, имѣвшему право перехода. Не двигались одни рабы, но и имъ по духовной давалась обыкновенно воля. Такимъ образомъ, все населеніе могло двигаться, переходить съ мѣста на мѣсто. Но это, повидимому, подкапывало въ основѣ земщину, лишало ее устойчивости? Нѣтъ! Оставалась неподвижною земля, само собою разумѣется; но кромѣ того оставалась исторически выработавшаяся и вездѣ въ сущности одинаковая форма владѣнія, возможная только при общинѣ. Самое движеніе народа необходимо вырабатывало болѣе или менѣе одинаковыя условія жизни и всѣ вынуждены были оберегать эту одинаковость. Чтобы уяснить это, Лешковъ разбираетъ нашу старую систему повинностей, какая раскрывается въ писцовыхъ книгахъ. „...Въ древней Россіи, говоритъ Лешковъ, были ясно и документально опредѣлены права и обязанности крестьянъ и владѣльцевъ. Крестьяне во всей Россіи сѣверо-восточной были равны, одинаковы по своимъ правамъ. Принадлежа государю, монастырю, своеземцу, помѣщику, они вездѣ и у всѣхъ владѣльцевъ дѣлали одно дѣло, работали одну работу, несли одинаковыя тяготы, давали одинаковые доходы. Къ этой одинаковости стремится законъ, а чего не могъ совершить онъ, дополнялось правомъ крестьянскаго перехода... Произволу не было мѣста. Доказательство... въ выписяхъ изъ писцовыхъ книгъ, которыя выдавались крестьянамъ того или другого мѣста, по ихъ требованію [1]). ...Государству были извѣстны не одни бояре, намѣстники, воеводы, но послѣдній русскій крестьянинъ по его имени, отчеству и прозвищу, по его правамъ и обязанностямъ... Напрасно сравниваютъ эти книги (писцовыя, окладныя, переписныя) съ подобными книгами западной Европы, имѣющими только хозяйственное содержаніе. Книги запада заносили на свои страницы только событія, какъ они являлись въ хозяйствѣ, — сборы, которые были установлены тѣмъ или другимъ владѣль-

---

[1]) Стр. 244.

цемъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ и вѣкѣ, — платежи, которые вносили крестьяне того или другого званія, мѣста, времени: и потому эти книги могутъ служить только матеріаломъ для статистики или для исторіи. Наши книги были оффиціальными, правительственными, законодательными актами, которыя опредѣляли права и обязанности крестьянъ и владѣльцевъ, и тѣ отношенія, которыя установились между ними по закону жизни, по природѣ вещей. Сумма этихъ книгъ Россіи есть полное изображеніе политическаго состоянія народа и не вообще только, но въ частности, лично, съ опредѣленіемъ всѣхъ правъ и обязанностей, принадлежащихъ каждому лицу“ [1])...

Изъ этого-то богатаго матеріала Лешковъ выдвигаетъ ту первичную единицу, которую не ясно очерчивали древніе памятники — дворъ, который, по мнѣнію Лешкова, нужно разсматривать не какъ строеніе, а какъ совокупность данныхъ для жизни и повинностей, точнѣе, какъ часть земли съ нужными угодіями, — обжу, выть, (отъ 9 до 18 десятинъ по московской мѣрѣ).

Лешковъ подробно опредѣляетъ повинности обжи и показываетъ, что онѣ могли и дробиться, но могли еще чаще складываться по суммѣ повинностей въ болѣе крупныя единицы, какъ соха. Разные сборы тоже могли складываться, выражаться въ оброкѣ и не отъ каждаго двора, а отъ всей общины, что уже закрѣпляло ея единство.

Извѣстно, что государство считало отвѣтственными общины за занятіе обжъ, вытей. Но и безъ этого выгоды общежитія заставляли отдѣльныя семьи держаться общины. Татарское иго еще болѣе усилило значеніе, т. е. благо общинной жизни. Тягости податей заставляли народъ бѣднѣть, разбѣгаться. Личность дѣлалась жертвой страшнаго произвола и бѣдствій. Князья задерживаютъ движеніе народа. Численные люди затрудняются въ переходахъ. Положеніе личности стало еще труднѣе. Изъ этой крайности вывела частныхъ лицъ община, которая упорно удерживала у себя раскладку повинностей [2]).

Разъясненіе состоянія общины во времена удѣльныя и особенно послѣ татарскаго нашествія составляетъ лучшую часть сочиненія Лешкова. Здѣсь, между прочимъ, разъясняется и вопросъ о попыткахъ татаръ ввести личную подать, столь нена-

[1]) Стр. 245—6. [2]) Стр. 292.

вистную тогда русским [1]). По мнѣнію Лешкова, она была введена; но тщательное изученіе дѣла показываетъ, что эта попытка въ сѣверовосточной Россіи не удалась. Можно даже думать, что общею она никогда и не была.

Въ этой же части сочиненія, въ связи съ русскою общиной разсматривается множество другихъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о деньгахъ, земельныхъ мѣрахъ, о народномъ продовольствіи, медицинѣ, о положеніи общины и т. п.

Основныя положенія у Лешкова тѣже, что у Бѣляева, на статьи котораго онъ не разъ ссылается. Особенно много сходства у Лешкова съ главными мыслями Бѣляева по вопросу о крестьянствѣ. Но Бѣляевъ русскую общину, такъ сказать, ближе держитъ къ городу—вѣчу, а Лешковъ—къ землѣ, къ повинностямъ.

Ученіе такъ называемыхъ славянофиловъ далеко не исчерпывается перечисленными сочиненіями. Можно сказать, что, кто только писалъ что либо въ духѣ славянофильства, такъ или иначе касался русской исторіи. Но разборъ всего этого завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Впрочемъ, съ трудами нѣкоторыхъ славянофиловъ мы еще будемъ встрѣчаться.

ГЛАВА XV.

С. М. Соловьевъ.

Теперь мы перейдемъ въ область совсѣмъ иныхъ воззрѣній. Они напомнятъ намъ Карамзина раскрытіемъ великой силы государственности въ Россіи; напомнятъ они западниковъ рѣшительнымъ признаніемъ обязательной силы западноевропейской культуры; напомнятъ ученыхъ нѣмцевъ, особенно балтійскихъ ученыхъ, понятіемъ о русской культурѣ, въ которомъ выразится не только отрицаніе славянофильскихъ теорій, но отрицаніе какихъ бы то ни было положительныхъ представленій о русской культурѣ; еще далѣе эти воззрѣнія представятъ намъ рядъ собственныхъ взаимныхъ отрицаній, т. е. рядъ противорѣчій, рядъ отступленій отъ прежде высказаннаго.

---

[1]) Стр. 276—8.

Наконецъ, мы увидимъ, что надъ всѣмъ этимъ возвышается необыкновенное знаніе нашего прошедшаго, необыкновенная добросовѣстность при фактическомъ его изложеніи и крупная талантливость, способная дѣлать большія завоеванія, т. е. создавать послѣдователей, школу.

Мы разумѣемъ покойнаго Сергѣя Михайловича Соловьева, профессора русской исторіи и потомъ ректора московскаго университета, члена академіи наукъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ [1]).

С. М. Соловьевъ написалъ XXIX томовъ исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ до 1775 г. и въ области дипломатическихъ сношеній до 1780 г. [2]). Кромѣ того, онъ написалъ исторію паденія Польши, изд. 1863 г.; далѣе—извѣстный учебникъ по русской исторіи въ 5 выпускахъ; общедоступное чтеніе по русской исторіи, изд. 1874; извѣстный намъ обзоръ нѣкоторыхъ сочиненій по русской исторіи, и множество статей по вопросамъ русской и всеобщей исторіи [3]). Первыми его трудами были: отношеніе Новгорода къ князьямъ, изд. 1845 г. и отношенія между князьями, изд. 1847 г. Въ послѣднемъ въ первый разъ изложена теорія родового быта.

Мы будемъ изучать по преимуществу Исторію Россіи Соловьева. Въ этомъ громадномъ историческомъ трудѣ такой порядокъ. Сперва излагаются внѣшнія событія въ хронологическомъ порядкѣ за немногими исключеніями. Такъ, время Іоанна III излагается не хронологически, а по группамъ событій: Новгородъ великій, Софія Палеологъ, Востокъ, Литва. Русскія внѣшнія дѣла освѣщаются при этомъ еще краткимъ обзоромъ событій въ славянскомъ мірѣ въ древнія времена и вообще западноевропейскихъ государствъ. Эти послѣднія обозрѣнія особенно обширны и подробны въ тѣ времена, когда у насъ установлялись и усиливались дипломатическія сношенія, т. е. главнымъ образомъ въ новѣйшія времена, съ Петра I.

---

[1]) О Соловьевѣ—моя замѣтка въ Церкови. Вѣстникѣ за 1879 г. № 41. [2]) Авторъ издалъ 28 т. Послѣдній 28-ой т. заканчивается первымъ раздѣломъ Польши, т. е. 1772 г. 29 т. изданъ уже послѣ смерти автора и заключаетъ въ себѣ обзоръ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ за 1773 и 1774 и въ приложеніи обзоръ дипломатич. сношеній съ 1775 по 1780 г. [3]) Списокъ его статей приложенъ къ первому тому сочиненій его, изданному въ 1882 году.

Затѣмъ разсматриваются внутреннія дѣла. Хронологическая группировка ихъ не одинакова. Въ старыя времена группы обнимаютъ большое время, какъ напримѣръ въ III-мъ томѣ отъ смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкаго (т. е. Удалого, до 1228 г.), или въ IV-мъ отъ смерти этого Мстислава и до Іоанна III. Въ другія времена обозрѣнія эти располагаются чаще всего по княженіямъ, царствованіямъ, наконецъ, просто по группамъ нѣсколькихъ годовъ, какъ напримѣръ, въ царствованіе Елисаветы Петровны по семилѣтіямъ, или въ царствованіе Екатерины по группамъ событій за три, за два и даже за одинъ годъ. Вездѣ однако болѣе или менѣе выдерживается одинъ планъ въ распредѣленіи событій внутренняго быта. Начинается этотъ отдѣлъ обозрѣніемъ жизни князей или царей, затѣмъ идутъ обозрѣнія состоянія высшихъ сословій и учрежденій, далѣе—жизни городовъ, жизни жителей селъ, торговли, законовъ, духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія, литературы, нравовъ.

Фактическая сторона въ томъ и другомъ отдѣлѣ, т. е. касательно внѣшнихъ событій и внутренняго быта, необыкновенно богата и научно поставлена. Авторъ все читалъ самъ и даетъ факты изъ первыхъ рукъ, т. е. изъ первыхъ источниковъ. Для большей точности онъ чаще всего выписываетъ подлинныя мѣста источниковъ и только подновляетъ слогъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ, гдѣ рѣчь невразумительна.

Это богатое собраніе фактовъ связывается у автора хронологіей или вышеуказанными рубриками; но часто оно связывается еще болѣе внѣшнимъ образомъ, напримѣръ, при обозрѣніи новѣйшихъ дипломатическихъ сношеній, по случайному порядку сосѣднихъ государствъ, или даже простою фразою: теперь скажемъ о томъ-то.. Литературы вопросовъ, мнѣній ученыхъ о томъ или другомъ дѣлѣ нѣтъ, за немногими исключеніями, когда дѣло очень спорное и когда по нему высказались авторитетные ученые, какъ напримѣръ, по вопросу о родовомъ бытѣ или о преобразованіяхъ Петра. Еще К. С. Аксаковъ о первомъ томѣ Исторіи Россіи, одномъ изъ самыхъ обработанныхъ, замѣтилъ, что это не исторія, а изслѣдованіе. Въ новѣйшія времена установилось мнѣніе, что исторія Соловьева—это энциклопедія русской исторіи, и надобно жалѣть, что не составленъ къ ней болѣе полный и тщательный указатель, чѣмъ указатель г. Шилова (изд. въ

1864), который обнимаетъ только XII томовъ т. е. древнюю исторію Россіи, по первымъ изданіямъ первыхъ IV томовъ, и вообще далеко не тщателенъ, особенно въ труднѣйшей части всякаго указателя — предметной.

Но при всей этой разбросанности фактовъ, въ исторіи Соловьева такое внутреннее единство, какое не часто встрѣчается въ подобныхъ многотомныхъ сочиненіяхъ.

Давая полный, нерѣдко для неспеціалистовъ крайне утомительный сводъ фактовъ, авторъ то и дѣло прерываетъ его общимъ взглядомъ на собранные факты, характеристикой описываемаго лица, событія и тутъ-то и сказывается, и глубокое его знаніе, и талантливость. Эти характеристики разсыпаны по всему огромному сочиненію Соловьева. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собраны существенныя черты всѣхъ отдѣльныхъ характеристикъ, оцѣнивается все историческое движеніе русской жизни, т. е. высказываются взгляды автора на это движеніе. Таковы: предисловіе къ первому тому; таковъ конецъ седьмаго тома, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на историческое значеніе рюриковой династіи; таковы характеристики Петра и его времени въ XIV [1]) и XVIII [2]) томахъ; но особенно ясно и подробно взгляды Соловьева на русскую исторію изложены въ XIII томѣ, 1 главѣ, въ особомъ его изслѣдованіи — Россія передъ эпохой преобразованія, которое авторъ старается связывать съ старымъ временемъ Руси узами необходимости.

С. М. Соловьевъ всѣмъ извѣстенъ, какъ послѣдователь и даже творецъ теоріи родового быта въ наукѣ русской исторіи. То и другое справедливо, не смотря на видимое противорѣчіе между этими словами. Соловьевъ взялъ теорію родового быта у Эверса и удержалъ изъ нея существенную особенность — семейный характеръ, и вездѣ говоритъ о кровномъ родѣ, т. е. беретъ распространенную семью; но прилагаетъ къ этой семьѣ то и дѣло чисто родовыя особенности, — непомѣрную власть родоначальника, способнаго не уважать узъ семьи въ строгомъ смыслѣ. За эту неточность, неопредѣленность понятій о родѣ, славянофилы сильно нападали на Соловьева и разбивали наповалъ его родовую теорію [3]); но это не заставило автора не только отказаться, но и

[1]) Стр. 111. [2]) Стр. 257. [3]) Важнѣйшія изъ этихъ возраженій принадлежатъ К. С. Аксакову и изданы въ I т. полнаго собранія его сочиненій.

точнѣе выразить свою теорію. То и другое для него было невозможно при его взглядахъ. Теорію родового быта, теорію кровнаго рода Соловьевъ развилъ собственно изъ быта и отношеній нашихъ князей, которые дѣйствительно составляли одинъ кровный родъ; а привлеченіе въ этотъ кровный родъ порядковъ чистаго родового быта, гдѣ не только разрушается, но и исчезаетъ семья, нужно было потому, что иначе не легко было бы выводить изъ кровнаго рода государственность. Государственность эта должна была созидаться, по Соловьеву, непремѣнно на разрушеніи русскаго кровнаго рода, т. е. въ дѣйствительности на разрушеніи семьи, какъ это и было въ родѣ суздальскихъ князей и московскихъ. „Князья, говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ I тому [1]), считаютъ всю русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, причемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства... Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, чрезъ ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, чрезъ ихъ отчужденіе другъ отъ друга и чрезъ видимое нарушеніе единства русской земли приготовляется путь къ ея собиранію, сосредоточенію, сплоченію частей около одного центра, подъ властію одного государя“ [2]).

[1]) Стр. VII. [2]) Стр. VII—VIII.

Такимъ образомъ, русское государственное строеніе совершается, повидимому, чисто внѣшнимъ и разрушительнымъ способомъ. Это противорѣчитъ не только нравственному чувству русскаго человѣка, но и научному заявленію самого Соловьева на первой страницѣ его исторіи, гдѣ онъ ставитъ себѣ задачей — „стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію“ [1]). Авторъ и старается это дѣлать, т. е. и углубить основаніе родового начала, и вывести естественнымъ путемъ его уничтоженіе; но дѣйствительно ли онъ достигаетъ этихъ цѣлей—это другой вопросъ.

Родовой бытъ С. М. Соловьевъ старается находить не въ однихъ князьяхъ. Онъ находитъ его въ жизни славянскихъ племенъ, призвавшихъ князей-варяговъ. Не разъ потомъ въ своей исторіи авторъ упоминаетъ объ этомъ бытѣ. Болѣе осязательное выраженіе его онъ справедливо находитъ даже въ мѣстничествѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ очерчиваетъ его и въ массѣ простаго народа; указываетъ даже здѣсь, какъ бы черты чистаго рода, когда говоритъ о подсусѣдникахъ, захребетникахъ, какъ чужихъ людяхъ, примыкавшихъ къ кровному роду. Но эта сторона дѣла у Соловьева совсѣмъ не разработана и за нее взялись уже его послѣдователи. Онъ самъ, кажется, считалъ это дѣло неоспоримымъ и неподлежащимъ сомнѣнію. Силу родового быта на Руси онъ считалъ столь великою, что она, по его мнѣнію, подѣйствовала на самихъ призванныхъ князей [2]), чѣмъ, между прочимъ, сразу уничтожалось всякое допущеніе сильнаго варяжскаго вліянія на Русь; а такъ какъ князья-варяги призваны были русскими племенами, потому что сами племена „не видѣли возможности выхода изъ родового особного быта“ и призвали князя изъ чужаго рода, чтобы установить единую общую власть, которая бы соединила роды въ одно цѣлое и дала имъ нарядъ [3]), то естественно было сосредоточить вниманіе на томъ, какъ сами русскіе князья, воспріявъ въ себя родовое начало призвавшихъ ихъ племенъ, разрушали его въ своей средѣ и въ своемъ народѣ. Соловьевъ прямо говоритъ, что „здѣсь главный вопросъ для историка состоитъ въ томъ, какъ опредѣлить отношенія между призваннымъ правительственнымъ нача-

---

[1]) Предисл. стр. V по порядку. [2]) Стр. VI—VII. [3]) Стр. V—VI.

ломъ и призвавшими племенами, равно и тѣми, которыя были подчинены впослѣдствіи, какъ измѣнился быть этихъ племенъ вслѣдствіе вліянія правительственнаго начала непосредственно и посредствомъ другого начала, дружины" [1]). Главное вліяніе, по автору, здѣсь происходитъ именно вслѣдствіе усвоенія князьями родового начала племенъ. „Такія, т. е. родовыя, отношенія, говоритъ онъ, въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный быть древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ, находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время" [2]), т. е. родовой бытъ, усвоенный князьями измѣняетъ родовой бытъ въ племенахъ, призвавшихъ князей. Въ XIII томѣ Соловьевъ выражается объ этомъ, какъ увидимъ, еще яснѣе и рѣшительнѣе.

Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что историческая миссія призванныхъ князей состояла, по Соловьеву, въ томъ, чтобы, воплотивъ въ себѣ русское родовое начало, разрушить его въ себѣ и вездѣ, и этимъ путемъ создать единую государственную Русь. Идея разрушенія дѣйствительно и проходитъ черезъ всю исторію Россіи Соловьева. Мало того, проходитъ черезъ эту исторію идея разрушенія не только того, что само собою сложилось, такъ сказать, за глазами двигателей русской исторической жизни, но разрушенія и того, что создано было и, повидимому, хорошо, самими двигателями этой жизни. Призванные князья разрушаютъ племенной бытъ племенъ; суздальскіе князья, а за ними московскіе разрушаютъ удѣльно-вѣчевой бытъ; Петръ разрушаетъ строеніе московскихъ князей, преемники Петра разрушаютъ или передѣлываютъ строеніе петровское. Дѣятельность Петра авторъ даже прямо называетъ революціонною.

Такой талантливый писатель, такой знатокъ русской прошедшей жизни, такой устойчивый русскій человѣкъ, какъ С. М. Соловьевъ, разумѣется, не думалъ проводить такой теоріи на чужую руку, а имѣлъ свои, ученыя основанія, которыя въ его глазахъ оправдывали эту теорію, такъ сказать, выдвигали ее изъ самой русской жизни, какъ данное этою жизнію, которое нужно по-

---

[1]) Стр. V—VI. [2]) Стр. VII.

казать во имя истины, не смотря ни на какія щекотливости и ни на какую народную боль.

Авторъ ставитъ историческое развитіе народовъ въ тѣснѣйшую связь съ природою и установляетъ рѣзкое различіе въ этомъ отношеніи между западной и восточной Европой. „На западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова, на западѣ горы, на западѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ: на востокѣ сплошная громадная равнина и одно громадное государство“ [1])... „На западѣ природа — мать, на востокѣ — мачиха“ [2]). „Уже по этому обѣ половины Европы должны были имѣть различную исторію. Природныя выгоды содѣйствуютъ раннимъ и сильнымъ успѣхамъ цивилизаціи, поэтому на историческую сцену являются прежде всего южные полуострова Европы, поэтому древній цивилизованный міръ (римская имперія) обхватывалъ въ Европѣ южные полуострова, Галлію и Британію, значитъ южную и западную окраины. Средняя сѣверо-западная Европа — Германія и Скандинавія присоединились къ римскому міру, т. е. къ греко-римской цивилизаціи послѣ, за ними примкнули къ ней западныя славянскія племена и наконецъ, уже очень поздно, предъявляетъ свои права на европейскую цивилизацію и государство, заключившее въ своихъ предѣлахъ восточную Европу“ [3]).

Такимъ образомъ, европейская цивилизація двигается отъ запада къ востоку по указанію природы. „Любопытно въ этомъ отношеніи, говоритъ Соловьевъ, замѣтить предѣлы, гдѣ въ Европѣ останавливается наплывъ дикихъ азіатскихъ ордъ, народовъ первичнаго образованія, и здѣсь видимъ мы туже постепенность. Наплывъ гунновъ останавливается на каталонскихъ поляхъ въ Галліи; аварамъ прегражденъ дальнѣйшій путь въ Германіи; мадьяры засѣли далѣе на востокѣ въ Панноніи; татары не могли и здѣсь остановиться, но наводнили восточную равнину, гдѣ и прежде ихъ толпились подобные имъ народы; вся эта погань, по выраженію нашихъ предковъ, сплываетъ постепенно отсюда на востокъ, уступая Европѣ восточную ея половину. Но между пораженіемъ Аттилы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищеніе европейской почвы отъ господства азіатцевъ, прошло сколько

---

[1]) Т. XIII, стр. 1. [2]) Тамъ-же, стр. 2. [3]) Тамъ-же.

вѣковъ! На столько вѣковъ слѣдовательно исторія дала ходу впередъ западной Европѣ предъ восточною [1])... Исторія—мачиха заставила одно изъ древнихъ европейскихъ племенъ принять движеніе съ запада на востокъ, и населить тѣ страны, гдѣ природа является мачихою для человѣка" [2]).

Для большей убѣдительности въ нашей исторической отсталости, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, авторъ дѣлаетъ новое сравненіе—сравненіе славянъ съ германцами. Имъ обоимъ онъ даетъ господствующее положеніе въ Европѣ въ христіанскія времена, которое они, по его словамъ, удержали за собою навсегда. Онъ даже ударяетъ на ихъ родство, называетъ племенами-братьями одного индо-европейскаго народа, подѣлившими между собою Европу, и устраняетъ вопросъ о племенномъ превосходствѣ кого либо изъ нихъ. Но одни—нѣмцы двинулись съ сѣверо-востока на юго-западъ въ области римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ европейской цивилизаціи, а другіе—славяне, наоборотъ, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ дѣвственныя и обдѣленныя пространства. Въ этомъ-то противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ,—одно изначала дѣйствуетъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, другое при самыхъ неблагопріятныхъ [3]).

Каково это различіе, авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ поясняетъ это. Хищники, проносившіеся, какъ буря, надъ славянами, не возбуждаютъ въ нихъ силъ, какъ возбуждены были силы германцевъ враждебными движеніями римлянъ [4]). Племенная сила, выражающаяся въ стремленіи къ особности и самостоятельности и являющаяся вліятельнымъ въ исторіи началомъ, у насъ была слаба, тогда какъ въ Германіи сила эта постоянно сказывалась [5]). Далѣе. На западѣ люди осѣдаютъ крѣпко на землѣ, благодаря феодальному праву—этой религіи земли, является земельная собственность, является земельная аристократія прежде денежной [6]). У насъ при родовой подвижности князей и за ними дружинниковъ не могла имѣть важнаго значенія земельная собственность и имѣло значеніе имущество движимое. Отсюда неустойчивость, разбросанность силъ [7]). Далѣе, еще болѣе характерное сравненіе, которое мы приводимъ въ подлинномъ видѣ: „Мы такъ часто

[1]) Стр. 2—3. [2]) Тамъ же. [3]) Стр. 3—4. [4]) Стр. 5. [5]) Стр. 8. [6]) Стр. 13—14. [7]) Стр. 14—15.

употребляемъ выраженіе — западная и восточная Европа, такъ много знаемъ, такъ много толкуемъ о ихъ различіи и слѣдствіяхъ этого различія; но если путешественникъ, переѣзжающій изъ западной Европы въ восточную, или наоборотъ, свѣжимъ взглядомъ посмотритъ на ихъ различіе, станетъ отдавать себѣ отчетъ о немъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видимаго, то конечно прежде всего скажетъ, что Европа состоитъ изъ двухъ частей, западной каменной и восточной деревянной. Камень, такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи, и оттуда владѣли мужиками, камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворныя горы, громадныя вѣковѣчныя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня, все ровно, нѣтъ разнообразія народностей и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому, безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія, дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины, переселеніе... Отсюда съ такою легкостію старинный русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село... брести ровно было ни по чемъ, ибо вездѣ можно было найти одно и тоже, вездѣ Русью пахло" [1]).

Для строгой параллели слѣдовало сказать, что въ Россіи въ то время, какъ мужи не устрояли себѣ каменныхъ гнѣздъ, мужики пользовались свободой, которая имѣла могущественное вліяніе на всѣ дѣла; но нашъ авторъ не видѣлъ этого блага. Онъ, напротивъ, эту свободу понималъ какъ бродяжничество и потому сейчасъ же говоритъ послѣ вышеприведенныхъ словъ: „отсюда привычки къ расходкѣ въ народонаселеніи, и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять" [2]).

Въ другихъ мѣстахъ эта общая характеристика распадается

[1]) Т. XIII, стр. 52. [2]) Тамъ-же.

у автора по эпохамъ. Вотъ его сужденія о русскомъ народѣ въ началѣ его государственности. „Понятно, говоритъ онъ въ VII томѣ [1]), что въ эпоху этой начальной дѣятельности, при началѣ государственной зиждительности въ странѣ, не имѣвшей прежде исторіи, не могло быть ничего прочнаго, опредѣленнаго, все было еще въ зародышѣ, начала, сѣмена вещей составлялись другъ съ другомъ, безъ внутренней связи; части, образовавшись, стремились еще жить особною жизнію; при сильномъ движеніи, просторѣ, возможности уходить при первомъ неудобствѣ, не было мѣста никакимъ опредѣленіямъ, ибо на движущейся почвѣ ничего построить нельзя. Главное право, главное ручательство въ выгодѣ положенія для члена общества, для члена извѣстнаго сословія, заключались въ правѣ уйти... Столкновенія интересовъ разрѣшались не общими опредѣленіями, но порваніемъ отношеній, уходомъ изъ одной области въ другую... Отсюда господство временнаго, личнаго, случайнаго надъ общимъ“.

Въ XIII томѣ авторъ выражается еще сильнѣе за время спустя 100 лѣтъ послѣ Ярослава 1. „Все здѣсь на восточной окраинѣ отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время переходамъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усидится и начнутся опредѣленія“ [2]).

Ниже мы увидимъ, что жидкое, колеблющееся состояніе продолжалось и далѣе до новѣйшихъ временъ и что даже многочисленныя опредѣленія, столь желанныя авторомъ, оказывались постоянно, по его же словамъ, нетвердыми или несостоятельными.

Замѣтимъ, что болѣе рѣзкія изъ сужденій, именно въ XIII т., изданы въ 1863 г. въ такое время, передъ которымъ незадолго Россія поразила цивилизованную Европу освобожденіемъ крестьянъ съ землею, а въ годъ изданія этого XIII тома, по поводу вспыхнувшаго польскаго возстанія, было такое патріотическое возбужденіе во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что таже цивилизованная Европа, заговорившая было въ пользу поляковъ, сочла болѣе благоразумнымъ умолкнуть. Нашъ авторъ чувствовалъ потребность разъяснить вопросъ о патріотизмѣ и разъясняетъ его и въ XIII-мъ и въ другихъ томахъ.

[1]) Стр. 439 — 40. [2]) Стр. 19.

По тому поводу, что трудности русской исторической жизни могутъ въ русскомъ возбуждать пріятное сознаніе богатства силъ въ его народѣ и вопросъ: съумѣло ли бы вынести такое положеніе племя германское, авторъ говоритъ: „Непріятное восхваленіе своей національности, какое позволяютъ себѣ нѣмецкіе писатели, не можетъ увлечь русскихъ послѣдовать ихъ примѣру“ [1]). Въ XVIII т., изданномъ въ 1868 г., авторъ однако нашелъ русскихъ людей, которые, по его мнѣнію, увлеклись примѣромъ нѣмецкихъ писателей восхвалять свою національность.

„Гнетъ, испытанный народами, говоритъ онъ, отъ французской имперіи, пробудилъ національное чувство, и народы бросились къ изученію своего прошедшаго съ цѣлію выяснить и укрѣпить свою національность, что и повело къ господству принципа національности, во имя котораго совершились и совершаются важныя событія нашего времени. Направленіе въ сущности высокое и благодѣтельное, въ крайностяхъ своихъ породило на западѣ германофильство, въ Россіи славянофильство“ [2]). Сказавъ, что отсюда въ нашемъ обществѣ протестъ противъ петровскихъ преобразованій, особенно противъ произведеннаго имъ раздвоенія между высшими и низшими слоями народонаселенія, Соловьевъ говоритъ, что и этотъ протестъ противъ дѣятельности Петра, протестъ XIX вѣка не можетъ быть принятъ въ наукѣ [3]) и въ объясненіе основаній науки обращается къ сравненіямъ дѣятельности Петра съ бурями, производящими и очищеніе воздуха и разрушенія, и съ сильными лекарствами, возстановляющими здоровье, но и оставляющими въ организмѣ дурныя послѣдствія. Въ другихъ мѣстахъ своей исторіи Соловьевъ ясно даетъ понять, что онъ отвергаетъ славянофильство не за одно отношеніе его къ преобразованіямъ Петра. Онъ не разъ возстаетъ противъ китаизма, т. е. „высокаго мнѣнія о самихъ себѣ и презрѣнія къ другимъ народамъ“ [4]).

Въ одномъ мѣстѣ онъ наноситъ славянофиламъ ударъ, не менѣе чувствительный, чѣмъ сопоставленіе ихъ съ германофилами. Онъ показываетъ, что даже такой славянофилъ, какъ сербъ Крыжаничъ, осуждалъ этотъ китаизмъ, и сочиненія его, по автору, должны были прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ,

---

[1]) Т. XIII, стр. 4. [2]) Т. XVIII, стр. 249. [3]) Стр. 250. [4]) Тамъ же.

о преимуществахъ другихъ народовъ и этимъ самымъ подвигнуть къ перемѣнамъ, которыя естественно прежде всего должны были высказаться въ подражаніи [1]).

Всѣ эти сужденія Соловьева, надѣемся, ясно показываютъ, что онъ относился отрицательно не только къ теоріи славянофиловъ, но и къ тому, что у Карамзина обозначается словами: мы, наше, т. е. вообще русскій патріотизмъ. Отъ всего этого китаизма русскій человѣкъ долженъ отказаться, потому что это отсталость, и долженъ стремиться къ лучшему, которое находится у чужихъ, и потому онъ долженъ брать его у нихъ, быть ихъ ученикомъ. Но вѣдь это значитъ осуждать себя на раболѣпіе передъ чужими народами, брать чужія національныя формы жизни? Соловьевъ допускаетъ это раболѣпіе, какъ временное; но въ дѣйствительности онъ вовсе не думаетъ дѣлать русскаго человѣка рабомъ другихъ народовъ. Онъ, какъ мы видѣли, осуждаетъ національныя притязанія и у другихъ народовъ, особенно у ближайшихъ нашихъ родичей и сосѣдей—нѣмцевъ. Онъ смотритъ на цивилизацію какъ на дѣло общечеловѣческое, къ которому всѣ должны стремиться. Т. е. тутъ таже теорія, которая проповѣдывалась скептиками и выражена съ такою неумѣлою откровенностію Полевымъ. Но Соловьевъ ставитъ ее не только даровитѣе, но и научнѣе. Онъ, какъ мы видѣли, связываетъ цивилизацію крѣпкими узами, даже узами необходимости съ географическими условіями и временемъ. Цивилизація подвигается извѣстными физическими путями и въ свое время должна была дойти до Россіи.

Во всей этой постановкѣ мы должны усматривать новый и сильный порывъ русскаго человѣка въ высшую область знанія и жизни—порывъ осмыслить явленія русской жизни съ высшей, общечеловѣческой культурности, помимо національностей. Но при этомъ и съ С. М. Соловьевымъ случилось нѣчто подобное тому, что было съ Полевымъ. Когда онъ спускается съ этихъ культурныхъ высотъ въ область явленій русской исторической жизни, то эта жизнь, какъ и у Полевого, оказывается слишкомъ низменною, даже болѣе низменною, чѣмъ у Полевого. С. М. Соловьевъ спускается въ область стихійныхъ силъ, гдѣ человѣкъ теряется и подавляется необходимостію. Стихійныя силы, по Соловьеву, господствуютъ надъ историческими судьбами Россіи, какъ и

[1]) Т. XVIII, стр. 196; тоже 189.

у другихъ народовъ; изъ нихъ-то, стихійныхъ силъ, и должна выработаться русская цивилизація. Но стихійныя силы не въ одной внѣшней природѣ. Онѣ присущи и природѣ человѣческой — въ видѣ инстинктовъ, въ видѣ несознательныхъ или вообще низшихъ желаній и стремленій человѣка. Соловьевъ вездѣ усматриваетъ и эти силы, какъ увидимъ. Но исторія человѣческихъ обществъ не есть исторія натуральная. Въ ней какъ нибудь, да должна сказаться сознательная человѣческая сила, такъ или иначе управляющая стихійными силами. Соловьевъ, такъ часто указывающій на необходимость историческихъ явленій, не могъ дать много мѣста этой сознательной силѣ, хотя и ставитъ, какъ извѣстно, цѣлію изученія русской исторіи развитіе народнаго самосознанія [1]).

Самое большее значеніе, самую широкую область дѣятельности онъ даетъ въ этомъ случаѣ государственной власти. Ее онъ считаетъ болѣе способною и бороться съ стихійными силами, и направлять ихъ къ цѣлямъ цивилизаціи; а въ русскомъ народѣ, въ которомъ для этого тоже могли быть и независимыя отъ правительства силы, Соловьевъ усматриваетъ главнѣйшимъ образомъ не какія либо опредѣленныя, культурныя начала, а просто хорошую подкладку для правительственныхъ дѣйствій, т. е. даровитость русскаго народа, особенно ясно выразившуюся въ богатырствѣ, но выразившуюся больше всего, какъ тоже стихійная сила, и чаще всего какъ отрицательная, въ смыслѣ культурномъ. Такимъ образомъ, на историческомъ русскомъ поприщѣ мы видимъ собственно власть, которая исторически вырабатываетъ культуру и направляетъ къ ней русскій народъ, а этотъ народъ чаще всего является неподатливою, стихійною, какъ бы отрицательною силою. Вся русская исторія есть движеніе, то стихійное, то обнаруживающее въ себѣ проблески культуры, т. е. заимствованій ея у чужихъ.

Съ этой точки зрѣнія масса русскаго народа представляется неподвижною, косною, а вся прогрессивная дѣятельность сосредоточивается въ государственности и постепенно передается народу. Вся русская исторія есть движеніе, сначала внѣшнее, потомъ болѣе и болѣе внутреннее, захватывавшее душу русскаго человѣка. Движеніе это должно сопровождаться борьбою съ стихій-

[1]) Томъ I, предисловіе, стр. XII. „въ наше время, говоритъ онъ, просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ само сознанію“.

ными силами и пріобрѣтеніемъ общечеловѣческой культуры,—разрушеніемъ своего и усвоеніемъ лучшаго чужого. Свое—разрушеніе, чужое—строеніе. Историческое право Россіи на существованіе—усвоеніе лучшаго чужого. Въ этомъ положительная сторона нашей исторической жизни. По этой теоріи построена вся исторія Соловьева. Пройдемъ эту исторію по воззрѣніямъ Соловьева, т. е. приведемъ въ логическую связь всѣ главнѣйшія его положенія.

Русская исторія открывается картиною неподвижности, косности. Хотя восточныя славяне не новые пришельцы въ Европѣ и надъ ними проносились многія бури налетавшихъ на нихъ и проносившихся черезъ нихъ варваровъ, но они—восточные славяне не двигались впередъ,—жили разбросанными, не многочисленными племенами, въ родовомъ бытѣ, по селамъ или огороженнымъ мѣстамъ,—городамъ. Ни фактическаго, ни сознательнаго единства между ними не было. Они не составляли народа. Собственно говоря, не имѣли исторіи.

Но вотъ начинается движеніе. „Пробилъ часъ, историческое движеніе, историческая жизнь началась и для восточной Европы. По водной дорогѣ, тянущейся съ небольшимъ перерывомъ или волокомъ отъ балтійскаго моря къ черному, показываются лодки, наполненныя вооруженными людьми: плыветъ русскій князь изъ Новгорода съ дружиною. Платите намъ дань, повторяютъ они въ каждомъ селеніи, у каждаго острожка славянскаго“ [1]). Имъ даютъ ее. Но они не уходятъ подобно другимъ варварамъ. Они осѣдаютъ у славянскихъ племенъ, даютъ городамъ значеніе европейское, кличутъ кличъ селиться съ выгодой въ городѣ, кличутъ кличъ идти въ походъ. Началось движеніе и захватываетъ населеніе. Изъ него, населенія, выдѣляются и горожане, и дружина. Села слабѣютъ, падаетъ значеніе родовыхъ старшинъ, выдѣляются лучшіе люди, настало время богатырское,—время смѣлыхъ и широкихъ предпріятій. „Бытъ племенъ, говоритъ Соловьевъ, жившихъ отдѣльными родами, подвергся коренному преобразованію вслѣдствіе появленія князя, дружинъ и городскаго народонаселенія, порознившагося отъ сельскаго. Но перемѣны этимъ не ограничились: вслѣдствіе геройскаго, богатырскаго движенія, да-

[1]) Т. XIII, стр. 5.

левихъ походовъ на Византію, явилась и распространилась новая вѣра, христіанство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселенія, духовенство: прежнему родоначальнику старику нанесенъ былъ новый, сильный ударъ" [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что внѣшнее движеніе производитъ внутреннія перемѣны и приводитъ даже къ усвоенію такого культурнаго начала, какъ христіанство. Въ другихъ мѣстахъ, XIII т. и въ VII т., Соловьевъ указываетъ еще другія послѣдствія движенія, именно является сознаніе между племенами своего единства, единства земли [2]); является русскій народъ [3]); движеніе князей даетъ странѣ жизнь, исторію [4]). Лѣтопись наша отмѣчаетъ это великое значеніе князей. Она молчитъ о сельчанахъ, а говоритъ о князьяхъ [5]). Даже самое богатырство русское и то связано съ государственностію [6]). Съ этой точки зрѣнія, именно, какъ выраженіе сильнаго движенія, имѣетъ особенное значеніе Владиміръ Мономахъ [7]). Наконецъ, богатырство гражданское выражается и въ религіозной области, являются богатыри духовные [8]).

При множествѣ князей, движеніе не дало возможности образоваться земельной аристократіи. „... Въ Россіи, говоритъ Соловьевъ, очень быстро размножаются члены княжескаго рода, вслѣдствіе чего всѣ области и всѣ сколько нибудь значительные города управляются князьями, и для бояръ прегражденъ, такимъ образомъ, путь къ образованію могущественнаго, въ родѣ польскаго, вельможества; на первомъ планѣ князья, ихъ родовые счеты и движенія, борьбы вслѣдствіе этихъ счетовъ; дружина, увлеченная вихремъ этого движенія, не успѣваетъ пріобрѣсти никакого самостоятельнаго значенія, отсюда понятно, почему въ описываемое время (до Андрея Боголюбскаго) князья наполняютъ почти исключительно всю историческую сцену, лѣтопись является лѣтописью княжескою, говоритъ о князьяхъ, ихъ однихъ имена попадаются безпрестанно въ глаза и производятъ такое утомительное однообразіе" [9]).

Тутъ уже пробивается изнанка процесса движенія. Немного ниже изнанка выступаетъ во всей ясности... „Вслѣдствіе движе-

[1]) Т. XIII, стр. 8 — 9. [2]) Т. VII, стр. 438—439. [3]) Т. XIII, стр. 13. [4]) Т. VII стр. 439. [5]) Т. XIII, стр. 16. [6]) Тамъ же, стр. 6 — 7. [7]) Тамъ же, стр. 12, 12—13. [8]) Тамъ-же, стр. 57. [9]) Тамъ-же стр. 16.

нія всѣ элементы задержаны въ своемъ развитіи, говоритъ Соловьевъ, на лицо все первоначальныя формы: бродячія дружины, члены ихъ, свободно переходящіе отъ одного князя къ другому, въ челѣ дружинъ неутомимые князья-богатыри, переходящіе изъ одной волости княжить въ другую, ищущіе во всѣхъ странахъ честь свою взять, не помышляя ни о чемъ прочномъ, постоянномъ, не имѣя своего, но все общее, родовое" [1]).

Безплодность этого бродячаго положенія князей особенно ярко обрисовывается во II т. Исторіи Россіи, въ послѣдней, VI гл., въ изложеніи событій, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являются знаменитые князья — Мстиславъ Храбрый и особенно Мстиславъ Удалой, богатырская дѣятельность которыхъ оказывалась, по Соловьеву, совершенно безпочвенною и не создала будто бы ничего прочнаго.

Даже города, пріобрѣвшіе при этой всеобщей подвижности князей и дружинниковъ, устойчивое положеніе и притянувшіе къ себѣ населеніе области, и тѣ не съумѣли выработать самоуправленія, выработать опредѣленій, такъ какъ князей было много, и при добромъ, не сильномъ князѣ обезпеченій не нужно, а сильный князь на нихъ не посмотритъ [2]). Наконецъ, даже духовная власть, при всемъ томъ, что была едина и постоянна, не могла, по Соловьеву, пріобрѣсть большого значенія, потому что въ лицѣ митрополита была иноземною властію [3]). Движеніе, очевидно, теряло культурную силу. Силу эту долженъ былъ пріобрѣсть противоположный процессъ — осѣданіе, устойчивость, т. е. то, что прежде осуждалось, какъ косность, неподвижность. Культурность дальнѣйшей исторіи, по Соловьеву, и выражается въ осѣданіи, а движеніе, перешедшее въ народъ, оказывается уже съ этого времени противокультурнымъ направленіемъ.

Югозападъ Россіи съ Кіевомъ въ центрѣ его, постепенно терялъ свое значеніе отъ непомѣрной подвижности князей, дружинниковъ, отъ нападеній степняковъ. Русскій народъ, приведенный князьями въ движеніе, направляется въ суздальскую область. Вождь этого направленія или выразитель его — Андрей Боголюбскій, самъ покидаетъ югозападъ Россіи, утверждается на сѣверовостокѣ, въ суздальской области, и какъ онъ, такъ и лучшіе его

[1]) Т. XIII, стр. 19. [2]) Т. XIII, стр. 17 — 18. [3]) Стр. 18.

преемники, напримѣръ Всеволодъ, устанавливаютъ здѣсь совершенно новый порядокъ — разрушаютъ родовыя начала (гонятъ вонъ своихъ братьевъ, родственниковъ, даже иногда дѣтей), становятся въ положеніе самовластцевъ по отношенію къ другимъ князьямъ, ставятъ въ болѣе зависимое положеніе дружинниковъ (гонятъ вонъ дружинниковъ), подрываютъ значеніе старыхъ вѣчевыхъ городовъ и выдвигаютъ на мѣсто ихъ новые, не сильные вѣчевымъ складомъ. Но, что̀ всего важнѣе, здѣсь выработалось совсѣмъ иное положеніе массы народа и иныя отношенія ея къ князю.

Финская, до половины XII в., суздальская область является съ этого времени славянорусскою. „Для этого ославяненія сѣверовосточной Руси, необходимъ былъ, говоритъ Соловьевъ, сильный приливъ славянскаго народонаселенія въ города и села. Но этотъ приливъ совершался не цѣлыми особыми племенами, а въ разбродъ; стекались поодиночкѣ или небольшими толпами изъ разныхъ мѣстностей, сталкивались съ чужими, съ иноплеменниками, безъ возможности, слѣдовательно, сейчасъ же составить крѣпкій союзъ, приходили съ сознаніемъ своей слабости, зависимости. Въ западныхъ областяхъ славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ, славяне-поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ города, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ... Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, именно Андрей Боголюбскій. Андрей понимаетъ очень хорошо значеніе слова: мое, собственность и не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ только общее, родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда... Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости, становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей и отсюда начинается новый порядокъ вещей“ [1]).

[1]) Томъ XIII, стр. 20 — 21.

Существенная особенность этого новаго порядка вещей въ томъ состоитъ, по Соловьеву, что „государство здѣсь сложившееся получаетъ преимущественно характеръ государства земледѣльческаго“ [1]). Города падаютъ, выступаетъ съ своимъ преимущественнымъ значеніемъ село, т. е. земля. Съ этимъ естественно соединяется забота о пріобрѣтеніи земли, о „примыслахъ, прибыткахъ“ [2]). Собираніе во-едино областей, сосредоточеніе Россіи являются неизбѣжными послѣдствіями этого новаго порядка вещей.

Татарское нашествіе, а затѣмъ иго еще больше помогаютъ такому направленію, потому что и усиливаютъ народную безпомощность, и возвышаютъ цѣну прибытковъ, посредствомъ которыхъ можно было всего достигнуть [3]). Благодаря этому, возвышается Москва и въ ней сильно развивается централизація, какъ средство создать прочное государственное единство, чтобы потомъ уже развивать самоуправленіе. „Вмѣсто прежняго движенія изъ одной волости въ другую, какое мы видѣли, говоритъ Соловьевъ, въ древней, юго-западной Россіи, въ Россіи новой, сѣверо-восточной видимъ осѣдлость князей въ одной волости; князь сростается съ волостію, интересы ихъ отождествляются, усобицы принимаютъ другой характеръ, имѣютъ другую цѣль, именно, усиленіе одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ. При такой цѣли родовыя отношенія необходимо рушатся, ибо тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ, не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія. Одно княжество наконецъ осиливаетъ всѣ другія, и образуется государство московское“ [4]). „Эта эпоха сосредоточенія, говоритъ Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ, необходима для утвержденія сознанія о государственномъ единствѣ, о единствѣ государственнаго интереса; здѣсь части, области, лица должны отказаться отъ своей особной, своеобразной жизни и подчиниться условіямъ жизни общей, и когда потомъ, при утвержденіи сознанія о государственномъ единствѣ, части получаютъ большую или меньшую самостоятельность, самоуправленіе, то эта самостоятельность является уже вслѣдствіе государственныхъ требованій, является съ непосредственнымъ отношеніемъ къ сосредоточивающей власти“ [5]). Отсюда у Соловьева выходитъ полное оправданіе и паденія удѣльныхъ князей и особенно Новгорода, причемъ Соловьевъ сходится въ воззрѣніяхъ

[1]) Томъ XII, стр. 24. [2]) Т. VII, стр. 441. [3]) Томъ I предисл., стр. IX—X. [4]) Томъ XIII, стр. 28. [5]) Томъ VII, стр. 440 и 441.

на причины этого паденія съ славянофилами и наконецъ у него выходитъ не только оправданіе, но и законность дѣйствій Іоанна IV.

Но осѣданіе, сосредоточеніе, централизація не обходятся безъ борьбы. Подвижной югъ упорно борется съ этимъ направленіемъ и послѣ татарскаго разгрома надолго и съ великимъ вредомъ для общерусской жизни совсѣмъ отрывается отъ восточной Россіи. Но такъ какъ подвижность была общерусскою особенностію и усиливалась кочевниками, то она борется съ сѣверо-востокомъ и въ другихъ формахъ. Развивается тамъ борьба осѣдлой земли и поля, степи, борьба русскаго человѣка съ новыми кочевниками-татарами. Наконецъ, борьба эта развивается въ самой сѣверо-восточной Россіи; въ ней происходитъ раздѣленіе осѣдлыхъ и подвижныхъ элементовъ, раздѣленіе на земцевъ и козаковъ, борьба между которыми достигаетъ высшей степени въ самозванческія времена и прорывается потомъ въ смутахъ—Разина, Пугачева.

Изъ этого уже можно видѣть, какимъ великимъ зломъ сталъ процессъ движенія, доведенный до крайности козачества, вступившаго въ борьбу съ нашею государственностію, съ нашимъ земствомъ, т. е. вообще съ нашею осѣдлостію. И что всего хуже, элементъ подвижной—козачество идеализируется народомъ; козачество сливается въ народной поэзіи съ богатырствомъ,—старѣйшій богатырь Илья Муромецъ называется старымъ козакомъ [1]). На стр. 173—177 XIII т. у Соловьева находится художественное изображеніе богатыря-козака, которому грузно отъ силы и котораго стихійность находитъ себѣ просторъ только въ полѣ, степи. Онъ разнузданъ отъ всѣхъ узъ нравственныхъ,—не уважаетъ низшихъ, бѣдныхъ людей, не цѣнитъ женщины, едва уважаетъ мать и то лишь за ея хитрость, не уважаетъ даже церквей божіихъ, и лишь тогда, когда наступаетъ старость, когда упадутъ физическія силы его, онъ смиряется передъ вѣрою или уничижается передъ другою физическою силою. Для воспроизведенія этого типа взяты всѣ позднѣйшіе варіанты, созданные озлившимися русскими людьми и превратившими высокій древній образъ богатыря Ильи Муромца въ образъ разбойника.

Очевидно, это опять изнанка того историческаго движенія, которое повело къ осѣданію русскаго человѣка, но которое

---

[1]) Т. XIII, стр. 48.

также дурно оттѣняетъ и самое осѣданіе, если это осѣданіе давало возможность создавать такіе ужасающіе идеалы. Соловьевъ и объясняетъ въ томъ-же XIII т. дурныя стороны русскаго осѣданія, начатаго въ суздальской области и продолженнаго въ московскомъ княжествѣ и затѣмъ царствѣ. Прежде всего невыгода была та, что русскій народъ, и безъ того принявшій некультурное сѣверовосточное направленіе въ противоположность культурному германскому движенію на югозападъ, съ осѣданіемъ въ суздальской области, принялъ еще болѣе сѣверовосточное направленіе, перешелъ изъ лучшаго климата и лучшей почвы югозапада Россіи въ суровыя и малоплодныя страны сѣверовостока Россіи, гдѣ самое теченіе Волги влекло его далѣе и далѣе на востокъ. „Исторія, говоритъ Соловьевъ, выступила изъ страны выгодной по своему природному положенію, изъ страны, которая представляла путь изъ сѣверной Европы въ южную, которая по этому находилась въ постоянномъ общеніи съ европейско-христіанскими народами, посредничала между ними въ торговомъ отношеніи. Но какъ скоро историческая жизнь отливаетъ на востокъ въ области верхней Волги, то связь съ Европой, съ западомъ необходимо ослабѣваетъ и порывается не вслѣдствіе мнимаго вліянія татарскаго ига, а вслѣдствіе могущественныхъ природныхъ вліяній; куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области? туда, слѣдовательно, на востокъ обращено все“ [1]). Западная Россія, еще болѣе оторвалась отъ восточной, перестала передавать ей результаты своего общенія съ европейскими народами, зачахла сама въ разобщеніи съ восточною Россіей и сдѣлалась добычею Литвы и Польши. „Кровный союзъ, говоритъ Соловьевъ, былъ нарушенъ, родные братья раздѣлились, разошлись; сколько отъ этого раздѣленія потеряно было матеріальныхъ силъ, объ этомъ говорить нечего... но сколько отъ этого раздѣла, отъ этой долгой жизни особнякомъ потеряно было нравственнаго, духовнаго богатства! Русскій человѣкъ явился въ сѣверовосточныхъ пустыняхъ безсемеенъ во всемъ печальномъ значеніи, какое это слово имѣло у насъ въ старину. Одинокій, заброшенный въ міръ варваровъ, послѣдній, крайній изъ европейско-христіанской семьи, забытый своими и забывшій о своихъ

---

[1]) Томъ XIII, стр. 24 — 5.

по отдаленности, разрознившійся отъ родныхъ братьевъ — вотъ положеніе русскаго человѣка на сѣверовостокѣ; и цѣлые вѣка предназначено было ему двигаться все далѣе и далѣе въ пустыни востока, жить въ отчужденіи отъ западныхъ собратій. Но если для развитія силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа необходимо общество другихъ людей, другихъ народовъ, если только при этомъ условіи возможно движеніе мысли, расширеніе сферы дѣятельности, то понятно, какія слѣдствія для русскаго народа должно было имѣть отсутствіе этого условія" [1]). Слѣдовательно, дальнѣйшее историческое движеніе у С. М. Соловьева должно было показывать отсталость, не культурность осѣвшаго на сѣверовостокѣ русскаго народа, и культурность всякаго его движенія на западъ къ усвоенію западноевропейской цивилизаціи [2]).

Какъ движеніе (въ князьяхъ и козакахъ) вторично оказывалось несостоятельнымъ, такъ и осѣданіе (въ древней жизни восточныхъ славянъ и потомъ въ суздальщинѣ) должно было оказаться несостоятельнымъ; и въ томъ и другомъ случаѣ главная причина, кромѣ природы, земли, одна и таже, — она лежитъ въ массѣ русскаго народа, въ его родовыхъ началахъ.

Картина этой несостоятельности началъ русской жизни въ въ среднія ея вѣка, картина совершенно противоположная и, можно даже сказать, нарочно противоположная теоріи славянофиловъ, достойна особеннаго вниманія по ея достоинству, какъ талантливый трудъ, и по ея крайней несостоятельности въ смыслѣ научномъ. Она нарисована главнымъ образомъ въ томъ же XIII т., — въ двухъ видахъ, — сначала какъ бы въ видѣ эскиза, съ 24 по 51 страницу, и затѣмъ съ тщательной, детальной отдѣлкой дальше, при описаніи внутренней русской жизни по пре-

---

[1]) Томъ XIII, стр. 24—26. [2]) Въ сочиненіи С. М. Соловьева—Исторія паденія Польши, изданномъ въ томъ-же 1863 г., въ которомъ изданъ XIII т., заключающій въ себѣ самую безотрадную картину отсталости русскаго народа, удалившагося на сѣверо-востокъ Россіи, указана свѣтлая сторона этого удаленія и сторона весьма важная. „Уходъ русскаго народа на дальній сѣверо-востокъ важенъ въ томъ отношеніи, говоритъ здѣсь Соловьевъ, что, благодаря ему, русское государство могло окрѣпнуть вдали отъ западныхъ вліяній: мы видимъ, что славянскіе народы, которые преждевременно, не окрѣпнувъ, вошли въ столкновеніе съ западомъ, сильнымъ своею цивилизаціею, своимъ римскимъ наслѣдствомъ, поникли передъ нимъ, утратили свою самостоятельность, а нѣкоторые даже и народность". (Ист. Пад. Польши, стр. 3).

имуществу XVII вѣка, особенно времени Алексѣя Михайловича. Дополненіе ея—въ XIV т. и еще болѣе въ XVIII. Мы будемъ соединять необходимыя намъ черты изъ всѣхъ видовъ этого замѣчательнаго произведенія нашего историка.

На главномъ мѣстѣ этой картины мы видимъ московскаго князя, потомъ царя. Онъ возвышается надъ всѣми не только внѣшнимъ своимъ положеніемъ, но и высотою, культурностію своихъ идей, замысловъ. Онъ прочно осѣлъ на землѣ, онъ господинъ всѣмъ въ смыслѣ земельномъ, государственномъ. Всѣ—его слуги. Ближайшіе изъ этихъ слугъ не поняли новаго направленія. Князь твердо сѣлъ на землѣ, а они по старинѣ все въ движеніи, стоятъ за свое старинное право отъѣзда, на цѣлый періодъ отстали отъ князей. Къ престолу московскихъ князей постоянный приливъ новыхъ дружинниковъ,—областныхъ князей, терявшихъ самостоятельность, выходцевъ изъ западной Россіи, привлекаемыхъ выгодами службы. Старые бояре оттираются новыми и не могутъ противостать, потому что не имѣютъ устойчиваго земельнаго положенія. Новый княжескій слой дружины мечтаетъ о прежнемъ своемъ значеніи, объявляетъ притязанія на него, но и онъ не можетъ имѣть успѣха по той-же причинѣ. Наконецъ, расправа Іоанна IV и смутное время сметаютъ старинное, родовитое боярство и открываютъ входъ новымъ людямъ, даже очень незнатнымъ, какъ Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ.

Уже само правительство помогаетъ осѣданію дружинниковъ. Іоаннъ III стѣсняетъ и прекращаетъ право отъѣзда и онъ же широко развертываетъ помѣстное право, т. е. назначеніе, распредѣленіе служилымъ населенныхъ государственныхъ земель для выполненія обязанностей государственной службы. Соловьевъ нигдѣ не раскрываетъ дѣйствительнаго смысла этой мѣры, направленной къ тому, чтобы оторвать младшихъ дружинниковъ отъ старшихъ, бывшихъ большею частью вотчинниками, съ чѣмъ тѣсно связанъ вопросъ о холопствѣ, въ которое часто шли эти самые младшіе дружинники, не желавшіе покидать своихъ старшихъ боевыхъ товарищей.

Но Соловьевъ раскрываетъ другую печальную сторону этой части картины. Онъ показываетъ, что помѣстья ослабили воинственность дружинниковъ, развили въ нихъ лѣность, уклоненіе отъ службы, сдѣлали ихъ тяжелыми для поселянъ,—поставили

вооруженное сословіе противъ невооруженнаго. Послѣднее естественно пришло въ движеніе, стало уходить, гдѣ было лучше, такъ что выходитъ: и осаженные служилые бѣжали отъ службы и осѣвшій народъ ударился въ бѣгство, и естественно должна была начаться погоня за тѣми и другими, — погоня за убѣгавшимъ отъ государственности русскимъ человѣкомъ.

Подобное же движеніе и подобная гоньба за уходившими развивались и въ городской жизни сѣверовосточной Руси. Города въ этой Руси, какъ извѣстно, понизились въ своемъ значеніи, которое переходило къ селамъ. Пониженіе шло дальше въ параллели съ селами. Рядомъ съ помѣстною системой развивалось кормленіе чиновъ, назначаемыхъ въ города. Кромѣ того, увеличивавшіяся нужды выроставшаго государства налагали на города бо̀льшія и бо̀льшія денежныя тягости. Изъ городовъ, какъ и изъ селъ, стали бѣжать. Но кромѣ бѣгства, въ городахъ въ параллель съ холопствомъ стало развиваться такъ называемое закладничество, т. е. проживаніе и торговля не въ качествѣ членовъ города, а въ качествѣ лицъ, ставшихъ подъ покровительство сильныхъ людей. Цѣлые слободы такихъ горожанъ выростали у городовъ и вели свои дѣла безпошлинно, безданно. И правительство и сами города взялись за прекращеніе того и другого зла. Горожане задержаны въ движеніи и объединены по тягостямъ [1]). Но сила городовъ этимъ путемъ не поднялась.

Соловьевъ напротивъ изображаетъ намъ и съ другой стороны паденіе этой силы. Старинные города имѣли свою военную силу, самостоятельную, вліятельную. Даже въ Москвѣ, еще во времена Донского былъ тысяцкій — вождь городскихъ полковъ. Но тысяцкіе пали. Полки городовые стали подъ начальство государственныхъ вождей. Мало того, въ позднѣйшія времена (при Алексѣѣ Михайловичѣ и особенно при Θеодорѣ Алексѣевичѣ) стало падать въ городахъ выборное начало въ важнѣйшихъ его проявленіяхъ, — въ судѣ, и усиливалась власть воеводъ. Соловьевъ видитъ внутреннее разложеніе городовъ, вызвавшее эти явленія, — старую борьбу большихъ и меньшихъ людей. Паденіе Новгорода и Пскова, неудачи бунтовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ показываютъ разрывъ интересовъ массы го-

---

[1]) Т. XIII, стр. 42.

родского населенія и значительныхъ торговыхъ людей [1]). Это вызвало усиленіе въ городахъ представителей государственной власти,—служилыхъ людей. Такимъ образомъ, и здѣсь интересы жителей-горожанъ въ столкновеніи съ интересами вооруженной части народонаселенія [2]).

Результатомъ такого положенія дѣлъ въ селахъ и городахъ и было, по мнѣнію Соловьева, закрѣпощеніе и села и города. „Состояніе города, говоритъ Соловьевъ, служитъ намъ повѣркой состоянія селъ и наоборотъ: если городъ бѣденъ—знакъ, что село находится въ очень неудовлетворительномъ положеніи; если земледѣльческое народонаселеніе прикрѣпляется къ землѣ — знакъ, что городъ бѣденъ. Прикрѣпленіе крестьянъ было результатомъ древней русской исторіи: въ немъ самымъ осязательнымъ, самымъ страшнымъ образомъ высказалось банкротство бѣдной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностямъ своего государственнаго положенія. Такое банкротство въ историческомъ, живомъ, молодомъ народѣ необходимо условливало поворотъ народной жизни, искаліе выхода изъ отчаяннаго положенія, стремленіе избавиться отъ гибельной односторонности, въ страну селъ внести городъ и этимъ улучшить экономическое состояніе страны. Этотъ поворотъ и знаменуется преобразовательною дѣятельностію, съ этого поворота и начинается новая русская исторія. При несостоятельности собственныхъ средствъ нужно было сдѣлать заемъ и заемъ былъ сдѣланъ. Какъ ни великъ, какъ ни тяжелъ былъ онъ для народа, но необходимость и благодѣтельность (?) его очевидны. Если прикрѣпленіе крестьянъ было естественнымъ результатомъ древней русской исторіи, то освобожденіе ихъ было результатомъ полуторавѣкового хода нашей исторіи по новому пути. Споръ между древнею и новою Россіей конченъ, повѣрка на лицо“ [3]).

Въ дѣйствительности освобожденіе крестьянъ съ землею есть возвращеніе къ началамъ древней русской исторической жизни и есть неоспоримое отрицаніе культурныхъ западноевропейскихъ началъ, усвоенныхъ нами, а что касается закрѣпощенія крестьянъ, то оно находится въ несравненно большей связи съ этими западноевропейскими началами, чѣмъ съ русскими потребностями. Закрѣ-

---

[1]) Т. XIII, стр. 45. [2]) Т. XIII, стр. 130. [3]) XIII, стр. 131.

пощеніе подготовлено величайшимъ тираномъ русской земли—Іоанномъ IV, который, выходя изъ того основного положенія, что онъ не русскій человѣкъ и что все русское враждебно ему, кидался то къ азіатскимъ идеаламъ и учреждалъ на Руси янычаръ—опричниковъ, то къ идеаламъ западноевропейскимъ, дружилъ съ иноземцами во вредъ Россіи и даже призвалъ иноземца для изобрѣтенія самыхъ чудовищныхъ мукъ. Введено крѣпостное право похитителемъ русскаго престола, Годуновымъ, тоже дружившимъ съ иноземцами, даже ввѣрившимъ имъ охрану себя, и введено не для государственныхъ цѣлей, а для недальновиднаго подрыва русскаго боярства. Наконецъ, въ старой Руси крѣпостное право усиливалось во времена усиленія западноевропейскихъ, аристократическихъ польскихъ воззрѣній, особенно во время малороссійской войны. Въ новыя времена тѣ же западноевропейскія начала жизни постепенно усиливали закрѣпощеніе и довели до такой крайности, съ которою нельзя уже было жить сколько нибудь здоровою жизнію.

Соловьевъ невѣрно изложилъ исторію закрѣпощенія и не далъ ни одного намека на иноземное происхожденіе его; но исторію развитія крѣпостного права онъ изложилъ вѣрно и далъ такую массу фактовъ, показывающихъ чудовищныя усилія превратить человѣка въ рабочаго скота и представилъ ихъ въ такой тѣсной связи съ развитіемъ у насъ западноевропейской цивилизаціи, что всякій, непредубѣжденный читатель видитъ ясно эту связь,—связь рабскаго ига русскаго народа съ западноевропейскимъ просвѣщеніемъ нашей интеллигенціи.

Съ несостоятельностію гражданскихъ сословныхъ учрежденій, Соловьевъ соединяетъ несостоятельность людей духовнаго званія. Онъ признаетъ важное просвѣтительное значеніе духовенства, но и оно, по его изображенію, падало въ историческомъ своемъ развитіи, какъ сословіе. Онъ обращаетъ вниманіе на зародившуюся и потомъ сильно развившуюся борьбу между высшею духовною властію и боярствомъ [1]), особенно во времена Никона, чт̀о не могло нѐ подрывать авторитета этой власти; но главный подрывъ этому авторитету и уже не одного митрополита или патріарха, а всего духовенства послѣдовалъ въ то время, когда появился

[1]) Томъ XIII, стр. 35.

расколъ. Въ это время пошатнулся въ духовенствѣ авторитетъ учительства, принадлежавшій ему такъ безспорно и такъ долго[1]). Ниже мы увидимъ, какія важныя слѣдствія отсюда выводитъ Соловьевъ.

Наконецъ, вообще больше и больше обозначалась нравственная несостоятельность русскаго человѣка отъ отсутствія воспитанія, образованія. Соловьевъ съ особенною силою ударяетъ на ту характеристическую особенность русской жизни, что русскій человѣкъ слишкомъ долго оставался ребенкомъ и затѣмъ вдругъ, безъ образованія и подготовительнаго опыта, вступалъ въ жизнь со всѣмъ богатствомъ стихійныхъ, неподчиненныхъ разуму силъ. „Главное зло для подобнаго общества (время Алексѣя Михайловича), говоритъ Соловьевъ, заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое теперь у насъ наполняется ученіемъ или тѣмъ, что превосходно выражаетъ слово: образованіе. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ являлся передъ общество преимущественно своимъ физическимъ существомъ“ [2])... „Съ одной стороны древній русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недоноскомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой нравственной опеки общества онъ очень долго находился подъ узкою опекой рода, старыхъ родителей, старшихъ родственниковъ... Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что̀ впрочемъ нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и самодурства“ [3])... Крайнюю степень этого своеволія, своеволія возведеннаго въ вышеуказанный народный идеалъ — богатыря-козака, Соловьевъ хорошо опредѣляетъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „Страшенъ бывалъ сильный человѣкъ, вырвавшійся прямо изъ глупаго, (по народной пѣснѣ) ма-

[1]) Томъ XIII, стр. 36. [2]) Тамъ же, стр. 161. [3]) Тамъ-же, стр. 162—3.

лаго ребячества на полную волю, въ чистое поле и начавшій разминать свое плечо богатырское“ [1]).

Странно было бы отвергать дѣйствительность такихъ явленій въ старой русской жизни; но тоже было бы странно отвергать односторонность сужденій Соловьева о нравственномъ состояніи Россіи на основаніи такихъ явленій. Нельзя понять, почему контроль семьи, рода не имѣлъ ничего хорошаго и почему слѣдуетъ думать, что онъ не приближался къ чисто общественному, когда роды стояли и дѣйствовали рядомъ въ разнаго рода дѣятельности. Для служилаго класса одна уже пріемная государя, гдѣ члены его каждый день толпились, была и великою школой и общественнымъ контролемъ. А что касается массы русскаго народа, то односторонность взгляда Соловьева еще яснѣе. Самъ-же онъ показываетъ и всѣ лучшіе ученые съ нимъ соглашаются, какая великая общественная сила сказалась на Руси въ смутныя времена. У него же раскрыто, что всякія дани, подати производились черезъ раскладку и круговой запорукой. У него же раскрывается, что судныя дѣла требовали обыска, т. е. общественнаго отзыва объ обвиняемомъ. Сильнымъ развитіемъ общественности и теперь русскій простой человѣкъ стоитъ выше русскаго интеллигентнаго человѣка. Разгадку этого явленія можно найти у славянофиловъ, напримѣръ, въ сочиненіи Бѣляева — Крестьяне на Руси — и вообще въ славянофильскихъ сужденіяхъ о всеобщности и силѣ русской общины, русской мірской сходки. Русскій народъ, двигавшійся волею и неволею съ юго-запада на сѣверовостокъ и въ этой послѣдней странѣ съ одного мѣста на другое, сохранялъ твердо свое общинное единство и даже тѣмъ тверже, чѣмъ хуже была его земля и чѣмъ ненадежнѣе и бѣдственнѣе ему жилось на ней. Самыя сильныя общины мы постоянно видимъ именно въ сѣверо-восточной Россіи. Великая, объединительная сила русской общины сказывается даже въ русской пѣснѣ. Лучшія части русской пѣсни — всегда хоровыя, а соло — выраженіе личности — только, какъ рѣдкое явленіе.

Главнѣйшая ошибка Соловьева состоитъ въ томъ, что въ рус-

---

[1]) Томъ XIII, стр. 174. Самое слово — подвигъ Соловьевъ выводитъ изъ слова двигаться — движеніе, и ставитъ его въ связь съ подвижностію богатырей-козаковъ, что̀ совершенно невѣрно. Подвигъ — дѣло трудное, требующее большого напряженія, чтобы его сдѣлать, чтобы его двинуть, подвинуть.

скомъ обществѣ, въ русскомъ народѣ онъ слѣдитъ односторонне за разбросанностію, а въ государственной средѣ, наоборотъ — только за объединительной дѣятельностію. И тѣмъ страннѣе вся эта односторонность, что Соловьевъ былъ довольно близокъ къ уразумѣнію дѣйствительныхъ причинъ печальной старо-русской несостоятельности, насколько она дѣйствительно была, и имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточную для этого сумму фактовъ. Онъ видѣлъ ясно, что быстрая колонизація суздальской области мѣшала народу скоро сплотиться, и дала особенную силу суздальскимъ князьямъ. Подобное, но въ гораздо большей силѣ, явленіе должно было бы объяснить силу и дальнѣйшее усиленіе власти московскихъ князей. Татарское нашествіе и первыя времена татарскаго ига привели въ такой разбродъ русское населеніе и такъ понизили его требованія, что сплоченность могла вырабатываться еще труднѣе, и власть московскихъ князей, у которыхъ народу спокойнѣе всего было жить, могла развиваться на всемъ просторѣ. Татарское иго, очевидно, имѣло не малое значеніе, какъ думалъ Соловьевъ; но значеніе его сказывалось еще и въ томъ, что оно пріучало князей раздвигать просторъ для своей власти безгранично. Эта крайность и сказалась во всей силѣ, когда татарское иго вошло внутрь русской жизни, переродилось въ наше собственное и когда выразителемъ этого направленія явился Іоанъ IV, возненавидѣвшій всякую самобытность и истреблявшій ее не только въ отдѣльныхъ лицахъ, въ сословіи бояръ, но въ цѣлыхъ массахъ народонаселенія, какъ въ тверской области, новгородской. Объединеніе, централизація, утвержденныя такими способами, не могли уже быть зародышемъ будущей самобытности и могли порождать лишь дурныя явленія. Подъ вліяніемъ такой централизаціи русскій народъ не терялъ своей общинности, сплоченности, а уходилъ съ ними глубже въ свой тѣсный кругъ жизни и отстранялся отъ соприкосновенія ихъ съ такою централизованною государственностію. Въ этомъ то ненормальномъ отношеніи земства и государственности, кажется, и скрывается основаніе крайняго мнѣнія нѣкоторыхъ славянофиловъ о совершенной отдѣльности земства и государственности.

Соловьевъ, при своемъ западническомъ взглядѣ на государство и общество, близокъ былъ къ пониманію этой ненормальности, но устранился отъ этого совсѣмъ въ другую сторону. Онъ,

какъ прежде, такъ и теперь, видитъ причину зла въ массѣ русскаго народа. Онъ съ явнымъ торжествомъ указываетъ на такія явленія, что общины сами отказывались отъ широкаго самоуправленія, какое имъ давалъ Іоаннъ, что даже игумены обращались къ Алексѣю Михайловичу съ просьбой усмирить у нихъ буйныхъ монаховъ. Народъ, вынесшій татарское иго, Іоанна IV и смутное время, безспорно, великій, историческій народъ; но въ своей жизни послѣ этихъ болѣзней онъ не могъ не представлять многихъ ненормальностей. Научность требуетъ распредѣлить эти ненормальности на всѣхъ и на все, а не искать ихъ причинъ въ одной какой либо сферѣ, — народной ли то, или государственной.

Соловьевъ остается вѣренъ своей односторонности и въ изображеніи того культурнаго движенія, которое составляло выходъ изъ старорусскаго застоя и должно было, по его взгляду, выражаться непремѣнно въ подражаніи западной Европѣ. Нѣтъ спора, что поворотное движеніе Россіи отъ востока къ западу ясно обозначилось при Іоаннѣ III, и нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, когда онъ сильными причинами этого поворота выставляетъ ослабленіе татарскаго ига и талантливость самого Іоанна, съумѣвшаго сдѣлаться виднымъ и обратить на себя вниманіе западной Европы. Но дѣйствительную культурность этого движенія нужно и находить раньше, и связывать ее съ иными фактами.

Русская государственность давно подготовлялась къ этому повороту и подготовлялась своими людьми, а не гречанкой лишь Софіей и заѣзжими венеціанцами. И Іоанну Калитѣ, и Симеону Гордому русскіе люди оторванной западной Россіи напоминали о старыхъ мѣстахъ русской жизни и русской государственности, переходя къ нимъ на службу цѣлыми дружинами. Напомнили они и Димитрію Донскому, выславъ ему на куликовское поле и боевыя дружины, и славныхъ вождей, какъ братья Ольгердовичи — Димитрій и Андрей, или знаменитый боевой товарищъ князя Владиміра Андреевича, воевода Бобровъ Волынецъ. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что величайшій ратоборецъ за единство всей Руси, митрополитъ Алексій, помнилъ свое черниговское происхожденіе. При Іоаннѣ III мы видимъ движеніе къ Москвѣ уже цѣлыхъ родовъ княжескихъ изъ области сѣверской, а за ними пошелъ при Василіи Іоанновичѣ даже такой видный въ литовской государственной средѣ и такой отдаленный отъ Москвы по

своему положенію и образованію человѣкъ, какъ Михаилъ Глинскій. При такомъ порядкѣ вещей нельзя было не вспомнить, что Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ — отчины московскаго князя, и что раньше или позже они и должны ими быть по прежнему. Вотъ, куда направилось движеніе Россіи на западъ, независимо отъ всякихъ стороннихъ вліяній, и при этомъ движеніи, очевидно, меньше всего можетъ быть рѣчь о западной Европѣ въ собственномъ ея смыслѣ. Карамзинъ не понялъ значенія этого поворотнаго движенія Россіи и перескочилъ черезъ западную Русь въ западную Европу. Соловьевъ и при фактическомъ изложеніи борьбы Москвы съ Литвой, и даже не разъ при изложеніи общихъ взглядовъ, показываетъ ясное разумѣніе важности этого дѣла; но вопросъ о культурѣ, которую онъ видитъ только на западѣ, заставилъ и его сдѣлать подобный же скачекъ. Венеціанцы, строившіе у насъ зданія, но также и научившіе насъ приготовлять водку, имѣютъ у него гораздо больше культурное значеніе, чѣмъ множество русскихъ людей, устроявшихъ это первое и самобытное культурное движеніе восточной Россіи къ старымъ мѣстамъ русской государственности и жизни въ западной Россіи. Еще большую ошибку сдѣлалъ Соловьевъ въ оцѣнкѣ культурнаго движенія Россіи на западъ при Іоаннѣ IV и въ позднѣйшія времена.

Положеніе Москвы тѣмъ и важно, что кромѣ вліянія на востокъ, она способна всегда производить вліяніе по направленію къ двумъ другимъ морямъ, кромѣ каспійскаго,—къ балтійскому по волжскимъ системамъ водъ и къ черному черезъ Донъ и Днѣпръ. Завоеванія Казани и Астрахани сейчасъ же повели къ военнымъ предпріятіямъ въ прикавказскихъ странахъ, въ Крыму, причемъ сейчасъ же откликнулись днѣпровскіе козаки и потянули къ Москвѣ съ Вишневецкимъ во главѣ. Потомки сѣверскихъ князей, конечно, стояли за эти предпріятія. Самое присоединеніе къ Россіи ихъ старыхъ отчинъ сѣверской земли приближало Россію къ Крыму съ югозападной стороны и связывало съ днѣпровскими козаками, точно также, какъ распространеніе на югъ рязанскихъ поселеній связывало ихъ съ донскими козаками. Это — двѣ исторически подготовлявшіяся дороги въ Крымъ. Вообще это движеніе было такъ важно, что за него стояли вожди тогдашнихъ государственныхъ людей — Сильвестръ и Адашевъ. Но это предпріятіе было трудное и обѣщало болѣе выгодъ въ будущемъ, чѣмъ

въ настоящемъ. Оно могло вызываться талантливымъ разумѣніемъ будущаго и способностію на самоотверженное служеніе этому будущему. Между тѣмъ, рядомъ съ этимъ давно уже обозначилось другое предпріятіе на сѣверозападѣ Россіи.

Со времени паденія Новгорода, Пскова, въ Москвѣ неизбѣжно усилилась тяга къ интересамъ этихъ областей, къ ихъ отношеніямъ къ иноземцамъ, засѣвшимъ у этихъ областей — ливонскимъ нѣмцамъ и шведамъ и къ заморскимъ иноземцамъ, имѣвшимъ сношенія и съ этими иноземцами, и съ этими областями. Подъ давленіемъ тѣхъ и другихъ иноземцевъ, новгородцы сильно колонизировали сѣверъ Россіи, добрались до сѣвернаго океана и уже во второй половинѣ XV вѣка, раньше паденія Новгорода, заложена была у выхода изъ бѣлаго моря въ сѣверный океанъ обычная русская твердыня колонизируемыхъ мѣстъ,—монастырь Соловецкій, и весь торговый путь отъ этого моря внутрь Россіи—къ Новгороду и особенно къ Москвѣ сталъ важнымъ торговымъ путемъ, настолько важнымъ, что о немъ узнали англичане и корабли ихъ появились у Архангельска и положили начало торговымъ ихъ сношеніямъ съ Россіей.

Практическія выгоды ближайшаго времени,—торговыя и правительственныя, давали особенно важное значеніе предпріятію—двинуть русскія силы по сѣверозападному направленію, возстановить и усилить старое значеніе Новгорода и Пскова, и тѣмъ удобнѣе это казалось, что ливонскій орденъ разлагался и добираться до него было легко, по населеннымъ мѣстамъ, а не по степямъ или далекими, днѣпровскимъ или донскимъ обходами, какъ походъ на Крымъ. Новгородцы, псковичи, которыхъ такъ много переселено было внутрь Россіи и особенно въ Москву, не могли не сочувствовать этому предпріятію — воевать ливонскій орденъ, воевать шведовъ, и естественно производили раздѣленіе въ партіи Сильвестра и Адашева. Такимъ образомъ, оба предпріятія—воевать Крымъ и воевать Ливонію, имѣли въ Москвѣ твердыя опоры, и это лучше всего выразилось въ колебаніи московскаго правительства того времени, начавшаго разомъ оба эти предпріятія.

Но съ этими предпріятіями стояло, какъ тѣсно съ ними связанное, еще третье, имѣвшее, какъ мы уже показывали, столь же твердые корни въ исторіи Россіи. Литва оканчивала свое особое

существованіе и должна была или слиться съ Польшей, или возвратиться къ восточной Россіи. Дѣла Іоанна III и сына его Василія сильно подготовили послѣднее дѣло; латинскія и протестантскія волненія Польши подкрѣпили его. Литва, т. е. Русь западная, сама давалась Москвѣ по сознанію самихъ поляковъ[1]). Но къ великому злосчастію Россіи, Іоаннъ IV изъ могущественнѣйшаго государя, окруженнаго лучшими совѣтниками русской земли, великолѣпно организованными Сильвестромъ и Адашевымъ и подкрѣпляемыми земскими соборами, сталъ дѣлаться зазнавшимся, чудовищнымъ, полуумнымъ тираномъ, и всѣ эти предпріятія, требовавшія великаго, народнаго напряженія силъ Россіи, рушились. Крымъ сталъ по старому силенъ и разорялъ даже Москву; Новгородъ и Псковъ обезсилены больше прежняго; Литва кинулась въ объятія Польши. Мало того. Вся Россія была изнурена, обезславлена и приготовлена къ ужасающей самозванческой смутѣ.

Соловьевъ въ исторіи этихъ событій, какъ и въ другихъ случаяхъ, даетъ добросовѣстное изложеніе фактовъ; но въ своихъ сужденіяхъ о нихъ онъ, какъ и прежде, перескакиваетъ черезъ головы русскихъ людей, черезъ ближайшіе, исторически выработанные русскіе интересы къ людямъ западноевропейскимъ и къ благамъ жизни, какія эти люди могли принести Россіи. Неудачныя хлопоты Шлитте о вызовѣ въ Россію всякаго рода мастеровъ изъ западной Европы, прибытіе къ Архангельску Ченслера, сопровождавшееся самыми пагубными послѣдствіями для русской торговли, для него имѣютъ болѣе важное значеніе въ исторіи Россіи, чѣмъ величайшее народное одушевленіе, вызванное крымскими походами, чѣмъ легкое, быстрое завоеваніе Полоцка или, лучше сказать, даровое возвращеніе значительной части Бѣлоруссіи, устроенное бѣлорусскими мѣщанами и мужиками.

Не желая оцѣнить правильно и даже понять сколько нибудь той творческой силы, какая скрывается въ исторически живучемъ народѣ и творитъ чудеса въ великіе моменты среди всѣхъ затрудненій, Соловьевъ естественно сталъ въ положеніе защитника узкихъ воззрѣній и безразсудныхъ дѣйствій Іоанна, причемъ страсть глядѣть черезъ головы русскихъ людей на людей западной Европы еще больше устраняла его отъ правильнаго взгляда на дѣло.

---

[1]) См. предисловіе къ дневнику люблинскаго сейма 1569 г., изд. археографич. коммиссіи.

Онъ признаетъ важнымъ для русскаго государства и для русскаго народа завоеваніе Крыма; но исторія, по его мнѣнію, должна вполнѣ оправдать Іоанна въ томъ, что онъ не принялъ совѣта покончить съ Крымомъ [1]). Для этого оправданія Соловьевъ собираетъ всѣ трудности тогдашнихъ дѣлъ,—запутанность казанскихъ дѣлъ, ужасы степныхъ походовъ, силу Турціи. Но онъ не принялъ во вниманіе тогдашней слабости Крыма, физическихъ бѣдствій его въ тѣ времена, значительной массы тамъ христіанъ и великой готовности прикавказскихъ ордъ содѣйствовать подавленію крымцевъ. Не принято также во вниманіе, что турки испытали уже тогда неудачу похода внутрь прикаспійскихъ степей, и что вся тяжесть ихъ похода оказалась бы на плечахъ днѣпровскихъ козаковъ и затѣмъ Польши. Наконецъ, не принято во вниманіе самое простое военное соображеніе, что послѣ надлежащаго разгрома, Крымъ на долгое время былъ бы безсиленъ и его добивали бы уже сами донскіе и днѣпровскіе козаки. Соловьевъ устанавливаетъ даже какой-то историческій фатумъ. „Московское государство, говоритъ онъ, могло съ успѣхомъ вступить въ окончательную борьбу съ магометанскимъ востокомъ, съ Турціей, не прежде, какъ по прошествіи двухсотъ лѣтъ, когда оно уже явилось россійскою имперіей и обладало всѣми средствами европейскаго государства“ [2]). Но сейчасъ же затѣмъ у Соловьева слѣдуетъ поражающая странность. Московское государство, не обладавшее средствами европейскаго государства, одобряется за то, что кинулось въ борьбу съ государствами, обладавшими этими самыми средствами, съ Ливоніей, Польшей и Швеціей,—борьбу, кончившуюся позорно и поправленную только черезъ полтораста почти лѣтъ. Самъ Соловьевъ дѣлаетъ предположеніе, что въ 1583 г. Іоаннъ, послѣ громадныхъ уступокъ Баторію въ 1582 г., заключилъ перемиріе съ Швеціей тоже съ уступкою русскихъ городовъ — Яма, Иванъ-города и Копорья, потому что потерялъ надежду „получить какой либо успѣхъ въ войнѣ съ европейскими народами до тѣхъ поръ, пока русскіе не сравняются съ ними въ искусствѣ ратномъ“ [3]). Это можно было сознавать и напередъ и

[1]) Томъ VI, стр. 142. [2]) Т. VI, стр. 144. И надобно прибавить, когда уже не разъ Крымъ и Турція имѣли на своей сторонѣ союзную козацкую партію, образовавшуюся, какъ отчаяніе, вызванное замедленіемъ и неправильнымъ разрѣшеніемъ русскихъ вопросовъ. [3]) Т. VI, стр. 395.

еще яснѣе, чѣмъ трудности крымскаго похода. Почему же эта непредусмотрительность оправдывается? Потому, что Іоаннъ имѣлъ въ виду пробиться къ балтійскому морю, вступить въ прямыя сношенія съ цивилизованною Европой, хотя въ настоящее время можно доказывать это лишь иностранными предположеніями и разными соображеніями, а не прямыми свидѣтельствами [1]). Такимъ образомъ, здѣсь хорошо оцѣнивается смѣлый замыслъ касательно будущаго, хотя и неудачный, а столь же смѣлый и для русскаго народа еще болѣе благотворный замыслъ касательно Крыма осуждается, не смотря на то, что начало его осуществленія было блистательное.

Что же касается Литвы, то Соловьевъ придаетъ серьезное значеніе совершенно пустымъ вещамъ, каковы хитрые планы поляковъ усыплять Іоанна предложеніями ему или его сыну польской короны, или постоянныя опасенія Іоанна, что бояре готовы измѣнить ему и бѣжать въ Литву,—опасеніе, ниспровергаемое такимъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ, какъ увѣреніе митрополита Филиппа, что это неправда, а вовсе устраняется отъ указанія на поразительную недальновидность Іоанна IV, просто упустившаго лучшій случай присоединить къ Россіи Литву.

Впрочемъ, слабое освѣщеніе дѣйствительныхъ отношеній между восточною и западною Россіей у Соловьева исправляется, даже помимо его воли. Со времени татарскаго ига до Іоанна III (т. IV, гл. III), при Іоаннѣ III (въ томъ-же т. гл. V), при Василіѣ Іоанновичѣ (т. V, гл. III) и при Іоаннѣ IV (т. VII, гл. I), онъ ведетъ параллельно обозрѣніе внутренняго быта въ восточной Россіи и въ западной или Литвѣ. Фактическія данныя въ этомъ сравнительномъ изученіи сами собою доказываютъ великую силу внутренняго единенія восточной и западной Россіи и многочисленность попытокъ къ внѣшнему ихъ объединенію. Но что касается взглядовъ Соловьева, то они и здѣсь направляются черезъ головы и восточныхъ и западныхъ русскихъ къ тому же западу. При сравнительномъ обозрѣніи восточной и западной Россіи почти вездѣ выступаютъ у Соловьева сила и культурность власти и слабость, косность русскаго общества, русскаго народа въ восточной Россіи, а въ западной Россіи наоборотъ — безсиліе власти и сила земельной аристократіи и богатство всякихъ „опредѣленій". При этомъ

[1]) Т. VI, стр. 283 и 395.

то и дѣло указывается на завоевательное движеніе въ западную Россію западной Европы въ видѣ іезуитовъ, магдебургскаго права, отъ чего должны были падать русскіе начала жизни и религіозныя, и гражданскія.

Соловьевъ не могъ обойти безобразныхъ явленій жизни въ западной Россіи вслѣдствіе вліянія на нее Польши, какъ распущенность шляхты, неистовства латинской пропаганды и угнетенное положеніе крестьянъ. Но все это по его взгляду должно было лишь доказывать, что не могло быть добра тамъ, гдѣ власть выпустила изъ своихъ рукъ цивилизацію страны.

Вотъ, нѣкоторыя изъ сравненій, какія Соловьевъ ясно дѣлаетъ между восточною и западною Россіей.

1. О служилыхъ людяхъ. „Здѣсь (въ сѣверовосточной Россіи) мы видимъ, говоритъ онъ, что значеніе дружины все болѣе и болѣе никнетъ предъ значеніемъ государя. Въ Россіи западной, наоборотъ, шляхта ревниво блюдетъ за поддержаніемъ старыхъ правъ своихъ“ [1]). „Мы видѣли характеръ козаковъ московскихъ, т. е. жившихъ по степямъ, прилегавшимъ къ московскому государству, и признававшихъ по имени власть послѣдняго; такой-же точно былъ характеръ и козаковъ литовскихъ или малороссійскихъ, извѣстныхъ тогда въ Москвѣ подъ именемъ черкасъ; при томъ безнаказанность послѣднихъ еще болѣе была обезпечена слабостію литовско-польскаго правительства“ [2]).

2. О церкви. „Въ то время, какъ русская церковь на востокѣ, въ московскомъ государствѣ, распространялась вмѣстѣ съ распространеніемъ предѣловъ этого государства, на западѣ, въ литовско-русскихъ областяхъ происходило явленіе противное: здѣсь русская церковь, вмѣсто пріобрѣтенія новыхъ членовъ, теряла старыхъ, сначала вслѣдствіе распространенія протестантскихъ ученій, потомъ вслѣдствіе католическаго противодѣйствія, главными двигателями котораго были іезуиты. Кромѣ того, нахожденіе подъ властію иновѣрнаго правительства, если еще и не явно враждебнаго, то равнодушнаго къ выгодамъ русской церкви, не могло обезпечивать для послѣдней спокойствія и порядка“ [3]).

3. Касательно важнѣйшаго выраженія нравовъ, культуры общества, т. е. касательно положенія женщины, Соловьевъ видѣлъ тоже

---

[1]) VII т., стр. 29. [2]) Стр. 30. [3]) Стр. 140.

противоположныя явленія. По Домострою, какъ его понимаетъ Соловьевъ, женщина восточной Россіи оказывалась крайне униженною, а семейная жизнь Курбскаго въ западной Россіи и особенно свидѣтельство извѣстнаго намъ Михаила или Михалона литвина представляетъ крайнюю распущенность польской или вообще ополяченной женщины. Михалонъ ставилъ Соловьева въ въ особенно сильное затрудненіе, потому что этотъ писатель выставляетъ дурныя стороны западноевропейской цивилизаціи и хвалитъ простоту нравовъ не только у русскихъ, но даже у татаръ. Нашъ авторъ выходитъ изъ этого затрудненія очень простымъ способомъ, — видитъ преувеличенія у Михалона. Затѣмъ въ заключеніе своего обзора нравовъ западнорусской знати дѣлаетъ такую пристрастную оцѣнку литовско-польской культурности, которая кажется просто невѣроятною въ такомъ серьезномъ сочиненіи. „Въ 1548 году, говоритъ Соловьевъ, католическій виленскій епископъ Павелъ жаловался королю, что въ его епархіи многія жены мужей своихъ покидаютъ, живутъ съ жидами, турками, татарами, забывъ свое христіанство“. Явленіе, кажется, настолько сильное, что его можно ослабить развѣ тѣмъ, что, можетъ быть, оно было не очень распространенное и преувеличено свидѣтелемъ. Соловьевъ поступаетъ иначе. „Но подлѣ этихъ извѣстій, продолжаетъ онъ, которыя не могутъ дать намъ выгоднаго понятія о нравственномъ состояніи въ западной Россіи въ описываемое время, встрѣчаемъ извѣстія, которыя показываютъ и дѣйствіе животворнаго начала, которое будило человѣка и указывало ему высшія цѣли жизни: на дорогѣ, по которой проѣзжалъ съ пира пьяный панъ съ женою, тоже не трезвою, оба, какъ въ пьяномъ, такъ и въ трезвомъ видѣ, не уважавшіе жизни, чести и собственности меньшихъ братій; на дорогѣ, по которой ѣхалъ панъ съ вооруженнымъ отрядомъ слугъ и крестьянъ, чтобы напасть на имѣніе своего противника; на дорогѣ, по которой шли слуги и служанки, чтобы сдѣлать предъ судомъ ложное показаніе или безстыдно объявить ложное справедливымъ — на этой же самой дорогѣ можно было встрѣтить молодого человѣка, который, испытавъ бѣду, призналъ ее божіимъ наказаніемъ за извѣстный грѣхъ свой и для очищенія себя отъ него предпринялъ подвигъ — идетъ пѣшкомъ собирать на церковное строеніе“ [1]).

[1]) Стр. 211 — 12.

Конечно, хорошо, если блудникъ станетъ много ходить пѣшкомъ и особенно за такимъ добрымъ дѣломъ; онъ навѣрное получитъ и гигіеническое уврачеваніе и духовное; но еще лучше, если на божіе строеніе пойдетъ собирать чистая душа, какъ это обыкновенно дѣлалось въ старину и теперь часто дѣлается на Руси. Но и помимо этого тутъ случайное дѣйствіе животворнаго начала совершенно пропадаетъ во множествѣ указанныхъ самимъ авторомъ, разлагающихъ общество началъ.

4. Сравненіе законодательства въ восточной и западной Россіи и особенно сравненіе положенія низшихъ слоевъ общества должны были ставить автора еще въ большее затрудненіе. Въ восточной Россіи — судъ всѣмъ общій и равный, и судья признавалъ виновными представителей высшихъ сословій, если они отказывались выходить въ поле для судебнаго доказательства своей правды борьбою съ людьми низшаго сословія. Въ восточной Россіи правительство законодательными мѣрами обезпечивало правильность крестьянскаго перехода и правильность поступленія въ холопы, не трогало вольныхъ людей и само указывало на нихъ двигателямъ колонизаціи, какъ монастырямъ или Строгановымъ.

Въ западной Россіи, по судебникамъ Казиміра и по статуту, судъ дѣлался болѣе и болѣе привиллегированнымъ; допускается вмѣшательство пановъ въ судебныя дѣла и дозволяется имъ дѣлать свидѣтельскія показанія вмѣсто ихъ крестьянъ; наконецъ, правительство не только допускаетъ, чтобы паны соглашались ставить однообразныя земельныя условія вольнымъ людямъ, но утверждаетъ эти нечестныя соглашенія, даже само принимаетъ эти нечестныя условія и вводитъ ихъ въ королевскихъ имѣніяхъ.

Нашъ авторъ добросовѣстно приводитъ эти факты [1]), но благоразумно удерживается отъ сравнительной ихъ оцѣнки.

При воззрѣніяхъ Соловьева на благодѣтельность для насъ культурныхъ началъ западной Европы, смутныя самозванческія времена должны были представлять для него величайшія затрудненія. При внимательномъ изученіи этихъ временъ, становится со-

[1]) Добросовѣстность его такъ велика, что онъ, говоря о вышеуказанномъ нечестномъ соглашеніи пановъ касательно вольныхъ людей, припоминаетъ, что при литовскомъ князѣ Александрѣ, т. е. въ концѣ XV стол. такое соглашеніе было въ бельзской области (въ Польшѣ), а въ 1551 г. сдѣлано землевладѣльцами въ витебскомъ повѣтѣ, значитъ зло это шло съ запада на востокъ вмѣстѣ съ польскими культурными началами.

вершенно яснымъ, что тогдашняя наша русская смута была дѣломъ иноземной интриги, особенно польско-іезуитской, что вкусъ этой интриги почувствовали не только всѣ ближайшіе наши сосѣди, но и многіе отдаленные иноземцы, и старались ловить рыбу въ мутной водѣ, что, далѣе, эта мутная вода приготовлена ближайшимъ образомъ Іоанномъ IV и глубже всего скрывалась въ ненормальномъ строѣ служилыхъ людей и въ крѣпостномъ состояніи, почему и спасеніе Россіи пришло главнымъ образомъ изъ сѣвера Россіи, гдѣ было меньше зло служилаго сословія и еще меньше или даже вовсе не было крѣпостного состоянія. Признать всѣ эти факты,— значитъ отказаться отъ благодѣтельности культурныхъ благодѣяній запада и даже ослабить просвѣтительное значеніе многихъ явленій самого московскаго единодержавія тѣхъ временъ.

Соловьевъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій вышелъ съ поразительною талантливостію и написалъ одинъ (VIII-й) изъ самыхъ обработанныхъ томовъ своей исторіи. Онъ не отвергаетъ ни польскихъ, ни вообще иноземныхъ интригъ въ тѣ времена, но немного на нихъ останавливается. Всю силу этой смуты онъ сосредоточиваетъ въ самой Россіи,— самозванца перваго связываетъ съ предательскими интригами бояръ, пищу для самозванческой смуты видитъ въ старой борьбѣ земскихъ людей съ козаками, съ особенною ясностію выставляетъ значеніе иноземной помощи, съ которою Скопинъ Шуйскій почти уничтожилъ самозванчество, уменьшаетъ значеніе дѣлъ Ляпунова, опиравшагося и на козаковъ и, конечно, даетъ видное, подобающее значеніе дѣламъ Пожарскаго и Минина, державшихся законной власти и опиравшихся на земство. Какъ бы для спасенія чести разрушенной, столь крѣпкой русской государственности и ослабленія позора русскихъ людей, допустившихъ это и давшихся въ самозванческую смуту, Соловьевъ прибѣгаетъ даже къ такому средству, которое трудно не назвать отчаяннымъ,— онъ признаетъ перваго самозванца человѣкомъ самообольщеннымъ, незнавшимъ, что онъ самозванецъ.

Въ неправильномъ пониманіи самозванческихъ смутъ у Соловьева есть одна особенность, которая повела къ неправильному пониманію и всего дальнѣйшаго хода русской исторической жизни до Петра.

Самое большее зло сложившагося въ Москвѣ порядка дѣлъ

заключалось въ томъ, что служеніе государству, отечеству сосредоточено было только въ такъ называемыхъ служилыхъ людяхъ и во имя этого они стали распорядителями земли и свободы русскаго человѣка, вслѣдствіе чего много простого народа, — холоповъ и крестьянъ двинулось въ поле, въ степь и наполнило козачество бродячими элементами [1]).

Земскіе соборы и особенно старыя вѣчевыя преданія на сѣверѣ Россіи показывали всю неестественность такого положенія, а первые два самозванца уяснили слишкомъ убѣдительно, что служилое сословіе было тогда самымъ ненадежнымъ элементомъ и что такъ называемыхъ новыхъ козаковъ,—т. е. бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ необходимо возвратить отечеству и устроить. Служеніе отечеству, которое въ смутныя времена такъ гармонически, стройно приводило въ движеніе всѣ силы сѣвернаго населенія, безъ раздѣленія на сословія и безъ вражды между ними, было всѣмъ ощутительно, тогда какъ середина Россіи, служилая и крѣпостная, или измѣнничала или безсильно страдала. Служилый человѣкъ рязанской земли Ляпуновъ понялъ живительную силу объединительнаго начала на сѣверѣ, понялъ, что на него могутъ откликнуться люди, добывшіе сами себѣ волю, и открыто заявилъ, что служеніе отечеству даетъ всякому право на свободу, что пусть всѣ бѣглые смѣло идутъ на это служеніе. Взглядъ этотъ не былъ взглядомъ одного Ляпунова. Туже мысль имѣли и заявляли нижегородцы задолго до появленія на историческомъ поприщѣ Минина. Судя по остаткамъ великаго замысла Ляпунова, сохранившимся въ московскомъ земскомъ постановленіи 1611 г., нужно думать, что призываемымъ бѣглымъ холопамъ и крестьянамъ предполагалось дать не одну личную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и землю, нужно думать потому, что въ этомъ постановленіи дается право жить и кормиться въ помѣстьяхъ и простымъ людямъ, пострадавшимъ въ служеніи отечеству съ Скопинымъ Шуйскимъ, и потому, что въ томъ же постановленіи земля прямо назначается старымъ козакамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ воззрѣніи Ляпунова основывались бѣглые крестьяне и холопы въ первые годы Михаила Θеодоровича, тре-

[1]) Въ старыя времена привиллегированное и особое положеніе дружины ослаблялось свободою поступленія въ нее и выхода, и особенно городскимъ или земскимъ войскомъ. Всѣ свободные люди могли быть воинами и служить государству. Мнѣніе Погодина что народъ платилъ, а не воевалъ, ничѣмъ не доказывается.

бовавшіе, чтобы ихъ вели противъ непріятелей московскаго государства. Можно даже думать, что мысль Ляпунова жила долго и послѣ, что она давала самую большую силу смутѣ Разина и что когда при царевнѣ Софіи заволновались опять низшіе слои и въ томъ числѣ холопы, тотъ-же замыселъ Ляпунова воспроизведенъ былъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, задумывавшимъ отмѣну крѣпостного состоянія.

Но если и послѣ смутныхъ временъ этотъ великій замыселъ Ляпунова не былъ исполненъ, то тѣмъ труднѣе было исполнить его въ такое безгосударное время, какое было при Ляпуновѣ. Служилые люди возобладали въ земскомъ собраніи подъ Москвою въ 1611 г.; земельное устройство ограничено было сословіемъ служилыхъ съ прибавкой старыхъ козаковъ и вообще пострадавшихъ на службѣ отечеству при Скопинѣ Шуйскомъ. Эту съуженную программу приняли нижегородцы, т. е. торговые люди, и по ней то дѣйствовали возстановители нашей государственности—торговый человѣкъ Мининъ и служилый человѣкъ князь Пожарскій. Возстановить, по крайней мѣрѣ, старое—было и ихъ задачей и задачей большинства русскихъ людей. Какъ послѣ татарскаго разгрома русскіе люди понизили свои требованія жизни, и потому дали торжество Москвѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно было жить, такъ подобное случилось и послѣ разгрома самозванческаго: Государственность, хотя бы то и въ старой формѣ, была великимъ и для всѣхъ ощутительнымъ благомъ. По этой-то причинѣ, безъ сомнѣнія, не могли получить силы, не говоримъ уже, ограничительныя условія Михаилу Ѳеодоровичу, которымъ совсѣмъ не было мѣста безъ свободы простого народа, но не получила силы даже установившаяся было форма земскаго, соборнаго введенія дѣлъ государства и наконецъ, по этой то причинѣ оставлено въ силѣ и крѣпостное состояніе и холопство, т. е. оставлено величайшее зло, которое должно было оказываться жаломъ при всѣхъ лучшихъ проявленіяхъ русскаго историческаго развитія.

Эти особенности возстановленной послѣ смутнаго времени нашей государственности необходимо имѣть въ виду при сужденіи и о такъ называемой ретроградности Москвы XVII в., и о нормальномъ, даже образцовомъ ея состояніи. Но эти особенности упускаются изъ виду часто даже нѣкоторыми славянофилами, а тѣмъ болѣе Соловьевымъ. Это одна неправильность.

Другая неправильность въ оцѣнкѣ московской государственности послѣ смутнаго времени,— неправильность, легшая въ основу томовъ исторіи Соловьева съ IX и до XIII тома включительно, заключается въ слѣдующемъ. Россія, слишкомъ семь лѣтъ наводняемая иноземцами и большею частью бывшая подъ ихъ властію, вынесла изъ этого ужаснаго времени въ большинствѣ своего населенія жестокое предубѣжденіе и недовѣріе къ иноземцамъ, а въ меньшинствѣ — друзей и послѣдователей иноземныхъ порядковъ жизни. Раздвоеніе это естественно должно было сказаться въ самомъ правительствѣ. Враги и друзья иноземцевъ естественно направляли правительство то въ ту, то въ другую сторону, но русская старая партія должна была то и дѣло преобладать. Достойно особеннаго вниманія, что лучшее по тогдашнему разумѣніе иноземчества высказалось въ дѣлахъ патріарха Филарета. Онъ понялъ совершенно одинаково съ славянофилами достоинство ремесленной, такъ сказать, цивилизаціи западной Европы и во имя нуждъ государственныхъ щедро заимствовалъ отъ западной Европы оружіе, (хотя рядомъ съ тѣмъ допустилъ громадную ошибку,— нанималъ и цѣлые иноземные отряды); но что касается внутренней культуры, то патріархъ раздѣлялъ предубѣжденіе большинства русскихъ противъ всего иноземнаго и яснѣе всего высказалъ это въ сдѣланномъ имъ постановленіи, чтобы иновѣрцы, даже латиняне, принимавшіе православіе, были перекрещиваемы. Вопросъ о вѣрѣ чужихъ людей, входившихъ въ Россію съ просвѣтительною миссіей, получилъ величайшее значеніе. Этимъ какъ бы установлялось правило, что иновѣріе не мѣшаетъ иноземцу служить Россіи въ области матеріальныхъ интересовъ, но должно закрывать передъ нимъ путь къ вліянію на душу русскихъ людей. Поэтому понятно, какое важное значеніе получили въ этомъ отношеніи православные западноруссы и потому, когда нѣкоторые изъ нихъ обнаружили польскія и латинскія тенденціи, сейчасъ же возникъ вопросъ о призывѣ греческихъ ученыхъ [1]). Все это вызывалось настоятельными нуждами

[1]) Замѣчательно, что первоначальное западно-русское образованіе — въ братскихъ школахъ, было въ тѣсной связи съ греческимъ элементомъ. Петръ Могила въ устройствѣ своей кіевской академіи измѣнилъ эту прекрасную постановку западнорусскихъ братскихъ школъ, давъ преобладаніе въ ней латинскому элементу. Въ Москвѣ въ призывѣ Лихудовъ сказалось усиліе возвратиться къ началамъ братскихъ западнорусскихъ школъ.

русской жизни, показывало трезвый взглядъ на вещи, и мудрено доказать, что тогдашнее просвѣтительное движеніе Россіи было дурно и не принесло бы богатыхъ плодовъ, если бы Россіи предоставлено было идти этимъ естественнымъ путемъ,— объединять просвѣтительныя начала — свои, западно-русскія, греческія, и вырабатывать изъ нихъ свою народную культуру. Что на этомъ пути было много хорошаго и прочнаго — это лучше всего доказываетъ исторія XVIII вѣка, когда мы глотали западноврпейскія заимствованія. Дѣйствительныя, просвѣтительныя нужды Россіи больше всего удовлетворялись изъ источниковъ этого именно допетровскаго просвѣщенія, — изъ кіевской академіи, изъ славяно-греко-латинской академіи и развившихся изъ нихъ епархіальныхъ школъ.

Но, къ истинному несчастію Россіи, рядомъ съ этимъ просвѣтительнымъ направленіемъ развилось въ ней другое — чисто западноевропейское. Больше и больше въ Россіи оказывалось иноземцевъ и они больше и больше пробивались изъ области ремесленной западноевропейской культуры въ область духовной просвѣтительной, т. е. больше и больше вносили въ Россію національные западноевропейскіе типы и дѣлали завоеванія въ душѣ русскаго человѣка.

Зло это намѣтилось при томъ же Іоаннѣ IV. Эту мысль приводилъ въ исполненіе московскій иноземецъ при Іоаннѣ IV, Шлитте,— мысль призывать въ Россію не только мастеровъ, но даже ученыхъ. Предпріятіе это не удалось, но оно воскресло, хотя тоже неудачно, при Годуновѣ, задумывавшемъ основать въ Москвѣ университетъ по началамъ и при участіи западноевропейскихъ людей. Первый самозванецъ торжественно, въ чисто польскомъ тонѣ, заявляетъ о невѣжествѣ русскихъ и о необходимости для нихъ учиться у иноземцевъ наукамъ и для этого думалъ открыть въ Россію двери всякимъ иноземцамъ и самимъ русскимъ ѣздить въ западную Европу, — точь въ точь, какъ это дѣлалось въ Польшѣ. На самомъ дѣлѣ осуществлялась не эта утопія, а другое практическое дѣло. Мы знаемъ, что англичане наводнили для торговыхъ цѣлей сѣверъ Россіи. Во время ливонской войны иноземные пункты въ Россіи были умножены и усилены плѣнными ливонцами. Въ смутныя времена иноземцёвъ оказывалось много и въ Вологдѣ, и въ Ярославлѣ, и даже въ Нижнемъ. Но особенно

много ихъ было въ Москвѣ. Послѣ смутнаго времени ошибочно понятая нужда въ иноземномъ наемномъ войскѣ усилила московскую нѣмецкую колонію, а когда предпріятіе нанимать цѣлые иноземные отряды оказалось крайне неудачнымъ,—когда иноземцы не только не помогли взять Смоленскъ, но и позорно измѣнили [1]), то у насъ взялись съ особенною заботою за дѣло, начатое еще раньше, въ первые годы послѣ смутнаго времени, чтобы иноземцы устрояли у насъ постоянное войско изъ русскихъ. Явились такимъ образомъ солдатскіе полки, т. е. тоже, что стрѣльцы, только не для столичной и вообще внутренней гарнизонной службы, а главнымъ образомъ для пограничной, у шведской границы; явились драгунскіе полки для южной Украйны, т. е. тоже козаки, но болѣе организованные, и наконецъ рейтары, т. е. просто конные полки на жалованіи денежномъ отъ правительства и съ казеннымъ оружіемъ. Нѣмецкая колонія въ Москвѣ получала значеніе не только сборнаго мѣста мастеровъ всякаго рода, аптекарей и лекарей, но и разсадника военныхъ инструкторовъ съ властію начальниковъ надъ значительнымъ числомъ русскихъ людей [2]).

Живя въ странѣ, столь отличной отъ западной Европы и столь дурно настроенной противъ иноземцевъ послѣ смутнаго времени, эти иноземцы не могли разсчитывать на прочныя связи съ русскимъ обществомъ и всѣми силами держались русскаго правительства и старались пріобрѣтать себѣ покровителей въ сильныхъ правительственныхъ лицахъ. Такъ, извѣстный Морозовъ былъ покровителемъ иноземцевъ. По этому пути пошелъ еще дальше Ординъ-Нащокинъ, усвоилъ себѣ даже польскія воззрѣнія на козаковъ, а сынъ его такъ плѣнился западноевропейскою жизнію, что даже бѣжалъ заграницу [3]). Извѣстные Матвѣевъ и Василій Голицынъ устрояли даже домашнюю обстановку и заво-

---

[1]) Замѣтимъ, что это была вторичная измѣна нанятыхъ иноземцевъ передъ лицомъ всей Россіи, и безъ того раздраженной противъ иноземства. Разъ измѣнили подъ Клушинымъ иноземцы, нанятые Скопинымъ-Шуйскимъ; теперь измѣняли подъ Смоленскомъ вторично нанятыя толпы ихъ. [2]) Въ нашей литературѣ есть одно сочиненіе религіознаго характера, которое имѣетъ весьма важное значеніе для изученія у насъ количества и отдѣльныхъ группъ иноземцевъ по разнымъ мѣстамъ Россіи. Это — Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII в. — соч. доцента московской академіи Ивана Соколова, изд. въ 1880 г. Еще болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сообщаются въ начатыхъ изысканіяхъ Д. В. Цвѣтаева, печатающихся въ Русскомъ Вѣстникѣ. [3]) Ист. Сол. т. XI, стр. 93 и далѣе.

дили обычаи западноевропейскіе. Впрочемъ, всѣ эти люди были еще на столько русскими, что о какой либо рѣшительной передѣлкѣ Россіи не могли думать. Для этого нужны были иные люди и, главное, для этого нужно было раздраженіе между старыми и новыми людьми. Оно и явилось, когда при Алексѣѣ Михайловичѣ, а особенно при Ѳеодорѣ и Софіи, русское правительство увлечено было въ бурю раскольничьихъ, стрѣлецкихъ и холопьихъ смутъ и затѣмъ въ бурю придворныхъ козней, во время которыхъ иноземцамъ было очень плохо, а между тѣмъ обиженный и уединенный Петръ уже по однимъ преданіямъ дома Матвѣева, гдѣ воспиталась его мать—родомъ иноземка, легко могъ сойтись съ иноземцами. Вотъ, гдѣ зародились притязанія преобразовать Россію по даннымъ западноевропейскимъ образцамъ съ перенесеніемъ въ нее конкретныхъ западноевропейскихъ типовъ всюду, даже въ духовную жизнь русскаго человѣка, и перенесеніемъ насильственнымъ во что бы то ни стало. Въ случаѣ успѣха это должно было повести къ приниженію, подавленію русскихъ началъ жизни и, раньше или позже, къ фактическому господству иноземцевъ въ Россіи, отъ чего такъ настойчиво предостерегалъ Петра такой умный и расположенный къ нему человѣкъ, какъ патріархъ Іоакимъ.

Соловьевъ, разумѣется, никакъ не могъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія на русскую историческую жизнь XVII вѣка. Онъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, видитъ отсталость, косность въ русскомъ обществѣ и народѣ XVII вѣка, но не видитъ главнѣйшей основы этого—крѣпостного права, которое считаетъ, какъ мы знаемъ, необходимымъ и даже благодѣтельнымъ. Онъ признаетъ несостоятельнымъ вышеуказанное просвѣтительное движеніе и отдаетъ все свое сочувствіе просвѣщенію западноевропейскому, которому назначаетъ не только матеріальное улучшеніе русской жизни, но и духовное русское развитіе во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ, конечно, религіознаго, при чемъ историческая миссія московской нѣмецкой слободы возвеличивается имъ сверхъ всякой мѣры.

Мы уже упоминали, что Соловьевъ указываетъ на подрывъ многовѣковаго исключительнаго авторитета учительства нашего духовенства, обнаружившійся съ появленіемъ нашего раскола. Подрывъ этотъ, по Соловьеву, увеличивался больше и больше. „Подлѣ

великой Россіи, говоритъ онъ, была малая, и обѣ, силою извѣстныхъ обстоятельствъ, влеклись къ соединенію въ одно политическое тѣло; малая Россія, благодаря борьбѣ съ латинствомъ, раньше почувствовала потребность просвѣщенія и владѣла уже средствами школьнаго образованія. Стало быть, великороссіянину можно было учиться безопасно у малороссіянина, который приходилъ въ рясѣ православнаго монаха; можно было также учиться безопасно у грека православнаго. Отсюда въ XVII в., передъ эпохой преобразованія, мы встрѣчаемъ непродолжительное (будто бы) время [1]), когда за наукой обращаются къ малороссіянамъ или вообще западнорусскимъ ученымъ и къ грекамъ. Но и это примиряющее средство не вполнѣ могло помочь дѣлу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хотя бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ" [2]). Затѣмъ Соловьевъ показываетъ, какъ великороссіяне, научившіеся у новыхъ учителей, становились умнѣе своихъ старыхъ учителей и приводили ихъ въ смущеніе и негодованіе, заканчивавшееся заявленіемъ со стороны старыхъ учителей, что новые учителя — малороссійскіе и греческіе ученые — отступники отъ православія [3]). ... „Но въ то время, продолжаетъ Соловьевъ въ другому мѣстѣ, какъ старые и новые учителя въ священническихъ и монашескихъ рясахъ препираются о двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, когда русскіе раздѣлились въ ожесточенной борьбѣ, когда сдѣлка съ наукою, попытка ввести науку чрезъ православныхъ учителей, не вредя православію, далеко не удалась, когда старые учителя провозгласили и православныхъ грековъ, и православныхъ малороссіянъ, и бѣлоруссовъ еретиками, латинцами,—въ это время являются новые учителя особаго рода, не желанные ни старымъ учителямъ, ни новымъ въ рясахъ, являются иновѣрцы нѣмцы, являются вслѣдствіе того, что прежде грамматики и риторики нужно было выучиться сражаться, вслѣдствіе того, что явно было экономическое

---

[1]) Патріархъ Филаретъ вынесъ изъ польскаго плѣна, т. е. изъ сближенія съ православными западноруссами убѣжденіе въ важности западнорусскаго просвѣщенія и заводилъ подобное ученіе въ Москвѣ. Время господства этого образованія было не короткое, а слишкомъ полстолѣтія до Петра. [2]) Т. XIII, стр. 141. [3]) Т. XIII, стр. 141 — 2.

банкротство по неумѣнію производить и продавать и по неимѣнію моря, являются вслѣдствіе того закона, по которому внѣшнее предшествуетъ внутреннему" [1]). Еще въ одномъ мѣстѣ, въ началѣ того же XIII тома, Соловьевъ совершенно ясно обозначаетъ всю широту образовательнаго вліянія иноземцевъ на русскихъ и даетъ понять сущность западноевропейской цивилизаціи, выработанную на западѣ борьбою между папами и императорами,— именно, даетъ намъ раздѣленіе духовной и свѣтской цивилизаціи. „Подлѣ прежнихъ учителей, говоритъ онъ, подлѣ прежнихъ авторитетовъ являются новые авторитеты, не признающіе значенія прежнихъ учителей и не упускающіе случая выразить это непризнаніе обиднымъ образомъ. Какъ разграничить право тѣхъ и другихъ? Какъ, признавъ превосходство новыхъ учителей во всемъ, не признать этого превосходства въ одномъ? Гдѣ взять такой самостоятельности, силы мысли, изслѣдованія и знанія въ ученикахъ?" [2]). Затѣмъ Соловьевъ показываетъ трудное положеніе прежнихъ учителей — духовенства. Съ одной стороны, приверженцы старины, отвергающіе авторитетъ старыхъ учителей и нашедшихъ себѣ „своихъ, особыхъ учителей"; „съ другой стороны, просвѣщеніе перестаетъ носить исключительно церковный характеръ, подлѣ учителей церковныхъ являются свѣтскіе, иностранцы, иновѣрцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться съ церковными учителями при обнаруженіи своего вліянія на учениковъ" [3]).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ нашъ, какъ и всѣ западники, стоитъ за эту раздѣльность цивилизаціи и за превосходство свѣтскаго знанія. „Нудящія потребности государства, говоритъ онъ, были въ такихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, которымъ не могли научить монахи. Волею, неволею нужно было обратиться къ иноземнымъ и иновѣрнымъ учителямъ, которые и нахлынули и, разумѣется, съ требованіями признанія своего превосходства. Превосходство было признано; важныя лица на верху постоянно толковали, что въ чужихъ земляхъ не такъ дѣлается, какъ у насъ, и лучше нашего. Но какъ скоро превосходство иностранца было признано, какъ скоро явилось ученическое отношеніе русскаго человѣка къ иностранцу,

---

[1]) Т. XIII, стр. 217—218. [2]) Т. XIII, стр. 37. [3]) Т. XIII, стр. 37.

то необходимо начиналось подражаніе"[1]), за которымъ, по автору, разгоралась борьба между старыми и новыми русскими людьми и между старыми и новыми ихъ учителями; старые русскіе люди и учителя ихъ не признавали въ иновѣрцѣ образа и подобія божія и желали бы ихъ выжить; иновѣрцы пускали въ ходъ сильное слово: невѣжество, насмѣшки, а иногда и настоящую кулачную расправу[2]).

Безпристрастный историкъ, встрѣтившись съ такими фактами, непремѣнно позаботился бы разсмотрѣть, каковы были условія для правильнаго веденія такой ожесточенной борьбы, и не примѣшивается ли къ ней какая либо посторонняя сила, которая можетъ нарушить эту правильность и дать неестественный, насильственный исходъ борьбѣ. Соловьевъ, какъ будто, понималъ это научное требованіе при оцѣнкѣ историческихъ направленій у насъ — стараго и новаго. Онъ не разъ говоритъ, что духовная власть настрояла русское правительство стѣснять иноземное вліяніе и даже наказывать смѣлое усвоеніе иноземныхъ обычаевъ и мнѣній. Но что будетъ, если русское правительство перестанетъ слушаться духовной власти, а тѣмъ болѣе, если оно станетъ помогать иноземцамъ усиливать свое вліяніе? Рѣшить этотъ вопросъ было бы тѣмъ справедливѣе и необходимѣе, что, при тогдашнемъ крѣпостномъ состояніи народа, борьба эта могла происходить только въ интеллигентной средѣ,—старой и новой Россіи, слѣдовательно поэтому уже болѣе или менѣе искусственно и односторонне, а въ случаѣ перехода на сторону новой партіи правительства, неестественность и односторонность борьбы должны были выростать до страшныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что русское правительство было и тогда неограниченное и обладало, по изображенію самого автора, страшною централизацiей. Но Соловьевъ не только не рѣшаетъ научно этого важнаго вопроса, а напротивъ предрѣшаетъ его самымъ голословнымъ и пристрастнымъ образомъ. Онъ не обращаетъ вниманія ни на вынужденное молчаніе крѣпостного русскаго народа, ни на отсутствіе при Петрѣ земскихъ соборовъ, которые, по крайней мѣрѣ, дали бы открытое мнѣніе некрѣпостной Россіи. Онъ самъ, за русское общество и за русскій крѣпостной народъ, напередъ предрѣшаетъ торжество западноевропейской цивилизаціи и призываетъ для этого принуди-

[1]) Т. XIII, стр. 149. [2]) Тамъ же.

тельную силу правительства. „...Ни въ безпомощныхъ сиротахъ государевыхъ (какъ называли себя тяглые люди), ни въ холопяхъ государевыхъ (какъ называли себя служилые люди) нельзя искать силы и самостоятельности, собственнаго мнѣнія, говоритъ Соловьевъ въ началѣ обозрѣнія царствованія Ѳеодора Алексѣевича. Тѣ и другіе чувствуютъ (будто бы) несостоятельность стараго, понимаютъ (будто бы); что оставаться такъ нельзя,—но при отсутствіи просвѣщенія не могутъ ясно сознавать, какъ выйти на новую дорогу, не могутъ имѣть иниціативы, которая потому должна явиться сверху: повести дѣло долженъ великій государь" [1]).

Какъ великій государь долженъ повести дѣло, какое долженъ занять положеніе среди вступившихъ въ жестокую борьбу сторонъ—русской и иноземной, это Соловьевъ разъясняетъ нѣсколько выше. Описавъ сборный составъ жителей нѣмецкой слободы,—искателей приключеній, собравшихся изъ разныхъ странъ и занятыхъ главнымъ образомъ наживой и пріятнымъ препровожденіемъ времени, онъ даетъ имъ два эпитета, весьма важные при его воззрѣніяхъ. Онъ ихъ признаетъ „совершеннѣйшими космополитами, отличавшимися полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ страны, въ которой поселились" [2]); но въ тоже время онъ даетъ имъ и значеніе „западноевропейскихъ козаковъ", которымъ сначала тоже не приписываетъ какихъ либо иныхъ стремленій кромѣ наживы, но черезъ нѣсколько строкъ уже прямо назначаетъ имъ историческую миссію и даже ставитъ въ положеніе рѣшителей судебъ Россіи. „Таковы были люди, говоритъ онъ, которыхъ постоянно вызывали въ Москву въ продолженіи XVII вѣка; сперва увеличеніе иностранцевъ въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ; иноземцевъ выдѣлили, переселили въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ нѣмцевъ, но это могло только казаться такъ. Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, нѣмецкую слободу. Историческій чередъ былъ за нѣмецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится передъ этою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ, скоро нѣмецкая слобода перетянетъ царя и дворъ его изъ Кремля, обзаведется своими дворцами. Нѣ-

[1]) Т. XIII, стр. 227. [2]) Томъ XIII, стр. 218.

мецкая слобода — ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ" [1]).

Такія чудовищныя явленія, чтобы горсть иноземныхъ пройдохъ перевернула строй жизни великаго государства и великаго народа, очевидно, возможны были только во времена величайшихъ несчастій Россіи и величайшаго разлада въ ея строительныхъ силахъ. Такъ дѣйствительно и было. Правильность престолонаслѣдія была тогда разстроена; государственная власть ослабѣла; высшіе и низшіе слои, благодаря крѣпостному состоянію и расколу, страшно разошлись и наконецъ въ возникшей стрѣлецкой смутѣ погибли многіе лучшіе люди, способные сдерживать страсти, крайности. Среди этихъ ужасовъ выросталъ русскій геній — Петръ и притомъ выросталъ въ вынужденномъ уединеніи, вдали отъ царскаго двора и вблизи нѣмецкой слободы. Иноземная интрига подкралась къ нему, овладѣла его симпатіями, и тѣмъ крѣпче могла владѣть имъ, что этотъ юный геній окруженъ былъ и русскими людьми, большею частью такими, семьи и роды которыхъ пострадали во время стрѣлецкаго бунта, т. е. когда окружавшіе Петра русскіе люди лишены были самообладанія и справедливой оцѣнки людей и дѣлъ въ господствовавшей подлѣ нихъ русской средѣ. Передъ глазами Петра была, съ одной стороны, мятежная, неистовая русская Москва, съ другой, веселая и дружественная нѣмецкая Москва. Изъ-за той и другой Москвы онъ не видѣлъ спокойной, богатой добрыми чувствами и силами Россіи, или смотрѣлъ на нее то какъ на ту-же мятежную Москву, то какъ на грубый матеріалъ, подлежащій обработкѣ по иноземнымъ образцамъ.

Въ подобномъ положеніи находился въ юности Іоаннъ IV. И передъ его глазами волновался московскій народъ, лилась кровь близкихъ Іоанну людей, онъ даже самъ изгнанъ былъ изъ столицы страшнымъ пожаромъ, подходили къ нему даже мятежники. Но прежде и тверже подошла къ нему старая Русь съ лучшими своими преданіями въ лицѣ Сильвестра и Адашева, затушила въ немъ на значительное время дурные инстинкты и покрыла славою его внѣшнія и внутреннія дѣла за это время. Старая Русь подходила и къ Петру въ самыя трудныя минуты его юношеской жизни, подходила даже не разъ. Такъ, она подошла къ нему при избраніи на престолъ царя изъ двухъ царе-

[1]) Томъ XIII, стр. 219.

вичей, послѣ смерти Өеодора Алексѣевича, и дала ему первенство передъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. Подходила она къ нему съ самымъ умиротворяющимъ вліяніемъ въ еще болѣе трудный моментъ его жизни. Религіозная и народная сила Россіи покрыла и охранила его, когда онъ верхомъ прилетѣлъ ночью, съ 7 на 8 августа 1689 г., изъ села Преображенскаго въ троицкій монастырь, и въ совершенномъ изнеможеніи, со слезами просилъ охраны у иноковъ стараго, историческаго русскаго монастыря [1]). Пошелъ къ нему и русскій патріархъ, потянулись и лучшіе стрѣльцы [2]), изъ среды которыхъ и принесено Петру первое извѣстіе объ угрожавшей ему опасности. Будь живъ Матвѣевъ, вѣроятно, вся Россія призвана была бы высказать громко свои чувства и свое мнѣніе въ спорѣ Петра съ Софіей. Но ни въ этотъ критическій моментъ, ни въ другія времена Петръ не обращался къ русскому земству, не только вопреки примѣру Софіи и своихъ близкихъ предшественниковъ Романова дома, но даже вопреки примѣру Іоанна IV. Изъ такого земскаго мѣста,—троицкаго монастыря, въ 1689 г., Петру видѣлась лишь слабая тѣнь земства. Онъ требовалъ къ себѣ лишь немногихъ выборныхъ изъ населенія Москвы и ея окрестностей и то съ угрозою смерти за неявку [3]). Подлѣ Петра были уже тогда своего рода опричники,—во-первыхъ потѣшные, давно уже настроенные дурно смотрѣть на всѣхъ остальныхъ русскихъ, и во-вторыхъ, съ виду весьма мирные, но въ дѣйствительности еще болѣе опричные и враждебные Россіи люди,—иноземцы нѣмецкой слободы [4]). Живая Русь осталась въ сторонѣ, возобладали опричники, и если Петръ не сдѣлался вполнѣ вторымъ Іоанномъ Грознымъ, то потому, что былъ геній.

Первѣйшее дѣло историка разобрать эту смѣсь несчастій Петра и порочности, въ которыхъ свила себѣ гнѣздо иноземная интрига и которыя грозили Россіи повтореніемъ ужасовъ Іоанна IV и, можетъ быть, самозванческихъ смутъ, и—геніальности Петра, которая не разъ поднимала его выше всѣхъ затрудненій и искушеній и дѣлаетъ его роднымъ всякому русскому, какого бы направленія онъ не былъ.

С. М. Соловьевъ даетъ намъ не мало блестящихъ картинъ геніальности Петра. Въ одномъ, напримѣръ, мѣстѣ XVIII тома онъ

[1]) Солов. т. XIV, стр. 125. [2]) Тамъ-же, стр. 125 — 6. [3]) Тамъ-же, стр. 126. [4]) Стр. 129 — 30.

говоритъ: „Геній Петра высказался въ ясномъ уразумѣніи своего народа и своего собственнаго дѣла, какъ вождя этого народа, онъ созналъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представлялась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ-за границы, когдъ онъ могъ сравнить видѣнное на западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его стрѣлецкимъ бунтомъ (вызваннымъ искусственно и совершенно тогда усмиреннымъ—нужно замѣтить). Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ него, вполнѣ увѣровавши (!) въ нравственныя силы своего народа и не замедлилъ призвать его къ великому подвигу, къ пожертвованіямъ и лишеніямъ всякаго рода, показывая самъ примѣръ во всемъ этомъ. Ясно сознавши, что русскій народъ долженъ пройти трудную школу, Петръ не усумнился подвергнуть его страдательному, унизительному (!) положенію ученика; но въ тоже время онъ успѣлъ уравновѣсить невыгоды этого положенія славою и величіемъ, превратить его въ дѣятельное, успѣлъ создать политическое значеніе и средства для его поддержанія“ [1]). Или въ томъ-же томѣ немного выше: „Начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ, начертана была не на бумагѣ: она начертана была на землѣ, которая должна была открыть свои богатства передъ русскимъ человѣкомъ, получившимъ посредствомъ науки полное право владѣть ею; на морѣ, гдѣ являлся русскій флотъ; на рѣкахъ, соединенныхъ каналами; начертана была въ государствѣ новыми учрежденіями и постановленіями; начертана была въ народѣ посредствомъ образованія, расширенія его умственной сферы, богатыхъ запасовъ умственной пищи, которую доставилъ ему открытый западъ и новый міръ, созданный внутри самой Россіи“ [2]). Личное мнѣніе и личныя чувства С. М. Соловьева особенно хорошо выражаются въ слѣдующихъ его отзывахъ. „Петръ съ своими сподвижниками, говоритъ авторъ, заканчиваетъ, собственно говоря, богатырскій отдѣлъ русской исторіи. Это послѣдній и величайшій изъ богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то не совсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ миѳическихъ представленій о

---

[1]) Стр. 257. [2]) Стр. 255 — 6.

подвигахъ этого Геркулеса" [1]). Или еще въ другомъ мѣстѣ. Описавъ развитіе Петра на свободѣ, вдали отъ дворца, въ средѣ новой дружины, въ которой онъ „царь по происхожденію становился вождемъ... по личной доблести"... авторъ заключаетъ: „это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская натура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ" [2]). Но рядомъ съ подобнаго рода блестящими картинами геніальности Петра у Соловьева множество самыхъ невѣрныхъ объясненій дѣлъ его и самыхъ странныхъ умолчаній объ его несомнѣнныхъ злыхъ дѣлахъ и потворствахъ иноземству. Великимъ и непоправимымъ зломъ была жестокая расправа Петра съ стрѣльцами, послѣ возвращенія его изъ перваго путешествія заграницу. Зло это живо напоминало Іоанна IV, отзывалось мщеніемъ за бунтъ 1682 г. и затемняло даже простое здравомысліе, которое прямо подсказывало, что стрѣльцы могутъ составлять привычную и дешевую гарнизонную силу, пригодную, въ небольшихъ размѣрахъ, и для защиты ближайшихъ окраинъ. Такимъ же зломъ нужно признать и то, что Петръ не пожелалъ привлечь къ себѣ громадную и даровую силу козаковъ уральскихъ, донскихъ и днѣпровскихъ. Разрывъ съ такими старыми и народными военными силами былъ вреднымъ свидѣтельствомъ разрыва Петра съ народомъ. Извѣстно, что одновременно съ тѣмъ дано было и другое, еще болѣе наглядное свидѣтельство такого-же разрыва, — перемѣна одежды. Всѣ разсужденія Соловьева о томъ, что перемѣна внѣшности нужна была для успѣха преобразованій, что длиннополость — признакъ азіата, а короткополость — признакъ европейца, уничтожаются простымъ и яснымъ признаніемъ Гордона, что это нужно было для безопасности иноземцевъ, для смѣшенія ихъ съ русскими передъ негодующимъ народомъ. Такого-же свойства и тѣ многочисленныя иноземныя названія должностей и учрежденій, которыя составляли истинную муку для русскихъ и большею частью выброшены потомъ изъ русской жизни.

Все это показывало страстное, безразборчивое перенесеніе въ Россію чужихъ формъ жизни и имѣло весьма важныя послѣдствія. Неразборчивое усвоеніе чужого давало излишнее господство иноземцамъ и подрывало одну изъ важнѣйшихъ основъ для охраны

[1]) Т. XIV, стр. 107. [2]) Т. XVIII, стр. 111.

народной самобытности, — чувство и сознаніе своей народности. Какъ это было важно, можно видѣть изъ слѣдующаго. И по старымъ русскимъ примѣрамъ и, безъ сомнѣнія, по инстинктивному указанію своей геніальности, Петръ далъ своимъ преобразованіямъ практическое или, какъ нынѣ говорятъ, реальное направленіе, — бралъ собственно ремесленную сторону западноевропейской цивилизаціи. Въ этомъ могла быть охрана русской души отъ искаженія русскаго народнаго склада. Но и самъ Петръ не уяснялъ себѣ этой границы и не давалъ другимъ русскимъ опредѣлять ея. Такъ называемое свѣтское, западноевропейское образованіе вводилось у насъ безъ надлежащихъ и даже безъ всякихъ предосторожностей. Оно и стало быстро вторгаться въ духовную область русскаго человѣка и тѣмъ успѣшнѣе овладѣвать ею, что въ русскомъ человѣкѣ того времени подорвана была Петромъ же вышеуказанная, обычная у всѣхъ народовъ охрана отъ чужого,—народное чувство. Но кромѣ того, подорвана была у насъ тогда и другая, еще болѣе надежная охрана. Русская историческая жизнь выработала по отношенію къ западной Европѣ ясное, всеобъемлющее указаніе на эту границу между своимъ и чужимъ,—именно православіе. Но извѣстно, какъ легкомысленно и безразсудно Петръ оскорблялъ и унижалъ это русское историческое начало въ первую половину своего царствованія. Его шутовскія религіозныя потѣхи составляютъ несомнѣнное воспроизведеніе протестантскихъ воззрѣній на папство и несомнѣнное доказательство, что Петръ тогда былъ жертвою иноземныхъ интригъ противъ православія. Потомъ Петръ понялъ свою ошибку и строго охранялъ православіе, даже подчинилъ иновѣрное духовенство св. синоду. Но ошибка уже была сдѣлана и послѣдствія ея больше и больше вторгались въ русскую жизнь. Пасторъ Глюкъ заводитъ въ Москвѣ (1705 г.) оригинальную школу для образованія свѣтскихъ людей. Въ этой школѣ совмѣщаются разнообразнѣйшія знанія, — и восточныя древности и классицизмъ и берейтерство съ фехтованіемъ. Фантазія Глюка не знаетъ границъ. Онъ считаетъ русскихъ мягкою глиной, изъ которой все можно сдѣлать и, трудно повѣрить, считаетъ возможнымъ сдѣлать ихъ протестантами. Въ числѣ его руководствъ былъ и лютеровъ катихизисъ, переведенный на русскій языкъ [1]). Или еще болѣе невѣ-

[1]) Соловьевъ, т. XV, стр. 101.

роятный фактъ: іезуиты, изгнанные изъ Россіи самимъ Петромъ, находятъ возможнымъ тайно пробраться въ Россію, противузаконно выстраиваютъ костелъ, основываютъ для благородныхъ лицъ училище съ несомнѣннымъ, прямо высказаннымъ въ ихъ письмахъ замысломъ подорвать славяно-греко-латинскую академію, раскидываютъ не мало и другихъ сѣтей, въ которыхъ оказывается одинъ изъ самыхъ видныхъ иноземцевъ — Гордонъ [1]). Иновѣрныя воззрѣнія прорываются даже въ русскую духовную среду. Православный архіерей, Өеофанъ Прокоповичъ громитъ даже въ правительственныхъ актахъ дорогія русскія учрежденія, — русское патріаршество, русское монашество, русское уваженіе къ чудесамъ, и въ тоже время онъ любитель всего свѣтскаго и другъ свѣтскихъ людей и иноземцевъ. Наконецъ, онъ завершаетъ свое служеніе русской церкви преслѣдованіемъ православнаго сочиненія — Камень вѣры, въ угоду протестантамъ - нѣмцамъ. Такимъ образомъ, нельзя сказать, что такъ называемое свѣтское образованіе при Петрѣ только выдѣляло свою часть изъ духовной жизни русскаго человѣка, захваченную будто-бы религіей. Оно врывалось во всю эту жизнь и вытѣсняло изъ нея православіе въ пользу иноземныхъ религіозныхъ воззрѣній или въ пользу просто невѣрія, которымъ еще при Петрѣ заражались даже лучшіе его русскіе люди въ родѣ, напримѣръ, Татищева.

Все это тѣмъ болѣе представляло опасности, что русская интеллигенція и до Петра была уже не мало оторвана отъ своего простаго народа крѣпостнымъ правомъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ прежде податлива была на ложное развитіе. Петръ усилилъ эту податливость и не только еще болѣе оторвалъ нашу интеллигенцію отъ народа, но и народъ этотъ вверглъ еще глубже въ бездну закрѣпощенія подушною податью.

Въ двухъ мѣстахъ своей исторіи Соловьевъ говоритъ, что отъ такихъ потрясеній, какія происходили въ Россіи, старыя государства гибли. Разъ онъ это говоритъ по поводу сильнаго движе-

---

[1]) Тайная переписка этихъ іезуитовъ, по порученію археографической коммиссіи, приготовляется мною къ изданію. Для изученія вообще притязаній папства на господство въ Россіи можно читать: католичество въ Россіи соч. графа Д. А. Толстого, а также сочиненіе, вышедшее изъ іезуитской среды Demetrius — трудъ Пирлинга, изд. 1878 г. Позднѣйшія дѣла іезуитовъ изложены въ сочиненіи свящ. М. Морошкина—Іезуиты въ Россіи, 2 тома.

нія, произведеннаго въ Россіи въ удѣльныя времена Рюриковичами; въ другой разъ онъ говоритъ это по поводу новаго западноевропейскаго движенія, произведеннаго Петромъ. Но ни въ тотъ, ни въ другой разъ, справедливо заявляетъ С. М. Соловьевъ, русское государство не разложилось, а осталось единымъ, потому что русскій народъ—молодой и даровитый народъ. Говоря о послѣднемъ кризисѣ, Соловьевъ утверждаетъ, какъ мы и видѣли, что Петръ вѣрилъ въ свой народъ и потому подвергъ его такому кризису. Въ популярныхъ лекціяхъ о Петрѣ Соловьевъ выражается еще сильнѣе. Дѣло Петра онъ представляетъ дѣломъ русскаго народа и величіе Петра величіемъ русскаго народа[1]).

Н. И. Костомаровъ, отличающійся необычайною способностію развивать своеобразно положенія другихъ историковъ, въ шестомъ выпускѣ своей популярной исторіи Россіи рисуетъ намъ картину того, какъ Петръ высоко ставилъ идеалъ Россіи, какъ любилъ онъ не дѣйствительную, а эту идеальную Россію и какъ способенъ былъ всѣмъ ей жертвовать[2]).

Оба эти взгляда требуютъ поясненія и поправки. Безспорно Петръ любилъ свою идеальную Россію и созидалъ ее съ такою силою и такимъ самозабвеніемъ, какія свойственны только геніямъ. Онъ даже самъ считалъ лучшею стороною своей дѣятельности то, что постоянно пребывалъ въ работѣ, конечно, для созидаемой имъ Россіи[3]). Но что такое былъ петровскій идеалъ Россіи, какъ нѣчто самобытное, это труднѣе всего показать и

---

[1]) Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка; сознавая значеніе дѣятельности великаго человѣка, мы сознаемъ значеніе народа. Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигаетъ памятникъ своему народу. Сочиненія С. М. Соловьева. Прб. 1882 г., стр. 98. [2]) Стр. 780 — 785, особенно 784 — 5. Въ лекціяхъ о Петрѣ Соловьевъ отвергаетъ, что Петръ любилъ отвлеченную Россію. Собр. соч. Соловьева, стр. 131. [3]) Эта сторона жизни Петра съ замѣчательною талантливостію изображена Соловьевымъ, особенно въ его лекціяхъ о Петрѣ. См., между прочимъ, Собр. соч. Солов., стр. 124 — 126. Но и здѣсь допущена крайность и не уяснена одна сторона дѣла, по нашему мнѣнію, весьма важная. Неутомимая дѣятельность Петра не лишена односторонности. Онъ слишкомъ отдавался физической работѣ, явно отражая въ ней вліяніе на него иноземцевъ ремесленниковъ, и пренебрегалъ многимъ, что было гораздо важнѣе ремесленности. Такъ, онъ мало занимался управленіемъ Россіи, законодательствомъ, даже мало зналъ эти дѣла и потому такъ часто дѣлалъ опрометчивые шаги. Не понять значенія писцовыхъ книгъ и подворныхъ повинностей, не понять значенія обыска и состязательнаго суда можно было только при великомъ незнаніи русскихъ порядковъ. Мы уже не говоримъ о безразсудномъ нагроможденіи въ правительственномъ механизмѣ Россіи иноземныхъ должностей и ихъ названій.

доказать, если не разумѣть просто государственность съ именемъ русскаго государства.

Нужно также думать, что Петръ не могъ, подобно Іоанну IV, не вѣрить въ Россію. Въ исторіи Петра есть одинъ, особенно осязательный фактъ, который показываетъ, что онъ не только вѣрилъ въ русскій народъ, но и любилъ дѣйствительную часть Россіи, имъ пересозданную. Это тотъ моментъ, когда Петръ на поляхъ полтавской битвы, послѣ побѣды надъ Карломъ XII, пилъ за шведскихъ генераловъ, научившихъ русское войско побѣждать ихъ. Но такъ какъ полтавская битва, если понимать ее во всей сложности предшествовавшихъ обстоятельствъ, есть высшее проявленіе генія Петра, то нужно думать, что даже въ это время онъ еще больше вѣрилъ въ себя. Множество другихъ дѣлъ его уже рѣшительно показываютъ, что прежде всего онъ вѣрилъ въ себя и въ то, что можетъ все сдѣлать, т. е. вѣрилъ въ себя и въ свою власть. Во многихъ случаяхъ онъ тоже, какъ и Іоаннъ IV, не зналъ никакой сдержки съ тою лишь разницей, что не зналъ ни страха, ни хитростей Іоанна, а дѣйствовалъ смѣло и прямо. Иныя дѣла его даже совершенно сближаютъ съ Іоанномъ. Онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, отвергъ законную жену и поставилъ на ея мѣсто Екатерину. Онъ погубилъ своего сына, подорвалъ даже въ принципѣ правильность престолонаслѣдія и, можно сказать, что, умирая, бросилъ Россію на произволъ судьбы.

Эти факты совершенно достаточны, чтобы видѣть, что Петръ не зналъ сдержки, т. е. что въ его дѣлахъ было слишкомъ мало сердечнаго и нравственнаго отношенія къ дѣйствительной, живой Россіи [1]). Послѣ этого понятно, что какова бы ни была его вѣра

---

[1]) Соловьевъ, конечно, совершенно иначе смотритъ и даже приписываетъ Петру необыкновенную нравственность. Но все это болѣе талантливо и краснорѣчиво, чѣмъ справедливо и научно. „Петръ обладалъ, говоритъ Соловьевъ въ своихъ лекціяхъ о Петрѣ, необыкновеннымъ нравственнымъ величіемъ: это величіе выражалось въ томъ, что онъ не побоялся сойти съ трона и стать въ ряды солдатъ, учениковъ и работниковъ... Необыкновенное нравственное величіе Петра выражалось въ способности уважать нравственное величіе въ другихъ и сдерживаться имъ; какъ бы онъ ни былъ раздраженъ, онъ умѣлъ всегда преклониться передъ подвигомъ гражданскаго мужества, предъ рѣзкимъ, но правдивымъ словомъ подданнаго, которое противорѣчило его собственному взгляду". Собр. соч. Сол., стр. 144. Подъ эту характеристику никакъ не могутъ подойти ни расправа съ стрѣльцами, ни отверженіе жены, ни тѣмъ болѣе расправа съ сыномъ. Впрочемъ, и самъ Соловьевъ ослабляетъ эту характеристику дальнѣйшими, непосредственно затѣмъ слѣдующими словами. „Но

въ русскій народъ, она могла создавать въ русскихъ людяхъ одно лишь знаніе, которое и оказывалось постоянно бездушнымъ и безплоднымъ еще при Петрѣ, и тѣмъ болѣе послѣ его смерти. Уже впослѣдствіи русской даровитости и русской сердечности пришлось справляться съ этою односторонностію петровскихъ преобразованій, при чемъ сейчасъ же сталъ возникать вопросъ о возвратѣ къ началамъ старой Руси и о возстановленіи связи съ русскимъ народомъ, т. е. возникъ вопросъ о самобытности русской культуры.

Самъ Соловьевъ признаетъ, что петровскія преобразованія имѣли внѣшній характеръ, что русскій человѣкъ и при нихъ оставался тѣмъ же и что онъ внутренно сталъ пересоздаваться уже около половины XVIII в., при Елисаветѣ, особенно во времена Екатерины II-ой. Но у Соловьева выходитъ, что такъ и должно было быть: преобразованія начались съ внѣшняго и сдѣлались потомъ внутренними [1]). Можно однако и не держаться такого успокоительнаго воззрѣнія и не цѣнить такъ легко понесенныхъ при этомъ Россіей потерь. Тридцать семь лѣтъ Петръ нагромождалъ въ Россіи преобразованія, большею частію помимо всякой нравственности, всякой сердечности и всякаго уваженія

въ тоже время Петръ былъ человѣкъ въ высшей степени страстный, и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ явную ошибку, злонамѣренность, преступленіе, тамъ онъ уже не сдерживался, выходилъ изъ себя, становился свирѣпъ, употреблялъ матеріальныя средства для прекращенія зла и вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность, тамъ онъ схватывался съ человѣкомъ, какъ съ личнымъ врагомъ своимъ и позволялъ себѣ терзать его. Петръ умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ хорошему человѣку, и отъ этого проистекали безчисленныя благодѣтельныя послѣдствія; но онъ не умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ человѣку, какъ человѣку". Тамъ же. [1]) Т. XIII, стр. 218. Мы приводили уже это мѣсто. Процессъ движенія и здѣсь занимаетъ Соловьева просто своею внѣшностію. „Возможность возбужденія, говоритъ онъ, условливалась именно всестороннимъ движеніемъ, всестороннимъ преобразованіемъ, необходимымъ при томъ состояніи, въ какомъ находился русскій государственный организмъ, страдавшій застоемъ, отсутствіемъ средствъ къ развитію". Т. XVIII, стр. 256. Не много выше Соловьевъ даетъ намъ еще болѣе убѣдительное доказательство своего пристрастія къ процессу движенія. „Различные толки и сужденія за и противъ, говоритъ онъ, толки о томъ, какъ быть съ тѣмъ или другимъ дѣломъ, оставшимся отъ эпохи преобразованія, были именно тѣмъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ умственнаго возбужденія, которое дало русскому народу возможность жить новою жизнію и выполнять программу преобразователя". Тамъ же, стр. 255 — 6. Такъ и вспоминается при этихъ словахъ Соловьева, что послѣ опустошительной бури, пожара и вообще большаго несчастія люди бываютъ тоже сильно возбуждены и сильно озабочены, какъ быть?

къ живому организму Россіи. Преобразованія оказались внѣшними, подлежащими разбору, и, разбираясь въ нихъ, Россія дошла до бироновщины, и только спустя слишкомъ полстолѣтія отъ начала этихъ преобразованій, начала разбираться въ нихъ дѣйствительно въ своихъ интересахъ и то съ величайшимъ трудомъ и не прочнымъ успѣхомъ, какъ это доказали дѣла Петра III и много другихъ послѣдующихъ дѣлъ. Въ то значительное время, когда накоплялись преобразованія и мы начали въ нихъ разбираться, можно было сдѣлать многое и для возбужденія русской мысли и для нравственнаго подъема Россіи, и какъ великъ былъ бы Петръ, если бы наши злосчастныя смуты временъ Софіи и иноземные опричники не отвратили его отъ уваженія и любви къ живому организму русскаго государства, русскаго народа.

Нашъ историческій Петръ великъ въ добрѣ и великъ въ злѣ. Безъ иноземныхъ и своихъ опричниковъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы болѣе великъ въ добрѣ и менѣе великъ во злѣ. Справедливость этого вывода мы увидимъ и ниже въ исторіи Россіи послѣ Петра.

Время послѣ Петра, насколько оно разсмотрѣно Соловьевымъ, представляетъ у него тотъ же процессъ движенія къ усвоенію западноевропейской цивилизаціи, затрудняемый тоже старымъ нашимъ русскимъ препятствіемъ — отсталостію, косностію. Весь этотъ періодъ времени — отъ смерти Петра I и до семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія распадается у Соловьева на два главныхъ отдѣла. Сначала русскіе внѣшнимъ образомъ разбираются въ преобразованіяхъ Петра. Это по преимуществу время Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны. Потомъ процессъ этотъ дѣлается внутреннею переработкою преобразованій и обнаруживается во всей силѣ въ славныхъ дѣлахъ Екатерины II. Рѣзкую противоположность и противорѣчіе этихъ явленій Соловьевъ уничтожаетъ тѣмъ, что даетъ большое значеніе — промежуточному времени — времени Елисаветы Петровны, когда русскіе люди отъ внѣшняго усвоенія петровскихъ преобразованій переходили къ сознанію внутренняго ихъ значенія и подготовили время Екатерины II. Подробнѣйшее изложеніе дипломатическихъ нашихъ сношеній съ западной Европой и подробнѣйшее описаніе упорядоченія нашего государственнаго механизма наполняютъ главнѣйшимъ образомъ послѣдніе десять томовъ исторіи Соловьева,

обнимающихъ все это время. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ процессъ нашего движенія къ западной Европѣ дѣлался, по автору, болѣе и болѣе внутреннимъ нашимъ процессомъ, Соловьевъ болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на исторію просвѣщенія и литературы того времени. Исторія академіи наукъ, московскаго университета, исторія Ломоносова и его борьба съ иноземцами-учеными изложены весьма подробно.

Русская косность, по автору, выразились особенно ясно въ ретроградствѣ представителей русскаго народа по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, которое будто бы гораздо выше ихъ понимала Екатерина. Впрочемъ, и во все время XVIII в. русская косность сказывалась въ неумѣніи или нерадѣніи касательно исполненія постановленій и предначертаній правительства, которое постоянно должно было бороться съ этими русскими недугами. Этимъ выдерживался тотъ коренной взглядъ Соловьева, что движущая цивилизаціонная сила неизмѣнно сохранялась въ государственной, правительственной русской средѣ. При проведеніи этого взгляда Соловьевъ однако встрѣтилъ и въ XVIII вѣкѣ нѣсколько большихъ камней претыканія. Самые большіе изъ нихъ — это во-первыхъ бироновщина, когда русское правительство было въ рукахъ иноземца, сдѣлавшагося послѣ смерти Анны Іоанновны правителемъ русскаго государства, какъ бы отъ имени балтійскихъ нѣмцевъ, у которыхъ онъ былъ курляндскимъ герцогомъ, и во-вторыхъ, кратковременная, но тоже оскорбительная гольштинщина Петра III, безразсудно оскорблявшаго все русское и съ самоотверженіемъ служившаго интересамъ недавно тогда побитаго и смиреннаго нами прусскаго короля Фридриха II.

Соловьевъ признаетъ всю силу народнаго бѣдствія и униженія въ этихъ двухъ явленіяхъ. О времени Бирона, онъ говоритъ: ... „оно навсегда останется самымъ темнымъ временемъ въ нашей исторіи XVIII вѣка, ибо дѣло шло не о частныхъ бѣдствіяхъ, не о матеріальныхъ лишеніяхъ: народный духъ страдалъ, чувствовалась измѣна основному жизненному правилу великаго преобразователя, чувствовалась самая темная сторона новой жизни, чувствовалось иго съ запада, болѣе тяжкое, чѣмъ прежнее иго съ востока, иго татарское. Полтавскій побѣдитель былъ приниженъ, рабствовалъ Бирону, который говорилъ: вы русскіе“ [1])...

[1]) Т. XXIV, стр. 420.

Характеризуя положеніе Россіи при томъ же Биронѣ, когда онъ былъ уже регентомъ малолѣтняго преемника Анны Іоановны — Ивана Антоновича, Соловьевъ еще рѣзче отзывается о Биронѣ, какъ объ оскорбителѣ самаго принципа русской государственной власти. „Тяжелъ былъ Биронъ, говоритъ онъ, какъ фаворитъ, какъ фаворитъ-иноземецъ; но все же онъ тогда не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ, и хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнымъ, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго складывались всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становится правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, наброшенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали для Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались священнымъ именемъ законныхъ наслѣдниковъ престола. Недавно противники преобразованія (астраханцы, донцы, особенно раскольники) называли преобразователя иноземцемъ, подкидышемъ въ семьѣ русскихъ царей; но другіе, и лучшіе люди смѣялись надъ этими баснями. А теперь, въявь, безъ прикрытія, иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіею и будетъ управлять семнадцать лѣтъ,—по какому праву? потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Какими глазами православный русскій могъ теперь смотрѣть на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безнравственному иноземцу, какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было нельзя“ [1]).

Но какъ же объяснить это чудовищное явленіе, возникшее такъ скоро послѣ Петра, въ такой тѣсной связи съ предшествовавшими меньшаго значенія явленіями, и главное, возникшее при жизни еще многочисленныхъ петровскихъ людей, петровскихъ птенцовъ, какъ ихъ называетъ Соловьевъ? На нихъ-то прежде всего Соловьевъ и сваливаетъ эту бѣду. „Птенцы его (Петра)

[1]) Т. XXI, стр. 10 — 11.

завели усобицы, начали вытѣснять другъ друга, ряды ихъ разрѣдѣли, а этимъ воспользовались иностранцы и пробрались до высшихъ мѣстъ“ [1]). При этомъ Соловьевъ осуждаетъ несчастную попытку русскихъ 1730 г. ограничить самодержавную власть, попытку, которая нанесла тяжкій ударъ русскимъ фамиліямъ, стоявшимъ на верху, и этимъ помогла иноземцамъ еще болѣе усилить свою власть [2]). Но кромѣ этой вины, Соловьевъ находитъ еще болѣе общую вину или, правильнѣе, причину такого грустнаго господства иноземцевъ. Тутъ уже выступаетъ весь русскій народъ и рядомъ съ нимъ какъ бы историческая необходимость. „Самая сильная опасность, говоритъ онъ, при переходѣ русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой въ жизнь общественную народовъ,—главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чужимъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ, поэтому, надобно было учиться. Въ этомъ-то ученическомъ положеніи относительно чужихъ живыхъ народовъ и заключалась опасность для силы и самостоятельности русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностію въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія? Примѣромъ служили крайности подчиненія западныхъ европейскихъ народовъ своимъ учителямъ — грекамъ и римлянамъ, когда они въ эпоху возрожденія совершали такой же переходъ, какой русскіе совершили въ эпоху преобразованія, съ тѣмъ различіемъ, что опасность подчиненія уменьшалась для западныхъ народовъ тѣмъ, что они подчинялись народамъ мертвымъ, тогда какъ русскій народъ долженъ былъ учиться у живыхъ учителей“ [3]).

Слѣдовательно, русскимъ преобразователямъ никогда не слѣдовало забывать этой опасности, строго различать ремесленную и духовную западноевропейскую культуру, и не только не насиловать русскихъ во имя преобразованій по чужимъ образцамъ, а напротивъ, давать возможно большій просторъ ихъ собственной русской самодѣятельности и сдерживать страстные порывы къ усвоенію иноземнаго, особенно въ такой странѣ, гдѣ власть такъ много значитъ. Соловьевъ бросаетъ въ эту сторону лишь одну тѣнь и то собственно для оправданія Петра. Онъ осуж-

[1]) Т. XXIV, стр. 420. [2]) Тамъ же. [3]) Т. XXIV, стр. 419.

даетъ правительства ближайшихъ преемниковъ Петра за то, что они отступили отъ петровскаго правила не назначать на высшія мѣста иностранцевъ.

Какъ неожиданно однако могла подкрасться эта опасность для національнаго развитія, это лучше всего доказали дѣла Петра III. 14-ти-лѣтній мальчикъ, взятый ко двору такой русской и благочестивой государыни, какъ Елисавета Петровна, и при такомъ развитомъ, въ смыслѣ національномъ, обществѣ, какимъ казалось русское того времени, Петръ III мало того, что оказался вскорѣ развратнымъ человѣкомъ, проводившимъ время въ возмутительныхъ, открытыхъ оргіяхъ, но оказался жестокимъ оскорбителемъ русской народности и даже русской вѣры. Гольштинцы сдѣлались первыми людьми въ русскомъ войскѣ; прусскій посланникъ Гольцъ управлялъ Россіей. Соловьевъ съ чисто русской точки зрѣнія возмущается и этимъ позорнымъ явленіемъ нашей исторіи XVIII вѣка, особенно униженіемъ достоинства Россіи передъ Фридрихомъ II, и щедро черпаетъ извѣстія о безобразіяхъ Петра III изъ показаній современника и очевидца этихъ безобразій — Болотова и другихъ [1]). Соловьевъ даже рисуетъ намъ картину всеобщаго тогда въ Россіи ропота и усилій многихъ русскихъ отклонить Петра III отъ его безразсудствъ, слѣдовательно, корень этого зла былъ, по его же взгляду, не въ русскомъ обществѣ и народѣ. Но гдѣ же онъ и гдѣ та почва на Руси, въ которой этотъ корень нашелъ себѣ хотя нѣкоторое укрѣпленіе и пищу? Соловьевъ не даетъ на это никакого отвѣта, а отвѣтъ долженъ быть. Онъ заключается въ томъ, что страшная ломка Россіи Петромъ для введенія въ нее всего иноземнаго, повергла ее какъ бы въ летаргію и развила привычку къ ломкѣ и въ русскихъ, и въ иноземцахъ. Потому-то ее и возможно было совершать, даже въ такое русское, народное время, какъ время елисаветинское, и такому ничтожному человѣку, какъ Петръ III.

Силу этого отвѣта легко измѣрить слѣдующими свидѣтельствами, приведенными у самого же Соловьева. Извѣстный проповѣдникъ митрополитъ Амвросій въ проповѣди на день рожденія Елисаветы, сказанной 18 дек. 1741 г., характеризуя только что тогда павшее господство иноземцевъ въ Россіи времени Би-

---

[1]) Т. XXV, стр. 68 — 87 и далѣе.

рона, между прочимъ, говоритъ, что они постоянно заводили рѣчь объ ученыхъ людяхъ съ тѣмъ, чтобы, узнавъ таковыхъ между русскими, погубить ихъ, но не одними учеными они ограничивали свою адскую тактику. „Былъ ли кто изъ русскихъ, говоритъ онъ, искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитекторъ или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитекторъ, что онъ ученикъ Петра Великаго"... (Послѣ перечисленія разныхъ мукъ, ораторъ заключаетъ). „Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили и проч." [1]). О времени Петра III въ первомъ манифестѣ Екатерины II (28 и 29 іюня 1762 г.) говорится: „Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества россійскаго явно оказалось, какая опасность всему россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ, а именно, законъ нашъ православный греческій первѣе всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковъ наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоносным оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ (прусскимъ королемъ) отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены" [2]).

Какъ бы ни ослаблять силу этихъ свидѣтельствъ [3]), она все

---

[1]) Т. XXI, стр. 181—2. [2]) Т. XXV, стр. 114. [3]) Соловьевъ проповѣдь Амвросія подрываетъ тѣмъ, что Амвросій самъ усердствовалъ въ пользу Анны Леопольдовны (XXI, стр. 179 — 180), а значеніе манифеста ослабляетъ спѣшностію его составленія (т. XXV, стр. 114).

таки останется очень великою. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Манифестъ Екатерины распространился по западной Россіи, гдѣ всегда особенно чутки къ направленію русской политики, и произвелъ такое дѣйствіе, что на коронацію Екатерины прибылъ бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій и въ восторженной рѣчи привѣтствовалъ ее отъ имени своей паствы, которую объявлялъ вѣрноподданною Екатеринѣ и призывалъ новую императрицу взять подъ свою защиту бѣлоруссовъ, а уніатскія власти въ западной Россіи такъ были встревожены этимъ манифестомъ, что внесли его въ число документовъ своего архива. Ликованія въ восточной Россіи по поводу вступленія на престолъ Екатерины общеизвѣстны. Смыслъ всѣхъ ликованій и въ западной и въ восточной Россіи былъ ясенъ. Всѣ радовались тому, что оскорбленія русской народности прекращаются, что отнынѣ будетъ опять русское направленіе.

Новая государыня прямо и заявила, что будетъ охранять и вѣру и народность русскую. (Это ясно сказано во второмъ манифестѣ, отъ 6 іюля 1762 г.). Кромѣ того извѣстно, что Екатерина, подобно Елисаветѣ, даже еще болѣе, чѣмъ Елисавета, выдвинута чисто русскими людьми. Такимъ образомъ, принципъ народности оказался первѣйшею основою русской государственной жизни и былъ признанъ таковымъ двумя лучшими правительствами Россіи XVIII в., и принципъ не отвлеченный, слабо очерченный, а дѣйствительный русскій принципъ.

Съ этой-то точки зрѣнія должна быть разсматриваема вся исторія Россіи XVIII вѣка, и тогда самымъ важнымъ временемъ будетъ — время Елисаветы Петровны, при которой нужды русской народности впервые послѣ долгаго времени освѣщены были яснымъ сознаніемъ и которую только родство съ Петромъ удерживало отъ еще болѣе рѣшительнаго разрыва съ его дѣлами. Время до Елисаветы должно быть признано неумолимымъ обличеніемъ дурной стороны петровскихъ преобразованій, а время Екатерины II — неоспоримымъ доказательствомъ, какъ трудно оправдать теорію, что идеалъ цивилизаціи Россіи — въ западной Европѣ. Не даромъ лучшіе русскіе люди времени Екатерины, какъ Болтинъ, заговорили объ особенности Россіи отъ западной Европы и о различіи ихъ культуръ. Впрочемъ, и черезъ всю исторію XVIII в. систематически проходятъ нѣкоторыя общія идеи, какъ бы уже

независимо отъ направленія того или другаго царствованія. Это — постепенное выдѣленіе интеллигентной личности и уничиженіе личности крестьянина, а корень того и другого — крѣпостное право, освѣщенное западноевропейскими воззрѣніями. На высшей степени развитія личныхъ правъ при Екатеринѣ русскій дворянинъ оказался страстнымъ поборникомъ крѣпостного права и даже заразившимъ этою страстію другія сословія. Соловьевъ по обычаю видитъ въ этомъ русскую отсталость. Но такой отвѣтъ не можетъ удовлетворять научнымъ требованіямъ и заставляетъ искать для этихъ явленій и для всей исторіи XVIII вѣка другихъ объясненій.

И стрѣлецкія волненія во время первой поѣздки Петра (1697 и 1698 г.) за-границу, и астраханскій (1705 г.) бунтъ послѣ торжественнаго призыва иностранцевъ въ Россію, а тѣмъ болѣе булавинскій бунтъ 1707 г. въ виду вторгающагося въ Россію непріятеля — шведовъ ясно показывали, что Петръ въ своихъ преобразованіяхъ идетъ не народнымъ путемъ. Петръ ясно понималъ силу грознаго указанія своего народа. Въ 1705 г., когда начался астраханскій бунтъ, Петръ думалъ, что бунтъ этотъ можетъ не только разлиться по югу Россіи, но и захватить Москву, потому приказывалъ вывезти изъ Москвы казну и оружіе или скрыть гдѣ либо [1]). Но никогда разладъ между старою и новою — петровскою Россіей не раскрывался передъ Петромъ яснѣе, какъ въ 1718 и 1719 годахъ, во время суднаго дѣла надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Петръ, послѣ стольких лѣтъ труда для преобразованій, увидѣлъ передъ собою неисчислимыхъ враговъ уже не въ средѣ лишь раскольниковъ, козаковъ, крестьянъ, а и въ средѣ духовенства, въ средѣ чиновныхъ и знатныхъ людей. Попадались даже нѣкоторые члены такихъ родовъ, которые всею своею исторіей новыхъ временъ привязаны были къ Петру, какъ одинъ изъ Долгорукихъ [2]) и одинъ изъ Нарышкиныхъ [3]). И во главѣ всѣхъ ихъ родной сынъ Петра, Алексѣй Петровичъ, законный его наслѣдникъ! Даже изъ могучей и малосердечной груди Петра вырвался тогда тяжкій стонъ: „страдаю, а все за отечество, желая ему полезное; враги пакости мнѣ дѣютъ демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе

[1]) Т. XV, стр. 148—9. [2]) Василій Владиміровичъ. Сол. томъ XVII, 203, 207—8. [3]) Иванъ Нарышкинъ. Сол. т. XVII, 199—200.

невѣдомо, Богъ зритъ правду“ [1]). Но прежде суда божія и суда исторіи, которой дѣло его стало вѣдомо, и, между прочимъ, вѣдомо стало и то, что расправа съ Алексѣемъ Петровичемъ находится въ связи съ рожденіемъ Екатериной новаго наслѣдника престола Павла Петровича (вскорѣ скончавшагося), Петръ самъ разобралъ это дѣло и далъ такую правду своимъ врагамъ во всѣхъ ихъ сословіяхъ, что поразилъ Россію новымъ и еще большимъ ужасомъ. Подъ вліяніемъ этихъ событій новые петровскіе люди, и свои и чужіе, сдвинулись уже помимо всякихъ національныхъ счетовъ и дали новую силу логикѣ петровскихъ преобразованій, — подавленію всего русскаго и укрѣпленію всего иноземнаго. Результатомъ этого было возведеніе на престолъ Екатерины I и сейчасъ же два удара въ самыя основанія петровскаго зданія,—верховный совѣтъ надъ сенатомъ [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ совѣтѣ рядомъ съ русскими засѣли: иноземецъ Остерманъ и даже иноземный принцъ—зять Екатерины, герцогъ гольштинскій [3]) который занималъ въ немъ первенствующее положеніе [4]) и даже заслонялъ Петра Алексѣевича [5]).

Эти смѣлые шаги сопровождались уступками, доказывавшими великую слабость новаго правительства и способность его дѣлать и дальше отреченіе отъ петровскихъ взглядовъ. Это правительство начало опасную игру—задабриваніе войска, какъ единственной его охраны и, безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ стало заботиться объ облегченіи тягостей изнуреннаго народа. Но никакія хитрости не могли отвлечь вниманія русскаго народа отъ главнѣйшей его заботы,—заботы объ единственномъ наслѣдникѣ русскаго престола — малолѣтнемъ Петрѣ Алексѣевичѣ. Старая, повидимому, задавленная Россія сказывалась и теперь. Всѣ это

[1]) Т. XVII, стр. 216. [2]) Соловьевъ совершенно неправильно оцѣниваетъ эти измѣненія. „Нѣкоторое противодѣйствіе, говоритъ онъ, петровскимъ началамъ обнаружилось въ усиленіи личнаго управленія въ областяхъ, въ надстройкѣ лишняго этажа надъ сенатомъ, то подъ именемъ верховнаго тайнаго совѣта, то подъ именемъ кабинета“. Т. XXIV, стр. 419. Теперь едвали можетъ подлежать спору, что основная мысль во всѣхъ важнѣйшихъ петровскихъ учрежденіяхъ та, чтобы правительственныя лица сверху до низу стояли не единолично, а коллегіально, и чтобы только единоличность самодержца стояла особо, возвышалась надъ всѣми. Слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, что единоличность въ управленіи областей или верховный совѣтъ или кабинетъ, прокладывавшіе тоже путь къ единоличности государственныхъ людей, были неважными перемѣнами петровскихъ началъ. [3]) Т. XVIII, стр. 288—9. [4]) Т. XVIII, стр. 920, § 1. [5]) Т. XIX, стр. 80.

видѣли и основательно узнавали изъ подметныхъ писемъ[1]). Пришлось думать о сдѣлкахъ съ этой старой Россіей. Хитрѣйшій изъ нѣмцевъ Остерманъ придумалъ замысловатый планъ раздѣлить совсѣмъ старую Россію и новую,—коренную Россію и инородческія сѣверозападныя пріобрѣтенія Петра—прибалтійскій край, и предлагалъ въ первой сдѣлать императоромъ Петра, а во второй—правительницей Елисавету. Для видимаго единства этихъ частей Россіи женить Петра-племянника на Елисаветѣ—родной теткѣ съ такимъ однако условіемъ, чтобы новая Россія перешла въ потомство Анны Петровны, т. е. принца гольштинскаго[2]). Но эта хитрость была уже слишкомъ хитрою[3]). Ее бросили, и устроена была, хотя съ другою затаенною мыслію, но, повидимому, прямая сдѣлка съ старой Россіей признаніемъ просто наслѣдникомъ Екатерины малолѣтняго Петра Алексѣевича, который и сдѣланъ императоромъ послѣ смерти Екатерины подъ главнѣйшимъ руководствомъ самаго дурного русскаго—Меншикова, возмечтавшаго быть тестемъ императора, и самаго коварнаго иноземца—Остермана. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Долгорукіе перебили у нихъ Петра столь же низкими средствами и тоже обсчитались, потому что мальчикъ не вынесъ разгульнаго потворства и изгибъ.

Послѣ такого чудовищнаго превращенія верховниковъ во временщиковъ, прикасавшихся къ самому русскому самодержавному вѣнцу, совершенно естественно случилось, что въ средѣ ихъ явилась мысль упрочить свое положеніе, и для этого ограничить русское самодержавіе. Но замѣчательно, что къ этимъ дурнымъ замысламъ присоединилась чисто русская заботливость какъ нибудь устроить дѣла Россіи и оградить ихъ отъ случайныхъ перемѣнъ. Поэтому, замыслъ верховниковъ заражаетъ всѣ остальные петровскіе ранги — военные и гражданскіе, все шляхетство, составляются кружки, пишутся проекты устройства Россіи по образцу западноевропейскихъ конституцій. Но это естественное развитіе петровскихъ заимствованій съ запада и, въ частности, это естественное развитіе верховнаго совѣта и примѣсь чисто русскихъ

[1]) Соловьевъ, т. XIX, стр. 79 — 80. [2]) Тамъ же, стр. 81 — 2. [3]) Мысль о выдѣленіи завоеванныхъ Петромъ балтійскихъ областей, особенно Лифляндіи, по характеру управленія, высказывалъ еще въ 1726 г. принцъ гольштинскій. Сол. т. XVIII, стр. 296.

стремленій не представляютъ стройности. Старые и новые люди, верхніе и нижніе въ разбродѣ. Верховники опереживаютъ шляхетство и предлагаютъ Аннѣ Іоанновнѣ ограничительныя условія; но вмѣстѣ съ этими условіями полетѣло въ Митаву и опередило ихъ извѣстіе изъ низшихъ сферъ шляхетства, что условія не всѣми приняты и не могутъ имѣть силы. Среди этого разброда стройно, согласно ведется третья работа. Русскій архіерей, недостойный этого имени, Ѳеофанъ Прокоповичъ и извѣстный намъ иноземецъ Остерманъ работаютъ тоже въ пользу русскаго самодержавія, призываютъ къ содѣйствію русскую гвардію, и сверхъ ожиданія и верховниковъ, и большинства шляхетства, возстановляютъ русское самодержавіе [1]). Подготовилась неизбѣжная опала русскимъ людямъ и старой и новой Россіи, и верхнихъ и нижнихъ чиновъ. Ихъ сословію, впрочемъ, брошена была западноевропейская милость не служить государству всю жизнь, а только опредѣленный (25 л.) срокъ, слѣдовательно, владѣть крѣпостными и послѣ своего раскрѣпощенія, по сословной привиллегіи. Замѣчательно, что полную свободу отъ службы далъ русскому дворянству другой посрамитель Россіи—Петръ III. Расчищенъ путь Бирону не только къ могуществу фаворита, но и къ управленію Россіей въ качествѣ регента [2]). Русское самодержавіе страшно посрамлено, русскія войска при внѣшнемъ благоустройствѣ превращены Минихомъ въ ничего нестоющее пушечное мясо для пустыхъ военныхъ предпріятій; повержена въ униженіе и опасность родная дочь Петра—Елисавета Петровна.

Вотъ, въ этомъ то униженіи, въ низменной средѣ простыхъ людей устроилось первое народное примиреніе лучшихъ петровскихъ дѣлъ и старой Россіи; тутъ же завязался вновь узелъ и тѣсной народной связи западной и восточной Россіи. Самъ Со-

---

[1]) Соловьевъ, т. XX, стр. 175. Всѣ эти вещи гораздо полнѣе, обстоятельнѣе чѣмъ у Соловьева, изложены въ сочиненіи г. Корсакова — Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань, 1880 г. Подробная и суровая критика этого сочиненія сдѣлана была проф. Загоскинымъ. Казанскія унив. изв. 1882 г., № 1, отд. критики, стр. 1 — 71. [2]) Извѣстно, что Биронъ мечталъ было стать еще выше. Когда Анна Ивановна задумала сохранить русскій престолъ въ своемъ родѣ и стала выдвигать свою племянницу, Анну Леопольдовну, дочь Екатерины Ивановны мекленбургской, и начались хлопоты, чтобы выдать ее замужъ за принца Антона Брауншвейгскаго, то Биронъ затѣялъ устранить этого жениха и женить на Аннѣ Леопольдовнѣ своего сына (см. Сол. т. XX, стр. 430 — 1).

ловьевъ, хотя не безъ оттѣнка своихъ воззрѣній, прекрасно описываетъ эту народную связь. „Опальное положеніе, говоритъ онъ, уединенная жизнь Елисаветы при Аннѣ послужили въ выгодѣ цесаревны. Молодая, вѣтреная, шаловливая красавица, возбуждавшая разныя чувства, кромѣ—чувства уваженія, исчезла. Елисавета возмужала, сохранивъ свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный, царственный характеръ. Рѣдко, въ торжественныхъ случаяхъ являлась она предъ народомъ прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная; являлась какъ молчаливый протестъ противъ тяжелаго, оскорбительнаго для народной чести настоящаго, какъ живое и прекрасное напоминаніе о славномъ прошедшемъ, которое теперь уже становилось не только славнымъ, но и счастливымъ прошедшимъ. Теперь уже при видѣ Елисаветы возбуждалось умиленіе, уваженіе, печаль; тяжелая участь дала ей право на возбужденіе этихъ чувствъ тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ дочерью Петра всѣ русскіе были въ бѣдѣ, опалѣ; а тутъ еще слухи, что нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки цесаревны Елисаветы Петровны“ [1]). Объ этой добротѣ лучше всего знали въ народѣ, благодаря тому, что главный доходъ Елисавета имѣла съ своихъ имѣній, которыми сама много занималась [2]). Гвардейцы, которыхъ ласкала Екатерина I, которые возстановили самодержавіе Анны Іоанновны, гвардейцы выдвинули на законное мѣсто и Елисавету Петровну, но уже съ чисто-русскимъ знаменемъ, поэтому за гвардейцами пошли и плотно окружили престолъ Елисаветы вообще русскіе люди. Русское разумѣніе проникало и явными и незримыми путями во всѣ дѣла. Русская политика пошла по совершенно новому пути,—поколебленъ былъ главный корень славянской напасти—Пруссія. Русскія войска смирили Фридриха II. Тронутъ былъ, хотя, повидимому, нечувствительно, другой корень славянской напасти—Австрія, откуда пошли славянскіе колонисты для пустыннаго юга Россіи. Въ западной Россіи, въ предѣлахъ польскаго королевства, во многихъ церквахъ не только православныхъ, но и считавшихся уніатскими, къ ужасу уніатовъ и латинянъ, поминалась, какъ природная государыня, Елисавета Петровна, а также русскій святѣйшій синодъ. Заговорилъ оглушающимъ иноземцевъ словомъ въ ака-

---

[1]) Соловьевъ, т. XXI, стр. 123. [2]) Тамъ же, стр. 120.

деміи наукъ нашъ холмогорскій рыбакъ—Ломоносовъ и возникъ въ средоточіи Россіи—Москвѣ дѣйствительный разсадникъ высшаго знанія—московскій университетъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны стала какъ бы носиться слабая мысль о русскомъ земствѣ и призывались русскіе депутаты для внутренняго благоустройства Россіи—для составленія уложенія. Животворность и обаяніе русскаго народнаго направленія были такъ ясны и способны увлекать, что проникли въ душу нѣмки Екатерины—будущей императрицы, а теперь цесаревны, имѣвшей не мало времени приглядѣться къ дѣламъ и понять ихъ, такъ что впослѣдствіи она явно исполняла программу Елисаветы съ необыкновеннымъ умомъ, но безъ той русской сердечности, какою обладала Елисавета.

Сама же Екатерина въ своемъ наказѣ свидѣтельствуетъ, что „двадцать лѣтъ государствованія Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія“ [1]). Самъ Соловьевъ, великій поклонникъ Екатерины, прекрасно воздаетъ должное Елисаветѣ. „Россія пришла въ себя“, говоритъ онъ о времени Елисаветы. „Народная дѣятельность распеленывается уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки являются на помощь землевладѣльцу и купцу; на востокѣ начинается сильная разработка рудныхъ богатствъ; торговля съ среднею Азіей принимаетъ обширные размѣры; южныя степи получаютъ изъ за-границы населеніе, однородное съ главнымъ населеніемъ, поэтому легко съ нимъ сливающееся, а не чуждое, которое не перевариваетя въ народномъ тѣлѣ; учреждается генеральное межеваніе; вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи приготовленъ къ рѣшенію въ тѣсной связи съ благотворительными учрежденіями; народъ, пришедшій въ себя, начинаетъ говорить отъ себя и про себя, и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа, являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства, является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ. Человѣкъ, гибнувшій прежде подъ топоромъ палача, становится полезнымъ работникомъ въ странѣ, которая болѣе, чѣмъ какая либо другая, нуждается въ рабочей силѣ; пытка

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 77.

заботливо устраняется при первой возможности и такимъ образомъ на практикѣ приготовляется ея уничтоженіе; для будущаго времени приготовляется новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правилахъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія, воспитывается, приготовляется цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины II" [1]).

Но Елисавета Петровна, такъ счастливо мирившая старую, допетровскую и новую, петровскую Россію, не имѣла силъ стать выше той и другой по вопросу крестьянскому. Напротивъ, буря, выдвинувшая ее, поставила ее въ зависимость отъ выдвинувшихъ, и она щедро оплачивала эту услугу пожалованіемъ крѣпостныхъ, т. е. переводомъ государственныхъ крестьянъ въ положеніе помѣщичьихъ, чему усердно подражала и Екатерина II. Впрочемъ, нравственное народное успокоеніе отразилось и на крестьянахъ. Многочисленныя частныя крестьянскія возстанія при Елисаветѣ не имѣли политическаго характера. Поразительная прямота и благодушіе равно выражались и крестьянами и правительствомъ, такъ что эти волненія какъ будто ничего общаго не имѣютъ съ ужаснымъ бунтомъ Пугачева.

Другою темною стороною елисаветинскаго времени было то, что наша русская интеллигенція, заразившись страстію къ иноземству, не могла побороть ея и потому перемѣстила лишь центръ тяжести для удовлетворенія этой страсти. До того времени господствующимъ у насъ типомъ иноземной цивилизаціи былъ нѣмецкій. При Елисаветѣ шли противъ нѣмцевъ, но нашли другія націи для подражанія—итальянскую, англійскую, особенно французскую. По этому пути тоже пошла Екатерина. Всѣмъ извѣстна ея дружба съ французскими философами и развитіе у насъ такъ называемаго волтеріанства. Соловьевъ освѣщаетъ это направленіе съ своей обычной точки зрѣнія. Приступая къ обозрѣнію просвѣщенія въ послѣднія годы Елисаветы и въ первые Екатерины, онъ говоритъ о развитіи литературы этого періода, что оно не могло совершаться независимо: „Россія вошла уже въ общую жизнь Европы, вошла недавно и потому необходимо все вниманіе ея обращено было на западъ, къ народамъ старшимъ по ци-

[1]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 420—1.

вилизаціи, слѣдовательно, русская мысль и ея выраженіе не могли остаться безъ сильнаго вліянія умственной жизни на западѣ. Западная умственная жизнь, какъ при Елисаветѣ, такъ и при Екатеринѣ находилась въ одинакихъ условіяхъ, находилась подъ вліяніемъ французской литературы, слѣдовательно, это же вліяніе должно было замѣтнымъ образомъ отразиться и въ русской умственной жизни" [1]).

Обѣ эти темныя стороны елисаветинскаго времени — крѣпостное состояніе и проникновеніе въ нашу интеллигенцію западноевропейскихъ началъ жизни — сказались и развились при Екатеринѣ, которую мы такъ часто упоминаемъ. Екатерина II была интеллигентною государыней, даже независимо отъ своего нѣмецкаго происхожденія. Она еще больше Елисаветы обязана была лицамъ, ее выдвинувшимъ, и гораздо дольше Елисаветы имѣла въ нихъ нужду, потому что кромѣ катастрофы своего мужа она создала себѣ еще затрудненіе въ своемъ сынѣ, Павлѣ, котораго держала въ черномъ тѣлѣ даже во время его полнаго совершеннолѣтія. Всѣмъ извѣстны ея славныя дѣла; но если безпристрастно присмотрѣться къ этимъ дѣламъ, то окажется, что лучи этой славы меньше падали на дѣйствительную русскую землю, чѣмъ должны были бы и могли падать.

Елисаветинскія отношенія къ Пруссіи Екатериной испорчены. Прусскій король, „злодѣй" въ первомъ манифестѣ Екатерины, сталъ вскорѣ ея другомъ и очень усилившимся другомъ. Польскій вопросъ изъ за этого друга рѣшаемъ быть три раза вмѣсто одного, какъ подготовилъ было его самъ русскій народъ, да и въ три раза онъ былъ разрѣшенъ самымъ выгоднымъ образомъ для нѣмцевъ и вредно для Россіи. Ниже мы покажемъ яснѣе эту сторону екатерининскаго рѣшенія польскаго вопроса.

Славное завоеваніе Крыма и завоеваніе у Турціи береговой черноморской области испорчены нѣмецкою колонизаціей и непониманіемъ славянскаго вопроса. При надлежащемъ пониманіи русскаго и славянскаго вопросовъ иноземная Одесса нашего вре-

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 204. Въ нашей литературѣ есть сочиненіе, которое представляетъ поражающую картину пересозданія цѣлаго русскаго рода изъ русскаго въ западноевропейскій, да еще какихъ русскихъ! — чистѣйшихъ малороссовъ изъ простой среды. Это—Семейство Разумовскихъ, соч. А. Васильчикова, три тома, Спб. 1880 — 1882 г.

мени была бы невозможна, все наше побережье черного моря было бы плотно усажено русскимъ и славянскимъ элементами и нижній Дунай, по всей вѣроятности, давно былъ бы въ русскихъ рукахъ.

Говоря все это, мы, конечно, не думаемъ отвергать значенія ни того, что тогда возвращены русскому народу сѣверные берега черного моря, ни того, что славными нашими побѣдами мы подорвали силу Турціи и показали всѣмъ славянамъ нашу, родную имъ силу и опору. Еще менѣе можно подвергать сомнѣнію то, что при Екатеринѣ русскій кругозоръ далеко расширился, русская энергія сильно была возбуждена вновь и, что̀ особенно важно, то и другое дѣлалось и болѣе свободно и болѣе сердечно, чѣмъ при Петрѣ. Внутреннее достоинство русской народности выступало яснѣе и яснѣе, и привлекало къ себѣ не только вниманіе, но и уваженіе. Даже іезуиты взялись вести воспитаніе въ русскомъ духѣ и на русскомъ языкѣ, а бѣлорусскіе уніаты изъ силъ выбивались, чтобы доказать, что они могутъ лучше вести это дѣло, потому что они болѣе русскіе, чѣмъ іезуиты. Это небывалый успѣхъ русскаго національнаго развитія, отъ котораго и теперь мы далеки [1]). Еще болѣе цѣнны заботы Екатерины о просвѣщеніи и та общественная свобода, какая при ней была.

Въ этомъ отношеніи время Екатерины нужно назвать блестящимъ, даже болѣе, чѣмъ елисаветинское, и оба эти періода имѣютъ необыкновенно важное у насъ историческое значеніе. Наша исторія особенно временъ московской и петровской государственности была слишкомъ часто пагубной для нашей интеллигенціи. Такіе разгромы, какъ татарскій, Іоанна IV, смутнаго времени, стрѣлецкихъ бунтовъ, петровскій и бироновскій были жестокимъ пониженіемъ русской цивилизаціи уже по тому одному, что загубили слишкомъ много образованныхъ по тому времени русскихъ людей,— двигателей русской мысли и жизни. Времена Елисаветы и Екатерины, какъ и времена первыхъ Романовыхъ, были отдыхомъ для русской интеллигенціи, какъ мы уже и прежде ука-

[1]) Весьма недавно (сент. 1881 г.) въ варшавскомъ университетѣ одно заявленіе русскаго профессора (Ант. Сем. Будиловича), что церковно-славянскій языкъ — основа всѣхъ славянскихъ языковъ и что русскій языкъ и литература богаче ихъ всѣхъ, вызвало взрывъ негодованія въ польскихъ студентахъ, въ польскомъ обществѣ, повело къ недостойной демонстраціи, потребовавшей вмѣшательства жандармовъ.

зывали, дали ей возможность возродиться и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Но никогда не нужно забывать, что все это блага главнѣйшимъ образомъ интеллигентныя и что рядомъ съ ними не только существовало, но и постоянно усиливалось старое страшное зло — крѣпостное право.

Соловьевъ съ особенною силою выставляетъ высоту взглядовъ Екатерины по этому, именно, самому вопросу,—крестьянскому. Онъ обращаетъ вниманіе на исторію екатерининской преміи въ вольномъ экономическомъ обществѣ за сочиненіе объ освобожденіи крестьянъ и еще болѣе на исторію этого вопроса въ коммиссіи по составленію уложенія. Соловьевъ освѣтилъ это дѣло даже съ новой стороны. Онъ обратилъ вниманіе на сохранившійся черновой отрывокъ наказа Екатерины касательно крестьянъ, измѣненный поправками разныхъ лицъ, которыхъ она приглашала для этого еще до открытія засѣданій коммиссіи. Собирая въ одно мѣста черновой рукописи, выпущенныя въ печатномъ наказѣ, мы можемъ составить понятіе о планѣ Екатерины касательно освобожденія крестьянъ. Екатерина различаетъ въ русскомъ крестьянствѣ—собственно крестьянъ, сидящихъ на землѣ и дворовыхъ, или по ея словамъ: „два рода покорностей: одна существенная (имущественная), другая личная" т. е. крестьянство и холопство. Касательно крестьянства существеннаго или имущественнаго Екатерина предполагаетъ запретить переводъ ихъ во дворъ, т. е. сдвигать крестьянина съ земли, перенести право суда надъ нимъ въ сферу правительства и сферу выборныхъ отъ самихъ крестьянъ и опредѣлить право выкупа на волю. Касательно холоповъ или дворовыхъ Екатерина предполагаетъ принять мѣры, чтобы этотъ разрядъ людей не увеличивался, чтобы нѣкоторыя службы у владѣющихъ рабами исполнялись свободными людьми и чтобы крайніе случаи злоупотребленій властью надъ рабами, какъ насиліе надъ женщиной—рабой, вели къ освобожденію цѣлой семьи раба. Наконецъ, въ отрывкѣ ставится общій вопросъ, полезно ли государству имѣть рабовъ. Вопроса объ освобожденіи крестьянъ съ землей не видно. Замѣчательно, что, касаясь исторіи крѣпостныхъ, Екатерина въ своемъ наказѣ указываетъ на случаи изъ римской исторіи, особенно изъ нѣмецкой, но вовсе не обращается къ древней русской исторіи.

Взгляды Екатерины на освобожденіе крестьянъ выясняются

еще въ ея заботахъ подготовить научнымъ образомъ рѣшеніе этого вопроса. Мы разумѣется премію вольному экономическому обществу за сочиненіе на тему: въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обработываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общественной имѣть можетъ? Въ числѣ отвѣтовъ на эту тему были и такіе, въ которыхъ доказывалось право русскихъ крестьянъ на землю, какъ напримѣръ, сочиненіе Полѣнова. Изъ научнаго разъясненія вопроса о крѣпостномъ состояніи, насколько оно могло быть извѣстно Екатеринѣ до окончанія ею наказа, она остановилась на старомъ нѣмецкомъ крестьянствѣ, сидѣвшемъ прочно на землѣ помѣщика и знавшемъ лишь опредѣленныя повинности, но не превращаемомъ въ холопство. Это только и вошло въ наказъ. То, что мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею не прошла въ екатерининскій черновой наказъ, ясно показываетъ, что Екатерина не освоилась съ этою мыслію или, лучше сказать, Екатерина, смѣлая при рѣшеніи вопросовъ въ теоретической области, за что могла легко стяжать славу у западноевропейскихъ философовъ и публицистовъ, въ жизни практической была по этому дѣлу очень не смѣла и весьма далека отъ признанія свободы русскаго крестьянина. Но и теоретическая ея смѣлость часто совсѣмъ исчезала во время, напримѣръ, гайдамацкой смуты и пугачевскаго бунта. Смѣлость эта испарялась, какъ нѣчто случайное, а для русской практической жизни и для исторіи осталась та логичность, что, какъ въ началѣ своего царствованія Екатерина объявляла нормальными сословія господъ и крѣпостныхъ, такъ и во все свое царствованіе охраняла такое положеніе [1]). Въ этомъ

[1]) Въ первые дни своего царствованія, именно 3 іюля 1762 г., Екатерина, по поводу крестьянскихъ волненій, повторила указъ Петра III (смотр. Бѣляева, Крестьяне на Руси 304, 306), въ которомъ говорила: „понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднимъ узаконеніямъ, требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемы были, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“ (Сол. т. XXV, стр. 145—146). Передъ самымъ созывомъ законодательной коммиссіи, въ 1765, 1766 г. Екатерина дала помѣщикамъ право ссылать крестьянъ въ Сибирь и даже въ каторжныя работы, т. е. лишать части или всѣхъ правъ гражданскихъ (Бѣляевъ, 307) и при этомъ запрещено всѣмъ вообще крестьянамъ подавать государынѣ жалобы на помѣщиковъ (тамъ же 308). Въ самый годъ созванія коммиссіи (1767 г.) обнародовано, чтобы помѣщичьи

отношеніи Екатерина стояла рядомъ съ большинствомъ русскихъ людей и это легко видѣть со всею ясностію. Благодаря коммиссіи для составленія уложенія, высказались совершенно ясно взгляды дворянъ на крѣпостное состояніе. Взгляды эти обнаружили, что не только дворянство стоитъ крѣпко за крѣпостное право, но что это право стало заманчивымъ для купцовъ и даже для козаковъ и духовныхъ, такъ что въ коммиссіи рѣшался собственно не тотъ вопросъ, нужно ли освободить крестьянъ, а тотъ, можно ли дозволить или нѣтъ владѣніе крестьянами людямъ, вновь вышедшимъ въ дворянство, а также торговцамъ, козакамъ, духовнымъ, и всѣ эти категоріи русскихъ людей не хотѣли отказаться отъ права имѣть крестьянъ, кромѣ нѣсколькихъ лицъ изъ дворянъ, однодворцовъ и крестьянъ [1]); были даже защитники продажи крестьянъ безъ земли и по одиночкѣ и владѣнія ими тоже по одиночкѣ, какъ настоящими невольниками, рабами. „Такое рѣшеніе вопроса о крѣпостномъ состояніи, говоритъ Соловьевъ, выборными русской земли въ половинѣ прошлаго вѣка происходило отъ неразвитости нравственной, политической и экономической“ [2]). Затѣмъ Соловьевъ поясняетъ всю эту неразвитость Россіи остатками стараго допетровскаго строя, благодаря чему русское общество и при Екатеринѣ жило еще въ томъ періодѣ, гдѣ рабство составляетъ обычное явленіе [3]).

Въ дѣйствительности было совсѣмъ иначе. Крѣпостное право у насъ систематически усиливалось съ усиленіемъ петровскихъ преобразованій и съ усвоеніемъ нашею интеллигенціей западноевропейскаго идеала благороднаго человѣка.

люди и крестьяне не вѣрили слухамъ о перемѣнѣ законовъ и имѣли бы къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное послушаніе (Бѣл. 308—9). Послѣ коммиссіи положеніе крестьянъ стало еще хуже. Грамота Петра III о свободѣ службы дворянства утверждена Екатериной 1785, а крестьяне даже открыто признаны, въ 1792 г., такою же принадлежностію помѣщичьяго имѣнія, какъ другія его части, даже подведены подъ категорію движимаго имѣнія и могли быть описываемы и продаваемы, только запрещено при продажѣ крестьянъ за долги помѣщиковъ употреблять молотокъ, вѣроятно, чтобъ не допустить совершеннаго уже сходства русскихъ крестьянъ съ невольными неграми (Бѣл. 313). Послѣ этого не можетъ быть спора, твердо ли Екатерина стояла въ своихъ отвлеченныхъ принципахъ касательно свободы крестьянъ. [1]) Всѣ эти лица и ихъ мнѣнія указаны профессоромъ Сергѣевичемъ въ его лекціяхъ по исторіи русскаго права, стр. 645 — 650. [2]) Т. XXVII, стр. 118. [3]) Тамъ же, стр. 119—121.

Петровскіе указы о переписи и подушной подати, понижая крестьянъ, имѣли одну, повидимому, хорошую сторону: они холоповъ поднимали до равноправности передъ государствомъ съ крестьянами. Съ нихъ, какъ и съ крестьянъ, шла подать; изъ нихъ, какъ и изъ крестьянъ, брались рекруты. Но съ этими указами случилось неожиданное превращеніе. Не холопы поднялись до крестьянъ, а крестьяне спустились до холоповъ. Помѣщики чаще и чаще послѣ этихъ указовъ стали сдвигать крестьянъ съ земли, то для своихъ дворовыхъ услугъ, то для продажи даже врозь. Конечно, попытки къ этому бывали и прежде, до Петра. Такія сродныя учрежденія, какъ холопство и крѣпостное крестьянство, существуя рядомъ, не могли не смѣшиваться. Но въ старой Руси еще совѣстились дѣлать такія дѣла, и приказный дьякъ даже о переводѣ крестьянъ съ земли замѣчалъ, что на это закона нѣтъ, а сдѣлано это по разрѣшенію государя. Петръ же прямо вызвалъ на это помѣщиковъ. Русскіе помѣщики за подрывъ ихъ собственности въ холопствѣ вознаграждали себя притянутыми къ нимъ новою силою крестьянами. Вызвалъ Петръ ихъ на это и другимъ путемъ. Онъ возложилъ на помѣщиковъ отвѣтственность за неисправность крестьянъ въ государственныхъ податяхъ и рекрутствѣ. Это было негласнымъ перенесеніемъ государственныхъ повинностей съ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ, а это вездѣ и всегда необходимо низводило крестьянъ въ положеніе рабовъ. На Руси это подорвало такъ называемую круговую поруку крестьянъ, которая была тяжела, но и ограждала крестьянъ отъ холопства. Наконецъ, Петръ самъ давалъ примѣръ для смѣшенія крестьянъ съ холопами. Всѣхъ русскихъ онъ сдвигалъ съ старыхъ мѣстъ и ставилъ на новыя, всѣхъ отрывалъ отъ старой привычной работы и усаживалъ за новую. Какимъ же образомъ могли удержаться отъ подражанія Петру владѣльцы крѣпостныхъ? Подрывъ холопской собственности безъ оговорки, что такъ и слѣдуетъ быть, и отвѣтственность помѣщиковъ за крестьянъ безъ оговорки, что она не даетъ права на обезземеленіе ихъ, были прямыми вызовами на смѣшеніе тѣхъ и другихъ и вызовомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что самъ Петръ все смѣшивалъ и объединялъ безъ разбора и сдержки. Не забудемъ, что Петръ даже свободнымъ простымъ людямъ, невошедшимъ въ другія сословія, приказывалъ куда либо приписываться въ крестьянство, т. е. закрѣпощать себя.

Если можно было закрѣпощать свободнаго человѣка, то почему же крестьянина не дѣлать холопомъ? А разъ крестьяне смѣшаны съ холопами, раскрывалось во всей ясности громадное разстояніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Тутъ дѣйствовали уже за одно и старыя русскія понятія о холопствѣ, и новыя петровскія понятія о шляхетствѣ. Недаромъ это послѣднее слово перешло къ намъ при Петрѣ изъ Польши и повлекло за собою и свой антитезъ — подлый народъ. И чѣмъ больше послѣ Петра развивалось наше русское шляхетство и отъ польскаго образца переходило къ западноевропейскому, переименовывалось въ благородное сословіе, тѣмъ больше понижалось наше крестьянство, и въ екатерининскія времена представители благороднаго нашего сословія уже прямо переименовывали крестьянство въ рабство, крестьянъ въ рабовъ. Владѣніе рабами даже открыто признавалось неотъемлемою привиллегіею этого благороднаго сословія. Это высказывалъ прямо извѣстный намъ Щербатовъ и взгляды его, какъ мы знаемъ, отразились на Карамзинѣ. Но эта привиллегія сдѣлалась очень спорною и трудно было уловить, гдѣ ея конецъ.

Петровская выслуга по личнымъ достоинствамъ, несмотря на сословное происхожденіе, петровская табель о рангахъ выводили въ благородное сословіе и военнымъ и гражданскимъ путемъ людей низшихъ сословій, даже крестьянъ и бывшихъ холоповъ. Всѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ получали право на владѣніе крестьянами. Далѣе, петровскія заботы о развитіи заводовъ заставили создать заводскихъ крестьянъ, которые такимъ образомъ часто оказывалось крѣпостными торговыхъ людей. Наконецъ, малороссійскіе козаки вынесли изъ борьбы съ Польшей страсть тоже владѣть крестьянами.

Все это было совершенно логично и, какъ видимъ, стоитъ въ неразрывной связи съ явленіями новой, петровской Россіи. Но это доводило русское крѣпостное состояніе до чудовищныхъ крайностей. Крайность эту обнаружили не мало защитники продажи крестьянъ врозь. Но во всей наготѣ раскрыли ее представители купцовъ въ екатерининской коммиссіи. Они прямо заявляли, что для нѣкоторыхъ должностей имъ лучше имѣть невольнаго человѣка, чѣмъ вольнаго. Невольный русскій человѣкъ объявлялся болѣе дорогимъ, чѣмъ вольный. Соловьевъ сближаетъ это воззрѣніе купцовъ съ тѣмъ постановленіемъ Русской Правды, по кото-

рому свободный человѣкъ, идущій въ ключники къ кому либо, дѣлался рабомъ. Но у Соловьева же есть фактъ, заставляющій дѣлать сближеніе совсѣмъ иное. Капитанъ корабля купеческаго просилъ сдѣлать матросовъ его крѣпостными, потому что иначе онъ не можетъ добыть матросовъ. Не старое русское варварство, а тягости западноевропейскихъ у насъ порядковъ подрывали смыслъ свободы низшихъ людей и заставляли сосредоточивать ее въ меньшемъ и меньшемъ числѣ людей. Послѣ этого намъ станетъ понятно, почему въ екатерининской коммиссіи возникъ вопросъ о сословномъ ограниченіи права владѣть крестьянами и о лишеніи этого права не только купцовъ, но и выслужившихся дворянъ изъ разночинцевъ. Это требованіе получало даже видъ гуманности, и такой хорошій человѣкъ, какъ Щербатовъ, занялъ странное положеніе, — доказывалъ и достоинства свободнаго человѣка и гнусность рабства, но вовсе не для того, чтобы возстановить старую русскую свободу простого русскаго человѣка. „Обратимъ взоры на человѣчество, говорилъ Щербатовъ, и устыдимся одной мысли дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей кого либо мужескаго или женскаго пола и, подобно скотинѣ, продастъ его другому. Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется и я конечно не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли Мнѣ удивительно, будто наемные люди не столь вѣрны своимъ господамъ, какъ собственные. Это похоже на то, какъ если бы кто сказалъ, что охотнѣе работаютъ поневолѣ, чѣмъ по склонности. Вольный человѣкъ если мнѣ служитъ, и особенно долгое время, служитъ независимо отъ жалованія, по усердію, а въ невольника я и проникнуть не могу, усерденъ онъ ко мнѣ или нѣтъ. И какъ можно сказать, чтобы безъ такихъ невольныхъ людей купцамъ невозможно обойтись, когда видимъ цѣлую Европу, гдѣ никто невольныхъ людей не имѣетъ; однако никто не жа-

луется ни на невозможность обойтись безъ нихъ, ни на недостатокъ усердія" [1]).

Изъ этихъ высшихъ воззрѣній на продажу крестьянъ въ одиночку и на значеніе вольнаго человѣка Щербатовъ выводилъ то только заключеніе, что купцамъ не слѣдуетъ имѣть невольныхъ людей и для этого помѣщикамъ не слѣдуетъ продавать крестьянъ безъ земли, а тѣмъ болѣе продавать ихъ въ одиночку. Но Щербатовъ не шелъ дальше и не отрицалъ права дворянства, особенно знатнаго владѣть крестьянами. Эту непослѣдовательность Щербатовъ устранялъ чисто западноевропейскимъ понятіемъ о дворянствѣ. „Государство тогда становится прочно, говорилъ онъ, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, еслибы были слабы" [2])... Опорою для этихъ столбовъ Щербатовъ и считалъ владѣніе крѣпостными. Но у него была еще и другая комбинація, по которой владѣніе крестьянами должно быть сосредоточено только въ дворянствѣ. Дворянинъ по взгляду Щербатова долженъ быть дѣйствительно благороднымъ человѣкомъ и въ смыслѣ нравственномъ, у котораго, слѣдовательно, не должно быть дурно крестьянамъ, тогда какъ люди другихъ сословій, по своей близости къ народу и въ нравственномъ смыслѣ, крайне тяжелы для народа.

Такимъ образомъ, и въ вѣкъ Екатерины мы видимъ, что русскій интеллигентный человѣкъ выдвигалъ себя надъ русскимъ крестьяниномъ не только по своимъ привиллегіямъ, но и по притязаніямъ на нравственное превосходство, и такъ какъ эти воззрѣнія высказывали даже такіе развитые люди, какъ Щербатовъ, то можетъ ли еще быть сомнѣніе въ томъ, что петровское разстояніе между шляхетствомъ и подлымъ народомъ не уменьшилось, а напротивъ еще больше увеличилось [3]). Шляхетство теперь

[1]) Т. XXVII, стр. 117—118. [2]) Тамъ же, стр. 108. [3]) Теоретическое разсужденіе о равенствѣ всѣхъ людей по происхожденію и слѣдовательно, о равенствѣ крестьянина съ помѣщикомъ, конечно, дѣлаетъ честь Щербатову (подобное мнѣніе Екатерины. Сол. т. XXVII примѣч. 74); но оно могло имѣть значеніе только въ средѣ лучшихъ русскихъ людей, а никакъ не въ массѣ ихъ. Извѣстный писатель—Сумароковъ, возставая въ своихъ замѣчаніяхъ на наказъ противъ освобожденія крестьянъ, между прочимъ, заявилъ: „нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій неимѣетъ". На это Екатерина замѣтила: „и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ его

старалось даже вытѣснить промежуточные элементы между нимъ и подлымъ народомъ,—выслужившихся разночинцевъ и такимъ образомъ вырыть еще больше бездну между собою и крестьянствомъ [1]). Неудивительно, что евреи, которые всегда наблюдаютъ и во время узнаютъ, происходитъ ли въ какой либо націи сословная трещина, чтобы залѣзть въ эту трещину, возобновили при Екатеринѣ, и не напрасно, свои хлопоты пробраться въ Россію.

Лучшимъ доказательствомъ, что русское общество того времени, и сама Екатерина слишкомъ далеко стояли отъ народа и даже отошли отъ него дальше, чѣмъ были при Елисаветѣ, служитъ разрѣшеніе въ то время польскаго вопроса.

Екатерина наслѣдовала отъ Елисаветы богатую подготовку для чисто русскаго, народнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Елисавета твердо стояла на исторически пріобрѣтенномъ Россіей правѣ защищать православныхъ польскаго королевства и своею народною политикой привлекла къ себѣ весь западно-русскій народъ. Кіевъ пріобрѣлъ значеніе центра, могущественно вліявшаго на всю западную Россію. Въ связи съ нимъ усилились два пункта, ближайшимъ образомъ, дѣйствовавшихъ на русскій народъ Польши,—Переяславъ, гдѣ кіевскій викарный Гервасій былъ архіереемъ для православныхъ западной Малороссіи, и Могилевъ, гдѣ Георгій Конисскій былъ вождемъ бѣлоруссовъ. Въ той и другой странѣ народъ быстро воскресалъ къ полной, русской жизни. За годъ до собранія законодательной екатерининской коммиссіи въ южной части польской Малороссіи Гервасій съ необыкновенною торжественностію, устроенною самимъ народомъ, объѣзжалъ свою паству въ предѣлахъ Польши, точно не существовало польскаго государства, а была это таже Россія, какъ и восточная; а едва законодательная коммиссія разговорилась о крестьянствѣ, какъ малорусское крестьянство, при содѣйствіи запорожскихъ ко-

состояніи" (Сол. т. XXVII, стр. 39. Еще мнѣніе Сумарокова о малорос. народѣ: „Малороссійскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ" (тамъ же). [1]) Впрочемъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ дѣлахъ екатерининской коммиссіи открывается одна свѣтлая сторона. Профессоръ Сергѣевичъ, какъ мы уже указывали, пришелъ къ выводу, что депутаты, говорившіе въ пользу улучшенія быта крестьянъ, пріобрѣтали большее и большее сочувствіе и при выборѣ въ частныя коммиссіи получали значительное большинство голосовъ. „Это даетъ поводъ думать, заключаетъ профессоръ Сергѣевичъ, что большинство депутатовъ было въ пользу если не освобожденія крестьянъ, то ограниченія помѣщичьей власти". Лекціи, стр. 651.

заковъ стало разрушать все польское и жидовское и это разрушеніе разливалось по всей странѣ, гнало поляковъ и жидовъ съ западно-русской земли, и тѣмъ удобнѣе было русскому правительству взять въ свои руки народное движеніе, что оно началось во имя его и что въ тоже время все панское и латинское сомкнулось въ союзъ противъ Россіи и православія въ такъ называемой барской конфедераціи.

Правительство Екатерины дѣйствительно взяло въ свои руки то и другое движеніе, но усмирило то и другое не для интересовъ Россіи. Страну, очищенную отъ барскихъ конфедератовъ и отъ гайдамаковъ, усмиренныхъ русскими войсками и даже передаваемыхъ на муки панамъ, оно оставило подъ властію Польши, а воспользовалось всѣмъ этимъ лишь косвеннымъ образомъ,—присоединило къ себѣ часть Бѣлоруссіи, дозволивъ Пруссіи и Австріи взять даромъ богатыя провинціи Польши съ запада и юго-запада.

Случилось это странное явленіе потому, что политика сразу затуманила тогда русскія глаза. Россія взялась защищать не прямо православныхъ Польши, а вообще такъ называемыхъ диссидентовъ, т. е. православныхъ и протестантовъ вмѣстѣ. Это уже предрѣшало союзъ съ протестантской Пруссіей, за которою ввязалась и Австрія. Но такое расширеніе русско-польскаго вопроса пошло еще дальше и по другой причинѣ. По той-же страсти къ политикѣ Екатерина вмѣшивалась въ чисто польскія дѣла и, воображая, что имѣетъ прочную партію въ Польшѣ, подкапывала всю Польшу въ пользу нѣмцевъ. Вмѣсто того, чтобы брать отъ Польши русскія области и защищать чистую Польшу отъ нѣмцевъ, Екатерина дѣйствовала такъ, что выходило наоборотъ,—нѣмцы успѣшно добивали Польшу, а мы съ поразительною косностію возвращали свои русскія области. Но даже и, возвращая ихъ, мы портили ихъ положеніе на отдаленныя времена.

По той-же страсти къ политикѣ и пристрастію къ интеллигентной средѣ Екатерина задумала посредствомъ Бѣлоруссіи упрочить за собою сочувствіе польской интеллигенціи вообще, и съ этою цѣлію возстановила въ этой странѣ іезуитскій орденъ и ввѣрила ему воспитаніе юношества. Результатомъ была порча и польскаго и даже русскаго юношества въ Бѣлоруссіи и покушенія іезуитовъ при Павлѣ овладѣть дѣлами всей Россіи.

Одновременно съ возстановленіемъ іезуитовъ Екатерина обна-

родовала свою знаменитую теорію религіозной вѣротерпимости. За это славятъ ея гуманность до сихъ поръ; но несчастная Бѣлоруссія обнаружила поражащую изнанку этой теоріи. Вслѣдствіе этой теоріи въ Бѣлоруссіи многіе десятки тысячъ русскаго народа, съ нетерпѣніемъ ждавшіе вовстановленія русской власти, чтобы бросить насильно навязанную унію и возвратиться въ православіе, должны были оставаться въ уніи, и Георгій Конисскій восемь лѣтъ стучалъ въ двери русскаго правительственнаго „милосердія, чтобы дозволено было этимъ узникамъ уніи выйти на свободу православной жизни“.

Ненародное направленіе Екатерины въ разрѣшеніи польскаго вопроса было такъ ясно, что даже поляки задумали воспользоваться имъ и поднять противъ русскаго правительства и западно-русскій и даже восточно-русскій народъ, мечтая возобновить пугачевскій бунтъ. Тогда только Екатерина рѣшилась дѣйствовать въ чисто русскомъ духѣ и въ чисто русскихъ интересахъ. Поляки поплатились вторымъ раздѣломъ, который былъ совершенъ въ гораздо болѣе русскомъ, народномъ направленіи. Унія снесена была съ лица земли. Екатерина сознавала, что дѣлаетъ русское дѣло и даже особеннымъ образомъ увѣковѣчила этотъ великій моментъ въ своей жизни, изобразивъ на медали карту присоединенныхъ областей съ надписью: отторженная возвратихъ, что, впрочемъ, было не вѣрно въ томъ смыслѣ, что не все, отторженное когда либо Польшей, возвращено было Россіи и даже древнее русское княжество—Галиція—было отдано чужимъ—Австріи.

Но мы уже говоримъ о дѣлахъ, до разсказа о которыхъ не допустила С. М. Соловьева неумолимая смерть. Ни о второмъ раздѣлѣ Польши, ни о пугачевскомъ бунтѣ нѣтъ разсказа въ исторіи Соловьева. Впрочемъ, о дѣлахъ польскихъ у Соловьева есть, какъ мы уже и упоминали, особое сочиненіе—Паденіе Польши. Въ этомъ сочиненіи, изданномъ въ разгаръ послѣдней польской смуты, т. е. въ 1863 г., значительно иная постановка дѣла, чѣмъ въ Исторіи автора. Здѣсь въ числѣ причинъ, приведшихъ дѣло Польши къ печальному концу, на первомъ мѣстѣ и прямо ставится русское, народное движеніе, совершившееся подъ религіознымъ знаменемъ [1]). Но затѣмъ, въ этомъ сочиненіи,

[1]) Стр. 6.

какъ и въ Исторіи Россіи, Соловьевъ собираетъ данныя для доказательства, что мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ не Россіи, а Пруссіи и что даже прежде всякихъ переговоровъ объ этомъ Австрія дѣлила для себя Польшу. Эта постановка дѣла вызвана у автора тѣмъ, что Пруссія и Австрія свалили всю вину за раздѣлы Польши на Россію, и поляки до сихъ поръ больше всего винятъ насъ въ ихъ погибели. По нашему мнѣнію, эту вину нужно объяснять иначе. Мысль о раздѣлѣ Польши на русскую и польскую части всегда жила въ русскомъ народѣ западной Россіи и со временъ Іоанна III высказывалась и въ восточной Россіи, а мысль о раздѣлѣ польской части Польши дѣйствительно принадлежитъ нѣмцамъ и на Россію можетъ лишь падать славянскій укоръ за содѣйствіе такому раздѣлу Польши [1]).

Независимо отъ воззрѣній, часто не выдерживающихъ критики, исторія С. М. Соловьева послѣ Петра имѣетъ особенное значеніе въ своей фактической части. Она написана на основаніи большею часть не только новыхъ, но и весьма мало доступныхъ памятниковъ. Со смертію этого даровитаго историка разработка новой исторіи Россіи пріостановилась уже по одной этой малодоступности ея памятниковъ, не говоря уже о томъ, какъ жаль, что смерть прервала работу такого даровитаго и опытнаго историка. Она въ значительной степени прервала и окончательное выясненіе воззрѣній нашего историка. Уже въ своей исторіи онъ дѣлаетъ, какъ мы видѣли, многократныя отступленія отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, особенно въ новой исторіи. Въ своихъ публичныхъ чтеніяхъ и статьяхъ отступленій этихъ онъ дѣлаетъ еще больше. Довольно указать, что въ чтеніяхъ о Петрѣ, этотъ геніальный государь сливается авторомъ съ рус-

[1]) О паденіи Польши есть еще нѣсколько сочиненій. Таково сочиненіе Н. И. Костомарова — Послѣдніе годы рѣчи посполитой польской (изд. 1870 г.), о которомъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Таково сочиненіе г. Уманца — Вырожденіе Польши (изд. 1872 г.), въ которомъ разложеніе Польши раскрывается въ предшествовавшихъ временахъ, собственно въ первое время послѣ смерти Сигизмунда Августа. Таково сочиненіе Д. И. Иловайскаго — Гродненскій сеймъ (изд. 1874 г.), въ которомъ авторъ старается стать на объективную точку зрѣнія и, что еще важнѣе, пользовался новыми источниками. Наконецъ, сюда же нужно отнести сочиненіе Кулиша — Возсоединеніе западной Руси (изд. 1874—7 г.), о которомъ тоже будетъ у насъ рѣчь ниже.

скимъ народомъ, и въ дѣлахъ Петра авторъ видитъ подвигъ самаго русскаго народа.

С. М. Соловьевъ, какъ и другіе наши русскіе историки, чѣмъ дальше, тѣмъ больше входилъ въ область чисто русскихъ воззрѣній и очищалъ себя отъ иноземныхъ взглядовъ. Одинъ изъ лучшихъ его учениковъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей статьѣ о Соловьевѣ даже признаетъ, что онъ приближался къ славянофиламъ, предубѣжденіемъ противъ которыхъ, можно сказать, проникнута вся исторія Россіи С. М. Соловьева [1]). Безъ сомнѣнія, это былъ процессъ весьма мучительный для такого устойчиваго писателя; но для насъ, посторонних наблюдателей, это—прекрасное свидѣтельство и возвышенности души нашего историка, и обаятельной силы основныхъ началъ нашей русской исторической жизни.

ГЛАВА XVI.

Послѣдователи воззрѣній С. М. Соловьева.

Въ теоріи С. М. Соловьева, какъ намъ извѣстно, слѣдующіе главнѣйшіе пункты:

1. Родовой бытъ въ Россіи, постепенно уступающій началу государственности.

2. Цивилизація, какъ міровое достояніе, къ усвоенію которой стремилась русская государственность.

3. Природа русской земли, вліявшая на развитіе и государственности и цивилизаціи.

---

[1]) „Замѣчательно, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, что во многомъ расходясь съ славянофилами, онъ (С. М. Соловьевъ) сходился съ ними во взглядѣ на православіе и протестантизмъ: его оцѣнка Лютера въ „Курсѣ новой исторіи“ могла бы быть подписана и каждымъ изъ славянофиловъ. Сходится онъ съ ними и въ любви къ Россіи, и въ вѣрѣ въ историческое призваніе русскаго народа, хотя и расходился въ оцѣнкѣ реформы Петра; но, цѣня западную науку, онъ зналъ и ея недостатки и, конечно, не менѣе славянофиловъ, понималъ вредъ чистаго матеріализма“. Біографіи и характер., стр. 271—2. Курсъ нов. ист. Соловьева, изд. 1869, двѣ части. См. также Собр. соч. Сол. т. I, стр. 276 — 293, статью — Прогрессъ и религія.

Самое большее число послѣдователей С. М. Соловьева взялись за развитіе перваго начала, которое, какъ извѣстно, не было самостоятельнымъ у Соловьева, и въ самомъ началѣ его дѣятельности раздѣлялось уже нѣкоторыми его сверстниками, такъ что Соловьевъ своими сочиненіями давалъ лишь имъ поводъ высказать свои мнѣнія.

К. Д. Кавелинъ. Къ числу такихъ именно послѣдователей или, лучше сказать, сотрудниковъ по разработкѣ родового быта принадлежитъ бывшій профессоръ здѣшняго университета К. Д. Кавелинъ. Его взгляды на русскую исторію изложены въ многочисленныхъ статьяхъ, собранныхъ и изданныхъ въ 1859 г. въ четырехъ томахъ, а изъ позднѣйшихъ его статей особеннаго вниманія заслуживаетъ статья, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы за 1866 г. (мѣсяцъ іюнь) подъ заглавіемъ: Мысли и замѣтки о русской исторіи, написанная по поводу XIII, XIV и XV томовъ исторіи Соловьева и исторіи Петра Великаго Устрялова.

Въ теоріи родового начала у Соловьева, какъ намъ извѣстно, много неточностей. Соловьевъ неясно опредѣляетъ родъ и беретъ для объясненія историческихъ явленій собственно родъ князей. Затѣмъ, онъ еще слабѣе уясняетъ переходъ родового устройства въ государственное.

К. Д. Кавелинъ старается пополнить эти недочеты Соловьева. Онъ показываетъ господство родового начала во всемъ русскомъ народѣ и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ изъ этого начала вырабатывалась русская государственность. „Многіе не безъ основанія думаютъ, говоритъ К. Д. Кавелинъ въ I томѣ своихъ сочиненій, въ статьѣ — Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ отцомъ, себя — его дѣтьми. Въ деревнѣ старшіе лѣтами зовутъ младшихъ ребятами, молодками, младшіе старшихъ—дядьями, дѣдами, тетками, бабками, ровные — братьями, сестрами. Словомъ, всѣ отношенія между неродственниками сознаются подъ формами родства или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ

нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, старшинства или меньшинства... Эта терминологія не введена насильственно, а сложилась сама собою въ незапамятныя времена. Ея источникъ—прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины навѣрное не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе славяне имѣли исключительно родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣ-же родственныя, кровныя отношенія. Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто-семейственный, родственный бытъ, безъ всякой чужой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно путемъ нарожденія“ [1]).

Здѣсь мы видимъ уже болѣе глубокое, жизненное осмысленіе родового начала и въ частности того положенія Соловьева, что у насъ былъ кровный родъ. Отсюда далѣе самобытность, отдѣльность русскихъ племенъ, отсутствіе у нихъ завоевательнаго начала, примѣси чужихъ элементовъ.

Въ этомъ бытѣ, по Кавелину, „начало личности не существовало“, семейный бытъ не могъ воспитать въ своихъ членахъ сознанія своихъ силъ и привычки отстаивать себя [2]). Но за то „люди жили сообща, не врознь; не было гибельнаго различія между моимъ и твоимъ — источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ; всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе“ [3]).

Родъ кровный послѣ смерти родоначальника вынуждаетъ, по словамъ К. Д. Кавелина, создавать старшаго посредствомъ вы-

[1]) Т. I, стр. 311—312. [2]) Т. I, стр. 320. [3]) Т. I, стр. 322.

бора, причемъ болѣе и болѣе обозначаются и выдѣляются семьи, которыя тоже имѣютъ своихъ старшихъ и, разростаясь, дѣлаются тоже родами. Такимъ образомъ являются многіе родоначальники и оказывается необходимость въ соглашеніи интересовъ отдѣльныхъ семей, выростающихъ въ родъ, — оказывается необходимость въ совѣщаніи старшихъ, является уже община съ вѣчевыми собраніями, и когда для защиты отъ враговъ она ограживается въ своемъ селеніи, то является городъ [1]). Главы семей, чаще и чаще выдвигаясь, разрушаютъ значеніе родового главы, получаютъ силу вѣча, а главы племени являются лишь для особенныхъ случаевъ, какъ война, или если и для болѣе постоянныхъ дѣлъ, какъ судъ, то не у всѣхъ племенъ [2]).

Призванные князья впервые вносятъ государственныя идеи. Съ ними является новое учрежденіе — дружина, въ которой выражается начало личности. Князья приносятъ систему управленія, требующую податей, и систему денежныхъ наказаній за преступленія [3]).

Авторъ согласно съ Соловьевымъ признаетъ призванныхъ князей норманнами и даже усиливаетъ теорію норманства. Согласно съ нашими учеными нѣмцами и Полевымъ онъ признаетъ завоевательное начало нашей государственности и зачатки у насъ феодализма. Его вообще поражаетъ въ дѣлахъ нашихъ первыхъ князей что-то чужое, враждебное коренному населенію Россіи [4]).

Эту печальную неестественность, эту, какъ выражается К. Д. Кавелинъ [5]), „прерванную нить національнаго развитія“ авторъ исправляетъ и возстановляетъ указаніемъ на тотъ неоспоримый фактъ, что призванные князья и прибывшіе съ ними норманны скоро исчезли въ русско-славянскомъ элементѣ и стали дѣйствовать по началамъ русской жизни, по началамъ родового быта, такъ что этотъ бытъ легче всего изучать въ дѣлахъ князей. Какъ въ русскихъ племенахъ, такъ и въ средѣ размножившихся князей родъ подвергся разложенію, семья стала бороться съ родомъ. Эта борьба, произведшая извѣстныя смуты удѣльнаго періода, заставила русскія общины подумать о своей защитѣ. Онѣ сплотились и получили даже нѣкоторое политическое зна-

---

[1]) Т. I, стр. 324—6. [2]) Томъ I, стр. 326—7. [3]) Тамъ же, стр. 329. [4]) Тамъ же стр. 328 — 9. [5]) Тамъ-же стр. 330.

ченіе, особенно ясно выступившее въ исторіи Новгорода. Но неопредѣленность въ устройствѣ общинъ и въ ихъ отношеніяхъ къ князьямъ не обезпечивала за ними прочнаго существованія. Авторъ не выдѣляетъ въ этомъ отношеніи даже Новгорода и справедливо смотритъ на новгородскую вѣчевую самобытность лишь какъ на болѣе обозначившійся типъ древней русской вѣчевой жизни.

Между тѣмъ, вѣчевымъ общинамъ подготовлялся подрывъ и извнѣ. Семейное начало въ средѣ князей болѣе и болѣе одолѣвало родовое, князья усѣдаются по областямъ, дѣлаются вотчинниками и распоряжаются областію, какъ вотчиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дружинники изъ подвижного, независимаго, высшаго сословія дѣлаются болѣе и болѣе слугами князя, правителями ихъ вотчинъ. Семейное начало вело къ раздробленію княжества на болѣе и болѣе мелкія части, причемъ и дружинники и общины должны были тоже мельчать [1]). Но такъ какъ въ раздробившемся княжествѣ былъ тоже великій князь, то ему естественно было заботиться о томъ, чтобы удержать за собою и нравственную и матеріальную силу. Старшій сынъ князя, наслѣдникъ престола, во имя государственныхъ интересовъ становится въ положеніи господина, государя по отношенію не только къ дядьямъ и племянникамъ, но и къ роднымъ младшимъ братьямъ. Этотъ порядокъ выработался въ Москвѣ и въ этомъ — великая аслуга московскихъ единодержцевъ и большое значеніе татарскаго ига.

„Ярославова система, говоритъ К. Д. Кавелинъ, покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россію на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжества въ вотчины,

[1]) „Общинное начало, вызванное на время къ политической дѣятельности, опять, сходитъ со сцены. Вѣча постепенно теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣвшихъ удѣлами наслѣдственно какъ вотчинами. Самое управленіе областей получаетъ иное значеніе. Изъ неопредѣленнаго, какимъ было сначала, когда князь сажалъ въ область своихъ сыновей оно болѣе и болѣе становится домашнимъ, вотчиннымъ. Князю нужно удержать въ службѣ своихъ слугъ; прежде они жили вмѣстѣ съ нимъ войной и добычей; теперь имъ нужно содержаніе, и князь отдаетъ имъ въ кормленіе области. Слуги кормленщика управляютъ ими и получаютъ съ нихъ доходъ. При отсутствіи правильной государственной администраціи, эта система управленія падаетъ страшнымъ разореніемъ на области; произволъ и корыстолюбіе правителей, ничѣмъ необузданные, возрастаютъ до безмѣрности“ (т. I, 345).

дѣлившіяся до безконечности. Въ московской системѣ территоріальное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ (въ смыслѣ семейной личности). Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи" [1]). „Московскіе князья, говоритъ въ другомъ мѣстѣ К. Д. Кавелинъ, прежде всего неограниченные, наслѣдственные господа надъ своими вотчинами; прежде всего они заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этого было велико-княжеское достоинство и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія велико-княжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ — и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться. Какъ великіе князья, они главные, первые между русскими князьями; но они знаютъ, что само по себѣ это первенство—звукъ, неимѣющій смысла; что только дѣйствительная сила можетъ дать ему значеніе, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, московскіе великіе князья угнетаютъ князей, правдой или неправдой отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ" [2]).... „Но въ самомъ московскомъ великомъ княженіи скрывались еще зачатки разрушенія, наслѣдіе предъидущаго политическаго быта. Какъ вотчина, оно дѣлилось на части между дѣтьми великихъ князей. Старшій великій князь не былъ сильнѣе прочихъ, получая равный съ нимъ удѣлъ.... Кровное начало очевидно еще мѣшало государству. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ — пожертвовать семьей государству; этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, но не вдругъ. Чтобы отвратить возможное соперничество, великіе князья стали давать старшему сыну большую часть, а прочимъ меньшія. Кровные интересы начали мало по малу уступать мѣсто желанію сохранить и упрочить силу великаго князя. Въ этомъ уже заключалась явная мысль о государствѣ" [3]).

Но и личность князя и идея государства сначала едва видны подъ старыми, установившимися формами... „Типъ вотчиннаго владѣльца, полнаго господина надъ своими имѣніями лежитъ въ

---

[1]) Т. I, стр. 353. [2]) Тамъ-же стр. 351. [3]) Тамъ-же стр. 352.

основанія власти московскаго государя“ [1]). „Но этотъ типъ постепенно замѣняется государственнымъ. Князья принимаютъ титулъ царя, вѣнчаются на царство по византійскому образцу. Политика, войны, пріобрѣтеніе земель, трактаты получаютъ разумное значеніе; является понятіе о подданствѣ, о службѣ; улучшается управленіе, составляется законодательство“ [2]). На этомъ пути авторъ особенно выдѣляетъ Іоанна IV, который будто-бы выше всего ставилъ государственные интересы. Авторъ даже считаетъ Іоанна великимъ государемъ и ставитъ рядомъ съ Петромъ Великимъ [3]). Чтобы доказать это сходство, авторъ живыми красками изображаетъ безпорядочный, сборный характеръ окружавшихъ Іоанна IV бояръ и служилыхъ, неспособныхъ составить сословіе и разбитыхъ на отдѣльныя, родовыя группы, связанныя лишь мѣстничествомъ, затруднявшимъ государственныя дѣла, и угнетавшія народъ. Іоаннъ представляется борцомъ за народъ, призывавшимъ къ жизни русскія общины; но и общины будто-бы лишены были жизни. „За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, говоритъ К. Д. Кавелинъ, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей“ [4]). Это уже край гибели государства. Какъ-же оно удержалось? Мысль о реформахъ, говоритъ авторъ, не умирала [5]) и стала развиваться, хотя и медленно, послѣ смутнаго времени.

Точнѣе и уже не такъ безотрадно авторъ опредѣляетъ сущность древней нашей, до-петровской Россіи, нѣсколько ниже. Показавъ, какъ постепенно въ XVII вѣкѣ разбивались узы рода и высвобождалась личность [6]), онъ заключаетъ: „Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лицо было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояла, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не чрезъ себя, а какъ-бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность

---

[1]) Тамъ же, стр. 353—4. [2]) Тамъ же, стр. 354. [3]) Тамъ-же, стр. 355—6. [4]) Тамъ-же, стр. 363. [5]) Т. I, стр. 363. [6]) Дума ослабляется и дьяки прямо исполняютъ волю государя; мѣстничество уничтожается; въ гражданскомъ быту юридическія формы ставятся выше обычая (стр. 365—6).

сначала еще не сознавала значенія, которое она получила и потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтственною средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего. Впрочемъ, вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія, и такъ какъ оно (т. е. содержаніе) должно было быть принято извнѣ, то лицо должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ" [1]).

И такъ, древняя русская жизнь и по Кавелину, какъ по Соловьеву, или ничто въ смыслѣ культурномъ или нѣчто отрицательное, что подлежало разрушенію, уничтоженію, чтобы уступить мѣсто чему-то чужому. Желая какъ-бы очистить и облагородить путь этому чужому, К. Д. Кавелинъ въ концѣ своей статьи, между прочимъ, выражается: „И такъ, внутренняя исторія Россіи — не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ-же, чѣмъ были и прежде — русскими славянами. У насъ не было начала личности; древняя русская жизнь его создала. Съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться" [2]). Разумѣется для этого развитія содержаніе мы получили у западной Европы, но (будто бы) не исключительно національные элементы, (будто бы) у ней (западной Европы) и у насъ рѣчь шла о человѣкѣ [3]).

Т. е. у К. Д. Кавелина, какъ и у Соловьева, мы видимъ прекрасное стремленіе показать, какъ Россія завоевала общечеловѣческую цивилизацію; но на дѣлѣ этого не было ни въ дѣйствительности, ни даже въ рѣчахъ этихъ ученыхъ, когда они брались за самые факты. Самъ К. Д. Кавелинъ въ упомянутой уже статьѣ Вѣстника Европы счелъ необходимымъ начертить на русской tabula rasa чертежи чужихъ культуръ. Сперва у насъ было, и, по автору, слишкомъ долго, византійское вліяніе; потомъ съ

[1]) Т. I, стр. 368. [2]) Тамъ-же, стр. 377 — 8. [3]) Тамъ-же, стр. 378.

Іоанна III стало сказываться у насъ литовско-польское вліяніе; далѣе стало усиливаться вліяніе западноевропейское—то нѣмецкое, то французское. Это странное господство у насъ иноземныхъ вліяній авторъ объясняетъ тѣмъ прежде всего, что мы русскіе сильны „инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чутьемъ, и слабы разумѣніемъ“ [1]). ... „Наша умственная апатія и безсиліе также стары, какъ мы сами... въ области мысли и пониманія мы испоконъ вѣка были покорными слугами другихъ, и наша жизнь шла своей дорогой, а голова своей“ [2]).

Это тоже соловьевское положеніе, что наше народное начало всегда отличалось косностію, несостоятельностію, которымъ естественно прерываться необдуманнымъ, безразборчивымъ порывомъ къ чужому, иноземному. Для дальнѣйшаго уясненія этой косности, К. Д. Кавелинъ тоже прибѣгаетъ къ соловьевскому положенію, что наша историческая жизнь устремилась на востокъ; но онъ развиваетъ это положеніе весьма своеобразно и, еще болѣе, чѣмъ Соловьевъ, въ упоръ славянофильскимъ положеніямъ.

К. Д. Кавелинъ останавливаетъ вниманіе на томъ, что русская государственность выросла собственно въ великорусскомъ племени; между тѣмъ это племя становится замѣтнымъ только въ XI, XII вѣкахъ, слѣдовательно, заключаетъ авторъ, наша культура собственно начинается съ этого времени, т. е. спустя два вѣка позже, чѣмъ мы привыкли думать, и весьма важно присмотрѣться, какова была культура у этого новаго русскаго племени. Разсмотрѣвъ религіозныя понятія колонистовъ изъ старыхъ мѣстъ Россіи въ новыя—сѣверовосточныя, образовавшихъ черезъ смѣшеніе съ финнами племя великорусское, авторъ приходитъ къ заключенію, что и языческія ихъ понятія, отъ которыхъ они еще не отстали, лишены были высшаго развитія, и христіанскія, въ которыхъ они еще не утвердились во время переселенія, тоже были плохи. „Отсутствію культуры въ міросозерцаніи древнѣйшихъ великоруссовъ отвѣчало отсутствіе ея и въ ихъ соціальномъ быту“ [3]), говоритъ авторъ. „Въ западной Россіи, продолжаетъ онъ дальше, уже въ отдаленную эпоху замѣтно большое движеніе; есть городскія общины, есть кое-какія зачатки феодальныхъ отношеній, есть намеки на аристократическіе элементы. Очень

[1]) Вѣст. Евр., стр. 330—1. [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, стр. 348.

рано появляется дѣлежъ наслѣдства. Такимъ образомъ, въ западнорусскомъ населеніи, общественный бытъ и отношенія представляютъ въ началѣ исторіи нѣкоторое разнообразіе и сложность... Совсѣмъ другое находимъ въ Великороссіи. Съ тѣхъ поръ, что здѣсь образовалась особая вѣтвь русскаго племени, ни котораго изъ названныхъ выше общественныхъ элементовъ мы въ ней не встрѣчаемъ. Въ основѣ всѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній лежитъ одинъ прототипъ, изъ котораго все выводится — именно дворъ или домъ, съ домоначальникомъ во главѣ, съ подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно такъ выразиться, древнѣйшая, первобытная и простѣйшая ячейка осѣдлаго общежитія. Этотъ начальный общественный типъ играетъ большую или меньшую роль во всѣхъ мало развитыхъ обществахъ; но нигдѣ онъ не получилъ такого преобладающаго значенія, нигдѣ не удержался въ такой степени на первомъ планѣ во всѣхъ соціальныхъ частныхъ и публичныхъ отношеніяхъ, какъ у великоруссовъ" [1])... „Не принеся съ собою изъ родины никакой культуры и не найдя ея на новой почвѣ, переселенецъ, посреди тяжкихъ условій, въ которыя былъ поставленъ въ негостепріимномъ климатѣ и въ дикой странѣ, долгое время осужденъ былъ оставаться при грубыхъ умственныхъ и соціальныхъ зачаткахъ первобытнаго человѣка. Трудная упорная борьба съ природой мачихой, поглощая всѣ силы, не оставляла ему досуга для высшихъ помысловъ, развила рядомъ съ суевѣрнымъ фатализмомъ, признакомъ гнетущей внѣшней обстановки, какой-то грубый реализмъ и надолго помѣшала образоваться въ немъ той идеальной сдержкѣ, которая даетъ человѣку точку опоры противъ окружающаго" [2])... Еще ниже Кавелинъ отзывается еще рѣзче. „Грубѣйшій, первобытный реализмъ слагающагося народа, при полномъ отсутствіи благопріятствующихъ культурныхъ условій, постепенно сталъ выдвигаться изъ-подъ временнаго наплыва западнорусской жизни" [3]).

Московская государственность, основанная этимъ, по автору, некультурнымъ великорусскимъ племенемъ, была тоже несостоятельна, была „чисто азіатской монархіей въ полномъ смыслѣ слова, осужденной на покореніе другимъ народамъ или на внутреннее распаденіе [4]). Но къ концу XVII вѣка замѣчается въ

[1]) Тамъ же, стр. 349 — 350. [2]) Тамъ же, стр. 351. [3]) Тамъ же, стр. 357. [4]) Стр. 379 — 80.

московскомъ царствѣ броженіе, какого прежде не бывало... Появляется хаосъ въ головахъ и дѣйствительности. Никто не знаетъ, какъ приняться за исправленіе непорядковъ, которые все усиливаются и вырождаются въ бунты, грозящіе опасностію даже цѣлости и единству государственной власти. И вотъ, посреди этой неурядицы, является Петръ, съ необыкновенной энергіей и жестокостію подавляетъ смуты, преобразуетъ внѣшнимъ образомъ всѣ формы быта и придаетъ странѣ наружный видъ европейской монархіи того времени [1]). Такимъ образомъ, понятна необходимость заимствованія чужого и усвоенія его сверху внизъ. Кавелинъ и объясняетъ естественность даже неумѣреннаго усвоенія чужого малою группою образованныхъ людей, сознавшихъ несостоятельность своего. Въ обществѣ неразвитомъ, безъ культуры, съ одними природными наклонностями и инстинктами и внѣшней дисциплиной, чужой идеалъ будетъ представляться со стороны внѣшнихъ его формъ и обстановки, да и вводиться онъ будетъ внѣшнимъ образомъ. Чѣмъ меньше развитія и культуры въ народѣ, тѣмъ онъ полнѣе, безотчетнѣе подчинится вліянію чужого идеала, приметъ его за образецъ себѣ во всемъ [2]). Этимъ отводится у Кавелина отвѣтственность отъ Петра и его преемниковъ за неумѣренное усвоеніе чужого. Государственность, по мнѣнію К. Д. Кавелина, обладала въ этомъ отношеніи сдержанностію, блюла народные интересы, тогда какъ русское общество не знало никакой мѣры [3]). При этомъ Кавелинъ дѣлаетъ оригинальное сопоставленіе. „Какъ въ старину русскій человѣкъ, отрѣшившійся отъ своего быта, бѣжалъ вонъ изъ него, на просторъ, такъ и образованная наша среда, выдѣлившаяся изъ народа, отрицаетъ установившійся народный бытъ; но уже не во имя какой либо безграничной свободы и разгула, а во имя идеала другого, высшаго, лучшаго быта... Русская голова и русская душа приняли чужіе идеалы, во имя которыхъ передѣлывается нашъ внутренній строй, и потому было множество различныхъ идеаловъ, смотря по времени, по обстоятельствамъ, обстановкѣ и тысячи случайнымъ условіямъ... Отсюда разладъ во всемъ“ [4]). Наконецъ, авторъ утѣшаетъ, что теперь уже разладъ сглаживается, что русская мысль стремится стать въ согласіе съ русскою дѣйствительностію [5]). Въ этомъ смыслѣ

[1]) Стр. 380. [2]) Стр. 387. [3]) Тамъ же, стр. 331. [4]) Тамъ же, стр. 381—2.
[5]) Тамъ же, стр. 383.

авторъ даже опредѣляетъ задачу нашего будущаго. „Уравновѣсить умственныя и нравственныя силы, говоритъ онъ, съ дѣйствительностію, соединить въ одно гармоническое цѣлое мысль и жизнь можетъ отнынѣ одно только глубокое изученіе самихъ себя въ настоящемъ и прошедшемъ“ [1]).

Мы видимъ, что вся теорія К. Д. Кавелина есть развитіе теоріи Соловьева, но развитіе опытнаго ученаго, который внесъ не мало и своего. Таковы: уясненія родового быта и связи петровскихъ преобразованій съ дѣлами старой Россіи, т. е. восполненіе явныхъ недостатковъ системы Соловьева. Кромѣ того поставленъ новый вопросъ объ историческомъ значеніи великорусскаго племени и вліяніи коренныхъ началъ его быта на государственное устройство Россіи. Этотъ вопросъ разъяснялся и впослѣдствіи. Такъ, онъ раскрывается въ сочиненіи Корсакова-Меря и Ростовское княжество, изд. въ 1872 г., гдѣ показывается первѣйшій процессъ смѣшенія русскихъ съ финнами; раскрывается онъ также въ сочиненіи Борзаковскаго—Исторія тверскаго княжества, изд. 1876 г., въ которой показываются колонизаціонныя дороги съ запада и юга въ тверскую область; но съ самой важной стороны раскрывается онъ, какъ увидимъ, въ соч. г. Ключевскаго—Боярская дума. У Кавелина выдвинутъ тутъ же еще одинъ вопросъ, подвергшійся потомъ особому разслѣдованію, именно, вопросъ о вотчинномъ правѣ въ государственномъ устройствѣ Россіи, правѣ, которое, какъ мы видѣли, выведено авторомъ, между прочимъ, и изъ русской общины, какою она была при разложеніи родового быта и господствѣ семейнаго начала и какою она явилась, какъ застывшая форма жизни, въ великорусскомъ племени. Поэтому русскій родовой бытъ, русская община и руская вотчинность тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою.

Б. В. Чичеринъ. Разъясненіемъ этого именно предмета занялся другой профессоръ-юристъ—Б. В. Чичеринъ, написавшій сочиненіе—Областныя учрежденія Россіи, изданное въ 1856 г.

Г. Чичеринъ—поборникъ родового быта подобно Соловьеву и Кавелину, останавливается собственно на тѣхъ временахъ и явленіяхъ, когда родовыя начала разрушались, когда выступала личность съ ея вотчинностію и произволомъ. Намѣстники и волостели съ ихъ челядью дѣйствовали, по автору, на началахъ частнаго

[1]) Тамъ же, стр. 404.

права, т. е., дани составляли для нихъ главное. Даже судъ былъ дѣломъ частнымъ и предметомъ наживы. Нѣсколько сдержанный, болѣе государственный характеръ намѣстники и волостели стали получать въ XV вѣкѣ, когда вырабатывалось служилое сословіе. Имъ даются уже наказы и опредѣляются ихъ доходы. Нѣкоторою также сдержкою для нихъ было и то, что они тогда не располагали военною силою. Только нѣкоторые изъ нихъ по окраинамъ были воеводами и имѣли войско. Но послѣ смутнаго времени всѣ намѣстники замѣнены воеводами съ военною силою, что вызывалось продолжавшимся броженіемъ въ государствѣ и особенно крѣпостнымъ состояніемъ. Учрежденіе воеводъ было по автору, шагомъ впередъ. Кормленіе у нихъ, какъ оно было прежде, отнято и замѣнено жалованіемъ, но отъ этого не много было пользы. Обязанности воеводъ, какъ и дѣла приказовъ, по Чичерину, не имѣли ничего опредѣленнаго. Имъ все поручалось, къ нимъ за всѣмъ обращались, но они не обязаны были постоянною отчетностію и многое дѣлалось помимо ихъ, даже подлѣ нихъ являлись лица, прямо присланные изъ Москвы,—дьяки, то независимые, то мало зависимые отъ нихъ. Точно также не было, по автору, ничего опредѣленнаго и въ выборныхъ отъ земли лицахъ. Обозначались выборные для казенныхъ дѣлъ, какъ цѣловальники у таможенныхъ, соляныхъ, кабацкихъ дѣлъ, но съ ними смѣшивались приказные. Точно также дѣла судныя, вѣдавшіяся губными старостами, бывшими вездѣ при Іоаннѣ IV, передавались нерѣдко воеводамъ, да и самые губные старосты разсматривались какъ приказные. Наконецъ еще болѣе, повидимому, выдѣлившіеся земскіе выборные, т. е. лица вѣдавшія распредѣленіемъ земли и раскладкой и сборомъ повинностей, приставлялись и къ государевымъ дѣламъ и подлежали вмѣшательству приказныхъ. Злоупотребленія, хищенія сопровождали дѣла администраторовъ на всѣхъ путяхъ [1]).

Вообще г. Чичеринъ видитъ величайшую путаницу и негодность областныхъ учрежденій въ допетровской Руси. „Земли московскаго государства, говоритъ онъ, раздѣлялись на уѣзды, центромъ которыхъ обыкновенно были города. Величина уѣздовъ была чрезвычайно разнообразна: новгородскій уѣздъ обнималъ большую часть земель, присоединенныхъ къ московскому государству... двинскій уѣздъ заключалъ въ себѣ всю прежнюю двинскую область,

[1]) Всѣ эти общія положенія сведены въ обширномъ введеніи автора, стр. 1—57.

а другіе уѣзды были напротивъ небольшими округами, приписанными къ незначительнымъ городамъ... Это раздѣленіе не было сдѣлано съ государственною цѣлію, въ видахъ государственнаго управленія, но было остаткомъ средневѣковыхъ учрежденій... Общихъ государственныхъ видовъ не было, потому что въ средніе вѣка вовсе не было государственныхъ понятій"... Уѣзды раздѣлялись на станы и волости. Въ составъ волости входили разнаго рода владѣнія княжескія, частныя, монастырскія, и это, по автору, разрушало первоначальное волостное дѣленіе, а писцы потомъ еще болѣе запутывали дѣло, приписывая произвольно земли къ станамъ и волостямъ... Не было общей административной системы, общаго законодательства относительно управленія; все ограничивалось частными правилами, которыя предписывались отдѣльнымъ лицамъ [1]).

Историческій прогрессъ по внутреннему управленію авторъ видитъ въ систематизаціи должностей и соединенныхъ съ ними обязанностей. При этомъ выходитъ у него нерѣдко поразительная странность. Такъ, по автору, нужно усматривать прогрессъ въ томъ, что губные старосты послѣ самозванческихъ смутъ будто бы вездѣ были на нѣкоторое время замѣнены воеводами, или что земскіе старосты перестали участвовать въ судныхъ дѣлахъ при воеводахъ.

Съ этимъ послѣднимъ воображаемымъ прогрессомъ у автора связанъ другой, еще болѣе поразительный. Авторъ полагаетъ, что русскія общины вызваны къ жизни самимъ правительствомъ въ XVI в., когда это было нужно ему, а когда правительство окрѣпло, то и общины потеряли свое значеніе. Мало и этого. Опираясь на тотъ фактъ, что до закрѣпощенія, народъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, авторъ не допускаетъ, чтобы въ тѣ времена русскія общины составляли что либо прочное. Русскую общину, какъ она сохранилась до новѣйшаго времени — съ передѣломъ земли и круговой порукой, авторъ выводитъ изъ вотчиннаго права допетровской крѣпостной Руси и изъ подушной подати XVIII в. [2]). Въ томъ же 1856 году, но до изданія своей книги авторъ помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ—Очеркъ историч. раз-

[1]) Обл. учр. стр. 58 — 65; Русск. Бесѣда за 1856, III. стр. 82—3; Кав. т. III, стр. 407. [2]) Обл. учр. стр. 30 — 33, 43 — 9, 521 — 522.

витія сельской общины, въ которомъ раскрылъ эти мысли, а также и основныя положенія всего своего сочиненія.

Всѣ эти разсужденія о вотчинномъ правѣ, о путаницѣ и хищеніяхъ администраціи и безсиліи русской общины въ допетровской Россіи, особенно въ XVII в., существеннымъ образомъ затрогивали славянофильскія положенія и притомъ въ такое время, когда славянофильство имѣло большую силу. Вызовъ былъ слишкомъ прямъ и тѣмъ болѣе настойчивъ, что около того времени нѣмецкій ученый баронъ Гакстгаузенъ издалъ свое путешествіе по Россіи (переводъ изд. въ 1857 г.), въ которомъ обратилъ вниманіе на русскую общину, какъ на оригинальное, самобытное славянское учрежденіе [1]). Все это вызвало настоящую бурю въ нашихъ ученыхъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ статей и прежде всего со стороны славянофиловъ. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ отвѣтовъ Чичерину нужно признать статью И. Д. Бѣляева, помѣщенную въ 1 книжкѣ Русской Бесѣды за 1856. Отвѣтъ этотъ написанъ собственно противъ статьи Чичерина—О сельской общинѣ, напеч. въ Русск. Вѣстн. за 1856 г., но въ немъ разбиралися и вообще положенія сочиненія Чичерина—Областныя учрежденія.

Бѣляевъ выступилъ противъ Чичерина съ громаднымъ запасомъ не только лѣтописныхъ, но и архивныхъ данныхъ и шагъ за шагомъ сталъ ниспровергать его положенія. Онъ доказалъ неопровержимо, что дружинникамъ не раздавали земель до XI вѣка, что вотчины не были вовсе похожи на ленныя имѣнія, что самое вотчинное право есть фикція западниковъ, что передвиженіе населенія не уничтожало общины и, особенно важныя данныя, что общины сохраняли силу и при намѣстникахъ и при воеводахъ и знали передѣлъ еще до закрѣпощенія, въ подтвержденіе чего Бѣляевъ привелъ одну грамоту начала XVI вѣка; что такъ называемое кормленіе намѣстниковъ и поборы воеводъ и ихъ служебныхъ лицъ не составляли чего либо всегда произвольнаго, а опредѣлялись и охранялись обычаемъ, и злоупотребленія вызывали жалобы, которымъ не было бы мѣста, если бы все предоставлено было на произволъ, какъ частное дѣло [2]). Бѣляевъ

---

[1]) Гакстгаузенъ (Вестфальскій баронъ) ѣздилъ по Россіи въ 1842 и 3 г. Сочиненіе свое онъ издалъ въ 1847 г. подъ заглавіемъ Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. [2]) Стр. 125—6.

приводитъ выписки изъ окладныхъ книгъ, въ которыхъ показаны кромѣ государственныхъ даней и кормъ намѣстнику [1]).

Въ той же Русской Бесѣдѣ за тотъ же 1856 г. въ кн. III и IV напечатана статья профессора Крылова, въ которой тоже съ большимъ знаніемъ архивныхъ дѣлъ [2]) и еще съ большею рѣшительностію ниспровергаются положенія Чичерина. „Невѣрное произвольное основаніе, говоритъ Крыловъ, взятое авторомъ, волей неволей повело его и къ невѣрнымъ заключеніямъ; онъ на всѣ учрежденія старой Руси смотрѣлъ съ точки зрѣнія собственной теоріи и отъ того всѣ они представлялись въ искаженномъ видѣ; онъ искалъ въ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ, и не видѣлъ того, что въ нихъ заключается. Много труда положилъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи и за трудолюбіе нельзя не поблагодарить его; но къ сожалѣнію трудъ сей, преисполненный отрицанія, не только безполезенъ, но и вреденъ нашей исторіи: подобные труды только останавливаютъ ходъ историческаго изученія. Не такихъ трудовъ ждетъ русская исторія отъ своихъ изслѣдователей. Лучшій образецъ нашъ въ историческомъ изученіи — безсмертный Карамзинъ: по его стопамъ мы должны идти, а не придумывать путей стропотныхъ и косныхъ, ведущихъ къ заблужденіямъ“ [3]).

Опасеніе Крылова за успѣхъ изученія русской исторіи было напрасно. Изученіе напротивъ еще сильнѣе вызывалось. Сторону Чичерина взяли юристы Кавелинъ и Калачевъ. Послѣдній давалъ объ его сочиненіи отзывъ академіи наукъ для преміи, которая и была получена. За Чичерина вступился и Соловьевъ, напавшій на перваго возражателя — Бѣляева, но и Кавелинъ и Калачевъ и даже Соловьевъ должны были признать, что у Чичерина многое невѣрно, особенно невѣрно, что русская община — новое учрежденіе. Между тѣмъ, Бѣляевъ вновь выступилъ и отвѣтилъ и Соловьеву, но кромѣ Бѣляева, достоинство русской общины поддержано новымъ, необыкновенно сильнымъ защитникомъ ея — извѣстнымъ Юріемъ Самаринымъ, который въ слѣдующемъ 1857 г. напечаталъ объ этомъ статью въ 1 № Русской Бесѣды. Въ этой небольшой статьѣ Самаринъ подошелъ къ сочиненію Чиче-

[1]) Стр. 127—8. [2]) Крыловъ привелъ, между прочимъ, новую грамоту изъ временъ Михаила Θеодоровича, доказывающую тоже передѣлъ земли въ крестьянской общинѣ (Русск. Бесѣд. IV, 103). [3]) № 4, стр. 114.

рина съ самыхъ опасныхъ сторонъ, даже не трогая фактической его аргументаціи. Онъ показываетъ, что кромѣ юридическихъ памятниковъ есть не мало другихъ источниковъ, необходимыхъ для уразумѣнія народной жизни, но упущенныхъ изъ виду авторомъ, каковы не только лѣтописи и церковныя поученія, освѣщающія народныя понятія, но особенно необходимые памятники,— народные обычаи. Затѣмъ, онъ еще болѣе уясняетъ односторонность юридическихъ памятниковъ, такъ какъ они только по частямъ, случайно очерчиваютъ внѣшнюю сторону народной жизни. Наконецъ, онъ ударяетъ въ самую сердцевину воззрѣній Чичерина — его западничество. „Въ концѣ своей книги о русской администраціи, г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ розысканій, говоритъ Самаринъ, и передъ читателемъ является длинный перечень всего неоказавшагося въ наличности. Отсутствіе союзнаго духа, отсутствіе систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ и юридическаго сознанія въ народѣ, отсутствіе общихъ соображеній, отсутствіе теоретическаго образованія и еще нѣсколько другихъ отсутствій удалось отмѣтить г. Чичерину на перекличкѣ учрежденій допетровской Руси. Такъ что же наконецъ въ ней присутствовало? Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо отсутствующихъ въ ней началъ можетъ быть понятно только, какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ либо другихъ творческихъ силъ. Къ сожалѣнію, ихъ то мы и не видимъ“ [1]).

Самаринъ объясняетъ, почему именно мы не видимъ этихъ другихъ творческихъ силъ Россіи? Потому что мы, оторвавшись отъ родной жизни и усвоивши чужія начала жизни, подходимъ къ нашему прошедшему съ готовою чужою мѣркою и, не находя въ ней соотвѣтствующаго этой мѣркѣ, относимся къ своему прошедшему отрицательно. Любопытное мнѣніе высказываетъ Самаринъ и о наукѣ русской исторіи. „Историческая наука, говоритъ онъ, зачалась въ Россіи вслѣдъ за переворотомъ (т. е. петровскимъ), перервавшимъ у насъ живую нить историческаго преданія. Оттого наука явилась не какъ плодъ созрѣвшаго на-

[1]) Р. Бесѣда 1857 г., № 1, стр. 113—114.

роднаго самосознанія, а какъ попытка со стороны цивилизованнаго общества, оторвавшагося отъ народной почвы, возстановить въ себѣ утраченное самосознаніе" [1]). Въ этой же статьѣ есть и весьма поучительное указаніе на немощь нашей науки, оторванной отъ живаго народнаго самосознанія. „Всѣ попытки, говоритъ Самаринъ, опредѣлить (положительныя свойства родового быта) сбивались постоянно на черты семейнаго или общиннаго быта, и по мѣрѣ того, какъ выяснялось представленіе о нашей старинѣ, безплотный призракъ родового быта уходилъ все дальше и дальше, такъ что наконецъ теперь онъ уже отодвинутъ въ доисторическую и чуть-чуть не допотопную эпоху" [2]).

Въ 1856 г. въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія появилась статья извѣстнаго намъ Лешкова, въ которой съ такимъ знаніемъ излагались права и обязанности русскихъ общинъ, что на нее съ гордостію ссылался Бѣляевъ въ своемъ отвѣтѣ Соловьеву.

Съ самомъ концѣ 1856 г. происходилъ въ московскомъ университетѣ диспутъ о томъ же сочиненіи г. Чичерина, защищавшаго его какъ магистерскую диссертацію. На этомъ диспутѣ три знатока — Крыловъ, Лешковъ и Бѣляевъ громили Чичерина и многочисленная публика принимала живѣйшее участіе въ этомъ событіи. Возраженія Крылова были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ за 1857 г. № 4 и 5.

Споръ этотъ имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшее изученіе внутренняго быта Россіи. Естественно сознавалась нужда вновь изучить этотъ бытъ. Результатомъ этого и было извѣстное намъ классическое сочиненіе Бѣляева — Крестьяне на Руси.

Какъ ни тяжелы были удары, нанесенные теоріи родового быта, но она не кончила своего существованія въ нашей наукѣ. Ее искусственно поддерживали ежегодно появлявшіеся томы исторіи Соловьева и вызывали усилія обновить ее, обосновать на болѣе прочныхъ устояхъ.

И. Е. Забѣлинъ. Самымъ талантливымъ новымъ проповѣдникомъ родовой теоріи и самымъ страстнымъ послѣдователемъ въ этомъ отношеніи Соловьева и Кавелина, вынужденнымъ даже потомъ отступать отъ собственныхъ положеній, былъ И. Е. Забѣлинъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 112. [2]) Тамъ же, стр. 115.

Выступилъ И. Е. Забѣлинъ на это дѣло, повидимому, самымъ неожиданнымъ образомъ. Забѣлинъ изучалъ бытъ московскихъ царей, царицъ и бояръ, отдался самому кропотливому архивному и археологическому изслѣдованію памятниковъ этого быта и издалъ два тома замѣчательнаго объ этомъ труда [1]). Въ I главѣ или собственно во введеніи ко II тому своего сочиненія, изображающему бытъ царицъ, онъ счелъ нужнымъ высказать свой взглядъ на весь ходъ историческаго развитія русской жизни и въ обширномъ трактатѣ изложилъ свою теорію родового быта.

Мы уже показывали, что Кавелинъ старался глубже Соловьева понять родовой бытъ и болѣе ясно и убѣдительно представить его, какъ начало, проникающее всѣ явленія русской жизни. При этомъ русскій родовой дворъ, русская вотчинность и русская личность выступали на видное мѣсто. И. Е. Забѣлинъ старается еще глубже понять родовую теорію и еще яснѣе и убѣдительнѣе указать это начало, какъ идею, оживотворявшую всѣ явленія русской жизни и опредѣлявшую значеніе русской личности.

Славянофилы усматривали первѣйшую ячейку русской жизни въ семьѣ и общинѣ, и въ основу той и другой полагали нравственное начало, устранявшее вопросъ объ юридическихъ правахъ личности, ставившее русскую семью и общину въ особое и самостоятельное положеніе по отношенію къ государственности.

И. Е. Забѣлинъ вмѣсто семьи ставитъ кровный родъ, въ которомъ не нравственное начало движетъ, а кавелинское старшинство и меньшинство. Проблески личнаго значенія, личнаго участія онъ усматриваетъ въ родѣ только по вопросу имущественному. Всѣ трудятся, всѣ совѣщаются, всѣ пользуются общимъ имуществомъ; но на этомъ и кончается личное участіе членовъ. Это же имущественное начало Забѣлинъ переноситъ и на общину. Общины онъ не находитъ возможнымъ уничтожить въ древней Руси, какъ это дѣлалъ Чичеринъ. Онъ признаетъ ее; она состоитъ изъ соединенія кровныхъ родовъ; но соединеніе это чисто имущественное и ничего другого не представляетъ [2]). Мало того, община даже будто бы не знаетъ членовъ кровныхъ родовъ и ихъ вну-

[1]) I т. изд. въ 1862 г., II т. 1869. Заглавіе они имѣютъ такіе: I. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в.; II томъ: Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII в. Оба тома вышли вторымъ изданіемъ въ 1872 г. [2]) Наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиной родовъ или еще ближе общиною хозяйствъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей. (Стр. 11—12).

тренних дѣлъ. Она знаетъ лишь дворъ и домовладыку или родоначальника. Самое значенiе этихъ домовладыкъ или родоначальниковъ опредѣлялось ихъ имущественною состоятельностiю. Такимъ образомъ, значенiе человѣка, личности опредѣлялось кровнымъ старшинствомъ и имущественною состоятельностiю, т. е. не нравственностiю, а стихiйными силами [1]). То и другое выражалось во власти старшаго надъ младшими, богатаго надъ бѣдными, со стороны которыхъ требовалось подчиненiе, повиновенiе [2]). Власть и повиновенiе и составляли, по автору, коренныя начала русской жизни. Но такъ какъ власть, вытекавшая изъ стихiйности, легко переходила въ самовластiе, произволъ, то и подчиненiе переходило въ самоволiе, буйство.

Для уясненiя этого склада жизни авторъ обращается, между прочимъ, къ изученiю извѣстнаго Домостроя и дѣлаетъ такой общiй выводъ: „Мы видимъ, что съ одной стороны, въ лицѣ старшаго, онъ (Домострой) воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ самый безграничный произволъ, стало быть, полную необузданность воли. Съ другой стороны, въ лицѣ каждаго младшаго онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ безпрекословное покоренiе и послушанiе, безграничное приниженiе личности, полное дѣтство и раболѣпство воли. Между этими двумя крайностями мы не видимъ никакой середины“ [3]). Но не видя никакой середины между этими крайностями ученiя Домостроя,—не видя ни христiанской любви, о которой тамъ часто ведется рѣчь, ни ласкъ теплаго чувства, ни даже заботы объ обученiи холоповъ и отпущенiя ихъ на волю,

---

[1]) ...„Земская община, было ли то въ деревнѣ, въ городѣ, въ цѣлой области, являлась въ существенномъ своемъ смыслѣ общиною хозяйствъ, а не людей, именно, общиною дворовъ, совокупностiю домохозяевъ, домовладыкъ, какъ представителей частныхъ, отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ ней лицо разсматривалось лишь съ имущественной земской точки зрѣнiя, съ точки зрѣнiя владѣнiя землей, сидѣнья на общей землѣ. Ясно, что здѣсь не было мѣста для нравственныхъ опредѣленiй личности, для личности самой по себѣ, для свободной личности въ нравственномъ ея значенiи и смыслѣ, а слѣдовательно не было и нравственнаго равенства лицъ... Здѣсь существовало одно только имущественное равенство лицъ... Здѣсь наиболѣе независимое положенiе, собственно не свободное, а своевольное, личность могла прiобрѣсть лишь посредствомъ богатства... сравнительно съ другими“. (Стр. 23—4).
[2]) „Старшiе, т. е. почему либо властные идеализировали себя или свое общественное положенiе характеромъ отцовъ, свою власть характеромъ власти отеческой; младшiе т. е. подвластные въ какомъ бы то ни было смыслѣ, идеализировали свое положенiе характеромъ дѣтей, вообще малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ“. (Стр. 31). [3]) Стр. 54.

И. Е. Забѣлинъ во многихъ мѣстахъ своего трактата старается яснѣе представить суровость и чудовищность самыхъ этихъ крайностей. „Родъ, какъ сила, всюду господствовалъ и пригнеталъ личность. Свобода личности не была вовсе мыслима, хотя-бы и новгородской. Вершиной новгородской свободы было своеволіе меньшинства (богатыхъ родовъ) или своеволіе большинства, бѣдныхъ, меньшихъ родовъ, вообще своеволіе силы“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ: „Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху (въ древней Руси) были нравственною свободою человѣка: въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ — народъ, оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Это была общая норма отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и безсильными, между независимыми и зависимыми, и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ служебномъ, и въ общественномъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Это былъ нравственный закалъ жизни, выращенный ею же, самою жизнію изъ почвы родового, патріархальнаго быта и отеческихъ поученій“ [2])... Авторъ даже утверждаетъ, что другихъ началъ, другихъ источниковъ для развитія и образованія собственной воли русскій человѣкъ не имѣлъ. „Его (т. е. русскаго человѣка) со всѣхъ сторонъ охватывала среда произвольныхъ поступковъ, произвольныхъ дѣйствій... Въ убѣжденіяхъ массы этотъ произволъ, эта воля старшаго, построившая по своему идеалу и всю бытовую власть, являлась какою-то первозданною, физическою стихіей, въ родѣ огня, воды, предъ которою по необходимости должна была поникать всякая самостоятельность, а тѣмъ болѣе, самостоятельность индивидуальной личности“ [3]). Авторъ однако показываетъ, что не всѣ и не всегда поникали. Но отъ этого выходило еще хуже. „Тутъ становился сильнымъ естественный законъ, что крайность вызываетъ другую крайность; отрицаніе самостоятельности человѣка въ природѣ его нравственныхъ дѣлъ являлось отрицаніемъ въ немъ самомъ его человѣческихъ свойствъ и онъ, по неизбѣжной причинѣ, дѣлался звѣремъ своей воли, или, говоря поэтически, становился богатыремъ [4]). Вообще авторъ тогда полагалъ, что родовая опека „создавала тотъ тяжелый, душный міръ, изъ котораго вырваться возможно было только съ силою богатыря“ [5]).

---

[1]) Стр. 25. [2]) Стр. 58. [3]) Стр. 56. [4]) Стр. 67. [5]) Тамъ же.

Такимъ образомъ и Забѣлинъ подобно Кавелину или, лучше сказать, еще смѣлѣе и рѣшительнѣе его пришелъ къ такой крайности, за которой была уже бездна всеобщаго разложенія Россіи. Передъ нимъ исчезали чисто нравственныя качества и дѣла нашихъ богатырей, подвиги въ борьбѣ съ инородцами нашихъ козаковъ, еще болѣе высокіе подвиги нашихъ русскихъ колонистовъ, нашихъ религіозныхъ богатырей-иноковъ или такихъ проповѣдниковъ личной свободы и самобытности, какъ преподобный Нилъ Сорскій.

Но передъ Забѣлинымъ, какъ и передъ Соловьевымъ, Кавелинымъ, не могли быть закрытыми ни явственныя всюду мощныя силы русскаго народа, создавшаго и держащаго громадное государство, ни требованія русской души найти въ своемъ прошедшемъ что либо положительное, крѣпкое,—надежный залогъ будущаго существованія.

Соловьевъ нашелъ выходъ изъ нарисованнаго имъ безотраднаго у насъ положенія вещей прежде всего въ даровитости русской природы. Забѣлинъ больше слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Кавелину и подобно ему слѣдитъ, какъ вырабатывалась личность. Онъ тоже утверждаетъ, что семья разлагала родъ и что на семейномъ началѣ выросла личность, къ чему по взгляду автора стремилась вся наша исторія [1]). Какъ же именно стремилась? Стремилась, по автору, такъ, что прибѣгала къ уравнителю противоположныхъ крайностей—самовластія и самоволія,—къ князю, царю. „Уравнителемъ такихъ свободныхъ движеній жизни (самовластія и самоволія), говоритъ Забѣлинъ, и въ народной общинѣ и у себя въ отчинѣ, является все тотъ же Рюрикъ, государь вотчинникъ, представитель личнаго начала, а слѣдовательно и будущій освободитель личности“ [2]).

Это будущее освобожденіе, по автору, совершалось съ большими затрудненіями. И. Е. Забѣлинъ указываетъ при этомъ на то, что даже самодержавіе, истреблявшее на своемъ пути всѣ препятствія, разрушавшее побѣдоносно устройство цѣлыхъ и большихъ общинъ, упразднявшее цѣлыя княжества, изводившее цѣлые княжескіе и боярскіе роды, не находило однако же достаточно силы разомъ покончить съ мѣстничествомъ; потому что здѣсь приходилось считаться съ нравственнымъ складомъ народной жизни,

[1]) Стр. 20. [2]) Стр. 25.

„который могъ уступить, говоритъ авторъ, не личной волѣ самодержца, а только нравственному же складу, построенному на другихъ началахъ“ [1]). Этотъ другой складъ жизни и устроялъ правительство, внося постепенно достоинство личной службы. Это новое начало и „было зародышемъ той новой организаціи общественныхъ убѣжденій и представленій, которая постепенно и послѣдовательно вела къ раскрытію и выясненію понятій о человѣческомъ достоинствѣ вообще, о достоинствѣ человѣка, какъ человѣка, помимо всякихъ другихъ опредѣленій его личности, и родовыхъ, и даже служебныхъ, которыя явились на смѣну родовымъ“ [2]). Съ этой точки зрѣнія Забѣлину, какъ и Кавелину, представляются сильными двигателями русской жизни Іоаннъ Грозный и Петръ Великій, но при совершенно иномъ сопоставленіи. „Не даромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ, говоритъ Забѣлинъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ плоды русской жизни. Домострой былъ вполнѣ законченнымъ словомъ ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ дѣломъ того-же идеала, также вполнѣ законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другого идеала. Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы-исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою будущую личность освободителя личности— Петра“ [3]). Авторъ полагаетъ, какъ и Кавелинъ и Соловьевъ, что послѣ Грознаго русская жизнь искала совсѣмъ новаго выхода; „Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній, искала новыхъ идеаловъ (закрѣпостивъ народъ!) приближалось что-то не извѣстное новое, но тѣмъ сильнѣе подымалось все старое“. „Званый идеалъ наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго государя обществу, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеалъ и насъ отъ него отдѣляетъ только старая, прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился и оттого такъ ей и сочувствовалъ“ [4]).

Можно бы поэтому думать, что авторъ, подобно Соловьеву и Кавелину, поклонникъ западноевропейской цивилизаціи. Но, нѣтъ!

---

[1]) Стр. 35. [2]) Тамъ же. [3]) Стр. 70. [4]) Стр. 70.

Онъ отстаетъ въ этомъ отношеніи не только отъ Соловьева, но даже отходитъ и отъ Кавелина. Онъ вездѣ имѣетъ въ виду коренное наше различіе отъ западной Европы не только по вопросу о личности, но и тѣсно съ нимъ связываетъ вопросъ о завоевательномъ началѣ государства. Въ этомъ отношеніи онъ также, какъ славянофилы, отвергаетъ всякое значеніе завоевательнаго начала государственности у насъ и сближаетъ его начала съ началами родового быта. Подобно Кавелину, онъ видитъ хорошія стороны въ русскомъ родѣ, закрѣпившемъ и сохранившемъ наше національное единство, но прибавляетъ нѣсколько новыхъ чертъ, приближающихъ его опять къ славянофиламъ. Онъ указываетъ, что родъ вносилъ всюду родственныя отношенія, отеческія черты придавалъ власти царя, установлялъ братскія отношенія между членами русскаго общества (все это уже въ смыслѣ нравственномъ)[1]), и чтò еще ближе къ славянофильству, усматриваетъ въ русской общинѣ право всѣхъ на землю, — „равенство правъ на землю, т. е. пользованіе землею для каждаго плательщика даней, а это, по автору, составляло первозданную стихію русской народной жизни по всей русской землѣ. Эта-то стихія и сохранила русскій народъ отъ всѣхъ историческихъ и всякихъ вражескихъ напастей“ [2]). Авторъ даже утверждаетъ, что „русское рабство, къ которому привело народъ... „широкое, всестороннее развитіе въ жизни родовой идеи, никогда не было, да и быть не могло такимъ полнымъ, законченнымъ рабствомъ“, какъ „полное рабство азіатское, африканское, или даже юридически выработанное рабство западной Европы“... „Въ сущности это было дѣтство, а не рабство“ [3]). Авторъ, наконецъ, подобно Кавелину, возмущается жестокимъ раздвоеніемъ, какое у насъ произошло въ XVIII столѣтіи, т. е. съ петровскихъ временъ, и, подобно Кавелину же, заявляетъ требованіе единства, но гораздо яснѣе его указываетъ на основу этого единенія. Онъ ее видитъ въ реформахъ нашего времени (книга изд. 1869 г.), вносящихъ въ нашу жизнь „положительныя основы развитія“.

Эти мнѣнія автора составляютъ большею частію явныя отступленія не только отъ теоріи Соловьева и Кавелина, но и отъ собственныхъ его мыслей о родовомъ бытѣ. Но отступленія его

---

[1]) „Любовная родственность въ отношеніяхъ, непосредственно родственныя, братскія отношенія“ (стр. 30). [2]) Стр. 25. [3]) Стр. 70.

на этомъ не остановились. Въ другомъ своемъ сочиненіи — Исторія русской жизни, о которомъ подробная рѣчь будетъ ниже, И. Е. Забѣлинъ существенно измѣняетъ всю свою теорію родового быта. Онъ рѣшительно отвергаетъ патріархальность въ нашемъ родовомъ бытѣ, которую видѣлъ въ разсмотрѣнномъ трактатѣ, и это тѣмъ важнѣе, что отвергаетъ онъ патріархальность для древнѣйшихъ временъ нашей жизни, какія только могъ помнить нашъ первый лѣтописецъ.

И. Е. Забѣлинъ прямо заявляетъ, что родовой бытъ не слѣдуетъ смѣшивать съ патріархальнымъ бытомъ [1]). Славяне, по мнѣнію его, вѣроятно, вышли изъ Азіи задолго до образованія тамъ патріархальнаго быта, гдѣ выработанъ типъ патріарха, и гдѣ идея единоличной власти, развившаяся въ идеалъ царя, укоренилась глубоко въ каждой народности. На европейской почвѣ славяне забыли о своемъ праотцѣ. У нихъ понятіе о дѣдѣ связывалось съ понятіемъ о существѣ высшемъ, божественномъ. Все русское племя считало себя внукомъ Дажъ-Бога. Дѣдушка считался домовымъ духомъ. Въ понятіяхъ даже объ отцѣ заключалось много миѳическаго“ [2]). „Въ своихъ преданіяхъ о первыхъ строителяхъ своего быта наши славяне начинаютъ не отъ праотца, не отъ одного лица, а отъ трехъ братьевъ“ (Кій, Щекъ, Хоривъ) [3]). Идея жизни родомъ при трехъ братьяхъ выразилась въ миѳическомъ образѣ, по Забѣлину, Троянѣ Слова о полку Игоря [4]). Забѣлинъ объясняетъ и нѣкоторыя загадочныя понятія въ нашемъ бытѣ, понятныя только при идеѣ о Троянѣ, т. е. о трехъ братьяхъ. По законамъ мѣстничества первый сынъ отъ отца — четвертое мѣсто, второй — пятое и т. д., т. е. отецъ тремя мѣстами старше сына. Въ этомъ, по Забѣлину, выражалось понятіе объ отцѣ и объ его двухъ братьяхъ, т. е. о первоначальной основѣ рода — трехъ братьяхъ. Это же, по мнѣнію Забѣлина, выражается въ народной поговоркѣ: одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ. „Наконецъ, самое слово племянникъ, говоритъ Забѣлинъ, показываетъ, что эта пограничная, нисходящая родовая линія почиталась уже въ общемъ смыслѣ только племенемъ, нарожденіемъ, которое и придавало простой семьѣ значеніе рода — племени... Каждое родовое колѣно, въ сущности,

[1]) Исторія русской жизни, т. I, стр. 518 — 519. [2]) Т. I, стр. 521. [3]) Т. I, стр. 519 — 520. [4]) Т. I, стр. 520 — 521.

было колѣномъ братьевъ, которые въ старшемъ порядкѣ были отцы-дядья, а въ младшемъ — сыновья-племянники. Отсюда уже родъ-племя продолжалось въ безконечность“ [1]). Въ дѣйствительной жизни Забѣлинъ представляетъ даже очень съуженнымъ родъ. Онъ въ немъ видитъ только отца, сыновей и внуковъ. Сыновья двухъ родныхъ братьевъ называются у насъ двоюродными, т. е. какъ бы двухъ родовъ.

Ослабивъ и съузивъ такимъ образомъ значеніе родоначальника и усиливъ значеніе братьевъ, И. Е. Забѣлинъ долженъ былъ уже гораздо меньше говорить о какой бы то ни было подавляющей родовой власти и долженъ былъ показывать силу равноправности, совѣщательнаго начала. Полную власть отецъ-домодержецъ имѣлъ только въ своемъ домѣ, у своего очага. „Но выходя изъ дому и становясь въ ряды другихъ домохозяевъ, онъ становился рядовымъ братомъ“... „Братскій родъ по своей природѣ, говоритъ Забѣлинъ, представлялъ такую общину, гдѣ первымъ и естественнымъ закономъ жизни было братское равенство“... „Власть старшаго брата была собственно власть братская, очень далекая отъ понятій о самодержавной власти отца. Живущее братство естественно стремилось ограничивать эту власть во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выступало впередъ братское равенство. Отсюда происходила полная зависимость старшаго брата-отца отъ общаго братскаго совѣта... Отсюда являлась необходимость вѣча и возникало право представительства на этомъ вѣчѣ всѣхъ родичей, способныхъ держать родовое братство“ [2]).

Нѣтъ нужды доказывать, что родовое начало здѣсь совсѣмъ не то, какимъ его представлялъ авторъ въ сочиненіи — Бытъ царицъ. Самъ авторъ лучше всего доказываетъ происшедшую въ немъ перемѣну въ слѣдующихъ словахъ: „Словомъ сказать, говоритъ онъ, хотя родъ братскій физіологически принадлежитъ патріархальному роду и стоитъ на отношеніяхъ кровнаго старшинства и меньшинства, вообще на отношеніяхъ кровной связи, однако въ основѣ этихъ отношеній онъ управляется болѣе понятіями братства, чѣмъ понятіями дѣтства, какъ было только въ патріархальномъ быту. Гдѣ существуютъ отецъ-праотецъ, тамъ всѣ родичи суть дѣти и въ прямомъ и въ относительномъ смыслѣ.

---

[1]) Томъ I, стр. 522 — 523. [2]) Томъ I, стр. 525 — 526.

Гдѣ вмѣсто отца управляетъ братъ, тамъ родичи, и братья, и племянники, пріобрѣтаютъ бо́льшій вѣсъ и ихъ значеніе всегда уже колеблется между братьями и дѣтьми и больше всего колеблется въ сторону братьевъ. Самыя связи первоначальнаго общежитія и общественности обозначались тоже именемъ братства: собиравшееся на праздникъ общество именовалось братчиною"[1]).

Мы не знаемъ, сочтетъ ли авторъ нужнымъ обратиться къ теоріи Кавелина, что въ великорусскомъ племени понизилась эта родовая культура, если ему придется писать дальнѣйшіе томы своей исторіи и вѣдаться вновь съ первоначальною его теоріей родового быта; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ древнѣйшихъ временахъ русской жизни онъ нашелъ совсѣмъ иное родовое начало, нежели какое видѣлъ въ ней, когда описывалъ времена московскаго единодержавія.

Историческое развитіе родовой теоріи не кончилось этимъ явнымъ признаніемъ ея несостоятельности со стороны самихъ ея послѣдователей. Она подобно норманскому происхожденію нашихъ князей, налегла какъ какое то злосчастіе на нашу науку. Не даромъ обѣ теоріи пущены въ ходъ учеными нѣмцами. Родовой теоріи суждено было развиться до послѣднихъ крайностей.

А. Никитскій. Одну изъ этихъ крайностей представляетъ теорія г. Никитскаго, нынѣ профессора варшавскаго университета, изложенная въ его сочиненіи — Очеркъ внутренней исторіи Пскова́, изд. въ 1873 г..

По мнѣнію г. Никитскаго, въ основѣ рода лежитъ фикція родства, подобно многимъ фикціямъ въ жизни человѣческой, т. е. что къ роду принадлежали не только родственники, но и посторонніе лица, вошедшія въ составъ рода. Г. Никитскій такимъ образомъ уничтожалъ мнѣніе прежнихъ послѣдователей теоріи родового быта, что у насъ былъ кровный родъ. Для доказательства своей теоріи авторъ обращается къ родамъ юго-славянскихъ племенъ и къ древне-германскому роду. Но въ дѣйствительности у г. Никитскаго не какой либо славянскій или вообще европейскій родъ, а азіатскій. Г. Никитскій утверждаетъ, что такой фиктивный родъ не связывается существенно съ осѣдлостію и въ подтвержденіе, что у насъ такъ было, указываетъ на существованіе въ сла-

---

[1]) Т. I, стр. 526.

вянскомъ мірѣ однихъ и тѣхъ же племенныхъ названій въ разныхъ мѣстахъ, какъ дулебы у насъ и въ Богеміи и Хорутаніи, хорваты и въ Польшѣ и по Эльбѣ, Савѣ, словене у насъ и при Өессаликѣ и въ Крайнѣ [1]). Родъ, по мнѣнію г. Никитскаго, связывается не территоріальнымъ, мѣстнымъ началомъ, даже можетъ исключать его, а связывается родовымъ началомъ. Формальнымъ выраженіемъ этой связи служитъ общій родоначальникъ, патріархъ, и родовой бытъ естественно есть патріархальный бытъ. Но по своей сущности родовой бытъ представлялъ демократическое устройство, такъ какъ центръ тяжести всегда составляли родовые союзы [2]). Г. Никитскій уничтожаетъ затрудненія при объясненіи перехода родового быта въ государство. Онъ самый родовой бытъ считаетъ государствомъ, только съ своеобразными формами. „Разница между родовымъ государствомъ, говоритъ онъ, и государствомъ высшей формаціи въ отношеніи учрежденій заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьею. Понятно поэтому, что общественная жизнь въ родѣ выражалась главнымъ образомъ въ общемъ родовомъ совладѣніи, въ общей круговой порукѣ и въ веденіи дѣлъ съ помощію родоначальника“ [3]), который, показываетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, былъ и жрецомъ, и судьею, и военачальникомъ.

Авторъ видитъ опасность отождествить нашъ родъ съ азіатскимъ и сильно старается устранить эту опасность [4]). Отъ того онъ и говоритъ часто о значеніи родовыхъ союзовъ, а также о выборности общаго родоначальника. Но эти усилія напрасны. Если стать на точку зрѣнія фиктивности рода и патріархальности, то уже нельзя удержаться въ Европѣ, а нужно идти въ Азію или къ первобытнымъ народамъ. Такъ это и случилось, какъ сейчасъ увидимъ.

Сочиненіе профессора Никитскаго, независимо отъ родовой теоріи, имѣетъ большія достоинства. Внутренняя исторія Новгорода и Пскова въ немъ изложена съ большимъ знаніемъ дѣла, особенно важно изслѣдованіе о псковскомъ устройствѣ и законодательствѣ. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, сдѣлано остро-

---

[1]) Стр. 8—9. [2]) Стр. 26. [3]) Стр. 12. [4]) Стр. 25.

умное сближеніе республиканскихъ формъ жизни Новгорода и Пскова съ формами греческихъ и римскихъ республикъ, какъ совѣтъ при вѣчахъ и греческіе геронты и римскіе консулы; посадники и тысяцкіе — консулы и трибуны. Осмѣянныя попытки Ломоносова къ подобному сближенію теперь уже не смѣшны.

Хлѣбниковъ. За годъ до изданія книги г. Никитскаго, т. е. въ 1872 г. появилось сочиненіе—Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи,—сочиненіе другого профессора варшавскаго, потомъ харьковскаго университета, Хлѣбникова, который логичнѣе г. Никитскаго выполнилъ задачу—расширять родъ за предѣлы кровнаго родства. Хлѣбниковъ въ своемъ сочиненіи рѣшился разсмотрѣть родовой бытъ во всей широтѣ, собрать его черты во всемъ мірѣ, начиная съ самыхъ первобытныхъ народовъ и оканчивая народами, развившими у себя высшую цивилизацію. Авторъ находитъ различныя формы родового быта у разныхъ народовъ и различные остатки его у народовъ, прошедшихъ эту неизбѣжную, по его мнѣнію, ступень въ историческомъ развитіи. Онъ прежде всего ставитъ формы быта въ зависимость отъ физическихъ условій,—отъ средствъ питанія, и усматриваетъ своеобразныя формы этого быта, когда народъ занимается еще только охотою или уже завелъ скотоводство или наконецъ занимается земледѣліемъ. При охотничьемъ состояніи не бываетъ никакого постояннаго устройства. Каждый живетъ самъ по себѣ и только на время особенныхъ предпріятій избирается вождь [1]). Родовой бытъ является лишь при пастушескомъ состояніи, которое даетъ возможность богатѣть, заводить большую семью и быстро разростаться въ родъ [2]).

Но родъ, разростаясь, распадается на отдѣльные роды. Отдѣльные роды избираютъ одного изъ родоначальниковъ главнымъ. Такой бытъ удерживается лишь у кочевыхъ народовъ. У земледѣльческихъ народовъ „первобытные естественные роды, говоритъ авторъ, при лучшихъ средствахъ питанія, очень скоро растутъ и обращаются въ колѣна или искусственные роды“... вмѣсто связи родственной теперь является связь общественная, политическая... „начальники этихъ родовъ уже не старшіе въ родѣ, но выборные изъ какой либо фамиліи, пріобрѣтшей общее уваженіе“ [3]).

---

[1]) Стр. III—IV. [2]) Стр. VII. [3]) Стр. VII.

„Въ этой степени развитія государство имѣетъ особую центральную организацію и особую организацію колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Во главѣ центральной организаціи стоитъ князь съ военно-судной и отчасти административной властію, но главный пунктъ тяжести, такъ сказать, все еще покоится въ организаціи искусственныхъ родовъ или колѣнъ“ [1]). Земля обработывается общими силами и добытые плоды дѣлятся между всѣми участниками предпріятія. Но какъ только удалось расчистить пашню и улучшились орудія земледѣлія, такъ въ искусственныхъ родахъ происходитъ разложеніе. Выдѣляются семьи, является семейная собственность, хотя идея общей принадлежности земли роду еще долго сохраняется [2]). Семьи составляютъ союзы и образуются племенные союзы, княжества, соединяющіяся то добровольно, то путемъ завоеванія [3]).

Русскихъ славянъ Хлѣбниковъ представляетъ пришедшими отъ Дуная въ VI или VII в. по Рождествѣ Христовомъ и затѣмъ живпими на различныхъ ступеняхъ развитія. Одни—на лучшихъ мѣстахъ занялись земледѣліемъ, какъ поляне, другіе занимались еще скотоводствомъ, какъ древляне, иные, какъ болѣе сѣверныя племена, еще только расчищали лѣса и даже занимались охотой. Признаки кочевой жизни авторъ видитъ у насъ даже въ XII вѣкѣ: это значитъ договориться уже до такой крайности, дальше которой, повидимому, уже нельзя идти. Впрочемъ, дѣйствительность показываетъ, что защитники родового быта не отворачиваются ни отъ какихъ крайностей.

Сочиненіе Хлѣбникова, какъ и Никитскаго, независимо отъ теоріи родового быта, имѣетъ не маловажное значеніе. Оно очень богато фактами и составляетъ еще болѣе смѣлый замыселъ написать исторію русской культуры. Еще прежде этого сочиненія, именно въ 1869 г., авторъ издалъ книгу: О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, т. е. отъ принятія Іоанномъ IV царскаго титула до Петра. Въ обоихъ сочиненіяхъ авторъ выдерживаетъ свое основное начало—разсматривать жизнь русскаго народа прежде всего въ области физическихъ условій, и показываетъ бѣдность и отъ того несостоятельность русскаго человѣка. Такъ, онъ этимъ объясняетъ

---

[1]) Тамъ же. [2]) Стр. VII—VIII. [3]) Стр. XXI—XXII.

и слабое развитіе русскаго общества и закрѣпощеніе русскаго крестьянина.

Но это лишь слабая попытка уяснить русскую прошедшую жизнь изъ физическихъ ея условій. На этомъ пути сдѣланы шаги болѣе явственные и смѣлые.

ГЛАВА XVII.

Реалистическая теорія для объясненія нашего прошедшаго.

Щаповъ. Мы видѣли, что С. М. Соловьевъ связалъ тѣснѣйшимъ образомъ движеніе исторической нашей жизни съ физическими условіями страны. К. Д. Кавелинъ развилъ это положеніе и выставилъ низкую культуру великорусскаго племени, которую еще жестче обрисовалъ И. Е. Забѣлинъ, мало выдѣляя или даже вовсе не выставляя при этомъ великорусскаго племени, а распространяя неразвитость на весь русскій народъ. Г. Никитскій не довольствовался сравнительнымъ изученіемъ состоянія русскихъ племенъ, а обратился къ сравнительному изученію другихъ народовъ не только славянскихъ, но и вообще европейскихъ. Хлѣбниковъ пошелъ еще дальше. Онъ занялся сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ вообще народовъ и въ томъ числѣ съ особеннымъ вниманіемъ—народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія,—кочевыхъ и даже дикихъ. У него выступаетъ такъ называемая антропологія народовъ. Т. е. изученіе нашей исторіи стало сильно упираться въ естествознаніе. На этомъ новомъ пути наша русская впечатлительность и невоздержанность сказалась во всей силѣ. Это мы видѣли и у всѣхъ почти вышесказанныхъ послѣдователей теоріи родового быта, особенно у Хлѣбникова; но крайности этихъ писателей ничто въ сравненіи съ крайностями писателя, вышедшаго изъ духовной среды и задумавшаго все объяснить въ русской исторіи посредствомъ естествознанія, въ которомъ онъ однако не былъ спеціалистомъ.

Мы разумѣемъ покойнаго Щапова, бывшаго профессоромъ въ казанской академіи, также въ казанскомъ университетѣ, потомъ печально тратившаго свои богатыя силы въ Петербургѣ и закончившаго дни свои въ Сибири, откуда онъ и происходилъ родомъ.

Щаповъ не только трактовалъ о различныхъ низшихъ степеняхъ культуры въ русскомъ народѣ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на такъ называемомъ имъ ихтіологическомъ періодѣ жизни, когда люди питаются только рыбой; но и всю русскую жизнь онъ разсматриваетъ, какъ выраженіе низшей культуры, и разсматриваетъ ее именно съ точки зрѣнія естествознанія. Въ этомъ направленіи онъ въ 1870 г. издалъ небольшую книгу—Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа.

Это есть исторія русскаго мозга и русскихъ нервовъ и въ связи съ этимъ исторія развитія изъ непосредственныхъ впечатлѣній отвлеченныхъ понятій реалистическаго характера. Авторъ видитъ въ русской исторической жизни рѣшительное преобладаніе непосредственныхъ впечатлѣній и необыкновенно медленное развитіе понятій отвлеченныхъ, общихъ началъ.

Причину этого авторъ видитъ въ томъ, что мы въ нашей исторіи отстранились отъ знаній классическаго міра и подпали подъ сильное вліяніе теогностическихъ, византійскихъ знаній. Въ освобожденіи русскаго народа отъ этого послѣдняго вліянія авторъ видитъ великій прогрессъ, поэтому возвеличиваетъ Петра I, какъ двигателя реальныхъ знаній.

Вотъ сущность теоріи Щапова. Ей нельзя отказать въ единствѣ и цѣльности, также, какъ нельзя отказать автору въ большемъ дарованіи и сильномъ философскомъ развитіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что книга его переполнена великими несообразностями и даже нелѣпостями. Такъ, занятый вопросомъ о развитіи у насъ отвлеченныхъ понятій, Щаповъ видитъ препятствіе къ этому въ сильномъ религіозномъ у насъ вліяніи, когда всякому извѣстно, что христіанская религія, христіанское религіозное образованіе могущественно и больше всякаго другого содѣйствуютъ развитію въ человѣкѣ отвлеченныхъ понятій, высшихъ, даже въ научномъ смыслѣ, началъ жизни. Далѣе, занятый успѣхомъ реальныхъ знаній, Щаповъ печалится, что мы не усвояли классическаго образованія, которое, какъ извѣстно, сильно развиваетъ идеальность въ человѣкѣ, но меньше и рѣже всего реалистическое направленіе. Наконецъ, желая доказать низкую степень мозгового развитія у древняго русскаго человѣка, Щаповъ воспользовался измѣреніемъ череповъ, найденныхъ въ московской

губерніи и относимыхъ къ XIII или даже XII в., т. е. на основаніи измѣренія череповъ мордовскихъ авторъ дѣлаетъ заключеніе о русской цивилизаціи того времени.

Реалистическая теорія для объясненія русской исторіи, выдвинутая и прежними историками и особенно современнымъ направленіемъ нашего общества, выразилась не въ однихъ трудахъ Щапова. Она выражается и дальше во многихъ трудахъ нашихъ молодыхъ ученыхъ. Какихъ крайностей она достигаетъ, можно судить по нижеслѣдующимъ сочиненіямъ.

Прежде всего мы должны здѣсь указать на сочиненіе смѣшаннаго характера, имѣющее связь и съ исторіей С. М. Соловьева и еще больше съ теоріями балтійскихъ ученыхъ и съ Сеньковскимъ, и въ концѣ концовъ примыкающее къ воззрѣніямъ современныхъ реалистовъ, въ томъ числѣ и къ воззрѣніямъ Щапова. Это — исторія Петра Великаго — трудъ упомянутаго нами профессора дерптскаго университета, г. Брикнера, изданный сперва на нѣмецкомъ языкѣ въ 1879 году, въ журналѣ Allgemeine Geschichte, а въ 1882 г. появившійся съ нѣкоторыми исправленіями и многочисленными рисунками и на русскомъ языкѣ.

А. Г. Брикнеръ. Свою исторію Петра Великаго г. Брикнеръ посвящаетъ С. М. Соловьеву. Посвященіе это естественно въ томъ смыслѣ, что все важнѣйшее содержаніе этого сочиненія взято изъ исторіи Россіи Соловьева [1]) и въ томъ еще, что здѣсь воспроизведены нѣкоторые взгляды нашего русскаго историка, какъ, напримѣръ, тотъ, что Россія стремилась усвоить цивилизацію старыхъ европейскихъ народовъ, или тотъ, не совсѣмъ прилаживающійся къ другимъ воззрѣніямъ г. Брикнера, взглядъ Соловьева, что Петръ былъ выразителемъ своего народа. Но рядомъ съ этими заимствованіями изъ Соловьева у г. Брикнера есть множество такихъ вещей, отъ которыхъ Соловьевъ, безъ всякаго сомнѣнія, отказался бы со всею рѣшительностію и которые сближаютъ автора не съ Соловьевымъ, а съ разсмотрѣнными нами балтійскими учеными съ Эверсомъ во главѣ и съ Сеньковскимъ позади ихъ.

Это родство и притомъ родство кровное, г. Брикнеръ ясно обнаруживаетъ на первыхъ же страницахъ своего труда. „Исто-

[1]) На посвященіе имѣли бы также право Устряловъ и Пекарскій, изъ которыхъ г. Брикнеръ тоже много почерпаетъ для своей исторіи Петра.

рическое развитіе Россіи въ продолженіи послѣднихъ вѣковъ, такъ начинаетъ свою исторію Петра Великаго г. Брикнеръ, заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское" [1])... Что именно азіатскаго было въ Россіи, это ясно показывается на слѣдующихъ страницахъ. „Особенно сильнымъ, говоритъ онъ, было византійское вліяніе на развитіе Россіи. Византія стояла въ культурномъ отношеніи гораздо выше другихъ сосѣдей Россіи. Отъ Византіи Россія заимствовала религію и церковь. Однако, не во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи было полезнымъ и плодотворнымъ. Византійскому вліянію должно приписать преобладаніе въ міросозерцаніи русскаго народа, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, чрезмѣрно консервативныхъ воззрѣній въ области вѣры, нравственности, умственнаго развитія. И о свѣтлыхъ и о мрачныхъ чертахъ византійскаго вліянія свидѣтельствуетъ Домострой. Приходилось впослѣдствіи освобождаться отъ домостроевскихъ понятій, воззрѣній и пріемовъ общежитія. Византійскаго же происхожденія были и монашество въ Россіи и аскетизмъ, находящійся въ самой тѣсной связи съ развитіемъ раскола" [2]). „Одновременно съ этимъ вліяніемъ Византіи на Россію, замѣтно стараніе римской церкви покорить Россію латинству. Попытки, сдѣланныя въ этомъ отношеніи при Даніилѣ Романовичѣ Галицкомъ, Александрѣ Невскомъ, Лжедимитріѣ, остались безуспѣшными; всѣ усилія, направленныя къ соединенію церквей, оказались тщетными. Съ одной стороны въ этомъ заключалась выгода (не показано, какая?), съ другой—въ такомъ уклоненіи отъ сближенія съ западною Европою представлялась опасность нѣкотораго застоя, китаизма. Отвергая преимущества западно-европейской цивилизаціи, изъ-за непріязни къ латинству, и пребывая неуклонно въ заимствованныхъ у средне-

[1]) Т. I, стр. 5. [2]) Къ византійскому аскетизму г. Брикнеръ особенно не расположенъ и не разъ возвращается къ нему въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Петра „Особенно ненавидѣлъ онъ, говоритъ г. Брикнеръ о Петрѣ, ханжество и былъ завзятымъ противникомъ средневѣковыхъ, византійскихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ народѣ. Монашескій аскетизмъ ему казался чудовищнымъ, болѣзненнымъ и достойнымъ рѣзкаго порицанія явленіемъ" (т. II, стр. 621) „...Несмотря на многія неудобства свѣтскихъ пріемовъ, господствовавшихъ въ образованномъ обществѣ западной Европы, салонная утонченность, служившая образцомъ для русскаго общества, была менѣе опасною, чѣмъ замкнутость византійско-средневѣковаго аскетизма которая служила правиломъ до Петра". (Тамъ-же, стр. 651).

вѣковой Византіи пріемахъ общежитія, Россія легко могла лишиться участія въ результатахъ общечеловѣческаго развитія". Къ этому злу присоединилось татарское иго, вліяніе котораго авторъ видитъ „въ администраціи и государственномъ хозяйствѣ, въ ратномъ дѣлѣ и въ судоустройствѣ, въ отношеніи къ разнымъ пріемамъ общежитія и домашняго быта, въ нравахъ и обычаяхъ обыденной жизни, въ усиленной склонности къ хищничеству, въ козачествѣ, въ ослабленіи чувства права, долга и обязанности, въ нравственной порчѣ чиновнаго люда, въ порабощеніи и униженіи женщины", и хотя говоритъ тутъ-же, что „въ духовномъ отношеніи сохранилась полная независимость Россіи отъ татаръ", но опять не говоритъ, да и мудрено видѣть глазами автора, въ чемъ эта свобода заключалась, если не разумѣть внѣшней формы христіанской вѣры, что̀ несомнѣнно авторъ и высказываетъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. „Результатомъ совмѣстнаго вліянія Византіи и татаръ на Россію, заключаетъ авторъ свое объясненіе азіатства Россіи, было отчужденіе ея отъ запада впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій, а между тѣмъ, важнѣйшее условіе болѣе успѣшнаго историческаго развитія Россіи заключалось въ поворотѣ къ западу и т. д." [1]).

Въ этихъ сужденіяхъ г. Брикнера, какъ намъ теперь уже очевидно, лежатъ основы ученія извѣстныхъ намъ балтійскихъ ученыхъ, особенно Эверса, только развиты онѣ г. Брикнеромъ въ большей рѣзкости до сближенія, тоже явственнаго, съ Сеньковскимъ. Въ этомъ особенно можно убѣдиться изъ слѣдующаго мѣста въ началѣ книги. „Изученіе начала русской исторіи, наравнѣ съ изслѣдованіемъ происхожденія другихъ государствъ, представляетъ цѣлый рядъ этнографическихъ вопросовъ. Не легко опредѣлить точно происхожденіе и характеръ разнородныхъ элементовъ, встрѣчающихся на порогѣ русской исторіи. Зачатки государственной жизни, сперва въ Ладогѣ, затѣмъ въ Новгородѣ, немного позже въ Кіевѣ, относятся къ появленію и взаимодѣйствію различныхъ племенъ, и варяговъ, и финскихъ, и тюрко-татарскихъ народовъ... Какъ бы то ни было, но съ перваго мгновенія появленія славянъ на исторической сценѣ въ Россіи замѣтно болѣе или менѣе важное вліяніе на нихъ иностранныхъ,

---

[1]) Т. I, стр. 7 и 8.

иноплеменныхъ элементовъ. Съ одной стороны, славяне смѣшиваются съ представителями Востока, съ находившимися въ близкомъ сосѣдствѣ степными варварами, съ другой, они находятся подъ вліяніемъ западноевропейской культуры“ [1]).

Въ этихъ словахъ чувствуются уже не только Эверсъ, но и Сеньковскій. У г. Брикнера есть даже и нѣчто въ родѣ исландскихъ сагъ Сеньковскаго. Кромѣ заимствованій изъ Соловьева, авторъ черпаетъ свои свѣдѣнія о Россіи главнѣйшимъ образомъ изъ иностранныхъ писателей и особенно изъ донесеній иностранныхъ дипломатовъ. Тутъ не только баснословіе исландскихъ сагъ, въ родѣ того, что Петръ Великій струсилъ передъ Карломъ XII подъ Нарвой, но сплошь да рядомъ чудовищное понятіе обо всей Россіи и обо всемъ русскомъ. Образцомъ этого можетъ служить, повидимому, гуманнѣйшій нѣмецъ Лейбницъ, слѣдившій, казалось, съ любовію за дѣлами Петра, но не находившій страннымъ при этой любви желать иногда Карлу XII завоеванія всей Россіи для болѣе успѣшнаго превращенія ея въ просвѣщенную страну. Россія, очевидно, представлялась великому нѣмецкому ученому подлежащею всякой передѣлкѣ, лишь бы это была передѣлка на западноевропейскій ладъ. Этотъ взглядъ проводитъ и нашъ авторъ. Съ особенною ясностію онъ его высказываетъ, когда показываетъ значеніе для Россіи завоеванія береговъ балтійскаго моря и значеніе Петербурга. „Успѣшными дѣйствіями въ войнѣ со Швеціей, говоритъ г. Брикнеръ, Россія пріобрѣла гегемонію въ этой части европейской системы государствъ. Прежнее московское полуазіатское государство превратилось во всероссійскую имперію. Находясь до этого внѣ предѣловъ Европы, Россія, участіемъ своимъ въ дѣлахъ восточнаго вопроса заслуживавшая все болѣе и болѣе вниманіе Запада, сдѣлалась путемъ результатовъ шведской войны полноправнымъ членомъ политической системы Европы“ [2]). Или въ другомъ мѣстѣ: „Современники Петра не могли не сознавать, что сѣверная война навсегда должна была отдѣлить древнее московское царство отъ новой Россіи. Война была рѣшена въ Москвѣ, окончаніе ея праздновали въ Петербургѣ. Достойно вниманія, что во время войны было сдѣлано распоряженіе наблюдать за тѣмъ, чтобы Россія въ курантахъ, т. е. газетахъ, не на-

[1]) Стр. V—VI. [2]) Т. II, стр. 393.

зывалась болѣе московскимъ, а только россійскимъ государствомъ. Во время этой войны совершилось окончательно превращеніе Россіи изъ азіатскаго государства въ европейское, вступленіе ея въ систему европейскаго политическаго міра" [1]).

Указанный здѣсь авторомъ Петербургъ и долженъ былъ служить главнѣйшимъ воспитательнымъ мѣстомъ и средствомъ къ этому превращенію. „Новый городъ (Петербургъ), говоритъ г. Брикнеръ, долженъ былъ сдѣлаться какъ бы мѣстомъ воспитанія русской публики, знакомившейся ближе и ближе съ западноевропейскими пріемами общежитія. И такому воспитанію русскаго общества Петръ посвятилъ себя въ послѣдніе годы своей жизни съ обычною ему энергіею и съ свойственною ему строгостію. Наравнѣ съ сочиненіями о военномъ искусствѣ, съ учебниками по ариѳметикѣ, географіи, исторіи, переводились на русскій языкъ и чисто дидактическія и педагогическія сочиненія. Къ такимъ переводамъ относится: Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное изъ разныхъ авторовъ. На заглавномъ листѣ этой книги, изданной въ 1717 году, сказано, что она печатается повелѣніемъ царскаго величества. Она издавалась нѣсколько разъ и была, какъ кажется, сильно распространена въ русской публикѣ. Главное содержаніе ея заключается въ правилахъ, какъ вести себя въ обществѣ... На первомъ планѣ находятся наставленія о сохраненіи въ чистотѣ ногтей, рта, запрещеніе громко чихать, сморкаться и плевать и т. п. Все это могло быть не безполезно. Русскіе, удивлявшіе до того времени иностранцевъ грубостію нравовъ, неряшливостію, должны были научиться прилично стоять, сидѣть, ходить, ѣсть и пить, кланяться и проч. Юности честное зерцало было привознымъ продуктомъ наравнѣ съ французскимъ виномъ и брюссельскими кружевами, въ которыхъ нуждались высшіе классы русскаго общества" [2]).

Послѣ этого можно было ожидать, что авторъ нашъ укажетъ намъ на ближайшихъ нашихъ педагоговъ-нѣмцевъ новопріобрѣтенныхъ тогда балтійскихъ областей. Онъ дѣйствительно близокъ былъ къ этому. Въ одномъ мѣстѣ онъ представляетъ будущую для того времени русскую культуру, объединенною съ нѣмецкою, и придаетъ этому даже міровое значеніе. „Возлѣ новой великой

---

[1]) Т. II, стр. 553. [2]) Т. II, стр. 644 — 646.

державы, Россіи, возникло во время этой (сѣверной) войны еще другое первоклассное государство—Пруссія. Бывшій курфирстъ бранденбургскій сдѣлался лучшимъ и вѣрнѣйшимъ союзникомъ Россіи. Центръ тяжести политическаго вѣса и значенія, такъ долго находившійся на югозападѣ, у романско-католическихъ народовъ, благодаря происхожденію и развитію двухъ новыхъ великихъ державъ, долженъ былъ измѣнить свое положеніе" [1]). Дальше этихъ намековъ г. Брикнеръ не пошелъ, какъ не шли и его старые учители—Эверсъ, Рейцъ и другіе. Онъ, повидимому, становится на высшую, гуманную точку зрѣнія и даетъ въ Россіи мѣсто всякимъ иноземцамъ [2]). Мало того. Авторъ нашъ даже, повидимому, отрѣшается отъ всякихъ народныхъ особенностей и возвышается до космополитизма. „Національному началу, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, до того времени господствовавшему въ русскомъ обществѣ, былъ противопоставленъ принципъ космополитизма" [3]), иначе сказать, русское ничто, долженствовавшее образоваться въ Россіи съ отреченіемъ отъ русскаго національнаго начала, должно было превратиться въ западноевропейское ничто. Считаемъ излишнимъ прибавлять что либо для поясненія этого положенія г. Брикнера.

Г. Брикнеръ кромѣ этого труда извѣстенъ многочисленными критическими статьями по русской исторіи и особенно немаловажными для нашей науки обзорами дипломатическихъ донесеній о дѣлахъ Россіи, что онъ помѣщаетъ большею частію въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Извѣстенъ еще г. Брикнеръ особаго рода проектомъ, въ которомъ онъ предлагалъ измѣнить изученіе русской исторіи. Выходя изъ того положенія, что другія науки, особенно по естествознанію, обладаютъ большимъ учебнымъ приборомъ (Lehrapparat—поясняетъ авторъ) и даже могутъ, какъ естественныя науки, производить опыты, а историческая не только не можетъ производить опытовъ, но бѣднѣе и словесныхъ наукъ учебнымъ приборомъ, г. Брикнеръ предлагалъ русскимъ историкамъ озаботиться этимъ учебнымъ аппаратомъ, подъ которымъ онъ разумѣетъ въ обширномъ смыслѣ источниковѣдѣніе и коллекціи иллюстрированныхъ изданій. Объ этомъ предметѣ авторъ писалъ

[1]) Т. II, стр. 554. [2]) Стр. 650. [3]) Стр. 650.

нѣсколько статей, начиная съ 1870 г., предлагалъ его на обсужденіе археологическихъ съѣздовъ,—въ Кіевѣ въ 1874 г. и въ Казани въ 1877 г. Одна изъ брошюръ его, въ 1875 г., если не ошибаемся, была разослана въ разныя ученыя и учебныя заведенія.

Въ проектѣ г. Брикнера объ ученомъ приборѣ русской исторіи — много хорошаго и хотя тоже дѣло у насъ двигается давно и помимо указаній г. Брикнера, но по разнымъ книгамъ можно заключать, что усилія его не пропали даромъ. Надлежащаго однако хода его проектъ не получилъ. Насколько мы можемъ судить о причинахъ этого неуспѣха, едвали не главною изъ нихъ было опасеніе, какъ бы въ погонѣ за пріемами естествознанія не превратить русской исторіи въ своего рода гербарій. Опасеніе, можно думать, напрасное. Богатое, роскошное собраніе рисунковъ въ изданіи исторіи Петра не помѣшало г. Брикнеру изложить въ этомъ изданіи цѣлую теорію его воззрѣній на русское прошедшее.

П. О. Морозовъ. Гораздо прямѣе и смѣлѣе проведены униженіе всего старорусскаго и прославленіе началъ петровской цивилизаціи въ сочиненіи русскаго молодаго ученаго П. О. Морозова — Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель [1]). Авторъ поставилъ себѣ задачей показать, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—русскій православный архіерей—сталъ выразителемъ чисто свѣтскихъ началъ петровскаго времени. Г. Морозовъ не только не находитъ въ этомъ ничего страннаго, но прославляетъ за это Ѳеофана Прокоповича, и для надлежащей убѣдительности онъ усердно раскрываетъ изнанку стараго, религіознаго склада русской жизни и превозноситъ реалистическія начала временъ Петра. Приведемъ изъ этой книги нѣсколько выписокъ, которыя всякому, знающему дѣло, покажутъ ясно и родникъ воззрѣній автора, и конечные результаты его труда.

„Византійская литература въ ту эпоху, когда началось вліяніе ея на нашу, совершенно утратила даже и воспоминаніе о древнемъ эллинскомъ міросозерцаніи, и подъ вліяніемъ полити-

[1]) Петерб. 1880 г. П. О. Морозова не нужно смѣшивать съ П. Морозовымъ, помѣстившимъ изслѣдованіе о западной Россіи въ 1 и 2 кн. журнала — Русская Рѣчь за 1882 г. Авторъ книги — Ѳеофанъ Прокоповичъ — П. О. Морозовъ самъ боится этого смѣшенія и заявилъ въ 2133 № газеты Новое Время за 1882 г., что не онъ писалъ изслѣдованіе о западной Россіи (изслѣдованіе написано въ русскомъ направленіи) и что онъ не раздѣляетъ „ни основнаго взгляда автора на предметъ его статей, ни отдѣльныхъ высказанныхъ имъ мыслей“.

ческаго и общественнаго одряхлѣнія, замкнулась въ тѣсномъ кругѣ идей и интересовъ церковно-религіозныхъ. Лучшіе представители общества, отчаявшись въ возможности дѣйствовать въ мірѣ нравственно-растлѣнномъ, отрекались отъ этого міра, какъ отъ грѣховнаго, погибшаго, преданнаго дьяволу, бѣжали отъ него въ пустыню, въ монастырь, и тамъ всецѣло посвящали себя на служеніе тому аскетическому идеалу, который, по ихъ мнѣнію, былъ единственнымъ средствомъ для духовно-нравственнаго возрожденія и „спасенія“ [1]) общества. Результатомъ чрезмѣрнаго преобладанія аскетическихъ идей было развитіе крайняго религіознаго эгоизма, то есть, совершенное искаженіе первоначальной христіанской идеи любви къ ближнему: человѣкъ сузился (съузился?) до такой степени, что единственную цѣль жизни видѣлъ только въ спасеніи своей собственной души путемъ самоистязанія, насиванія своей природы, отворачивался отъ міра и предавалъ его проклятію, какъ юдоль, исполненную бѣсовской прелести. Такимъ образомъ идеалъ христіанской добродѣтели ставился внѣ гражданскаго общества, внѣ всякихъ человѣческихъ отношеній...“ [2]). „Господство религіозныхъ идей достигло своего апогея въ концѣ IX вѣка; умственная дѣятельность сосредоточилась въ монастыряхъ; все свѣтское — наука, искусство, поэзія“ [3]) — подвергалось опалѣ, какъ языческое.

„Въ эту пору византійскіе идеалы стали прививаться къ нашему молодому народу, жившему въ то время, можно сказать, въ первобытномъ состояніи, въ состояніи tabulae rasae“ [4]).

„Естественно, что при такихъ условіяхъ новая религія осталась, по существу своему, непонятою и для массы обратилась въ мертвый обрядъ, въ принудительную внѣшнюю форму, подъ которою продолжали жить старыя языческія традиціи, болѣе близкія сердцу народа и болѣе доступныя его уму“ [5]).

„Отношеніе массы народа къ христіанской религіи было совершенно внѣшнее, формальное: припоминая оригинальное сравненіе Карлейля, можно назвать это отношеніе богослуженіемъ коловратной тыквы“ [6]).

Эти выписки могутъ давать поводъ думать, что нашъ авторъ осуждаетъ здѣсь собственно дурной складъ религіозной жизни и

---

[1]) Кавычки у автора. [2]) Стр. 7. [3]) Стр. 7 — 8. [4]) Стр. 9. [5]) Стр. 10. [6]) Стр. 11.

расположенъ стоять за лучшее, высшее христіанское развитіе, которое и будетъ усматривать въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣйствительно какъ бы и допускаетъ такое изъятіе. „...Мы не думаемъ, говоритъ онъ, совершенно отрицать, существованія въ русскомъ народѣ того времени (московскаго) идеальнаго внутренняго религіознаго чувства; это чувство, конечно, существовало; но, прибавляетъ г. Морозовъ, проявленіе его во многихъ случаяхъ было безсознательно и во всѣхъ случаяхъ крайне одностороние, что слѣдуетъ приписать также вліянію византійскихъ идей“ [1]). Не много ниже авторъ какъ будто противорѣчитъ въ этомъ себѣ, — какъ будто допускаетъ у нѣкоторыхъ русскихъ не только сознательность религіознаго чувства, но даже и высшія воззрѣнія. Такихъ русскихъ людей онъ видитъ въ „скромныхъ заволжскихъ старцахъ (XV—XVI в.), представителяхъ гуманныхъ воззрѣній, болѣе (чѣмъ идеи Іосифа Волоколамскаго) согласныхъ съ духомъ истиннаго христіанства, незлобиваго и нестяжательнаго“ [2]). Но въ дѣйствительности авторъ не противорѣчитъ себѣ и высшихъ религіозныхъ воззрѣній, въ смыслѣ проявленія болѣе развитаго ума, не допускаетъ. „Традиціонная вѣра, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, по самой сущности своей неотмѣнная, неподвижная, исключаетъ возможность дальнѣйшаго развитія и неизбѣжно вноситъ застой во всѣ области умственной жизни, подчиненныя ея вліянію....... Духовная власть, опираясь на содѣйствіе власти гражданской, выступала, какъ хранительница и судія знанія, утверждая, что все знаніе уже находится въ Свящ. Писаніи и церковныхъ преданіяхъ, что здѣсь людямъ данъ не только непреложный критерій истины, но и все, что свыше суждено намъ знать. Такимъ образомъ, весь объемъ подобающаго людямъ знанія былъ опредѣленъ разъ навсегда, что, разумѣется, исключало возможность существованія свѣтской, самостоятельной науки и заключало пытливую мысль въ безвыходный заколдованный кругъ“ [3]).

Однако Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ и свѣтскимъ писателемъ и поборникомъ самыхъ свѣтскихъ воззрѣній. Какъ же онъ—русскій, православный архіерей перешелъ черезъ Рубиконъ, отдѣлявшій его отъ этой свѣтскости? Прямой путь къ критикѣ, наукѣ, свободѣ изъ этого заколдованнаго круга былъ, по автору, въ ере-

[1]) Стр. 10. [2]) Стр. 19 — 20. [3]) Стр. 8.

сяхъ. „Протестомъ пытливаго ума, говоритъ онъ, противъ слѣпой вѣры въ книгу, противъ религіозной исключительности и формализма, стремленіемъ живой мысли освободиться изъ наложенныхъ на нее тисковъ были ереси“ [1]. Г. Морозову, очевидно, предстояло затѣмъ разобрать религіозныя воззрѣнія Прокоповича, и онъ могъ найти достаточно данныхъ для выполненія такой задачи. Въ нашей литературѣ есть весьма серьезные труды по этому предмету. Это, во-первыхъ, фактическое, научное изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ Прокоповича—сочиненіе И. А. Чистовича (1868 г.) и затѣмъ—спеціальное изслѣдованіе богословской системы Прокоповича—Червяковскаго [2]. Авторъ могъ найти въ этихъ сочиненіяхъ весьма важныя для него указанія, которыя сразу убѣдили бы его, что дѣло о Өеофанѣ Прокоповичѣ нужно ставить иначе. Онъ убѣдился бы, что Өеофанъ Прокоповичъ даже съ чисто научной, хотя бы то совершенно свѣтской точки зрѣнія, былъ силенъ въ той именно области, въ которой авторъ видитъ помѣху всякой научности, именно, въ высшей, въ смыслѣ научности, теоретической части богословія; а по мѣрѣ того, какъ спускался въ область жизненныхъ и практическихъ вопросовъ, онъ болѣе и болѣе дѣлался несостоятельнымъ и неразборчивымъ на средства, и вся та свѣтскость, которую авторъ прославляетъ въ Прокоповичѣ, была самою темною и безславною стороною его жизни.

Но нашъ авторъ устранился отъ логической послѣдовательности, обязывавшей его привести къ петровской свѣтскости Өеофана Прокоповича путемъ ереси или безславнаго отступленія отъ своихъ началъ. Еще въ предисловіи онъ заявляетъ, что устраняется отъ оцѣнки трудовъ Өеофана Прокоповича съ богословской точки зрѣнія, съ которой онъ, однако, какъ видимъ, то и дѣло смотритъ на дѣла, касавшіяся Прокоповича. Эту, очевидно, неодолимую для него трудность онъ просто обходитъ или, лучше сказать, обскакиваетъ, но такъ злополучно, что трудно себѣ представить болѣе неудачный обходъ предмета, весьма серьезнаго, требовавшаго и большого знанія и большой ясности въ пониманіи дѣла. Послѣдними, заключительными словами авторъ совершенно выдаетъ свою крайнюю неумѣлость справляться съ такимъ предметомъ.

---

[1]) Стр. 18. Подчеркнуто у автора. [2]) Христ. Чтеніе, 1876 г.

„Нѣкогда, впродолженіи многихъ вѣковъ, духовенство было, такъ заключаетъ г. Морозовъ свою книгу, единственнымъ образованнымъ и учительнымъ классомъ въ Россіи; ему принадлежала руководящая роль въ просвѣщеніи страны, въ ея литературѣ, въ ея общественной и государственной жизни. Петровская реформа подорвала его авторитетъ, внесла въ русскую жизнь новыя начала, новыя требованія (до сихъ поръ все это почти буквальное повтореніе мыслей С. М. Соловьева); въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича, сознательно, по искреннему убѣжденію ставшаго на сторону реформы, духовенство, такъ сказать, отреклось само отъ себя; отказывается отъ притязаній на руководящую роль въ развитіи русской мысли, уступаетъ свое мѣсто другимъ элементамъ, и съ тѣхъ поръ все тѣснѣе и тѣснѣе замыкается въ кругу своихъ специальныхъ интересовъ, отдаляясь отъ общаго просвѣтительнаго движенія и иногда выступая даже прямо противъ него. Послѣдній представитель стараго учительнаго сословія, стоявшій на высотѣ своего призванія—Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ дѣятельности котораго преобразовательная эпоха отразилась во всей полнотѣ, былъ въ тоже время и первымъ представителемъ новаго движенія—секуляризаціи русской мысли" [1]).

Что такое духовенство, отрекающееся само отъ себя? Что такое архіерей, да еще стоящій на высотѣ своего призванія, дѣлающійся представителемъ секуляризаціи русской мысли? Авторъ не только не понимаетъ этихъ вещей, но, по всему видно, даже не чувствуетъ, что онъ соединяетъ вещи несовмѣстимыя, что утверждая здѣсь одно, онъ этимъ самымъ отрицаетъ другое, какъ нелѣпость даже съ реалистической точки зрѣнія.

Въ нашей литературѣ, впрочемъ, мы имѣемъ еще болѣе странныя проявленія того же реалистическаго начала. Какъ на чудовищную крайность въ этомъ отношеніи мы должны указать на сочиненіе г. Шашкова—Исторія русской женщины [2]), въ которомъ прославляется свобода древней русской женщины, когда она будто бы занимала положеніе самки, и оплакивается позднѣйшая ея неволя въ христіанскія времена. Замѣчательно, что въ первомъ изданіи приложено къ этому сочиненію изслѣдованіе о русской проституціи. Вопреки, можетъ быть, намѣреніямъ автора,

---

[1]) Стр. 402. [2]) С.-Петерб.—первое изданіе 1872 г., второе 1879 г.

это приложеніе служило какъ бы прикладною частью его теоріи о свободѣ женщины. Можно думать, что самъ авторъ созналъ крайнее неприличіе такого совмѣщенія теоріи и практики и, можетъ быть, потому-то и выбросилъ сказанное приложеніе при второмъ изданіи своей книги.

ГЛАВА XVIII.

Научное изученіе естественныхъ условій русской жизни.

Указанныя болѣзненныя явленія нашего времени, конечно, не могутъ имѣть научнаго значенія и показываютъ лишь, какъ легко можно злоупотреблять естествознаніемъ, превращая его въ философско-историческую теорію. Но само по себѣ естествознаніе, именно, изученіе физическихъ условій жизни въ нашей странѣ, въ здоровыхъ своихъ проявленіяхъ принесло нашей наукѣ не мало пользы, и по этой части мы имѣемъ нѣсколько почтенныхъ трудовъ. Мы разумѣемъ труды, въ которыхъ наше прошедшее изучалось на основаніи данныхъ географическихъ, этнографическихъ и филологическихъ.

Н. П. Барсовъ. Въ этомъ отношеніи большого вниманія заслуживаетъ почтенный трудъ Ник. Павл. Барсова, нынѣ профессора варшавскаго университета — Очерки русской историч. географіи. Географія начальной лѣтописи, изд. въ 1873 г. Въ этомъ трудѣ авторъ старается выяснить кругозоръ нашего древняго лѣтописца и осмыслить запасъ его географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Авторъ приходитъ къ выводу, что начальный нашъ лѣтописецъ лучше знаетъ приморскія страны Европы, чѣмъ внутреннія, и лучше знаетъ дѣла западной половины Россіи, чѣмъ сѣверно-восточной. Свѣдѣнія начальной лѣтописи авторъ дополняетъ позднѣйшими лѣтописями и другими источниками, и опредѣляетъ племена русскія и отчасти инородческія и мѣста ихъ разселеній. При этомъ онъ пользуется весьма важнымъ научнымъ пріемомъ, сличеніемъ названій мѣстъ и опредѣленіемъ ихъ значенія для уясненія степени давности поселеній, давшихъ эти названія. Намъ извѣстно, что названіе рѣкъ, озеръ, горъ, вообще неподвижныхъ или нежилыхъ урочищъ самыя устойчивыя, тогда

какъ жилыя мѣста, села, города весьма измѣнчивы въ своихъ названіяхъ. Достоинство этого труда лучше всего раскрыты въ рецензіи Л. Н. Майкова, давняго изыскателя въ области исторической географіи, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, многочисленныя статьи котораго помѣщены въ изданіяхъ географическаго общества (Л. Н. Майковъ давній членъ этого общества и не мало уже времени предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія его).

Е. Е. Замысловскій. Въ новѣйшее время появилось сочиненіе, которое еще въ болѣе широкой постановкѣ представляетъ намъ нашу историческую географію, хотя собственно излагаетъ географическія свѣдѣнія временъ болѣе близкихъ къ намъ, именно временъ московскихъ. Это — упоминаемое уже нами сочиненіе профессора Е. Е. Замысловскаго: „Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи [1]). Въ этомъ сочиненіи сдѣланъ сводъ иноземныхъ и русскихъ географическихъ извѣстій о Россіи. Есть въ немъ сближенія и данныхъ древнѣйшихъ географовъ, греческихъ и римскихъ. Весь этотъ сводъ обставленъ самыми богатыми научными указаніями источниковъ. Замѣчательно, что строгая научность сама собою выдвинула въ этомъ сочиненіи достоинства географическаго кругозора нашихъ предковъ. Такъ, напримѣръ, авторъ указываетъ, что русскіе люди задолго до Ченслера знали морской путь въ Европу изъ бѣлаго моря и съ замѣчательною тщательностію собираетъ свѣдѣнія о плаваніи этимъ путемъ дьяка Герасимова при Іоаннѣ III. Мы увидимъ, что это не единственный такой результатъ дѣйствительной научности.

Разработка географическихъ данныхъ по новѣйшимъ научнымъ пріемамъ встрѣчается во многихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ упомянутыхъ сочиненіяхъ Бѣляева, Корсакова, Борзаковскаго и какъ увидимъ ниже, съ весьма важнымъ, новымъ освѣщеніемъ— въ Исторіи русской жизни, сочиненіи И. Е. Забѣлина.

Съ преобладаніемъ этнографической части, мы тоже имѣемъ нѣсколько важныхъ трудовъ. Таковы: соч. г. Дашкевича — Даніилъ Галицкій, (1873 г.) гдѣ, между прочимъ, выяснены тщательно отношенія русскаго племени къ литовскому, и г. Антоновича—Очеркъ исторіи Литвы до XIV в. (1878 г.), гдѣ еще

---

[1]) Петерб. 1884 г. Къ этому сочиненію приложены матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи XVI в.

тщательнѣе изложено тоже дѣло. Для изученія нашихъ восточныхъ окраинъ важно сочиненіе профессора Фирсова—Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства (изд. 1869 г.); изслѣдованія покойнаго Григорьева о средней Азіи (Россія и Азія, Сборн. статей, изд. 1876 г.), а также сочиненіе Иванина — О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголотатаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ (изд. 1877 г.), въ которомъ собраны свѣдѣнія о нравахъ, пріемахъ войны, завоеваніяхъ и управленіи татаръ, объясняющія нашъ татарскій разгромъ и иго. Нѣкоторое значеніе имѣетъ изслѣдованіе г. Европеуса — Объ угорскомъ народѣ (1874 г.), объясняющее древнѣйшія народности восточной Европы. По мнѣнію г. Европеуса, югра, т. е. прародичи угровъ-мадьяръ были болѣе древними поселенцами въ восточной Европѣ, чѣмъ финны.

Филологія особенно много помогла для выясненія древнѣйшихъ, доисторическихъ временъ нашего народа и тѣмъ болѣе для выясненія славянской миѳологіи. Изслѣдованія Гильфердинга объ арійскомъ племени, изъ котораго вышли всѣ европейскіе народы, много выяснили наши древнія времена и составляютъ поправки и дополненія изысканій Шафарика по этому вопросу [1]). Въ Исторіи русской жизни г. Забѣлина собраны также богатыя данныя для уясненія доисторическихъ временъ, между прочимъ, и на основаніи филологіи. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣютъ еще изслѣдованія профессора Будиловича — Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, 2 выпуска 1 части, изд. 1878—1879 г. Въ сочиненіи этомъ изслѣдованы славянскія слова, пока только въ области естествознанія. Общій пріемъ автора тотъ, что онъ показываетъ, какія славянскія слова — самыя древнія и какія позднѣйшія; какія общеславянскія и какія — племенныя.

Еще болѣе богатое собраніе данныхъ филологическихъ и вообще бытовыхъ представляетъ сочиненіе Аѳанасьева — Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу — опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ миѳическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ,—три тома, изд. 1866—69 гг.

Въ этомъ сочиненіи наша русская миѳологія изучается сравнительно не только съ миѳологіей другихъ славянскихъ наро-

---

[1]) Напечат. въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1868 г.

довъ, но и вообще народовъ европейскихъ, и все возводится къ пранароду всѣхъ европейскихъ народовъ — арійскому народу, на основаніи сравнительнаго изученія европейскихъ языковъ съ санскритскимъ. Съ другой стороны, языческій миѳъ славянъ здѣсь разсматривается въ его историческомъ движеніи,—не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ вѣрованіяхъ, пѣсняхъ и обычаяхъ, сохранившихся у разныхъ народовъ до настоящаго времени. Эта послѣдняя сторона дѣла пополнена у того же Забѣлина, въ его Исторіи русской жизни.

У Аѳанасьева, впрочемъ, есть одинъ крупный недостатокъ въ самой постановкѣ вопроса о нашей миѳологіи. Онъ такъ преклоняется передъ филологіей, что самыя религіозныя понятія и ихъ развитіе выводитъ изъ значенія словъ и потому, напримѣръ, ставитъ многобожіе прежде единобожія у славянъ, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ древности.

Совсѣмъ иная постановка этого вопроса, хотя и не прямо, находится въ сочиненіи Котляревскаго — О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, изд. въ 1868 г. Котляревскій останавливается на погребальныхъ обычаяхъ, какъ на самомъ важномъ выраженіи идеи человѣка о безсмертіи, безъ которой онъ не можетъ жить такъ же, какъ не можетъ примириться съ смертію. Другая особенность этого сочиненія та, что самый предметъ его требовалъ данныхъ по преимуществу изъ другой области — археологической; но о значеніи въ нашей наукѣ данныхъ этого рода у насъ будетъ рѣчь ниже.

Изученіе физическихъ условій русской исторической жизни и физической стороны русскаго человѣка повело къ составленію и изданію разныхъ картъ и цѣлыхъ атласовъ, весьма важныхъ при изученіи русской исторіи. Таковъ замѣчательный Учебный атласъ по русской исторіи профессора Замысловскаго, особенно второе его изданіе 1869 г. (перв. изд. 1865 г.), гдѣ, кромѣ картъ племенныхъ и географическихъ, показывающихъ историческій ростъ русскаго народа и русскаго государства, помѣщено прекрасное, ученое предисловіе, заключающее въ себѣ обозрѣніе славянскихъ племенъ древнѣйшаго времени, русскихъ областей и важнѣйшихъ городовъ, какъ Новгородъ, Кіевъ и Москва, планы которыхъ помѣщены тоже въ этомъ атласѣ.

Географическимъ обществомъ издана въ 1875 г., этногра-

фическая карта Россіи,—большой трудъ давно извѣстнаго по изученію русской этнографіи А. Ѳ. Риттиха, составлявшаго также вѣроисповѣдный атласъ западной Россіи, изд. 1863 г., и этнографическій атласъ люблинской и августовской губерній, изд. 1864 г. Извѣстное картографическое заведеніе Ильина издало въ 1874 г.—Опытъ статистическаго атласа россійской имперіи, въ которомъ, кромѣ данныхъ для современнаго изученія Россіи, есть не мало весьма важныхъ указаній и для изученія русской исторіи. Тамъ есть карты: метеорологическія, показывающія климатическія условія русской земли, гидрографическія и орографическія, показывающія степень влажности и возвышенія разныхъ мѣстностей, карты лѣсовъ, карты, показывающія качества почвенныя и подземныя, геологическія свойства нашей земли; есть въ этомъ атласѣ карты населенности и этнографическая карта.

Въ новѣйшее время (1884 г.) появился подобный же атласъ, но съ болѣе новыми научными пріемами и болѣе свѣжими данными. Это—Учебный атласъ Россіи И. П. Поддубнаго. Самыя разнообразныя стороны русской страны и русской жизни здѣсь представлены на картахъ и въ діаграмматическихъ таблицахъ.

Въ обоихъ этихъ атласахъ есть карты, имѣющія особенно важное значеніе для объясненія историческаго движенія русской жизни. Это—карта лѣсовъ и безлѣсія, карта почвенная и карта населенности. Сличеніе этихъ картъ даетъ новыя объясненія историческаго движенія русскаго народа на востокъ, а также многихъ другихъ явленій въ нашемъ прошедшемъ, какъ это мы имѣли случай показывать въ нашихъ поясненіяхъ этнографической карты Россіи, приложенной къ нашему сочиненію—Чтенія по исторіи западной Россіи.

Леруа-Болье. Въ литературѣ нашей науки есть и общій сводъ естественныхъ и историческихъ условій русской жизни, сдѣланный, впрочемъ, не русскимъ человѣкомъ, а французомъ—Леруа-Болье, большимъ знатокомъ русскихъ дѣлъ и, что̀ особенно рѣдко встрѣчается въ иностранныхъ писателяхъ о Россіи, отличающимся замѣчательнымъ безпристрастіемъ, желаніемъ узнать и сказать истину.

Изслѣдованіе это Леруа-Болье первоначально было напечатано въ Revue de deux mondes за 1873 г. (начало), (особенно) за 1874, и за 1875 гг. (конецъ). Въ 1881 г. авторъ началъ издавать

отдѣльно это изслѣдованіе въ исправленномъ видѣ. Изданы два тома. Въ первомъ томѣ слѣдующія главы:

1. Русская природа — климатъ и земля. 2. Народы — русская народность. 3. Темпераментъ и характеръ народный. 4. Исторія и элементы цивилизаціи. 5. Соціальная іерархія: города и городскія сословія. 6. Дворянство и чиновничество. 7. Крестьяне и освобожденіе рабовъ. 8. Міръ, семья крестьянина и сельскія общины.

Во второмъ томѣ помѣщены: описаніе нашей государственной среды.

Третій томъ, по плану автора, будетъ заключать исторію вѣры въ русскомъ народѣ, т. е. православной церкви и разныхъ сектъ.

Наконецъ, авторъ предполагаетъ, если представится возможность, написать еще четвертый томъ — о финансахъ, арміи и внѣшней политикѣ Россіи.

Какъ можно видѣть по самому содержанію вышедшихъ и ожидаемыхъ томовъ, самое важное для нашей науки въ трудахъ Леруа-Болье то, что имъ уже сдѣлано въ первомъ томѣ подъ заглавіемъ: Имперія царей и русскіе. Страна и ея жители (L'Empire des tsars et les russes. Le pays et les habitants).

Авторъ давно и много изучалъ Россію. Онъ былъ нѣсколько разъ въ Россіи, ѣздилъ по многимъ мѣстамъ, читалъ много русскихъ книгъ и имѣлъ сношенія со многими русскими. Въ своемъ трудѣ онъ пользуется фактами, добытыми другими; но въ воззрѣніяхъ старается быть независимымъ не только отъ нѣмецкихъ ученыхъ, но даже отъ своихъ соотечественниковъ. Въ русскихъ ученыхъ и просто образованныхъ людяхъ онъ нашелъ странное разногласіе въ пониманіи своего прошедшаго и своего настоящаго и старается тоже быть независимымъ отъ нихъ. Онъ не слѣдуетъ ни воззрѣніямъ тѣхъ, которые, по его словамъ, видятъ въ русскомъ мужикѣ идеалъ новой цивилизаціи, ни тѣхъ, которые отшатнулись отъ этого мужика и смотрятъ на него лишь какъ на матеріалъ для насажденія новой цивилизаціи. Въ дѣйствительности онъ колеблется между тѣми и другими, — то считаетъ залогомъ лучшаго будущаго Россіи идеи запада, то ожидаетъ отъ русскаго народа новой роли во всемірной исторіи. Съ другой стороны, онъ то считаетъ русскій народъ еще не сложившимся въ смыслѣ національности, то указываетъ и превозно-

ситъ такія типическія черты русскаго человѣка, что, при нашей привычкѣ унижать и поносить все свое, странно даже читать.

Въ ряду другихъ иноземныхъ писателей Леруа-Болье — чистый французъ, усматривающій въ русскомъ народѣ черты, болѣе близкія къ чертамъ французской націи и настолько демократиченъ, что способенъ даже многое понимать въ жизни чужого простого народа. Въ Леруа-Болье даже иногда сказывается смиреніе, преклоненіе передъ величіемъ русскаго народа. Но когда онъ касается идей и задачъ Россіи, то въ немъ обнаруживается, хотя и въ сдержанныхъ формахъ, гордость иноземца и въ частности француза. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, не такъ часто встрѣчается, и его заставляютъ забывать настойчивое стремленіе автора вездѣ отыскивать истину и его громадное общее образованіе, въ особенности въ области знаній естественныхъ условій жизни человѣка.

Авторъ ставитъ себѣ практическую задачу — узнать (историческую) жизненность новой Россіи, а для этого, говоритъ онъ, нужно знать, какова способность къ цивилизаціи этой страны и этого народа... „Это — первая и послѣдняя проблема, безъ разрѣшенія которой всякое изученіе Россіи окажется безъ основанія и безъ заключенія. Чтобы оцѣнить геній Россіи, ея средства, ея настоящее и еще болѣе ея будущее, нужно знать землю, которая ее питаетъ, народы, которые ее населяютъ, исторію, которую она прожила, религію, которая ее воспитывала“ [1]). Точнѣе и ближе къ цѣлямъ нашей науки, авторъ ставитъ себѣ задачу, опредѣлить національный характеръ и цивилизацію русскаго народа. Для этого онъ прежде всего разсматриваетъ русскую землю и рѣшаетъ два вопроса:

1. Принадлежитъ ли Россія къ Азіи или къ Европѣ? Авторъ разсматриваетъ существенныя особенности Европы и Азіи — ровный, умѣренный климатъ Европы, — достаточную влагу, разнообразіе вида земли, длинную линію береговую, и противоположныя особенности Азіи; затѣмъ онъ показываетъ, что особенности Россіи въ этомъ отношеніи ближе подходятъ къ Азіи; но съ другой стороны, то, что земля Россіи требуетъ труда и выдержки, сближаетъ ее съ Европой. Россія въ западной своей части есть

---

[1]) Т. I, стр. 34.

продолженіе Европы, а въ восточной есть колонизаціонная ея сила и можетъ быть сравниваема съ сѣверной Америкой, даже требуетъ отъ колонизирующихъ большаго труда, нежели какой берутъ на себя эмигранты въ сѣверной Америкѣ, слѣдовательно, Россія еще болѣе есть страна европейская.

2. Авторъ рѣшаетъ другой общій вопросъ: составляетъ ли Россія по самой природѣ своей земли что либо одно? Въ этомъ случаѣ онъ сперва очерчиваетъ крайности, противоположности, а потомъ дѣлаетъ общій, окончательный выводъ. Громадное пространство Россіи, если разсматривать ея отдаленныя части, представляетъ поразительныя крайности: холодъ и жаръ, лѣса и степи, сходство земли съ европейской и совершенное сходство съ азіатской. Но, всматриваясь внимательно въ общее строеніе русской земли, нельзя не видѣть, по словамъ Леруа-Болье, что эта равнинная страна не даетъ опоръ для образованія разныхъ государствъ и напротивъ назначена для образованія одного государства. Болѣе рѣзко различающіяся ея части—сѣверная лѣсистая и южная степная, существенно нуждаются одна въ другой—сѣверная въ хлѣбѣ южной половины и южная въ лѣсѣ сѣверной. Притомъ обѣ онѣ объединяются зимой, которая равно сковываетъ обѣ части, равно покрываетъ рѣки льдомъ, землю снѣгомъ, такъ что съ сѣвера на югъ Россіи можно зимой ѣхать непрерывно въ саняхъ. При этомъ авторъ указываетъ на совершенно естественное значеніе Москвы, которая занимаетъ середину между лѣсною и степною половинами Россіи.

„Эти два пояса Россіи (сѣверный и южный) связываются, говоритъ онъ, не только тѣмъ, что между ними есть общаго, но даже своими различіями. Чѣмъ болѣе различаются ихъ почва и ея произведенія, чѣмъ исключительнѣе ихъ призваніе, которое они, повидимому, получили отъ природы, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ вынужденъ обращаться къ помощи другаго. Только одна центральная область, гдѣ сходятся и смѣшиваются лѣса и поля,—древнее великое княжество московское—могла довольствоваться собой. Сѣверъ и югъ къ этому не были способны. Они держатся въ взаимной связи, которая вопреки ихъ контрастамъ и даже этими самыми контрастами обезпечиваетъ на вѣки ихъ единство. Если природа когда либо очерчивала контуры одной монархіи, то это—отъ балтійскаго моря къ Уралу и отъ аркти-

ческаго океана къ каспійскому и черному морямъ. Этотъ квадратъ ясно намѣченъ и исторія только наполнила его“ [1])... „Промышленная московская область своимъ густымъ населеніемъ обязана не столько историческимъ причинамъ, сколько своему центральному положенію между двумя великими водными путями внутри Россіи — Волгой и ея притокомъ Окой, и двойному сосѣдству — прекраснѣйшихъ лѣсныхъ странъ сѣвера и плодоноснѣйшихъ черноземныхъ полей юга“ [2]).

Переходя къ населенію этой громадной страны, назначенной самой природой быть единымъ государствомъ, авторъ задается вопросомъ: можетъ ли эта страна быть великой націей [3]) и разрѣшеніе этого вопроса начинаетъ по обычаю съ контрастовъ, противорѣчій.

Въ Россіи—страшное разнообразіе народностей и она, кромѣ сѣвера, со всѣхъ сторонъ открыта для вторженій. Но эта именно открытость и отсутствіе внутреннихъ естественныхъ преградъ мѣшаютъ многочисленнымъ народамъ Россіи держаться особо, образовать особыя государства, и заставляютъ ихъ входить во взаимныя сношенія, смѣшиваться и ослаблять свою индивидуальность [4]). Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какой національный элементъ долженъ давать главную окраску этому смѣшенію, и вырабатывать главную національность.

Леруа-Болье, какъ и всякій, при одномъ взглядѣ на этнографическую карту Россіи, видитъ, что эта главная, ассимилирующая сила—въ русскомъ народѣ, и за тѣмъ, оставляя въ сторонѣ ничтожныя по количеству или самыя окраинные народности, какъ жиды или закавказскія племена, авторъ старается уяснить, какіе главные инородческіе элементы вошли въ этнографическое образованіе русской народности и какія качества внесли они въ нее? При этомъ онъ точно ставитъ научныя требованія, чтобы правильно опредѣлить и понять русскую народность. Онъ не довольствуется однимъ этнографическимъ признакомъ языка. Инородецъ можетъ говорить порусски, но это еще не дѣлаетъ его русскимъ. Для полнаго обрусѣнія нужно смѣшеніе крови. Поэтому авторъ изучаетъ русскую народность шире, полнѣе, — изучаетъ съ археогической стороны, физіологической, и старается опредѣлить даже

[1]) Т. I, стр. 34. [2]) Т. I, стр. 38. [3]) Тамъ же, стр. 50. [4]) Тамъ же, стр. 54—5.

особыя душевныя качества на основаніи этнографическихъ элементовъ, вошедшихъ въ русскую народность. Самое большое его вниманіе вызываетъ прежде всего великорусское племя, образовавшееся изъ соединенія славянской народности съ инородцами.

Самую большую долю чужой примѣси въ великорусскомъ племень авторъ находитъ въ финской народности, которая отличается способностію принаровляться къ условіямъ жизни, а также серьезностію, терпѣніемъ и твердостію.

Вопреки мнѣнію многихъ иноземцевъ, авторъ отвергаетъ смѣшеніе русскихъ съ монгольскими племенами, какъ такое ничтожное, о которомъ не стоитъ говорить; не много онъ даетъ въ этомъ отношеніи значенія и примѣси татарской, которая по его мнѣнію, имѣла вліяніе на русскихъ болѣе историческое, чѣмъ этнографическое. Сводя всѣ эти примѣси въ одно, авторъ рѣшаетъ вопросъ, что же такое великорусскій человѣкъ? Строеніе головы и всего тѣла великорусса приводятъ автора къ убѣжденію, что это европеецъ и въ частности славянинъ. Для большей убѣдительности въ этомъ, авторъ старался дать понятіе о народности вообще славянской. По автору, славяне такой юный народъ, что очень трудно опредѣлить ихъ національную индивидуальность [1]). Они не участвовали въ началѣ западноевропейской цивилизаціи, ни черезъ римлянъ, ни черезъ грековъ, и однако раньше старыхъ народовъ выставили великихъ двигателей этой цивилизаціи, — какъ Коперникъ и Гуссъ [2]), и множество разныхъ ученыхъ людей. Даровитость славянъ не подлежитъ сомнѣнію. По особенностямъ своимъ славяне ближе подходятъ къ французамъ, чѣмъ къ близкимъ своимъ сосѣдямъ—германцамъ. Выдающіяся ихъ черты, особенно у русскихъ славянъ — способность воспринимать и воспроизводить всякія идеи [3]).

Затѣмъ авторъ вглядывается въ племенныя особенности русскаго народа и его поражаетъ единство ихъ образа жизни вездѣ. Изъ этого единства выдѣляется малорусское племя, которому южныя степи, наполненныя кочевниками, не давали такого удобства колонизировать ихъ, какое имѣли великоруссы. По автору малоруссъ болѣе чистой славянской крови, чѣмъ великоруссъ, болѣе близокъ къ западу, хвалится болѣе чистою своею кровью,

[1]) Тамъ же, стр. 92. [2]) Тамъ же, стр. 93 — 4. [3]) Тамъ же, стр. 96.

болѣе пріятнымъ климатомъ и болѣе улыбающеюся ему землей. Въ малоруссахъ болѣе красоты, порывистости, задумчивости, но въ то же время больше лѣни, нерѣшительности, апатіи [1]). Наконецъ у автора выдѣляются, хотя гораздо менѣе, бѣлоруссы. Бѣлоруссовъ авторъ даже не характеризуетъ особо, а говоритъ лишь вообще объ нихъ и малоруссахъ, что тѣ и другіе, какъ менѣе удрученные суровымъ климатомъ и восточнымъ деспотизмомъ, сохраняютъ больше личнаго достоинства, независимости и индивидуальности, чѣмъ великоруссы [2]).

Оба племени въ совокупности составляютъ менѣе половины великорусскаго племени, которое выступаетъ, какъ главная русская сила. Великоруссъ — это господинъ русской земли. Инородческая примѣсь дала ему особенную даровитость и энергію. Онъ похожъ на германскаго пруссака и на италіанскаго пьемонтца [3]). Но есть и великая разница между ними.

Страна великой Россіи не завоевана военными отрядами изъ Новгорода и Кіева. Она пріобрѣтена долговременною и медленною колонизаціей славянскихъ выходцевъ изъ этихъ странъ, — колонизаціей, которая почти ускользала отъ вниманія лѣтописцевъ [4]). Т. е. тутъ происходилъ племенной процессъ этнографическаго смѣшенія. Но кромѣ того тутъ, по мнѣнію Леруа-Болье, происходило еще одно явленіе, наблюдаемое и въ другихъ странахъ, гдѣ происходитъ европейская колонизація. Одно уже прикосновеніе, приближеніе русскаго къ восточнымъ инородцамъ даетъ господство первому надъ послѣдними [5]). Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что въ Россіи славянская, т. е. индо-европейская кровь имѣла надъ туранскою кровію тѣ же преимущества, какъ и въ остальной Европѣ?... [6])

„И такъ, замѣчаетъ Леруа-Болье, Россія своею расою, какъ и своей почвой, отличается отъ запада, но она еще болѣе отличается отъ старой Азіи, — она есть европейское завоеваніе Азіи. Русскій народъ по своей крови, какъ и по своимъ преданіямъ долженъ быть прямо причисленъ къ самой благородной, прогрессивной, интеллигентной семьѣ земли, но въ то же время долженъ быть признанъ ея вѣтвію менѣе всего образованною или лучше,

[1]) Тамъ же, стр. 108. [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, стр. 103. [4]) Тамъ же, стр. 104. [5]) Тамъ же, стр. 105. [6]) Тамъ же, стр. 105 — 6.

самою невѣжественною вѣтвію этой семьи. Изъ двухъ главныхъ этнографическихъ элементовъ Россіи въ ея геніѣ самый европейскій ея элементъ — славянскій, почти также неизвѣстенъ, какъ другой инородческій; мы не знаемъ, какую неожиданность скрываетъ въ себѣ для будущаго особенный народъ, происшедшій изъ сліянія этихъ элементовъ" [1]).

Этотъ-то особенный народъ, скрывающій въ своемъ геніѣ еще неизвѣстныя особенности, авторъ старается разгадать и опредѣлить хотя нѣкоторыя черты его темперамента и характера.

Леруа-Болье выходитъ изъ того положенія, что на молодой народъ особенно сильно дѣйствуетъ природа [2]), изъ которой авторъ и выясняетъ особенныя черты русскаго народа.

Русскій холодъ, необходимость жить въ теченіи года долгое время въ жилищахъ, въ которыхъ для тепла преграждается доступъ свѣжаго воздуха, производятъ въ русскомъ народѣ сонливость, апатію, а постоянная и часто безуспѣшная борьба съ природой, господство случайностей пріучаютъ русскаго человѣка къ деспотизму. Отсюда же авторъ выводитъ необыкновенный русскій стоицизмъ безъ гордости и самосознанія древнихъ стоиковъ, русскую способность все переносить, преодолѣвать всѣ трудности и умирать спокойно, смиренно. Но тутъ же авторъ съ возмутительною самоувѣренностію повторяетъ обычныя западноевропейскія мнѣнія, что наши русскіе подвиги, доблести есть выраженіе нашей низкой цивилизаціи, нашего варварства [3]). Но даже и въ этомъ случаѣ авторъ старается, хотя нѣсколько, высвободиться изъ западноевропейскихъ предубѣжденій. Онъ говоритъ, что русскій стоицизмъ, русская способность умирать спокойно, смиренно, согрѣваются религіознымъ чувствомъ; что русскій человѣкъ, хорошо знакомый съ трудностями жизни, охотно помогаетъ ближнему и сохраняетъ поразительное благодушіе; что вообще онъ необыкновенно практиченъ и чрезвычайно цѣнитъ здравый смыслъ [4]). Изъ естественныхъ же условій жизни авторъ выводитъ и ту особенность русскаго народа, что онъ не имѣетъ страсти къ завоеваніямъ; но если его тронуть, то онъ сильно защищается и въ этомъ случаѣ бываетъ жестокъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 108. [2]) Тамъ же, стр. 118. [3]) Тамъ же, стр. 133 — 145. [4]) Тамъ же, стр. 137 — 8. [5]) Тамъ же, стр. 135 — 6.

Въ заключеніи, чтобы дать яснѣе понятіе о русскомъ человѣкѣ, авторъ изображаетъ личность Петра, какъ истый образъ великорусса. Черты для этого взяты главнымъ образомъ у Соловьева[1]).

Самая важная для насъ часть перваго тома сочиненія Леруа-Болье — это четвертая книга или глава, гдѣ излагается исторія Россіи подъ заглавіемъ: Исторія и элементы цивилизаціи. Къ сожалѣнію, это одинъ изъ самыхъ краткихъ трактатовъ въ первомъ томѣ этого сочиненія.

Авторъ и здѣсь, какъ не разъ и выше, занимается прежде всего рѣшеніемъ вопроса, принадлежитъ ли Россія по своей исторіи къ Европѣ или къ Азіи? По его мнѣнію, въ западноевропейской цивилизаціи три основныхъ элемента: христіанство, классицизмъ и тевтонскій или вообще варварскій элементъ. Въ основѣ русской цивилизаціи лежитъ тоже христіанство, но не изъ Рима, а изъ Византіи, и хотя авторъ не желаетъ сказать, что съ его точки зрѣнія это — не чистое христіанство, а схизма, но этотъ взглядъ его сквозитъ въ его сочиненіи. Это видно изъ того, что онъ связываетъ принятіе нами христіанства съ упадкомъ Византіи. Еще сильнѣе этимъ упадкомъ онъ оттѣняетъ и нашу отличную отъ западной Европы связь съ греко-римскимъ міромъ, отъ котораго западная Европа взяла свое классическое и правовое просвѣщеніе, а мы взяли византійскую цивилизацію, гдѣ господствовали автократизмъ и чиновничество. Что касается тевтонскаго элемента, то и его мы не чужды, по автору, какъ и всѣ западноевропейскія государства, получившія отъ него свое начало. Авторъ этимъ самымъ уже даетъ свое согласіе на принятіе норманской теоріи начала нашей государственности и даже теоріи въ усиленномъ видѣ, т. е. онъ считаетъ вѣроятнымъ и норманское завоеваніе Россіи, и норманскія начала въ нашей Русской Правдѣ. Впрочемъ, авторъ признаетъ, что норманскій элементъ въ дѣйствительности у насъ вскорѣ претворился въ славянскій и вообще несравненно менѣе у насъ дѣйствовалъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Общій выводъ авторъ дѣлаетъ тотъ, что у насъ, какъ и въ западной Европѣ, хотя въ различной степени и видѣ, но дѣйствовали тѣже элементы цивилизаціи, что и въ западной Европѣ. Съ этой точки зрѣнія историческое дви-

[1]) Тамъ же, стр. 162—3.

женіе, развитіе нашей цивилизаціи автору естественно должно было представляться, какъ восполненіе этихъ началъ до равенства съ западной Европой, или же какъ еще большее оскудѣніе ихъ. Съ этой именно точки зрѣнія авторъ дѣлитъ нашу исторію на три періода: до монгольскаго ига, монгольскій періодъ и періодъ со времени Петра.

Въ домонгольскомъ періодѣ авторъ видитъ совершенно естественное развитіе нашей цивилизаціи. Мы были не только подъ вліяніемъ Византіи, но и въ связи съ западной Европой. Нашъ древній Кіевъ былъ не только воспроизведеніемъ Константинополя, но и торговымъ, цивилизованнымъ центромъ въ смыслѣ цивилизаціи западноевропейской. Особенное вниманіе автора вызываетъ время Ярослава I, когда въ Кіевѣ было много варяговъ и когда завязаны были родственныя связи нашего княжескаго дома почти со всѣми западноевропейскими государями. На самыя княжескія смуты авторъ смотритъ, какъ на средства къ объединенію Россіи, при чемъ, какъ и въ началѣ нашей государственности, онъ не упускаетъ изъ виду, что у насъ былъ одинъ русскій народъ, составлявшій общины и потомъ развившій до большой силы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свои вѣча. Вообще въ дотатарскій періодъ мы, по автору, стояли ничуть не ниже западной Европы по нашей цивилизаціи. Но въ то время, какъ западная Европа заканчивала свои темныя времена, приближалась ко временамъ возрожденія, на Россію надвинулись татары, и все съ тѣхъ поръ стало измѣняться. Мы отодвинулись отъ западной Европы, цивилизація наша пошла по другому направленію.

Въ этомъ второмъ періодѣ авторъ излагаетъ исторію московскаго единодержавія, и тутъ-то во всей ясности сказалась неспособность иноземца понять нашу исторію, неспособность даже такого хорошаго иноземца, какъ Леруа-Болье.

Намъ извѣстно, что всѣ наши лучшіе русскіе историки, какого бы ни было направленія, сосредоточивали на этомъ періодѣ особенное свое вниманіе, какъ на такомъ времени, когда начала русской исторической жизни обнаружились ясно, и одни изъ писателей, какъ славянофилы, видѣли здѣсь всѣ задатки дальнѣйшаго самобытнаго развитія Россіи, другіе, какъ западники, усматривали полную несостоятельность этихъ началъ и всѣ упованія возлагали на сильно развитую власть, долженствовавшую

вести Россію къ усвоенію западноевропеской цивилизаціи. Авторъ, еще въ началѣ этого трактата осудившій славянофиловъ и явно снисходительно отнесшійся къ западникамъ, не только держится направленія западническаго, но и усиливаетъ его. Всю исторію московскаго единодержавія онъ разсматриваетъ, какъ исторію порабощенія, прогрессивно увеличивающагося. Татарское иго, по автору, было для русскаго человѣка школой терпѣнія и самоотреченія. Давленіе суроваго русскаго климата и татарскаго ига сошлись и еще болѣе усилили въ русскомъ человѣкѣ способность къ абсолютизму. Московскіе князья могли успѣшно строить на этомъ фундаментѣ зданіе единодержавія. Зданіе это, впрочемъ, закладывалось и прежде. Русская жизнь, отлившая отъ запада, сосредоточенная на востокѣ въ великорусскомъ племени, основалась на родовомъ началѣ. При этомъ у автора выступаетъ даже чичеринскій русскій дворъ, а за нимъ кавелинская и чичеринская вотчинность. Все это въ исторіи московскаго единодержавія подкрѣплено не только татарскими, но и византійскими началами, поведшими къ уничтоженію областной самобытности, вѣчевыхъ порядковъ, къ приниженію всѣхъ сословій. Въ этихъ же временахъ авторъ видитъ зарожденіе русскаго народно-религіознаго патріотизма. Страшныя бѣдствія вызывали и усиливали религіозное чувство, а господство иноземцевъ и самые подвиги терпѣнія среди страданій возбуждали гордое сознаніе національнаго превосходства. Въ эти-то времена, по автору, явилось сознаніе Россіи, какъ святой Руси.

Доискиваясь, что-же сохранилось тогда на Руси отъ стараго европейскаго времени, авторъ находитъ, что русскіе своею покорностію, выносливостію спасли свои сѣмена для европейской цивилизаціи. Для полноты этой мрачной картины московскаго единодержавія, авторъ, не находя положительныхъ сторонъ въ русской цивилизаціи того времени, а однѣ лишь отрицательныя, усиливаетъ мрачныя краски еще тѣмъ, что перечисляетъ, чего Россіи недоставало изъ началъ западноевропейской цивилизаціи. Тутъ и отсутствіе аристократіи, средняго сословія, отсутствіе наукъ, свободныхъ учрежденій, высшихъ идей, словомъ, всего того, чѣмъ такъ заняты вообще западники, въ частности Чичеринъ, и перекличку чего иронически считалъ очень длинною Самаринъ. Авторъ и ссылается въ этомъ трактатѣ на Чичерина и

Пыпина. Во всей московской цивилизаціи авторъ находитъ только двѣ силы — общину и автократизмъ, и обѣ силы признаетъ некультурными.

Изъ такого взгляда на московскій періодъ нашей исторической жизни, само собою, слѣдовало, что въ петровскій періодъ Россія должна была брать цивилизацію изъ западной Европы. Дѣло Петра авторъ связываетъ съ одной стороны съ древней Россіей и указываетъ подобныя стремленія въ его предшественникахъ, какъ, напримѣръ, въ Іоаннѣ III и другихъ, съ другой — онъ указываетъ на то, что послѣ Петра дѣло его было большею частью въ ненадежныхъ рукахъ и однако не погибло. Изъ этого авторъ выводитъ заключеніе, что западно-европейская цивилизація составляла потребность Россіи, какъ народа европейскаго, и потому не погибла, не смотря ни на какія препятствія.

Но когда Леруа-Болье переходитъ къ оцѣнкѣ дѣйствительныхъ плодовъ нашихъ заимствованій изъ западной Европы, то картина выходитъ совсѣмъ иная. Авторъ признаетъ, что въ преобразованіяхъ Петра не доставало нравственности, которая тогда была очене плоха и во всей западной Европѣ. „Въ своей страстной заботѣ о прогрессѣ, говоритъ авторъ, Петръ пренебрегъ одною вещію, безъ которой всѣ другія хрупки. Онъ оставилъ въ сторонѣ нравственность, которая, можетъ быть, не составляетъ одного изъ принциповъ цивилизаціи, но которой никакая цивилизація не можетъ обходить безнаказанно. Матеріальная культура составляетъ для Петра предметъ особенныхъ его желаній,—ее то онъ особенно желалъ заимствовать. Тутъ сказался реалистическій духъ великорусса; тутъ сказался и недостатокъ вѣка. Западъ въ то время, когда Петръ обратилъ къ нему Россію, былъ для нея опаснымъ образцомъ. Нравственная испорченность, умственная анархія XVIII вѣка давали гибельные примѣры полуварварскому народу, который, какъ всегда, болѣе былъ расположенъ перенимать пороки, чѣмъ хорошія качества своихъ чужеземныхъ наставниковъ“ [1]). Авторъ даже говоритъ, что XVIII вѣкъ былъ для Россіи школой деморализаціи [2]).

Но это не составляло еще единственнаго зла. Съ нравственнымъ развращеніемъ соединялось умственное. Устремившись на

---

[1]) Тамъ же, стр. 254. [2]) Тамъ же, стр. 255.

путь подражаній, русскіе бросались на всѣ идеи, „дѣлались попеременно учениками энциклопедистовъ и французскихъ эмигрантовъ, Вольтера и Іосифа де-Местра, и часто кончали безсодержательнымъ, отрицательнымъ скептицизмомъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ выростало и соціальное зло,—разъединеніе классовъ, и въ верхнихъ слояхъ — потеря народности. „Большіе города и господствующіе жители составляли среди деревень какъ бы иностранныя колоніи". Авторъ въ этомъ видитъ даже замедленіе русскаго прогресса, такъ какъ народъ, отъ котораго отдѣлились образованные классы, оставленъ былъ въ своемъ варварствѣ. Наконецъ, авторъ указываетъ и на политическое зло. Русскимъ вдругъ навязана была чужая цивилизація, для которой въ Россіи не было корней. „Вся правительственная организація была дѣломъ внѣшнимъ, чуждымъ народу. Большая часть законовъ были скороспѣлы, и походили на одежду, неидущую ни къ стану, ни къ привычкамъ народа" [2]). Авторъ при этомъ обращаетъ вниманіе еще на одно обстоятельство, вліявшее на усиленіе этого зла. Новѣйшая цивилизація Европы имѣетъ ту дурную сторону, что она развила злоупотребленіе законодательствомъ, излишнюю вѣру въ писанный законъ. Это зло, по автору, нигдѣ не развилось такъ, какъ въ Россіи, гдѣ было слишкомъ много средствъ все передѣлывать, перестраивать [3]). Судя по законамъ, Россія не разъ была переворачиваема сверху до низу, говоритъ авторъ... „Страна, двинутая въ своихъ основаніяхъ, не могла найти своего равновѣсія [4]).

Такимъ образомъ, по автору, старорусская пустота наполнена со временъ Петра такими западноевропейскими заимствованіями, которыя тоже не даютъ ничего твердаго и чаще всего приводятъ тоже къ пустотѣ, къ отрицанію всего. Авторъ это объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, что до освобожденія крестьянъ преобразованія производились правительствомъ и усвоялись лишь верхнимъ классомъ, а послѣ освобожденія крестьянъ Россіи предстоитъ идти къ этому другимъ путемъ, идти съ народомъ и усвоять не одну матеріальную культуру, но и западноевропейскія вольности. Но кто же поручится, что и тутъ не выйдетъ той же, а можетъ быть, и худшей пустоты, отрицанія. Новѣйшій

[1]) Тамъ же, стр. 257. [2]) Тамъ же, стр. 258. [3]) Тамъ же, стр. 258—30. [4]) Тамъ же, стр. 21—6.

цвѣтокъ западноевропейской цивилизаціи — соціализмъ, слишкомъ поучителенъ.

Вообще, въ своей исторической части Леруа-Болье не только слабѣе, чѣмъ въ другихъ главахъ, но и часто противорѣчитъ себѣ. Когда онъ стоитъ въ области естественныхъ условій жизни, гдѣ всѣ народы сближаются и объединяются, онъ смотритъ безпристрастно и даже указываетъ особую, новую миссію русскаго народа. Но когда онъ входитъ въ исторію, гдѣ національныя особенности, начала, воззрѣнія стоятъ выше всего, онъ поддается западноевропейскимъ предубѣжденіямъ и становится болѣе и болѣе на сторону нашихъ западниковъ.

Эта же односторонность выдерживается авторомъ и въ послѣдующихъ главахъ его перваго тома — объ образованныхъ сословіяхъ и крестьянахъ, гдѣ хотя встрѣчается историческій матеріалъ, но надъ нимъ рѣшительно преобладаютъ теоріи автора касательно лучшаго устройства дѣлъ. Самое большее вниманіе авторъ отдаетъ крестьянамъ и подробно разсматриваетъ русскую общину, русскій міръ. Въ концѣ концовъ онъ, какъ прежде, не усматриваетъ и здѣсь прочнаго залога будущаго развитія Россіи, напротивъ усматриваетъ даже удобства для развитія въ самомъ русскомъ народѣ соціалистическихъ началъ [1]). Тутъ уже сказался не послѣдователь нашихъ западниковъ, а французскій буржуа.

Живописная Россія. Въ новѣйшее время и у насъ, въ Россіи, предпринято подробное описаніе Россіи съ разнообразныхъ сторонъ, — археологической, этнографической, исторической, экономической, бытовой и т. под. Это такъ называемая Живописная Россія, громадное съ многочисленными, прекрасно выполненными рисунками изданіе (предположено 12 томовъ), предпринятое умершимъ петербургскимъ книгопродавцемъ Вольфомъ. Къ участію въ этомъ изданіи приглашены многочисленные русскіе писатели, въ томъ числѣ и нѣкоторые историки, какъ Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ, Н. И. Костомаровъ. Нѣкоторыя части этого большого изданія уже вышли изъ печати. Съ 1874 по настоящій 1884 г. изданы: томъ I — Сѣверная Россія; томъ II — Сѣверозападныя окраины Россіи (Финляндія и балтійскія губер-

---

[1]) Стр. 586 — 587.

нiи); томъ III—Западная и южная Россiя (Литва и Бѣлоруссiя); томъ IX—Кавказъ; томъ XI—Западная Сибирь. Внутреннюю Россiю предполагается помѣстить въ VI и VII томахъ; но по ускоренному изданiю IX и XI томовъ видно, что изданiе томовъ, обнимающихъ внутреннюю Россiю, отодвигается еще дальше и является естественное предположенiе, что всѣ окраины Россiи, т. е. инородческiя ея области, будутъ описаны, а внутренняя, самая русская часть Россiи займетъ послѣднее по порядку изданiя мѣсто, если только явится когда либо въ Живописной Россiи.

Этотъ порядокъ описанiя способенъ поставить въ недоумѣнiе всякаго, кто здраво смотритъ на неизбѣжныя требованiя подобнаго рода работъ. Внутренняя Россiя, населенная цѣльнымъ русскимъ народомъ, есть зерно Россiи и въ смыслѣ историческомъ, и въ смыслѣ этнографическомъ, и даже, какъ давно уже показываетъ опытъ, въ смыслѣ экономическомъ. Казалось бы, всякому должно быть понятно, что для пониманiя жизни какой бы то ни было окраинной русской области, нужно понять прежде это именно зерно Россiи, изъ котораго выросли и исходятъ русская сила и жизнь во всѣ эти окраины. Но издатели Живописной Россiи поняли иначе свою задачу.

Намъ извѣстно, что̀ значитъ, когда въ какомъ либо историческомъ трудѣ отвлекалось въ какую либо сторону вниманiе отъ русскаго средоточiя, отъ центра тяжести русской исторической и современной жизни. Это обыкновенно дѣлали съ Россiей иноземцы и инородцы, бравшiеся за разъясненiе въ какомъ либо отношенiи русской жизни. Неужели и это изданiе предпринято тоже въ иноземныхъ или инородческихъ интересахъ? Приходится такъ думать. Въ концѣ прошедшаго (1883) года появилась на польскомъ языкѣ брошюра, составленная однимъ изъ членовъ фирмы Вольфа—Либеровичемъ [1]), въ которой съ самою безцеремонною откровенностiю разсказывается, что изданiе это предпринято собственно для цѣлей польскихъ и что для этого, насколько было можно, подобраны писатели не строго русскаго направленiя, а такъ называемаго либеральнаго, благопрiятнаго полякамъ. Конечно, при этомъ необходимо было сдѣлать уступку. Такiе писатели, какъ Д. И. Иловайскiй, И. Е. Забѣлинъ, С. В. Ма-

[1]) Stara Polska w malowniczym opisie. Краковъ и Петербургъ, 1883 г.

ксимовъ не станутъ писать въ польскомъ духѣ. Но имъ и не предоставлено это. Они могутъ писать въ русскомъ духѣ о внутренней Россіи, когда это понадобится, а теперь о дѣлахъ окраинныхъ призваны писать такіе писатели, которые или суть носители чисто окраинныхъ идей, или весьма сочувствуютъ имъ. Вышедшій третій томъ этого изданія несомнѣнно подтверждаетъ и откровенныя признанія г. Либеровича, и наши поясненія ихъ [1]). Онъ почти весь представляетъ воспроизведеніе польскихъ воззрѣній и польскихъ притязаній на Литву и Бѣлоруссію, и такъ какъ подобные взгляды отразились на другихъ вышедшихъ томахъ Живописной Россіи и, безъ сомнѣнія, во всей силѣ будутъ воспроизведены въ томѣ IV (царство польское) и томѣ V (малороссійская нестепная область), то мы считаемъ не излишнимъ остановиться нѣсколько на III томѣ Живописной Россіи, составляющемъ первый, совершенно явственный опытъ польскихъ и вообще инородческихъ поползновеній на уразумѣніе Россіи, — опытъ, предлагаемый вниманію всего русскаго образованнаго общества.

Главнымъ авторомъ этого тома, главнымъ, такъ сказать, строителемъ путемъ науки польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи былъ г. Киркоръ, обладающій, какъ и г. Спасовичъ, и русскимъ, и польскимъ образованіемъ и у котораго подъ видомъ гуманности и научности тоже вездѣ видны великая неправда и фанатизмъ по отношенію ко всему русскому, какъ это русское сложилось во времена московскія и сохраняется во всѣ времена послѣпетровскія.

Г. Киркоръ сначала строитъ свое зданіе на основахъ, повидимому, самыхъ научныхъ и гуманныхъ. Онъ охотно допускаетъ древнѣйшее единеніе племенъ — литовскаго и бѣлорусскаго [2]), допускаетъ сильное обрусѣніе Литвы и даже вліяніе рюриковой династіи на литовскую, особенно на гедиминову династію [3]). Единственною препоною для научности и гуманности г. Киркора здѣсь оказывалось православіе. Онъ сначала даетъ и ему какъ будто подобающее мѣсто въ средѣ бѣлоруссовъ въ древнія времена [4]);

[1]) Отчетъ объ этой брошюрѣ мы напечатали въ № 13 газеты Русь за настоящій, 1884 г. [2]) Во многихъ мѣстахъ II очерка. Народности литовск. полѣсья, напр. стр. 22 — 25. [3]) Стр. 79, 80 и 289 — 299. Даже перваго князя Вильнѣ г. Киркоръ даетъ изъ рода полоцкихъ князей, — миѳическаго князя воскресенской лѣтописи Макволда (Жив. росс. стр. 74). [4]) Стр. 79, 80, 299.

но какъ только заходитъ у него рѣчь о распространеніи въ Литвѣ православія, такъ онъ сейчасъ противопоставляетъ ему латинство и теряетъ подъ собою и научную, и гуманную почву. Его, напримѣръ, исторія виленскихъ мучениковъ и ихъ мощей для всякаго понимающаго дѣло, представится чудовищнымъ извращеніемъ фактовъ [1]). И понятно, что вопросъ о вѣрѣ обнаружилъ дѣйствительныя воззрѣнія г. Киркора, чуждыя всякой гуманности. Какъ православіе въ западной Россіи было главнѣйшею опорною силою для восточной Россіи, такъ латинство для Польши.

Для полнаго равновѣсія г. Киркору не доставало поляковъ въ западной Россіи и стояло на пути народное единство Бѣлоруссіи съ восточною Россіей.

Онъ преодолѣлъ, т. е. вообразилъ, что преодолѣлъ, и эти затрудненія. Онъ разбилъ русское племя въ Литвѣ и Бѣлоруссіи на бѣлоруссовъ, черноруссовъ, вспомнилъ и древнихъ кривичей, даже выдумалъ новое славянское племя—дейновцевъ [2]) и нашелъ въ западной Россіи туземныхъ поляковъ [3]). Мало того. У читателя сколько нибудь невнимательнаго, а таковыхъ будетъ не малое число, ибо книга имѣетъ популярный характеръ, останутся эти разрозненныя зерна народностей, брошенныя и раннимъ, и заднимъ числомъ, и будутъ постепенно выростать и приносить польскіе плоды.

Дальнѣйшая судьба Литвы и Бѣлоруссіи и представляется г. Киркору, какъ постепенное, благотворное усвоеніе латино-польскихъ началъ и какъ варварское противодѣйствіе этому со стороны Россіи. Онъ заботливо выставляетъ все хорошее польское и закрываетъ все дурное, а по отношенію къ Россіи держится противоположнаго правила,— закрываетъ совершенно исто-

---

[1]) Живописн. Россія т. III, стр. 142—4. Авторъ утверждаетъ, что со времени погребенія этихъ мучениковъ въ 1347 г. и до 1826 г., когда мощи ихъ открыты монахами виленскаго духовскаго монастыря вопреки протесту генералъ-губернатора, ничего достовѣрнаго не извѣстно, тогда какъ эти мощи упоминаются въ русскихъ рукописяхъ и въ XIV и въ XVI вѣкахъ. (См. Описаніе славянс. и сусск. сборн. импер. публич. библіот. составленное А. Ѳ. Бычковымъ, вып. 1, стр. 172, и Описаніе рукоп. виленск. публ. библіотеки, составл. Ф. Н. Добрянскимъ, стр. 283) и дѣло объ открытіи ихъ въ 1826 г. представляетъ не излишнее усердіе духовскихъ монаховъ, а напротивъ крайнюю осторожность и ихъ, и высшей духовной власти. Была даже мысль назначить въ коммиссію для освидѣтельствованія мощей и виленскихъ гражданскихъ чиновниковъ, т. е. тогда поляковъ. [2]) Стр. 13. [3]) Стр. 11, 14.

рическую тягу западной Россіи къ восточной и съ неутомимою заботливостію раскрываетъ русскія жестокости и особенно возстанія противъ Россіи [1]). Онъ до такой степени желалъ бы разорвать всякія связи западной Россіи съ восточной, что въ одномъ мѣстѣ даже негодуетъ на іезуитовъ, затѣмъ они ввели унію, а не прямо обращали бѣлорусскій народъ въ латинство, потому что если бы вводилось прямо латинство, то народъ Бѣлоруссіи былъ бы уже теперь польскимъ. „Іезуиты много согрѣшили передъ Польшей, сокрушается г. Киркоръ. Если бы они постарались обращать народъ хотя постепенно прямо въ латинство, то въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій, они всю Бѣлоруссію сдѣлали бы польскою. Унія же принималась народомъ безсознательно, по приказанію владѣльцевъ. Обрядность, языкъ оставались прежніе и народъ не замѣчалъ даже (?) или не понималъ (?) основной перемѣны, именно въ признаніи главенства папы. Православное духовенство въ то время было такъ грубо и необразовано, что не могло вліять благотворно (?!) на сельское сословіе, не могло соперничать съ іезуитами и по отношенію къ высшимъ сословіямъ" [2]). Понятно послѣ этого, съ какимъ вниманіемъ авторъ останавливался на той части западно-русской интеллигенціи, которая полячилась [3]). Онъ, какъ бывшій старожилъ Вильны, собралъ всевозможныя свѣдѣнія о польскихъ людяхъ Литвы и Бѣлоруссіи и болѣе видные изъ нихъ красуются на особой картинѣ съ Мицкевичемъ и польскимъ орломъ на груди у него въ срединѣ [4]). Но ни на этой картинкѣ, ни гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ нѣтъ ни Георгія Конисскаго, ни Іосифа Сѣмашки съ его сотрудниками; нѣтъ даже Мелетія Смотрицкаго.

Воззрѣнія г. Киркора имѣли такую силу въ редакціи Живописной Россіи, что даже главный редакторъ этого изданія, П. П. Семеновъ усвоилъ ихъ на нѣкоторое время и высказалъ въ своихъ экономическихъ обозрѣніяхъ Литвы. Онъ, именно, призналъ культурнымъ элементомъ этой области польскую народность. Вотъ странныя сужденія П. П. Семенова: „Вообще говоря, продолжительное и отчасти славное историческое прошлое литовской области, во время ея соединенія съ Польшей, дало этой области такіе

[1]) Для образца см. стр. 77, 95, 303, 308, 152, 153—4. [2]) Стр. 306. [3]) Общее его мнѣніе объ этомъ стр. 135—6. Любопытно сравнить съ этимъ сужденія автора о слѣдствіяхъ крестьянской реформы, стр. 213—216. [4]) Между стр. 116 и 117.

культурно историческіе элементы и черты, которые не могли исчезнуть и сгладиться въ одно столѣтіе и не могутъ быть уничтожены искусственно. Польское или ополяченное дворянство и даже мелкое шляхетство съ своимъ роднымъ языкомъ, находящимъ точку опоры въ богатой и дорогой каждому поляку литературѣ, съ своею религіею и историческими преданіями, съ высокою для своего времени и достаточно самостоятельною культурою, не можетъ быть ни денаціонолизировано (?!), ни уничтожено въ краѣ, ни вытѣснено изъ него, и на долго еще останется однимъ изъ важнѣйшихъ культурно-историческихъ элементовъ области"[1]). Мало того. Даже г. Максимовъ, меньше всего податливый на уступки, пойманъ былъ на одной слабости и невольно послужилъ цѣлямъ изданія. Ему поручено было описать восточную Бѣлоруссію, сливающуюся съ восточной Россіей. Г. Максимовъ естественно изобразилъ превосходство великорусса надъ бѣлоруссомъ. Это было очень важно для г. Киркора. Къ общей картинѣ выходитъ, что бѣлоруссъ и рѣзко отличенъ отъ великорусса и составляетъ пригодный элементъ для польскаго строенія.

Впрочемъ, въ концѣ этого III тома Живописной Россіи вышла дисгармонія, безъ сомнѣнія, совершенно неожиданная для г. Киркора и крайне ему непріятная. При обозрѣніи экономическаго состоянія бѣлорусскаго полѣсья П. П. Семеновъ освободился отъ воззрѣній редакціи этого изданія и вышелъ на свободу русской науки и русскаго пониманія современнаго состоянія западной Россіи. Въ своемъ обозрѣніи экономическаго быта бѣлорусскаго полѣсья, П. П. Семеновъ даетъ прекрасное экономическое и народное осмысленіе воднаго пути изъ балтійскаго въ черное море и раздѣловъ Польши, и совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями г. Киркора оцѣниваетъ богатыя послѣдствія освобожденія крестьянъ и послѣдней польской смуты. Вотъ выдающіяся мѣста въ концѣ этого трактата, которыя мы приводимъ лишь съ небольшими пропусками подробностей: „Съ паденіемъ Кіева (съ нашествіемъ татаръ) совершенно измѣнилось и положеніе Бѣлоруссіи. Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки почти утратилъ свое значеніе. Живительное вліяніе такого культурнаго центра, какимъ былъ для сосѣднихъ бѣлоруссовъ Кіевъ, исчезло. Въ за-

[1]) Жив. Росс. т. III, стр. 232.

мѣнъ того усилилось значеніе сосѣдняго литовскаго государства, и бѣлорусская область очутилась на длинномъ гужевомъ пути между близкою Вильною и отдаленнымъ Владиміромъ, а потому весьма естественно стала болѣе тяготѣть къ литовской, чѣмъ къ русской столицѣ... Правда, что центръ тяжести великой Руси, съ переходомъ своимъ изъ Владиміра въ Москву приблизился къ Бѣлоруссіи, и восточная и западная оконечности бѣлорусской области очутились въ одинаковомъ разстояніи отъ великорусской и литовской столицъ, но это не улучшило положенія Бѣлоруссіи... эта несчастная, обдѣленная природою страна должна была, можно сказать, разорваться въ своихъ тяготѣніяхъ: часть ея, лежащая къ востоку отъ великаго воднаго пути, изъ Варягъ въ Греки, тянула къ Москвѣ, а часть, лежащая къ западу — къ Литвѣ. Еще хуже стало положеніе Бѣлой Руси съ тѣхъ поръ, какъ въ XV (XIV) вѣкѣ литовскіе князья сѣли на польскій престолъ, вслѣдствіе чего Литва соединилась съ Польшей, а центръ тяготѣнія соединеннаго государства перешелъ въ Варшаву. Вмѣсто того, чтобы служить соединительнымъ звеномъ между восточною и западною столицами славянъ, какъ въ прежнія времена она связывала сѣверный и южный культурные русскіе центры,—Кіевъ и Новгородъ,—Бѣлоруссія сдѣлалась только театромъ борьбы и яблокомъ раздора между Россіей и Польшей, такъ какъ и самыя отношенія между ними были совершенно иныя, чѣмъ между Кіевомъ и Новгородомъ. Если Кіевъ и Новгородъ и вступали иногда въ столкновенія, то эти столкновенія и войны имѣли домашній, междоусобный характеръ и никогда не принимали, какъ отношенія между Россіею и Польшею, характера борьбы разновѣрныхъ и сдѣлавшихся уже настолько разноплеменными народовъ, что весь строй ихъ духовной культуры, по слишкомъ рѣзкому своему различію, не допускалъ (!) между ними добровольнаго сліянія. Весьма естественно, что Бѣлоруссія очутилась не между двухъ свѣтлыхъ точекъ, какъ это было во время существованія Кіева и Новгорода, но между двухъ огней, которые то съ одного конца, то съ другого жгли многострадальную Бѣлоруссію"...

Съ половины XVII вѣка, т. е. со времени возсоединенія малой Руси съ великою Русью и возвращенія Россіи бывшаго смоленскаго княжества, положеніе Бѣлоруссіи начинаетъ измѣняться. Въ началѣ XVIII вѣка, т. е. при Петрѣ Великомъ, присоедине-

ніе въ Россіи балтійской области и окончательное упроченіе русскаго владычества въ Малороссіи, послѣ полтавской битвы, окружило Бѣлоруссію—московскими землями съ двухъ сторонъ, такъ что верховья и низовья двухъ главныхъ бѣлорусскихъ рѣкъ, Днѣпра и Двины, принадлежали Россіи, а на среднихъ ихъ теченіяхъ еще господствовала, хотя отчасти, Польша. Такое положеніе было противоестественно и неустойчиво: первый раздѣлъ Польши положилъ ему конецъ: теченія Днѣпра и Двины въ 1772 (г.) присоединены были къ Россіи, а двадцать лѣтъ спустя, при второмъ раздѣлѣ Польши, вошли въ составъ русскаго государства, вмѣстѣ съ Литвою, и пинско-березинское полѣсье и минская мѣстность, т. е. всѣ (?!) остальныя части Бѣлоруссіи. Но не скоро могло подняться возвратившееся въ свое исконное отечество, загнанное и поставленное самою природою въ весьма трудныя отношенія бѣлорусское племя. Между нимъ и единовѣрною ему соплеменною государственною властью стояло въ большей, западной половинѣ области польское или ополяченное высшее сословіе, вооруженное своимъ могущественнымъ крѣпостнымъ правомъ, и иноплеменное, пришлое среднее сословіе, состоящее по преимуществу изъ евреевъ съ чуждыми сельскому населенію экономическими интересами, съ чуждымъ его народному говору жаргономъ“...

„Только выходъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости въ 1861 г. и событія 1863 г. измѣнили къ лучшему положеніе сельскаго населенія въ бѣлорусской области... результаты освобожденія бѣлорусскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости выразились въ громадномъ приростѣ населенія, именно въ тѣхъ частяхъ Бѣлоруссіи, гдѣ крестьяне получали свои надѣлы на наиболѣе льготныхъ условіяхъ... Не только средній уровень благосостоянія бѣлорусскихъ крестьянъ возвысился, но выдвинулись между ними такія зажиточныя семьи, какихъ не было прежде. Проведеніе прекрасной сѣти желѣзныхъ путей еще болѣе подняло экономическое благосостоянія страны и крѣпко связало ее въ ея экономическихъ интересахъ съ остальными частями Россіи—великою и малою Русью. Народная школа должна довершить въ дѣлѣ умственнаго развитія то, что уже совершилось въ дѣлѣ развитія экономическаго, а какъ только умственное развитіе будетъ идти рука объ руку съ экономическимъ, то для бѣлорусской

области наступитъ лучшее время и, несмотря на скудость своей почвы, обдѣленность бѣлорусской области дарами природы, бѣлоруссъ займетъ въ своей родной русской землѣ принадлежащее по праву происхожденія мѣсто, не между ея пасынками (?), а между родными ея сынами“ [1]).

Всякому, кто хотя немного знаетъ исторію и современное положеніе этнографической Литвы, ясно, что почти все, сказанное здѣсь П. П. Семеновымъ о Бѣлоруссіи, относится къ Литвѣ, и непонятно, почему онъ ее привязалъ къ Польшѣ, а не къ Россіи вмѣстѣ съ Бѣлоруссіей.

Въ другихъ томахъ инородческія тенденціи не обнаруживаются съ такою страстностію, какъ въ III томѣ этого изданія, но онѣ тамъ и сами собою выступаютъ при такомъ планѣ изданія. Сѣверъ Россіи оказывается болѣе финскимъ и, главное, болѣе объединеннымъ въ этой народности, чѣмъ это есть на дѣлѣ. Усиливать изображеніе особности Финляндіи и балтійскихъ губерній не было надобности, потому что эти области и сами, больше даже, чѣмъ слѣдуетъ, выдѣляются изъ русскихъ областей и притомъ послѣдняя описана мѣстными писателями. Кавказъ и западная Сибирь тоже достаточно сильны въ этомъ отношеніи своимъ многонародіемъ.

Во всѣхъ этихъ томахъ важнѣе всего та слабая сторона, что недостаточно раскрыта въ нихъ русская этнографическая сила, да и не могла быть надлежащимъ образомъ раскрыта, когда всѣ окраины Россіи оторваны отъ своего историческаго центра,— внутренней Россіи, которая теперь еще не существуетъ въ Живописной Россіи и передъ читателями, и передъ многими изъ участниковъ этого изданія.

Насколько серьезные русскіе писатели, разобравшіе работу для этого изданія, преодолѣютъ всѣ эти странности, когда составятъ описаніе внутренней Россіи, если только эти работы дождутся изданія, мы не знаемъ; но повторяемъ уже высказанную мысль, что V томъ этого изданія (Малороссія), которымъ будетъ замыкаться инородческій поясъ Россіи, по всей вѣроятности, не уйдетъ далеко отъ третьяго тома по своимъ особенностямъ.

---

[1]) Стр. 488 — 490.

ГЛАВА XIX.

Федеративная теорія.

Въ исторіи нашей науки мы уже не разъ встрѣчали мнѣнія объ особенностяхъ русскихъ племенъ, входящихъ въ составъ русскаго народа. Такъ Бѣляевъ высказывалъ, что славяно-русскія племена, разселившіяся по нашей странѣ, находились на различной степени развитія и что, кромѣ полянъ, самыми развитыми были кривичи. Соловьевъ, своими мнѣніями о движеніи русскаго населенія на востокъ и о пониженіи сообразно съ тѣмъ нашей цивилизаціи, далъ основаніе для рѣзкаго различія между восточной и западной Россіей. К. Д. Кавелинъ уже прямо выдѣлилъ великорусское племя, какъ самое некультурное, въ сравненіи съ населеніемъ западной половины Россіи, а Леруа-Болье обставилъ это различіе условіями почвы и этнографическими особенностями, выводя отсюда даже умственныя и нравственныя особенности населенія этихъ двухъ половинъ Россіи.

Почти во всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ главное вниманіе сосредоточивалось на великорусскомъ племени. Но въ исторіи нашей науки есть теорія, которая нашла другую точку опоры для разъясненія племенныхъ различій русскаго народа, сосредоточила главное вниманіе на другомъ русскомъ племени и думала было установить совсѣмъ иныя взгляды на наше старое историческое время и вывести отсюда практическія указанія, противоположныя устяновившемуся единству Россіи. Это такъ называемая федеративная теорія, выдвинутая нашими малороссійскими учеными.

Въ Россіи, кромѣ великорусскаго племени, самое выдающееся по своимъ особенностямъ и числу — это малороссійское племя, населяющее большую половину западной Россіи и южную Россію. Племя это имѣетъ богатыя бытовыя особенности и богатую исторію, особенно въ среднія и новыя времена, когда оно отстаивало свою русскую самобытность отъ Польши и стремилось возстановить свое старое единство съ восточной Россіей. Первые и самые видные малороссійскіе ученые, какъ Максимовичъ и Бодянскій

посвящали свои силы главнымъ образомъ на уясненіе этого прошедшаго Малороссіи, и у нихъ не могло быть рѣчи о какомъ либо сепаратизмѣ и о какой либо федеративной теоріи. Вся особенность ихъ воззрѣній состояла лишь въ томъ, что они возвышали общерусское единство указаніями на общеславянское единство, при чемъ сама собою выдвигалась и становилась какъ бы выше бытовая своеобразность Малороссіи. Господство идеи единства русскаго народа надъ всѣми племенными его особенностями яснѣе всего выразилось въ сочиненіяхъ малоросса Гоголя, писавшаго, какъ и оба вышеуказанные ученые, на общерусскомъ литературномъ языкѣ, и рисовавшаго такими яркими красками картину единой, великой Руси.

Но въ 1845—6 г. въ группѣ малороссійскихъ литераторовъ обозначилось другое направленіе. Они дали большее значеніе славянскому единству, чѣмъ русскому, и еще больше выдвигали малороссійскія особенности. Теорія эта имѣетъ несомнѣнную связь съ дѣлами австрійскихъ славянъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше переходила къ практическимъ вопросамъ.

Часть малороссійскаго племени находится, какъ извѣстно, за предѣлами русскаго государства, въ Австріи,—въ восточной Галиціи и въ Венгріи. Въ Австріи, состоящей, какъ извѣстно, изъ многочисленныхъ народностей, особенно славянскихъ, давно возникла идея равноправности ея народовъ и племенъ; но особенно она обозначилась въ послѣднихъ сороковыхъ годахъ, а въ первыхъ шестидесятыхъ годахъ она осуществлена и на дѣлѣ въ австрійской конституціи, не съ одинаковой, впрочемъ, выгодой для всѣхъ частей имперіи и съ существенною передѣлкой впослѣдствіи въ пользу нѣмцевъ и мадьяръ, наконецъ въ пользу чеховъ и поляковъ. Оттуда-то и перешла къ намъ федеративная теорія для изученія русской исторіи. Въ тѣхъ же шестидесятыхъ годахъ она развивалась въ издававшемся въ Петербургѣ малороссійскомъ журналѣ—Основа (1862—3), гдѣ главнѣйшими двигателями ея были: Бѣлозерскій, Кулишъ и Костомаровъ и гдѣ нашелъ себѣ убѣжище и поддержку талантливый, вышедшій изъ народа малороссійскій поэтъ Шевченко.

Мы оставляемъ въ сторонѣ практическія требованія этой теоріи, возобновляемыя то и дѣло и въ настоящее время,—какъ особая азбука, переводъ на малороссійское нарѣчіе священнаго

писанія, правительственныхъ актовъ, учебниковъ, малороссійскій языкъ въ школахъ, развитіе самостоятельной малороссійской литературы. Для насъ важнѣе историческіе труды этой школы, изъ числа которыхъ самое видное мѣсто занимаютъ труды Н. И. Костомарова [1]).

Извѣстно, что нашъ начальный лѣтописецъ, перечисляя славянскія племена, разселившіяся по русской странѣ послѣ того, какъ они были вытѣснены отъ Дуная, показываетъ различныя степени развитія нѣкоторыхъ изъ нихъ, и выше всѣхъ ставитъ племя полянъ. Поборники федеративной теоріи, разумѣется, придаютъ большое значеніе лѣтописнымъ особенностямъ нашихъ племенъ и связываютъ съ этимъ самое раздѣленіе Россіи на княжества въ періодъ удѣльный, причемъ областныя вѣча и ихъ договоры съ князьями получали особенное значеніе [2]).

На этомъ пути наука не могла выработать ничего прочнаго, потому что раздѣленіе Россіи на княжества развивалось часто вопреки племенному развѣтвленію восточно-русскихъ славянъ [3]),

---

[1]) Недавно появилось сочиненіе весьма богатое литературными указаніями и весьма полезное для справокъ по этому вопросу. Это — сочиненіе Н. П. Петрова — Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Кіевъ, 1884 г. Но къ сожалѣнію, въ сочиненіи этомъ нѣтъ разъясненія самыхъ существенныхъ сторонъ дѣла, которыя должны бы обратить на себя главное вниманіе автора. Автору, само собою представлялись два вопроса: 1) въ какомъ отношеніи находятся стремленія и задачи малороссійскихъ литераторовъ къ общерусскому единству и общерусскому литературному языку? Совмѣщаются они съ этимъ единствомъ или нѣтъ? 2) вопросъ еще ближе къ его предмету: есть малороссійскій литературный языкъ или нѣтъ, и каковы въ этомъ отношеніи качества этого языка въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ малороссійскихъ ученыхъ? Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживалъ языкъ лучшаго малороссійскаго поэта Шевченки. Авторъ обладаетъ особенно счастливыми условіями для рѣшенія этихъ вопросовъ. Онъ великоруссъ и давно живетъ въ Малороссіи. Но г. Петровъ почему-то уклонился отъ этихъ вопросовъ и даже обнаружилъ поразительную податливость въ сторону малороссійскихъ писателей до того, что въ одномъ мѣстѣ (стр. 332) какъ бы радуется даже такой уступкѣ со стороны Шевченки, что онъ не отвергаетъ законнаго существованія общерусскаго литературнаго языка. Вся эта ложная постановка дѣла произошла главнымъ образомъ отъ того, что авторъ усвоилъ себѣ западническій взглядъ на историческое развитіе словесности и искалъ въ малороссійской литературѣ классицизма, сантиментальности, реализма и изъ-за этого проглядѣлъ существенныя, живыя стороны произведеній малороссійскихъ литераторовъ. [2]) Такова статья Костомарова — Федеративное устройство въ древней Руси т. I Монографій. [3]) Ниже, въ сочиненіи г. Ключевскаго — Боярская дума — мы увидимъ обстоятельное изслѣдованіе того, что даже древнѣйшіе городскіе пункты образовались независимо отъ племенного раздѣленія восточно-русскихъ славянъ.

уступало слишкомъ легко объединительнымъ стремленіямъ болѣе выдающихся князей, и если давало что либо осязательное, то раздѣленіе Россіи на области или земли,—земля кіевская, новгородская, полоцкая, смоленская, черниговская, суздальская, и еще болѣе осязательное и прочное раздѣленіе Россіи на восточную и западную. Приходилось такимъ образомъ, принявъ фактъ только великорусской племенной особности, противопоставлять ему что либо соотвѣтствующее въ западной половинѣ Россіи [1]). На этомъ пути Н. И. Костомаровъ обнаружилъ даже смѣлыя завоевательныя стремленія, за что получилъ надлежащее вразумленіе отъ покойнаго Гильфердинга [2]). Не довольствуясь яснымъ и почти общепризнаннымъ различіемъ западной Россіи отъ восточной въ стремленіяхъ ея князей, въ сильномъ развитіи въ ней дружиннаго и вѣчевого началъ, Н. И. Костомаровъ задумалъ связать этнографическими узами главнѣйшія племенныя группы всей западной половины Россіи — кіевскихъ полянъ и новгородскихъ словенъ и доказывалъ, что послѣдніе составляли какъ бы колонію, вышедшую изъ племени полянъ, и что потому новгородцы такъ тѣсно были связаны въ дотатарскія времена съ Кіевомъ, при чемъ и смоленская область, а за ней и черниговская сами собой входили въ эту дотатарскую федерацію [3]). Но не только филологія, въ которой, надобно замѣтить, Н. И. Костомаровъ оказался малосвѣдущимъ, но и исторія возстала противъ такого объединенія западной половины Россіи. Пришлось сѣверъ и югъ этой половины Россіи разсматривать отдѣльно.

На послѣднемъ, т. е. на малороссійской племенной территоріи и сосредоточивалось главное вниманіе нашихъ федералистовъ, и въ томъ числѣ Н. И. Костомарова. Въ этомъ отношеніи много труда положено имъ въ сочиненіи — Богданъ Хмѣльницкій, имѣвшемъ два изданія,—первое въ 2 томахъ, вышедшее въ 1859 г. [4]) и второе въ трехъ томахъ, вышедшее въ 1870 г. и составляющее IX, X и XI т. монографій Костомарова [5]). Оба изданія существенно отличаются. Первое отличается живымъ изложеніемъ, но

[1]) Такова статья Н. И. Костомарова — Двѣ русскія народности. [2]) Газета День за 1863 г. №№ 21—3. [3]) Все это изложено въ началѣ сочиненія Н. И. Костомарова — Сѣвернорусскія народоправства, т. I, стр. 3 — 4. [4]) Собственно это — второе изданіе. Изслѣдованіе это печаталось сначала въ видѣ статей въ Отечественныхъ запискахъ въ 1857 г. [5]) Недавно вышло 3 изданіе.

недостаточно научно; второе восполняетъ этотъ недостатокъ, но гораздо суше и менѣе занимательно для обыкновенныхъ читателей, несмотря даже на то, что авторъ внесъ въ свое исправленное изслѣдованіе много народныхъ пѣсенъ и преданій. Въ обоихъ изданіяхъ раскрывается высшее возбужденіе козацкой силы въ южной Россіи и отношеніе ея къ народной массѣ. Въ козакахъ и въ самомъ Хмѣльницкомъ, Н. И. Костомаровъ обличаетъ значительную оторванность отъ народа; но не раскрываетъ смысла важнѣйшаго явленія во всей исторіи малороссійскаго возстанія,—неодолимой тяги простого малороссійскаго народа къ восточной Россіи,—тяги, увлекшей и Богдана Хмѣльницкаго и разрушавшей всѣ комбинаціи козаковъ,—то о подчиненіи Польшѣ, то о подчиненіи Турціи, то вообще въ томъ или другомъ видѣ о созданіи политической самобытности Малороссіи [1]). Послѣдующія попытки къ этому малороссійскихъ козаковъ тоже вызывали Н. И. Костомарова на особыя изслѣдованія. Таковы: его изслѣдованіе—Гетманъ Выговскій, Руина или недавно печатавшееся въ Русской Мысли и изданное отдѣльно изслѣдованіе—Гетманъ Мазепа, и многочисленныя его статьи о другихъ козацкихъ дѣлахъ до и послѣ Хмѣльницкаго [2]).

Дѣла малороссійскихъ козаковъ были связаны съ дѣлами всей западной Россіи, переходившей подъ власть Литвы, Польши и возвращавшейся къ Россіи. Поэтому Костомаровъ много занимался и дѣлами западнорусскаго православія, и уніи, и судьбою всего западнорусскаго населенія. Въ послѣдней области изысканій онъ изучалъ и малороссійскую поэзію и литовскую миѳологію [3]), и даже выводилъ изъ Литвы нашихъ первыхъ князей, о чемъ происходилъ въ 1860 г. въ здѣшнемъ университетѣ публичный диспутъ между нимъ и Погодинымъ, напечатанный тогда же отдѣльною брошюрой. Изслѣдованія западнорусской исторической жизни вызывали неизбѣжно изученіе исторіи Польши, ко-

[1]) По какой-то странной случайности даже въ актахъ южной и западной Россіи, издаваемыхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова, въ третьемъ томѣ, въ изданіи котораго принималъ участіе извѣстный Кулишъ, выпущены главнѣйшіе памятники касательно присоединенія Малороссіи къ великой Россіи. Это вызвало полемику со стороны Г. Ѳ. Карпова, который и издалъ эти выпущенные акты въ видѣ дополнительнаго тома къ этому третьему тому. [2]) Изданы въ монографіяхъ Н. И. Костомарова, преимущественно въ первыхъ трехъ томахъ. [3]) Напечатаны тамъ же, въ монографіяхъ.

торой и касается Н. И. Костомаровъ въ большей части этихъ своихъ изслѣдованій, а въ новѣйшее время Н. И. Костомаровъ написалъ и особое, большое изслѣдованіе по этому предмету о паденіи Польши подъ заглавіемъ—Послѣдніе годы рѣчи посполитой польской, изд. въ 1870 г. [1]). Въ этомъ сочиненіи большое отступленіе отъ первоначальныхъ взглядовъ автора. Здѣсь прославляется русское правительство за умныя, рѣшительныя дѣйствія по отношенію къ полякамъ и явно дается сочувствіе объединительной русской политикѣ, обличать грѣхи которой авторъ считалъ какъ бы своимъ призваніемъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ [2]). Путь отступленій вообще яснѣе и яснѣе обозначался въ дѣятельности Н. И. Костомарова по мѣрѣ того, какъ онъ отходилъ отъ современныхъ вѣяній и углублялся въ область прошедшаго.

Федеративная теорія для собственнаго оправданія требовала не ограничиваться одною западной Россіей, а находить для себя основы и въ восточной Россіи или вообще въ Россіи; а такъ какъ основы эти можно было найти въ областной самобытности и вообще въ самобытныхъ проявленіяхъ русской внутренней жизни, то этимъ обозначился самъ собою цѣлый кругъ изслѣдованій, и на этотъ путь тѣмъ естественнѣе вступилъ болѣе видный представитель этой теоріи, Н. И. Костомаровъ, что съ первыхъ шаговъ его литературной дѣятельности въ немъ обнаруживалось призваніе заниматься русской исторіей, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрастала въ немъ любовь къ ней; нерѣдко она даже брала рѣшительный верхъ надъ всякими федераціями и сепаратизмами. Въ трудахъ Н. И. Костомарова можно легко прослѣдить раздвоеніе—колебаніе и борьбу между русскимъ историкомъ и поборникомъ малороссійскихъ тенденцій. Можно даже сказать, что самая сущность федеративной теоріи уже показываетъ тягу къ единству русскаго народа и въ этомъ отношеніи должна быть отдѣляема отъ такъ называемаго малороссійскаго сепаратизма, который идетъ гораздо дальше всякой русской федераціи, по крайней мѣрѣ, такъ направляютъ его поляки.

---

[1]) Первоначально печаталось въ Вѣстникѣ Европы за 1869 г. [2]) Впрочемъ, такое же направленіе и въ первомъ по времени сочиненіи Н. И. Костомарова—Унія—нынѣ чрезвычайно рѣдкомъ. Тутъ, между прочимъ, воздается великая дань уваженія умнымъ и благотворнымъ мѣрамъ государя Николая Павловича по дѣлу возсоединенія униатовъ.

По требованію федеративной теоріи, Н. И. Костомаровъ вездѣ въ русской исторіи приподнимаетъ государственный, объединительный слой, на который естественно смотритъ неблагосклонно, и изучаетъ явленія народной жизни, имъ придавленныя. Съ этой точки зрѣнія написана имъ исторія Стеньки Разина, давшая возможность очертить и донское козачество и крѣпостное право [1]. Съ этой же точки зрѣнія написано имъ болѣе обширное и научное сочиненіе—Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада, два тома, изд. 1863 г., въ которыхъ описывается вѣчевая жизнь въ областяхъ — новгородской, псковской и вятской, павшихъ подъ ударами московскаго единодержавія. Московское единодержавіе бывало въ иныя времена предметомъ особенной антипатіи Н. И. Костомарова. Въ статьѣ объ единодержавіи, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., авторъ изображаетъ московскихъ князей татарскаго ига ханскими прикащиками, предпочитавшими всему благоволеніе татарскихъ владыкъ. Костомаровъ не пощадилъ при этомъ и древнихъ первыхъ русскихъ князей, при которыхъ большею частію тоже удерживалось государственное единство Россіи. Онъ ихъ представлялъ разбойниками, которые были заняты лишь вымогательствомъ дани. Не пощадилъ Костомаровъ даже Димитрія Донскаго. Въ 1864 году, какъ мы уже указывали, русскіе люди съ изумленіемъ читали въ приложеніи къ календарю академіи наукъ статью, въ которой Н. И. Костомаровъ доказывалъ, что Димитрій Донской показалъ великую трусость въ куликовской битвѣ и даже нечестно поступилъ съ любимымъ своимъ бояриномъ Бренкомъ, одѣвъ его въ свои одежды и поставивъ такимъ образомъ вмѣсто себя мишенью для татарскихъ стрѣлъ. Статья эта вызвала бурю, и особенно сильныя возраженія писалъ покойный Погодинъ.

Такъ какъ единодержавіе выработано русскимъ народомъ восточной Россіи, то естественно, что вся восточная Россія во всѣхъ слояхъ своихъ не могла вызывать сочувствія автора, особенно въ высшихъ слояхъ, болѣе близкихъ къ правительственному центру. Въ этомъ направленіи написаны Н. И. Костомаровымъ изслѣдованія: Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, изд. 1860 г. и Очеркъ торговли

[1] Изд. 2-е, 1859 г.

московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, изд. 1862 г. Тоже направленіе съ нѣкоторыми, впрочемъ, оттѣнками господствуетъ въ его большомъ изслѣдованіе—Смутное время въ московскомъ государствѣ въ началѣ XVII стол., три тома, изд. 1868 г.

Въ этомъ сочиненіи не только показывается несостоятельность русскаго правительственнаго механизма, но сильно и совершенно несправедливо развѣнчиваются въ славѣ знаменитѣйшіе наши люди того времени, какъ Скопинъ-Шуйскій, Пожарскій и Мининъ. Въ оцѣнкѣ самого русскаго народа Н. И. Костомаровъ двоится,—то изображаетъ его страданія отъ верхнихъ людей, то грубость и жестокость самаго этого народа. Тотъ же Погодинъ громилъ за это Н. И. Костомарова и издалъ цѣлую книгу, въ которой собралъ свои возраженія противъ разныхъ мнѣній Костомарова (а также Иловайскаго) и которую даже озаглавилъ: Борьба не на животъ, а на смерть, изд. 1874 г. [1]).

Съ 1873 г. Н. И. Костомаровъ сталъ издавать Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Исторія эта начинается статьею о князѣ Владимірѣ Святомъ и доведена до временъ Анны Іоанновны, прерывается статьею о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, въ шестомъ выпускѣ, изданіе въ 1876 г. Въ Вѣстн. Европы за настоящій, 1884 г. въ кн. 8 и 9 напечатана статья Н. И. Костомарова—фельдмаршалъ Минихъ, составляющая очевидне продолженіе его русской исторіи.

Авторъ, какъ видимъ, исключилъ изъ числа замѣчательныхъ нашихъ людей не только малоизвѣстнаго Рюрика, но даже проходитъ мимо Олега, Игоря, Ольги и Святослава. Н. И. Костомаровъ въ объясненіе такого страннаго пропуска говоритъ, что „наша исторія о временахъ, предшествовавшихъ принятію христіанства, темна и наполнена сказаніями, за которыми нельзя признать несомнѣнной достовѣрности“ [2]). Можно предполагать, что авторъ вновь почувствовалъ силу поднявшихся тогда, какъ

[1]) О смутномъ времени въ нашей литературѣ есть: 1. Изслѣдованіе И. Е. Забѣлина, напечатанное сначала въ Русскомъ Архивѣ и недавно (1884 г.) изданное отдѣльною книгой. Въ этомъ сочиненіи прекрасно очерчена дѣятельность Пожарскаго и Минина, а также измѣнчивость служилыхъ людей; но невѣрно оцѣнены дѣла Ляпунова и властей троицко-сергіевской лавры. 2. Въ прошедшемъ году печатались о смутномъ времени въ газетѣ Русь статьи г. Голохвастова, въ которыхъ съ большою обстоятельностію изображена бытовая сторона сѣверной Россіи въ смутныя времена. [2]) Вып. I, стр. 1.

увидимъ, споровъ о призваніи князей; но можно также думать, что автору эти споры представляли еще то удобство, что избавляли его отъ необходимости измѣнять свои взгляды на первыхъ нашихъ князей, какъ на призванныхъ изъ Литвы, или какъ на разбойниковъ, почему онъ нодвелъ подъ категорію недостовѣрныхъ князей даже Игоря и Святослава, существованіе и главныя дѣла которыхъ не подвергались сомнѣнію въ спорахъ о призваніи князей.

Но избѣгнуть въ своей исторіи необходимости измѣнять свои прежніе взгляды авторъ не могъ, и дѣйствительно измѣняетъ ихъ. Димитрій Донской, хотя и не оказывается въ исторіи автора храбрымъ, но о трусости его ведется рѣчь осторожно, а нравственныя его качества даже совсѣмъ не трогаются. Скопинъ—Шуйскій, Пожарскій и召Мининъ оказывается болѣе достойными вниманія, чѣмъ въ Исторіи смутнаго времени. Но, что особенно замѣчательно, авторъ находитъ въ восточно-русской исторіи необыкновенно свѣтлое время. Со всею ясностію этотъ свѣтъ выступаетъ въ дѣлахъ Сильвестра и Адашева, которымъ авторъ, согласно съ Погодинымъ, приписываетъ все лучшее при Іоаннѣ IV[1]). Наконецъ еще болѣе неожиданная вещь. Авторъ прославляетъ самыхъ видныхъ самодержцевъ Россіи—Іоанна III и Петра I[2]).

[1]) Это одна изъ лучшихъ статей въ исторіи Н. И. Костомарова. [2]) Статья объ Іоаннѣ III тоже принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ. Но въ концѣ статьи авторъ измѣняетъ себѣ,—онъ сильно колеблется и раздвояется. Онъ смѣшиваетъ взглядъ Карамзина, рѣзко выдѣлявшаго Іоанна, и взглядъ Соловьева, ставившаго его дѣла въ немалую связь съ дѣлами предшественниковъ. У Костомарова выходитъ даже противорѣчіе. То онъ считаетъ Іоанна III такимъ государемъ, котораго дѣло преемники продолжали до самого Петра, то утверждаетъ, что въ области умственныхъ потребностей, Іоаннъ III ничѣмъ не сталъ выше своей среды (вып. 2, стр. 250 и 309). Противорѣчіе это особенно ясно въ слѣдующемъ мѣстѣ, въ самомъ концѣ статьи объ Іоаннѣ. „Истинно великіе люди познаются тѣмъ, что опережаютъ свое общество и ведутъ его за собою; созданное ими имѣетъ прочные задатки не только внѣшней крѣпости, но духовнаго саморазвитія. Иванъ въ области умственныхъ потребностей ничѣмъ не сталъ выше среды; онъ создалъ государство, завелъ дипломатическія сношенія, но это государство, безъ задатковъ самоулучшенія, безъ способовъ и твердаго стремленія къ прочному народному благосостоянію, не могло двигаться впередъ на поприщѣ культуры, простояло два вѣка, вѣрное образцу, созданному Иваномъ и дополняемое новыми формулами въ томъ же духѣ, но застылое и закоснѣлое въ своихъ главныхъ основаніяхъ, представлявшихъ смѣсь азіатскаго деспотизма съ византійскими, выжившими свое время преданіями. И ничего не могло произвести оно, пока могучій геній истинно великаго человѣка — Петра,

Причина, впрочемъ, понятна. Въ своей исторіи авторъ сильно ратуетъ за европейскую цивилизацію, и такъ усердно служитъ этому кумиру, что даже сближаетъ съ Петромъ I кіевскаго митрополита Петра Могилу за его школьную систему, забывая при этомъ раскрыть рядомъ съ хорошими ея сторонами, значеніе ея схоластицизма, латинопольскихъ пріемовъ и идей и, главное, ту оторванность отъ народа, какую она производила и которую преодолѣвали лишь сильныя свѣжія преданія школъ западнорусскихъ братствъ и постоянное напряженіе народнаго, русскаго, православнаго чувства.

Этимъ поклоненіемъ западноевропейской цивилизаціи Н. И. Костомаровъ придвинулъ теорію федеративнаго устройства Россіи къ теоріи Соловьева, повидимому, совершенно противоположной ей. Эта странность объясняется тѣмъ, что сужденія Соловьева о низменности русской народной цивилизаціи и русской отсталости, косности въ главномъ русскомъ племени — великорусскомъ совпадали съ предубѣжденіями малороссовъ противъ великоруссовъ, противъ Москвы, совпадали и съ ихъ племеннымъ тщеславіемъ, что они лучше, развитѣе великоруссовъ, между прочимъ, и потому что ближе къ западной Европѣ, знакомѣе съ ея цивилизаціей. Н. И. Костомаровъ лишь усилилъ это направленіе теоріи и по свойственной ему впечатлительности довелъ ее до такой крайности, что сталъ возвеличивать болѣе видныхъ русскихъ самодержцевъ, отчасти Іоанна III, и особенно Петра I и Екатерину II.

По странной случайности это неожиданное признаніе заслугъ главной русской объединительной силы — самодержавія совпало съ основнымъ взглядомъ въ сочиненіи одного весьма даровитаго, но крайне измѣнчиваго отступника отъ федеративной теоріи, — упомянутаго нами участника въ журналѣ — Основа — и изобрѣтателя малорусской грамоты — Кулиша. Служба въ привислянскомъ краѣ по крестьянскому дѣлу, гдѣ приходилось бороться съ польскими панами и ксендзами, проникнутыми всецѣло западноевропейской цивилизаціей, пересоздала многихъ послѣдователей федеративной теоріи, въ томъ числѣ и Кулиша, впрочемъ, пересоздала весьма своеобразно. Онъ издалъ три тома сочиненія —

не началъ пересоздавать его въ новое государство уже на иныхъ культурныхъ началахъ" (300). Т. е. Іоаннъ создалъ зданіе, простоявшее два вѣка, но бѣда въ томъ, что онъ не оторвался отъ варварскаго народа.

Исторія возсоединенія Руси (I и II т. въ 1874 г., III т. въ 1877 г.) и одинъ томъ матеріаловъ (въ 1877 г.). Въ этой исторіи и приложеніи къ ней Кулишъ въ самомъ корнѣ разрушаетъ федеративную теорію [1]). Онъ признаетъ двѣ самобытныя и рѣзко различныя цивилизаціи—русскую, т. е. собственно восточно-русскую, и польскую. Въ той и другой находитъ и самобытныя и строительныя начала. Авторъ плѣняется красотами польской цивилизаціи и жалѣетъ, что не родился полякомъ въ лучшія времена ихъ жизни; но въ тоже время онъ признаетъ, что въ русской жизни, хотя и грубой, было болѣе жизненныхъ силъ и потому она восторжествовала [2]). Особенно авторъ восхищается мудростію русскаго государственнаго строя и русскихъ государственныхъ людей—временъ московскихъ, въ томъ числѣ и мудростію русскихъ дьяковъ [3]).

Между этими двумя цивилизаціями авторъ усматриваетъ западную Русь и показываетъ, какъ измѣняло всему родному верхнее ея сословіе и какими анти-государственными началами проникнуто было козачество, которое всякое государство на мѣстѣ польскаго должно было уничтожить; но Польша этого сдѣлать не могла съ своею испортившеюся интеллигенціей, а Россія при своей государственной мудрости и опорѣ простого западно-русскаго народа, который, лишь благодаря своему невѣжеству, уберегъ отъ Польши свою народность, овладѣла и козаками и самою Польшею.

Тутъ, очевидно, уничтожалась всякая федерація и Кулишъ примыкаетъ не къ Соловьеву, а къ славянофиламъ. Въ этомъ случаѣ онъ, впрочемъ, ввелъ не новость, а лишь разработалъ и осмыслилъ нѣкоторыя особенности, свойственныя почти всѣмъ нашимъ федералистамъ.

Наши малороссійскіе федералисты или какъ иначе ихъ называли, сепаратисты, члены малорусской партіи, хлопоманы, при всѣхъ предубѣжденіяхъ противъ великоруссовъ, невольно примыкали къ славянофиламъ. Народная самобытность славянофиловъ неизбѣжно требовала глубокаго изученія народнаго быта, какъ онъ есть, со всѣми мѣстными особенностями, слѣдовательно, тре-

[1]) Онъ прямо заявляетъ, что открещивается „отъ навожденія духа тьмы, обуявшаго южнорусскую исторіографію. I. т. матеріаловъ, стр. X. [2]) Т. I, 1 — 3. [3]) Въ объясненіяхъ къ матеріаламъ.

бовала изученія и малорусскаго быта, какъ естественнаго и неподлежащаго насильственному пересозданію. На этомъ поприщѣ трудились многіе малороссы и не мало разработали бытовую малороссійскую жизнь. На этомъ поприщѣ, какъ мы уже говорили, работаетъ не мало Н. И. Костомаровъ. Работалъ и Кулишъ. Задолго до своего отщепенства, въ 1856 г., онъ издалъ 2 тома сочиненія подъ заглавіемъ: Записки о южной Руси, въ которыхъ собралъ и объяснилъ историческія народныя преданія, — малороссійскія думы и разныя бытовые памятники и описанія, какъ сказки, пѣсни и нѣкоторыя записки.

Богатый матеріалъ по изученію быта малороссійскаго находится также въ большомъ изданіи. — Труды этногр. — статистич. экспедиціи въ западно-русскій край Россіи, собранные недавно скончавшимся Чубинскимъ, котораго посылало въ Малороссію географическое общество [1]). Подобныя изданія предпринимались и нѣкоторыя осуществлены по другимъ областямъ западной Россіи, какъ описаніе Бѣлоруссіи въ этнографическомъ отношеніи, предпринятое, но до сихъ поръ не конченное извѣстнымъ описателемъ сѣвера—Максимовымъ, или описаніе Литвы Кузнецовымъ, котораго тоже посылало для этой цѣли географическое общество и который собралъ много матеріала, но еще не обработалъ его окончательно.

Въ связи съ этими послѣдними трудами, вызванными послѣднею польскою смутой, находятся слѣдующія изданія и изслѣдованія.

Въ области народнаго творчества, кромѣ многочисленныхъ сборниковъ малороссійскихъ пѣсенъ, достойны особеннаго вниманія

1. Пѣсни галицкаго и угорскаго народа — сборникъ составленный Я. Ѳ. Головацкимъ [2]).

2. Памятники народнаго творчества сѣверо-западнаго края, изданные П. А. Гильтебрандтомъ [3]).

3. Пѣсни бѣлорусскія, изданные г. Шеинымъ [4]).

4. Пѣсни литовскаго народа, изданныя недавно, г. Юшкевичемъ.

5. Сборникъ памятниковъ еврейскихъ—Книга кагала, составленный Брафманомъ [5]).

---

[1]) Семь томовъ изд. 1877 — 8 г. [2]) Четыре тома изд. 1879 г. [3]) Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Вильна, 1866 года [4]) Изд. 1874 г. [5]) Изд. первое 1870, второе 1875 г.

Для изученія литовскаго языка и бѣлорусскаго нарѣчія у насъ есть замѣчательные труды. Таковы филологическія изслѣдованія литовскаго языка Минуцкаго[1]) и бѣлорусскій словарь И. И. Носовича[2]). Появились и новыя историческія изслѣдованія, такъ напримѣръ извѣстныя уже намъ: Даніилъ Галицкій, сочиненіе г. Дашкевича, уясняющее исторію Галиціи и отчасти Литвы; Очеркъ исторіи Литвы, сочиненіе г. Антоновича, представляющее замѣчательную критику источниковъ древней исторіи литовскаго княжества.

Въ послѣднее время появилось много обѣщавшее изслѣдованіе по исторіи евреевъ въ западной Россіи — Литовскіе евреи, сочиненіе г. Бершадскаго[3]). Сочиненіе это дѣйствительно весьма богато фактами, извлеченными авторомъ изъ книгъ и особенно изъ рукописей; но оно не можетъ не вызывать изумленія во всякомъ, кто знакомъ съ этимъ дѣломъ и даже просто съ научными пріемами историческаго изслѣдованія. Авторъ обнаружилъ въ этомъ сочиненіи поразительное неумѣніе справиться съ своимъ богатымъ матеріаломъ и допустилъ такой произволъ въ его распредѣленіи и въ своихъ выводахъ, на какой могутъ быть способны, да простятъ намъ это выраженіе, только юристы. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе подборомъ фактовъ, большею частью позднѣйшихъ, доказывающихъ страшное угнетеніе евреевъ христіанами. Это значитъ явно подкупать читателей, отклонять ихъ отъ свободнаго разумѣнія дѣла. Но авторъ тоже дѣлаетъ и въ самомъ изложеніи исторіи евреевъ. Онъ знаетъ, что самое больное мѣсто въ еврействѣ страшная корпоративность евреевъ,— ихъ кагальное устройство. Къ изумленію всякаго здравомысленнаго читателя авторъ отводитъ отъ евреевъ это зло и сваливаетъ его тоже на христіанъ. Онъ доказываетъ чудовищную вещь, что евреи пришли въ Польшу и въ Литву безъ кагальнаго устройства и развили его въ этихъ странахъ подъ вліяніемъ польской жизни. Автору въ голову не приходитъ, что кагалъ старѣе и Литвы и Польши и что всегда такъ бываетъ, что, когда евреи только еще вступаютъ въ какую либо страну, находятся въ ней въ разбродѣ, какъ бы въ качествѣ еще только соглядатаевъ, то

[1]) Многочисл. его статьи въ запискахъ акад. наукъ и Виленск. Вѣстн. въ пятидесятыхъ и первыхъ шестидесятыхъ годахъ. [2]) Изд. 1870 г. [3]) Одинъ т. изслѣд. изд. 1883 г. и два т. документовъ, изд. 1882 г.

сначала у нихъ невидно никакого кагальнаго устройства до перваго упроченія въ избранныхъ пунктахъ. Авторъ заявляетъ, что онъ былъ и юдофобомъ и юдофиломъ, а теперь, какъ будто, желаетъ быть безпристрастнымъ. Въ дѣйствительности оказывается, что онъ все еще не установилъ твердаго взгляда на евреевъ и установитъ его развѣ послѣ, или, что вѣрнѣе, онъ теперь чистѣйшій юдофилъ.

Всѣ эти описанія и изслѣдованія русской территоріи, на которой прежде всего опиралась федеративная теорія, открыли много мѣстныхъ особенностей, но рядомъ съ ними открыли и коренное русское единство. Кулишъ только послѣдовательно шелъ къ этому конечному выводу и смѣло разрушилъ искусственныя перегородки федерализма. Такимъ образомъ, федеративная теорія, совершенно неприложимая къ объясненію историческаго движенія нашей страны и брошенная или подрываемая болѣе видными ея послѣдователями, принесла пользу нашей наукѣ именно тѣмъ, на чемъ она сходится съ славянофильскою теоріей, т. е. тщательнымъ изученіемъ внутренняго быта народа, уясненіемъ особенностей его духа.

Федеративная теорія кромѣ того развила еще одно направленіе нашей науки. Связанная тѣснѣйшимъ образомъ съ вопросами современной жизни, теорія эта вызывала желаніе популяризовать научныя данныя, придавать имъ общедоступныя формы. Съ этою цѣлью издавался журналъ Основа; это же направленіе выразилось почти во всѣхъ трудахъ Н. И. Костомарова, обладающаго необыкновенною способностію къ этому. Но направленіе это сопровождалось и вредомъ для научности, тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что къ нему пристали и другіе русскіе писатели, совсѣмъ далекіе отъ федералистовъ или сепаратистовъ. Въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ, въ смутномъ времени московскаго государства, въ послѣднихъ годахъ рѣчи-посполитой польской, Н. И. Костомаровъ даетъ въ началѣ этихъ сочиненій списокъ книгъ и рукописей, которыя онъ изучалъ для этихъ сочиненій, обозначаетъ даже, что болѣе и менѣе важно. Это весьма научно и полезно. Но, къ сожалѣнію, авторъ послѣ этого призналъ себя вправѣ мало ссылаться на свои источники въ самыхъ своихъ сочиненіяхъ, такъ что лишь очень свѣдущіе читатели могутъ знать, гдѣ основаніе для того или другого факта, разсказываемаго авторомъ, да и то не безъ труда. Въ главнѣй-

шемъ же сочиненіи Н. И. Костомарова—Русская исторія, цитаты встрѣчаются еще рѣже и впереди нѣтъ никакого предъувѣдомленія объ источникахъ, что, впрочемъ, и естественно, потому что составить списокъ источниковъ по русской исторіи мудрено, а изложить литературу науки еще труднѣе.

Популяризаторскую свою дѣятельность Н. И. Костомаровъ подвинулъ еще дальше,—сталъ писать историческіе романы, какъ напримѣръ, Кудеяръ изъ временъ Іоанна Грознаго, Черниковка изъ XVII в. Извѣстно, что этотъ родъ произведеній чрезвычайно у насъ распространился и наводняетъ нашу литературу. Вѣроятно мы не ошибемся, если скажемъ, что съ эстетической точки зрѣнія, писать историческіе романы или какія бы то ни было вещи по изящной словесности съ историческимъ содержаніемъ позволительно только геніямъ и, пожалуй, крупнымъ поэтическимъ талантамъ. Тутъ неизбѣжное всегда искаженіе исторической истины будетъ искупаться, по крайней мѣрѣ, пониманіемъ событій, лицъ и, главное, красотой поэтическихъ формъ, въ какихъ они представляются. Но писаніе историческихъ романовъ, драмъ обыкновенными писателями—дѣло совсѣмъ иное. Тутъ будетъ и искаженіе исторической истины, и отсутствіе изящнаго; а такъ какъ историческая канва легко можетъ быть найдена, какъ готовая, всякимъ писакой, то понятно, почему на этого рода канву кидаются многіе. Во времена упадка поэтическихъ талантовъ и чувства изящнаго историческіе романы естественно чаще и чаще появляются. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство. Теперь—время популяризаціи всѣхъ наукъ и, къ сожалѣнію, чаще всего—время проведенія этимъ путемъ предвзятыхъ, совершенно не научныхъ идей. Историческіе романы служатъ однимъ изъ самыхъ пригодныхъ средствъ для такой цѣли, причемъ искаженіе исторической истины идетъ еще дальше. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей науки, историческіе романы оказываются еще хуже, чѣмъ съ эстетической, и вредъ отъ нихъ для историческаго знанія не можетъ окупиться никакимъ широкимъ распространеніемъ немногихъ, неискаженныхъ историческихъ данныхъ. Писаніе же историческихъ романовъ, драмъ историкомъ мы признаемъ просто непозволительнымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ дѣломъ. Никогда и ни въ какомъ случаѣ историкъ не долженъ забывать исторической истины,

что̀ бы ему ни подсказывала его догадливость и какъ бы ни увлекало сильное воображеніе, и разъ онъ забылъ это и отдался увлеченію, хотя бы то самому поэтическому, ему уже трудно вѣрить и можно лишь посовѣтовать положить совсѣмъ историческое перо и взять перо беллетриста.

ГЛАВА XX.

Новыя научныя требованія.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Какъ во времена споровъ и увлеченій, возбужденныхъ скептиками, Погодинъ выступилъ съ требованіемъ тщательнаго изученія нашего прошедшаго и предложилъ математическій методъ, который, впрочемъ, самъ не разъ нарушалъ, такъ въ новѣйшія времена, въ разгаръ споровъ послѣдователей родового быта, славянофиловъ, послѣдователей федеративной теоріи, выступило тоже требованіе всесторонняго изученія нашей исторіи, и предложенъ подобный пріемъ, строгая научность, т. е. второй разъ въ литературѣ нашей науки, рядомъ съ вопросомъ объ отношеніи между общечеловѣческой цивилизаціей и національностью, возникъ вопросъ объ объективности и субъективности въ изложеніи исторіи.

Принципъ научности, объективности проведенъ именно въ исторіи Россіи профессора здѣшняго университета К. Н. Бестужева-Рюмина. Первый томъ этой исторіи, доведенный до Іоанна III, изданъ въ 1872 г. Объ этомъ томѣ мы писали въ Журналѣ мин. народн. просвѣщенія за тотъ же годъ ч. CLXIII (т. е. мѣсяцъ сентябрь). Существенныя мысли, тамъ изложенныя, мы воспроизводимъ и здѣсь.

Въ русской исторіи Бестужева-Рюмина возстановляются нѣкоторые изъ лучшихъ пріемовъ Карамзина. Въ исторіи Карамзина, между прочимъ, дорого то, что онъ далъ намъ, не только имъ самимъ изученные и открытые вновь факты, но и всѣ важнѣйшія данныя предшествовавшаго его исторіи русскаго ученаго труда,—данныя нашей литературы русской исторіи [1]). Пріемъ

---

[1]) Они у Карамзина изложены въ его богатыхъ, драгоцѣнныхъ примѣчаніяхъ.

этотъ послѣ Карамзина, какъ мы знаемъ, слишкомъ часто оставляемъ былъ у насъ въ сторонѣ, чтò особенно ясно и чувствительно въ исторіи С. М. Соловьева. Сильная послѣ Карамзина работа археографическая, богатыя открытія въ области рукописей заслоняли собою прошедшій литературный трудъ и покрывали забвеніемъ многое, сдѣланное прежде. Это вредно отзывалось на нашей наукѣ уже потому самому, что заставляло молодыхъ ученыхъ, занимающихся русской исторіей, да и не однихъ молодыхъ, тратить много лишняго времени и труда на одно и тоже дѣло.

Исторія К. Н. Бестужева-Рюмина возстановляетъ самымъ счастливымъ образомъ вышесказанный пріемъ Карамзина и удовлетворяетъ насущной и первѣйшей потребности молодыхъ тружениковъ по русской исторіи,—знать прежде всего, чтò сдѣлано по русской исторіи до настоящаго времени.

Въ трудѣ К. Н. Бестужева-Рюмина мы прежде всего видимъ ученый сводъ написаннаго по нашей наукѣ. Почти половину его книги занимаетъ литература русской исторіи и затѣмъ въ самой Исторіи, въ началѣ каждой главы, перечислены главнѣйшія сочиненія по предмету главы, и наконецъ при самомъ изложеніи событій дѣлаются ссылки на источники и изслѣдованія. Весь трудъ К. Н. Бестужева-Рюмина есть прежде всего самый полный въ настоящее время сводъ всего написаннаго по русской исторіи. Ближайшее изученіе этого свода открываетъ новыя его достоинства.

Собирая въ одно труды по русской исторіи, авторъ занимаетъ по отношенію къ нимъ совершенно спокойное и безпристрастное положеніе. Онъ съ уваженіемъ относится ко всѣмъ трудамъ, внесшимъ то или другое пріобрѣтеніе въ науку русской исторіи, прилагаетъ къ оцѣнкѣ ихъ только общепризнанные критическіе пріемы, нерѣдко даже уклоняется самъ произносить сужденіе (наприм. объ огнищанахъ), а чаще всего предоставляетъ собраннымъ имъ въ одно мѣсто писателямъ по русской исторіи, такъ сказать, вѣдаться самимъ съ собою, сопоставляя ихъ то по тому, то по другому вопросу, при чемъ и читатель невольно вызывается принять участіе въ этомъ мирномъ междоусобіи русскихъ историковъ, сводимыхъ трудолюбивымъ авторомъ то на то томъ, то на другомъ поприщѣ въ обширной области русской исторіи.

Вотъ тѣ общія для всѣхъ частей труда К. Н. Бестужева-Рюмина особенности, какія прежде всего бросаются въ глаза.

Перейдемъ теперь къ частямъ этого обширнаго труда и прежде всего къ изложенной въ немъ литературѣ нашей науки.

При обозрѣніи литературы нашей науки трудность не только въ томъ, чтобы собрать написанное, но также и въ томъ, чтобы въ громадной массѣ написаннаго указать руководящія нити, которыя дали бы читателямъ возможность не затеряться. На одну память здѣсь нельзя разсчитывать; нельзя также при этомъ руководствоваться и однимъ тѣмъ соображеніемъ, что памяти поможетъ справка съ книгой при встрѣтившейся надобности. Литература нашей науки должна имѣть цѣли выше простой любознательности или одной практической справки. Она должна быть своего рода исторіей русскаго самосознанія, выразившагося въ источникахъ и сочиненіяхъ по русской исторіи. Но дать полный сводъ данныхъ по литературѣ русской исторіи и указать вездѣ руководящія нити — дѣло въ высшей степени трудное. Кто читалъ, а тѣмъ болѣе, кто изучалъ книгу К. Н. Бестужева-Рюмина, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится съ нами, что авторъ гораздо больше былъ занятъ въ своей литературѣ науки собираніемъ написаннаго, нежели указаніемъ руководящихъ нитей, и что это особенно бросается въ глаза въ его обозрѣніи трудовъ, болѣе или менѣе прагматическихъ и особенно новаго времени, — въ обозрѣніи, доходящемъ иногда до простого перечета именъ авторовъ и заглавій книгъ, какъ напримѣръ, при обозрѣніи сказаній иностранныхъ писателей или въ главѣ о научной обработкѣ исторіи [1]). Это наше мнѣніе, впрочемъ, требуетъ поясненій.

Въ началѣ каждой группы памятниковъ или пособій авторъ даетъ всегда общее понятіе объ нихъ и нерѣдко его взгляды обнимаютъ всю совокупность матеріала и вводятъ въ пониманіе существенныхъ его сторонъ. Во главѣ такихъ обозрѣній нужно

---

[1]) Въ нашей литературѣ есть попытки восполнить этотъ недостатокъ книги К. Н. Бестужева-Рюмина. Въ 1874 г. въ Ж. мин. нар. просв. (Іюнь, Іюль, Августъ) напечатано изслѣдованіе профес. Леонтовича—Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси, въ началѣ котораго помѣщено обозрѣніе литературныхъ мнѣній по этому вопросу. Подобное же обозрѣніе находится въ сочиненіи другаго юриста г. Самоквасова—Исторія русскаго права 1 вып. I т.—Начала политич. быта древне-русскихъ славянъ. Литература. Изд. 1878 г. Начинается. въ обоихъ соч. съ Татищева.

поставить, не только по мѣсту, но и по достоинству, обозрѣніе лѣтописей, — самостоятельный трудъ автора, дающій извѣстный, новѣйшій результатъ изученія нашихъ лѣтописей, — многосоставность не только позднѣйшихъ лѣтописей, но и первоначальной, извѣстной подъ именемъ временника Нестора. Достоинства и недостатки этого труда, составляющаго здѣсь извлеченіе изъ особаго изслѣдованія автора, мы уже показывали.

Другія главы литературы русской исторіи у автора, хотя не представляютъ такого цѣльнаго и самостоятельнаго труда, какъ глава о лѣтописяхъ, но выдаются тоже многими крупными достоинствами, — отчетливостію сообщаемыхъ свѣдѣній и по мѣстамъ мѣткими указаніями достоинствъ и недостатковъ сочиненій, особенно въ области старой нашей письменности. Но нельзя не пожалѣть, что въ этой области, авторъ, должно быть для болѣе удобнаго изученія, разбивъ на особыя группы такія сродныя и связныя вещи, какъ отдѣльныя сказанія, житія, записки и памятники словесности письменной, затруднилъ себѣ разрѣшеніе нѣкоторыхъ общихъ, но весьма важныхъ вопросовъ, какъ наприм., вопроса о постепенномъ историческомъ сводѣ въ одно всѣхъ этихъ памятниковъ, дошедшихъ черезъ патерики, сборники до церковной энциклопедіи, извѣстной подъ именемъ Макарьевскихъ четьихъ-миней, рядомъ съ которою вырабатывались также своды свѣтскихъ памятниковъ, выразившіеся особенно въ сводныхъ лѣтописяхъ московскаго періода, хронографахъ, степенныхъ книгахъ. Этотъ вопросъ, какъ мы знаемъ, тѣмъ болѣе важенъ, что, слѣдя за историческимъ развитіемъ вышесказанныхъ сводовъ, можно видѣть, хотя медленное, но неоспоримое развитіе у насъ, задолго до Петра, ученыхъ пріемовъ къ изученію нашего прошедшаго. При этомъ вопросѣ получаютъ значеніе даже такія, повидимому, простыя вещи, какъ справочные списки духовныхъ и свѣтскихъ людей, русскихъ, греческихъ и другихъ странъ, изъ которыхъ иные попадаются въ очень старыя времена и которые подвергались дальнѣйшей разработкѣ въ посольскомъ приказѣ и выразились въ такихъ трудахъ, какъ обозрѣнія государствъ, составлявшіяся при Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда бы, конечно, уяснилось, какъ могли явиться у насъ до Петра такія умныя сочиненія, какъ Исторія Іоанна IV, составленная Курбскимъ. Надлежащая постановка вопроса о постепенномъ развитіи у насъ

историческаго изученія нашего прошедшаго, безъ сомнѣнія, дала бы совсѣмъ другой видъ послѣдней главѣ въ обозрѣніи литературы русской исторіи нашего автора подъ заглавіемъ: Научная обработка исторіи. Намъ извѣстно, что почтенный авторъ усматриваетъ начало научной обработки русской исторіи во времена послѣ смерти Петра и выводитъ его отъ нашихъ ученыхъ нѣмцевъ—Байера и другихъ, а Миллера считаетъ даже отцомъ русской исторіи. Мы уже видѣли, что это совершенно несправедливо и намъ нѣтъ нужды доказывать это вновь.

Переходимъ къ обозрѣнію самой русской исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина и прежде всего разсмотримъ его введеніе въ исторію, въ которомъ онъ высказываетъ свой взглядъ на исторію и ея задачи.

Пониманіе К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ исторіи принадлежитъ къ числу самыхъ современныхъ и гуманныхъ воззрѣніи на прошедшія судьбы человѣчества. Отправляясь отъ понятія объ исторіи, особенно развитаго С. М. Соловьевымъ, какъ о наукѣ самосознанія, авторъ отвергаетъ гордое воззрѣніе нѣмецкихъ ученыхъ на исторію, какъ на изображеніе дѣлъ высшихъ, цивилизованныхъ націй, и признаетъ въ историческомъ развитіи цивилизаціи значеніе всѣхъ народовъ, даже неразвитыхъ. „Всеобщая исторія, говоритъ онъ, тогда только станетъ въ полномъ смыслѣ всеобщею, когда она будетъ обнимать всѣ народы, не пренебрегая и тѣми, которые почему либо не успѣли развиться“ [1]). Мы видимъ, что тутъ какъ будто есть сходство съ взглядами Полевого. Но въ дѣйствительности это лишь кажущееся сходство. Полевой уничижалъ отдѣльные народы передъ всемірнымъ теченіемъ жизни человѣчества. Здѣсь, наоборотъ, выставляется значеніе живыхъ народныхъ организмовъ даже низшаго развитія, безъ которыхъ всемірная исторія теряетъ свое значеніе. Авторъ принимаетъ опредѣленіе цивилизаціи не Полевого, а П. Е. Данилевскаго, по которому „каждый типъ (народъ) выражаетъ человѣчество съ одной стороны, и прогрессъ или, если можно такъ выразиться, раскрытіе совершается не въ преемственной передачѣ цивилизаціи, а во внесеніи новыхъ сторонъ. Такимъ образомъ, прогрессъ слѣдуетъ представлять не громадною прямою линіей,

---

[1]) Стр. 2.

а множествомъ мелкихъ, расходящихся въ разныя стороны линій, чѣмъ усвояется постепенно человѣческому сознанію все богатство содержанія, заключающагося въ человѣчествѣ, какъ совокупности всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ" [1]).

Нельзя не порадоваться, что этотъ научный и гуманный взглядъ на историческое изученіе человѣчества утверждается у насъ и положенъ въ основу такого серьезнаго труда, какъ книга К. Н. Бестужева-Рюмина. Въ нашемъ русскомъ прошедшемъ мы не жили ни понятіями грековъ и римлянъ о варварствѣ всего остального человѣчества, ни унаслѣдованными отъ нихъ понятіями западноевропейцевъ о всеподавляющемъ господствѣ интеллигенціи страны надъ массою народною или одного народа надъ другимъ. Намъ, русскимъ, естественно и въ наукѣ нашей исторіи, какъ въ нашей исторической жизни, проводить начала христіанскаго братства для всей массы русскихъ и для всѣхъ народовъ.

Изъ этого вѣрнаго начала авторъ выводитъ другое, обусловливающее также вѣрное изображеніе нашего прошедшаго. Не отвергая значенія въ исторіи отдѣльныхъ лицъ, чрезъ посредство которыхъ совершается движеніе въ каждомъ народѣ, какъ въ человѣчествѣ оно совершается посредствомъ народовъ [2]) авторъ однако находитъ, что мысли и цѣли отдѣльныхъ лицъ скрываются въ общественномъ сознаніи, что „лицамъ принадлежитъ болѣе или менѣе удачное формулированіе ихъ—и только" [3]), что „лицо можетъ понять, угадать, но ничего не можетъ создать". „Вполнѣ ясное сознаніе этой мысли совершенно измѣняетъ, говоритъ авторъ, воззрѣніе на исторію: на первый планъ выступаетъ сложное явленіе, называющееся обществомъ. Его-то изученіе и должно составлять серьезный предметъ науки, называемой исторіей" [4]). Признавая всю важность такого воззрѣнія на задачи исторіи, потому что при немъ только возможно глубокое и всестороннее изученіе историческихъ явленій, нельзя однако не сказать, что слишкомъ логическое примѣненіе такого начала можетъ также мѣшать правильному пониманію этихъ явленій, какъ и поклоненіе личностямъ. Оно легко можетъ вести къ обезличенію исторіи, что особенно можетъ быть вредно въ исторіи русскаго

---

[1]) Россія и Европа. Изд. 1871 г.; Бест.-Рюм. стр. 3—4. [2]) Стр. 5. [3]) Стр. 7. [4]) Стр. 7.

народа. Русская историческая жизнь выработала особое, своеобразное положеніе личности. При обыденномъ теченіи этой жизни личность въ обществѣ совсѣмъ не видна; видны лишь стоящіе вверху и вообще главные у дѣлъ, которымъ открывается широкій просторъ, потому изученіе ихъ нерѣдко очень важно для исторіи, а изученіе общества до крайности трудно. Но при необычайныхъ событіяхъ, личности у насъ вдругъ выдвигаются изъ самаго общества, и тоже занимаютъ необычайное положеніе, слѣдовательно, достойны особаго вниманія исторіи и тѣмъ болѣе, что появленіе ихъ бываетъ иногда совершенно неожиданно, и безъ особаго вниманія къ нимъ нельзя понять, какъ и почему они явились. Съ другой стороны, у насъ бывали цѣлые періоды, совершенно различные для дѣятельности лицъ. Въ дотатарское время имъ былъ широкій просторъ, и они больше обозначались, въ послѣтатарское время—меньше. Наконецъ не вѣрно, что личность можетъ только понять, угадать и болѣе или менѣе удачно формулировать цѣли общества, а ничего не можетъ создать. Авторъ самъ дѣлаетъ оговорку, признаетъ значеніе выдающихся личностей, но смотритъ на нихъ, какъ на типы общества, т. е. опять какъ на нѣчто безличное, неживое.

Опасеніе за обезличеніе нашей исторіи находитъ себѣ особенное основаніе въ книгѣ автора. Онъ—поборникъ всесторонняго изученія исторіи, строгаго безпристрастнаго изученія фактовъ и врагъ философскихъ теорій въ исторіи; онъ указываетъ историку необходимость самаго строгаго воздержанія въ выводахъ, когда историкъ желаетъ дойти до представленія цѣлости и единства народной жизни. Уклоненія отъ этого, такъ называемыя философскія диссертаціи, авторъ признаетъ наиболѣе вредными для самостоятельнаго развитія науки и общества [1]).

Такому строгому пониманію обязанностей историка нельзя не сочувствовать, и мы немедленно стали бы на его сторону, если бы не видѣли оставленной имъ открытою одной опасной стороны дѣла. Авторъ слишкомъ далеко заходитъ въ требованіи объективности и не признаетъ неизбѣжнаго и слишкомъ важнаго для развитія науки и общества начала субъективнаго, т. е. личнаго, совре-

[1]) Стр. 9.

меннаго пониманія историческихъ явленій; разумѣемъ, конечно, субъективизмъ здоровый. Вредны и нежелательны произвольныя философскія теоріи, вредны и нежелательны поспѣшные, поверхностные выводы, но вообще субъективное воззрѣніе—и неизбѣжно, и необходимо, и желательно. Безпредѣльное развитіе нашей науки обусловливается не только болѣе и болѣе полнымъ и основательнымъ изученіемъ фактовъ, но и смѣняющимся освѣщеніемъ ихъ. Не признавать этого и ожидать полной объективности значитъ идеализировать дѣло, и идеализировать вредно, особенно у насъ. У насъ отнюдь нельзя пожаловаться на избытокъ субъективнаго освѣщенія историческихъ явленій; напротивъ, справедливѣе можно жаловаться на недостатокъ этого освѣщенія, на непроглядный туманъ, покрывающій необозримую массу фактовъ нашей исторіи. Наши историки именно страдаютъ прежде всего вольною или невольною неохотой освѣщать изученное, и множество основательнѣйшихъ наблюденій, выводовъ пропадаетъ въ черновикахъ ихъ трудовъ и чаще въ ихъ головахъ съ ихъ смертію. Ихъ преемники ничѣмъ изъ этого не пользуются и должны вновь работать, безъ облегченія, надъ сырымъ матеріаломъ. Наука замедляется въ своемъ развитіи, общество позже усвояетъ взгляды, которые должно бы усвоить давно. Весьма желательно, чтобы посредственность и легкомысліе не кидались къ вершинамъ знанія; но весьма нежелательно, чтобы талантливое, глубокое знаніе боялось этихъ вершинъ. Ниже мы укажемъ нѣсколько крупныхъ случаевъ того, какъ упущеніе нашимъ авторомъ изъ виду угла зрѣнія, надъ которымъ историки смотрѣли на событія, привело его самого къ ошибочной оцѣнкѣ фактовъ.

Въ русской исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина (разумѣемъ здѣсь вторую часть его труда, самое изложеніе событій), бросается въ глаза прежде всего новость, которой нужно желать какъ можно больше подражаній. Событія внѣшнія строго отдѣлены отъ внутреннихъ явленій нашей исторической жизни, изложены въ самомъ краткомъ, сжатомъ видѣ и основаны на самыхъ первыхъ источникахъ, строго сведенныхъ и точно указанныхъ, причемъ въ примѣчаніяхъ нашли себѣ мѣсто важнѣйшія толкованія ихъ историками прежняго времени и соображенія самого автора. Затѣмъ, самое большое мѣсто отведено явленіямъ внутренней жизни, какъ-то: формамъ жизни семейной, общественной,

власти, управленію, сословіямъ, суду, торговлѣ, вѣрѣ, литературѣ... Эта вторая часть собственно исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина составляетъ важнѣйшую его работу, и на ней, конечно, сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ вниманіе читателя.

Всѣ главы этого труда, обнимающія явленія внутренней русской жизни, составляютъ особыя изслѣдованія. Въ нихъ еще съ большею полнотою, чѣмъ въ обозрѣніи литературы, собраны въ началѣ каждой главы важнѣйшіе источники и пособія и затѣмъ при изложеніи дѣла вездѣ указываются, сличаются и разбираются свидѣтельства источниковъ и мнѣнія историковъ.

Авторъ по обычаю налагаетъ на себя поразительное воздержаніе и терпѣливо, безпристрастно выдвигаетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ и современниковъ на историческомъ поприщѣ. Всѣ эти главы составляютъ прежде всего сводъ и критику фактовъ и пониманія ихъ учеными.

При такомъ способѣ изложенія дѣла, авторъ находился въ зависимости отъ предшествовавшей работы ученыхъ, и потому въ древнѣйшихъ временахъ его трудъ полнѣе, обширнѣе, въ позднѣйшихъ—короче. Богатство добытыхъ данныхъ и разнообразіе высказанныхъ о нихъ мнѣній иногда вызывали автора занять особое положеніе,—высказать ясно свое пониманіе дѣла. Таковы его статьи: бытъ семейный и общественный у древнихъ славянъ. Авторъ видѣлъ тутъ передъ собою два противоположныхъ рода данныхъ и мнѣній—теорію родового и теорію общиннаго быта. Какъ ученикъ С. М. Соловьева, онъ хорошо зналъ и, можетъ быть, ощущалъ силу доводовъ своего учителя. Но удары этой теоріи, нанесенныя славянофилами, были слишкомъ тяжелы, чтобы ихъ могъ устранить такой серьезный и правдивый ученый. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ почти совсѣмъ переходитъ на сторону славянофиловъ,—признаетъ, какъ извѣстно, общинное, задружное начало жизни древнихъ славянъ, отвергаетъ существованіе у насъ настоящаго родового быта, т. е. искусственнаго или фиктивнаго рода, но въ тоже время оставляетъ частицу теоріи родового быта Соловьева,—родъ кровный—какъ семью, съ нѣкоторыми признаками или остатками родового быта. Такъ, названія—вятичи, радимичи, похищеніе женъ, родовую месть онъ считаетъ остатками рода, но не развившагося, а перешедшаго въ семью и чрезъ соединеніе семей—въ земельную общину. Авторъ полно и хо-

рошо сгруппировалъ факты для доказательства, что земельныя общины, развиваясь далѣе, выработали власть княжескую, выдвигали даже главныхъ князей въ ряду меньшихъ, и при этомъ обращается къ исторіи другихъ славянъ, особенно балтійскихъ, у которыхъ славянскія формы жизни достигали большаго развитія. Тутъ зависимость автора отъ предшествовавшихъ писателей, очевидно, болѣе внѣшняя, кажущаяся и повела его даже къ отверженію основного положенія его учителя. Но во многихъ другихъ случаяхъ зависимость нашего автора отъ предшествовавшихъ трудовъ идетъ дальше и вліяніе на него С. М. Соловьева сказывается яснѣе и яснѣе.

При всемъ богатствѣ своего знанія, при всей строгости своихъ научныхъ пріемовъ, авторъ во многихъ мѣстахъ явно становится на сторону большинства писателей, и тутъ-то во всей ясности сказывается важность того, что авторъ мало придаетъ значенія субъективности и упускаетъ изъ виду тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ вольно или невольно смотрѣло это большинство, хотя рядомъ съ этимъ большинствомъ стоитъ недавнее, еще не окрѣпшее меньшинство, далеко иначе освѣщающее важнѣйшія явленія нашей исторической жизни. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о нашемъ русскомъ вѣчѣ. Большинство изслѣдователей прежняго времени настроены были мало видѣть и мало цѣнить эту форму нашей жизни и расположены были противопоставлять ей личную власть старшаго въ родѣ, власть князя. Освѣщеніе вѣча въ дѣйствительномъ его видѣ—дѣло недавнее и выражается въ весьма немногихъ книгахъ—въ соч. Ив. Дм. Бѣляева и В. И. Сергѣевича. Нашъ авторъ становится на сторону первыхъ изслѣдователей и съ сомнѣніями относится къ послѣднимъ, хотя слишкомъ ощутительно, что правда на сторонѣ послѣднихъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ сопоставить лишь немногія мѣста книги автора, именно, сужденія его о значеніи вѣча и власти князя.

Въ статьѣ о вѣчахъ за время уже князей, авторъ говоритъ: „Подлѣ князя по исконному славянскому обычаю стояло вѣче: новгородцы бо изначала, смольняне и кыяне и полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ, говоритъ лѣтописецъ. Извѣстія лѣтописей вполнѣ подтверждаютъ эти слова: дѣйствительно упоминаніе о вѣчахъ встрѣчается во всѣхъ русскихъ го-

родахъ" [1]). Всякому знающему исторію этого вопроса очевидно, что этими словами авторъ признаетъ всю силу изысканій Ив. Дм. Бѣляева, В. И. Сергѣевича, и естественно было бы ожидать, что онъ покажетъ, какъ развивалась вѣчевая форма, какъ она изъ городской дѣлалась въ полномъ смыслѣ областною, далѣе, обнимала иногда нѣсколько областей, и наконецъ при Владимірѣ Мономахѣ явилась попытка собрать общерусское вѣче. Съ другой стороны, можно было ожидать, что авторъ займется исторіей внутренняго развитія вѣча, — развитія порядка дѣлъ, органовъ его дѣятельности, что отчасти уже было раскрыто въ то время, когда авторъ оканчивалъ свою книгу, и что автору было извѣстно [2]). Но нашъ авторъ рѣшительно уклонился отъ этого рода изысканій. На особенное развитіе вѣча въ Новгородѣ онъ смотритъ, какъ на счастливое исключеніе,— на такое явленіе, которое „въ другихъ княжествахъ мы видимъ только въ зародышѣ, въ первоначальной формѣ" [3]). Самую повсемѣстность вѣча авторъ подрываетъ замѣчаніемъ о сводѣ вѣчевыхъ пунктовъ, сдѣланномъ В. И. Сергѣевичемъ, что „можетъ быть иногда мятежное скопище напрасно принято за вѣче" [4]). Наконецъ авторъ даетъ общее мнѣніе о значеніи у насъ вѣча. „Въ послѣднее время, говоритъ онъ, поднятъ вопросъ о томъ, всегда ли вѣче было органомъ верховной политической власти народа. Вопросъ этотъ едвали могъ существовать при болѣе внимательномъ взглядѣ на жизнь древней Руси: если бы жизнь эта отливалась въ формы юридически правильныя, то могъ бы еще быть вопросъ о значеніи каждой изъ этихъ формъ, а такъ какъ жизнь эта отличается отсутствіемъ такой правильности, то слѣдовательно мы не можемъ и приступать къ ея изученію съ понятіями, заимствованными изъ жизни народовъ, развитыхъ иначе и по другой мѣркѣ" [5]). Мы видимъ, что въ основѣ этого отзыва автора лежитъ мнѣніе Погодина объ отсутствіи у насъ опредѣленности внѣшнихъ юридическихъ формъ,— мнѣніе, которое развивали и славянофилы, и западники, тѣ и другіе съ своей точки зрѣнія. Приведенныя слова нашего автора, объ исконномъ у славянъ обычаѣ имѣть вѣча, могутъ располагать думать, что нашъ авторъ въ этомъ вопросѣ примыкаетъ къ

[1]) Стр. 205. [2]) Стр. 331, примѣч. 1, упом. статью Никитскаго. [3]) Стр. 331. [4]) Стр. 205, примѣч. 2. [5]) Стр. 205—6.

славянофиламъ, но въ дѣйствительности это далеко не такъ. Въ той же главѣ—о вѣчѣ, нѣсколько ниже, авторъ говоритъ: „Вѣче представляетъ собою самую первоначальную форму участія граждань въ дѣлахъ политическихъ... формъ для собранія вѣча не было никакихъ"... и только одну черту организаціи авторъ видитъ въ вѣчахъ, что на основаніи одного лѣтописнаго извѣстія (и то можно сказать, очень ненадежнаго) [1]) можно „думать, что право говорить принадлежало только домовладыкамъ" [2]). Эти сужденія уже совсѣмъ не славянофильскія, и въ этомъ еще больше можно убѣдиться, если посмотрѣть, какъ авторъ судитъ о значеніи власти княжеской и отношеніи ея къ общинамъ. „...Съ утвержденіемъ варяжскихъ князей, говоритъ авторъ въ главѣ о состояніи русскаго общества при варяжскихъ князьяхъ, начинается новый періодъ не только во внѣшней исторіи Россіи, но и во внутреннемъ развитіи населяющихъ ея племенъ: до тѣхъ поръ ихъ интересы были разрознены: родъ вставалъ на родъ и не было правды, т. е. не было ни такого установленія, ни такихъ началъ, которыми могла быть рѣшена междуплеменная распря безъ обращенія къ послѣднему средству—суду божію, т. е. войнѣ. Теперь явилось такое установленіе въ лицѣ князя. Князь стоялъ выше всѣхъ племенныхъ распрей: онъ не принадлежалъ ни одному племени въ частности, а былъ княземъ всей русской земли. Эта центральность его положенія создавалась, конечно, не сознаніемъ государственнаго значенія его власти, а съ одной стороны практической необходимостію имѣть посредникомъ постороннее лицо, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что князь самъ, предводитель дружины, стоялъ внѣ каждаго изъ племенъ въ отдѣльности, внѣ всякихъ связей съ отдѣльными общинами. Эта отдѣльность князя особенно сильно чувствуется въ первое время, когда самая дружина набиралась болѣе изъ пришельцевъ. Самъ князь болѣе связывалъ себя съ дружиной, чѣмъ съ землею" [3]).

Здѣсь есть слабое отраженіе мнѣній славянофильскихъ, какъ третейское положеніе князя, отдѣльность отъ земли его власти; но гораздо яснѣе и рѣшительнѣе отраженіе мнѣній Соловьева, даже почти буквальное повтореніе его взгляда на значеніе при-

---

[1]) Не можемъ на Володимерово племя руки взняти; а на Ольговичъ, хотя и съ дѣтьми (П. С. Л. II, 31). [2]) Стр. 206. [3]) Стр. 108.

званія князей. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь уже такъ сказать, три субъективности — Соловьева, славянофиловъ и самого автора; впрочемъ, двѣ послѣднія находятся въ большомъ согласіи, и чѣмъ дальше авторъ подвигается въ своемъ разсказѣ о русскихъ дѣлахъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе онѣ сказываются, — сказывается именно преобладающее вниманіе автора къ явленіямъ нашей государственности сравнительно съ явленіями внутренняго быта, вопреки программѣ самого автора. Укажемъ на нѣсколько болѣе выдающихся случаевъ.

Исторія первыхъ временъ татарскаго ига представляетъ тотъ особенный интересъ, что тогда явственнѣе обозначилась внутренняя народная борьба русской свободы съ татарскимъ рабствомъ и постепенно развивавшаяся привычка къ этому рабству, сдѣлавшаяся затѣмъ нашимъ собственнымъ, внутреннимъ зломъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ особое значеніе подробное изученіе самаго татарскаго разгрома, изъ котораго видно, что предки наши вездѣ дорого продавали свою родную свободу, слѣдовательно, высоко цѣнили свою дотатарскую цивилизацію. Авторъ нашъ даетъ надлежащія свѣдѣнія о татарскомъ разгромѣ, но на указанной сторонѣ вопроса не останавливается.

Далѣе. Еще большій интересъ представляетъ слѣдующее. Послѣ татарскаго разгрома, когда громадное большинство лучшихъ людей, сознающихъ высшія задачи жизни, было перебито, и всѣ оставшіеся въ живыхъ неодолимо были направлены къ исключительной заботѣ о сохраненіи своей жизни и кускѣ хлѣба, весьма важно знать, были ли у насъ люди, которымъ трудно было подчиниться такому направленію, которые задумывали возвратить старую свободу, свергнуть татарское иго, и если были, то находили ли въ народѣ готовность стать съ ними за одно. Давно извѣстно, что такимъ героемъ былъ Даніилъ Галицкій, а въ послѣднее время, въ извѣстной намъ книгѣ Борзаковскаго, раскрыто, что рядомъ съ южнымъ княземъ Даніиломъ Галицкимъ стоялъ восточно-русскій князь — тверской Ярославъ Ярославичъ. Наконецъ извѣстно, что во второй половинѣ XIII вѣка происходили въ этомъ смыслѣ волненія противъ татаръ не только въ новгородской, но и въ ростовской и тверской областяхъ, что въ первой половинѣ XIV в. волненія этого же рода повторились въ тверской области, и въ дѣлахъ князей этой области какъ будто

обозначилось направленіе свергнуть татарское иго; такъ по крайней мѣрѣ думали татары, и подобный взглядъ считалъ обязательнымъ для всѣхъ русскихъ тверской князь Александръ Михаиловичъ. На историка естественно налагается обязанность съ особеннымъ вниманіемъ прослѣдить эти проблески старой русской свободы, такъ какъ въ нихъ можно усматривать мѣру историческаго роста русской цивилизаціи того времени, и такъ какъ потомки обязаны знать и цѣнить особеннымъ образомъ, когда и какъ предки оберегали свою свободу. Но нашъ авторъ или мелькомъ взглядываетъ на эти проблески или даже совсѣмъ проходитъ мимо ихъ, потому, конечно, что наша историческая литература прежняго времени мало этимъ занималась.

Наконецъ, упущеніе изъ виду того угла зрѣнія, подъ которымъ историки смотрятъ на событія, сказывается у автора съ самою большею очевидностію при оцѣнкѣ явленій, способствовавшихъ объединенію Руси подъ московскимъ единодержавіемъ. Объединеніе это такъ много имѣетъ для себя оправданій въ предшествовавшихъ ему и послѣдующихъ за нимъ обстоятельствахъ, что въ настоящее время не нужно ни для науки, ни для общества съ особенною заботливостью доказывать это, и пора уже приложить къ нему всю строгость пріемовъ науки и правилъ развитаго, здороваго общества. Это, впрочемъ, уже дѣлалось, какъ мы знаемъ, и прежде. Карамзинъ, какъ намъ извѣстно, вообще очень высоко держалъ это знамя и только при оцѣнкѣ Іоанна III неожиданно понизилъ его. Славянофилы же никогда не дѣлаютъ такой уступки. Никакой блескъ личныхъ качествъ историческихъ дѣятелей, никакая слава народныхъ дѣлъ не способны заслонить передъ ними высшихъ требованій нравственности, правды. Это яснѣе всего видно въ ихъ сужденіяхъ объ Іоаннѣ IV. Онъ первый земскій царь, но онъ тиранъ. Въ настоящее время требовательность эта должна идти дальше. Пора сознать, что московское объединеніе Руси сопровождалось страшною неразборчивостію въ средствахъ и не малымъ развращеніемъ русскаго общества, что та дивная гармонія доблести и смиреннаго, для блага народа, признанія неодолимой силы татаръ, какая сказалась въ дѣлахъ Александра Невскаго, у московскихъ князей рѣже всего встрѣчалась и замѣнялась черствымъ служеніемъ практическимъ интересамъ. Къ удивленію, эта послѣдняя точка зрѣнія на историческія явленія,

это поклоненіе черствымъ, практическимъ интересамъ тверже и тверже стали установляться въ нашей наукѣ, — въ сочиненіяхъ нашихъ западниковъ, особенно у юристовъ и послѣдователей родового быта, выдвигающихъ принципъ государственности даже выше правды и нравственности. Эта-то точка зрѣнія не разъ обозначается и въ трудѣ К. Н. Бестужева-Рюмина. Такъ у него московскій князь Юрій Даниловичъ, котораго трудно отличить отъ коварнаго и кровожаднаго татарина, называется знаменитымъ противникомъ князей тверскихъ; Иванъ Калита — достойнымъ преемникомъ своего брата Юрія, и все это въ смыслѣ хорошемъ. Впрочемъ, разсказъ автора, напримѣръ о Калитѣ, таковъ, что трудно уяснить, что хочетъ авторъ сказать, — похвалу или дать понять, что дѣла дѣлались нехорошо. Вотъ его слова: „Въ 1327 г. представился наконецъ Ивану Даниловичу случай сдѣлаться в. княземъ: Александръ (Михайловичъ, тверской) избилъ въ Твери татаръ; Узбекъ поручилъ Ивану Даниловичу вмѣстѣ съ татарскими войсками наказать непокорныхъ. Тверь и вся ея волость были опустошены татарами; Новгородъ заплатилъ окупъ, рязанскій князь былъ убитъ, „точію соблюде и заступи Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину отъ плѣненія и кровопролитія татарскаго“, простодушно прибавляетъ лѣтописецъ. Съ донесеніемъ о своемъ успѣхѣ поѣхалъ Иванъ Даниловичъ въ орду и вывезъ оттуда ярлыкъ на великое княженіе“. Затѣмъ авторъ приводитъ лѣтописное извѣстіе, что послѣ того 40 лѣтъ было мирно отъ татаръ въ русской землѣ, и продолжаетъ: „Александръ ушелъ во Псковъ; чтобы принудить псковичей выдать Александра, уговорили митрополита Ѳеогноста затворить церкви во Псковѣ. Средство подѣйствовало“.

Наконецъ, авторъ разсказываетъ о временномъ успѣхѣ Александра и далѣе объ его гибели въ ордѣ. Авторъ допускаетъ, что гибель эта послѣдовала не безъ участія Іоанна Калиты, что совершенно вѣрно, и самъ авторъ, хотя не указываетъ на софійскую лѣтопись, которая прямо объ этомъ говоритъ [1]), но знаетъ это свидѣтельство. Непонятнымъ становится, почему авторъ оставилъ въ сторонѣ великой важности дѣло, именно: сознаніе тѣхъ русскихъ современниковъ этихъ событій, которые записали въ

[1]) Софійск. I, полн. сборн. лѣтоп. т. V, стр. 221.

лѣтописяхъ и рѣчи Александра Михайловича тверскаго, что русскимъ князьямъ слѣдовало бы не истреблять другъ друга, а вмѣстѣ дѣйствовать противъ татаръ, и явное осужденіе Калиты за смерть этого тверскаго князя [1]).

Недоумѣніе это, впрочемъ, разъясняется въ дальнѣйшемъ разсказѣ, изъ котораго видно, что авторъ расположенъ поклоняться успѣху въ политической сферѣ и не прилагать къ нему нравственной мѣрки. Послѣ смерти Василія Дмитровича, начался, какъ извѣстно, длинный, печальный споръ о правѣ на московскій престолъ, — споръ между вторымъ сыномъ Донского Юріемъ Дмитровичемъ и сыномъ умершаго князя Василія Дмитровича — Василіемъ Васильевичемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Темнаго. Въ 1431 г. спорившіе князья рѣшились отдать свое дѣло на судъ хана и оба поѣхали въ орду. „Въ орду, говоритъ авторъ, Василія Васильевича сопровождалъ умный бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій (потомокъ смоленскихъ князей). Этотъ бояринъ, склонивъ на свою сторону разныхъ ордынскихъ вельможъ, очень умно поставилъ вопросъ передъ ханомъ Улу-Махметомъ: Государь волный царю! сказалъ онъ, ослободи молвить къ тебѣ мнѣ холопу великаго князя. Нашъ государь великій князь Василій Васильевичъ ищетъ стола своего великаго княженя, а твоего улусу по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ (опись, реестръ) и ярлыкомъ, а се твое жалованье предъ тобою; а господинъ нашъ князь Юрьи Дмитріевичъ, дядя его хочетъ взять великое княженіе по умертвыи и грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованію волнаго царя“. Дѣло было, разумѣется, выиграно“ [2]). Авторъ называетъ Всеволожскаго умнымъ бояриномъ, его рѣчь умною рѣчью, хотя болѣе существенный признакъ тутъ не умъ, а развращающее униженіе, и тѣмъ сильнѣе дѣйствовало оно, что услуга Всеволожскаго не была безкорыстна, а связана была съ обѣщаніемъ князя жениться на его дочери, и когда обѣщаніе не было исполнено, Всеволожскій уѣхалъ къ Юрію и поддерживалъ въ

---

[1]) Слова князя Александра къ князьямъ собравшимся противъ него: „вамъ же лѣпо было другъ за друга и братъ за брата стояти, а татарамъ не выдавати, но противлятися за нихъ за одинъ и за русскую землю и за православное христіанство стояти; вы же супротивное творили, и татаръ наводите на христіанъ и братію свою предаете татарамъ“. Никон. лѣт. т. 3, 151 — 3; см. также ниже, на стр. 490, примѣчаніе. [2]) Стр. 410.

немъ вражду въ племяннику. Строгая оцѣнка дѣйствій тутъ была тѣмъ болѣе нужна, что то время преставляетъ намъ поразительные примѣры нарушенія связей родства, клятвы; даже доблесть оказывалась ничего незначащею. И все это совершалось на глазахъ у всѣхъ и записывалось лѣтописцами съ спокойствіемъ, имъ однимъ свойственнымъ. Но и изъ среды смиренныхъ иноковъ, бывшихъ главными записывателями этихъ событій, вырвалось однажды наружу чувство, возмущенное этими дѣлами. Этотъ человѣкъ и иночествомъ не очистился отъ крови, сказалъ Пафнутій Боровскій своимъ ученикамъ, когда пришелъ къ нему сдѣлавшійся инокомъ отравитель Димитрія Шемяки[1]). Если мы имѣемъ хотя нѣкоторое освѣщеніе дурныхъ дѣлъ отъ историческихъ свидѣтелей тѣхъ временъ, то тѣмъ болѣе нужно современное, наше освѣщеніе фактовъ, иначе исторія не будетъ выполнять той существенной задачи, которую ей указываетъ и нашъ авторъ — развивать народное самосознаніе.

По этимъ выпискамъ уже можно судить, что нашъ авторъ въ концѣ концовъ обнаружилъ въ себѣ послѣдователя С. Мих. Соловьева во взглядѣ на историческое развитіе нашей государственности. Въ одной изъ своихъ рѣчей, сказанной въ бывшемъ славянскомъ комитетѣ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ высказался по этому вопросу еще яснѣе. Онъ сравнилъ Іоанна IV съ Петромъ Великимъ. Оба они, по его мнѣнію, стремились къ одному и тому же, но одинъ не имѣлъ успѣха, а другой имѣлъ его.

Въ послѣднее однако время авторъ Русской исторіи болѣе и болѣе сближается съ славянофилами. Такъ, въ рѣчи своей, сказанной 8 сент. 1880 г. въ трехсотлѣтнюю годовщину Куликовской битвы, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ указалъ на одну совершенно самобытную черту нашихъ предковъ, рѣзко отдѣляющую ихъ отъ западной Европы,—ту именно, что они увѣковѣчивали память о славныхъ событіяхъ не монументами, а храмами. Въ этой же рѣчи, какъ и въ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ статьяхъ— О колонизаціи русской, онъ выдвигаетъ необыкновенныя качества и историческія заслуги великорусскаго племени. Намъ уже извѣстно, что авторъ исправилъ свою ошибку и по отношенію къ образованнымъ людямъ русскимъ. Въ большомъ своемъ изслѣдо-

[1]) Филар. Жит. св. м. май., стр. 14 — 15.

ваніи о Татищевѣ онъ ослабляетъ свое мнѣніе о началѣ научности въ нашей наукѣ отъ нѣмцевъ и воздаетъ должное Татищеву.

Какое бы однако ни избиралъ себѣ мѣсто нашъ авторъ между послѣдователями родового быта и славянофилами, между объективистами и субъективистами, нѣтъ никакого сомнѣнія, что его труды по русской исторіи большой вкладъ, къ которому отнесется съ глубокимъ уваженіемъ всякій, серьезно занимающійся русской исторіей.

Е. Е. Замысловскій. Подлѣ К. Н. Бестужева-Рюмина нужно поставить другого профессора по русской исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, Е. Е. Замысловскаго. Намъ извѣстенъ историческій атласъ Россіи, составленный авторомъ, а также новѣйшій его трудъ о Герберштейнѣ. Въ томъ и другомъ трудѣ есть сводъ свѣдѣній и о древнѣйшихъ временахъ славяно-русскихъ, но главная и большая масса этихъ свѣдѣній касается историческаго роста московскаго государства. Е. Е. Замысловскій давно и занимается по преимуществу московскими временами, особенно въ области рукописныхъ богатствъ для исторіи этихъ временъ. Объ этихъ занятіяхъ можно судить по сочиненію Е. Е. Замысловскаго, составляющему, очевидно, начало большаго труда — Царствованіе Θеодора Алексѣевича. Ч. 1. Введеніе. Обзоръ источниковъ (1871 г.). Сочиненіе это представляетъ полное и тщательное обозрѣніе источниковъ для этого предмета, но показываетъ также, что авторъ подвергъ изслѣдованію весь XVII вѣкъ. Замѣчательно, что это изслѣдованіе привело автора къ признанію болѣе прочной связи событій этого вѣка съ событіями XVIII, нежели какая указывается С. М. Соловьевымъ, а это, въ свою очередь, сблизило автора, какъ и К. Н. Бестужева-Рюмина, съ воззрѣніями такъ называемыхъ славянофиловъ, что онъ и самъ признаетъ [1]).

Изучая новые запросы научности, поставленные въ этихъ сочиненіяхъ, особенно въ исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина, естественно думать, что они вліяютъ на молодыхъ ученыхъ, что есть сочиненія, вызванныя этими новыми запросами. Въ настоящее время это еще довольно трудно замѣтить. Есть, впрочемъ, два сочиненія,—ученыя диссертаціи, защищавшіяся въ здѣшнемъ уни-

---

1) Введеніе, стр. 041.

верситетѣ, въ которыхъ можно находить отраженіе пріемовъ и воззрѣній К. Н. Бестужева-Рюмина.

Это, во-первыхъ, не разъ упоминаемая нами Исторія тверскаго княжества Борзаковскаго, изд. въ 1876 г.

Въ этомъ сочиненіи — замѣчательно полное собраніе свѣдѣній не только изъ внѣшней исторіи тверскаго княжества, — его политической судьбы, но также изъ внутренней исторіи. Особенно важны въ этомъ отношеніи первая и послѣдняя главы. Первая глава выясняетъ первоначальную колонизацію тверской области — главнымъ образомъ изъ новгородской и смоленской областей [1]), чѣмъ, вѣроятно, нужно объяснять весьма частыя сношенія и связи Твери съ Новгородомъ и съ Литвой; затѣмъ выясняются этнографическія отношенія русскаго населенія къ финскому, причемъ тщательно изучаются топографическія названія. Въ послѣдней главѣ разсматривается управленіе и составъ общества въ тверскомъ княжествѣ, причемъ много выясняется осѣданіе дружинниковъ, а также положеніе черныхъ людей, закладней. Съ фактической стороны, это одна изъ самыхъ богатыхъ книгъ. Но что касается началъ тверской жизни, направленія событій, то авторъ, кажется, самъ считалъ это для себя дѣломъ совершенно постороннимъ. Онъ и начинаетъ и оканчиваетъ свое сочиненіе фактическимъ изложеніемъ безъ всякаго предувѣдомленія и безъ всякаго окончательнаго вывода, — начинаетъ вопросомъ, какой народъ жилъ въ Россіи и въ частности въ тверской области въ древнѣйшія времена, и оканчиваетъ опредѣленіемъ цѣнности тверской гривны!

Въ изложеніи внѣшней исторіи тверскаго княжества нѣсколько пробиваются наружу тенденціи автора. Онъ показываетъ несостоятельность тверскаго княжества въ борьбѣ съ Москвой. Онъ даже отвергаетъ мнѣніе, что въ средѣ тверскихъ князей была мысль о борьбѣ съ татарами, и не придаетъ значенія дѣламъ Александра Михайловича тверского [2]). Говоря о послѣднихъ тверскихъ князьяхъ и останавливаясь на томъ, что современникъ

---

[1]) Стр. 6 — 7. [2]) Стр. 120 — 125. Авторъ отдаетъ предпочтеніе передъ всѣми другими лѣтописями лѣтописному тверскому сборнику, составленному въ XV ст. Авторъ не даетъ также вѣры и тѣмъ лѣтописямъ (никон. и у Татищ., а также отчасти софійск. и воскрес.), въ которыхъ осуждается походъ противъ Александра Михайловича князей и приводится рѣчь Александра. Стр. 254—6.

Василія Темнаго тверской князь Борисъ Александровичъ не воспользовался смутами въ московскомъ княжествѣ, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Какъ весь народъ сжился съ тою мыслію, что великими князьями всея Руси могутъ быть только собственно московскіе князья, а не галицкіе или какіе бы то ни было другіе, такъ точно на основаніи того же взгляда и тверской князь не добивается чести быть великимъ княземъ“ [1]). Это совершенно вѣрно и тѣмъ болѣе естественно, что Москва тогда слишкомъ ясно заявила свое нежеланіе имѣть чужого князя у себя или надъ собою. Понятно также, что послѣдній тверской князь Михаилъ Борисовичъ увидѣлъ, по словамъ автора, свое изнеможеніе передъ Москвой и бѣжалъ въ Литву. Но при всемъ томъ тверское княжество имѣетъ особое и весьма важное значеніе въ общемъ теченіи нашей исторической жизни, даже въ смыслѣ историческаго сохраненія внутренняго единства Россіи. Послѣ татарскаго разгрома южная Русь отрывается отъ восточной, но тверская область сохраняетъ съ нею связь. Ея князь — Ярославъ Ярославичъ — родственникъ Даніила галицкаго [2]), раздѣляетъ даже его планы бороться съ татарами [3]). И, конечно, не онъ одинъ въ Твери лелѣялъ эти мечты. Тверичи и вмѣстѣ съ жителями другихъ областей, и сами особо поднимаются противъ татаръ [4]). Все это, какъ и планы Даніила, кончается неудачей, бѣдствіями, но для русскаго народнаго сознанія это были важныя дѣла, поддерживали старый духъ народа и не даромъ записаны въ лѣтописяхъ. Эти дѣла, напоминающія старую до-татарскую русскую жизнь, еще болѣе закрѣпляютъ связи Твери и съ западной Россіей — Литвой, и съ Новгородомъ и съ Псковомъ. Тверь не удерживается на высотѣ своего призванія — напоминать эти старыя времена и порядки до-татарской Руси; Тверь втягивается въ водоворотъ княжескихъ честолюбій, наконецъ даже въ дружбу съ татарами, и это должно было еще больше толкать московскихъ князей въ сторону татаръ; Тверь даже становится орудіемъ Литвы и, что еще важнѣе, вредитъ Москвѣ передъ величайшимъ русскимъ дѣломъ — борьбою съ татарами на Куликовскомъ полѣ, что̀ возбуждаетъ

[1]) Почему-то это мѣсто у автора стоитъ между скобками. [2]) Братъ его Андрей былъ женатъ на дочери Даніила галицкаго. [3]) Стр. 70—72. [4]) Съ Ярославомъ изъ Твери бѣжали и его бояре. Борз., стр. 72.

всеобщее въ Россіи негодованіе въ 1374 г.; но даже и въ это время сказывалась историческая служба Твери. Благодаря родству ея князей съ литовскими и привычкѣ русскихъ изъ Литвы дѣйствовать заодно съ русскими восточной Россіи, на Куликовскомъ полѣ были и литовскіе князья съ отрядами, и знаменитый вождь Боброкъ Волынецъ. Въ виду такой сложности событій, очевидно, нужно очень внимательно взвѣшивать зло и добро, выразившіяся въ исторіи тверскаго княжества.

Во вторыхъ, съ подобнымъ преобладаніемъ фактической стороны, но съ болѣе яснымъ направленіемъ написано другое сочиненіе, на которомъ можно видѣть вліяніе К. Н. Бестужева-Рюмина. Это—О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка, М. Бережкова изд. въ 1879 г.

Авторъ съ такимъ-же трудолюбіемъ, какъ г. Борзаковскій, собралъ богатые матеріалы для уясненія своего предмета, что представляло, между прочимъ, ту особенную трудность, что приходилось разбирать много памятниковъ на старо-нѣмецкомъ языкѣ. Къ этому авторъ присоединилъ изученіе всего важнѣйшаго, что написано у нѣмцевъ и у насъ по его предмету, и изложилъ свою оцѣнку этого въ предисловіи, которое составляетъ хорошую литературу предмета.

Затѣмъ въ первой главѣ авторъ даетъ изслѣдованіе о древнѣйшей торговлѣ вообще въ Россіи, причемъ особенное вниманіе обращаетъ на арабскую торговлю, которой пути раскрыты археологіей посредствомъ найденныхъ кладовъ. Арабскія монеты въ кладахъ идутъ черезъ Россію до балтійскаго моря и затѣмъ по его побережіямъ, особенно южному и далѣе черезъ Данію до Англіи. По времени они доходятъ до VII вѣка.

Автору предстояло идти встрѣчнымъ путемъ, по которому разсыпаны англосаксонскія и нѣмецкія деньги, и показать какія торговыя сношенія съ запада завязывались съ нашимъ сѣверо-западомъ и главнымъ образомъ съ Новгородомъ. На этомъ пути авторъ долженъ былъ разсмотрѣть дѣла славянскаго балтійскаго побережья и уяснить, не тамъ ли начались эти сношенія и не славяне ли балтійскіе дали начало извѣстной нѣмецкой Ганзѣ, ганзейскому союзу? Авторъ усвоиваетъ мнѣніе нѣмецкихъ людей, что балтійскіе славяне больше занимались на балтійскомъ морѣ пиратствомъ, чѣмъ торговлею, и что прочныя торговыя сношенія

установили съ нами лишь нѣмцы[1]). Что же касается славянскаго происхожденія ганзейскаго союза, то онъ рѣшительно отвергаетъ это мнѣніе[2]).

Германское начало прочныхъ торговыхъ сношеній съ нами повело къ признанію германскимъ (сначала готскимъ, потомъ нѣмецкимъ[3]) и пункта, ближайшаго къ намъ на балтійскимъ морѣ, Готланда[4]), несмотря на то, что славянское населеніе оставило тамъ свои слѣды даже въ названіи рѣки—Волжицы. Авторъ пошелъ и дальше по тому же пути[5]). Правда, онъ отвергаетъ нѣмецкое мнѣніе о культурномъ вліяніи на Россію ганзейской торговли[6]), но принимаетъ мнѣніе, что эта торговля „возбуждала по всей новгородской землѣ живое промышленное движеніе“ [7]). Въ дѣйствительности было иначе.

Археологія, географія и отчасти филологія открываютъ намъ, что въ древности было живое славянское общеніе между Новгородомъ и балтійскими славянами. Но съ усиленіемъ нѣмецкаго господства на южномъ балтійскомъ побережіи славянскія сношенія съ нами замѣняются нѣмецкими. Постепенно при этомъ прямыя сношенія Новгорода съ этой страной замѣняются нѣмецкимъ посредничествомъ на Готландѣ, затѣмъ въ самомъ Новгородѣ. Словомъ, заморская торговля новгородцевъ болѣе и болѣе переходитъ въ руки нѣмцевъ, чего не отвергаетъ и нашъ авторъ. Но онъ не хочетъ видѣть того, что вслѣдствіе именно этого стѣсненія, а не иного какого либо положительнаго возбужденія новгородская предпріимчивость стала направляться на сѣверо-востокъ. Упадокъ торговли новгородской на западѣ и усиленіе на востокѣ находятся, какъ видимъ, не въ той причинной связи, какую усматриваетъ нашъ авторъ. Независимо отъ этой неправильной постановки главнѣйшаго вопроса, у автора находится много тщательно собранныхъ фактовъ для уясненія исторіи нѣмецкихъ дворовъ на Готландѣ, въ Новгородѣ и для уясненія торговыхъ, правовыхъ и бытовыхъ отношеній между нѣмцами и новгородцами.

---

[1]) Стр. 51. [2]) Стр. 48 — 9. [3]) Стр. 55 — 7. Договоръ Любека съ Висби — въ 1163 г. (стр. 55). Къ началу XIII вѣка нѣмцы съ готами равноправны (стр. 57). [4]) Стр. 54 — 5. [5]) Между прочимъ, онъ отстаиваетъ и норманское происхожденіе нашихъ князей. Стр. 50. [6]) VIII. [7]) VII. Въ Новгородѣ готландская колонія въ половинѣ XII в. (стр. 58). Во второй половинѣ—дворы готскій и нѣмецкій (стр. 61). Начало ганзейскаго союза съ XIII в. (стр. 128). Договоръ съ Новгородомъ съ 1270 г.

Въ сочиненіи г. Бережкова подробно разобраны такъ называемыя скры, т. е. правила внутренняго управленія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ и договорныя грамоты ганзейскаго союза съ Новгородомъ. Кромѣ сношеній между нѣмцами и Новгородомъ авторъ разсматриваетъ нашу иностранную торговлю по западной Двинѣ и значеніе торговыхъ пунктовъ Полоцка и Смоленска. Наконецъ. онъ излагаетъ торговыя сношенія новгородскихъ и ливонскихъ нѣмцевъ съ московскимъ правительствомъ до закрытія нѣмецкаго двора въ Новгородѣ при Іоаннѣ III, въ 1494—5 г.

Г. Бережковъ въ своемъ сочиненіи ссылается на подобное соч. Аристова—Промышленность древней Руси, изд. въ 1866 г. Оно заключаетъ въ себѣ обозрѣніе промышленности всей Россіи до XV вѣка и расположено по предметамъ промышленности, какъ: 1. промышленность, удовлетворяющая потребности пищи и питья; 2. промышленность, касающаяся жилища, построекъ, орудій и удобствъ домашней жизни; 3. промышленность до одежды и обуви и 4. промышленность передаточная или сбытъ произведеній промышленности. Сочиненіе это обнимаетъ уже не только промышленное движеніе всей Россіи, но и домашній бытъ нашихъ предковъ. Къ обоимъ сочиненіямъ т. е. гг. Бережкова и Аристова приложены словари предметовъ, весьма полезные для справокъ.

Подобное собраніе свѣдѣній, но съ гораздо большею точностію, какъ мы знаемъ, находится во II-мъ томѣ исторіи Погодина. Для позднѣйшаго времени есть извѣстное уже намъ изслѣдованіе о торговлѣ Н. И. Костомарова—Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII в., изд. въ 1862 году. Авторъ, какъ обычно ему, самыми мрачными красками описываетъ скудость и забитость русской торговли того времени. Въ Исторіи, въ разсказѣ о митрополитѣ Филиппѣ II, въ которомъ авторъ, между прочимъ, описываетъ необыкновенное развитіе хозяйства и даже изобрѣтеній въ соловецкомъ монастырѣ, во время игуменства Филиппа, ему пришлось совсѣмъ иначе говорить о русской практичности и изобрѣтательности [1]).

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ вопросъ о деньгахъ и вѣсахъ. По этой части въ нашей литературѣ есть образцовое сочиненіе г. Прозоровскаго—Монета и вѣсъ въ

---

[1]) Русская исторія, вып. II, стр. 477—8.

Россіи до конца XVIII вѣка, изд. въ 1865 г. Авторъ избралъ особую систему для разъясненія самаго запутаннаго у насъ вопроса—о деньгахъ. Онъ старается изучить начала денежной системы,—опредѣлить отношеніе вѣса, пробы и цѣны денегъ и для этого идетъ отъ позднѣйшихъ временъ къ болѣе и болѣе старымъ временамъ.

Сочиненія по русской археологіи. Въ разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, особенно въ послѣднемъ, мы находимъ богатое собраніе особаго рода данныхъ нашей науки, съ которыми, впрочемъ, встрѣчались и прежде, — съ данными археологическими. Этого рода предметомъ давно у насъ стали заниматься [1]). Сначала эти занятія были дѣломъ любопытства и даже тщеславія. Съ этой точки зрѣнія отчасти смотрѣлъ на древности и Петръ I, приказывавшій собирать въ кунтскамеру въ Петербургѣ раритеты, но приказывавшій также собирать и списывать и древнія рукописи и охранять по мѣстамъ остатки древнихъ памятниковъ. Первый, высказавшій серьезное пониманіе значенія вещественныхъ памятниковъ былъ, какъ мы знаемъ, Татищевъ. Академія наукъ, куда Татищевъ представилъ свой проектъ изученія Россіи, между прочимъ и въ археологическомъ отношеніи, разослала его проектъ по областямъ правителямъ и канцеляріямъ (Татищевъ и его время Попова, стр. 439). Ненародное направленіе у насъ въ XVIII в. не могло давать серьезнаго практическаго осуществленія мысли Татищева. Нѣкоторое возбужденіе вниманія къ этого рода занятіямъ было при Екатеринѣ, перешедшее и въ настоящее столѣтіе. Вниманіе это направлялось главнымъ образомъ на инородческіе памятники. Академики путешествовали, особенно при Екатеринѣ, по азіатскимъ и вообще нашимъ сѣвернымъ окраинамъ, какъ Миллеръ, Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ и другіе [2]). Мусинъ-Пушкинъ, Румянцевъ, Московск. и Одесск. общ. исторіи и древностей первые дали русское направленіе этому изученію. Полякъ Чарноцкій, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Ходаковскаго, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія изучалъ и описывалъ такъ называемыя городища. Въ нихъ онъ видѣлъ языче-

[1]) X глава литературы нашей науки въ книгѣ К. Н. Бестужева-Рюмина, подъ заглавіемъ—Памятники вещественные—представляетъ прекрасно и подробно составленное обозрѣніе трудовъ археологическихъ. [2]) Бестуж.-Рюм., стр. 151; Вѣстн. Евр. 1884 г., кн. 5, 6 и 7.

скія святилища и кругомъ ихъ отыскивалъ опредѣленныя урочища, имѣвшія, по его мнѣнію, связь съ этими святилищами [1]). Въ новѣйшее время изученіемъ городищъ занимается Д. Я. Самоквасовъ, издавшій объ этомъ сочиненіе—Древніе города Россіи (1876) и доказывающій, что они имѣли военное значеніе. Ниже мы увидимъ, какъ расширилась археологическая задача автора и къ какимъ важнымъ выводамъ пришелъ онъ этимъ путемъ. Русское направленіе при императорѣ Николаѣ Павловичѣ и устраненіе общества отъ современныхъ вопросовъ вызвало особенное вниманіе къ нашимъ древностямъ, по преимуществу къ памятникамъ историческаго гражданскаго и еще болѣе церковнаго быта. Въ эти времена (1846 г.) учреждено и археологическое общество, дѣйствующее и въ настоящее время. Но самое сильное возбужденіе къ археологическимъ изысканіямъ послѣдовало въ прошедшее царствованіе въ тѣсной связи съ освобожденіемъ крестьянъ и развивавшимся народнымъ направленіемъ. Народныя представленія въ театрахъ, запросы на живописныя и пластическія изображенія изъ нашего историческаго прошедшаго и народнаго быта требовали археологическаго знанія. Даже промышленность стала обращаться къ археологіи. Стали появляться предметы домашняго обихода и украшенія въ русскомъ стилѣ; появились старинныя украшенія одежды, рисунки для вышиванія изъ нашего народнаго быта.

Наука должна была отвѣчать на эти запросы и тѣмъ спѣшнѣе идти своимъ путемъ. Появились описанія и изображенія памятниковъ русскихъ одеждъ, какъ изданія извѣстныхъ археологовъ: графа А. С. Уварова, Сонцова, Прохорова, П. Ив. Савваитова [2]). Устраивалась здѣсь въ Петербургѣ даже выставка археологическихъ предметовъ, устроенная тѣмъ-же Прохоровымъ (1871 г.).

---

[1]) О Ходаковск. Исторія русской жизни ч. I, стр. 532—4. [2]) Археологія Россіи—Каменный періодъ, гр. Уварова, два томъ, 1881 г.; Роспись древней русской утвари изъ царскаго и домашняго быта, А. П. Сонцова, три выпуска, М. 1857—58 г.; Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, В. Прохорова, Спб. 1881 г.; Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, съ объяснительнымъ указателемъ, Павла Савваитова, Спб. 1865 г. Съ археологіей въ тѣсномъ смыслѣ имѣютъ связь многочисленныя изданія снимковъ рукописей, какъ напримѣръ: Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки, архіепископа Саввы, М. 1863 г., и всѣ изданія Общества древней письменности.

Археологи стали еще болѣе группироваться, чтобы соединенными силами двигать дѣло. Въ 1864 г. въ Москвѣ основалось археологическое общество, и тамъ явилась мысль составлять археологическіе съѣзды, которыхъ до настоящаго времени было шесть (въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ, Одессѣ).

ГЛАВА XXI.

Вліяніе археологическихъ изысканій на дальнѣйшій ходъ историческихъ работъ.

Въ историческомъ, научномъ развитіи нашей археологіи ясно обозначилось въ новѣйшее время преобладающее стремленіе къ доисторическимъ временамъ. Это понятно. И географія и этнографія и особенно филологія, въ это новѣйшее время, направились къ тому, чтобы отодвинуть въ глубь древности предѣлы историческіе, дальше того времени, о которомъ говорятъ письменные памятники. Естественно, что по этому пути пошла и археологія.

Всѣ эти знанія въ новомъ ихъ направленіи произвели въ нашей наукѣ поворотъ къ изученію опять нашихъ древностей, въ частности къ новому переизслѣдованію варяжскаго вопроса и даже къ изложенію цѣлыхъ системъ русской исторіи съ новой точки зрѣнія.

Въ нашей академіи наукъ всегда были поборники норманскаго происхожденія нашей государственности, и намъ извѣстно, что эта теорія закрѣплена лучшими нашими историками—Карамзинымъ, Погодинымъ, Соловьевымъ. Утвердилось мнѣніе, что признавать эту теорію—дѣло науки, не признавать—ненаучно. Но въ первыхъ шестидесятыхъ годахъ (1862—63 г.) совершенно, повидимому, неожиданно явился сильный противникъ этого, казалось, неодолимаго мнѣнія,—противникъ, вооруженный громадною, чисто академическою научностію. Это—покойный директоръ эрмитажа и театровъ, С. Гедеоновъ, который своими Отрывками о варяжскомъ вопросѣ, напечатанными въ запискахъ академіи наукъ (1—3 №), смутилъ самыхъ ученыхъ защитниковъ норманства нашихъ призванныхъ князей и заставилъ отказаться отъ нѣкоторыхъ положеній, что прямо и заявилъ его оппонентъ, академикъ Куникъ.

Въ этой полемикѣ, между прочимъ, возникъ вопросъ о тен-

денціозности и вообще о достовѣрности разсказа нашей начальной лѣтописи о призваніи князей.

Два рѣшенія даны этому вопросу въ ближайшее за его появленіемъ время, а вмѣстѣ съ тѣмъ и даны два своеобразныя рѣшенія варяжскаго вопроса.

1. Въ 1872 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ появилось изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго, подъ заглавіемъ: О мнимомъ призваніи варяговъ. Въ изслѣдованіи этомъ авторъ воскрешаетъ теорію скептиковъ, отвергаетъ подлинность лѣтописнаго разсказа о призваніи князей, признаетъ это сказаніе басней и уничтожаетъ самое существованіе нашихъ князей до Игоря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ниспровергаетъ всѣ доводы норманистовъ—историческія и филологическія.

На мѣсто всего, что даютъ намъ лѣтописи о первыхъ временахъ нашей государственной жизни до Игоря, и вмѣсто всего, что выработали для уясненія этого періода норманисты, авторъ ставитъ полянъ—русь, какъ болѣе цивилизованное, господствующее племя, изъ котораго вышли и наши князья и выработалась наша государственность. Затѣмъ, авторъ сталъ уяснять историческую силу этого племени въ болѣе древнія времена и пришелъ къ выводу, что не только болгары, давшіе начало болгарскому государству, но и гунны были славяне. Эти свои изысканія авторъ издалъ въ 1876 г. въ особой книгѣ, подъ заглавіемъ—Розысканія о началѣ Руси, куда вошло и вышесказанное его изслѣдованіе о варягахъ [1]).

Въ основѣ этой оригинальной теоріи, явившейся у насъ, какъ метеоръ, подобно костомаровской теоріи о литовскомъ происхожденіи нашихъ первыхъ князей, лежитъ положеніе Гедеонова, что Русь, связанная у Нестора съ варягами, какъ пришлый элементъ, есть наше туземное населеніе, носившее это имя съ древнѣйшихъ временъ, съ которымъ соединились князья съ ихъ дружинами изъ балтійскихъ славянъ. Д. И. Иловайскій отбросилъ, какъ миѳъ, и славянство, и норманство варяговъ, и своеобразно развилъ мнѣніе о туземномъ происхожденіи Руси.

Въ нашей литературѣ недостаточно понято и оцѣнено дѣйствительное значеніе изысканій Д. И. Иловайскаго о началѣ Руси. Они поражали и поражаютъ ученыхъ двумя противоположными

[1]) Въ 1882 г. вышло второе изданіе этого изслѣдованія, въ которомъ прибавлены новыя изысканія автора о гуннахъ.

особенностями — отрицаніемъ чужого элемента (варяжскаго) въ образованіи нашей государственности и сліяніемъ нашего славянства съ чужими (болгарскимъ, гуннскимъ) элементами въ болѣе старыя времена. Но въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ни противоположности, ни странности. Надъ всѣми этими кажущимися противорѣчіями у автора возвышается стремленіе уяснить самобытное, русско-славянское начало и во времена варяжскія, и еще болѣе во времена древнѣйшія. Со многими положеніями автора нельзя согласиться; но нельзя не признать, что присутствіе русскаго славянства у черного и азовскаго моря въ VII и VI вв. и важное значеніе его въ V и IV вв. при гуннахъ разработаны авторомъ не мало и составляютъ положительное пріобрѣтеніе науки. Подобный положительный результатъ мы видѣли у скептиковъ, дошедшихъ путемъ своихъ отрицаній до балтійскихъ славянъ. Увидимъ подобный положительный результатъ и ниже, въ исторіи профессора Голубинскаго.

2. Мнѣніе Гедеонова и отчасти А. А. Куника о тенденціозности лѣтописнаго разсказа касательно призванія князей и мнѣніе Д. И. Иловайскаго о совершенной недостовѣрности этого разсказа, вызвали одного изъ усерднѣйшихъ тружениковъ по нашей наукѣ, Н. И. Ламбина, на тщательное изученіе лѣтописнаго разсказа о призваніи князей по всѣмъ имѣющимся спискамъ [1]). Авторъ пришелъ къ выводу, что это есть ничто иное, какъ вставленное въ лѣтопись донесеніе въ Константинополь изъ Кіева о переворотѣ, произведенномъ тамъ въ 882 г. Олегомъ, для ознакомленія съ которымъ сообщаются мелькомъ свѣдѣнія и о призваніи князей въ Новгородъ. Затѣмъ авторъ берется разъяснить самое призваніе князей и, отвергая, на основаніи Гедеонова, строго норманскую теорію, но не принимая и славянской теоріи, находитъ нѣчто среднее. Въ варягахъ онъ видитъ сборную морскую дружину, въ которую входили и чужіе и наши славяне, но въ которой былъ элементъ шведскій, откуда взято и самое слово варягъ (союзникъ, давшій клятву въ вѣрности); но такъ какъ финны шведовъ называютъ ротси, руотси (жители горъ), то къ намъ и перешло это двойное названіе морской дружины — шведское — варяги и финское — русь. Дружина эта, по автору, своими отдѣльными отрядами давно и много

[1]) Журналъ мин. нар. просв. за 1874 г., іюнь, іюль и августъ.

надоѣдала и финнамъ и нашимъ славянамъ новгородскимъ, и вызвала ихъ на то, что они обратились къ князьямъ этой дружины и ихъ призвали къ себѣ.

Соображенія автора о томъ, кто были варяги—русь и какъ происходило самое призваніе, составляютъ явно искусственный компромиссъ прежнихъ мнѣній и норманистовъ и ихъ противниковъ и никого не могутъ удовлетворить. Но его обработка лѣтописнаго текста—преврасный трудъ и можетъ служить образцомъ для подобныхъ работъ.

Всѣ эти попытки подвергнуть новому пересмотру вопросъ о призваніи князей вызвали особую мѣру со стороны нашей академіи наукъ. Хотя еще первые поборники норманской теоріи выдвигали, кромѣ европейскихъ, и восточныя, арабскія свидѣтельства, но послѣднія туго разрабатывались по малой доступности восточныхъ языковъ. Къ разсматриваемому времени, къ разъясненію этого дѣла, явилась новая помощь,—стали помогать наши ученые евреи. Такъ Д. А. Хвольсонъ издалъ съ комментаріями въ 1869 г. сказанія древняго арабскаго писателя—Ибнъ-Даста, а въ слѣдующемъ, 1870 г., другой ученый еврей, Гаркави, издалъ сводъ арабскихъ извѣстій, подъ заглавіемъ: Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ съ половины VII до X в. Въ этихъ изданіяхъ то и дѣло выступали руссы, какъ сильные многочисленные двигатели политическихъ и торговыхъ дѣлъ на востокѣ Европы. Это естественно могло подкрѣплять силу европейскихъ свидѣтельствъ о норманнахъ. Объединить и выставить значеніе обоего рода этихъ свидѣтельствъ—европейскихъ и азіатскихъ, и было задачей, выполненной въ нашей академіи наукъ. Извѣстный оріенталистъ, покойный Дорнъ, и извѣстный знатокъ историческихъ древностей, нынѣ здравствующій А. А. Куникъ,—оба академика соединились для защиты норманской теоріи, и въ 1875 году издали объемистую книгу, подъ заглавіемъ: Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на прибрежья каспійскаго моря. Изъ древнихъ походовъ разумѣются походы 880 г., 909—910 и 914 гг.

Изданіе это составляетъ сборникъ разнаго рода статей, замѣтокъ и ученыхъ указателей обоихъ ученыхъ касательно вопроса о норманскомъ происхожденіи нашей государственности, сборникъ,

изданный съ очевидною цѣлію освѣжить данныя для этого вопроса и уничтожить новѣйшія попытки поколебать нѣмецкое рѣшеніе его. Основная, однако, мысль сборника находится въ тѣсной связи съ мнѣніемъ Гедеонова о древнемъ туземномъ народѣ — русь и даже съ мнѣніемъ Иловайскаго о господственномъ племени полянъ — русь. Въ сборникѣ выясняется, въ противовѣсъ этому, господство норманновъ — руси на всемъ пространствѣ нашей страны, — господство, давшее имъ возможность предпринимать самые смѣлые походы и къ каспійскому морю и къ черному. Сборникъ этотъ очень трудно читать, но какъ справочная книга онъ очень полезенъ. Въ немъ сведены восточныя и западныя свидѣтельства по этому вопросу, и сведены съ необычайною научностію. Но что касается самого дѣла, то оно въ нашей наукѣ пошло не по этому пути.

Особенная эта мѣра со стороны нашихъ почтенныхъ академиковъ вызвала другую, разрушавшую при самомъ началѣ ея предполагаемое дѣйствіе. Извѣстный намъ Гедеоновъ въ слѣдующемъ, 1876 г., издалъ исправленное и дополненное свое изслѣдованіе о варяжскомъ вопросѣ подъ заглавіемъ: Варяги и Русь — два тома (печаталось въ той же академической типографіи, какъ и Каспій). Въ этомъ изслѣдованіи авторъ съ новою силою доказываетъ, что варяги не были норманны и что норманны не были русью, что русь составляла коренное наше населеніе, а варяги-князья и ихъ дружина призваны къ намъ изъ славянскаго балтійскаго побережья. Въ новоизданномъ своемъ изслѣдованіи авторъ выдвигаетъ новое доказательство — филологическое. Выходя изъ того положенія, что языкъ балтійскихъ славянъ, судя по сохранившимся остаткамъ, занималъ середину между польскимъ и чешскимъ, авторъ изъ этихъ послѣднихъ объясняетъ множество непонятныхъ для насъ, не встрѣчающихся потомъ словъ и выраженій въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, какъ Русская Правда, поученіе Мономаха, Слово о полку Игоря и друг. Противъ этого аргумента послѣдовали возраженія со стороны филологовъ, особенно профессоровъ Фортинскаго и Первольфа[1]). Возраженія утверждаются на томъ главномъ основаніи, что въ древности всѣ славянскія нарѣчія были близки между собою. Но для всякаго непредубѣжденнаго читателя, знакомаго съ нашими русскими па-

[1]) Журн. мин. нар. просв. за 1877 г. №№ 7 и 12.

мятниками, слишкомъ очевидно, что собранныя Гедеоновымъ данныя составляютъ особое наслоеніе въ указанныхъ имъ памятникахъ, очень большое, быстро потомъ изчезнувшее и несомнѣнно связанное больше всего съ западно-славянскими нарѣчіями. Одно уже слово пискупъ, вошедшее въ новгородское нарѣчіе, много говоритъ въ пользу мнѣнія Гедеонова.

1876 г. былъ особенно богатъ новою постановкой вопроса о нашихъ древностяхъ и вообще новыми пріемами при изученіи нашего прошедшаго. Кромѣ упомянутыхъ изслѣдованій Иловайскаго и Гедеонова въ этомъ году появились двѣ системы русской исторіи — обѣ въ разрѣзъ съ норманскою теоріей и обѣ подъ явнымъ вліяніемъ новѣйшихъ археологическихъ изысканій.

Одна изъ нихъ принадлежитъ тому же **Д. И. Иловайскому.** Въ 1876 году онъ издалъ первый томъ своей исторіи, обнимающій кіевскій періодъ нашей государственности, до паденія кіевскаго великаго княженія въ началѣ XIII вѣка, а въ 1880 г. издалъ второй томъ — владимірскій періодъ, до начала XIV вѣка. Во второмъ томѣ, впрочемъ, есть вещи, относящіяся къ первому періоду. Это собственно обозрѣніе внутренней исторіи всѣхъ областей Россіи, изъ которыхъ особенно выдвинулось суздальское княжество и которыя послѣ татарскаго разгрома распались на Русь сѣверовосточную и Русь югозападную.

Въ основѣ этой системы тотъ же взглядъ о господствѣ въ древней Руси племени полянъ, какой высказанъ авторомъ въ его изслѣдованіи о началѣ Руси. Племя это, по автору, даетъ о себѣ знать Византіи и восточнымъ странамъ Европы своими шумными походами; въ немъ возникаетъ русская княжеская династія, исторически начинающаяся съ Игоря; оно же разливаетъ по всей русской равнинѣ свою колонизаціонную и государственную объединительную силу. Источникъ этихъ дѣлъ и свойствъ авторъ находитъ въ самой природѣ славянъ — руси, въ даровитости, въ ихъ сильной впечатлительности, соединенной съ немалою выносливостію и способностію къ государственному строенію. При такомъ взглядѣ, очевидно, должна была выступить на первый планъ воинственность, дружинность восточно-русскихъ славянъ, особенно полянскаго племени.

Дружинность этихъ славянъ — руси группировалась въ многочисленныхъ городахъ, составлявшихъ, по автору, первоначаль-

ный видъ поселеній этихъ славянъ. Авторъ такимъ образомъ беретъ мысль Погодина о военномъ характерѣ русскихъ первоначальныхъ поселеній и развиваетъ ее на основаніи новыхъ археологическихъ данныхъ, добытыхъ раскопками и изученіемъ древнихъ нашихъ городищъ. Эту великую, дружинную силу, сосредоточивавшуюся въ городахъ, авторъ долженъ былъ въ государственное, княжеское время раздѣлить на двѣ части,—земскую городскую, съ вѣчемъ и княжескую дружинную, и первую изъ нихъ авторъ становитъ въ подчиненіе князю. Въ связи съ этой организаціей военныхъ силъ Руси авторъ ставитъ развитіе сельскихъ поселеній, которымъ теперь было безопаснѣе существовать и въ которыхъ однако и города и князья находили главную массу войска. Авторъ даетъ еще большее значеніе сельскимъ жителямъ. Онъ находитъ у нихъ земельныя общины, которымъ князья покровительствовали, въ видахъ болѣе удобнаго сношенія съ группами, чѣмъ съ каждымъ дворомъ. Яснѣе всего этотъ взглядъ автора на развитіе древняго строя русской жизни высказанъ имъ въ слѣдующемъ мѣстѣ втораго тома: „Когда русское племя, говоритъ онъ, посредствомъ собственныхъ дружинъ распространило свое господство въ восточной Европѣ и когда эти дружины объединили восточныхъ славянъ подъ властію одного княжескаго рода, естественно должны были уменьшаться и опасность отъ сосѣдей и взаимныя драки между славянскими племенами. Русь, съ одной стороны, обуздывала внѣшнихъ враговъ, которыхъ нерѣдко громила въ ихъ собственной землѣ; а съ другой стороны, княжеская власть запрещала въ своихъ владѣніяхъ драки, возникавшія изъ за обладанія полемъ, лѣсомъ, пастбищемъ, рыбною ловлею или изъ-за похищенныхъ женщинъ, а также нападеній съ цѣлію грабежа, добычи рабовъ и т. п.... Поэтому жители множества городовъ, вслѣдствіе большей чѣмъ прежде безопасности, могли постепенно разселяться по окрестнымъ мѣстамъ въ неукрѣпленныхъ хуторахъ и поселкахъ, чтобы удобнѣе заниматься сельскимъ хозяйствомъ; самые городки нерѣдко получали болѣе мирный характеръ, постепенно превращаясь въ открытыя селенія. Отсюда все болѣе и болѣе размножалось сельское населеніе, преданное земледѣлію и другимъ хозяйственнымъ занятіямъ“.....[1]) „По мѣрѣ размноженія

---

[1]) Т. II, стр. 303.

этого населенія, составлялись поземельныя общины, носившія разнообразныя названія: верви, волости, погоста и проч. Главною связью между селеніями, входившими въ составъ такой общины, служило общее пользованіе землей, а также совокупная уплата даней и оброковъ въ княжую казну"...[1]) У этихъ общинъ авторъ видитъ сходки, подобныя вѣчамъ городовъ. Въ этомъ случаѣ авторъ явно отступаетъ отъ родовой теоріи своего учителя С. М. Соловьева. Иначе, чѣмъ Соловьевъ, онъ представляетъ и усиленіе сѣверовосточной Руси. Кіевъ, по автору, сталъ слабымъ отъ накопившихся у него богатствъ и развитія изнѣженности нравовъ, своеволія [2]), тогда какъ сѣверо-восточная Русь крѣпла отъ защиты, какую власть давала колонистамъ, и отъ внутренней сплоченности общинъ, вызываемой уже самымъ поселеніемъ въ чужой, финской странѣ [3]).

Въ изложеніи историческихъ событій авторъ держится пріема, съ какимъ писалъ свои учебники, т. е. излагаетъ дѣло догматически, не любитъ часто дѣлать ссылки на источники, но за то въ немногихъ своихъ примѣчаніяхъ даетъ богатое содержаніе и чаще всего обстоятельную литературу вопроса.

Политическая исторія въ этомъ сочиненіи представляетъ прежде всего ту выдающуюся особенность, что въ ней оторвано начало нашей государственности до Игоря. Далѣе, въ сочиненіи этомъ весьма обстоятельно описаны русскія области въ топографическомъ и правительственномъ отношеніяхъ, а также русскіе города и въ частности русскіе памятники, особенно церковные. Наконецъ, весь разсказъ событій представляетъ замѣчательную стройность изложенія. Авторъ въ предисловіи къ первому тому своей исторіи ставитъ требованіе художественно излагать исторію и, очевидно, старается выполнить это требованіе. Мы лично усматриваемъ въ исторіи Д. И. Иловайскаго иную особенность. Авторъ, по нашему мнѣнію, обладаетъ замѣчательнымъ умѣніемъ угадывать потребности читателя видѣть событія въ надлежащемъ освѣщеніи, и удовлетворяетъ этимъ потребностямъ. Это умѣніе, безъ сомнѣнія, не мало выработано многолѣтнею работою автора надъ учебниками по русской и всеобщей исторіи, наблюденіями надъ результатами

---

[1]) Т. II, стр. 305—6. [2]) Т. II, стр. 14—15. [3]) Т. II, стр. 306—7.

этой работы. Теперь эти пріемы изложенія перенесены въ научную среду и перенесены самымъ счастливымъ образомъ.

И. Е. Забѣлинъ. Еще болѣе антинорманскою, если можно такъ выразиться, и еще болѣе археологическою нужно признать другую новѣйшую систему русской исторіи. Это — Исторія русской жизни — И. Е. Забѣлина.

Мы говорили, что новѣйшая постановка данныхъ географическихъ, этнографическихъ, филологическихъ и археологическихъ, раздвинула предѣлы историческаго знанія въ глубь древности, далѣе и полнѣе письменныхъ свидѣтельствъ. Передъ глазами археолога, вооруженнаго и другими вышеуказанными знаніями, письменныя свидѣтельства легко могутъ даже терять свое первостепенное значеніе и уступать мѣсто всѣмъ тѣмъ бытовымъ чертамъ, какія сохранились то въ землѣ, — въ курганахъ, городищахъ, то въ остаткахъ другихъ памятниковъ, то въ одеждахъ, утвари и обычаяхъ современныхъ людей.

Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія, И. Е. Забѣлинъ рѣшился написать исторію русской жизни, исторію бытовую, которой до настоящаго времени вышло два тома. Первый томъ вышелъ въ 1876 г., второй въ 1879 г. Авторъ точно опредѣляетъ свою задачу въ предисловіи къ первому тому. „Жизнь народа, говоритъ онъ, въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями (мы знаемъ, что подобная мысль высказана Лешковымъ и несомнѣнно предполагается во взглядѣ на исторію Данилевскаго), которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. Разработка исторіи стремится найти такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и общественномъ устройствѣ. Но мелочной повседневный частный бытъ точно также всегда складывается въ извѣстные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыя иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкіе круги народнаго быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смыслѣ, то для исторіи народной жизни они суть прямое и необходимое ея содержаніе. Раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи — вотъ по нашему мнѣнію, говоритъ авторъ, прямая задача для изслѣдователей народной жизни. Но само собою разумѣется, что допытаться до этихъ идей возможно только посредствомъ разнородныхъ и разнообразныхъ свидѣтельствъ са-

мой же исчезнувшей жизни. Здѣсь и представляется безпредѣльное, необозримое поле для изысканій, на которомъ въ добавокъ не все то воздѣлано, чего требуетъ именно исторія жизни“ [1]).

По этому то плану авторъ и написалъ два тома своей исторіи русской жизни. Она обнимаетъ время съ глубочайшей, чисто археологической древности и до смерти Ярослава I. И. Е. Забѣлинъ прежде всего даетъ понятіе о русской природѣ. Мы знаемъ, чт съ этого начинаетъ свою исторію и Соловьевъ; но Забѣлинъ ставитъ этотъ вопросъ шире Соловьева и больше приближается къ Леруа-Болье. Онъ и начинаетъ свое изслѣдованіе съ указанія отдѣльности, особности русской равнины отъ западной Европы, и постоянно указываетъ вліяніе русской природы на человѣка, какъ напримѣръ, вліяніе ея равнинности и расходящихся съ алаунской возвышенности рѣкъ на русскую колонизацію, или вліяніе русской зимы на развитіе той же колонизаціи и предпріимчивости русскаго человѣка [2]), или вліяніе лѣсной мѣстности на развитіе способности защищаться, и степной—на развитіе козацкой удали [3]) и на болѣе или менѣе прочное заселеніе; наконецъ онъ показываетъ особенно важное значеніе рѣкъ, направлявшихъ народонаселеніе къ морямъ,—къ азовскому, черному, балтійскому, бѣлому, каспійскому, причемъ, подобно Леруа-Болье, авторъ показываетъ важное значеніе угла, образуемаго Волгой и Окой, т. е. московской области.

Уяснивъ такимъ образомъ физическое поприще для своеобразной русской исторической дѣятельности, авторъ расчищаетъ затѣмъ это поприще отъ ученыхъ историческихъ заносовъ,—отъ норманской теоріи. Съ замѣчательною даровитостію И. Е. Забѣлинъ ударяетъ въ самый слабый пунктъ нѣмецкой учености, выработавшей у насъ норманскую теорію,—именно, въ узкій, нѣмецкій патріотизмъ, выразившійся въ этой учености [4]) и превратившій всю нашу древную русскую жизнь въ пустое мѣсто, пустое пространство, которое наполнялъ этотъ нѣмецкій патріотизмъ только сѣменами нѣмецкой цивилизаціи.

Устранивъ эти сѣмена, авторъ ищетъ другихъ, и находитъ ихъ, какъ бы въ замѣнъ нѣмецкихъ, въ балтійскомъ славянствѣ,

---

[1]) Т. I, стр. V—VI. [2]) Стр. 10—11. [3]) Стр. 12—14; 17. [4]) Стр. 59—60 и мн. др. м.

для чего прибѣгаетъ къ богатому запасу географическихъ данныхъ, доказывающихъ древнѣйшее общеніе балтійскихъ славянъ и нашихъ, даже прилагаетъ къ книгѣ словарь словъ, подтверждающихъ это общеніе. Это, впрочемъ, предварительное изслѣдованіе. Къ нему авторъ возвратится еще во второмъ томѣ. Здѣсь оно нашло себѣ мѣсто только какъ часть топографическаго изслѣдованія страны.

Топографическое изслѣдованіе Россіи авторъ подвигаетъ дальше въ глубь древности и начинаетъ съ Геродота. Изслѣдованіе это весьма замѣчательно. Авторъ находитъ, что Геродотъ не только съ поразительною точностію описываетъ южную Россію до предѣловъ черниговскихъ и галицкихъ; но что онъ называетъ наши рѣки славянскими именами, какъ Днѣпръ-Борисфенъ, отъ Березины, и еще замѣчательнѣе описываетъ наши славянскія племена—какъ вятичей и радимичей и финскія племена—на востокъ отъ Днѣпра.

Древнѣйшія извѣстія о славянахъ авторъ дополняетъ достовѣрными и точными свидѣтельствами о нашихъ славянахъ — руси писателей византійскихъ, западно-европейскихъ и арабскихъ IX—XI в. и, наконецъ, переходитъ къ нашимъ лѣтописямъ, которыя предварительно подвергаетъ критическому разбору. На основаніе всѣхъ свѣдѣній—чужихъ и своихъ, И. Е. Забѣлинъ даетъ извѣстное уже намъ понятіе о родовомъ бытѣ и переходѣ его къ городовой жизни. Этимъ заканчивается первый томъ исторіи русской жизни.

Во второмъ томѣ авторъ опять обращается къ древнимъ временамъ, даже болѣе древнимъ, чѣмъ прежде,—къ доисторическимъ, и на основаніи филологическихъ и археологическихъ данныхъ уясняетъ заселеніе русской страны славянами. Здѣсь опять авторъ обращается къ балтійскимъ славянамъ, отъ нихъ выводитъ колонію новгородскую, точно также, какъ имъ приписываетъ развитіе славянскаго центра въ Кіевѣ. Естественнымъ результатомъ того и другаго поселенія балтійскихъ варяговъ въ этихъ центрахъ русской жизни было объединеніе ихъ подъ властію варяжскихъ же князей. Извѣстныя шумныя дѣла первыхъ нашихъ князей авторъ тѣсно связываетъ съ особенностями русскаго народа. Онъ ударяетъ не только на сильное развитіе торговли у нашихъ славянъ, но и на ихъ воинственность. По автору, наше днѣпровское и донское козачество ведетъ свое начало отъ глубокой древности.

Удаль этого рода сказалась и въ греческихъ походахъ, и въ еще болѣе смѣлыхъ походахъ къ каспійскому морю.

Время Ольги и Святослава даютъ автору поводъ раскрыть еще больше и воинственность русскую, поразившую при Святославѣ ближайшій къ намъ восточный міръ и византійско-славянскій, и, съ другой стороны, раскрыть мирныя строительныя силы русскаго народа, выразившіяся въ мудромъ управленіи Ольги и принятіи ею христіанства отъ Византіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ авторъ старается выставить типъ древней русской женщины и типъ древняго русскаго воителя. Затѣмъ авторъ изучаетъ русское язычество, русское общество того времени, степень его образованности (бывалости) и, наконецъ, въ дѣлахъ Владиміра и Ярослава изображаетъ христіанскій складъ русскаго государства.

Самыми свѣжими по усидчивой работѣ и богатству собранныхъ данныхъ въ исторіи И. Е. Забѣлина нужно признать:

1. Необыкновенно смѣлое по замыслу и выполненію толкованіе древнихъ свидѣтельствъ съ цѣлію открыть и разширить древнѣйшія поселенія славянъ. Его разборъ Геродотова описанія Гипаниса—Буга южнаго можетъ быть признанъ образцовымъ (1,219). Его объясненія, что подъ бастарнами скрываются славянскіе быстряне южной Угорщины, и въ герулахъ — славянскіе горали карпатскихъ горъ могутъ быть оспариваемы, но нельзя не признать ихъ новости.

2. Еще тверже его данныя для объясненія славянской балтійской колонизаціи въ новгородскую область. Все наше русское славянство авторъ раздѣляетъ на двѣ группы: на южную-понтійскую и на лѣсную въ сѣверной половинѣ Россіи, и утверждаетъ, что новгородской колоніи никакъ нельзя вывести съ юга Россіи, что житель южнаго климата, чернозема и степей никакъ не могъ сдѣлаться колонистомъ суровой лѣсной, болотистой страны новгородской. Авторъ даже утверждаетъ, что эта послѣдняя колонизація не была вызвана потребностями русской жизни, а явилась, какъ выраженіе чужихъ потребностей, извнѣ. Ища этой потребности извнѣ, авторъ по сходству географическихъ названій доходитъ до балтійскихъ славянъ, и оттуда выводитъ населеніе Новгорода [1]).

3. Но самымъ важнымъ изслѣдованіемъ у г. Забѣлина нужно при-

---

[1]) Т. II, 1 и 2 гл.

знать его главу о русскомъ язычествѣ и вообще связанныя съ нею и разбросанныя по всему сочиненію бытовыя черты русскаго народа. Авторъ расширяетъ пріемъ, употребленный Аѳанасьевымъ—возстановить древнія вѣрованія и обычаи по ихъ остаткамъ въ живомъ русскомъ бытѣ и сравнительнымъ указаніямъ подобныхъ явленій у другихъ народовъ. Близко знакомая автору бытовая сторона Россіи дала ему возможность широко воспользоваться этимъ пріемомъ. Можно сказать, что этотъ пріемъ выполняется во всей Исторіи русской жизни г. Забѣлина, т. е. пріемъ возсоздавать древнюю русскую жизнь не только по прямымъ свидѣтельствамъ исторіи, но и по остаткамъ этой жизни въ позднѣйшія времена, т. е. изучать русскую жизнь путемъ сравнительнаго изученія явленій ея всѣхъ временъ и подходящихъ явленій у другихъ народовъ.

Съ изысканіями въ области русскихъ древностей Д. И. Иловайскаго и И. Е. Забѣлина имѣетъ тѣсную связь сочиненіе Д. Я. Самоквасова—Исторія русскаго права, вып. 1, изд. 1878 г., и особенно вып. 2-й, изд. въ 1884 г. Въ первомъ выпускѣ авторъ разбираетъ мнѣнія ученыхъ о славянскихъ древностяхъ, а во второмъ разсматриваетъ самое дѣло, раскрываетъ намъ древнѣйшія времена—славянскія и русскія—на основаніи историческихъ и археологическихъ данныхъ. Д. Я. Самоквасовъ приходитъ къ выводу, что прародиной славянъ была Скифія, въ которой онъ находитъ не азіатскій этнографическій элементъ, а славянскій. Изъ этой прародины выдѣлилась въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ могущественная держава у южной части Дуная—гетская или дакійская (тоже славянская), а когда она къ началу второго вѣка была сокрушена волохами-римлянами, то составлявшія ее славяне разселились по странамъ, указываемымъ нашею древнею лѣтописью. Этотъ выводъ авторъ съ особенною обстоятельностію основываетъ на кладахъ съ римскими монетами, въ большомъ числѣ и съ большою точностію изслѣдованными имъ. Въ этомъ же трудѣ Д. Я. Самоквасовъ весьма обстоятельно подрываетъ научность Шлецера и высказываетъ то весьма важное мнѣніе, что Шлецеръ и другіе наши ученые нѣмцы отклонили изученіе и нашихъ древностей отъ того правильнаго пути, какимъ его вели наши русскіе историки XVIII вѣка.

ГЛАВА XXII.

Господство сравнительнаго пріема при изученіи исторіи.

Е. Е. Голубинскій. Новѣйшій научный пріемъ — сравнительный, на который мы выше указывали, сдѣлалъ уже громадныя завоеванія въ разныхъ отрасляхъ наукъ, особенно въ области естествознанія. Много онъ сдѣлалъ и въ исторіи. Довольно указать на разработку первобытной культуры народовъ. Въ исторіи онъ имѣетъ не только то значеніе, что даетъ надлежащій смыслъ каждому историческому явленію, но и то болѣе общее значеніе, что только при немъ можетъ уясниться и историческая индивидуальность народа, и та его историческая работа, которая составляетъ долю его участія и значенія во всемірной жизни человѣчества. Но пріемъ этотъ можетъ приносить дѣйствительную пользу только при громадной научности, и научности, такъ сказать, равновѣсной во всѣхъ своихъ частяхъ, т. е. чтобы всѣ сравниваемые предметы одинаково научно были знакомы. При нарушеніи этого равновѣсія могутъ получаться чудовищные выводы при всѣхъ внѣшнихъ признакахъ учености, обстоятельнаго знанія дѣла [1]). У насъ есть одно новѣйшее сочиненіе, близкое къ нашему предмету, которое, при всей громадной своей научности, представляетъ именно такое злоупотребленіе пріемомъ сравнительнаго изученія русской исторической жизни. Это — Исторія русской церкви, профессора Голубинскаго. Она доведена до татарскаго ига и составляетъ одинъ томъ въ двухъ объемистыхъ книгахъ. Первая издана въ 1880 г., вторая — 1881. Во многихъ мѣстахъ этого сочиненія, особенно въ первой его половинѣ излагаются и дѣла гражданскія, рѣшаются вопросы о народахъ, обитавшихъ въ Скифіи [2]), о призваніи князей [3]), объ Аскольдѣ и Дирѣ [4]), о Святославѣ [5]) и вообще о русской цивилизаціи того времени.

---

[1]) Надъ этимъ слѣдовало бы сильно задумываться у насъ, — именно, надъ тѣмъ, не попадаетъ ли наша русская наука этимъ путемъ въ новое рабство у западной Европы? Мы видѣли, какъ въ прошедшемъ столѣтіи нѣмецкая ученость вредила успѣху нашей науки скрытыми въ ней узкими нѣмецкими возарѣніями. Не окажется ли, что теперь мы попадаемъ въ еще большее рабство, благодаря господству сравнительнаго пріема въ нашей наукѣ? [2]) Кн. I, стр. 33—42. [3]) Кн. I, стр. 48—54. [4]) Кн. I, стр. 16—33. [5]) Тамъ же, стр. 134.

Чтобы яснѣе можно было видѣть дѣйствительное значеніе исторіи профессора Голубинскаго, мы сообщимъ самыя краткія свѣдѣнія о предшествовавшихъ главнѣйшихъ трудахъ по русской церковной исторіи и о направленіи въ разработкѣ этого предмета.

Мы упоминали уже о первомъ опытѣ исторіи русской церкви митрополита Платона [1]). Сочиненіе это представляетъ осмысленное изложеніе фактовъ русской церковной жизни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поражаетъ глубиною пониманія фактовъ, какъ въ вопросѣ о степени развитія русскаго язычества (отсутствіе храмовъ и жрецовъ) или въ вопросѣ о происхожденіи перваго самозванца (орудіе іезуитовъ). Но, кромѣ того, въ немъ видно стараніе автора уяснить значеніе въ Россіи высшей іерархіи, и авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ событіяхъ, изъ которыхъ видно, что это значеніе было не малое, какъ, напримѣръ, при Іоаннѣ III, при вѣнчаніяхъ на царство его внука и сына, особенно при Іоаннѣ IV (митрополитъ Филиппъ), въ смутныя времена, при Алексѣѣ Михайловичѣ и Өеодорѣ Алексѣевичѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ авторъ касается и состоянія самого русскаго общества,—его благосостоянія и отношенія къ іерархіи. Но вообще исторія эта близко стоитъ къ лѣтописямъ и по ихъ образцу хронологически излагаетъ событія.

Въ первый разъ приложены научные пріемы и въ выборѣ фактовъ, и въ расположеніи ихъ, и въ указаніи источниковъ, въ исторіи русской церкви архіепископа Филарета [2]). Исторія эта изложена по схоластической системѣ. Событія разбиты по предметамъ и даже параграфамъ, а въ примѣчаніяхъ указаны источники.

Что касается основныхъ воззрѣній автора, то въ его исторіи излагаются главнымъ образомъ и излагаются обстоятельно, стройно, два, такъ сказать, крайнія проявленія религіозной жизни,—самыя свѣтлыя и самыя мрачныя. Добрыя дѣла и злыя, святые люди и грѣшники, раскольники, еретики выдѣляются ясно и отчетливо. Но та середина, изъ которой выходятъ добрые и злые люди, и праведники, и разнаго рода грѣшники, т. е. русское общество въ исторіи архіепископа Филарета отсутствуетъ, какъ предметъ особаго, постояннаго вниманія, и является лишь случайно, въ особенно выдающіяся времена, какъ, напримѣръ, во времена ерети-

[1]) Изд. 1805 и 1823 гг. [2]) V частей.

ковъ жидовствовавшихъ или во времена раскола. Вмѣсто всего этого авторъ указываетъ русскимъ идеалы въ видѣ поучительныхъ, назидательныхъ замѣтокъ.

Сущность этой системы архіепископа Филарета въ построеніи исторіи сохранена и въ новѣйшей церковной исторіи—митрополита Макарія[1]), т. е. здѣсь факты тоже распредѣлены по особымъ, заранѣе опредѣленнымъ рубрикамъ. Но въ исторіи митрополита Макарія есть и многія особенности. Рубрики иногда измѣняются сообразно требованіямъ самыхъ событій, а въ исторіи уніи даже совсѣмъ почти разрушаются, такъ какъ разныя событія тогда слишкомъ тѣсно сближались около какого либо одного главнаго событія или лица. Это же нарушеніе системы видно и въ изложеніи событій временъ Никона и по той же причинѣ.

Но самое большее различіе исторіи митрополита Макарія отъ исторіи архіепископа Филарета заключается въ чисто научной сторонѣ,—въ полнотѣ и тщательности фактической части исторіи. Кромѣ исторіи Карамзина у насъ нѣтъ ни одного курса русской исторіи, въ которомъ эта задача была бы выполнена съ такимъ совершенствомъ.

При поражающемъ богатствѣ собраннаго авторомъ матеріала у него были богатыя данныя для разнообразныхъ выводовъ и сужденій касательно нашей церковной жизни. Но авторъ и по условіямъ нашей печати, и по личнымъ своимъ особенностямъ устранился отъ всякихъ жизненныхъ вопросовъ, даже отъ назиданій, и замѣнилъ эту роскошь просторомъ въ области археологической, археографической и отчасти критической. Есть, впрочемъ, у него руководящее начало и для рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, когда предстояла необходимость рѣшать и ихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно становится на точку зрѣнія оффиціальныхъ памятниковъ и рѣшаетъ дѣло по ихъ указаніямъ. Такъ, напримѣръ, онъ признаетъ справедливымъ осужденіе новгородскаго архіепископа Серапіона, недовольнаго на Іосифа Волоколамскаго за переходъ его подъ власть московскаго митрополита, даетъ большее значеніе Іосифу Волоколамскому, чѣмъ Нилу Сорскому; признаетъ справедливымъ осужденіе Максима Грека. Иногда эта точка зрѣнія заставляла автора съ особенною тща-

[1]) XII томовъ.

тельностію изучать дѣло и открывать новыя его стороны. Такъ, стараніе оправдать образъ дѣйствій митрополита Даніила побудило автора раскрыть съ новыхъ сторонъ замѣчательную книжность и Даніила, и его учителя Іосифа Волоколамскаго. Вообще внимательное изученіе оффиціальной стороны русской церковной жизни дало автору возможность раскрыть смыслъ многихъ религіозныхъ явленій и выяснить достоинство русской церковной власти. Но иногда оффиціальная точка зрѣнія вводила автора и въ большія заблужденія. Такъ, онъ ищетъ прототипа устава Владиміра въ обширныхъ, а не краткихъ редакціяхъ его на томъ основаніи, что позволительнѣе было сокращать законы, а не создавать ихъ въ большемъ числѣ. Такъ изъ оффиціальныхъ документовъ положеніе западнорусскаго православія представлялось автору болѣе свѣтлымъ, чѣмъ было на дѣлѣ, потому что упущено изъ виду безсиліе правительственной власти въ Польшѣ и господство латинскаго общества.

Наконецъ, въ исторіи митрополита Макарія, хотя также, какъ и въ исторіи Филарета, мы не видимъ ясно русскаго общества; но у митрополита Макарія видны попытки внести хотя нѣкоторый свѣтъ въ эту область. У митрополита Макарія главы: состояніе вѣры и нравственности часто гораздо содержательнѣе, чѣмъ у арх. Филарета, а также болѣе выдержаны помогающія этому рубрики: отношеніе русской церкви къ другимъ церквамъ и обществамъ. Наконецъ, все это восполняется многочисленными памятниками, то приведенными въ подлинномъ видѣ, то въ подробномъ пересказѣ.

Труднѣйшая задача исторіи—изобразить общество, въ которомъ воспитываются и хорошіе и дурные люди, поставлена прямо и выполнена съ большимъ талантомъ въ небольшой книгѣ, названной и признанной учебникомъ, но имѣющей несомнѣнные признаки цѣльной, научной системы и научной работы. Это—Исторія русской церкви профессора П. Знаменскаго [1]), извѣстнаго и чисто учеными трудами, какъ о приходскомъ духовенствѣ (1873 г.) и о духовныхъ училищахъ XVIII и начала XIX в. Какъ въ своемъ учебникѣ, такъ и въ сейчасъ указанныхъ трудахъ, авторъ прежде и больше всего старается доискаться тѣхъ основъ въ самомъ

[1]) Первое изд. 1870 г.

русскомъ обществѣ, которыя были причиною тѣхъ или другихъ религіозныхъ явленій. Выполняя эту весьма трудную задачу, авторъ не избѣгъ однако односторонности, какой при этомъ весьма легко подвергнуться. Онъ слишкомъ много даетъ значенія умственному началу въ религіозной жизни народа. Съ этой точки зрѣнія ему, напримѣръ, представляется не безполезнымъ вліяніе философскаго вѣка (XVIII) на церковныя дѣла, которое въ настоящее время не можетъ быть признано такимъ даже по отношенію къ гражданскимъ дѣламъ.

Широкая постановка вопроса о состояніи религіознаго общества въ нашемъ прошедшемъ во всей научной аргументаціи сдѣлана въ указанномъ уже нами сочиненіи—профессора Е. Ев. Голубинскаго.

Авторъ въ своемъ предисловіи даетъ ясное понятіе объ идеалѣ исторіи—воспроизводить прошедшее въ живыхъ образахъ; но для русской исторіи, особенно дотатарскаго періода, онъ считаетъ невозможнымъ хотя бы то самое малое осуществленіе этого идеала, потому что, по его мнѣнію, для этого времени и мало источниковъ и они мало говорятъ. Отсюда авторъ, въ предисловіи же, заключаетъ, что мы, русскіе, не писали своей исторіи удовлетворительно, „потому что были неспособны написать. А были неспособны написать потому, что были неспособны, потому что въ нашемъ прошломъ, грустный или не грустный, но дѣйствительный фактъ,—мы представляли изъ себя историческій народъ весьма не высокаго достоинства“[1]). Къ этому достаточно уже рѣшительному заявленію авторъ прибавляетъ выводъ еще болѣе рѣшительный. „Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ (т. е. нашемъ русскомъ невысокомъ историческомъ достоинствѣ) заключается весь простой секретъ (почему мы не записали въ дотатарское время своей исторіи), ибо всякій народъ ровно настолько обладаетъ способностію писать свою исторію, насколько обладаетъ способностію или на сколько проявляетъ способность жить исторически“[2]). Выходитъ по автору, что старые народы обладаютъ самою большею живучестію, а молодые—самою малою и, слѣдовательно, должны помириться съ тяжкою долею быть въ раболѣпіи у старыхъ народовъ.

Въ самой исторіи авторъ съ такою же рѣшительностію отвер-

[1]) Предисловіе, стр. XVI. [2]) Стр. XVI—XVII.

гаетъ мнѣніе, что наша цивилизація въ дотатарское время была не слаба, но что въ татарскій погромъ погибло много ея задатковъ и въ частности много историческихъ памятниковъ. Авторъ утверждаетъ, что если бы у насъ тогда была дѣйствительная образованность, то она не могла бы погибнуть ни отъ какого разгрома. Авторъ при этомъ забылъ темные вѣка Европы послѣ варварскихъ нашествій, которые, безъ сомнѣнія, были бы еще продолжительнѣе, если бы греки, сберегшіе у себя просвѣщеніе, не обновили имъ Европы. Онъ забылъ даже хорошо ему извѣстные, какъ автору исторіи славянскхиъ церквей, факты страшнаго паденія просвѣщенія въ юго-славянскихъ странахъ послѣ турецкаго порабощенія, несмотря на гораздо большія, чѣмъ у насъ, удобства сберегать остатки своего просвѣщенія въ каменныхъ зданіяхъ и ущеліяхъ горъ. Выше всего этого стоитъ у автора примѣръ торговаго, деревяннаго Новгорода, не сохранившаго особенно выдающихся слѣдовъ цивилизаціи, не смотря на то, что онъ не зналъ татарскаго разгрома. Наконецъ, съ такою же рѣшительностію авторъ отвергаетъ или умаляетъ факты, свидѣтельствующіе о выдающемся образованіи нѣкоторыхъ нашихъ дотатарскихъ людей. Татищевъ, сообщающій лѣтописныя извѣстія о высокой образованности смоленскаго князя Романа Ростиславовича (второй половины XII в.), ростовскаго князя Константина Всеволодовича (начала XIII в.) и др. лицъ, подвергается безцеремонному обвиненію во лжи. Даже такой неоспоримый фактъ, что отецъ Мономаха зналъ пять языковъ, считается не особенно важнымъ. Самъ Мономахъ признается подававшимъ надежды въ литературѣ и его поученіе признается, какъ нѣчто заслуживающее вниманія. Однако, митрополита Илларіона авторъ признаетъ выдающимся явленіемъ нашей дотатарской жизни.

Но что же послѣ этого можетъ составлять предметъ нашей исторіи дотатарскаго времени? „Безличная исторія учрежденій", говоритъ авторъ. „Невозможно говорить объ отдѣльныхъ лицахъ, когда нѣтъ о нихъ никакихъ свѣдѣній; но возможно до нѣкоторой степени возсоздать исторію учрежденій, какъ безличныхъ механизмовъ, хотя-бы и отсутствовалъ историческій матеріалъ или былъ только очень, очень скуденъ. Въ этомъ случаѣ, продолжаетъ авторъ... оказывается возможнымъ обращеніе къ помощи двухъ средствъ: аналогіи и обратныхъ заключеній отъ позднѣйшаго

времени" [1]). Для уясненія нашихъ русскихъ учрежденій авторъ дѣйствительно обращается не только къ позднѣйшимъ и даже современнымъ явленіямъ русской религіозной жизни, но еще болѣе къ греческимъ, которыя, въ свою очередь, сравниваетъ съ римскими, и все это сопоставляетъ съ нашими русскими порядками церковной жизни.

Многовѣковая, величественная жизнь древней вселенской церкви въ обѣихъ ея половинахъ, восточной и западной (до раздѣленія церквей), богато разработанная тоже многовѣковыми усиліями всѣхъ образованныхъ народовъ, и хорошо изученная авторомъ, показала всю скромность, чтобы не сказать болѣе, нашей русской религіозной жизни, и скромность эта еще болѣе увеличилась отъ того, что авторъ въ основу своего сравненія религіозной жизни греческой и нашей, положилъ степень знанія вѣры. Наша русская религіозная мудрость, разумѣется, должна была совершенно поникнуть передъ богословскою мудростію не только церкви восточной, ставшей въ этомъ особенно отношеніи выше всего въ христіанскомъ мірѣ, но даже передъ церковью западною.

Нѣтъ спора, что сравнительное изученіе нашей религіозной жизни весьма нужно, и авторъ въ этомъ отношеніи внесъ въ нашу русскую науку большой вкладъ и не безъ основанія обличаетъ нерѣдко сказывающееся у насъ религіозное тщеславіе и непониманіе многими разныхъ односторонностей и крайностей. Его главы о церковномъ управленіи, богослуженіи, монашествѣ такъ богаты фактами изъ древней церковной исторіи, сопоставленными съ нашими русскими однородными явленіями, что могутъ много содѣйствовать уясненію нашего религіознаго сознанія и направлять его къ высшимъ церковнымъ идеаламъ. Но авторъ и на этомъ пути дошелъ до крайностей, при которыхъ онъ иногда совсѣмъ забываетъ сущность дѣла и беретъ для сравненія предметы, никакъ не совмѣстимые. Наше русское уничиженіе въ этомъ отношеніи такъ велико въ глазахъ автора, что онъ поставилъ петербургскій періодъ нашей жизни періодомъ высшаго развитія у насъ религіозной жизни,—именно религіознаго знанія.

Уже этого одного достаточно, чтобы понять, что въ сравни-

---

[1]) Кн. II., стр. II—III (послѣсловіе).

тельномъ пріемѣ автора что-то не такъ, что допущено что-то совсѣмъ несообразное. Несообразность вотъ въ чемъ. И въ гражданской, и тѣмъ болѣе въ религіозной исторической жизни нельзя ставить знанія единственнымъ мѣриломъ цивилизаціи народа, и особенно народа молодого, да еще славянскаго, который въ своей природѣ представляетъ совсѣмъ иное соотношеніе умственной и нравственной или точнѣе сердечной силы, чѣмъ это сказалось въ исторіи греко-римскаго міра и сказывается въ исторіи германскаго міра. Чтобы не вдаваться въ теоретическія разсужденія объ этомъ, обратимся къ нѣкоторымъ даннымъ изъ исторіи Е. Ев. Голубинскаго, столь-же страннымъ, какъ и высшее религіозное развитіе у насъ въ петербургскій періодъ. Занявшись, напримѣръ, изученіемъ у насъ монашества, какъ учрежденія, авторъ, разумѣется, нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ ниже греческаго. Только преподобный Ѳеодосій, какъ организаторъ нашего монашества, вызываетъ вниманіе его и похвальные отзывы. Но первѣйшій основатель нашего монашества силою примѣра — преподобный Антоній остается у него въ тѣни, а тѣмъ болѣе цѣлый сонмъ печерскихъ подвижниковъ — этихъ богатырей религіозныхъ, до сихъ поръ привлекающихъ неодолимою своею силою массы не только Русскаго народа, но и другихъ славянскихъ племенъ. Эта сила не поддается археологическому изслѣдованію и потому оставлена въ сторонѣ [1]). Нашъ авторъ даже страннымъ образомъ закрылъ это изслѣдованіе особаго рода завѣсою. Найдя въ писцовыхъ книгахъ XV — XVI вѣка указаніе, что при приходскихъ церквахъ устроялись монашескія кельи, авторъ пришелъ къ заключенію, что тоже было въ самомъ началѣ нашего монашества въ Кіевѣ, что этимъ путемъ выросло наше монашество, а путь этотъ рѣже всего былъ путемъ стройной нравственной жизни. Это очень остроумно, но и крайне произвольно. Точно также, въ отдѣлѣ о нравственномъ состояніи русскаго общества въ домонгольскій періодъ авторъ показываетъ самый низкій уровень нравственности того времени, и оставляетъ необъяснимымъ, какимъ образомъ могли воспитаться такіе высокоразвитые люди, какъ Владиміръ Моно-

[1]) Вотъ въ этомъ-то родѣ вопросовъ чаще всего и сказывается несостоятельность сравнительнаго метода. Сравнивать легче предметы — болѣе видимые, болѣе осязаемые, а болѣе отвлеченные предметы, жизненныя начала труднѣе, и потому при сравненіи послѣднихъ чаще всего дѣлаются ошибки, неправильные выводы.

махъ, оба Мстислава — Храбрый и Удалой, Даніилъ Галицкій, Александръ Невскій и не мало другихъ, которыми дотатарское время, именно, особенно богато и которые, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, имѣли великую воспитательную силу, которою, какъ напримѣръ, памятью о Владимірѣ Мономахѣ и Александрѣ Невскомъ, даже въ области гражданскихъ дѣлъ, наши предки жили цѣлые вѣка. Тутъ мы ясно уже видимъ, что не отсутствіе свѣдѣній заставило автора устраниться отъ возсозданія живыхъ образовъ, а пріемъ его, выносящій наружу лишь мертвые остатки прошедшаго, какъ ихъ добываетъ археологія. У автора есть даже особенная антипатія ко всему живому. Онъ, напримѣръ, не можетъ себѣ уяснить такого цѣльнаго и въ тоже время несомнѣнно историческаго образа, какъ образъ Святослава и вотъ, что онъ съ нимъ дѣлаетъ. „Преемникомъ Игоря, говоритъ онъ, былъ Святославъ. Это былъ, если угодно, отважный и блестящій рыцарь, а если угодно — пустой искатель приключеній, во всякомъ случаѣ — всего менѣе государь“ [1]). Если отбросить балагурность тона, то тутъ — взглядъ Соловьева на Святослава, — взглядъ, старый уже. И войны Святослава на востокѣ оказываются дѣломъ глубокаго знанія русскихъ потребностей, и даже увлеченіе его византійскими интригами противъ Болгаріи направлялось къ цѣлямъ русскимъ и содѣйствовало успѣхамъ того самаго христіанства, отъ котораго отказывался Святославъ. Владиміръ святой шелъ по слѣдамъ своего отца и на востокѣ и на югѣ. Тутъ еще кромѣ того сказалась у автора сила научныхъ предубѣжденій. Сравнивая величественное, давно развившееся христіанство Востока съ недавнимъ его насажденіемъ въ Россіи, авторъ самымъ свойствомъ своей задачи легко могъ быть настроенъ видѣть въ Россіи слабосиліе или даже пустоту. Нѣмецкія книги расположили его видѣть пустоту рѣшительно во всемъ, — даже въ гражданской жизни и наполнять ее тоже иноземнымъ. Авторъ прямо и заявляетъ, что онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ принадлежитъ къ числу норманистовъ [2]). Святославъ для этихъ сторонниковъ весьма неудобное, непріятное лицо, потому что это чистый типъ славянина, и найти въ немъ норманство очень мудрено. Отсюда и легкомысленные отзывы о немъ. Также непріятны для этихъ сторонниковъ Аскольдъ и

---

[1]) Кн. I, стр. 134. [2]) Кн. I, стр. 48.

Диръ, такъ какъ они въ первые же годы послѣ призванія князей и независимо отъ нихъ оказываются сильными правителями Руси и съ большими ея силами совершаютъ походъ на Константинополь. По примѣру другихъ норманистовъ, нашъ авторъ отвергаетъ сказаніе нашей лѣтописи о походѣ Аскольда и Дира на Константинополь и приписываетъ этотъ походъ руссамъ черноморскимъ, которыхъ объединяетъ съ норманнами. Вся сила этого положенія держится на шаткихъ сказаніяхъ арабскихъ писателей о черноморскихъ руссахъ и на ничего незначащемъ свидѣтельствѣ одной венеціанской хроники, упоминающей о нападеніи въ тѣ времена на Константинополь норманновъ [1]). Съ такою же смѣлостію авторъ отстаиваетъ утвержденіе норманновъ на другомъ концѣ торговаго греческаго пути въ Новгородѣ,—норманское призваніе князей или собственно завоеваніе ими Россіи, и подобно Эверсу и Ламбину съ особенною силою опирается на финское названіе шведовъ — ротси, руотси. Впрочемъ, самъ авторъ заявляетъ, что не компетентенъ по этой части. Но эту некомпетентность въ области гражданской онъ вознаграждаетъ по части церковной, но вознаграждаетъ еще болѣе страннымъ образомъ. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ приписываетъ варягамъ-норманнамъ и начало, и утвержденіе у насъ христіанства. У него и Ольга была норманка, и Владиміръ принялъ христіанство отъ кіевскихъ христіанъ-норманновъ. Пристрастіе автора къ норманскому или точнѣе шведскому вліянію у насъ даже въ области религіозной доходитъ иногда до геркулесовыхъ столбовъ. Найдя извѣстіе, что въ концѣ XV в. въ Устюгѣ была построена новая деревянная церковь о 20 стѣнахъ (изгибахъ) на мѣстѣ такой же старой, и въ одной псковской лѣтописи извѣстіе о сожженіи въ навережской губѣ церкви о 25 углахъ, авторъ не находитъ возможности признать эту сложную, своеобразную постройку русскою, а выводитъ ее отъ варяговъ кіевскихъ или прямо изъ Скандинавіи, потому что кольскій воскресенскій соборъ, построенный въ 1684 г. и бывшій о десяти углахъ, напоминаетъ шведскую постройку церквей [2]) Это явное пристрастіе видѣть у насъ все иноземнаго происхожденія тѣмъ болѣе удивительно, что въ нашей литературѣ есть обстоятельное изслѣдованіе И. Е. Забѣлина объ

[1]) Кн. 1, 16 — 33. (22). [2]) Кн. II, стр. 113 — 116.

основныхъ, народныхъ началахъ нашихъ построекъ, въ томъ числѣ и многоугольныхъ деревянныхъ церквей [1]) и авторъ могъ знать это изслѣдованіе, когда издавалъ свою исторію русской церкви, особенно когда издавалъ второй томъ ея (изд. 1881 г.), въ которомъ и находится эта его скандинавоманія, если выразиться языкомъ Венелина. Тутъ мы открываемъ новый недостатокъ сравнительнаго пріема нашего автора, — большее знаніе чужого, чѣмъ своего. Это самая большая опасность сравнительнаго метода при изученіи нашего прошедшаго, которой необходимо противопоставлять тѣмъ болѣе тщательное изученіе своего.

Профессоръ Ключевскій. Этимъ именно послѣднимъ качествомъ отличается новѣйшее изслѣдованіе по русской исторіи профессора Ключевскаго — Боярская дума древней Руси, заключающее въ себѣ цѣлую систему научнаго изложенія русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ и до Петра I. Изслѣдованіе это сначала было напечатано въ журналѣ — Русская Мысль за 1880 и 1881 г. Затѣмъ, оно было издано особою книгой въ 1882 г., а въ 1883 г. вышло второе изданіе ея. Между двумя послѣдними изданіями мы не замѣтили разницы; но оба они значительно отличаются отъ того, что подъ тѣмъ же заглавіемъ было напечатано авторомъ въ Русской Мысли. Особенно важны разницы въ началѣ и концѣ изслѣдованія. Въ началѣ три главы въ особомъ изданіи передѣланы и сокращены. Важнѣйшее исключеніе касается исторіи славяно-русскихъ племенъ до призванія князей. Въ концѣ изслѣдованія прибавлено семь главъ, въ которыхъ большею частью новыя изысканія о составѣ думы въ Москвѣ и дѣлахъ ея по областямъ, по преимуществу въ XVII вѣкѣ [2]). Мы будемъ разсматривать все изслѣдованіе г. Ключевскаго, какъ оно изложено и въ Русской Мысли, и въ особыхъ изданіяхъ, такъ какъ это дастъ намъ возможность яснѣе представить новѣйшія особенности этого новаго труда по русской исторіи.

---

[1]) Древняя и новая Россія за 1879 г., т. I, стр. 186 — 203 и 281, — Очерки древне русскаго зодчества. [2]) Объ особомъ изданіи, о дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ немъ авторъ предувѣдомлялъ, когда печаталъ свое изслѣдованіе въ Русской Мысли. Въ XI № этого журнала за 1881 г. на страницѣ 110, въ примѣчаніи, говорится: „Изложеніе этихъ перемѣнъ (когда дума въ XVII вѣкѣ „изъ политической силы превратилась въ простое административное удобство“ стр. 109) найдетъ мѣсто въ очеркѣ административнаго устройства и дѣятельности думы, который будетъ приложенъ къ приготовляемому особому изданію изслѣдованія, нѣсколько измѣненному“.

Намъ извѣстно, что К. Н. Бестужевъ-Рюминъ поставилъ главнѣйшею задачей историка излагать всесторонне не исторію лицъ, а исторію того сложнаго историческаго явленія, которое называется обществомъ. Е. Евс. Голубинскій, прилагая тоже требованіе къ исторіи дотатарскаго времени, пришелъ къ выводу, что для этого времени и невозможно живое изображеніе историческихъ личностей, что можно лишь изучать тогдашнія учрежденія и то не иначе, какъ обращаясь къ сравнительному изученію таковыхъ же учрежденій у другихъ народовъ. Такимъ образомъ, весьма сложное и разнообразное историческое явленіе — общество понято здѣсь болѣе внѣшнимъ образомъ — въ видѣ учрежденій. Мы знаемъ, что въ результатѣ у Евг. Евс. Голубинскаго оказалось, что въ Россіи были самыя незрѣлыя воспроизведенія чужихъ учрежденій и полное отсутствіе своего, самобытнаго. Въ этомъ отношеніи Е. Е. Голубинскій совершенно сошелся съ большею частью нашихъ юристовъ западническаго направленія, которые, придавая слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ формамъ государственной жизни и сравнивая наши формы съ западноевропейскими образцами, приходятъ къ отрицанію самаго вопроса о существованіи въ нашей древней Руси какихъ бы то ни было стройныхъ учрежденій, мѣсто которыхъ занимало, по ихъ мнѣнію, частное хозяйство, — такъ называемая вотчинность. Но намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ нашихъ юристовъ, какъ Лешковъ, Бѣляевъ, понимали и наши учрежденія, и наши законы совсѣмъ иначе. Смысла ихъ они искали въ народномъ строѣ жизни, въ народныхъ обычаяхъ, народныхъ воззрѣніяхъ, такъ что государственныя, общественныя учрежденія, само даже общество являются, по ихъ взгляду, только внѣшнимъ выраженіемъ внутренней жизни народа.

Профессоръ Ключевскій съ этой именно точки зрѣнія изучаетъ исторію боярской думы старой, допетровской Руси, что̀ дало ему возможность расширить свой кругозоръ и изложить исторію вообще внутренняго развитія русской жизни.

Въ нашей литературѣ есть однородныя изслѣдованія, т. е. о томъ же предметѣ. Кромѣ извѣстнаго намъ сочиненія г. Чичерина, предметъ котораго только частью входитъ въ область изысканій профессора Ключевскаго, у насъ есть упомянутые уже нами труды профессора Загоскина, которые обнимаютъ почти всю ту область, какую изучаетъ нашъ авторъ. Такъ, сочиненіе г. За-

госкина—Очеркъ исторіи служилаго сословія касается и старыхъ, домосковскихъ временъ, и разсматриваетъ тотъ составъ служилыхъ московскаго періода, верхніе слои которыхъ составляли думу, а первый выпускъ втораго тома его Исторіи права московскаго государства весь посвященъ изслѣдованію о боярской думѣ.

Сочиненіе г. Ключевскаго находится въ несомнѣнной связи съ первымъ сочиненіемъ г. Загоскина. Элементы служилыхъ,—иноземные, сословные, чѣмъ занимается и г. Ключевскій, распредѣлены раньше г. Загоскинымъ, и сходство этого распредѣленія въ обоихъ сочиненіяхъ совершенно ясно, хотя несомнѣнно, что г. Ключевскій дальше подвинулъ эту работу, произвелъ ее въ области рукописей, чаще всего впервые имъ разработанныхъ. Въ другихъ вопросахъ различіе у нихъ гораздо больше и, можно даже сказать, совсѣмъ закрываетъ черты сходства. Г. Загоскинъ разсматриваетъ складъ домосковскаго и московскаго правительства со всѣхъ сторонъ, во всей сложности составляющихъ его элементовъ. Онъ разсматриваетъ въ старыя времена и дружину съ княземъ во главѣ ея и рядомъ съ ними вѣче, а въ московскія времена разсматриваетъ думу, и имѣетъ въ виду разсмотрѣть рядомъ съ нею приказы [1]), и рядомъ съ думою и приказами ставитъ земскіе соборы [2]). Наконецъ, онъ вездѣ имѣетъ въ виду политическія обстоятельства, вліявшія такъ или иначе на всѣ эти силы правительственнаго и общественнаго у насъ строя. Г. Ключевскій большею частью устраняется отъ всей этой широты вопросовъ; но за то онъ больше г. Загоскина идетъ въ глубь нашего правительственнаго и общественнаго строя. Онъ беретъ собственно думу боярскую, какъ она была съ древнѣйшихъ временъ, и разсматриваетъ только тѣ элементы, которые привходятъ въ нее или имѣютъ къ ней болѣе или менѣе близкое отношеніе. Поэтому вѣча у него совсѣмъ блѣднѣютъ, земскіе соборы еще больше и даже приказы не видны въ надлежащей ихъ ясности и силѣ, а политическія условія упоминаются имъ только вскользь. Но за то тѣ элементы, которые онъ находитъ нужнымъ показать, изслѣдованы имъ со всею тщательностію и онъ доискивается ихъ въ русскомъ складѣ жизни на боль-

[1]) Изслѣдованіе о приказахъ, вѣроятно, появится во второмъ выпускѣ втораго тома. [2]) Разсмотрѣны въ первомъ томѣ.

шой глубинѣ. Чтобы уяснить себѣ такое направленіе изслѣдованія г. Ключевскаго и его пріемы при этой большой работѣ, мы должны обратиться къ его собственнымъ объясненіямъ, которыя онъ изложилъ въ началѣ своихъ статей въ Русской Мысли и которыя выпустилъ въ отдѣльномъ изданіи своего труда. При разборѣ сочиненія г. Ключевскаго намъ нѣтъ надобности высказывать наше мнѣніе по каждому его пункту. Внимательный читатель этой книги, даже неопытный въ разборѣ книгъ по русской исторіи, уже самъ можетъ видѣть, съ какими явленіями въ исторіи нашей науки совпадаютъ или нѣтъ основы и частныя особенности этого сочиненія. Такому читателю мы будемъ лишь помогать группировкой выдающихся мѣстъ изслѣдованія г. Ключевскаго и лишь немногими нашими указаніями и наконецъ общимъ сводомъ наблюденій, сдѣланныхъ нами при изученіи этого сочиненія.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе указаніемъ на ту разрозненность между внѣшнею, политическою нашею исторіей и внутренней—исторіей народа, какая у насъ существуетъ вслѣдствіе установившагося, какъ выражается онъ, техническаго взгляда на наши учрежденія, т. е. посылаетъ укоръ прямо по назначенію гг. юристамъ. „Механизмъ правительственныхъ учрежденій вмѣстѣ съ главнымъ управителемъ машины были, говоритъ авторъ, любимыми темами изысканій въ области нашей политической исторіи; понятія и нравы, характеръ, домашняя обстановка и даже генеалогія этого управителя подвергались тщательному разбору; машина, которой онъ правилъ, описывалась и въ вертикальномъ и въ горизонтальномъ разрѣзѣ; изображались и ея дѣйствія, особенно неправильныя. Административные недостатки и злоупотребленія XVI и XVII вѣковъ особенно поражали нашихъ изслѣдователей: можно сказать, что едва ли въ какой странѣ такъ досталось чиновнику отъ историка, какъ у насъ древнему приказному человѣку, воеводѣ, дьяку и подъячему. Такой техническій взглядъ на наши древнія учрежденія сопряженъ съ важными научными неудобствами". Авторъ затѣмъ показываетъ, какія эти неудобства. „Каждая внѣшняя перемѣна намъ тогда будетъ представляться, говоритъ онъ, преобразованіемъ Россіи. Но мы заставляемъ Россію столько разъ умирать, переживать столько метемпсихозисовъ только потому, что сосредоточи-

ваемъ свое вниманіе исключительно на техникѣ ея правительственной машины, надѣемся разглядѣть общество, смотря на него сквозь сѣть правившихъ имъ учрежденій, а не наоборотъ" [1]). Другое неудобство то, что рядъ отмѣняемыхъ, замѣняемыхъ учрежденій старыхъ представляетъ съ точки зрѣнія новыхъ учрежденій очень печальную картину. „Но, опять замѣчаетъ авторъ, какъ бы живо и наглядно ни представляли мы себѣ всѣ эти (дурныя т. е.) качества, мы черезъ нихъ не добьемся отъ нашихъ старинныхъ учрежденій отвѣта на вопросъ, довольно занимательный въ научномъ отношеніи: неискусныя по своему устройству, дурныя по своему дѣйствію, откуда взялисъ они, какъ сострoились и почему такъ долго держались, даже умѣли переживать тяжелые кризисы, способные, повидимому, сокрушать болѣе ихъ искусные правительственные механизмы" [2]). Доискиваясь причины этого, авторъ осуждаетъ механическую оцѣнку сравнительнаго достоинства нашихъ старыхъ и новыхъ учрежденій.

Во первыхъ, онъ не довольствуется обычнымъ объясненіемъ образованія московскаго государства, что частное право возведено было въ государственное или что удѣльная вотчина московскихъ князей превращена была во всероссійское государство. „Легко видѣть, говоритъ авторъ, что это — формула, мѣтко схваченная на глазомѣръ, изображающая ходъ явленій болѣе діалектически, чѣмъ исторически: ее надобно еще раскрыть и доказать сложнымъ анализомъ многихъ историческихъ явленій, чтобы сдѣлать понятнымъ скрытый въ ней историческій процессъ" [3]). Указавъ на обычное объясненіе, что процессъ этотъ совершался покореніемъ Москвѣ удѣльныхъ областей и объединеніемъ ихъ подъ одною властію московскаго государя, авторъ находитъ и это недостаточнымъ. „Остается, говоритъ онъ, неразъясненнымъ вопросъ, столь же важный въ исторіи образованія нашего государства: какъ и изъ какихъ элементовъ складывался этотъ порядокъ, движущую силу, душу котораго составлялъ въ XVII в. бывшій удѣльный вотчинникъ, потомъ начавшій сознавать себя государемъ?" [4]).

Во вторыхъ, авторъ недоволенъ и тѣмъ объясненіемъ, какъ со-

---

[1]) Р. М. 1880 г. № 1, стр. 41. [2]) Р. М. 1880 г. № 1, стр. 42. [3]) Тамъ же, стр. 43—4. [4]) Тамъ же, стр. 44.

вершился переходъ отъ московскихъ къ петровскимъ порядкамъ, т. е. что „старая Русь отжила свой вѣкъ, что русское общество совлекло съ себя (тогда) свою ветхую одежду,—скинуло не только износившіяся административныя формы, но и обветшавшій государственный порядокъ, и новая Россія вышла изъ преобразовательнаго горнила Петра, если не какъ античная богиня изъ морской пѣны, то, по крайней мѣрѣ, какъ разслабленный изъ возмущенной воды іерусалимской Виѳезды. При невозможности окружить рожденіе новаго историческаго періода миѳомъ, мы окружаемъ его чудомъ".

„Достаточно ли, заключаетъ авторъ, внимательны мы въ своей исторической діагнозѣ, приписывая такую скоропостижную смерть нашимъ старымъ государственнымъ учрежденіямъ, и не хоронимъ ли живого, не преувеличиваемъ ли творческихъ силъ поколѣнія, которое дѣйствовало послѣ этой апоплексіи московскаго государственнаго порядка" [1]).

Всѣ эти недоумѣнія, всѣ эти недочеты для научнаго изученія нашихъ старинныхъ учрежденій происходятъ, по мнѣнію автора, отъ того, что при изученіи ихъ мы забываемъ, что это не механизмъ только, что не слѣдуетъ ограничиваться лишь изученіемъ частей этой машины и того, какъ онѣ свинчены, что передъ изслѣдователемъ разложенной, разобранной машины останется еще соціальный матеріалъ, изъ котораго эти части построены. Въ доказательство, какъ важно изучать этотъ соціальный матеріалъ, авторъ предлагаетъ представить, какъ это и было въ смутныя времена, что всѣ члены думы, управители приказовъ, воеводы, губные старосты и прочія власти отставлены отъ должностей. „Многочисленные отставные, говоритъ авторъ, не все потеряютъ, не превратятся въ ничто: они останутся боярами, дворянами московскими или городовыми, и въ этихъ званіяхъ будутъ дѣйствовать... Созданіе класса людей, которые ничего не значатъ, какъ скоро снимутъ съ нихъ должностной мундиръ, принадлежитъ уже позднѣйшему времени. Въ исторіи политическихъ учрежденій строительный матеріалъ часто важнѣе строя" [2]). Въ этомъ отношеніи наша боярская дума способна привлечь къ себѣ, говоритъ авторъ, самое живое вниманіе изслѣдователя... „Любо-

[1]) Тамъ же, стр. 45. [2]) Тамъ же, стр. 53—4.

знательный наблюдатель найдетъ, говоритъ онъ, въ ея исторіи много поучительнаго, даже найдетъ, можетъ быть, что перемѣны въ составѣ руководящаго класса древнерусскаго общества, смѣна господствовавшихъ въ немъ интересовъ ни въ какомъ древнерусскомъ учрежденіи не отразились такъ наглядно и вѣрно" (какъ въ думѣ) [1]). Авторъ даже полагаетъ, что когда мы изучимъ этотъ строительный матеріалъ государственныхъ нашихъ учрежденій, эти основанія государственнаго механизма, скрытыя внутреннія связи его частей, то, можетъ быть, и процессъ образованія нашего государственнаго порядка предстанетъ передъ нами нѣсколько въ иномъ видѣ, нежели какъ представляется теперь [2]). У автора онъ дѣйствительно представляется значительно иначе. У него этотъ строй развивается съ замѣчательною логичностію, выростаетъ изъ народныхъ элементовъ, и въ частности у него съ новой точки зрѣнія раскрывается и исторія нашего самодержавія и развитіе политическаго сознанія въ нашей древней Руси. То и другое составляетъ большую новость въ литературѣ нашей науки.

Такимъ образомъ, авторъ въ своемъ изслѣдованіи поставилъ себѣ задачу написать исторію соціальныхъ элементовъ нашего государственнаго строя или исторію руководящаго класса древнерусскаго общества. Въ нашей литературѣ мы знаемъ подобное изслѣдованіе, вышедшее изъ подъ пера юриста Хлѣбникова — Общество и государство въ домонгольскій періодъ и — О вліяніи общества на образованіе государства въ царскій періодъ.

Мы знаемъ, что Хлѣбниковъ беретъ для этого теорію родового быта и освѣщаетъ ее явленіями первобытной жизни народовъ и явленіями высшей цивилизаціи западноевропейской. Въ результатѣ у него вышла несостоятельность русскаго общества и необходимость организаторской дѣятельности правительства, т. е. вышли основныя положенія С. М. Соловьева. Г. Ключевскій — ученикъ Соловьева — идетъ совсѣмъ другимъ путемъ. Онъ становится въ сторонѣ отъ послѣдователей и родового быта, и общинной теоріи и беретъ нужныя данныя изъ той и другой теоріи. Сравнительное изученіе этихъ данныхъ приводитъ автора къ заключенію, что эти теоріи будто бы больше отличаются терминологіей, нежели сущностію дѣла, что онѣ имѣютъ много точекъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 54. [2]) Тамъ же стр. 48.

соприкосновенія, что въ каждой изъ нихъ чутко угадана какая нибудь черта древнерусской жизни, каждая имѣетъ свою научную цѣну, „и тотъ, кто находитъ нужнымъ всѣ эти теоріи или которую нибудь изъ нихъ вычеркнуть изъ русской исторической науки, обнаруживаетъ не столько ученой строгости, сколько научной расточительности, на которую не даетъ права наличное богатство литературы по отечественной исторіи" [1]), т. е. авторъ принимаетъ смѣшанную теорію древняго нашего быта, начала которой лежатъ въ исторіи профессоровъ Бестужева-Рюмина, Замысловскаго и Сергѣевича. Мы однако увидимъ, что въ дѣйствительности авторъ не стоитъ на этой серединѣ.

Нѣсколько иначе авторъ относится къ сравнительному изученію нашихъ и западноевропейскихъ учрежденій. Онъ очень рѣдко обращается къ этому сравненію. Онъ сознаетъ, что наши учрежденія недостаточно изучены, что на это изученіе нужно сосредоточить все наше вниманіе, хотя принимаетъ нѣкоторыя воззрѣнія на нашъ бытъ юристовъ западниковъ, какъ напримѣръ чичеринскую вотчинность управленія, только отодвигаетъ ее назадъ, въ болѣе раннее время.

Воздержность сравнительнаго метода у нашего автора идетъ дальше. Онъ почти совсѣмъ отстраняется отъ археологическаго изученія нашихъ древнихъ временъ. Онъ отрѣзываетъ эти древнія времена, рѣдко туда заглядывая, и ведетъ свое изслѣдованіе собственно съ VI, VII в. по Р. Хр., т. е. авторъ желаетъ изучить исторію Россіи въ предѣлахъ болѣе прочныхъ историческихъ свидѣтельствъ [2]). Въ этихъ предѣлахъ онъ отдается самому тщательному изученію и смѣло развертываетъ сравнительный методъ. Особенности этого метода у него довольно уже давно опредѣлились. Еще въ 1871 г. авторъ издалъ сочиненіе—Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ не только большое трудолюбіе, но и замѣчательную способность усматривать различныя наслоенія въ нашей агіографіи, снимать позднѣйшіе слои и обнаруживать надъ ними дѣйствительное историческое содержаніе. Тотъ же пріемъ авторъ употребляетъ и при изученіи историческаго развитія боярской думы

---

[1]) № III, стр. 45—50. [2]) Хотя въ дѣйствительности, какъ увидимъ, онъ начинаетъ это изученіе главнѣйшимъ образомъ съ археологіи.

древней Руси. Въ этой многотрудной работѣ у него собственно три отдѣла.

1. Онъ сопоставляетъ лѣтописныя, географическія и отчасти археологическія данныя и уясняетъ этимъ путемъ древнѣйшее состояніе русскаго общества.

2. Путемъ сличенія лѣтописныхъ и актовыхъ данныхъ выясняетъ складъ правящаго общества въ удѣльныя времена.

3. Сличеніе актовъ, разрядныхъ списковъ, генеалогій русскихъ людей даетъ ему возможность опредѣлить составъ и историческія видоизмѣненія въ боярской думѣ временъ московскихъ.

Чтобы выясиить существенныя черты въ историческомъ развитіи правящаго класса русскаго общества, авторъ прежде всего останавливается, такъ сказать, на двухъ крайнихъ моментахъ этой исторіи—древнѣйшемъ X—XI в. и московскомъ XVI—XVII в. На томъ и другомъ пунктѣ правящій русскій классъ представляется ему съ преобладающимъ аристократическимъ характеромъ—бояре временъ московскихъ и бояре—старшіе дружинники древнихъ князей. Но въ тоже время на томъ и другомъ концѣ оказываются существенно различные элементы. Тогда какъ въ древнія времена подлѣ старшихъ дружинниковъ древнихъ князей, оказываются городскіе старшины—градскіе старцы, старцы людскіе, въ московскія времена аристократизмъ боярскаго совѣта ослабляется вступленіемъ въ него низшихъ слоевъ—думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, т. е. происходитъ развитіе, усиленіе служилаго класса, а представители городовъ совсѣмъ отсутствуютъ и для нихъ становится даже невозможнымъ вступленіе въ думу. Авторъ объясняетъ это различіе тѣмъ, что въ старину представители городовъ были ближе къ дружинѣ и дальше отъ селъ, тогда какъ въ позднѣйшія времена они отрѣзаны были отъ служилаго сословія, сближены съ жителями селъ и поставлены въ одинъ разрядъ съ ними—неслужилыхъ людей. Такимъ образомъ, исторія служилаго сословія есть, по мнѣнію г. Ключевскаго, исторія учрежденія развивающагося, а исторія городского представительства есть исторія учрежденія ослабѣвающаго, уничтожаемаго. Сообразно съ этимъ, въ древнія времена было большое разъединеніе между городомъ и селомъ, большая власть города надъ селомъ, а въ позднѣйшее время происходило объединеніе ихъ подъ властію правящаго служилаго класса. Тутъ, очевидно, въ основѣ лежитъ мысль М. П.

Погодина и Д. И. Иловайскаго о господствующемъ значеніи города въ наши древнія времена, и мысль С. М. Соловьева о значеніи села въ позднѣйшія времена. Но у нашего автора обѣ эти мысли развиты самостоятельно и весьма оригинально.

Въ разсказѣ нашей начальной лѣтописи о древнѣйшихъ временахъ авторъ находитъ очевидный пропускъ. Лѣтопись говоритъ о разселеніи племенъ, объ ихъ обычаяхъ, даже о княженіяхъ у нихъ, и затѣмъ о призваніи князей, при которыхъ сейчасъ же обнаруживаются города, какъ Новгородъ, Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ. Только о происхожденіи Кіева до лѣтописца дошли смутныя извѣстія. Между тѣмъ, и по лѣтописи и еще яснѣе изъ договоровъ съ греками Олега обнаруживается, что русскіе города были очень развитыми пунктами, составляли своего рода средоточія для областей. Присматриваясь къ географическому положенію этихъ городскихъ средоточій и сравнивая ихъ распредѣленіе съ племенными границами, авторъ открываетъ, что города почти всѣ не были племенными центрами, а развивались независимо отъ племеннаго разселенія восточныхъ славянъ, притягивая къ себѣ чаще всего части нѣсколькихъ племенъ. Такъ, Новгородъ стягивалъ въ одно ильменскихъ славянъ, часть кривичей и даже нѣкоторыя чудскія племена; Смоленскъ — часть кривичей, сѣверянъ, вятичей; Любечъ — сѣверянъ, радимичей и, по всей вѣроятности, часть дреговичей. Эти областныя средоточія были настолько сильны въ X, XI вѣкахъ, что вводятся, какъ части Россіи, въ договоры съ греками, упоминаются тоже, какъ центры, въ описаніи Россіи Константина Багрянороднаго и отчасти служатъ основаніемъ для Владиміра при назначеніи его сыновей по областямъ и еще рѣшительнѣе при раздѣленіи Россіи между сыновьями Ярослава[1]).

Процессъ образованія этихъ внѣплеменныхъ областныхъ средоточій, очевидно, былъ долговременный, давній. Онъ, по автору, предшествовалъ призванію князей, составляетъ независимое отъ нихъ культурное явленіе нашей древней исторической жизни, на которое призванные князья опирались и, благодаря ему, могли строить дальше нашу государственность.

Для уяснеія этого процесса образованія у насъ городскихъ средоточій по областямъ, авторъ беретъ мысль Бѣляева о раз-

[1]) Боярск. дума, особ. изд., стр. 25—7.

личной степени развитія восточно-славянскихъ племенъ, но развиваетъ ее опять самостоятельно. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ племенъ городскія средоточія не достигли надлежащаго развитія, не были областными средоточіями, какъ напримѣръ, у древлянъ, у которыхъ были отдѣльные городовые міры или даже просто округи, или какъ у дреговичей, у которыхъ Туровъ примыкалъ къ Кіеву. У нѣкоторыхъ же племенъ, какъ у вятичей и радимичей, городовъ вовсе не видно. Общій выводъ авторъ дѣлаетъ такой: „Рядъ признаковъ, говоритъ онъ, указываетъ на то, что политическое значеніе большихъ городовъ завязалось незадолго до появленія князей-объединителей (призванныхъ князей) и что образованіе городовыхъ волостей изъ прежнихъ племенъ нельзя отодвигать слишкомъ далеко въ древность отъ половины IX вѣка: 1) лѣтописное сказаніе помнитъ передъ призваніемъ князей дѣленіе восточнаго славянства на племена, а не на городовыя волости; 2) города не успѣли вобрать въ свои волости всего славянскаго населенія Руси, хотя и начали уже завоеваніе окрестныхъ племенъ, не имѣвшихъ своихъ городскихъ средоточій; 3) городовыя волости довершаютъ свое образованіе, достигаютъ окончательныхъ очертаній уже при князьяхъ и при ихъ содѣйствіи“ [1])...

Когда же именно начался этотъ культурный русскій процессъ развитія городовъ? Для рѣшенія этого вопроса авторъ обращается къ древней русской исторіи и возсоздаетъ ее по нѣкоторымъ осколкамъ нашей старины, сохранившимся въ лѣтописи, и по нѣкоторымъ археологическимъ даннымъ. Наши предки, по автору, не помнили ни своего прихода изъ Азіи, ни перехода черезъ Донъ, Днѣпръ къ Дунаю, но помнили свое удаленіе отъ Дуная и поселеніе у средняго Днѣпра. По лѣтописи кіевлянинъ помнилъ себя колонистомъ у Днѣпра, пришедшимъ съ Дуная. Авторъ и здѣсь находитъ въ лѣтописи пропускъ промежуточныхъ событій, случившихся съ славянами на пути отъ Дуная къ среднему теченію Днѣпра, и старается возсоздать эти промежуточныя событія по немногимъ, сохранившимися намекамъ на нихъ. Славяне наши на пути отъ Дуная естественно должны были, думаетъ авторъ, идти вверхъ по южному Бугу и Днѣстру къ сѣвернымъ отгорьямъ Карпатъ. Во время этого движенія между ними произвели смуту

[1]) Русск. Мысль, 1880 г. № III, стр. 74.

въ VI в. авары. Преданіе объ аварскихъ насиліяхъ славянамъ наша лѣтопись сохранила и пріурочиваетъ ихъ къ славянскимъ поселеніямъ, именно, у верховьевъ южнаго Буга—дулѣбамъ. Затѣмъ, Іорданъ, VI в., самъ уроженецъ нижнедунайскаго края, знаетъ на югѣ славянское поселеніе только у самаго черного моря, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, а на сѣверовостокъ знаетъ ихъ только по Днѣстру и на сѣверъ отъ Вислы. Отсюда, т. е. съ верховьевъ Вислы выводятъ разселеніе славянъ и позднѣйшіе писатели, какъ Константинъ Багрянородный и Массуди, и это подкрѣпляется одинаковыми названіями славянскихъ племенъ у Карпатъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. И нашъ лѣтописецъ отъ славянскихъ поселеній этихъ мѣстъ, именно, хорватовъ и сербовъ выводитъ тоже разселеніе славянъ въ разныя стороны и въ томъ числѣ, полагаетъ авторъ, и нашихъ славянъ. Самое имя кіевскихъ полянъ, занимавшихъ въ дѣйствительности лѣсистое мѣсто у Днѣпра, вѣрнѣе всего, думаетъ авторъ, получено ими отъ открытыхъ мѣстъ у сѣверовосточныхъ склоновъ Карпатъ, гдѣ они вѣроятнѣе всего отдѣлились отъ тамошнихъ славянъ хорватовъ и сербовъ. Все это заставляетъ автора думать, что первоначальнымъ мѣстомъ поселенія нашихъ славянъ на пути отъ Дуная были, именно, мѣста у сѣверовосточныхъ склоновъ Карпатъ и что, можетъ быть, шумное движеніе, поднятое за Карпатами чешскимъ воителемъ Само, было новымъ толчкомъ, двинувшимъ нашихъ славянъ далѣе на востокъ и сѣверъ Россіи въ ихъ колонизаціонномъ движеніи отъ Дуная къ Днѣпру.

На этомъ длинномъ и долговременномъ пути у нашихъ славянъ произошло, думаетъ авторъ, не мало и внутреннихъ перемѣнъ. И при аварахъ и послѣ разрушенія ихъ державы, у славянъ составлялись союзы для походовъ на Византію и, конечно, для внутренней своей безопасности. Объ этихъ союзахъ упоминаютъ византійскіе писатели, какъ Прокопій, но особенно ясно и рѣшительно говоритъ арабъ Массуди, по словамъ котораго племя Валынана (Волыняне?), объединило подъ властію своего царя многія другія славянскія племена, но потомъ это объединеніе распалось и пошли раздоры между племенами. Нашъ авторъ видитъ въ разсказѣ лѣтописи объ обидахъ полянамъ отъ древлянъ преданіе о расторженіи этого, именно, союза прикарпатскихъ славянъ.

Еще больше внутреннихъ перемѣнъ должно было произойти

у славянъ, полагаетъ авторъ, отъ самаго колонизаціоннаго ихъ движенія на востокъ, къ Днѣпру и далѣе. Колонисты неизбѣжно должны были разбрасываться семьями и въ семьяхъ сосредоточивать ограду, защиту себя. Слѣды этого—такъ называемыя городища. Власть родоначальника при этомъ должна была затрудняться на практикѣ, родовыя начала должны были падать. Сильнѣйшимъ доказательствомъ этого авторъ признаетъ сохранившіеся древніе наши законы о наслѣдствѣ по завѣщанію, которые при родовомъ бытѣ не могли имѣть мѣста. При этомъ авторъ дѣлаетъ остроумное объясненіе, почему въ нашей исторической литературѣ такъ различно разрѣшается вопросъ о родовомъ бытѣ у русскихъ славянъ, именно, потому, что „изученіе остатковъ древнѣйшаго права склоняетъ изслѣдователей къ отрицательному рѣшенію (вопроса о родовомъ бытѣ), тогда какъ въ остаткахъ домашняго культа и въ языкѣ можно еще найти достаточно основаній для утвердительнаго отвѣта" [1]). Авторъ полагаетъ, что къ тому далекому времени, когда разрушался родъ, нужно отнести „превращеніе рода, родового божества въ Шура, Дѣда, и потомъ болѣе узкое семейное опредѣленіе этого древняго Дѣда прозвищемъ Домового" [2]). Признакъ подобнаго разрушенія и въ болѣе крупномъ союзѣ, образовавшемся на родовомъ же началѣ, разрушенія въ союзѣ племенномъ, авторъ видитъ въ томъ, что лѣтопись сохранила преданіе о племенахъ, но уже забыла о племенныхъ князьяхъ, и происхожденіе княженія кіевскаго связала съ жизнію трехъ братьевъ, поставившихъ у Днѣпра три двора, изъ которыхъ потомъ выросъ полянскій городъ Кіевъ [3]).

Такимъ образомъ, то разрушеніе рода, которое Соловьевъ приписываетъ призваннымъ князьямъ, г. Ключевскій отодвигаетъ назадъ ко временамъ переселенія нашихъ славянъ отъ Дуная къ Днѣпру, и въ этомъ отношеніи сходится съ Бѣляевымъ, который первоначально утверждалъ тоже, и съ Д. И. Иловайскимъ, который ставитъ это разрушеніе и образованіе общины въ связь съ славянской колонизаціей въ финской странѣ.

Точно также г. Ключевскій отодвигаетъ назадъ, въ древность и тѣ положительнаго свойства явленія, которыя зародились на

---

[1]) Русск. Мысль, 1880 г. № IV, стр. 18. [2]) Тамъ же, [3]) Тамъ же, стр. 18—19; особое издан. стр. 23 — 4.

развалинахъ родового быта. На мѣсто родового быта и въ подкрѣпленіе жизни по семьямъ явились союзы сожительства, вызванные земельными и промышленными интересами [1]). Отсюда славянофилы выводятъ сельскую общину. Нашъ авторъ въ этомъ случаѣ расходится съ славянофилами, какъ и съ послѣдователями родового быта, и идетъ своимъ путемъ. Онъ раскрываетъ намъ торговое развитіе славянъ, разселившихся по обѣимъ сторонамъ верхняго и средняго Днѣпра, и изъ этого развитія выводитъ новую группировку населенія нашихъ славянъ. „Приливъ массы восточнаго славянства въ область Днѣпра былъ, говоритъ авторъ, не только территоріальнымъ передвиженіемъ, но и важнымъ экономическимъ переворотомъ. Днѣпръ, захватывая чуть не всю западную половину европейской Руси своими далеко идущими въ обѣ стороны вѣтвями, былъ для народнаго хозяйства такой питательной артеріей, съ которой не могли равняться ни Днѣстръ, ни оба Буга: онъ вызывалъ пришлое населеніе къ болѣе оживленной хозяйственной дѣятельности и даже измѣнилъ ея направленіе, указывая ей новые пути и промыслы“ [2]).

Это географическое условіе нашло себѣ, по мнѣнію автора, содѣйствіе въ историческомъ условіи. Передвигаясь къ Днѣпру, наши славяне шли, полагаетъ авторъ, отъ аварскаго ига къ другому — къ игу хазаръ, которые въ концѣ VII в. пришли по слѣдамъ аваръ и утвердили свою власть на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ [3]). Авторъ справедливо утверждаетъ, что иго хазаръ было легкое, что въ хазарскомъ царствѣ преобладало торговое развитіе. Такимъ образомъ, наши славяне еще болѣе были этимъ вызваны на торговое развитіе, и не только на главныхъ рѣчныхъ пунктахъ, но и вообще по всей заселенной ими странѣ,— въ ихъ лѣсахъ, богатыхъ всякимъ звѣремъ и пчелами. Торговое развитіе естественно выдвигало пункты, куда свозились и обмѣнивались предметы торговли. Этимъ именно путемъ, по мнѣнію автора, образовались такъ называемые погосты, которые самымъ своимъ названіемъ — гость, торговецъ, указываютъ на ихъ торговое происхожденіе. Судя по исторической устойчивости погостовъ, которые сдѣлались и мѣстомъ остановокъ князей при сборѣ дани, и

[1]) Русск. Мысль, 1880 г., № IV стр. 19; особ. изд. стр. 24. [2]) Русск. Мысль, 1880 г., № IV, стр. 19. [3]) Тамъ же.

обычнымъ мѣстомъ, гдѣ строились церкви, авторъ заключаетъ, что они древнѣе призванія князей. Въ болѣе важныхъ погостахъ имѣли мѣсто и въ хазарскія времена сборъ дани и судебно-полицейскія дѣла. Поэтому они дѣлались и округами этого послѣдняго рода. Этими административными и судебными округами авторъ признаетъ сельскую вервь Русской Правды. Въ круговой порукѣ по дѣламъ уголовнымъ, какая была въ верви, авторъ видитъ правительственный характеръ ея; но въ томъ, что сила поруки не была обязательна для всякаго члена верви и что, выступая изъ этой круговой поруки, онъ не устранялся отъ земельнаго владѣнія въ верви, авторъ видитъ народное, самобытное начало верви и полагаетъ, что и она также болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ призваніе князей. „Возникновеніе верви надобно относить, говоритъ авторъ, къ тому времени, когда не было еще внутренняго централизующаго правительства, а родовое общество начало замѣняться поземельнымъ сосѣдствомъ, но поземельныя отношенія имѣли второстепенное значеніе передъ лѣсными и другими промыслами, и не успѣли стать главной основой сельскаго общества“ [1]).

Наконецъ, самые главные погосты, благодаря выгодамъ мѣста и хазарскимъ сношеніямъ, выросли въ города. Что торговымъ путемъ стали выдвигаться наши города и во времена, именно, хазарскаго владычества, авторъ основываетъ это главнѣйшимъ образомъ на археологическихъ данныхъ,—на монетныхъ раскопкахъ. „...Кромѣ литературной лѣтописи, у насъ, говоритъ авторъ, сохранилась еще металлическая, страницы которой долго скрывались подъ землей и частію скрываются доселѣ: это извѣстные древніе монетные клады. Топографія ихъ и хронологія найденныхъ въ нихъ денегъ привели изслѣдователей къ заключеніямъ, которыя идутъ прямо навстрѣчу воспоминаніямъ кіевскаго лѣтописца, не опровергая, но дополняя ихъ и поясняя. По главнымъ рѣчнымъ дорогамъ Россіи, по Днѣпру, Окѣ, Волгѣ, Ловати, Волхову и др. идетъ одинъ и тотъ же слой восточныхъ монетъ, и тотъ же слой оказывается въ Лифляндіи, Эстляндіи, на Невѣ и по всѣмъ прибрежьямъ балтійскаго моря, въ Швеціи, Помераніи и проч.“ [2]). Авторъ указываетъ далѣе, что самое большее число этихъ монетъ

[1]) Р. М. 1880 г. № IV, стр. 24—5; особ. изд. стр. 24. [2]) 1880 г. № IV, стр. 26—7.

относится къ концу IX и къ началу X в., т. е. падаетъ на то время, въ которое по нашимъ и чужимъ извѣстіямъ были самыя живыя торговыя сношенія Руси съ восточными и южными рынками, но что попадаются и такіе клады, въ которыхъ монеты относятся—самыя позднія къ началу IX в., а самыя раннія къ началу VIII в. „Вообще монеты этого послѣдняго вѣка встрѣчались въ значительномъ количествѣ; но между ними чрезвычайно рѣдки монеты VII в. и притомъ только послѣднихъ его лѣтъ“ [1]). На основаніи этихъ то данныхъ авторъ полагаетъ, что возникновеніе нашихъ городовъ нужно видѣть въ VIII в. во времена хазарской власти, а въ концѣ IX и началѣ X в. они были уже руководителями торговыхъ сношеній [2]).

Были ли эти средоточія торговыхъ сношеній и политическими руководителями областей во времена хазарскія, подобно тому, какъ торговые погосты превращались въ судебно-полицейскіе округи, авторъ не можетъ этого сказать „по недостатку данныхъ“ [3]). Такимъ образомъ, защитникъ мнѣнія, что города имѣли первенствующее значеніе въ самыя древнія времена, вынужденъ дать такой результатъ своего изслѣдованія, что средоточія болѣе близкія къ селамъ—торговые погосты развивались до судебно-полицейскихъ вервей, а болѣе видныя торговыя средоточія областей—города не представляютъ данныхъ для сужденія объ ихъ политическомъ значеніи. Торговля въ тѣ времена неизбѣжно связывалась съ военнымъ дѣломъ, какъ необходимымъ средствомъ защиты, такъ что даже въ погостахъ, а тѣмъ болѣе въ главныхъ изъ нихъ, давшихъ начало городамъ, должна была необходимо развиваться военная дружина, и развиваться гораздо раньше хозарскаго владычества. Кромѣ торговыхъ дорогъ, устланныхъ арабскими монетами, изъ русскихъ же кладовъ открываются еще другія дороги, гораздо древнѣе арабскихъ,—это пути греко-римскихъ монетъ. Одинъ изъ этихъ путей и въ наши лѣтописныя времена долго сохранялъ свою силу,—это греческій путь по Днѣпру, Западной Двинѣ. Авторъ, конечно, знаетъ эти клады, знаетъ и то, что упоминаемый греческими и арабскими писателями древній городъ Самватіонъ или Самватасъ, по всей вѣроятности, есть нашъ

[1]) Тамъ же, стр. 27; особ. изд., стр. 21. [2]) Тамъ же. [3]) Русск. М., тамъ же, стр. 30.

Кіевъ. Но эту сѣдую древность онъ отрываетъ отъ нашихъ городовъ хазарскихъ временъ и на основаніи нашего лѣтописнаго преданія о поселеніи Кія, Щека и Хорива въ лѣсистомъ мѣстѣ, о какой то укромности полянъ въ тѣхъ же лѣсахъ при покореніи ихъ хазарами и, наконецъ, о незначительности, будто бы, Кіева даже при покореніи его Олегомъ, полагаетъ, что древній Самватіонъ запустѣлъ, мѣсто его обезлюдѣло и заросло лѣсомъ [1]).

Связавъ возникновеніе нашихъ городовъ слишкомъ тѣсно съ хазарскимъ владычествомъ, авторъ и дальнѣйшее ихъ развитіе также излишне связываетъ съ послѣдующими внѣшними событіями,—съ разрушеніемъ хазарскаго могущества въ IX в. отъ наплыва новыхъ кочевниковъ—печенѣговъ и болгаръ, для сдержки которыхъ хазары вынуждены были построить, около 830 г., на Дону крѣпость Саркель и противъ которыхъ, по никоновской лѣтописи, вели войну Аскольдъ и Диръ [2]). Для доказательства, что наши древніе города получили военное устройство въ эти именно времена, авторъ обращается къ многочисленнымъ аналогическимъ явленіямъ позднѣйшихъ временъ. Онъ опирается на то общеизвѣстное явленіе, что въ X, XI в. въ нашихъ русскихъ городахъ было прочное военное устройство, были, напримѣръ, десятскіе, сотскіе, которыхъ Владиміръ приглашалъ на свои пиры вмѣстѣ съ дружинниками, и тысяцкіе городовъ, съ которыми Владиміръ Мономахъ совѣщался при исправленіи Русской Правды. Самые города, говоритъ авторъ, назывались иногда тысячами такими-то, напримѣръ сновская тысяча (XII в.) [3]), подобно тому какъ въ позднѣйшія времена были малороссійкіе полки по городамъ и тоже заключали въ себѣ тысячи въ смыслѣ не ариѳметическомъ, а въ смыслѣ военной группы. Явленія эти, полагаетъ авторъ, нельзя признать недавними для X—XI в., а необходимо признать очень старыми, упрочившимися до призванія князей. Владиміръ св. съ великою легкостію устрояетъ на югѣ кіевской области города—военныя поселенія изъ переселенцевъ съ разныхъ мѣстъ. Олегъ, Аскольдъ и Диръ находятъ тоже съ легкостію большіе военные отряды для своихъ походовъ. Эти военныя силы, по мнѣнію автора, сосредоточивались въ городахъ, которые только и

---

[1]) Русская Мысль, тамъ же, стр. 28. [2]) Русская Мысль, 1880 г. № X, стр. 64—5; особ. изд., стр. 22—23. [3]) Русская Мысль, тамъ же, стр. 74.

знали дѣленіе на сотни, десятки и составляли тысячи, а села подобнаго дѣленія долго не знали и группировались около погостовъ. Сотни переходятъ въ пригородныя села, а затѣмъ и вообще въ села уже въ позднѣйшія времена,—во времена удѣльныя и особенно въ XVI ст. при развитіи земства во времена Іоанна IV. Этимъ, утверждаетъ авторъ, наше сотенное устройство отличается отъ германскаго [1]).

Развитіе въ городахъ военной силы авторъ выводитъ изъ потрясенія, испытаннаго русскою землею въ половинѣ IX в. „Потрясеніе это, говоритъ онъ, началось упадкомъ хазарскаго владычества, и продолжалось на сѣверѣ страны нападеніемъ варяговъ изъ-за моря, на югѣ появленіемъ новыхъ непріятелей въ степи... Эта двусторонняя невзгода разорвала нити экономическихъ и общественныхъ отношеній, успѣвшія завязаться въ продолженіи VIII вѣка, и начала сбивать русскую жизнь съ протоптанныхъ ею путей. Особенно тяжко было закрытіе торговыхъ путей и рынковъ для главныхъ промышленныхъ городовъ Руси, и, чтобы защитить или прочистить ихъ, они съ тянувшими къ нимъ промышленными районами начали сжиматься, сбираться съ силами, опоясываться стѣнами и отовсюду стягивать за эти стѣны боевыхъ людей“ [2]).

Въ составѣ этихъ боевыхъ людей авторъ видитъ самые разнородные элементы даже по народности. Онъ указываетъ на то, что, по лѣтописи, всѣ шумные походы князей осуществлялись при участіи варяговъ-руси, что ихъ не мало жило въ Новгородѣ, такъ что Ярославъ въ 1036 г. велъ ихъ въ походъ на Мстислава даже безъ призыва изъ-за моря; что при Олегѣ новгородцы платили отряду варяговъ 300 гривенъ для охраны (такъ понимаетъ авторъ это свидѣтельство лѣтописи); что по Русской Правдѣ варягъ былъ обычнымъ обывателемъ русской земли [3]). Эти свидѣтельства авторъ дополняетъ свидѣтельствомъ Титмара мерзебургскаго, получившаго извѣстія отъ нѣмцевъ, бывшихъ въ походѣ на Кіевъ Болеслава Храбраго, въ 1018 г.,—свидѣтельствомъ, что главную массу въ населеніи Кіева, какъ и всей его области, составляютъ бѣглые рабы, стекающіеся сюда со всѣхъ сторонъ, а всего болѣе проворные даны (варяги), и что все это сборное населеніе отбивалось отъ печенѣговъ [4])...

---

[1]) Тамъ же, стр. 66; особ. изд., стр. 29—32. [2]) 1880 г., № X, стр. 75; особ. изд., стр. 22. [3]) Р. М. тамъ же, стр. 75—6. [4]) Р. М. тамъ же, стр. 77—8; особ. изд., стр. 28—9 (большія сокращенія).

Само собою очевидно, что этотъ процессъ развитія русскихъ городовъ, какъ его изображаетъ авторъ, не могъ не захватывать весьма многихъ сторонъ русской жизни. Города, столь усилившіеся военными дружинами, даже инородными, имѣли возможность производить еще болѣе сильное давленіе на волости, давали населенію ихъ и защиту въ случаѣ опасности, но въ случаѣ столкновенія могли и показать свою силу. По мнѣнію автора, главные города теперь-то стали не только торговыми центрами, но и властями для волостей, по выраженію лѣтописца, т. е. получили и политическое значеніе [1]).

Авторъ указываетъ еще болѣе глубокое значеніе этого переворота. Онъ полагаетъ, что потрясеніе всюду отзывалось, что рвались прежнія общественныя связи, что въ эти тревожныя времена русскія племена хватились за остатки стараго своего родового строя, и что таковъ смыслъ разсказа лѣтописи о смутахъ въ новгородской землѣ послѣ изгнанія варяговъ, когда начались усобицы и всталъ родъ на родъ [2]). Въ этомъ авторъ находитъ объясненіе и призванія князей.

Въ варягахъ, призванныхъ новгородцами, авторъ видитъ главный элементъ норманскій [3]); но усматриваетъ въ нихъ особенности, отличавшія ихъ отъ норманновъ, дѣлавшихъ завоеванія въ другихъ странахъ Европы. У насъ норманны, по автору, необходимо должны были еще до призванія князей сближаться съ кореннымъ населеніемъ и встрѣчать и съ его стороны расположеніе. Для русскихъ, какъ и для нашихъ норманновъ, было важно расчистить торговые пути. Согласія, единодушія требовала самая трудность этихъ длинныхъ путей. Но отъ этого единенія было еще далеко до государственнаго единства Руси. Авторъ даетъ неясныя указанія на раздробленность Россіи по городовымъ волостямъ и при князьяхъ призванныхъ; предполагаетъ даже, что приходили варяжскіе правители городовъ и помимо призванія. Онъ тутъ разумѣетъ полоцкаго Рогволода, но можно разумѣть и Аскольда и Дира. Даже Новгородъ, замѣчаетъ авторъ, призываетъ не одного, а трехъ князей, которые разсаживаются по разнымъ городамъ, соотвѣтственно тремъ важнѣйшимъ частямъ новгородской территоріи. Городовыя воло-

---

[1]) Р. М. тамъ же, стр. 80; особ. изд. стр. 31—2. [2]) Р. М., тамъ же, стр. 80—1. [3]) Р. М., тамъ же, стр. 83.

сти дѣйствительно могли преслѣдовать свои особые интересы и мало думать объ общемъ единствѣ. Это открывало путь къ соперничеству и раздорамъ между областными князьями, на что и указываетъ авторъ; но онъ при этомъ недостаточно раскрылъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ были и существенныя побужденія къ объединенію городовыхъ волостей. Ихъ объединяли водные пути. Новгороду нельзя было допустить, чтобы оторвались отъ него Ростовъ или Изборскъ. Естественно, что изъ того же Новгорода вышло и стремленіе соединить съ собою и югъ Россіи. Особенную важность для Новгорода и другихъ городовъ, какъ Смоленскъ, Любечъ, имѣлъ торговый путь, давно знакомый и варягамъ,—днѣпровскій путь, путь изъ варягъ къ греки. Важностію этого пути авторъ справедливо объясняетъ то явленіе, что вскорѣ послѣ утвержденія въ Новгородѣ призванныхъ князей, силы новаго государства при первомъ энергичномъ князѣ (Олегѣ) направляются на югъ, въ Кіевъ, при несомнѣнной поддержкѣ городовъ. И силы эти не останавливаются на Кіевѣ. Олегъ воюетъ славянскія племена, сидящія у устья Днѣпра, воюетъ и съ греками, но сейчасъ же заключаетъ договоры, выгоды котораго распредѣляются между главными русскими городами—Кіевомъ, Черниговомъ, Переяславлемъ и друг. [1]). Все это были дѣла обоюдно выгодныя и для призванія князей, и для русскихъ городовъ, поэтому единеніе тѣхъ и другихъ совершенно естественно.

Но какъ только упрочилась государственная власть призванныхъ князей, особенно когда послѣдовало государственное объединеніе большей части русскихъ областей, такъ должно было начаться, по автору, раздѣленіе военныхъ силъ городовъ. Часть этихъ силъ отошла къ князю, составила его дружину; другая оставалась въ составѣ городскаго населенія и представители ея продолжали руководить мѣстными обществами. „Это и были тѣ нарочитые мужи, старцы градскіе, старѣйшины по всѣмъ градомъ, которые, говоритъ авторъ, являлись въ X вѣкѣ въ торжественныхъ или важныхъ случаяхъ при князѣ рядомъ съ боярами" [2]).

Между обоими слоями этихъ совѣтниковъ больше и больше стало обозначаться разъединеніе. Дружина ближе и ближе примыкаетъ къ князю, старшины выходятъ изъ княжескаго совѣта

---

[1]) Р. М., тамъ же, стр. 89. [2]) Р. М. тамъ же, стр. 90, 91; особ. изд., стр. 37—39.

стараются усилить себя вѣчами, которыя становятся въ недружелюбныя отношенія къ князьямъ. По мнѣнію автора, благодаря этому, волости обособляются не только потому, что было много князей, но и потому, что вѣча стараются возстановить прежнее, самостоятельное свое значеніе[1]).

Вся эта теорія устройства древняго русскаго общества и процессъ его развитія разработана авторомъ съ глубокимъ знаніемъ источниковъ, изложена замѣчательно стройно, и нѣкоторыя ея

[1]) Все это, по автору, ослабляетъ единство Руси и понижаетъ политическій уровень развитія русскаго общества. „Опытъ политическаго объединенія русской земли, говоритъ авторъ, предпринятый вѣка за два до смерти Ярослава, повидимому, оказался неудачнымъ при его преемникахъ. Обѣ общественныя силы (городская аристократія и княжеская дружина), дружнымъ дѣйствіемъ которыхъ былъ начатъ этотъ опытъ и доселѣ поддерживался политическій порядокъ, столкнувшись другъ съ другомъ, какъ будто повернули назадъ, къ положенію, въ какомъ онѣ были до князя Олега“. „Князья стали превращаться въ старинныхъ варяжскихъ конунговъ, бездомныхъ искателей военной добычи или хорошаго корма по богатымъ городамъ за административныя и военныя услуги“. „Часто вынуждаемые уступать городскимъ патриціямъ, заправителямъ вѣчъ, непосредственное руководство волостями, они... оставались безъ почвы, оторванными отъ земли скитальцами. Городовыя волости въ свою очередь стремились возвратиться къ прежнему политическому обособленію. Вліяніе, какое пріобрѣталъ старшій волостной городъ XII в. въ своей волости, было только возстановленіемъ того значенія, какое онъ имѣлъ въ IX вѣкѣ“. (Р. М. тамъ же, стр. 94—5). Это по автору повело къ обособленію княжеской думы, къ уменьшенію ея политическаго значенія при тогдашнемъ отношеніи общественныхъ силъ. „Только въ Новгородѣ, которому обстоятельства помогли въ чистотѣ хранить древній политическій строй волостнаго города, и въ XII в. встрѣчаемъ, говоритъ авторъ, княжескую думу въ томъ же составѣ, въ какомъ она являлась при кіевскомъ князѣ Владимірѣ въ X в. Князь Всеволодъ Мстиславичъ, задумавъ дать церковный уставъ своей волости, для обсужденія этого законодательнаго акта призвалъ къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ епископомъ и боярами еще 10 сотскихъ отъ черныхъ людей города и старостъ отъ новгородскаго купечества... Такихъ извѣстій не встрѣчаемъ о княжеской думѣ въ другихъ волостяхъ XII в. Ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ волостяхъ этого вѣка представители волостнаго города не садятся рядомъ съ боярами въ княжескомъ совѣтѣ; городской міръ является передъ княземъ обыкновенно въ видѣ городскаго вѣча“. Р. М. тамъ же, стр. 95. Въ особомъ изданіи, кромѣ сокращенія въ изложеніи, авторъ нѣсколько ослабляетъ рѣзкость своихъ сужденій, о разладѣ въ древней Руси и выдвигаетъ значеніе договора. Стр. 48—50. „При тогдашнемъ положеніи обѣихъ соперничавшихъ силъ договоръ, рядъ оставался, говоритъ онъ, единственнымъ средствомъ поддержанія разрушившихся земскихъ связей“. Стр. 50. „Начало договора, лежавшее въ основаніи отношеній князя къ своей братіи и къ старшимъ городамъ, оказывало сильное дѣйствіе и на отношеніе князя къ его вольнымъ слугамъ“. Стр. 50—51. Силу договора и участіе въ княжеской думѣ тысяцкихъ и областныхъ правителей авторъ указываетъ въ южной Руси, которую въ этомъ отношеніи рѣзко отличаетъ отъ Руси восточной. Стр. 60—75.

части, безъ всякаго сомнѣнія, займутъ въ нашей наукѣ прочное положеніе, какъ напримѣръ, то положеніе, что еще до призванія князей въ нашей русской жизни выработаны были нѣкоторыя положительныя культурныя начала, — союзы городскіе для торговыхъ и военныхъ цѣлей. Но многія части въ этой теоріи весьма непрочнаго свойства. Кромѣ указанной уже нами малой основательности мнѣнія, что города развились у насъ только въ VIII в., во времена хазарскаго владычества, можно указать еще на слѣдующіе недостатки. Доказательства автора о разъединеніи между русскимъ городомъ и селомъ и о рѣшительномъ господствѣ города надъ селомъ не выдерживаютъ критики. Уже та легкость, съ какою возникали города при умноженіи князей и весьма слабая борьба между главными городами и пригородами опровергаютъ эту теорію. Точно также не можетъ выдержать критики мнѣніе автора, что смерды были въ какомъ то полусвободномъ состояніи. Самимъ-же авторомъ хорошо раскрытое устройство древней русской сельской верви доказываетъ, какъ самобытно было положеніе смерда, пока онъ былъ въ общинѣ. Это также подтверждается существованіемъ изгоевъ и особенно рабовъ. Ни то, ни другое сословіе не развивались бы на Руси, если бы положеніе смерда не было свободнымъ. Свобода эта наконецъ была такъ сильна, что рѣшала судьбу тогдашнихъ княжествъ. Аристократическое направленіе въ югозападной Россіи погнало смердовъ на сѣверо-востокъ Россіи, и они дали послѣдней восторжествовать надъ первой.

Изъ этого уже можно видѣть, что въ теоріи автора упущено важнѣйшее преобладающее значеніе въ древней русской жизни земледѣлія. Авторъ, очевидно, смотритъ на древнерусскую жизнь съ точки зрѣнія жителя лѣсной, водной, т. е. торговой полосы Россіи. Но самъ же онъ потомъ, какъ увидимъ, становится на другую точку зрѣнія и раскрываетъ рѣшающее значеніе землевладѣнія. Да и теперь, при изученіи древнихъ временъ, онъ долженъ былъ признать, что въ древлянской землѣ, почти не было городовъ, однако древляне брали верхъ надъ полянáми и сама Ольга засвидѣтельствовала, какъ важно было у нихъ земледѣліе.

Невѣрно мнѣніе автора и объ антагонизмѣ между вѣчами и князьями, какъ систематическомъ направленіи. По самой неразвитости органовъ тогдашней княжеской власти, вѣча имъ были

необходимы. Точно также и вѣчамъ крайне нуженъ былъ въ лицѣ князя не только защитникъ отъ внѣшнихъ враговъ, но и безпристрастный судья въ борьбѣ вѣчевыхъ партій. Лучшіе русскіе князья дотатарской Руси и были чаще всего въ дружескихъ отношеніяхъ съ вѣчами, а Владиміръ Мономахъ можетъ быть даже названъ вѣчевымъ княземъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не приложилъ надлежащимъ образомъ своихъ научныхъ пріемовъ и своего обычнаго усердія въ изученію личности Владиміра Мономаха и того типа государственнаго устройства, какой былъ намѣченъ и отчасти осуществленъ этимъ необычайнымъ государемъ. Вся жизнь его посвящена была служенію цѣлой, единой Руси и во имя высшихъ ея благъ. Мы уже очерчивали личность этого необыкновеннаго нашего князя. Считаемъ нужнымъ разъяснить еще подробнѣе его дѣла, далеко неуясненныя въ нашей наукѣ. Еще задолго до того времени, когда Владиміръ Мономахъ сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ, онъ объединялъ лучшія русскія силы для отраженія половцевъ и для внутренняго порядка. Онъ выдвинулъ мѣру, ограничивававшую властолюбіе и неуживчивость князей — держаться родныхъ волостей, какія распредѣлены были между сыновьями Ярослава; но мѣру эту, какъ и другія, онъ думалъ освятить авторитетомъ представителей Руси, и требовалъ князя Олега, какъ бы на судъ этихъ представителей. Только настойчивости кіевскаго вѣча и самъ онъ уступилъ, когда ему приходилось занять кіевскій столъ. Но, что еще важнѣе, онъ преслѣдовалъ интересы не однихъ видныхъ представителей вѣча. Его заботы объ уменьшеніи денежной зависимости бѣдныхъ отъ богатыхъ, объ огражденіи полусвободныхъ людей отъ поступленія въ рабы, его заботы о защитѣ вообще народа отъ разоренія изъ-за дурного управленія, изъ-за княжескихъ смутъ и нападеній половцевъ, несомнѣнно направлены были къ тому, чтобы остановить народное оскудѣніе южной Руси, охранить русскую земельную общину и пріостановить бѣгство народа въ разныя стороны. Это была программа, достойная величайшаго народнаго сочувствія, не даромъ на Руси такъ много и долго любили и славили Владиміра Мономаха,—программа, которую и осуществляли болѣе умные его потомки и въ южной, и въ восточной Россіи. Извѣстно, что послѣ Владиміра Мономаха происходило сильное сближеніе южныхъ князей съ вѣчами. Лучшіе южные князья по-

стоянно опираются на вѣча въ борьбѣ съ другими князьями. Дѣйствительный общерусскій и даже народный смыслъ этого союза въ дѣлахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ князей совершенно ясенъ. Такъ Мстиславъ Храбрый былъ признаваемъ возстановителемъ правды въ русскихъ областяхъ. По его слѣдамъ шелъ его сынъ Мстиславъ Удалой, который въ 1213 г., во время войны новгородцевъ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, обнаружилъ необычайное для того времени самообладаніе,—не дозволилъ опустошать землю побѣжденнаго врага. Такимъ образомъ, при содѣйствіи вѣчей обуздывались безпокойные князья.

Извѣстно, съ другой стороны, что и въ суздальской области болѣе умные князья въ первыя времена, какъ Андрей Боголюбскій и братъ его Всеволодъ, не только стояли за простой народъ, но и были въ единеніи съ своими вѣчами; но, къ сожалѣнію, не стояли на высотѣ служенія Россіи своего дѣда, а пользовались своими вѣчами для подавленія не только другихъ князей, но и другихъ вѣчей, отъ чего и произошло такое чудовищное явленіе въ дотатарской Руси, какъ разграбленіе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 г., отъ котораго Кіевъ уже не могъ оправиться.

Такимъ образомъ, въ XII и началѣ XIII в. обозначались на Руси двѣ политическія системы или, точнѣе, сказать, два различныхъ пониманія Владиміровой системы объединенія Руси: на югѣ—сдержка князей и охраненіе порядка при содѣйствіе вѣча, и на сѣверо-востокѣ—посредствомъ вѣчевыхъ силъ, обузданіе и князей, и чужихъ вѣчей.

Но естественное развитіе и взаимное уравновѣшеніе этихъ системъ было насильственно остановлено татарскимъ нашествіемъ. Все это, очевидно, составляетъ весьма важный процессъ нашей русской жизни, и если бы авторъ изучилъ его надлежащимъ образомъ, то ему пришлось бы отказаться и отъ разъединенія городовъ и селъ въ древней Руси, и еще болѣе отъ непомѣрнаго господства городовъ и непомѣрнаго приниженія селъ.

Явленія нашей внутренней жизни въ такъ называемыя удѣльныя времена авторъ разъясняетъ тоже съ большою самостоятельностію и оригинальностію. Удѣльный періодъ онъ пріурочиваетъ къ XIII, XIV в. и даже къ XV в. Въ эти именно времена онъ видитъ главныя характеристическія особенности удѣльности, ко-

торыя выражались, по его мнѣнію, въ большей и большей обособленности князей, въ пониженіи у нихъ политическаго уровня и въ паденіи силы и значенія какъ дружины, такъ и городовъ.

Мы видѣли, что этотъ упадокъ, по мнѣнію автора, начался отъ того, что не только князья разъединялись и обособлялись, но разъединялись и обособлялись главные слои правящаго класса — дружина и представители городовъ. Въ XIII и XIV в. все это пошло развиваться еще дальше, и авторъ даетъ намъ самую печальную картину тогдашняго состоянія Россіи. Еще у южныхъ князей онъ видитъ остатки старыхъ преданій. Они еще помнятъ свое единство, единство русской земли и сознаютъ необходимость, даже обязанность общими силами защищать русскую землю, не давать поганымъ нести ее розно [1]).

Но восточно-русскихъ князей онъ представляетъ совершенно забывшими старыя преданія. Они, сидя по своимъ удѣльнымъ гнѣздамъ, дичали и „отвыкали отъ помысловъ, шедшихъ дальше заботы о птенцахъ", т. е. дѣтяхъ [2]). „Въ удѣльномъ князѣ XIV в., говоритъ авторъ, меньше земскаго сознанія и гражданскаго чувства; въ этомъ отношеніи онъ болѣе варваръ, чѣмъ его южный предокъ... и если онъ меньше послѣдняго дерется, то лишь потому, что онъ по воспитанію и вкусамъ больше мужикъ, мало привычный ко всякому бою, въ сравненіи съ старымъ южнымъ княземъ, еще сохранявшимъ наслѣдственныя привычки витязя [3])!.. „Замутилось понятіе о единой русской землѣ, воспитанное въ обществѣ политическими, экономическими и церковными связями прежняго времени. По крайней мѣрѣ, съ половины XIII в. литературные памятники, особенно лѣтописи, употребляютъ выраженіе „русская земля" далеко не такъ часто и не съ такою любовію, какъ это было въ XII в. Общественныя понятія людей съузились и локализировались, какъ тѣ малые областные міры, на которые внѣшніе и внутренніе удары разбивали русскую землю Ярослава Стараго и Мономаха" [4]).

Мы знаемъ, что мысль о пониженіи русской цивилизаціи вмѣстѣ съ движеніемъ русскаго народа на востокъ проводится въ исторіи С. М. Соловьева. Знаемъ мы также, что положеніе это пріурочивается

---

[1]) Р. М. 1880, № XI, стр. 126; особ. изд., стр. 76. [2]) Тамъ же. [3]) Р. М. 1880, № XI, стр. 126 — 7; отд. изд. стр. 77. [4]) Р. М. Тамъ же, стр. 128; особ. изд., стр. 78, а также стр. 186—188 и Р. М. 1881 г. № VI, стр. 229—230.

не только къ мѣстности, но и къ особенностямъ великорусскаго племени К. Д. Кавелинымъ, который при этомъ тоже сравниваетъ восточную и западную Русь, отдавая вездѣ предпочтеніе западной Руси. Нашъ авторъ, видимо сближаясь съ Соловьевымъ и даже съ Кавелинымъ, въ дѣйствительности и здѣсь идетъ своимъ путемъ. Онъ обращаетъ главное вниманіе на экономическое состояніе Россіи и изъ него главнымъ образомъ выводитъ упадокъ и политическаго и общественнаго сознанія въ ней въ XIII и XIV в. Въ этомъ вопросѣ онъ опять ближе всего сходится съ юристами западническаго направленія. Вотчинность Чичерина у него развита во всей широтѣ, но и здѣсь онъ привнесъ очень много своего, новаго. Съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и умѣніемъ авторъ пересматриваетъ акты и вообще извѣстія для того времени и, снимая съ московскаго строя жизни позднѣйшія наслоенія, открываетъ въ немъ порядокъ дѣлъ общій, по его мнѣнію, всѣмъ удѣльнымъ княжествамъ.

Раздробившіеся на особыя вѣтви, уединившіеся по областямъ и потерявшіе, по мнѣнію автора, сознаніе единства и своего и своихъ областей, русскіе удѣльные князья, особенно восточной Россіи, болѣе и болѣе занимали положеніе частныхъ владѣльцевъ, вотчинниковъ, дробившихъ свои владѣнія въ завѣщаніяхъ по своему усмотрѣнію, завѣщевавшихъ части княженій даже лицамъ женскаго пола. Все тогда было въ движеніи,—дружинники, народъ. Одна земля была неподвижна и потому на ней-то князья вотчинники сосредоточивали все свое вниманіе. Умѣть извлекать изъ нея выгоды, умѣть вести хозяйство, т. е. держать при землѣ рабочія руки было главнѣйшимъ ихъ принципомъ. Холопы, занимавшіе и прежде должности, требовавшія большей надежности, какъ должности ключника, тіуна, сдѣлались теперь особенно цѣнными людьми. Болѣе видные изъ нихъ дѣлались болѣе прежняго близкими къ князьямъ въ ихъ дворцѣ, а рядовые холопы разсаживаемы были на дворцовую землю и назывались страдниками [1]). Затѣмъ, князь старался привлечь свободныхъ поселенцевъ на земли и угодія, особенно нужныя для обихода княжескаго дворца. Этимъ путемъ составлялся разрядъ поселенія, пользовавшагося землей и угодьями князя подъ условіемъ доставленія извѣстныхъ

¹) Р. М. 1880, № XI, стр. 131; особ. изд., стр. 82.

продуктовъ во дворецъ и исполненія опредѣленныхъ работъ для дворца же. Это такъ называемое владѣніе издѣльное [1]). Далѣе слѣдовали оброчные поселенцы, занимавшіе княжескія земли подъ условіемъ уплаты оброка [2]). Наконецъ, въ княжествѣ были земли частныхъ владѣльцевъ отъ старыхъ временъ и чрезъ пожалованіе отъ князей, земли церковныя и дружинниковъ, которыя можно назвать служилыми [3]).

Государственное значеніе князя вотчинника поддерживалось тѣмъ, что и съ частныхъ владѣній шла ему дань, и въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ владѣнія, ему принадлежалъ судъ по главнѣйшимъ преступленіямъ; наконецъ, всѣ должны были давать военную силу для городового сидѣнія въ случаѣ нападенія, а также въ походахъ на враговъ. Но и эта сторона государственности сильно заслонялась, по мнѣнію автора, экономическою, финансовою. Князь и на судъ смотрѣлъ съ финансовой стороны и дѣлился этой статьей, въ большей или меньшей степени, съ частными владѣльцами своего княжества. Крѣпкой связи между княземъ и свободнымъ населеніемъ его княжества не было. Все опредѣлялось земельными отношеніями и съ прекращеніемъ ихъ прекращалась и политическая зависимость этого населенія отъ князя [4]). Авторъ рисуетъ живую картину неустойчивости дѣлъ въ княжествахъ того времени. Приливъ и отливъ населенія были, по его мнѣнію, весьма неожиданны и случайны. Никакое княжество не могло обѣщать въ будущемъ прочнаго, сильнаго развитія. Случайность, неожиданность особенно благопріятствовала образованію множества малыхъ княжествъ и развитію личной предпріимчивости князей восточной Руси.

Стараясь уловить хотя нѣкоторые признаки, гдѣ и почему могла находить опору эта предпріимчивость, авторъ указываетъ, что населеніе восточной Россіи нѣкоторое время сдерживалось въ углу, образуемомъ Окой и Волгой — въ области владимірской и прилегавшихъ къ ней нижегородской, московской [5]). Кочевники юга и татары удерживали здѣсь населеніе. Но уже въ XIV в. населеніе прорывается и за Оку и на правый берегъ Волги ниже Оки, а

---

[1]) Тамъ же. [2]) Тамъ же. [3]) Р. М. тамъ же, стр. 131—3; особ. изд., 82—84. [4]) Р. М. тамъ же, стр. 133; отд. изд., стр. 83—5. [5]) Р. М., тамъ же, стр. 135; особ. изд., стр. 87.

также сильно подвигается на сѣверъ Россіи въ новгородскія владѣнія. Сообразно съ этимъ развиваются въ этихъ мѣстахъ и княжества удѣльныя, особенно на сѣверѣ Россіи [1]).

Неустойчивость, нужда заставляютъ понижаться и погружаться въ сферу насущныхъ потребностей и старые правящіе классы. Дружинники чаще и чаще находятъ недостаточнымъ денежное вознагражденіе и обращаются къ землевладѣнію, поэтому болѣе и болѣе осѣдаютъ на постоянное жительство въ тѣхъ княжествахъ, гдѣ у нихъ земля. При этомъ авторъ показываетъ, какъ вздорожали тогда русскія деньги и даетъ новое объясненіе одному изъ весьма запутанныхъ монетныхъ вопросовъ. Извѣстно, что такъ называемая гривна и въ цѣльномъ видѣ и въ мелкихъ монетахъ весьма различной цѣнности. Обыкновенно полагаютъ, что различіе это зависѣло отъ мѣстностей. Въ торговыхъ областяхъ она была больше, въ неторговыхъ меньше. Авторъ утверждаетъ, что различіе зависѣло не отъ мѣстностей, а отъ времени. Старыя гривны больше, позднѣйшія меньше [2]).

Обѣднѣніе страны еще чувствительнѣе отражалось на городахъ. Они еще быстрѣе теряли свое прежнее вліятельное значеніе и сближались по своему положенію съ селами. „Вмѣстѣ со вздорожаніемъ денегъ, говоритъ авторъ, падала политическая цѣна посадскаго человѣка сравнительно съ горожаниномъ кіевской Руси. Послѣдній въ X в. стоитъ высоко надъ сельскимъ смердомъ и приближается къ мужамъ княжьимъ, къ большимъ людямъ общества. Въ XIV в. „посажанинъ“ сливается въ одинъ классъ съ поселяниномъ подъ общимъ названіемъ „чернаго человѣка“ [3])... „Послѣ, когда московское государство устроилось, уѣздные и посадскіе люди, т. е. сельскіе и городскіе обыватели, въ иныхъ мѣстахъ соединялись въ одномъ и томъ же областномъ учрежденіи, въ земской избѣ, сливались въ одинъ уѣздный тяглый міръ“ [4])... „Языкъ московскихъ канцелярій довольно выразительно отмѣтилъ тягловое и экономическое различіе и одинаковое политическое положеніе обоихъ этихъ элементовъ, назвавъ однихъ черносошными людьми, другихъ — людьми черныхъ сотенъ и слободъ“ [5]).

---

[1]) Р. М., тамъ же, стр. 135 — 8 и 142 — 146; особ. изд., стр. 87 — 8, прилож. II, и стр. 93 — 98. [2]) Р. М., тамъ же, стр. 146 — 152; особ. изд., стр. 98 — 104. [3]) Р. М., тамъ же, стр. 154; особ. изд., стр. 105. [4]) Тамъ же. [5]) Тамъ же.

Это общее обозрѣніе состоянія Россіи въ XIII и XIV в. составляетъ у нашего автора какъ бы введеніе къ изученію правительственнаго строя въ удѣльный періодъ и качества тѣхъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ слагался. Тутъ положены основанія для дальнѣйшихъ изысканій. Нѣтъ спора, что въ главномъ основанія эти вѣрны. Пониженіе русскаго благосостоянія въ эти времена, пониженіе политическаго уровня извѣстны всякому, кто внимательно изучалъ русскую исторію, и мы знаемъ, какъ въ этомъ пунктѣ сходятся наши историки, какъ Соловьевъ, Кавелинъ и др., хотя весьма различно понимаютъ это пониженіе и его причины. Въ большинствѣ эта разница происходитъ отъ того, что упускается изъ виду громадный переворотъ, происшедшій у насъ около половины XIII в., именно: татарскій разгромъ и татарское иго, какъ мы уже замѣчали. Къ великому нашему изумленію, и нашъ авторъ, хотя не разъ упоминаетъ объ этомъ переворотѣ, но такъ же, какъ Соловьевъ, не даетъ ему надлежащаго значенія, которое было слишкомъ велико и главнѣйшимъ образомъ опредѣляло то печальное состояніе Россіи, которое такъ живо изобразилъ нашъ авторъ. Два противоположныхъ теченія встрѣтились съ ужасающею силою на равнинахъ Россіи около половины XIII в. и покрыли нашу родину трупами и развалинами. Татары пришли не только съ большими, подавляющими силами, но и съ особою, занятою ими у китайцевъ, системою расправляться съ завоевываемыми странами, — съ системою истреблять населеніе настолько, чтобы оно не могло потомъ выставить ничего, кромѣ безусловнаго повиновенія. Съ другой стороны, наши предки вездѣ дорого продавали свою политическую свободу и нерѣдко приводили въ изумленіе самихъ татаръ. Богатырь Коловратъ съ своими сотоварищами, мстя татарамъ за разореніе Рязани, произвелъ такую смуту въ татарскомъ войскѣ, врѣзываясь въ него сзади, что заставилъ громадныя татарскія силы оборачиваться назадъ. Неважный городъ Козельскъ даже не могъ быть взятъ татарами и получилъ названіе злого города. Знаменитый кіевскій воевода Даніила Галицкаго — Димитрій, вызвалъ въ Батыѣ такое уваженіе доблестною защитою Кіева, что жизнь Димитрія была пощажена и Батый ласкалъ его своею милостію. При такой упорной борьбѣ жертвы ея были неисчислимы. Перебито было почти все лучшее, доблестное населеніе въ Россіи, разрушены были почти

всѣ центры русской жизни съ ихъ многовѣковымъ трудомъ. Дружины, представители вѣчей сметены были съ лица русской жизни въ большей части ея областей. Остались недобитыя, разорванныя по клочкамъ группы прежняго русскаго общества и народа, и всѣ онѣ направлены были теперь неодолимою силою на заботу о первѣйшихъ потребностяхъ человѣка—спасти жизнь и найти хлѣбъ. Но и эта забота затруднена была новою нуждою—добыть средства еще на уплату немилосердной татарской дани.

Вотъ, гдѣ главнѣйшая причина обѣднѣнія Россіи того времени и пониженія въ ней политическаго уровня. Отсюда понятно, что та княжеская область, въ которой обѣднѣвшіе и приниженные русскіе люди находили больше средствъ къ сколько нибудь сносной жизни, должно было сильно потянуть къ себѣ населеніе и выдвинуться изъ ряда другихъ княжествъ. Такимъ и было московское княжество, создавшееся на дружбѣ съ татарами и на большемъ сравнительно съ другими княжествами спокойствіи и благосостояніи его населенія.

Но такое положеніе не вдругъ выработалось. Долго русскіе люди жили еще старыми преданіями и пытались удержаться на значительной высотѣ политическаго уровня. На югозападѣ Россіи въ странѣ галицко-волынской и на сѣверо-западѣ въ новгородско-псковской странѣ образовались опорные пункты для государственнаго русскаго строенія послѣ татарскаго разгрома, и всѣмъ извѣстно, какое богатство русскихъ силъ сказалось въ первыхъ строителяхъ на этихъ опорныхъ пунктахъ — Даніилѣ Галицкомъ и Александрѣ Невскомъ. Извѣстно тоже, что это строеніе не было лишь ихъ личными замыслами. Попытка Даніила свергнуть татарское иго находила поддержку въ населеніи и прославлена въ лѣтописи. Такъ же хотѣлъ народъ восточной Россіи понимать и дѣла Александра Невскаго. Можно даже сказать, что народъ больше князей рвался къ своей старой свободѣ и что въ этомъ отношеніи въ сѣверо-восточной Россіи сказалось даже больше энергіи, чѣмъ въ южной. Извѣстно, что почти вся сѣверная Россія поднималась противъ домогательствъ татаръ ввести личную подать и этимъ измѣнить старинный славянскій обычай платить дань съ земли и торга, а не съ лица. И тутъ опять разгадка усиленія Москвы, которая, не возставая прямо противъ этой системы, тѣмъ не менѣе отстранила ее. Югъ Россіи въ этомъ отношеніи былъ

въ худшемъ положеніи. Татары у Днѣпра,—какъ въ курской области, не только ввели личную подать, но и сами управляли областію, а на юго-западѣ Волыни—такъ называемую область загадочныхъ болоховскихъ князей обратили въ издѣльную—„да оруть имъ просо и пшеницу". Извѣстно, наконецъ, что мысль о возсозданіи стараго политическаго строя въ Россіи и сверженіи татарскаго ига жила долго въ тверскомъ княжествѣ и что таже причина была и одною изъ главныхъ причинъ быстраго роста литовскаго княжества и его вмѣшательствъ въ дѣла восточной Руси. Гедиминъ и Ольгердъ строили свое могущество на силѣ старыхъ русскихъ преданій—дружинныхъ, вѣчевыхъ и на непримиримости русскихъ съ татарскимъ игомъ. Извѣстно, что власть литовская не только прочно утвердилась въ западной Руси, но что Ольгердъ сильно притягивалъ къ себѣ и Псковъ, и Новгородъ, и Тверь и даже Нижній-Новгородъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нашъ авторъ, съ одной стороны, упустилъ изъ виду главнѣйшую причину обѣднѣнія Россіи въ матеріальномъ смыслѣ; съ другой, усилилъ ея политическое пониженіе, больше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Эти недостатки автора при оцѣнкѣ имъ общаго положенія дѣлъ въ очерченный имъ удѣльный періодъ не имѣли, впрочемъ, особенно важнаго вліянія на его спеціальное изученіе правительственнаго строя того времени. Болѣе отразился второй изъ этихъ недостатковъ—пониженіе политическаго уровня, что̀ какъ бы сознаетъ и самъ авторъ [1]).

Изслѣдованіе г. Ключевскаго управленія въ удѣльный періодъ составляетъ весьма цѣнную работу. Это весьма усидчивое, кропотливое изученіе актовъ и въ томъ числѣ многихъ изъ нихъ неизданныхъ. При изданіи своего труда особой книгой, авторъ подвергъ эту главу новому пересмотру, не мало мѣстъ исключилъ или перенесъ въ примѣчанія, въ приложенія, и съ другой стороны, дополнилъ свои изысканія новыми фактами. Исключенію подверглись по преимуществу тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ показывалъ, какъ онъ доходилъ до своихъ выводовъ или дѣлалъ оцѣнку чужихъ мнѣній. Болѣе выдающимся измѣненіемъ представляется то, что авторъ перенесъ въ сокращенномъ видѣ въ

[1]) Р. М. 1881, № III, стр. 246; особ. изд., стр. 106.

приложеніе (IV) свое изслѣдованіе о путныхъ боярахъ. Въ нашемъ обозрѣніи этой главы мы будемъ сводить оба измѣненія сочиненія автора. Мы знаемъ, что въ удѣльномъ княжествѣ авторъ раздѣляетъ землевладѣніе на три разряда: дворцовое, черныя земли или волости и земли частныхъ владѣльцевъ или служилыя. Сообразно съ этимъ и управленіе въ удѣлахъ было, по автору, трехъ родовъ: дворцовое, черныхъ волостей и служилыхъ людей.

Центромъ въ удѣлѣ былъ—княжескій дворецъ. Для веденія дѣлъ во дворцѣ былъ дворецкій. Кромѣ его были придворные слуги по спеціальнымъ занятіямъ, подчиненные или нѣтъ дворецкому, какъ конюшій, чашникъ, стольникъ, сокольничій и др. На содержаніе всѣхъ этихъ статей были особыя угодія, разбросанныя кругомъ дворца и по всему княжеству. Нѣкоторыя изъ нихъ кромѣ управленія или даже независимо отъ него, давались въ кормленіе придворнымъ слугамъ. Эти угодія въ старину называлось путемъ и придворныя лица, владѣвшія ими назывались путными, какъ бояре путные или чашникъ съ путемъ, стольникъ съ путемъ и проч. [1]). Эти путные бояре или придворные чины съ путемъ составляютъ одно изъ весьма запутанныхъ и не ясныхъ по своему значенію явленій въ нашей старой русской администраціи. Въ позднѣйшія московскія времена путными назывались бояре и чины сопровождавшія государя въ путешествіяхъ. Нашъ авторъ говоритъ, что это только новѣйшее видоизмѣненіе стараго явленія, и въ московской терминологіи,—чашничій, сокольничій путь—онъ открываетъ остатки другого, именно, вышеуказаннаго значенія пути. Такъ, у того же Котошихина, который, какъ по ходу рѣчи видно, полагалъ что ключники и стряпчіе путные такъ назывались, потому что ходили съ государемъ въ походахъ, разсказывается также, что они бываютъ по селамъ, по перемѣнамъ, т. е. на кормленіяхъ [2]). „Съ XV в., говоритъ авторъ, и до временъ Котошихина въ актахъ встрѣчаемъ нѣсколько указаній на то, что путями въ эти вѣка назывались дворцовыя волости, села и даже города, которые давались въ кормленіе въ видѣ жалованія или пенсіи лицамъ, занимавшимъ должности по дворцовому вѣдомству [3]). Но это кормленіе, указываетъ

[1]) Р. М 1881 г., № III, стр. 246—262; особ. изд. стр. 107 — 116. [2]) Р. М. 1881 г., № III, стр. 247. [3]) Тамъ же.

авторъ, было отлично отъ обычнаго кратковременнаго кормленія въ черныхъ волостяхъ. Оно было болѣе продолжительнымъ и прочнымъ видомъ административнаго пользованія, было скорѣе владѣніемъ, а не кормленіемъ или управленіемъ, почему тогда давалось въ прибавку къ обычному кормленію" [1]). Съ земель отданныхъ во владѣніе придворнымъ слугамъ поступали однако нѣкоторые доходы въ казну (судебныя пошлины, дани). Кромѣ того нерозданныя земли дворцовыя требовали управленія. Наконецъ, въ пользу дворца шли доходы съ черныхъ волостей и даже въ частныхъ имѣніяхъ бывали княжьи статьи, какъ напримѣръ, бортный лѣсъ, бортное деревье [2]). Вообще дворцовыя земли, слободы, села и другія, несшія какія либо повинности для дворца, были распредѣлены по отраслямъ дворцоваго хозяйства и назывались землями, слободами ловчаго, сокольничьяго, конюшаго пути. „Администрація каждаго пути, говоритъ авторъ, слагались изъ двухъ главныхъ отправленій: она завѣдывала эксплоатаціей извѣстнаго хозяйственнаго угодья на дворцовыхъ земляхъ князя и взиманіемъ извѣстныхъ налоговъ и повинностей, падавшихъ на недворцовыя земли, если онѣ не были освобождены отъ того особыми льготными грамотами" [3]).

Управленіе владѣніями дворцовыми и отчасти черными и частными сосредоточивалось у сказанныхъ придворныхъ чиновъ, и когда разросталось, тȏ нужно было вести письмоводство и имѣть для этого людей. Явились дьяки для веденія дѣлъ, лари для храненія ихъ [4]). Это и было началомъ такъ называемыхъ приказовъ, разросшихся до размѣровъ министерствъ новѣйшаго времени. „Администрація московскаго государства, какъ извѣстно, была, говоритъ авторъ, развитіемъ удѣльной, и нѣкоторыя учрежденія первой остаются для насъ непонятными только потому, что мы не видимъ корней ихъ въ послѣдней. Пути удѣльнаго времени преобразились потомъ въ московскіе приказы и въ исторіи этихъ приказовъ можно найти нѣкоторыя указанія, на сравнительное значеніе и административныя отношенія старыхъ путей. Такъ въ началѣ еще XVII в. существовали особые приказы сокольничій и ловчій" [5]). Дѣла этихъ

[1]) Тамъ же, стр. 250—1. [2]) Тамъ же, стр. 256. [3]) Р. М., тамъ же, стр. 257; особ. изд. стр. 116. [4]) Р. М., 1881 г., № IV, стр. 217; отд. изд. стр. 164, 166—167. [5]) № III, стр. 257—8.

приказовъ иногда были въ подчиненіи приказа большаго дворца. куда подавался счетъ ловчаго пути, и подъ ловчимъ путемъ разумѣлись вѣдомства и соколинаго и ловчаго приказа, а потомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ сокольничій приказъ подчиненъ приказу тайныхъ дѣлъ, а ловчій (т. е. съ звѣриной охотою) конюшенному приказу [1]). Въ XVI ст. вѣдомства чашника и стольника „еще носили старыя удѣльныя названія—чашнича и стольнича пути; область каждаго изъ нихъ дѣлилась на части, называвшіяся по именамъ городовъ или уѣздовъ, въ которыхъ находились земли и поселенія, принадлежавшія тому или другому пути; такъ былъ стольничь путь костромской, переяславскій" [2]). Всѣ эти отдѣльныя вѣдомства въ удѣльныя времена „связывались, по словамъ автора, другъ съ другомъ общими хозяйственными задачами, надзоромъ одного верховнаго хозяина—князя, но не административнымъ подчиненіемъ главному управителю дворца, дворецкому, который и не былъ первымъ лицомъ, а былъ вторымъ, т. е. послѣ конюшаго, занимавшаго по чину и чести первое мѣсто.

По образцу княжескаго дворца устроялось управленіе частныхъ имѣній,—церковныхъ, вотчинныхъ, въ которыхъ тоже на первомъ планѣ былъ хозяйственный принципъ и подъ него подводились дѣла, ставшія впослѣдствіи государственными. И въ церковныхъ, и въ вотчинныхъ имѣніяхъ владѣльцы вѣдали не только хозяйственныя дѣла, но по пожалованію князя и административныя и въ извѣстной степени судебныя. Они тоже имѣли не только своихъ ключниковъ для дѣлъ хозяйственныхъ, но, и прикащиковъ для веденія и такихъ дѣлъ, которыя составляли кругъ власти административной и судебной. Но такъ какъ за вычетомъ владѣній дворцовыхъ и частныхъ были еще земли княжескія черныя,—города, села и деревни, то и въ нихъ устроялось управленіе. Въ такія владѣнія посылались намѣстники въ города, и волостели въ волости. Они сами набирали изъ своего двора низшіе органы, какъ тіуновъ, доводчиковъ, и пользовались данями и судебными доходами по наказу. Такимъ образомъ, даже въ эту область управленія,—намѣстничьяго и волостельскаго, которая больше всего могла представляться государственною, входилъ элементъ частный, финансовый, и это тѣмъ рѣзче бросалось въ глаза и тѣмъ ощутитель-

[1]) Тамъ же, стр. 258. [2]) № III, стр. 259.

нѣе объединяло намѣстниковъ и волостелей съ частными лицами, что они или вовсе не имѣли права простирать свою власть на привиллегированныя частныя имѣнія, не говоря уже о дворцовыхъ, или имѣли эту власть въ немногихъ, рѣдкихъ случаяхъ. Нужно еще при этомъ припомнить, что и дворцовое управленіе, и намѣстничье, и частныхъ владѣльцовъ держалось главнымъ образомъ рабами, которымъ, какъ тіунамъ, поручались даже судныя дѣла[1]).

Во всѣхъ этихъ видахъ землевладѣнія и управленія ими, авторъ видитъ основное начало,— начало частнаго владѣнія сверху донизу. „Изученіе характера удѣльнаго княжескаго владѣнія привело насъ, заключаетъ авторъ это свое изслѣдованіе, что оно сложилось по юридическому типу частной земельной вотчины. Разсматривая политическое устройство княжества удѣльнаго времени, находимъ въ этомъ устройствѣ такое-же сходство съ хозяйственнымъ управленіемъ той-же боярской вотчины. Дворцовое вѣдомство удѣльнаго княжества соотвѣтствовало дворцу боярской вотчины съ его боярской запашкой и дворовыми рабочими „дѣлюями“, а областное управленіе—боярскимъ землямъ, сдаваемымъ въ аренду обыкновенно крестьянамъ, съ завѣдывавшими этимъ населеніемъ приказщиками; наконецъ, земли частныхъ привиллегированныхъ землевладѣльцевъ нѣкоторыми чертами своего положенія въ княжествѣ напоминали тѣ участки въ составѣ крупной древнерусской вотчины, которые отдавались во владѣніе дворянамъ, приказщикамъ или тіунамъ и тому подобнымъ дворовымъ слугамъ вотчинника за ихъ службу“ [2]).

Не достаетъ въ этомъ сравненіи черныхъ волостей, гдѣ народъ сидѣлъ на своихъ земляхъ. Эти волости разрушили бы все сравненіе. Но кромѣ того, здѣсь не достаетъ еще одной живой струи старой русской жизни, которая еще болѣе разрушаетъ это сравненіе, и упущеніе ея изъ виду нашимъ авторомъ тѣмъ страннѣе, что она ему извѣстна и онъ въ нее вдумывался. Выше, въ одномъ мѣстѣ онъ разбираетъ, чтò такое загадочный терминъ—боярскій судъ, право на который давалось не всѣмъ намѣстникамъ, а лишь нѣкоторымъ. На основаніи довольно яснаго толкованія этого термина судебникомъ 1550 г., г. Ключевскій дѣлаетъ выводъ, что это былъ судъ о холопствѣ, т. е. о переходѣ въ холопство свободныхъ людей и

[1]) Отдѣл. изд. 118 — 123. [2]) Тамъ же, стр. 127.

обратно [1]). Если это такъ, то въ боярскомъ судѣ скрывается не только чисто государственная вещь, весьма далекая отъ интересовъ частнаго хозяйства, но скрывается и такое государственное разумѣніе дѣлъ, которымъ наша старая Русь по всей справедливости могла-бы гордиться передъ другими народами. По указанному сейчасъ смыслу боярскаго суда, государство русское держало въ своихъ рукахъ вопросъ о холопствѣ и держало его съ особенною тщательностію. Оно вдвойнѣ ограничивало право имъ пользоваться даже въ своей средѣ,—не всѣмъ намѣстникамъ давало это право, а только нѣкоторымъ и даже этимъ послѣднимъ не давало права по самому трудному вопросу холопства,—распоряжаться судьбою лица, отыскиваемаго, какъ раба. Нужно представить себѣ, сколько свободныхъ людей заключало условій съ землевладѣльцемъ, сколько нибудь значительнымъ, сколько могло быть случаевъ недоразумѣній, нарушеній условій, бѣгства крестьянъ и съ ними холоповъ, чтобы сейчасъ видѣть, что боярскій судъ, какъ онъ опредѣленъ судебникомъ, былъ великою сдержкою для всѣхъ охотниковъ увеличивать число своихъ рабовъ правымъ и неправымъ способомъ. Это въ сѣверовосточной Руси было тоже, что въ южной Руси составляли охранительныя для наймитовъ и закупней прибавочныя постановленія Русской Правды временъ Владиміра Мономаха.

Сближая обѣ эти охраны русскаго простого человѣка отъ порабощенія съ узаконеніемъ обоихъ судебниковъ, что судъ всѣмъ долженъ быть общій и равный, мы должны признать, что такимъ образомъ черезъ всю нашу древнюю исторію проходитъ правительственная забота о защитѣ свободныхъ людей отъ незаконнаго порабощенія ихъ, а это существеннѣйшимъ образомъ должно измѣнить и вообще западническіе взгляды на эту нашу старую Русь, и въ частности взглядъ нашего автора, что въ этой Руси все будто-бы было построено по началамъ частнаго хозяйства.

Довольно ясно можно видѣть причину, почему нашъ авторъ не выяснилъ вышеуказанной драгоцѣнной особенности нашей старой Руси. Онъ отдался самой трудной работѣ,—выяснить обыденный строй соціальной жизни древней Руси. При такомъ направленіи занятій естественно ускользали изъ виду исклю-

[1]) Русск. Мысль, за 1881 г. № III, стр. 269—70; по особ. изд. стр. 123—6.

чительныя явленія, которыя однако нерѣдко составляли отраженіе существеннаго склада этой жизни и должны стоять впереди всего. Мы не разъ еще увидимъ эту самую причину и другихъ странныхъ взглядовъ автора. Такъ, прежде всего, при изученіи нарисованной г. Ключевскимъ картины всеобъемлющей вотчинности въ нашей старой Руси, возникаетъ вопросъ: а куда же дѣвались прежніе дружинники, — старшіе и младшіе, которые въ старыя времена наполняли дворъ княжескій, служили князю по доброй волѣ и первые изъ нихъ были непремѣнными членами его совѣта, знали всякую его думу? Авторъ показываетъ намъ ихъ, какъ частныхъ владѣльцевъ, какъ намѣстниковъ. Они же мало по малу вторгались въ княжескій дворецъ, и вытѣсняя невольныхъ людей, занимали ихъ мѣста. Особенно открываетъ ихъ нашъ авторъ въ другомъ, тоже весьма загадочномъ, какъ и путные бояре, сословіи бояръ, такъ называемыхъ введеныхъ.

Нашъ авторъ не раздѣляетъ мнѣнія Соловьева [1]), что введеными боярами были такіе большіе бояре, которые держали не дворцовыя имѣнія, какъ путные бояре, а держали города и волости княжества въ кормленіи и были выше бояръ и чиновъ путныхъ. Авторъ справедливо обращаетъ при этомъ вниманіе на ту странность, что въ такомъ случаѣ областные бояре были бы старше бояръ, находившихся при князѣ. Затѣмъ онъ собираетъ изъ актовъ указанія, намеки, по которымъ видно, что введеные бояре были совсѣмъ иное. Такъ, бояре введеные и путные не садились въ городовую осаду, подобно другимъ, въ тѣхъ городахъ ихъ уѣзда, которые подвергались непріятельскому нашествію. Очевидно, тѣ и другіе, введеные и путные бояре были ближе къ князю, чѣмъ къ своимъ уѣздамъ [2]). Далѣе, онъ указываетъ, что введеные бояре обыкновенно пользовались и путными пожалованіями, но не всѣ путники назывались введеными. Очевидно, введеные бояре — высшій разрядъ путниковъ, т. е. высшій классъ бояръ, бывшихъ при князѣ. Это еще яснѣе открывается изъ того, что имъ поручались особенно важныя дѣла. Касательно особенно важныхъ исковъ въ жалованныхъ грамотахъ говорится: сужу его азъ, великій князь или мой бояринъ введеный [3]).

---

[1]) Т. IV, стр. 200. [2]) Р. М. 1881 г., № VI, стр. 187 — 8, особ. изд., стр. 131.
[3]) Тамъ же, 189; особ. изд., 133.

Въ дѣлахъ этихъ-то классовъ бояръ введеныхъ и путныхъ авторъ и видитъ зарожденіе организованной правительственной администраціи и княжеской думы. Изъ этихъ-то лицъ, а нерѣдко и изъ низшихъ составлялась княжеская дума удѣльнаго времени. Составъ этого княжескаго совѣта, впрочемъ, трудно и назвать думой, по мнѣнію автора. Авторъ перебираетъ многочисленные акты по завѣщаніямъ, пожалованіямъ, даже по договорамъ съ иноземцами, напримѣръ, смоленскіе договоры съ Ригой, договоры галицко-волынскихъ князей съ нѣмцами, изъ которыхъ видно, что въ княжеской думѣ тогда участвовали весьма немногія лица и притомъ не одни и тѣже. Встрѣчается семь, шесть лицъ, но чаще всего два, три, четыре. По чинамъ это бывали тысяцкіе, намѣстники, окольничіе, и рядомъ съ ними, сокольничіе, чашники, тіуны, княжій печатникъ и даже писецъ [1]).

Отъ XIV вѣка мы имѣемъ какъ бы регламентъ, хотя чисто внѣшній, княжеской думы. Это мѣстническій распорядокъ въ засѣданіи членовъ думы нижегородскаго князя Дмитрія Константиновича, данный по просьбѣ самихъ этихъ членовъ. Тутъ перечислено восемь лицъ [2]). Это единственный для того стараго времени документъ, похожій на думскій регламентъ. Но изъ него не видно, чтобы всегда въ такомъ составѣ засѣдала дума нижегородскаго князя; притомъ и самый документъ сохранился въ поздней копіи (въ бумагахъ извѣстнаго Волынскаго). Въ томъ же вѣкѣ еще больше было бояръ у серпуховскаго князя, извѣстнаго героя въ Куликовской битвѣ и по отраженію полчищъ Тохтамыша. У него было 10 бояръ, введеныхъ и путныхъ. Но также неизвѣстно, чтобы они всѣ постоянно засѣдали. Большинство случаевъ, по автору, показываетъ, что князь рѣшалъ дѣла съ весьма не многими лицами и не одними и тѣми же, а или сообразно дѣламъ, какія предстояло рѣшать, или по своему княжескому усмотрѣнію, кому князь прикажетъ, какъ говорилось въ московскія времена. „Объясняя, говоритъ авторъ, почему составъ боярской думы удѣльныхъ вѣковъ былъ такъ измѣнчивъ, надобно коснуться политическаго значенія тѣхъ актовъ удѣльнаго времени, которые исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ.

---

[1]) Р. М. 1881 г. № VI, стр. 194—6. [2]) Р. М. № VI, стр. 185 — 7; 197; особ. изд., стр. 129 — 30 и приложеніе V; см. также Солов.—Истор. т. XX, стр. 484.

Акты эти въ большинствѣ частнаго характера: это все жалованныя, докладныя и т. п. грамоты. Но въ такихъ именно актахъ и выражалось княжеское законодательство того времени. Оно не знало основныхъ закопоположеній, общихъ регламентовъ; точнѣе говоря, при установленіи правительственнаго и общественнаго порядка оно шло не отъ такихъ законоположеній и регламентовъ, опредѣляя ими частные случаи, а наоборотъ, (мнѣніе Погодина). Каждый частный случай, разрѣшенный въ извѣстномъ смыслѣ, по указанію опыта или потребности данной минуты, становился прецедентомъ... служилъ примѣромъ, образцомъ на долгое время. Такъ мозаически складывается общій порядокъ... Читая всѣ эти жалованныя, докладныя и т. п. грамоты, въ значительномъ количествѣ уцѣлѣвшія отъ удѣльнаго времени, мы присутствуемъ при строеніи удѣла, слѣдовательно, при закладкѣ основаній правительственнаго и общественнаго порядка въ московскомъ государствѣ, строй котораго былъ послѣдовательнымъ развитіемъ удѣльнаго" [1]).

Авторъ затѣмъ и старается выяснить, какъ княжеская дума изъ этого первоначальнаго, еще неотвержденнаго состоянія, „изъ случайнаго и измѣнчиваго по составу и кругу дѣлъ совѣта превращается въ учрежденіе съ твердыми формами и опредѣленнымъ вѣдомствомъ" [2]).

Авторъ дѣлаетъ остроумныя попытки выяснить, что случайное, повидимому, присутствіе боярина или вообще слуги при рѣшеніи дѣла, было далеко не случайнымъ. Такъ, напримѣръ, случайное, повидимому, присутствіе чашника при пожалованіи (собств. утвержденіи пожалованія) рязанскаго князя Ивана Θеодоровича служилымъ людямъ Бузовлевымъ, объясняется тѣмъ, что къ селу пожалованному принадлежала земля бортная, а такими землями вѣдалъ чашникъ [3]). Это-то болѣе или менѣе постоянное распредѣленіе дѣлъ по родамъ, завѣдываніе ими особыми лицами и было зарожденіемъ организаціи думы, потому что въ особенно важныхъ случаяхъ, или когда дѣло касалось нѣсколькихъ другихъ дѣлъ, требовалось присутствіе нѣсколькихъ придворныхъ чиновъ [4]). Но

---

[1]) Р. М. № VI, стр. 197 — 8; особ. изд., стр. 140 — 1. [2]) Р. М. тамъ же стр. 200. [3]) Р. М. № VI, стр. 201; особ. изд., стр. 145. [4]) Р. М. тамъ же, 216; особ. изд., стр. 165.

кромѣ постоянныхъ должностныхъ лицъ иногда требовалось участіе бояръ, незанимавшихъ постоянныхъ должностей и исполнявшихъ временныя порученія, какъ намѣстники городовъ, если возникали дѣла имъ извѣстныя [1]). Намъ уже извѣстно, что дѣйствительно нѣкоторыя областныя дѣла были въ рукахъ князя и рѣшались имъ при участіи боярина введенаго. Къ числу такихъ принадлежали дѣла по размежеваніямъ или о такъ называемомъ разъѣздѣ [2]). Наконецъ, авторъ указываетъ на нѣкоторые случаи чисто политическаго значенія боярской думы, когда, напримѣръ, Борисъ Нижегородскій въ 1390 г. просилъ своихъ бояръ быть ему вѣрными въ борьбѣ его съ московскимъ княземъ Василіемъ Дмитровичемъ, или когда Шемяка совѣтовался съ своими боярами объ освобожденіи захваченной имъ въ плѣнъ матери Василія Темнаго, Софіи [3]).

Но дѣйствительное развитіе думы въ постоянное учрежденіе, по мнѣнію автора, созрѣло только въ московскомъ княжествѣ, а въ другихъ было захвачено московскимъ объединеніемъ [4]). На слѣдующія особенности московскаго княжества авторъ обращаетъ вниманіе. Въ немъ быстро накоплялись дѣла, выходившія за предѣлы дворцоваго, хозяйственнаго управленія [5]). Увеличеніе въ московскомъ княжествѣ земельныхъ владѣній и служилыхъ людей усиливало заботы объ управленіи и распредѣленіи и земель и служилыхъ. Возникалъ и пріобрѣталъ большое значеніе тотъ кругъ дѣлъ, который далъ начало такъ называемому помѣстному приказу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ, по мѣрѣ ея возвышенія, усложнялись дѣла военныя и заставляли сосредоточивать ихъ въ такъ называемомъ разрядномъ приказѣ. Наконецъ, умножались и усложнялись политическія сношенія, требовавшія столь же напряженнаго вниманія. Они сосредоточились въ такъ называемомъ посольскомъ приказѣ [6]). Авторъ въ этихъ, именно, приказахъ открываетъ слѣды того, что боярская дума получала значеніе постояннаго учрежденія. Въ приказахъ этихъ, за немногими исключеніями, до позднѣйшаго времени управляли не бояре, какъ въ другихъ приказахъ, а дьяки, получившіе званіе думныхъ дьяковъ.

---

[1]) Р. М. тамъ же, особ. изд., стр. 165—6. [2]) № VI, стр. 219; особ. изд., стр. 171. [3]) Р. М. VI, стр. 221; особ. изд., стр. 173. [4]) Р. М. Особ. изд., стр. 177. [5]) Особ. изд., стр. 181. [6]) Особ. изд. стр. 177—80.

Авторъ объясняетъ эту особенность тѣмъ, что приказы эти составляли собственно канцеляріи боярской думы и дьяки этихъ приказовъ были какъ бы докладчиками, государственными секретарями думы, т. е. что дѣла этихъ приказовъ направляла дума и, слѣдовательно, должна была принимать въ нихъ постоянное участіе [1]). Есть и прямыя свидѣтельства о томъ, что въ Москвѣ, еще въ XIV и началѣ XV в., боярская дума имѣла большое значеніе и явно политическое. Симеонъ Гордый завѣщаетъ брату своему Іоанну слушаться митрополита Алексія и старыхъ бояръ. Димитрій Донской, по свидѣтельству его жизнеописателя, приказывалъ дѣтямъ своимъ любить бояръ и безъ воли ихъ ничего не дѣлать. Извѣстно наконецъ, что сынъ Донского, Василій Дмитріевичъ заслужилъ укоръ даже отъ крымскаго хана Эдигея за то, что не слушался совѣта старыхъ бояръ, а слѣдовалъ совѣтамъ молодыхъ слугъ [2]).

Важнѣйшею опорою для московской боярской думы было то, что служба въ московскомъ княжествѣ была выгодна, какъ справедливо указываетъ авторъ, и кромѣ того, вообще открывала служилымъ людямъ болѣе широкое поприще дѣятельности, поэтому они здѣсь болѣе осѣдали и пріобрѣтали прочное, вліятельное положеніе [3]).

Говоря объ этомъ, авторъ совершенно неожиданно самъ открываетъ недочетъ въ своемъ изслѣдованіи, именно, говоритъ, что подобное прочное положеніе бояре занимали въ XV в. и въ тверскомъ, и въ рязанскомъ княжествѣ, но не изучаетъ особо положенія дѣлъ ни того, ни другого княжества. Пропускъ этотъ тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго о рязанскомъ княжествѣ и особенно изслѣдованіе г. Борзаковскаго о тверскомъ княжествѣ могли доставить автору не малую сумму данныхъ для исторіи боярской думы и въ этихъ областяхъ, и исторія эта была бы еще полнѣе, если бы авторъ собралъ данныя изъ исторіи московскихъ смутъ при Василіѣ Темномъ. Тогда бы ему пришлось и здѣсь измѣнить свой взглядъ на пониженіе политическаго уровня въ нашъ удѣльный періодъ.

Авторъ обратился только къ изученію, такъ сказать, крайно-

---

[1]) Особ. изд., стр. 178—80. [2]) Р. М. № VI, стр. 227—8; особ. изд.. стр. 176 184—6. [3]) Особ. изд., стр. 184—5.

стей другого порядка. Минуя промежуточныя ступени въ дальнѣйшемъ развитіи думы, т. е. думы въ большихъ удѣльныхъ княжествахъ, онъ обращается къ изученію верхняго, правящаго класса въ Новгородѣ и Псковѣ [1]). Онъ разсказываетъ намъ исторію правящаго класса въ этихъ общинахъ и даетъ нѣсколько остроумныхъ соображеній для объясненія, почему въ нихъ правящій классъ городской сохранился въ большой силѣ и не поникъ передъ княжескими дружинами, какъ въ другихъ княжествахъ. По его мнѣнію, это происходило, между прочимъ, отъ того, что дружинникамъ, осѣдавшимъ въ другихъ княжествахъ чрезъ пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній, неудобно было утверждаться въ новгородской области, гдѣ не землевладѣніе давало главную силу, а торговля [2]). Но, конечно, еще больше вліяло на это высокое сознаніе новгородцами своей независимости, по которой они въ XIII в. договаривались съ князьями, чтобы тѣ управляли новгородскими областями не черезъ своихъ дружинниковъ, а черезъ новгородскихъ мужей. Начало высшаго новгородскаго и псковскаго класса авторъ связываетъ съ древними городскими старцами; но дѣйствительное развитіе его онъ выводитъ изъ княжескихъ временъ. Званіе боярина, имѣвшее мѣсто и въ Новгородѣ, получило начало, по автору, отъ тѣхъ новгородцевъ, которыхъ князья назначали посадниками, тысяцкими и которые послѣ Мономаха сдѣлались выборными. Авторъ вообще не допускаетъ земскаго происхожденія бояръ и въ этомъ отношеніи расходится съ Бѣляевымъ [3]).

Этимъ-то путемъ выработалось новгородское боярство, которое состояло изъ богатыхъ торговыхъ людей, занимавшихся не столько непосредственно торговлей, сколько оборотомъ капитала, раздаваемаго меньшимъ торговцамъ [4]). Самымъ важнымъ сановникомъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Смѣна его не значила, что онъ лишается всякаго значенія. Онъ лишь переставалъ быть степеннымъ посадникомъ, оставался въ званіи стараго посадника, участвовалъ въ совѣтѣ и бывалъ въ немъ при особенно важныхъ дѣлахъ выборнымъ кончанскимъ, отъ того конца города, въ которомъ жилъ. Затѣмъ слѣдовалъ сановникъ тысяцкій, глава низшихъ людей въ Новгородѣ, и тоже сохранялъ важное значеніе и послѣ своей смѣны.

[1]) Глава VIII по особ. изд.; въ Р. М. гл. X. [2]) Особ. изд. стр. 194—5. [3]) Особ. изд., стр. 190—197. [4]) Особ. изд., стр. 197—202.

Во Псковѣ тысяцкаго не было, а бывало обыкновенно два посадника. Кромѣ этихъ лицъ, важное значеніе имѣли въ Новгородѣ сотскіе отъ сотенъ города и старосты отъ купеческихъ корпорацій, (сотскіе и старосты—часто одно и тоже). При нихъ, въ средѣ высшихъ чиновъ, былъ еще биричь—управлявшій полицейскою, исполнительною частью на вѣчѣ и въ совѣтѣ. Существовалъ еще вѣчевой или вѣщный дьякъ, но неизвѣстно, бывалъ ли онъ въ боярскомъ совѣтѣ.

Въ важнѣйшихъ случаяхъ всѣ эти чины дѣйствовали вмѣстѣ съ княземъ и вѣчемъ. Но часто они дѣйствовали сами, въ своемъ боярскомъ совѣтѣ; наконецъ, нерѣдко вели дѣла лишь посадникъ и два, три боярина, также, какъ и въ удѣльныхъ княжествахъ. Мѣстомъ собранія этого совѣта въ Новгородѣ были дворъ княжескій, а чаще всего владычный домъ, во Псковѣ княжескій дворъ.

Политическое и общественное положеніе правящаго класса въ Новгородѣ и Псковѣ авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. „Политически, говоритъ онъ, этотъ правительственный боярскій совѣтъ вполнѣ зависѣлъ отъ народной массы, собиравшейся на вѣчѣ. Но покорное, повидимому, орудіе вѣчевой площади боярство вольныхъ городовъ правило мѣстнымъ рынкомъ, посредствомъ своихъ капиталовъ руководило трудомъ той самой массы, передъ которой отвѣчало по дѣламъ управленія на вѣчѣ“ [1]).

Весь этотъ трактатъ у автора и очень кратокъ и по достоинству обработки ниже другихъ и много уступаетъ изслѣдованію о томъ же предметѣ г. Никитскаго. Очевидно, это очень спѣшная работа у автора. Поспѣшность, вѣроятно, зависѣла и отъ самаго взгляда нашего автора на думу. Совѣты новгородскій и псковскій у него какъ бы сами собою выпадаютъ изъ его системы, по которой онъ изучаетъ только княжескую или царскую думу. Но не такъ было на дѣлѣ. Порядки жизни въ вольныхъ городахъ не были оторванными отъ жизни другихъ областей и не пропали даромъ для позднѣйшихъ явленій общерусскаго историческаго развитія. И земскія преобразованія при Іоаннѣ IV, и многія явленія смутнаго времени имѣютъ тѣснѣйшую связь съ исторіей Новгорода и Пскова. Старая вѣчевая Русь не разъ оживала и сказывалась въ дѣлахъ московскихъ. Но авторъ самъ загородилъ

[1]) Р. М. 1881 г. № XI, стр. III; особ. изд., стр. 226.

себѣ дорогу къ разъясненію этой связи между вѣчевой и думскою Русью.

Гораздо больше основательности представляетъ изслѣдованіе автора московскаго правительственнаго строя, больше даже, чѣмъ его изслѣдованіе княжествъ удѣльнаго періода. Это зависѣло и отъ гораздо большаго количества историческаго матеріала, какимъ могъ располагать авторъ, и отъ самой его задачи. Всѣ прежнія изслѣдованія его составляли собственно введеніе къ его главному изслѣдованію о боярской думѣ, которая вполнѣ сложившимся учрежденіемъ является только во времена московскаго единодержавія. Въ этомъ главномъ изслѣдованіи авторъ показываетъ не только то, какъ складывалась дума въ постоянное, прочное учрежденіе, но и то, какъ и насколько въ ней зарождалось политическое сознаніе, причемъ даетъ остроумное объясненіе историческаго развитія идеи самодержавія.

Два періода авторъ видитъ въ историческомъ развитіи московскаго правящаго класса: первый съ XIV в. до временъ Іоанна IV и смутнаго времени, когда этотъ правящій классъ сложился въ сильную корпорацію путемъ обычая, практики, и второй, когда возникла мысль о политическомъ договорѣ, но когда самый правящій классъ былъ разшатанъ бурями временъ Іоанна IV и смутнаго времени и когда затѣмъ выступило значеніе не корпораціи, а личной службы, личной заслуги.

Мы видѣли у нашего автора, что болѣе прочное положеніе правящій классъ занялъ въ московскомъ княжествѣ и что еще въ XIV ст. этому классу иногда какъ бы ввѣрялась судьба московскаго княжества умиравшими князьями. Но тогда же, съ XIV в., этотъ классъ старыхъ московскихъ бояръ сталъ подвергаться великому крушенію. По мѣрѣ того, какъ возвышалось московское княжество, къ нему стремились на службу и русскіе дружинники другихъ князей и областей и даже иноземцы, и вступали въ ряды старыхъ московскихъ бояръ. Извѣстно, что особенно часто переходили на службу въ Москву русскіе изъ западной Россіи и даже литовскіе князья — Гедиминовичи. При Іоаннѣ III этотъ наплывъ еще болѣе усилился и наконецъ завершался при немъ и его сынѣ Василіѣ Іоанновичѣ уничтоженіемъ удѣловъ. Тогда уже невольно передвигались на службу въ Москву и удѣльные князья и ихъ дружинники, вмѣстѣ съ ними

или независимо отъ нихъ. Вся эта пришлая масса тоже вступала въ ряды прежнихъ служилыхъ и занимала мѣста [1]).

Г. Ключевскій старается выяснить, какъ именно всѣ эти новыя лица занимали мѣста. Онъ указываетъ, что, судя по дѣламъ мѣстническимъ, время Іоанна III было главнѣйшимъ временемъ, когда происходилъ этотъ распорядокъ, на который служилые потомъ ссылались, именно, на то, кто какую службу занималъ тогда [2]). Но распорядокъ этотъ и при Іоаннѣ III устроялся не столько по его личной волѣ, сколько по особому принципу,— по такъ называемому мѣстничеству. На основаніи мѣстническихъ тяжебъ авторъ открываетъ намъ законы мѣстничества.

Авторъ указываетъ слѣдующіе слои въ іерархіи московскихъ служилыхъ людей: „Первый разрядъ, говоритъ онъ, который тонкимъ слоемъ легъ на поверхности московскаго боярства, составили высшіе служилые князья, предки которыхъ пріѣхали въ Москву изъ Литвы или съ русскихъ великокняжескихъ удѣльныхъ столовъ. Таковы были потомки литовскаго князя Юрія Патрикѣевича, также князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пѣнковы, Ростовскіе, Шуйскіе и др.; изъ простого московскаго боярства одни Кошкины съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались среди этой высшей знати. Затѣмъ слѣдуютъ князья, предки которыхъ до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ тверскомъ, ярославскомъ и другихъ, князья: Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе; къ нимъ присоединилось и все первостепенное нетитулованное боярство Москвы: Воронцовы, Челяднины и др. Въ составъ третьяго разряда, вмѣстѣ съ второстепеннымъ московскимъ боярствомъ, съ Колычевыми, Сабуровыми, Салтыковыми, вошли потомки мелкихъ князей удѣльныхъ или оставшихся безъ удѣловъ еще прежде, чѣмъ ихъ бывшія вотчины были присоединены къ Москвѣ: князья Ушатые, Палецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и др". [3]). Такимъ образомъ объединеніе Руси подъ знаменемъ Москвы переносило въ Москву порядки удѣльныхъ княжествъ. Они установлялись въ Москвѣ и укрѣплялись. Это, очевидно, была не малая сила русскаго правящаго класса, именно, сила старыхъ преданій, собранная теперь воедино

[1]) Глав. IX особ. изд.; Р. М. гл. XI. [2]) Особ. изд., стр. 226. [3]) Р. М. 1881 г. № VIII, стр. 314—20; особ. изд. стр. 287.

въ Москвѣ. Другая столь же значительная сила правящаго класса заключалась въ его земельныхъ привиллегіяхъ. Въ удѣльное время, при подвижности служилаго сословія, служилые рѣдко занимали сильное земельное положеніе. Но и тогда уже нѣкоторымъ изъ нихъ князья жаловали земли и привиллегіи по землевладѣнію. Теперь всѣ осѣдали, всѣ, такъ сказать, имѣли право на земельныя привиллегіи, какъ постоянные слуги московскаго князья, и въ числѣ ихъ бывшіе удѣльные князья, владѣвшіе цѣлыми областями. Это была новая и весьма существенная сила, которая сама собою вырабатывала значеніе служилыхъ и при князѣ, и въ мѣстахъ ихъ имѣній. Такимъ образомъ, въ составѣ московскихъ служилыхъ людей оказался сильный родословный и сильный землевладѣльческій элементъ [1]). Авторъ полагаетъ, что это было неожиданное, непредусмотрѣнное явленіе, иначе собиратели русской земли не пожелали бы его имѣть [2]).

Далѣе авторъ точнѣе выясняетъ дѣйствительный составъ московской боярской думы XV—XVI ст. по спискамъ служилыхъ людей, и показываетъ, какіе роды были въ боярахъ, какіе въ окольничьихъ. Изученіе это приводитъ его къ такимъ выводамъ, что многіе части родовъ и даже цѣлые роды исчезаютъ или худаютъ и что изъ этихъ захудалыхъ родовъ образуются такъ-называемые боярскіе дѣти и изъ нихъ въ XVI ст. нѣкоторые пробираются въ думу въ званіи думныхъ дворянъ, а остальные теряются въ званіи дворянъ московскихъ, городовыхъ или остаются въ званіи боярскихъ дѣтей. „Званіе бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ, заключаетъ авторъ, не были замкнутыми, неподвижными политическими состояніями: члены одной и той же фамиліи и въ одно время служили въ разныхъ думныхъ чинахъ; думный дворянинъ повышался въ окольничьи, окольничій дослуживался до боярства. Но думные чины еще не превратились въ простые служебные ранги; между ними замѣтно въ XVI ст. нѣкоторое соціальное различіе, уже начавшее исчезать въ слѣдующемъ столѣтіи. За каждымъ изъ нихъ стоялъ особый генеалогическій кругъ. Бояре выходили преимущественно изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ, къ которымъ примыкали не многія нетитулованныя фамиліи стариннаго московскаго боярства. Окольниче-

[1]) Особ. изд., стр. 239. [2]) Р. М. 1881 г., № IX, стр. 228. Особ. изд., стр. 240.

ство принадлежало преимущественно тѣмъ фамиліямъ этого боярства, которыя успѣли спасти свое положеніе при наплывѣ новыхъ титулованныхъ бояръ; къ нимъ примкнуло второстепенное княжье съ немногими фамиліями удѣльнаго боярства. Наконецъ, думное дворянство было убѣжищемъ выслужившихся лицъ смѣшаннаго класса, который составлялся изъ упадавшихъ московскихъ фамилій, изъ массы пришлаго удѣльнаго боярства, даже частью титулованнаго и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ“ [1]).

Вглядѣвшись внимательнѣе въ генеалогическое значеніе чиновъ думы, авторъ точно также подвергаетъ болѣе тщательному изученію другую силу боярства—земельную и показываетъ, какими большими имѣніями владѣли нѣкоторые изъ нихъ, какъ и въ областяхъ на ихъ старыхъ мѣстахъ, и въ Москвѣ на ихъ дворахъ все напоминало имъ старую жизнь. Само московское правительство оставляло ихъ долго при этихъ остаткахъ старины. Многіе князья по прежнему владѣли землями своихъ удѣловъ и даже стояли во главѣ своихъ особыхъ отрядовъ. Многіе удѣльные бояре числились при своихъ удѣльныхъ княжескихъ дворцахъ—рязанскомъ, тверскомъ, даже просто сохраняли званіе бояръ удѣльныхъ [2]).

Но съ этими остатками старины, постепенно исчезавшими, вырабатывалось и новое. Менѣе думая или переставая считать себя самобытными правителями своихъ прежнихъ владѣній, князья удѣльные, а за ними и бояре, тѣмъ болѣе привыкали считать себя правящими всей русской землей всѣ вмѣстѣ, разстанавливающимися въ извѣстномъ порядкѣ старшинства у главныхъ колесъ правительственной машины. „Окруженные, говоритъ авторъ, остатками удѣльныхъ отношеній, не видя со стороны московскаго государя рѣшительнаго отрицанія удѣльныхъ преданій, встрѣчая, напротивъ, прямое признаніе ихъ во многомъ, эти люди взглянули на свое общество, какъ на собраніе подчиненныхъ государю властей русской земли, а на боярскую думу—какъ на сборное мѣсто, откуда они будутъ продолжать править русскою землей, какъ отцы ихъ правили ею, сидя или служа по удѣламъ“ [3]).

Послѣ этого естественно ожидать, что авторъ будетъ пока-

---

[1]) Р. М. 1881. № IX, стр. 238. Особ. изд., 251—2. [2]) Особ. изд., стр. 252—263. [3]) Р. М. 1881. № IX, стр. 249; особ. изд., 265.

зывать намъ, какъ созрѣвало въ правящихъ классахъ русскаго общества сознаніе того, что они—власти русской земли, и какъ они будутъ упрочивать свое положеніе. Авторъ видитъ важность этихъ вопросовъ и вообще важность временъ Іоанна III и Іоанна IV, при которыхъ эти вопросы разрѣшались. Онъ, очевидно, ясно видитъ, что рѣшить надлежащимъ образомъ эти вопросы—значитъ уяснить тотъ важнѣйшій моментъ нашей русской исторіи, когда наша государственность сложилась прочно, держала этотъ строй до Петра и сберегла его остатки даже во времена петровской его ломки. Припомнимъ, что всѣ лучшіе наши историки сосредоточивали большое вниманіе на этомъ, такъ сказать, центрѣ тяжести нашей исторіи, и что большая часть изъ нихъ видѣла въ это время высшее развитіе власти—понимая ее, то какъ начало прогрессивное, просвѣтительное, то какъ народное начало, рядомъ съ которымъ развивалась и сила русской общины.

У нашего автора, какъ мы знаемъ, своеобразная постановка. Онъ показываетъ, какъ во временамъ московскаго единодержавія образовался аристократическій складъ правящаго общества русскаго. Въ чемъ же сказалось развитіе этого аристократизма? Авторъ уже прежде показывалъ и теперь опять вынужденъ показывать то отсутствіе, то паденіе этого аристократизма, и рядомъ, съ этимъ, такія явленія, которыя стояли неизмѣримо выше всякихъ узкихъ, сословныхъ стремленій. Онъ дѣлаетъ сближеніе государственныхъ и этнографическихъ границъ, собранной Іоанномъ III Руси и показываетъ, что эта объединенная Русь оказалась національнымъ государствомъ, что границы ея совпали съ границами великорусскаго племени и что это одно уже сильно подняло значеніе этого государства. Это естественно объединяло московскаго государя и его служилыхъ. При этомъ авторъ даетъ особенное значеніе князьямъ литовскимъ и другихъ областей, добровольно перешедшимъ на службу московскаго князя и добровольно помогавшимъ ему въ его объединительныхъ дѣлахъ. Сами московскіе князья расположены были благодушно смотрѣть на окружавшихъ ихъ бывшихъ удѣльныхъ князей, терпѣли остатки ихъ старины и привыкали къ ихъ участію въ дѣлахъ [1]). Авторъ при этомъ далѣе излагаетъ своеобразную теорію самодержавія

[1]) Особ. изд., стр. 266—9.

московскихъ государей. По мнѣнію его, самодержавіе московскихъ государей—значило ихъ независимость внѣшнюю, по отношенію къ другимъ государямъ, но не въ смыслѣ безусловной власти по внутреннему управленію. Послѣдняго, по его мнѣнію, они долго не сознавали и не представляли себѣ возможнымъ править государствомъ безъ совѣта бояръ, и даже когда стали сознавать силу своей личной власти, то и тогда проявляли ее надъ лицами бояръ, а не надъ ихъ институтомъ. Въ этомъ случаѣ авторъ разумѣетъ время Іоанна IV и на немъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ признаетъ, что Іоаннъ IV понималъ и внутреннее значеніе самодержавія, что онъ прямо заявлялъ, что самодержецъ тотъ, кто самъ, своею волею управляетъ, но что даже и Іоаннъ IV, казнившій бояръ, не уничтожалъ ихъ института и, заводя опричнину, считалъ необходимымъ оставить земское боярское управленіе Россіей [1]).

Такое же отсутствіе послѣдовательности авторъ показываетъ и въ боярствѣ. Оно сознавало, или, лучше сказать, путемъ привычки выработало свое право участвовать въ совѣтѣ, думѣ, но не добивалось олигархическаго положенія. Для доказательства этого авторъ обращается къ идеаламъ земскаго строенія, высказаннымъ тогдашними публицистами Берсенемъ, старцемъ Вассіаномъ Патрикѣевичемъ, авторами бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ и особенно Курбскимъ [2]). Они осуждали Іоанна за самовластіе, за устраненіе отъ совѣта съ боярами, возвышали значеніе этого совѣта; Курбскій притомъ очень гордился своимъ княжескимъ происхожденіемъ, и однако тотъ же Курбскій и его единомышленники не поднимали вопроса объ ограниченіи власти царя, и, съ другой стороны, даже проповѣдовали важность земскаго собора. Извѣстно, что не одинъ Курбскій и его единомышленники-публицисты такъ думали. Когда, въ 1553 г., Іоаннъ IV поручилъ боярамъ обсудить земскія дѣла, то они прежде всего отмѣнили кормленія и поручали самимъ земскимъ общинамъ вѣдать свои дѣла. Далѣе авторъ справедливо говоритъ, что бояре не заботились о томъ, чтобы взять въ свои руки починъ законодательный, который, по старымъ русскимъ обычаямъ, шелъ снизу, возникалъ изъ частныхъ случаевъ въ самой русской жизни [3]). Наконецъ, что особенно важно, бояре

[1]) Особ. изд., стр. 269 — 275. [2]) Особ. изд., стр. 299 — 305; Русск. Мысль. 1881 г., № X. [3]) Особ. изд. стр. 293 305; 307.

не позаботились связать должности съ боярствомъ и затруднить вступленіе въ думу низшихъ званій. Въ исторіи думы мы видимъ, напротивъ, систематическое вторженіе въ нее людей нетитулованныхъ [1]). Такъ, намъ извѣстно, что въ думѣ кромѣ бояръ стали показываться думные дворяне. Въ XVI вѣкѣ у обоихъ этихъ слоевъ оказываются прибавочныя части,—у каждаго изъ низшихъ классовъ. Боярство распадается на двѣ части, просто бояръ и окольничихъ, и въ число послѣднихъ чаще и чаще вступаютъ думные дворяне, а не одни знатные люди. Съ другой стороны, подъ думнымъ дворянствомъ наростаетъ новый слой думскій — думные дьяки.

„Напряженіе политической мысли, говоритъ авторъ, замѣтное въ боярской средѣ по ея литературнымъ представителямъ, не привело въ XVI в. къ разработанному въ подробностяхъ плану государственнаго устройства, въ которомъ были бы полно и послѣдовательно выражены и надежно обезпечены притязанія класса. Боярство какъ будто не понимало возможности или надобности этого. Въ его рукахъ была власть; но въ его правительственной практикѣ не замѣтно сословнаго направленія, стремленія законодательнымъ путемъ провести и упрочить свои политическія права. Московскій государственный порядокъ, казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярскихъ интересовъ. Боярство XVI вѣка является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество, знатью, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу“ [2])...

Въ этомъ выводѣ автора неоспоримо вѣрно то, что аристократизмъ къ нашей боярской думѣ не приложимъ; но всѣ другія части его вывода требуютъ, по нашему мнѣнію, иной постановки. Потому московскій строй и удержался такъ долго, что сложился прочно. Въ старыя русскія времена — дружинный совѣтъ и вѣча составляли гармонію русской жизни и долго держались. Въ московское время гармонія эта выразилась въ думѣ и въ земскомъ соборѣ, и какъ при оцѣнкѣ древней русской жизни ошибка автора состояла въ томъ, что онъ не видѣлъ гармоніи дружиннаго совѣта и вѣча, такъ и теперь московскій строй ему представился

[1]) Особ. изд. стр. 307 — 8. [2]) Р. М. 1881 г., № X, стр. 164, особ. изд. 314—15.

неустановившимся потому именно, что съ развитіемъ думы онъ не сопоставилъ развитія земскаго собора. Объ этой ошибкѣ тѣмъ болѣе нужно жалѣть, что тутъ-же авторъ какъ-бы мелькомъ сдѣлалъ новое освѣщеніе начала земскихъ соборовъ. Онъ свелъ мнѣнія тогдашнихъ публицистовъ о вызовѣ выборныхъ для совѣщанія съ ними и поднимаетъ вопросъ, что если бы можно было доказать, что эти публицисты говорили это до созванія перваго земскаго собора, то это получило-бы „высокій историческій интересъ“... „и можно было-бы думать, что самая мысль объ этомъ учрежденіи вышла изъ круга людей, къ которому по своимъ взглядамъ принадлежали Василій Патрикѣевъ, въ иночествѣ Вассіанъ, и потомъ князь А. Курбскій[1]). Списокъ такихъ лицъ слѣдовало-бы увеличить именами Сильвестра и Адашева и м. Макарія, и въ сходствѣ многихъ постановленій Стоглава съ новгородскими порядками жизни можно было-бы найти еще новое освѣщеніе начала земскихъ соборовъ. Наконецъ, при этомъ спискѣ и этомъ освѣщеніи, нужно, по нашему мнѣнію, имѣть въ виду испомѣщенныхъ среднихъ и низшихъ служилыхъ. Потомки бывшихъ младшихъ дружиниковъ, отдѣленные московскимъ испомѣщеніемъ отъ своихъ областныхъ князей и старшихъ дружинниковъ, подступами къ нимъ въ Москвѣ, въ думѣ въ званіи думныхъ дворянъ, а по областямъ, вмѣстѣ съ жителями городовъ и черныхъ волостей, особенно въ бывшихъ новгородскихъ областяхъ, воодушевлялись старыми преданіями о вѣчахъ и вмѣстѣ съ этими жителями подошли къ боярамъ другимъ путемъ,—на земскихъ соборахъ. Событія смутнаго времени, особенно въ сѣверной половинѣ Россіи, съ поразительною ясностію показываютъ этотъ путь объединенія всѣхъ слоевъ русскаго народа.

Но какъ при оцѣнкѣ стараго строя, такъ и теперь, вниманіе нашего автора обращено въ другую сторону. Онъ старается объяснить эту, по его мнѣнію, косность правящаго класса, и видитъ причину этого въ экономическомъ положеніи боярства.

Намъ уже извѣстно мнѣніе автора, что русское населеніе, какъ-бы запертое въ углу Оки-Волги, стало прорываться еще въ XIV в. за эти предѣлы на юговостокъ и особенно на сѣверъ. Въ XV в. авторъ видитъ какъ-бы нѣкоторую остановку движе-

---

[1]) Особ. изд. стр. 304 — 5.

нія и усиленіе земледѣлія въ средней волжской полосѣ Россіи. Само правительство принимаетъ мѣры противъ подвижности установленіемъ Юрьева дня [1]). Но затѣмъ, особенно въ XVI в., происходитъ сильное колебаніе. Народонаселеніе прорывается на юго-востокъ къ Дону и за Донъ, даже стремится въ Литву. Авторъ почему-то не говоритъ о движеніи русскаго народа къ Уралу, начавшемся задолго до появленія на сценѣ Ермака. Причину возобновившагося движенія народа авторъ видитъ въ хищническомъ хозяйствѣ, — въ неразумномъ истощеніи земли. „Уже во второй половинѣ XVI в., говоритъ онъ, остатки поземельныхъ описей поражаютъ обиліемъ пашни перелoжной и лѣсомъ поросшей, количествомъ пустошей, „что были деревни“, въ ближайшихъ къ столицѣ уѣздахъ. Почти въ каждомъ имѣніи, даже при каждомъ крестьянскомъ поселеніи, сверхъ трехъ полей пашни паханой, существовалъ перелогъ, обыкновенн огораздо болѣе обширный, часто втрое или вчетверо. Независимо отъ этого, являлись большія сплошныя пространства „порожнихъ земель“, которыя отмѣчались въ писцовыхъ книгахъ словами: „лежатъ впустѣ и не владѣетъ ими никто“. Лишь по мѣстамъ на этихъ брошенныхъ залежахъ поддерживались отхожія пашни, вспаханныя „наѣздомъ“. Наконецъ, теперь стали покидать на неопредѣленное время и существовавшія трехпольныя пашни, превращая ихъ въ безсрочный перелогъ; самыя населенія со всѣмъ ихъ хозяйствомъ переносились изъ старыхъ срединныхъ областей въ другія, иногда очень отдаленныя мѣста, на болѣе плодородныя нови. „Такъ ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси XVI вѣка представлялъ, можно сказать, говоритъ авторъ, геометрическую прогрессію запустѣнія“ [2])... „Кажется, еще бы по одной сильной волнѣ колонизаціи изъ центра къ окраинамъ на югъ и на сѣверъ,—и Москвѣ предстала-бы опасность, уже испытанная ея предшественникомъ Кіевомъ, опасность превратиться въ столицу пустыни“ [3])...

Авторъ сдѣлалъ въ высшей степени удачное сравненіе Москвы съ Кіевомъ; но, къ крайнему сожалѣнію, не остановился на существенныхъ сторонахъ этого сравненія. Если-бы онъ

---

[1]) Русск Архивъ 1882 г., № I, статья князя Черкасскаго. [2]) Р. М. 1881 г. № X, 172 — 3; особ. изд., стр. 324. [3]) Р. М. тамъ же, стр. 173; особ. изд. стр. 325.

взялъ во вниманіе существенное между ними сходство по этому вопросу, то сейчасъ-же увидѣлъ-бы ясно, что не одно хищническое хозяйство обезлюдило ближайшія окрестности Москвы, а и другія причины, гораздо болѣе важныя. Какъ только Москва выступила на борьбу съ татарами и затѣмъ съ Литвой, жить около Москвы народу стало также трудно, какъ трудно было жить въ старину около Кіева. Къ этому, какъ и въ Кіевѣ, нерѣдко присоединялись внутреннія смуты. Но кромѣ этихъ причинъ были еще другія причины, составлявшія преимущественную принадлежность Москвы. Замѣчательно, что пустѣли мѣста больше около Москвы, чѣмъ въ отдаленныхъ отъ нея областяхъ. Замѣчательно также, что ростъ московской государственности сопровождался развитіемъ козачества на Дону и у Урала. Очевидно, что русской общинѣ особенно тяжело было жить около Москвы, какъ въ старину около Кіева, и что въ тѣ времена особенно часто подвергалась опасности свобода русскаго простого человѣка. На послѣднее, впрочемъ, авторъ нашъ обращаетъ вниманіе нѣсколько ниже. „Такое тревожное, продолжаетъ авторъ, для правительственнаго класса направленіе принималъ земледѣльческій трудъ. Въ то самое время, когда боярство складывалось въ правительственную аристократію, его вотчинное благосостояніе становилось вопросомъ. Только что оно устроилось было по переѣздѣ въ Москву, спасши большую часть своихъ вотчинныхъ усадебъ въ исчезнувшихъ удѣлахъ, какъ стала грозить необходимость перенесенія самыхъ усадебъ въ другіе края. Всѣ добытыя землевладѣльческія привиллегіи стали терять свою цѣну, потому что плохо обезпечивали привиллегированному землевладѣльцу главную силу, на которой могло основаться надежное вотчинное хозяйство, надежныя рабочія руки“ [1]). Это-то обстоятельство, хотя и не исключительное, повернуло вниманіе боярства отъ устройства высшаго управленія къ заботамъ о земельномъ хозяйствѣ [2]).

Заботы эти, по автору, выразились въ слѣдующихъ печальныхъ явленіяхъ.

Землевладѣльческій классъ принялся кабалить вольныхъ лю-

---

[1]) Р. М. № X, стр. 173; особ. изд. стр. 325. [2]) Р. М. № X, стр. 174; особ. изд., стр. 327.

дей посредствомъ долговыхъ обязательствъ. Этихъ кабальныхъ, закладней сажали на земли въ вотчинахъ и устрояли изъ нихъ въ при городахъ цѣлыя слободы. Въ томъ и другомъ случаѣ выгода была та, что не только пріобрѣтался контингентъ постоянныхъ рабочихъ, но и рабочихъ, свободныхъ отъ податей, потому что рабы не платили ихъ.

Подобная система прилагалась и къ крестьянамъ. „Поземельныя отношенія между крестьянами и крупными землевладѣльцами почти всегда осложнялись долговыми обязательствами крестьянъ, вытекавшими изъ ссуды деньгами, хлѣбомъ и т. п., взятой у землевладѣльца при поселеніи на его землѣ“ [1]). Такимъ образомъ, происходило фактическое прикрѣпленіе крестьянъ у богатыхъ землевладѣльцевъ и, что особенно важно, по судебнику 1550 года крестьянинъ могъ порвать всегда свои обязательства къ помѣщику, продавшись съ пашни въ холопы [2]).

Какъ, по мнѣнію автора, боярство поглощено было матеріальными, денежными интересами, это показываютъ слѣдующія явленія. Боярство, вопреки очевиднымъ политическимъ своимъ интересамъ, не заботится упрочить свое вліяніе въ областяхъ, а напротивъ, рветъ еще и существовавшія связи. Оно устраняется отъ должности губнаго старосты, въ рукахъ котораго была судебная власть уѣзда, и онъ былъ выборнымъ [3]). Оно даже устраняется отъ намѣстничества,—предлагаетъ общинамъ выкупать кормленія и за особый взносъ денегъ брать въ свои руки финансовое и административное управленіе уѣздомъ [4]). Авторъ даже полагаетъ, что и проектъ Василія Васильевича Голицына освободить крестьянъ, о которомъ сообщаетъ извѣстія иноземецъ Навиль, имѣлъ тотъ смыслъ, чтобы крестьяне выкупили помѣстныя права служилыхъ, т. е. чтобы служилые вмѣсто помѣстій получали деньги [5]). Здѣсь опять, какъ и прежде, авторъ упустилъ изъ виду испомѣщеніе меньшихъ служилыхъ, подрывавшее, по нашему мнѣнію, больше всего силу боярства по областямъ еще до закрѣпощенія крестьянъ.

Но одновременно съ тѣмъ, какъ боярство устранялось отъ вліянія на дѣла провинціи, значеніе его колебалось въ самой Москвѣ.

---

[1]) Р. М., X, стр. 175; особ. изд., стр. 326—327, значительно сокращено. [2]) Р. М., X, стр. 177; особ. изд., стр. 327. [3]) Особ. изд., стр. 313 — 314. [4]) Р. М., X, стр. 180. [5]) Р. М., X, стр. 181—2; особ. изд., стр. 331—333.

Рядомъ съ думой образуется подлѣ московскаго государя особый совѣтъ ближнихъ людей, который при Іоаннѣ IV выростаетъ, по автору, въ цѣлое учрежденіе—опричнину. Авторъ полагаетъ, что первые слѣды этого особаго совѣта видны при сынѣ Іоанна III, Василіѣ Іоанновичѣ, на котораго современники жаловались, что онъ рѣшаетъ дѣла не въ думѣ, а у своей постели, самъ третей, съ своими любимцами. Но еще при Іоаннѣ III замѣтно было подобное явленіе. При сверженіи татарскаго ига современники тоже жаловались, что Іоаннъ слушается дурныхъ своихъ совѣтниковъ, проповѣдывавшихъ дружбу съ татарами. При Іоаннѣ IV, ближніе тайные совѣтники то и дѣло упоминаются и въ иностранныхъ извѣстіяхъ, и въ жалобахъ Курбскаго. Авторъ нашъ, впрочемъ, не видитъ въ этомъ совѣтѣ подрыва думѣ, а естественное орудіе ея, какъ бы государетвенный совѣтъ. Еще болѣе странно его сужденіе объ опричнинѣ.

Авторъ не разъ показывалъ намъ, что дворцовое вѣдомство, изъ котораго выросла дума, болѣе и болѣе заслонялось государственнымъ значеніемъ думы, а вмѣстѣ съ тѣмъ заслонялись членами думы и чины придворные. Дворецкіе, стольники, чашники, сокольники вытѣснялись изъ думы удѣльныхъ временъ, и при московской боярской думѣ сосредоточивались въ кругу своихъ придворныхъ обязанностей. Ближній совѣтъ московскихъ государей былъ, по автору, попыткой выдвинуть значеніе придворныхъ. Совѣтъ этотъ и обозначился, прежде всего, участіемъ въ дѣлахъ ближайшимъ образомъ касавшихся государей, именно, въ дѣлѣ о завѣщаніяхъ Василія Іоанновича и Іоанна IV. Іоаннъ IV задумалъ возстановить полнѣе старое значеніе дворцовыхъ чиновъ и учредилъ опричнину, которой назначалъ въ кормленіе именно города и волости, составлявшіе старыя вотчины московскихъ князей, какъ Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, или недавнія пріобрѣтенія московскихъ государей, какъ Двина, Вага, Вязьма, Бѣлевъ. Подобно разбросанности дворцовыхъ имѣній, разбросаны были и кормленія опричниковъ, напоминавшихъ собою слугъ удѣловъ княжескаго рода. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію автора, опричнина не отличалась отъ слугъ удѣльныхъ князей и княгинь. Но она отличалась своею политическою цѣлью, какъ учрежденіе для вывода измѣны.

Какимъ образомъ могла быть поставлена такая цѣль,—авторъ

рѣшаетъ этотъ вопросъ совсѣмъ не такъ, какъ Соловьевъ. Разбирая переписку Іоанна съ Курбскимъ, онъ показываетъ, что ни вопросъ о самодержавіи, ни вопросъ о дѣйствительной государственной измѣнѣ бояръ, не вызывали такой цѣли учрежденія опричнины. Дѣйствительная причина вражды, по мнѣнію автора, была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ. „Съ половины XV в., говоритъ авторъ (нужно бы сказать съ послѣдней четверти XV в.), эта вражда дважды обнаруживалась съ особенною силою и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго, и его противодѣйствіе великому князю въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями. Нерасположеніе вел. кн. Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первыя сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Іоаннъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ, его кн. Михаилъ, съ вел. кн. Димитріемъ, внукомъ, на его государева отца „многія пагубныя смерти умышляли“. Другой случай былъ при самомъ Іоаннѣ IV въ 1553 г., когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владиміръ, заявилъ притязанія на престолъ“ [1]). Бояре, какъ извѣстно, иные даже прямо не хотѣли цѣловать креста младенцу, другіе держали себя двусмысленно. „Съ тѣхъ поръ, повторяетъ авторъ слова лѣтописца, и пошла вражда“ [2]). Іоаннъ вообразилъ, что и онъ ненадобенъ боярамъ, и это преувеличенное опасеніе сдѣлало то, что Іоаннъ дѣйствовалъ „во время опричнины, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ“ [3]). „Словомъ, по мнѣнію автора, съ которымъ нельзя не согласиться, борьба московскихъ государей съ боярствомъ имѣла не политическое, а династическое происхожденіе“ [4]). „Государь признавалъ бояръ прямыми и необходимыми своими сотрудниками

[1]) Р. М. 1881 г. № XI, стр. 86; особ. изд., стр. 355. [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, Р. М. стр. 87; особ. изд., стр. 356. [4]) Тамъ же.

въ земскомъ строеніи и разныхъ дѣлахъ, правящимъ классомъ въ предѣлахъ существующаго порядка... Боярство съ своей стороны видѣло въ государѣ необходимаго носителя верховной власти, какъ тогда ее понимало, и не простирало своихъ политическихъ желаній далеко за предѣлы существующаго порядка. Коренного измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя, не добивается ни та, ни другая сторона“ [1])... „Надъ талантами, идеями, капризами и страхами обѣихъ сторонъ высился порядокъ, державшійся на обычаѣ, преданіи, поколебать который онѣ были безсильны, пока онъ самъ не поколебался подъ дѣйствіемъ новыхъ обстоятельствъ“ [2]).

Обстоятельства эти авторъ и излагаетъ далѣе въ XX главѣ по изданію въ Русск. Мысли [3]) и въ XVIII по особому изданію [4]).

Жестокая расправа Іоанна съ боярствомъ, сильно истреблявшая его, а тѣмъ болѣе начавшаяся затѣмъ самозванческая смута заставили, по автору, боярство думать о спасеніи своихъ остатковъ. Сношенія съ западной Европой и бѣгство въ Польшу выдвинули вопросъ о вольностяхъ боярства. Наконецъ, это направленіе еще болѣе усилило превращеніе старой рюриковой династіи. Авторъ видитъ признаки договора бояръ съ царемъ еще при Годуновѣ, хитро уклонившимся отъ этого вызовомъ всенародной воли на его избраніе. Со всею ясностію договоръ думы съ царемъ обозначился при избраніи Шуйскаго 1606 г. Договоръ этотъ касался только думы. Попытка Шуйскаго призвать къ участію и земскій соборъ, по автору, была устранена. Послѣднюю мысль, т. е. о договорномъ участіи и думы, и земскаго собора въ управленіи, проводилъ извѣстный приверженецъ польскаго королевича М. Салтыковъ съ своими единомышленниками въ 1610 г. По этому плану верховная власть ограничивалась думою и земскимъ соборомъ и опредѣлялись права не однихъ бояръ, а всѣхъ свободныхъ сословій: безъ суда никого не казнить, и за вину одного не казнить семью и рода, если они не виноваты. Наконецъ, авторъ разбираетъ свидѣтельства объ избраніи на престолъ Михаила Θеодоровича, изъ которыхъ видно, что и съ него брали запись, хотя трудно составить точное понятіе о содержаніи ея. Однако

[1]) Р. М. тамъ же, стр. 94; особ. изд., стр. 365. [2]) Р. М. тамъ же, стр. 95; особ. изд., стр. 367. [3]) Р. М. 1881 г., XI. [4]) Съ стр. 368.

извѣстно, что и дума при немъ имѣла большое значеніе, и земскіе соборы.

Въ существѣ дѣла, всѣ эти договоры были, по мнѣнію автора, только узаконеніемъ установившагося обычая,—узаконеніемъ, вызваннымъ исключительными обстоятельствами, и когда эти обстоятельства прекратились, то и узаконеніе потеряло значеніе и не возобновлялось. Дѣйствовалъ старый обычай, и силою его дума жила, какъ и прежде. Но въ самихъ элементахъ думы произошли важныя перемѣны. Правящій классъ сильно измѣнился. Погибли многія родовитыя вѣтви; многія обѣднѣли и захудали на службѣ. Чаще и чаще стали выдвигаться и занимать мѣста въ думѣ люди средней руки, люди таланта, заслуги. Выработалась поговорка: великъ и малъ живетъ государевымъ жалованіемъ. Сила преданій правящихъ родовитыхъ классовъ подрывалась, спутывались мѣстническіе счеты. Прикрѣпленіе крестьянъ еще больше этому помогало. Среднее дворянство выступаетъ успѣшнымъ соперникомъ боярства въ устройствѣ своего сельскаго обезпеченія. „Эти экономическія превратности, заключаетъ авторъ свое изслѣдованіе, ускорили генеалогическое разрушеніе прежняго правительственнаго класса, начавшееся съ конца XVI вѣка, а совокупнымъ дѣйствіемъ обоихъ этихъ процессовъ довершено было и его политическое разрушеніе".

„Цѣлые вѣка боярство работало внизу общества надъ обезпеченіемъ своего экономическаго положенія; все это время, за исключеніемъ какихъ нибудь 40 лѣтъ, его политическое положеніе на верху оставалось неупроченнымъ, держалось на одномъ обычаѣ. Въ XVII вѣкѣ, когда оно, послѣ потрясеній, достигло уже значительныхъ успѣховъ въ своей экономической работѣ, оно исчезло, какъ политическая власть, теряясь въ обществѣ при новомъ складѣ понятій и классовъ, растворяясь въ служилой дворянской массѣ. Отмѣна мѣстничества, въ 1682 году, указываетъ довольно точно историческій часъ смерти его, какъ правительственнаго класса, и политическую отходную прочиталъ надъ нимъ, какъ и подобало по заведенному чину московской правительственной жизни, выслужившійся дьякъ. Въ 1687 году Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софію вѣнчаться на царство, увѣряя, что препятствій не будетъ. „А патріархъ и бояре?" возразили стрѣльцы. „Патріарха смѣнить можно", отвѣчалъ Шакло-

витый, „а бояре — что такое бояре? Это зяблое, упавшее дерево“ [1]).

Въ Русской Мысли этимъ и заканчивается изслѣдованіе г. Ключевскаго о боярской думѣ. Но въ особомъ изданіи, какъ уже намъ извѣстно, авторъ счелъ нужнымъ подробнѣе выяснить исторію боярской думы въ XVII вѣкѣ и въ первые годы XVIII, когда она кончила свое существованіе, и на ея развалинахъ выросъ сенатъ.

Въ изслѣдованіи нашего автора, начало и конецъ этого періода въ исторіи боярской думы весьма печальны. Въ первой прибавочной главѣ, т. е. XX по порядку главъ въ особомъ изданіи, г. Ключевскій показываетъ, что, хотя послѣ смутнаго времени сохранились еще значительные остатки знатныхъ русскихъ родовъ въ думѣ, но она болѣе и болѣе наполнялась новыми, неродовитыми людьми, которые пробирались въ нее, главнымъ образомъ, двумя путями,—финансовымъ и дипломатическимъ, и болѣе и болѣе заслоняли своими талантами родовитыхъ людей [2]). Въ тоже время приказы такъ развивались и усиливались, что ихъ начальники естественно оказывались самыми свѣдущими и дѣятельными лицами, до такой степени, что иногда засѣданіе думы состояло въ большинствѣ изъ нихъ [3]). „Курбскій, говоритъ авторъ, не совсѣмъ былъ правъ, когда писалъ, что послѣ ужасовъ опричнины у Грознаго остались отъ стараго боярства только калики. Но такое замѣчаніе вполнѣ идетъ къ московской знати съ половины XVII в. То были жалкіе остатки стародавнихъ честныхъ родовъ, какъ выражался царь Алексѣй. Подъ руками у этого царя былъ разбитый классъ, со спутавшимися политическими понятіями, съ разорваннымъ правительственнымъ преданіемъ. Онъ падалъ генеалогически и даже экономически“ [4]).

Еще болѣе печальными были послѣднія времена боярской думы при Петрѣ, описанныя нашимъ авторомъ въ XXIII главѣ особаго изданія его изслѣдованія. Государь большею частью отсутствовалъ, что при исторически сложившейся близости думы къ государю или, лучше сказать, слитности ея съ нимъ уже само собою подрывало ея жизнь. Вмѣстѣ съ отсутствующимъ изъ Москвы Петромъ отсутствовали и многіе изъ членовъ думы. Недочетъ этотъ, правда,

---

[1]) Р. М. 1881 г., XI, стр. 113; особ. изд., стр. 396. [2]) Стр. 403. [3]) Стр. 415. [4]) Стр. 407—8.

нерѣдко восполнялся, но это еще болѣе разрушало обычаи думы. Петръ поручалъ дѣла совсѣмъ недумскимъ людямъ и вводилъ ихъ въ думу[1]). Съ другой стороны, и тѣ старые московскіе порядки, которые и прежде не разъ ослабляли думскую дѣятельность, выдвигались теперь болѣе и болѣе и врывались въ нее. Такъ называемые ближніе люди царя выступали теперь уже какъ будущіе министры, а сила приказная подступала съ другой стороны, — сосредоточилась, образовала такъ называемую ближнюю канцелярію и втянула въ себя самую думу, которая въ ней и собиралась[2]). Совершенно естественно затѣмъ случилось, что дума была оторвана отъ военныхъ и политическихъ дѣлъ, а предоставленныя ей дѣла стали облекаться въ канцелярскія формальности и подлежали отвѣтственности[3]). „Боярская дума при Петрѣ стала, говоритъ авторъ, тѣснымъ совѣтомъ съ разрушившимся генеалогическимъ и даже чиновнымъ составомъ старой думы; даже люди недумныхъ чиновъ теперь имѣли въ ней мѣсто. Существенною ея особенностію было то, что она дѣйствовала вдали отъ государя и была передъ нимъ отвѣтственна, руководя внутреннимъ управленіемъ и исполняя особыя порученія государя, но не мѣшаясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику. Читая первые указы объ учрежденіи сената въ 1711 г., можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ ближней канцеляріи и наслѣдовалъ всѣ ея особенности... Такъ, идея и форма сената, заключаетъ авторъ, создались прежде, чѣмъ явилось его названіе“[4]). Нашъ авторъ даже для табели о рангахъ находитъ зародыши въ до-петровской Руси. „Въ XVII в. чинъ уже совершенно отрывается отъ отечества“, говоритъ авторъ, показавъ передъ тѣмъ, какъ пробирались въ думу неродовитые люди, подвигаясь къ ней службою по финансовой и дипломатической части, т. е. по гражданской части, и заключаетъ: „Такъ еще до Петра, задолго до его табели о рангахъ, отдѣлившей должности военныя отъ гражданскихъ, въ московской приказной администраціи обозначилась сфера, которую можно назвать тогдашней штатской службой“[5]).

Въ серединѣ между этими крайними, по времени и существу дѣла, проявленіями упадка думы, авторъ даетъ намъ въ XXI, XXII,

---

[1]) Стр. 455. [2]) Стр. 450—1. [3]) Стр. 558—9. [4]) Стр. 459—60. [5]) Стр. 406

XXIV и XXV главахъ его труда картину совсѣмъ иного рода,— картину, на которой не мало свѣта и даже яркаго блеска нашей старины. Онъ даетъ намъ подробное изслѣдованіе объ обычныхъ и необычныхъ дѣлахъ думы въ XVII вѣкѣ, т. е. объ ея составѣ, родѣ дѣлъ, центральныхъ и областныхъ, подлежавшихъ думѣ, и о порядкѣ дѣлопроизводства, причемъ особенный интересъ составляютъ способы возбужденія дѣлъ въ думѣ и такъ называемыя подписныя челобитныя [1]). Тутъ раскрывается и извѣстная московская волокита, но также и широкое старорусское право жалобы. Особенное вниманіе авторъ обращаетъ на законодательный характеръ дѣятельности думы и раскрываетъ въ XXIV гл. громадный объемъ вызывавшихъ эту дѣятельность вопросовъ и тѣснѣйшую связь думы съ государемъ. „...Боярская дума древней Руси, говоритъ онъ, была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ... Давній обычай неразрывно связалъ обѣ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго. Эпохи, когда онѣ разрывались, когда боярская дума оставалась одна безъ государя, какъ въ смутное время, или когда государь отдѣлялся отъ думы, какъ во времена опричнины Грознаго, такія эпохи были ненормальными кризисами, болѣзненными состояніями государства. Точно также и древнерусское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти: законъ являлся передъ управляемыми въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагался боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ боярской думы, какъ о чемъ то точно опредѣленномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ то отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятельности думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первою и черезъ первую“ [2]). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой главы авторъ и очерчиваетъ широкій кругъ этихъ совмѣстныхъ дѣлъ государя и думы „...Крупныя и мелкія административныя реформы этихъ вѣковъ

[1]) Стр. 464 и 471. [2]) Стр. 461—2.

(XVI и XVII) шли изъ думы и черезъ думу", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. „По актамъ XVI и XVII в. видимъ, что дума устанавливала областное административное дѣленіе, разграничивала вѣдомства центральныхъ и областныхъ учрежденій, опредѣляла порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ, особенно порядокъ суда уголовнаго и гражданскаго, давала общія правила для назначенія областныхъ управителей, указывала предѣлы ихъ власти, вводила новыя должности или отмѣняла старыя, предметы вѣдомства закрываемыхъ приказовъ вмѣстѣ съ книгами передавала другимъ учрежденіямъ и т. п." [1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Создавая законъ, дума строила и государственный порядокъ, обезпечивавшій его дѣйствіе. Она съ государемъ вела дѣла внѣшней политики и народной обороны, дѣлала распоряженіе о мобилизаціи войскъ, составляла планы военныхъ операцій и т. п. Она же вѣдала и тѣсно связанное съ этими дѣлами государственное хозяйство. Новые налоги, постоянные и временные, прямые и косвенные вводились обыкновенно по приговору бояръ" [2]).

Дума выражала въ своей дѣятельности и то единеніе гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ, какое проходитъ черезъ всю почти нашу исторію и особенно сильно сказывалось въ нашей до-петровской Руси. Въ разнообразныхъ случаяхъ, то особенной государственной важности, то по преимуществу касавшихся дѣлъ церкви, лица духовнаго, освященнаго собора соединялись съ членами думы и составляли одно засѣданіе. Нашъ авторъ въ XXV т. перечисляетъ случаи такого общаго засѣданія и показываетъ, что духовныя лица, устраняясь обыкновенно отъ обсужденія дѣлъ чисто гражданскихъ, далеко не всегда были пассивными членами думы. Особенно дѣятельнымъ участникомъ въ думскихъ совѣщаніяхъ авторъ представляетъ намъ, и совершенно вѣрно, патріарха Іоакима. Совѣщанія совмѣстныя духовныхъ властей и чиновъ думы обыкновенно назывались соборами. Недавно въ нашемъ журнальномъ мірѣ возникло большое недоумѣніе касательно этихъ соборовъ. Многіе полагали, что дѣла этихъ соборовъ и есть протоколы земскихъ соборовъ. Г. Ключевскій даетъ теперь достаточное количество данныхъ для разъясненія этого недоумѣнія.

Слѣдя постепенно за расширеніемъ дѣлъ думы, особенно ра-

[1]) Стр. 503. [2]) Стр. 501.

скрывая дѣла думскаго собора, авторъ естественно былъ вызываемъ на изученіе дальнѣйшаго расширенія дѣятельности думы, на изученіе дѣлъ земскихъ соборовъ. Мы и находимъ у него упоминанія о нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ. Но надлежащей оцѣнки земскихъ соборовъ у автора нѣтъ, да едва ли и могло быть. Какъ вѣча поникли у автора передъ дружиной, такъ и земскимъ соборамъ естественно было поникнуть передъ московскою думой. Въ изслѣдованіи г. Ключевскаго не видимъ ясно даже того цѣлаго ряда земскихъ соборовъ или правильнѣе того непрерывнаго почти земскаго собора, который, начавшись подъ Москвой въ 1611 году при Ляпуновѣ, привелъ потомъ къ ней князя Пожарскаго, избралъ Михаила Ѳедоровича, устроилъ и закрѣпилъ его власть въ Россіи и даже высылалъ свои коммиссіи по областямъ для нравственнаго подавленія поднимавшихся вновь самозванческихъ смутъ. Нашъ авторъ вообще уменьшаетъ значеніе земскихъ соборовъ, дѣйствовавшихъ всегда сильно нравственною стороною своего мнѣнія, и излишне разъединяетъ думу и земскій соборъ, когда они сходились. „Дума, говоритъ онъ, рѣдко входила въ прямыя отношенія къ обществу, даже какъ будто избѣгала этого. Въ XVII вѣкѣ довольно часто призывали выборныхъ отъ разныхъ классовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣнія о вопросахъ, возбужденныхъ въ думѣ и ихъ касавшихся. Но этихъ представителей не вводили прямо въ думу: она не выслушивала ихъ сама, а обыкновенно поручала распросить ихъ въ извѣстномъ приказѣ, либо составляла для того особую коммиссію изъ своихъ членовъ. Она и на земскомъ соборѣ выдѣлялась изъ ряда представителей земли. Вопросъ, подлежавшій обсужденію, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Бояре съ государемъ обыкновенно уже до собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ приговору съ государемъ созывались выборные, какъ и распускались. Думные люди являлись на соборѣ не представителями земли, призванными правительствомъ, а частью правительства, призвавшаго представителей земли; члены думы назначались и руководить совѣщаніями этихъ представителей, сидѣть съ выборными людьми“[1]). Послѣднее выраженіе, приведенное авторомъ, и ослабляетъ рѣз-

---

[1]) Стр. 516—17. Слич. гл. XVIII по особ. изд. и XX по Р. М.

кую раздѣльность думы и земскаго собора; а если вспомнить необычайные земскіе соборы, какъ 1611, 1612—13 и даже соборъ 1648 г. по дѣлу о составленіи уложенія, то прійдется еще больше ослабить эту раздѣльность или даже совсѣмъ ее уничтожить.

Въ новѣйшее время въ нашей литературѣ появилось небольшое изслѣдованіе г. С. Платонова—Замѣтки по исторіи московскихъ этихъ соборовъ [1]), въ которомъ находится довольно полный обзоръ сочиненій о земскихъ соборахъ, сдѣланъ очеркъ самыхъ этихъ соборовъ и даже приведены новыя данныя для исторіи нѣкорыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, для земскаго собора 1653 г. по дѣлу о присоединеніи Малороссіи.

Связавъ такъ крѣпко дѣятельность думы со всѣмъ кругомъ государственной московской дѣятельности, г. Ключевскій естественно долженъ былъ останавливать свое вниманіе на томъ, каковы были люди, двигавшіе этотъ сложный, по родамъ дѣлъ, правительственный механизмъ нашей старой Руси, и какими живыми узами они были связаны съ русскимъ обществомъ? На эти вопросы авторъ отвѣчаетъ во многихъ мѣстахъ своего труда талантливыми картинами, разрушающими въ корнѣ его собственное мнѣніе о рѣзкой раздѣльности думы и выборныхъ земли. Укажемъ на существенныя части нѣкоторыхъ изъ этихъ картинъ. Составивъ въ одномъ мѣстѣ какъ бы примѣрный послужной списокъ стольника и московскаго дворянина и показавъ разнообразнѣйшія обязанности, какія выпадали обыкновенно на долю этихъ чиновъ, пока они лѣтъ черезъ 30, иногда болѣе, иногда менѣе, добирались до думы, авторъ заключаетъ: „Такова была школа, сообщавшая политическую выправку древнерусскому государственному совѣтнику изъ природнаго боярства. Съ дѣтства онъ вращался во дворцѣ на глазахъ у государя, узнавалъ всѣ дворцовые покои, жилые и пріемные, „комнаты“ и „палаты“, узнавалъ людей, порядки и самъ становился всѣмъ извѣстенъ. Исполняя разнообразныя порученія правительства, онъ близко знакомился съ правительственнымъ механизмомъ и управляемымъ обществомъ, съ пріемами управленія. Въ думу вступалъ онъ „думцемъ и правителемъ“, которому, по выраженію боярина М. Г. Салтыкова, „московскіе обычаи были старовѣдомы“, съ большимъ навыкомъ

[1]) С.-Петер. 1883 г.

„во всѣхъ дѣлахъ“ [1]). Или въ другомъ мѣстѣ: „Вмѣстѣ съ государемъ они (члены думы) не только законодательствовали, но и правили обществомъ, не только опредѣляли общественныя отношенія, но и непосредственно на самыхъ мѣстахъ наблюдали за дѣйствіемъ своихъ опредѣленій. Словомъ, московскіе государственные совѣтники не только руководили всѣмъ правительственнымъ механизмомъ государства, но и главными его колесами. Потому думный человѣкъ дѣйствовалъ всюду, на самыхъ разнообразныхъ путяхъ государственнаго управленія, какъ и въ ходѣ церковной (центральной?) жизни, въ центрѣ, какъ (такъ?) и въ провинціи, въ гражданской администраціи и во главѣ полковъ“ [2])... „Двѣ правительственныя сферы всего чаще отвлекали членовъ думы отъ ихъ думныхъ занятій. Это было воеводство городовое и полковое“ [3])... „То и другое воеводство устанавливало постоянное и живое движеніе правительственнаго класса изъ столицы въ провинцію и обратно, и на этомъ движеніи держалась та московская политическая и административная централизація, въ дальнѣйшемъ развитіи которой XVIII вѣкъ, при всѣхъ своихъ средствахъ и усиліяхъ, сдѣлалъ очень мало успѣховъ, если только сдѣлалъ сколько нибудь. Въ этомъ движеніи боярская дума, дѣйствуя съ помощію необильнаго, даже скуднаго сравнительно административнаго персонала, ей подчиненнаго, имѣла значеніе главнаго твацкаго челнока, который, на основѣ національныхъ, церковныхъ и географическихъ связей, выводилъ рѣдкую и грубую, но крѣпкую и выносливую ткань государственнаго порядка, умѣвшую выдерживать общественныя потрясенія, какихъ не пришлось испытывать XVIII вѣку“ [4]).

Авторъ, очевидно, даетъ подобающее значеніе устойчивости московскаго строя. Но онъ, какъ тоже подобало, не закрываетъ глазъ и передъ его недостатками. Навыкъ, опытъ, говоритъ онъ, часто замѣняли „умъ, талантъ, размышленіе“ [5]), и затѣмъ показываетъ, какъ „новыя задачи правительства все настойчивѣе возбуждали потребность въ государственныхъ людяхъ съ умомъ, талантомъ и наклонностію къ размышленію“, и раскрываетъ тотъ путь, которымъ, въ силу этихъ потребностей, выходили на высоту

---

[1]) Стр. 402. [2]) Стр. 409. [3]) Стр. 412. [4]) Стр. 413. [5]) Стр. 402.

государственнаго служенія такіе люди, какъ Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ [1]).

Въ послѣдней, XXVI главѣ авторъ собираетъ существенныя, разсѣянныя въ его сочиненіи черты исторической жизни боярской думы, чтобы показать, что въ этомъ учрежденіи „отразился основной фактъ исторіи московскаго государства“. „Единственной постоянной опорой устройства и значенія боярской думы, какъ аристократическаго учрежденія былъ, по его мнѣнію, обычай, въ силу котораго государь призывалъ къ управленію людей боярскаго класса въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ“ [2]). „Крѣпость этого обычая создана была исторіей самого московскаго государства. Оно было не произведеніемъ какой либо политической теоріи, какъ смутно помышлялъ царь Иванъ Грозный, и не слѣдствіемъ удачнаго хищничества его предковъ, какъ рѣшительно утверждали его политическіе противники. Оно было дѣломъ народности, образовавшейся въ XV вѣкѣ въ области Оки и верхней Волги. Народность эта образовалась по отступленіи стариннаго русскаго населенія въ глубь нашей равнины съ южныхъ и югозападныхъ окраинъ передъ торжествовавшими врагами. Раздѣленная политически, угрожаемая гибелью съ разныхъ сторонъ и съ одной (татарской) разъ уже завоеванная, эта народность начала устрояться въ обширный лагерь. Средоточіемъ этого лагеря сталъ центральный городъ тогдашней Великороссіи, а вождемъ князь этого города. Всѣ національныя, церковныя, экономическія и другія условія, содѣйствовавшія государственному объединенію Великороссіи, связались съ судьбой Москвы только потому, что она была такимъ центральнымъ городомъ боевой, готовившейся къ борьбѣ Великороссіи XIV—XV вѣка, только благодаря ея стратегическому отношенію къ тогдашнему театру военныхъ дѣйствій“ [3]). Авторъ нашъ даетъ даже второстепенное значеніе дарованіямъ московскихъ князей. Вся сила московскаго государства была въ томъ, что „оно было народнымъ лагеремъ, образовавшимся изъ боевой Великороссіи Оки и верхней Волги и боровшимся на три фронта, восточный, южный и западный. Оно родилось на куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты“ [4]).

---

[1]) Стр. 402—407. [2]) Стр. 530. [3]) Стр. 531. [4]) Стр. 531.

Яркія краски этой картины, которую авторъ рисовалъ намъ и прежде, слѣдуетъ и здѣсь, какъ и тамъ, усилить. Народное, боевое государство московское, несомнѣнно заложенное преимущественными трудами великорусскаго племени, потому было крѣпко и разрослось, что всѣ русскія племена, не только великорусское, но и малорусское и бѣлорусское, смотрѣли на него просто какъ на русское, родное имъ, и всегда шли къ нему какъ къ своему родному, многообѣщавшему въ будущемъ. Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, смотрѣли на него истые малороссы—митрополитъ Петръ, знаменитый Боброкъ-Волынецъ, обѣлорусѣвшіе литвины Андрей и Димитрій Ольгердовичи и множество людей литовской Руси и княжескаго, и не княжескаго рода, и малороссійскаго и бѣлорусскаго племени.

Это то военное по происхожденію московское государство и устроилось по военному, полагаетъ авторъ, и въ основу его легло „дѣленіе общества на служилыхъ и неслужилыхъ". Это строевое общество составилось изъ прежнихъ удѣльныхъ военныхъ дворовъ, въ томъ числѣ и московскаго, съ вождями ихъ, во главѣ которыхъ былъ московскій князь, державшійся долго въ отношеніи къ нимъ договорнаго права и долго дававшій существовать ихъ особому военному распорядку и даже ихъ дворамъ. „Изъ сочетанія власти этого военноначальника съ правительственными понятіями и привычками хозяина—вотчинника удѣльныхъ вѣковъ и вышелъ, говоритъ авторъ, своеобразный политическій авторитетъ московскихъ государей, какъ онъ обнаружился въ правительственной практикѣ, а не какъ пытались его изобразить древнерусскіе публицисты, царственные и простые", т. е. Іоаннъ IV и его противники. „Неограниченно распоряжаясь лицами, эти государи въ дѣлахъ общаго порядка привыкли дѣйствовать вмѣстѣ и по совѣту съ потомками тѣхъ мѣстныхъ воеводъ, которые нѣкогда были военными товарищами ихъ предковъ" [1]). ...„Сначала эти военные совѣтники имѣли широкія правительственныя полномочія въ мѣстахъ расположенія своихъ удѣльныхъ дворовъ—остатокъ ихъ прежней удѣльной самостоятельности. Они и въ общемъ строѣ государственнаго управленія, т. е. лагерной и походной администраціи, разстанавливались по степени важности

[1]) Стр. 531—3.

своихъ мѣстныхъ полковъ, т. е. дворовъ, если были удѣльные князья, или по своему іерархическому положенію въ этихъ полкахъ, если были простые удѣльные бояре" [1]). Отсюда авторъ выводитъ, какъ естественное явленіе, мѣстничество. „Но потомъ съ военно-административной перестройкой государства и съ землевладѣльческой перестановкой титулованныхъ и простыхъ бояръ ихъ мѣстное полковое значеніе постепенно исчезло, прежнія политическія и экономическія связи порвались, удѣльные станы и усадьбы развалились" [2]). Затѣмъ слѣдовали разгромы Іоанна IV и смутнаго времени, такъ что, по автору, „боярство царя Алексѣя можно назвать въ полномъ смыслѣ слова аристократіей воспоминаній" [3]). „Такъ не боярство умерло потому, говоритъ ниже авторъ, что осталось безъ мѣстъ, чего оно боялось въ XVI в., а мѣста исчезли потому, что умерло боярство и некому стало сидѣть на нихъ" [4]). Авторъ заключаетъ эту печальную повѣсть слѣдующей, бьющей въ глаза картиной. „Если бы сторонній наблюдатель, не зная, что случилось съ боярствомъ, внимательно посмотрѣлъ на боярскую думу во второй половинѣ XVII вѣка, она показалась бы ему торжественной палатой, устроенной и убранной для великородныхъ и властныхъ посѣтителей, товарищей хозяина; но такіе посѣтители почему-то перестали являться въ палату, а пришли туда невзыскательные рабочіе люди, простые исполнители хозяйской воли, которымъ нужна была не такая палата, а простая рабочая канцелярія, „изба", какъ назывались приказы въ XVI в." [5]).

Можно предполагать, что если бы такой сторонній наблюдатель ознакомился съ исторіей этой думы по изслѣдованію г. Ключевскаго, то онъ все-таки не освободился бы отъ самаго докучливаго недоумѣнія: какимъ образомъ случилось такъ, что московское родовитое дерево, у котораго послѣ всѣхъ, ломавшихъ его бурь осталось все-таки не мало цѣлыхъ и здоровыхъ вѣтвей, не возросло вновь, и какимъ образомъ „невзыскательные, рабочіе люди",—приказные не знали такой ломки, а, напротивъ, возрастали и усиливались до такой степени, что смѣлѣе и смѣлѣе подходили къ „торжественной боярской палатѣ" и наконецъ совсѣмъ въ ней засѣли? Эти недоумѣнія можетъ разъяснить прежде

[1]) Стр. 533. [2]) Стр. 533. [3]) Стр. 535. [4]) Стр. 535. [5]) Стр. 536.

всего тщательно изслѣдованная исторія приказовъ. У г. Ключевскаго положено прекрасное начало для этой исторіи. Мы у него видимъ возникновеніе приказовъ и первоначальную зависимость отъ думы. Но ихъ развитія съ XVII в. и вторженія въ думу съ рѣшающимъ значеніемъ не видимъ. Объ этомъ тоже, какъ и по вопросу о земскихъ соборахъ, нельзя не жалѣть. Гдѣ только авторъ касается приказовъ, тамъ ясно видно, что это дѣло тоже вызывало его на архивныя изысканія и онъ обладаетъ богатыми данными. Затѣмъ, дѣйствительная смерть боярства находится въ связи не только съ исторіей приказовъ, но, какъ мы уже показывали, съ исторіей помѣстнаго права, а также съ исторіей нашего русскаго закрѣпощенія и холопства. Исторіи закрѣпощенія тоже нѣтъ у нашего автора, а что касается исторіи нашего русскаго холопства, то ея нѣтъ не только у нашего автора, но и ни у кого изъ нашихъ историковъ; даже мало надежды на скорое ея появленіе, такъ какъ дѣла холопьяго приказа истреблены въ стрѣлецкіе бунты 1682 г. и матеріалы для этой исторіи нужно собирать лишь по клочкамъ, сохранившимся по областнымъ архивамъ и въ другихъ памятникахъ.

Сочиненіе г. Ключевскаго — Боярская дума — есть новѣйшій крупный трудъ по русской исторіи. Въ немъ совмѣщены, какъ мы и показывали, и добытые уже прежде результаты нашей науки, и новыя пріобрѣтенія весьма цѣннаго свойства, привнесенныя самимъ авторомъ. Постараемся выдѣлить тѣ и другія.

Г. Ключевскій въ постановкѣ дѣла русской исторіи по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ ученикъ и послѣдователь С. М. Соловьева, но ученикъ и послѣдователь много работающій самъ и потому многое измѣнившій и въ фактической, и въ теоретической части труда своего учителя. Онъ подобно Соловьеву, сосредоточиваетъ культурное историческое движеніе Россіи въ верхней средѣ и и такъ же, какъ Соловьевъ, видитъ ослабленіе и ухудшеніе этого движенія съ усиленіемъ направленія русской колонизаціи на сѣверовостокъ Россіи. Но г. Ключевскій гораздо крѣпче и яснѣе Соловьева связываетъ правительственную культурность съ культурностію верхняго русскаго общества, и хотя, подобно Соловьеву, отрываетъ это общество отъ весьма важныхъ его проявленій, какъ вѣча, земскіе соборы, и кромѣ древнихъ временъ, проходитъ молчаніемъ русскую общину и ея историческій трудъ въ дѣлѣ рус-

ской культуры, но гораздо больше Соловьева связываетъ правительственный русскій классъ съ русскимъ обществомъ вообще и даже съ русскимъ простымъ народомъ. Точно также, положеніе Соловьева о большомъ вліяніи природы на развитіе русской цивилизаціи у г. Ключевскаго развито гораздо больше. Въ этомъ отношеніи онъ даетъ даже новое и весьма важное разъясненіе экономическихъ переворотовъ въ исторической судьбѣ правящихъ и неправящихъ русскихъ классовъ, причемъ, у него выступаетъ съ особенною яркостію не только зависимость отъ этихъ переворотовъ правительственнаго значенія высшихъ классовъ русскаго общества, но и рѣшающее въ этомъ отношеніи значеніе простого народа[1]).

Слѣдуя своему обычному пріему — снимать позднѣйшія или вообще посторонния для его задачи наслоенія въ историческихъ данныхъ, историческихъ явленіяхъ, авторъ отдѣляетъ въ предметѣ своихъ изысканій временныя, случайныя вліянія и представляетъ намъ обыденный, обычный строй жизни боярской думы. Это привело, какъ мы уже знаемъ, и къ нѣкоторымъ ошибочнымъ результатамъ, но привело также и къ такимъ результатамъ, которые нужно признать драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей науки.

---

[1]) Въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за настоящій (1884) годъ въ сентябрской книжкѣ появился обстоятельный разборъ сочиненія г. Ключевскаго — Боярская дума, составленный А. И. Левицкимъ (напечатана еще только часть этого разбора) Г. Левицкій совершенно справедливо укоряетъ автора за отсутствіе въ его сочиненіи литературы предмета, особенно въ отдѣлѣ о русскихъ древностяхъ. Тутъ, очевидно, пріемъ С. М. Соловьева, который, какъ извѣстно, ограничивается указаніемъ только первоисточниковъ. Г. Ключевскій даже съузилъ этотъ пріемъ и нерѣдко соединяетъ въ одно примѣчаніе источники, относящіеся къ разнымъ мѣстамъ главы сочиненія, за что въ свое время сильно осуждали критики С. М. Соловьева. Но справедливость требуетъ сказать, что въ особыхъ изданіяхъ Боярской думы больше указаній источниковъ, чѣмъ въ изданіи сочиненія въ Русской Мысли. Затѣмъ, нужно сказать, что если бы г. Ключевскій въ отдѣлѣ о русскихъ древностяхъ сталъ указывать литературу предмета, то ему пришлось бы написать второй Каспій гг. Куника и Дорна, т. е. книгу въ три раза большую книги Боярская дума. Авторъ, видно, самъ видѣлъ необходимость новой аргументаціи этой части и, вѣроятно, потому выбросилъ ее почти всю въ новыхъ своихъ изданіяхъ и только ссылается на нее по изданію Русской Мысли. Весьма желательна дальнѣйшая разработка этой части. Въ вопросахъ о городахъ, погостѣ, верви у г. Ключевскаго есть не мало основательныхъ вещей. Г. Левицкій старается еще ниспровергнуть попытку автора уловить смыслъ того, почему такія или другія лица поименованы въ грамотахъ князей удѣльнаго времени. Нѣтъ ничего легче возражать противъ этого; но необычайно трудно и важно дѣлать то, что дѣлаетъ здѣсь г. Ключевскій, т. е. вносить свѣтъ въ этотъ мракъ нашей старины.

Ни въ какомъ другомъ новѣйшемъ сочиненіи по русской исторіи не раскрыта съ такою обстоятельностію и убѣдительностію разумность и цѣлесообразность правительственнаго склада нашей древней Руси, какъ въ Боярской Думѣ г. Ключевскаго. Нашимъ русскимъ западникамъ, привыкшимъ видѣть въ нашей старой Руси одно варварство, приходится послѣ этого сочиненія сомкнуть свои уста по многочисленнымъ вопросамъ этого рода, и сомкнуть тѣмъ крѣпче, что самъ г. Ключевскій не мало сгустилъ историческихъ красокъ для изображенія этого самаго варварства; однако, при всемъ томъ показываетъ, что какой нибудь удѣльный князь сѣверовосточной Руси,—настоящій мужикъ, какъ однажды выразился авторъ, поступаетъ весьма разумно въ своей правительственной средѣ и что даже невообразимая, повидимому, пестрота и спутанность разнородныхъ земельныхъ единицъ его княжества имѣли свой смыслъ и разумность. Но въ трудѣ г. Ключевскаго есть еще болѣе важная особенность.

Въ обыденномъ, обычномъ строѣ исторической жизни думы отсутствуетъ политика съ ея раздирающими партіями и ихъ страстями, и царствуютъ: тѣснѣйшее единеніе думы съ верховною властію государя и совершенное спокойствіе и правда въ рѣшеніи русскихъ дѣлъ. Въ этомъ строѣ никнутъ даже ужасы времени Грознаго и раздражающее вторженіе въ боярскую, аристократическую думу худородныхъ людей. Во всемъ этомъ весьма много трагизма, далеко не раскрытаго авторомъ, но еще больше историческаго, народнаго величія боярской думы, талантливо подмѣченнаго и раскрытаго г. Ключевскимъ.

Когда мы вдумываемся въ эту часть изысканій г. Ключевскаго, то невольно приходится забывать, что это писалъ одинъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ учениковъ С. М. Соловьева, а представляется, что это писалъ одинъ изъ давнихъ и постоянныхъ сотрудниковъ въ изданіяхъ общепризнаннаго нынѣ главы русскихъ славянофиловъ И. С. Аксакова.

Намъ извѣстно, что такое новѣйшее явленіе въ исторіи нашей науки имѣетъ не мало аналогическихъ себѣ явленій въ трудахъ другихъ нашихъ историковъ. Мы знаемъ, что и болѣе видные изъ нашихъ русскихъ юристовъ приходили къ выводамъ славянофиловъ. Мы знаемъ, что вновь поставленный вопросъ о научности, объективности въ трудахъ К. Н. Бестужева-Рюмина и

Е. Е. Замысловскаго привелъ ихъ къ тому-же рубежу и нерѣдко заставляетъ и переходить его. Мы знаемъ, что даже С. М. Соловьевъ въ концѣ концевъ вступилъ на туже дорогу. Теперь мы видимъ, что его ученикъ и преемникъ по каѳедрѣ входитъ въ туже славянофильскую область, несмотря на вѣрность своему учителю по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ и несмотря даже на собственное, заявленное въ началѣ труда, желаніе стоять выше и западнической и славянофильской теорій. Надъ всѣмъ этимъ стоитъ задуматься и молодымъ и старымъ русскимъ историкамъ, а еще больше слѣдуетъ имъ задуматься надъ тѣмъ, сколько напряженныхъ усилій, сколько самоотверженнаго труда, нерѣдко съ невознаградимыми потерями, положено русскими историками на то, чтобы пробиться къ русскому разумѣнію своей исторіи, которое и прежде нерѣдко оказывалось болѣе научнымъ разумѣніемъ, а теперь, по всей справедливости, можетъ быть признаваемо уже и научнымъ русскимъ торжествомъ. Русское самосознаніе можетъ теперь опираться не только на родное чувство, но и на основанія научныя.

Заканчивая мой курсъ исторіи науки русской исторіи, я обыкновенно прочитывалъ моимъ студентамъ списокъ моихъ сочиненій и изданій, удерживаясь, конечно, отъ всякихъ сужденій объ нихъ. Прилагаю его и здѣсь.

1858 г. Разборъ сочиненія Вердье о началѣ католичества въ Россіи (напеч. въ Христ. чтеніи за этотъ годъ, ч. I, стр. 33 и 185).

1859 г. Литовская церковная унія, т. первый.

1862 г. Литовская церковная унія, т. второй.

1862 г. Лекціи о западнорусскихъ церковныхъ братствахъ.

1864 г. Лекціи по исторіи западной Россіи. Въ концѣ прошедшаго 1883 г. напечатано новое, переработанное изданіе этихъ лекцій подъ заглавіемъ: Чтенія по исторіи западной Россіи. Въ настоящемъ году изданы третье и четвертое изданіе этихъ чтеній. Ко всѣмъ новымъ изданіямъ приложена этнографическая карта съ поясненіями ея.

1865 г. Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ восточной Россіи и къ Польшѣ. Изданы по порученію Археографической коммиссіи съ переводомъ на французскій языкъ.

1867 г. Лѣтопись осады Пскова Баторіемъ. Издана по порученію Академіи Наукъ.

1869 г. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. Изданъ по порученію Археографической коммиссіи по двумъ редакціямъ и съ переводомъ на русскій языкъ.

1872 г. Русская историческая библіотека, т. первый. Издана по порученію Археографической коммиссіи. Въ этомъ изданіи польскіе дневники смутнаго времени. Изданы съ переводомъ на русскій языкъ.

1873 г. Исторія возсоединенія уніатовъ старыхъ временъ, до 1800 г.

1874 г. Вторая половина выпуска Макарьевскихъ четьихъ миней, мѣсяцъ октябрь съ 4 по 19 число.

1880 г. Конецъ мѣсяца октября Макарьевскихъ четьихъ миней съ 19 по 31 число. Оба выпуска изданы по порученію Археографической коммиссіи. Въ обоихъ изъ нихъ, особенно во второмъ, текстъ Макарьевскихъ четьихъ миней сличенъ съ имѣющимися греческими и латинскими подлинниками и съ болѣе древними русскими рукописями новгородской и кирилло-бѣлозерской библіотеки, хранящимися въ петербургской духовной академіи.

1880 г. Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія русской государственности въ смутныя времена. Напечатано въ Христ. чтеніи за этотъ годъ и въ небольшомъ числѣ оттисковъ.

1880 г. Куликовская битва. Напечатано въ Церк. Вѣстн. за этотъ годъ (№ 39) и въ небольшомъ числѣ оттисковъ.

1883 г. Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности,—публичная лекція, сказанная въ Славянскомъ обществѣ [1]).

[1]) Статьи по разнымъ вопросамъ вообще русской исторіи и въ особенности по западнорусской исторіи и жизни, я помѣщалъ въ Журналѣ министерства народн. просвѣщенія, въ періодическихъ изданіяхъ И. С. Аксакова, въ Русскомъ Инвалидѣ за 1863—64 гг., въ газетѣ Новое Время и, какъ указано, въ изданіяхъ петерб. духовной академіи — Христіанскомъ Чтеніи и Церковномъ Вѣстникѣ. Всѣ мои статьи подписаны моей фамиліей, кромѣ трехъ четырехъ, явившихся безъ подписи. Изъ нихъ только одна (о своекоштныхъ студентахъ,—въ Днѣ) не подписана по моему желанію.

УКАЗАТЕЛЬ.*)

*) Въ указатель внесены только личныя имена, что вызвано самымъ свойствомъ сочиненія. Знакъ — , стоящій между числами, показываетъ, что тамъ разсматривается сочиненіе писателя. Случаи, когда этотъ знакъ показываетъ переносъ имени съ одной страницы на другую, весьма рѣдки.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 2—3, примѣч. 5, № 5. Вышелъ изъ печати второй выпускъ 2 части исторіи словесности профессора Порфирьева, обнимающій время Екатерины II.

Стр. 4. Вышелъ изъ печати четвертый томъ библіографіи, составляемой г. Межовымъ; заключаетъ въ себѣ исторію русской словесности и языка.

Стр. 43. XI. Въ настоящемъ году вышли 8 и 9 томы Русской исторической библіотеки.

Стр. 43. XII. Вышелъ изъ печати седьмой выпускъ Лѣтописи занятій археографической комиссіи.

Стр. 44. Кіевская археографическая комиссія издала еще два тома указателя къ ея изданіямъ,—именъ личныхъ и географическихъ. Первый изд. въ 1878 г., второй — въ 1882 г.

Стр. 45, прим. 1. Духовныя посланія изслѣдованы въ сочиненіи профессора П. Ѳ. Николаевскаго — Русская проповѣдь въ XV и XVI стол. С.-Петербургъ. 1868 г. (Напечатано въ Ж. м. нар. просв. за этотъ годъ.)

Стр. 86, прим. 2. Новое изданіе сочиненія Котошихина уже вышло изъ печати.

Стр. 125, прим. 3. Автобіографія Шлецера переведена на русскій языкъ и издана въ XIII т. Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ.

Стр. 133 и далѣе. О Болтинѣ есть обстоятельное и подробное изслѣдованіе М. И. Сухомлинова въ пятомъ выпускѣ исторіи россійской академіи, на стр. 62—296 и 317—432.

Стр. 144. Сочиненіе Голикова: Дѣянія Петра Великаго съ дополненіями, 30 частей. М. 1788—1797 г.

Стр. 271, прим. 2. Пропущено указаніе сочиненія Н. В. Калачова. Оно издано въ 1864 г. подъ заглавіемъ: Артели въ древней Россіи.

Стр. 273. Г. Владимірскій-Будановъ — нынѣ профессоромъ въ кіевскомъ университетѣ.

Стр. 346, прим. 2. Г. Цвѣтаевъ печатаетъ и памятники къ исторіи протестантства въ Россіи въ Чтеніяхъ м. общ. ист. и древн. 1883 г. кн. 3.

Стр. 375. О Павлѣ Петровичѣ есть обстоятельное изслѣдованіе г. Кобеко (первое изд. 1882 г., второе 1883 г.) подъ заглавіемъ: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796 г.). Царствованіе Павла Петровича изложено въ I т. сочиненія генерала Богдановича: Исторія царствованія императора Александра I.

Стр. 432. Разборъ Л. Н. Майковымъ сочиненія Н. П. Барсова напечатанъ

въ 1874 г. подъ заглавіемъ: Замѣтки по географіи древней Руси. По поводу сочиненія: Очерки русской исторической географіи.

Стр. 418—420. Покойный Щаповъ писалъ много. Не мало статей его помѣщено въ Православномъ Собесѣдникѣ, въ Запискахъ географическаго общества, въ Отечественныхъ запискахъ. Самое обработанное его сочиненіе—Русскій расколъ старообрядства, изд. въ 1859 г.

Стр. 513. Касательно выясненія достоинства русской церковной власти у насъ есть изслѣдованіе профессора П. Ѳ. Николаевскаго подъ заглавіемъ: Учрежденіе патріаршества въ Россіи. С.-Петербургъ. 1880 г. (напечатано въ Христ. Чт. за этотъ годъ). Писано на основаніи рукописей, разсмотрѣнныхъ съ большею обстоятельностію, чѣмъ у м. Макарія.

Стр. 588. Въ годичномъ собраніи академіи наукъ Н. В. Калачовъ сказалъ рѣчь о боярской думѣ московскаго государства. Рѣчь была напечатана въ 9 и 10 №№ (1884 г.) «Правительственнаго Вѣстника». Въ 19 № газеты «Русь» за настоящій (1884 г.) помѣщено извѣстіе, что правительствомъ назначены средства на изданіе Н. В. Калачовымъ памятниковъ дѣлопроизводства до-петровской боярской думы.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ОТР.	СТРОКА.	*Напечатано:*	*Нужно:*
8	13 снизу	увѣчанное	увѣнчанное
16	2 —	Евстраній	Евстратій
18	17 сверху	недоумѣненіе	недоумѣніе
29	13 снизу	онъ	она.
44	9 —	Гродно, Ковно	Ковна, Трокъ
80	16 сверху	езмлѣ	землѣ
92	2 —	сокровищъ, историческаго знанія	сокровищъ историческаго знанія
101	14 —	ближе	больше
197	17 снизу	первые времена	первыя времена
212	8 сверху	Самостоятельнымъ	Самостоятельною
254	18 —	наймитивъ, закунней	наймитовъ, закупней
274	3 —	Е. И.	И. Е.
286	2 снизу	земствъ	членовъ
310	19—18 снизу	западыя	западныя
392	8 —	положеніи	положеніе
397	2 —	народамъ	народомъ
398	9 сверху	времени [1])	времени [1])»
459	21 снизу	само собою	сами собою
520	2 —	новѣйшія	главнѣйшія
527	3 —	надъ	подъ
539	18 —	договоры	договоръ
—	16 —	призванія	призванныхъ
551	14 снизу	чины сопровождавшія	чины, сопровождавшіе
570	17—16 снизу	подступами	подступали.

3 2044 014 287 338